Наш современник 2010 № 11

Содержание

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

УЧРЕДИТЕЛИ:

Союз писателей России
ООО "ИПО писателей"

Международный фонд
славянской письменности
и культуры

Издается с 1956 года

Главный редактор
Станислав КУНЯЕВ

Общественный совет:

В. И. БЕЛОВ,
Ю. В. БОНДАРЕВ,
В. Г. БОНДАРЕНКО,
А. В. ВОРОНЦОВ,
В. Н. ГАНИЧЕВ,
Г. Я. ГОРБОВСКИЙ,
Г. М. ГУСЕВ,
Т. В. ДОРОНИНА,
С. Н. ЕСИН,
Л. Г. ИВАШОВ,
С. Г. КАРА-МУРЗА,
В. Н. КРУПИН,
А. Н. КРУТОВ,
А. А. ЛИХАНОВ,
М. П. ЛОБАНОВ,
С. А. НЕБОЛЬСИН,
И. И. ПЕРЕВЕРЗИН,
В. Д. ПОПОВ,
В. Г. РАСПУТИН,
Е. С. САВЧЕНКО,
А. Ю. СЕГЕНЬ,
С. Н. СЕМАНОВ,
В. В. СОРОКИН,
С. А. СЫРНЕВА,
А. Ю. УБОГИЙ,
Р. М. ХАРИС,
М. А. ЧВАНОВ

Проза

Евгений КУЗНЕЦОВ
Русские. Рассказы **6**

Александр УЛЬЯНОВ
Неприкаянные души. Рассказ **17**

Пётр СТОЛПОВСКИЙ
Всех обхитрил. Рассказы **29**

Елена КОЗЛОВА
Над обрывом плакала гармонь
Рассказ **43**

Алексей ПОПОВ
Странный человек. Рассказ **56**

Григорий СПИЧАК
Тринадцатый вагон. Рассказы **61**

Сергей РУЛЁВ
Подвал. Рассказ **69**

Сергей ГЕРМАН
Дорога с войны. Рассказы **78**

Елена ЖАРНИКОВА
Путём разведки. Рассказы **88**

Поэзия

Надежда МИРОШНИЧЕНКО
Я боюсь тебя потерять **3**

Инга КАРАБИНСКАЯ
Нитка следов
до самого поворота... ..... **13**

Андрей ПОПОВ
Ах, Родина!
Грядущее в тумане... ..... **26**

Александр СУВОРОВ
Выхожу
в открытое пространство... ..... **40**

Поэтическая мозаика **51**

Владимир ПОДЛУЗСКИЙ
Прощай, натруженная песня **67**

Анатолий ОБЪЕДКОВ
И жизнь, как небо, глубока... ..... **75**

Очерк и публицистика

Владимир ОВЧИНСКИЙ
"Черный ящик"
войны с терроризмом **121**

"И снова Катынь..."
(Предисловие В. Илюхина) **132**

Николай РЫЖКОВ
СССР и Германия:
битва экономик **161**

© "Наш современник", 2010

МОСКВА

Р е д а к ц и я

Приемная —
(495) 621-48-71

А. И. Казинцев —
***зам. главного редактора* —**
(495) 625-01-81

Е. В. Шишкин —
***зав. отделом прозы* —**
(495) 625-30-47

С. С. Куняев —
***зав. отделом критики, отдел поэзии* —**
(495) 625-02-81

***Отдел публицистики* —**
(495) 625-30-47

Н. С. Соколова —
***зав. редакцией* —**
(495) 621-48-71,
факс (495) 625-01-71

Г. В. Мараканов —
***зав. техническим центром* —**
(495) 621-43-59

М. А. Чуприкова —
***гл. бухгалтер* —**
(495) 625-89-95

Владислав ШАПОВАЛОВ
Заветное 185

Дневник современника

Александр КАЗИНЦЕВ
Поезд убирается в тупик 95

Из истории русской мысли

Алексей КОНДРАТЕНКО
Автор “России и Европы” 195

Наша Москва

Владимир РУГА,
Андрей КОКОРЕВ
Развлечения 209

Память

Станислав КУНЯЕВ
Крушение великой иллюзии 226

Критика

Валерий ГАНИЧЕВ
Народный писатель
(О Василии Белове) **..... 229**

Сергей НЕБОЛЬСИН
Ясная Поляна в 1950 году 233

о. Валентин СВЕНЦИЦКИЙ
Куда уехал Лев Толстой?
С предисловием С. В. Черткова **.. 238**

Дмитрий УРНОВ
На противоположной прямой, или памяти
профессора Симмонса 262

Валентин ГАВРИЛОВ
Угроза гибели “экологии культуры”
Проблемы музея-заповедника С. А. Есенина **..... 278**

Редакция внимательно знакомится с письмами читателей и регулярно публикует лучшие, наиболее интересные из них в обширных подборках не реже двух раз в год. Каждая рукопись внимательно рассматривается и может, по желанию автора, быть возвращена ему редакцией при условии, что объем рукописи по прозе — не менее 10 а. л., поэзии — 5 а. л., публицистике — 3 а. л. Срок хранения рукописей прозы 2 года, поэзии и публицистики — 1,5 года. За достоверность фактов несут ответственность авторы статей. Их мнения могут не совпадать с точкой зрения редакции.

Компьютерная вёрстка: Г. В. Мараканов
Операторы: Ю. Г. Бобкова, Е. Я. Закирова, Н. С. Полякова
Корректор: С. А. Артамонова

Зарегистрирован Мининформпечати Российской Федерации 20.06.03. ПИ № 77-15675.
Сдано в набор 10.10.10. Подписано в печать 01.11.10. Формат 70x108 1/16. Бумага газетная.
Офсетная печать. Усл. печ. л. 25,3. Уч.-изд. л. 23,7. Заказ № 4068. Тираж 9000 экз.
Адрес редакции: Москва, 127051, Цветной бульвар, д. 32, стр. 2.

Адрес журнала в интернете: www.nash-sovremennik.ru
E-mail: n-sovrem@yandex.ru
(Рукописи по e-mail не принимаются)

Отпечатано в типографии ОАО “Издательский дом “Красная звезда”,
123007, г. Москва, Хорошевское шоссе, 38. www.redstarph.ru

НАДЕЖДА МИРОШНИЧЕНКО

Я БОЮСЬ ТЕБЯ ПОТЕРЯТЬ

* * *

Сыктывкарскому поэту
Андрею Попову

Провинция, люби меня сейчас.
Уже сейчас мою ты знаешь цену.
Зачем же тебе нужен непременно
Последний день мой и последний час?

Люби меня, провинция, теперь,
Пока я молод и прекрасен тоже.
Я буду старым. Это мне поможет.
Но столько ждать не в силах я, поверь.

Провинция, а я тебя люблю.
Я каждой кочке рад твоей и строчке:
Березе белой в сереньком платочке
И этому глухому глухарю.

Я сын твой, мать-провинция. И враз
Забуду я обиды и напасти,
Когда бы мог к твоей руке припасть я.
Люби меня, провинция, сейчас.

МИРОШНИЧЕНКО Надежда Александровна родилась в Москве. Окончила педагогический институт. Автор книг стихотворений "Назовите меня по имени", "Хочется счастья", "Отрывок", "Зачем не сберегли?" и других. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

* * *

Я тебя не забуду. А ты, если хочешь, забудь.
Слишком холодно светит Полярная наша звезда.
Слишком короток в жизни ее человеческий путь.
Хорошо уж и то, что бывает любовь иногда.

Я тебя не увижу. А видеть еще захочу.
Слишком сумрачно длится на свете полярная ночь.
Не приду. Не окликну. А все-таки не отпущу,
Потому что бывает такое, что не превозмочь.

Вот и бродят по свету, как бред, голоса-голоса.
Вот и стал он тернистым, назначенный загодя путь.
Вот и просятся-просятся души скорей в небеса.
Я тебя не забуду. А ты, если хочешь, забудь.

Я тебя не прощаю. А ты, если хочешь, прости.
Разве мало на свете подобия и перемен.
Я тебе обещаю сквозь целую жизнь пронести
Наши редкие встречи, достойные редких измен.

* * *

Скажи мне, птица, ты зачем летаешь?
По зернышку в полете собираешь?
По перышку теряешь? Надорвешься.
Ты не боишься, что с пути собьешься?
И правда ли нужны твои нам речи?
Зачем поешь ты так по-человечьи?!

* * *

Остались в прошлом теплые моря,
Даль затуманив, солнцем залитую.
Ты наступила, Белая земля.
И я забыла землю Золотую.

Мне выпал в мире самый трудный цвет.
Он свадьбы цвет и праздничного хлеба.
Он цвет последних в нашей жизни лет.
И цвет звезды на черной плахе неба.

Как я люблю угадывать страниц
Никем еще невиданные знаки.
Как лист невинен без имен и лиц.
Как он исполнен страха и отваги.

Мы все когда-то начали с нуля.
А оказалось: начинали с детства.
Ты наступила, Белая земля,
Земля печали и добрососедства.

А Север знает: плата велика
За белый цвет. И белыми ночами
На белый свет взирает свысока
Своими неподкупными очами.

* * *

Анатолию Федулову

Я боюсь тебя потерять: оборвутся ли провода,
Упадет ли камень с горы, загорится ли самолет...
Я боюсь тебя потерять по нелепости, навсегда.
То ли компас, то ли звезда, то ли палуба подведет.

Я боюсь тебя потерять. Так над замыслами дрожат.
Так ребенка любить спешат, не родившегося еще.
Я боюсь тебя потерять. Как мятежна твоя душа!
Перемелется, говорят. Перемолотые — не в счет.

Неприкаянно и светло я живу возле глаз твоих,
То ли девочка, то ли мать. Объясняют — не объяснят.
Я боюсь тебя потерять. Мне отчаянно повезло.
Видишь, как далеко зашло. Ты, пожалуй, и сам не рад.

ЕВГЕНИЙ КУЗНЕЦОВ

РУССКИЕ

РАССКАЗ

Василий Семенович, лежа на диване и свесив ногу, стучит по полу пяткой в двух, что знает Ольга Васильевна, случаях: или когда пропадает звук в телевизоре — чтоб тряхнуть его, или когда показывают вожака "левых сил" — чтобы жена, если руки не заняты, пришла с кухни тоже послушать и посмотреть.

Нынче, в самом деле, чуть не все на свете стало такое "новое", что даже газету они выносят читать только одну, да и ее, с таким-то вот названием, наказывают дочери брать для них в киосках, и та, когда не забывает купить, привозит по выходным, если сама еще соберется, из города… Все до единого номера этой газеты они согласованно складывают в одном месте на комоде в растущую пачку, и когда захочется что-нибудь почитать, вытаскивают из той пачки или из верха ее, или из низа, все равно — лишь бы потом вложить точно и не путать порядок номеров. Не берут, конечно, с комода ни где постелить на мокрое, ни что завернуть; для такого обихода выписана газета местная, дешевая самая (в которой, кстати, есть и телепрограмма).

Когда же на экране появляется кто-то из нынешнего главного руководства, и само собой и прежде всего — президент, они, до того молчавшие, вдруг начинают, ни кому не обращаясь, громко говорить — лишь бы что-то вслух и громко говорить, несмотря ни на какое свое здоровье и состояние…

КУЗНЕЦОВ Евгений Владимирович родился в 1953 году в деревне Костино Рыбинского района Ярославской области. Работал на заводе, служил в армии. Окончил Ярославский государственный университет, факультет истории и права, отделение правоведения. Работал следователем в милиции. Автор книг "Молчаливая история", "Чернила в бокале" и других. Член Союза писателей России. Живет в Ярославле.

Ольга Васильевна часто даже встает в сердцах и уходит на кухню:

— Глаза бы не смотрели!

Василий Семенович в таких случаях шевелится, для солидарности, на диване:

— Ну чего заявился?!..

Но куда же без телевизора, пусть и этого полусломанного, даже в полдневную жару денешься: в комнате хоть не печет, а двери, чтоб дом дышал, открыты настежь и с крыльца на улицу, и из коридора, с занавеской от мух, на крыльце.

Поминают они так же громко президента и, если кто зайдет, при соседях; тех это просто веселит: про задержки с пенсиями, с зарплатами, про митинги и забастовки и так все знают, а им, "учителям", бывшим воспитателям здешнего детского дома, не только грубо, но и вовсе бы ругать руководство не к лицу.

И было, в среду или в четверг, время обычное теленовостей и время как раз обед собирать...

Вдруг — вдруг словно весь яркий летний день влетел в дом: нарядная... шикарная, в легком июльском платье, женщина... дама, в огромной светлой шляпе, влилась в комнату и, покрыв половину пола целой лужайкой цветастого подола, присела перед диваном на корточки!..

— Василий Семенович!.. Василий Семенович...

Василий Семенович лишь вытаращил, сам чувствуя это, глаза в очках... Вспомнил вмиг, что, и правда, не заперто... что жена на кухне... вспомнил, что, и правда, секунду назад какое-то скорое и легкое цоканье слышалось в прихожей...

А она, пышная, радужная, — она перед ним просто сидела, плакала и смеялась...

Ни с каким звуком не сравним был тот легкий и четкий приближающийся пульс через прихожую, ни с каким запахом не сравним был теперь этот аромат чего-то и близкого, и как бы неведомого...

Василий Семенович наконец медленно поджал свешенную ногу в рваном носке сколько можно под диван.

Вторую его ногу, которую он стал мечтать подтянуть под себя, сжимали белые ручки в кольцах, в перстнях, в браслетах...

— Не узнаете?.. Не узнаете...

Василий Семенович, догадавшись чуть осмелеть, церемонно сцепил руки пальцами на груди: давно же у них не бывало бывших воспитанников...

— Я — Полякова...

На ее фамилию, такую вроде бы знакомую и вместе с тем такую новую, тоже легкую, как и ее шаги, летнюю, пахну́вшую в дом и тот аромат духов, и какую-то свободу, радость, и ценность чего-то чужого, подалась из кухни к комнате и Ольга Васильевна. Увидела она еще через дверь гостью — и прежде всего застыдилась, что из-за солнца, мешавшего днем смотреть телевизор, на окнах закрыты занавески...

— Полякова я... Полина... Ольга Васильевна!.. Вспомнили?..

Она встала, такая... такая роскошная...

Василий Семенович и Ольга Васильевна одновременно прокашлялись... Василий Семенович стал, в конце концов, подыматься, а Ольга Васильевна вошла, сцепив пальцы на животе, в комнату.

Легкая яркая женщина, чуть полная, с глазами красивыми карими, с пышными волосами каштановыми, в платье легком тонком, свободные рукава которого то и дело падали к плечам, оголяя все целиком белые гладкие руки без загара, едва она трогала свою огромную соломенную шляпу с яркой лентой от тульи и бантом на белом подбородке, с цепочкой на белой шее... И какая-то праздничная чужая неожиданность таилась во всей в ней — будто вот-вот, едва она вскинет опять руки, вместе с рукавами соскользнет с нее и все платье...

Полякова, как же... Сопливая, с раздутыми красными ноздрями... Сутулая, скованная, иногда дерзкая... "Троешница", однако крепкая... В типовой, что ей мала и что еще больше ее сутулит, делая словно бы без шеи,

форме… С наскоро обтяпанными, чем короче — тем лучше, волосами… Даже такая карточка ее была, где она, в очередь, сфотографирована под лозунгом "Счастье в труде"…

Она сейчас тут не осматривалась, не спрашивала, не рассказывала — будто все обо всем знала и одним своим радостным видом как бы призывала вмиг узнать о ней все. Только не сводила глаз с Василия Семеновича и Ольги Васильевны.

— Пойдемте же на улицу!

И сама пошла скорее первая, оглядываясь, зовя улыбкой.

На лавочке у дома, на самом солнце, Василий Семенович и Ольга Васильевна сидели рядом, что редко бывало, и прямо, словно только что приехали откуда-то куда-то, и глядели на нее из-под руки… И стеснялись… стыдились назвать ее по имени, будто боялись его с ходу верно выговорить… Раньше ведь, в детском доме, —всех только по фамилии и громко:

— А Поля-кова где?!..

Она же стояла перед ними посреди двора спиной к солнцу и была, в своем платье, которое сильно просвечивало в рукавах и в подоле, частью этого оранжевого, голубого, зеленого, словно только что сюда откуда-то упавшего лучезарного дня.

И опять — только смотрела прямо и весело на них.

Василий Семенович и Ольга Васильевна, чувствуя это друг за друга, вдруг устали…

Ольга Васильевна, всегда в таких случаях знавшая лучше мужа, как себя вести, все переворачивала, как бы озабоченно, руку над глазами ладошкой то вверх, то вниз и спрашивала недомашним голоском:

— Ну хоть как?.. Что?.. Где работаешь?..

А она — она просто махнула улыбкой в сторону шоссе.

И она — улетела.

Василий Семенович и Ольга Васильевна, ничего не говоря, чуть покачиваясь от усталости, поплелись к дому…

Василий Семенович дерзнул снять с себя шляпу только у крыльца.

Телевизор в полумраке все так же звучал… Василий Семенович, не чувствуя на этот раз своей вины в том, что телевизор оставлен был без присмотра, выключил его…

В комнате после гостьи стало как-то пусто, пожалуй, действительно сумрачно, на все смотрелось какими-то новыми глазами… Думалось виновато: вдруг бы тут воспитанница стала осматриваться, когда вошла… Что же у них тут главное… Ну не телевизор, конечно…

Василий Семенович, не глянув ни на часы, ни в программу, пошел на кухню к Ольге Васильевне.

Оказалось, давно бы пора отобедать.

В зале у них, в передней, на самом видном месте, между окон лицевых, висит на золотой плетеной веревочке вымпел, каких нынче не так просто и найти: алый, с кистями золотыми по краям, с вышитыми по нему золотыми словами славы, которых не видно, так как на вымпеле тесно приколота целая гирлянда медалей… боевых, трудовых…

Висит этот вымпел с горстью медалей давно… И не раз случалось, что кто-нибудь, не часто у них бывая, не видя той надписи о славе, интересовался, где они такую удобную тряпицу нашли для медалей…

Еще давнее, раньше, когда-то, до телевизоров еще, писал Василий Семенович картины маслом, украшая свой дом таким редким убранством… С кухни другая картина давно вынесена на чердак. А про эту в передней, под длинным вымпелом, как-то забылось… Даже и сами хозяева не обращают внимания на чуть видные под вымпелом босые девочкины ноги… Скорее кто чужой вдруг, увидев эти ножки в траве на бревнышке, что ли, начнет от нечего делать гадать, что это за картина —скопированная когда-то Василием Семеновичем с почтовой открытки, как он помнит, с названием "Бегущие от грозы"…

Ценность сегодняшнюю, шляпу, шляпу этакую, убрали на шифоньер — подарить, как приедет, дочери.

Вечером, светлым еще, теплым, душным — таким нынче немногословным, грустным, тоже непонятным, — когда Василий Семенович, впрочем, досматривал новости, Ольга Васильевна, как и обычно для этого часа, стала в спальне ложиться…

Только тут они увидели против своего дома автомашину, огромную, овальную, серую, на вид легкую… Окна в машине были словно бы изнутри закопченные, за ними ведь, наверно, кто-то был… И стало им опять вдруг и странно, и жутко — так же, как было в первый миг в комнате: она, в своем этом платье, в своей этой шляпе, к которым они уже чуть попривыкли, и эта приземистая машина неведомой марки, пожалуй, и в самом деле — одно и то же…

Она же, все улыбаясь и улыбаясь, сказала только об одном — и притом как о событии, которое и без всяких слов на уме у всех и каждого: да хочет, мол, мужу показать, где прошло ее детство.

И стояла вольно, нетерпеливо, подымаясь на носки — будто ждала сию минуту музыку, чтобы затанцевать… Даже присесть на скамейку рядом пригласить ее было странно, неуместно… Вопросы короткие корявые она словно бы не слышала, а сама, сквозь улыбку, мягко и отрывисто проговаривала. Толком ничего узнать было нельзя: не работает, вообще не работает, квартира есть, но есть и дом, и дом тоже свой, дети есть, но не все от одного мужа…

Машина серая, непрозрачная, не шевелясь, послушно и твердо, что-то свое зная, ждала ее.

А она уже шла к ней, сначала пятясь, потом оглядываясь, все улыбаясь… И, улыбаясь, исчезла в ней…

Машина, словно пухлый дымчатый диван, неслышно поползла в сторону… Но скрылась с глаз быстро.

Василий Семенович и Ольга Васильевна стали, путаясь, припоминать: она ведь вроде бы сказала, что из детдома еще заедет к ним… Они, когда она пошла, встали было провожать, но теперь, вдруг забыв об этом и обо всем, снова сели — сели отдохнуть… И — не знали, что говорить… Самое странное, что, по их подсчетам, ей, гостье такой, выходило немало лет, а между тем и не думалось ни сразу, глядя на нее, ни теперь ни о каких годах… Странно было, что та девочка неказистая, нестройная, которую они воспитывали, одевали, кормили, мыли, чем-то связана… с этой полнеющей раскованной, все, судя по ее глазам, понимающей женщиной…

И какая она, говорили они сами себе и друг другу самим молчанием своим, ласковая, добрая… И… счастливая… Счастливая — да и все!

Они виновато, полунамеками, стали прежде всего говорить, что она, будь на них хоть чуть за что-то обижена, никогда бы не зашла, вообще, может, не приехала… Что ей, в детдоме, было еще ничего, хорошо даже; не то что им, в их довоенном детстве, когда, как говорится, они не видывали ничего слаще морковки, — недаром даже теперь Василий Семенович не может, и без всякого стыда, без конфеты глотка чаю выпить… Ну, а она, стало быть, не видывала, в детдомовские годы, ничего слаще конфетки, так что пусть, додумывали по-родительски, живет теперь, как хочет…

Хватились было, что ведь, если заедет, придется, может, приглашать в дом, угощать ее и того, кто в машине, — но тут же согласно поняли, что — почему-то — не будет этого… Опять же вспомнились те годы, те, вернее, времена: нет, они не были с детьми чересчур строги; не то что какой местный гражданин, тоже грамотный, который (впрочем, может, и не зря) упрекал, остановившись на дороге, “детдомовцев”, идущих из школы, в том, что они, играя, валяются в канаве, а на них ведь “государственное имущество” — отчего дети, как бы прислушиваясь к чему-то, вдруг, среди игры, замирали серьезно, скованно: ясно ведь, что эту форму свою, пусть даже новенькую и ладную, охотно бы сменяли сию же минуту на рваный пиджак огромный — был бы он только с отеческого плеча…

…Скоро, даже неожиданно скоро, она вернулась. Вышла из той же своей машины, пошла опять к ним, все подымая голые руки к шляпе. Из машины с темными окнами опять никто не вышел, но теперь дверца была открытой…

Василий Семенович и Ольга Васильевна не остались у лавочки, а, повинуясь какой-то команде, пошли навстречу ей.

Она, после поездки, была так же радостна, но, казалось, с румянцем некой стыдливости…

Заговорила снова сама по себе — не ожидая, не слыша вопросов:

— Все там изменилось!.. Везде иконы…

Так что им, двоим, хотя они ни разу не бывали, как вышли на пенсию, в своем детдоме, было, охотно покивав, на чем с нею наконец-то сойтись.

Она все улыбалась им, словно, теперь было это ясно, детям или словно больным… Сейчас же, когда, чуть постояв, все они вдруг поняли, что все уже сказано, уже сделано, смотрела в глаза им пристально… На миг все трое замерли… Плавно и боязливо она поцеловала обоих в щеку… И, теперь уж не оглядываясь, пошла было к машине, но вдруг остановилась, повернулась, дернула за бант, сняла с себя, как цвет с клумбы, свою большую шляпу, подбежала и надела ее на седую голову Василию Семеновичу…

Василий Семенович даже закашлялся смело…

Потом — потом, когда было уже темно, она для чего-то оказалась на кухне, а свет был включен только в прихожей… И уже слышно было, что и муж, услышав, наверно, как к ним стучатся, или еще как, тоже поднялся и одетый стоял в прихожей… Но вдруг из коридора в прихожую вошел… Президент!.. Да… Президент страны… Да, он… Седой, рослый… По-летнему в костюме… Вошел Президент, стесняясь, боясь, как заходят впервые в их тесную прихожую, что-нибудь задеть… Да и не один, а с Супругой!.. И оба они, скромно улыбаясь и сцепив пальцами опущенные руки, стояли у порога… Василий Семенович, вобрав голову в плечи и выставив подбородок, словно при проверяющих электросчетчики, стоял там, в прихожей, перед ними… И уже что-то неторопливо то ли отвечал, то ли спрашивал… Ой, Ольга Васильевна, глядя в прихожую из кухни на вошедших, разговора не понимала, а думала только, как бы муж не сказал что-нибудь не то… Между тем, промедлила она, Президент посмотрел в пролет двери и чуть поклонился ей… За ним и Супруга ей чуть кивнула… Оба они это сделали с пониманием времени, места и быта… Ольга Васильевна наконец догадалась хоть спрятаться пока за печь… Но это ничего не изменяло… А в прихожей горел свет, голоса знакомые там слышались… Никуда не денешься… Она вздохнула… Хотелось спать так, будто она уже даже спала… Но медлительно, сама не замечая этого, стала надевать свой кухонный передник… Ну-у… Чем же кормить гостей?.. Что же, решила, сварю картошки…

ПРАВДА

РАССКАЗ

Ничего нет дороже.

И стой теперь посреди кухни — чуть не босой, в носках одних, в рубашке выпущенной, с взлохмаченными остатками седых волос, — постукивай узловатыми кулаками в голую грудь, таращи, сколько сможешь, заплывшие глаза и, рыча, вытаскивай со дна больной души мучительно-искренние слова — и чтоб виноватее себе самому казаться, и чтоб поискать в себе же самом надежду на прощение.

Запил Тимофей Иванович — такое дело, — когда Галина Ивановна уехала.

А Саша, племянник, будет слушать по-настоящему серьезно — не смотри, что длинноволосый да в джинсах. Уставился он на дядьку, едва сел на кухне за стол, и как-то пугающе решительно, набравшись, видно смелости,

вопросил: “Дядя Тима, ты скажи мне правду!” — это он о войне. Но что ему, если на то пошло, до той войны? Ему какие-то свои концы с концами надо свести. Знать, она, правда, уж понадобилась ему там, в его городах, институтах.

Парень он — ничего; родне об этом лучше других известно. Пришел Саша утром, узнав, наверно, от родителей, что дядька в загуле: давай, дескать, вылеживайся. Принес с собой “чекушку”, поставил в спальне на подоконник, стопку тоже. Не снимая куртки, скинув только мохнатую шапку, взялся пожарить картошки — свой, приученный; между делом все заглядывал в спальню. Как только под дядей Тимой, лежащим в одежде и укутанным одеялами, железная кровать старая затрясется, зазвенит — сейчас он ему стопку; и кровать сразу успокоится. Так проканителились полдня, до потемок, уж свет пришлось включить. И тут дядька племянника напугал: смотрит из-под одеяла вроде бы на него и в то же время не на него, а куда-то, глаза сведя к носу, в пространство между ними, и шепчет: “Вот он...” Саша побледнел: “Кто?..” — “Да комар... Откуда и взялся?.. Ничего на свете не боюсь, только комаров да Галинку!” Саша сглотнул и дух перевел. И после этого дядьке легко удалось спровадить его, покуда не поздно, до магазина. А перебрались на кухню, и племянник на свои врачевания рукой махнул. Зато, когда по стопке выпили (Тимофей Иванович — стоя), захотел он, живущий своей молодой непонятной жизнью, разговора о правде — на то, конечно, его вольная воля.

Хорошо в компании перед таким внимательным слушателем грудь костяшками чесать, спички, прикуривая, ломать и хрипеть, хрипеть свое... Ну как же! Галина перед отъездом весь дом вымыла, дров даже к печке наносила на следующую затопку, курам ведро корму навела, наготовила в кастрюлях, в чугунах всего, пирогов, главное, напекла, ну и, понятно, наказала — чтоб ни грамма...

О чем, однако, племянник-то спрашивает: за что попал в штрафники... А сам сидит нога на ногу. Пришлось его сперва вразумить налить еще по стопке. Выпил опять стоя. Потом, чуть согревшись, хмурясь, начал припоминать через пень-колоду, больше из уважения, в благодарность за похмелку, и прыгающими губами выкрикивать косноязычно: как в начале войны был летчиком, как узнал из письма от матери, что она больна, что лежит там, на родине, в районной больнице, как поднял свой боевой самолет и улетел туда — на крыльях-то было рукой подать, приземлился на знакомом аэродроме, сходил в больницу и повидался с матерью последний раз, и как там же был, вздумавший пофорсить в летной форме по улице городка, задержан патрулем, как попал в пехоту, в разведку, на фронт к Рокоссовскому...

Тут племянник уж без подсказки догадался, плеснул; сам же пить не стал, закурил опять свою противную сигарету, с фильтром, — воняет, как горелой ватой. И вновь за свое: что, мол, и как дальше?.. Тимофей Иванович за это время ожил, огляделся, закрякал, вспоминая, где тапки умудрился потерять, — и вот забегал, горячась, по кухне... Взбалмошно рассказал первое, что вспомнилось. Послали, дескать, их на другую сторону одной реки, на берег, который “не наш”; что же, переправились на плотах, двинулись, по приказу, вглубь, шли-шли по лесу — никого; только навстречу им самолеты над самыми головами пролетели и сзади поднялся шум; разведали, вернулись на свой-то берег — все разбомблено: “ноги людей и кишки лошадей...” Племянник помолчал — проняло, видно. Спросил, глядя с гордостью, про Рокоссовского, мол, видел ли его.

— Да проезжало раз в открытой машине какое-то начальство. Пес его знает, может, там был и Рокоссовский...

Саша с почтением командует, закусывать велит. Но ничего не лезет в глотку. А пироги и вовсе пропали, засохли — и с капустой, и с рисом... Галина укатила на целую неделю. В гости к сыну. Там внуку третий год будет, день рождения. Давно они не бывали, с лета. Вот бабка и не вытерпела. Ехать ей далеко, в другую даже область: на автобусах с тремя пересадками — в прошлом году испытано. Когда уезжала, уже одетая, с сумкой в руке, от дверей пристально глянула на него — будто знала, что сорвется. И он,

когда в глаза ей ответно смотрел, тоже словно бы знал… В тот же вечер прямым ходом направился к соседке червонец занимать. А со следующего дня, само собой, компании пошли: то один зайдет, то другой, и все свое тащат — лишь бы в тепло. Неделя мигом пролетела. Не помнит, как и курам выносил, — ведро-то пустое. На улицу ни разу носа не казал, видел только в окно рассеянно, что снег валом валит. И вот завтра Галина возвращается! Господи, хоть бы утром сил набраться и воды натаскать, побриться…

Тимофей Иванович тянется через стол к племяннику, трясет седыми клоками, хрипит:

— Мне Рокоссовский лично руку жал! Вот эту самую руку!

Саша смеется, тоже повеселел, ногой все качает и даже стал напевать: “Налей, дружо-ок, по чарочке, по нашей фонто-вой!..” Но, пожалуй, надо сесть на стул, а то расшибешься об печку. А на столе-то какой бардак! Ну, Галина приедет — засучит рукава; в первый раз, что ли… Боже ты мой, какая она была из себя молодая! Кажется, всю жизнь, с пеленок, на нее глядел; не помнит себя, чтобы она не была на глазах. Из одной деревни и в одном классе учились. И ничего особенного между ними до поры не было. Вдруг в одно лето взял он моду солнечными вечерами осколком зеркала “зайчиков” пускать в окна ее дома. И хозяйка-мать не ругалась. После семилетки подался в райцентр — в аэроклуб, конечно! Она же осталась десятилетку, учрежденную в новинку, оканчивать. И — война. Переписывались подружески и редко — по году не было от него вестей. Однако вернулся. Вернулся — а двое братьев старших погибли, а мать так в больнице и умерла, неизвестно где похоронена, а отец умер еще до войны, а дома своего, по бедности, вовсе не было: мать работала техничкой в школе, так и комната выделялась ей там. Вот и пошел он, с чемоданчиком, к тому дому, в окно которого пускал когда-то “зайчиков”. Постучал. Открыла мать Галины. Самой ее не было. Она как в войну окончила курсы немецкого языка, так до сих пор, оказалось, работала учительницей в местной школе. Он и говорит хозяйке: “Пустите меня хоть переночевать…” С этого все и закрутилось. Расписываться ходили в город за тридцать километров, пешком; на свадьбе хотелось выглядеть понарядней — по деревне бегал, галстук у кого-нибудь искал… Дом срубил новый; дочка родилась, потом — сын…

Тимофей Иванович дрожащими руками пытается прикурить давно выкуренную папиросу, швыряет ее в сердцах на пол, тыльными сторонами ладоней размазывает по щекам слезы и шепчет сорванным осевшим голосом:

— Да меня Рокоссовский в уста целовал!..

Потом — чувствует — уже лежит на постели, опять под одеялами. На кухне горит свет; Саша разве там? Он, что ли, нес его до кровати? Да — соображает — ведь он говорил, что будет караулить до утра; потом уйдет, надо ему ехать; а ты, сказал, как проснешься, чайник ставь — и выгульвайся…

Но из “штопора” Тимофей Иванович к приезду Галины Ивановны так и не выйдет. Она, еще подходя к дому, почует неладное; дорожка не разгребена, и до крыльца по снегу ведут глубокие и утоптанные ямы-следы: те, кто ходил туда-сюда, прилежно в них ступали. Дом окажется незапертым. Ее, открывшую дверь из коридора в прихожую, обдаст духом нежилым: холодом прокуренных нетопленых комнат. Кинется она, роняя сумку, в переднюю и увидит в полумраке, так как окна занавешены, мужа, скорнувшегося под шубой на диване, мучительно спящего. Обреченно возвратится она в прихожую, снимет пальто. И на кухне обнаружит спящего за столом человека в фуфайке, шофера одного, известного пьянчужку, а под столом, у ног его, — рыжую собаку, которая, положив морду на непочатый пирог, с удивлением поведет на нее темными пуговками бровей.

ИНГА КАРАБИНСКАЯ

НИТКА СЛЕДОВ ДО САМОГО ПОВОРОТА...

* * *

Мне больно, слышишь? От всего и вся,
Что в этой жизни называлось нами.
От наших лиц, которые висят
Над книжным шкафом в деревянной раме;
От нас (от них!), смеющихся со стен,
Все то, что было, забывать обидно,
Как ни кляни эпоху перемен —
Мне стыдно перед ними. Слышишь, стыдно.
Мне страшно, знаешь, от ночных звонков
(От тишины еще страшнее, что там),
От дробного фанданго каблуков,
Гремящего по лестничным пролетам —
Когда внезапных преданных друзей
Приносит заоконное ненастье
В наш дочиста разграбленный музей
На медяки разменянного счастья.

КАРАБИНСКАЯ Инга Витальевна родилась в Ухте 12 октября 1980 года. Публиковалась в альманах Пушкинского молодежного фестиваля "С веком наравне", "Современники", альманахе Союза писателей РК "Белый бор", коллективном сборнике "Простые вопросы", журналах "Планета Университет", "Concept", "Арт". Дипломант Пушкинского молодежного фестиваля "С веком наравне" (2009 год). Работает главным редактором научно-гуманитарного, художественно-публицистического журнала "Concept" Ухтинского государственного технического университета. Живет в Ухте.

Мне просто грустно. В множестве причин
И разношерстных праведных предлогов,
Где голос сердца стал неразличим,
Остаться вместе поводов немного.
И только этим, в застеколье рам,
Однажды побывавших ими (нами?),
Дано окликнуть нас по именам.
И помнить — под любыми именами...

ВЕТРЯНАЯ МЕЛЬНИЦА

Мир, что огонь — отцвел золотыми искрами.
Как же всё так нелепо оборвалось?
Ты ведь хотел, чтоб было тепло да искренне —
На, получи напалм и дыру насквозь.

Ты же хотел мечты и весенней нежности,
Солнечных бликов на лобовом стекле,
А у нее в груди — ветряная мельница
С тонким алмазным лезвием на крыле.

Хочешь напиться? Сдохнуть? Нелепой жалости?
Дверью шарахнув, бросить родной насест?
Да, проходили. И не смеши, пожалуйста,
Пафосной чушью о перемене мест.

Что ты — рванешь за нею в ветровке вытертой
Пыль автотрасс с кагором мешать в крови?
Милый, тебе и пяти минут не вытерпеть
Дикой, берущей за горло ее любви.

Это всё ей — наотмашь, с размаха, в синее,
Голову очертя и взмывая над...
Ты для нее хотел быть большим и сильным?
Будь же им, черт возьми. Поверни назад.

ГОЛУБЯТНЯ

Если что от меня и останется — не ищи.
Вечность не стоит минуты сна. Бесконечность — шага.
Помнишь белую голубятню? Вот от нее ключи.
Будет легко — танцуй.
Больно — плачь.
Тяжело — кричи.
Лихом не поминай. И вообще поминать не надо.

Если что обо мне и спросят — скажи, как есть:
Мол, отошел на минутку к колодцу. Сказал: “Не ждите”.
Там он — махнешь рукою за дальний лес —
Вон до той радуги,
После — влево,
Потом окрест
И до самой весны никуда не сворачивая идите.

Если кого и возьму с собой — то тебя.
В каждой строке, в каждой ноте отпетых с тобою песен.

Кстати, от голубятни слева не вырывай гвоздя,
Просто — да мало ли —
Всяко бывает.
Я, уходя,
Там оставлю ключи. Не вернусь — так другой повесит...

* * *

Золотое солнце в черном зените глаз.
На ловца и зверь — да только не в масть капканы.
Бьют бокалы твое бесхитростное "за нас"
И вину впервые так горячо и странно
Оттого, что не надо слов, где за тактом такт
Пропускает сердце, навстречу летя погоне.
Оттого, что сейчас и здесь все случится так:
Ты впервые прочтешь себя по моей ладони...

ЧТО ТЕБЕ СНИТСЯ

Здесь, под бетонным небом добротных крыш,
Под перебор дождя о стекло и сталь,
Думаю, что ты дышишь и как ты спишь,
Что тебе снится с августа на февраль.

Что тебе снится там, где, глаза открой, —
Ночь все одно не уступит поруки дню.
И в светлячковый бесчисленный млечный рой
Тянешься взглядом, словно рукой к огню.

Что тебе снится, где тишина шатром
Над обомлевшим миром из края в край?..
И засыпать не страшно, но жаль при том
Не пробудиться — хоть вовсе не умирай.
.....
Здесь, под бетонным небом добротных крыш,
Пьяный, продрогший — и оттого живой,
Вижу тебя во сне и мечтаю лишь,
Чтобы проснулась. Чтобы пришла за мной.

* * *

А еще можно встретиться с ним через год-другой
На клочке земли, что общей числилась — для острастки.
И в капкане стен метаться от просто "здравствуй"
До убийственно нежного "здравствуй, мой дорогой".
И сдирать, сдирать с себя кожу за слоем слой.

Можно дымом дышать в темнеющий лед окна
И одну от одной принужденно прикуривать фразы:
— Я приехал вчера, но не смог позвонить тебе сразу.
— Это к лучшему, ты ведь знаешь, я не одна.
(Но едва ли знаешь, что выжег меня до дна.)

И летит в подреберье сердца тугая взвесь
И взрывается там опять тяжело и гулко.

Он давно бы ушел в улицы-переулки,
Но боится ранить тебя — и всё еще здесь.
Ты молчишь и со злостью думаешь: “В этом ты весь”...

И зачем-то вцепляешься в край его старой куртки.

ЯНТАРЬ С АНТРАЦИТОМ

Что остается от теплого янтаря —
Солнечный зайчик в детской ладони сонной,
Тихая грусть безбрежного сентября,
Утренней охрой разбавленная заря
И листопад — застывший и невесомый.

Что остается еще — пустота в груди,
Лентою черной зачеркнутый блик на фото,
Длинные сумерки осени впереди,
И на дороге, которой ты уходил,
Нитка следов до самого поворота.

Так, застывая в желтой живой смоле,
Смотришь на мир из хрупкой прозрачной корки.
Что остается от нас на своей земле
Этим, живущим по плечи в твоей золе?..
...Теплый янтарь пополам с антрацитом горьким.

АЛЕКСАНДР УЛЬЯНОВ

НЕПРИКАЯННЫЕ ДУШИ

РАССКАЗ

Непроглядный, промозглый, осенний вечер, темень и мрак вокруг. Даже в бесконечном небе царствует тревожная мгла. Где-то высоко-высоко, за толстым слоем толкающих друг друга в бока облаков прячется огромная луна, но ее холодный, ленивый свет не в силах дотянуться до земли. Осень — хмурая в основном пора…

Душа Олега Филиппова в мертвенной тиши плывет над необозримой черной тканью тайги, неспешно приближаясь к знакомому селу. До него еще далеко. Ни дорог внизу, ни жилья, только деревья угрюмо шепчут: “Не ходи сюда, сгинешь…” В аккурат над шумящими сосновыми кронами летит душа, внимательно смотрит вниз, чтобы не пропустить в кромешной тьме маленькую речушку. Она тонюсеньким ручейком берет свое начало где-то в таежных болотах и дальше извилистой змейкой тянется сквозь труднопроходимую чащу, чтобы потом, преодолев все преграды, стать частью величавой Вычегды. В том месте, где они сливаются, стоит село, в котором жил Олег.

Через некоторое время, по едва уловимым признакам, его душа услышала движение воды. Значит, до села осталось примерно шесть километров. Ох и богаты же на грибы и ягоды эти места! Черники родится столько, что сноровистый человек за пару часов пестерь набирает, а о волнушках с груздями и говорить нечего. Во влажной низине их каждый год вырастает столько, что

УЛЬЯНОВ Александр Васильевич родился 9 сентября 1953 года в селе Усть-Кулом Коми АССР. Окончил коми отделение филологического факультета Коми пединститута. Работал корреспондентом газеты “Красное знамя”, редактором газеты “Коми му”, заместителем редактора журнала “Войвы кодзув”, директором Коми книжного издательства. Ныне работает директором холдинга “Редакция газеты “Коми му”. Автор нескольких книг прозы. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

хоть лопатой греби. Только вот люди в эти места заходят редко, а если уж идут, то в солнечную погоду. Боится народ этих мест, и не зря боится. Стоит солнцу скрыться за облаками, как тут же, словно по чьей-то злой воле, лес меняется и становится опасным. Он начинает кружить и путать несчастного пришельца, незаметно отнимая его разум. Кричать и звать на помощь бесполезно — звуки умирают, не успев набрать силу, не прощаясь, растворяются среди зловещих деревьев.

Бесшумной невидимкой подлетала к окраине родного села душа, совсем немного осталось до дома…

…Странный выдался вечер. Как раз в это же время откуда-то из-за вычегодской старицы, со стороны болота Длинного, летела в направлении села еще одна душа. Раньше она жила в молодом парне по имени Анатолий. Достигнув Вычегды, чтобы не заплутать в темноте, она спустилась к воде и продолжала свой путь параллельно течению.

Две души двигались навстречу друг другу, не подозревая об этом.

Вот на небольшом холме проявились расплывчатые очертания рыбацкого домика Ивана Петрова. На фоне сосновых стволов он был похож на какой-то черный узелок, непонятно как прилепившийся над водой. Спит рыбак. От его домика совсем недалеко до села. Старица здесь большим крюком огибает сосновый бор и потом впадает в Вычегду. А село стоит на высоком крутом берегу и, если добираться к нему по реке, появляется всегда внезапно. Внизу, вдоль берега, ждущие своих хозяев, а поднимешь голову — и как на ладони: аккуратные дома, глаза окон, бани, сараи, изгороди и белая, подпирающая небеса церковь. Сказка да и только… А в остальном — обычное для коми земли село. Вольготно разлеглось оно вдоль берега почти на пять километров. Если с одного конца к другому идти — умаешься.

Дом Анатолия Федорова, когда смотришь вниз по течению реки, стоит в самом конце села. После ранней смерти отца жили они вчетвером: мама, Анатолий, средняя сестра и младший братишка. Отец погиб совсем молодым как-то буднично и очень нелепо — попал под бревно при разборке старого дома. Толя стоял тогда у отцовского гроба и никак не мог успокоиться от сотрясавших его рыданий. Страшное отчаяние пульсировало в его детской голове. Хоть и мал был, но точно знал, что отец больше никогда не встанет и не прокатит его с ветерком на санках, что положат его в глубокую яму и забросают толстым слоем земли так же, как когда-то бабушку, что потом, засыпав землей, поставят на могиле крест и оставят отца лежать на погосте совсем одного. А жизнь пойдет своим чередом: будет разливаться в половодье и снова цепенеть от морозов Вычегда, будут облетать и снова зеленеть деревья, солнце будет радовать своим щедрым теплом, а дожди — поливать землю. И когда совсем невмоготу от печали, отец сможет его утешить, лишь глядя с фотокарточки на стене: “Не унывай, сынок, я недалеко от тебя, я совсем рядом, каждый миг я рядом с тобой…”

…Возле сельской окраины, там, где обрывалось сплошное таежное покрывало, темное небо слегка развиднелось. Речушка шириной в пять шагов отделяла душу Олега Филиппова от знакомых мест. На другом берегу и природа другая. Вместо вековых сосен на холме раскинулась березовая роща. Стройные деревья шелестели листьями там, где некогда были колхозные поля, на которых в свое время трудились его дед с бабкой. Теперь ни пшеницы, ни ржи, ни льна, ни конопли не выращивали, да и колхоза давно в помине не было.

Скоро сквозь рваные облачные клубки показались контуры скотного двора и сельской пилорамы. Все здесь знакомо и мило. Один двор еще совсем новый, а два других хоть и постарше, но простоят под шиферными крышами еще долго. Во все постройки подаются вода и электричество, внутри чистота, работать одно удовольствие. Рядом, в нескольких шагах, пилорама. Сколько же времени он здесь провел? Всю жизнь почти и провел… Копошился с утра до позднего вечера: убирал навоз, стелил опилки, чистил загоны. Вся черная работа была его. И вообще, с любой работой справлялся, что

скажут, бывало, то и делает безотказно. И за теленком присмотреть, мог и корову подоить, да мало ли работы на ферме, никогда всю не переделаешь. Пока жива была мама, раз в день бегал домой обедать, благо жил он недалеко. После ее смерти тоже ходил домой, но больше по привычке. Обедал на скорую руку: прополощет рот сладким чаем, хлебом с маслом закусит — и снова на работу. Изредка супчиком мясным себя баловал, когда из-за какой-нибудь напасти скотину приходилось резать. А они, напасти, случались всякие: то проволоку зажует животина, то гвоздем подавится или просто хворь подцепит. Тогда деваться некуда — ножом по горлу и в расход. С разрешения начальства, конечно.

Так и жил Олег год за годом, пока однажды не пришла в его село ослепительной красоты осень…

Груздей в тот год выросло — тьма-тьмущая, хоть с лопатой и носилками в тайгу за ними иди. Грузди эти Олега и угробили. Кабы наперед знать, что так оно все обернется, остался бы дома, глядишь, и по сей день живым-здоровым скотные дворы обихаживал. Но тогда будто кто-то невидимый подталкивал его в бок и шептал: "Сходи, Олег, за грибами, вон их сколько уродилось. В другой раз столько не будет. Сходи". Волшебство какое-то. Вот, значит, и сходил…

Между тем, приблизившись к строениям, его душа изумленно заметила, что в самый разгар вечерней дойки не слышно привычного мычания и ни единого огонька не мерцает в окнах коровника. "Может, свет отключили?" Такое на его веку случалось. Бывало, часами приходилось сидеть в ожидании электричества. На такие случаи в укромном углу у Олега всегда были припасены свечи: не в потемках же навоз грести, в самом деле. Непроглядная темень поселилась на скотном дворе, безлюдно и тихо вокруг. Странно все это…

…Невысоко над водой парила душа Анатолия Федорова. Обогнув черный лес, плавно вышла к сельской околице. Еще чуть-чуть и со всех сторон развиднелись редкие маленькие звездочки — огоньки в окнах домов. От церкви до его дома рукой подать, через мгновение ладный, улыбающийся всеми своими окнами пятистенок возник из вечерних сумерек. Рядышком баня и сарай, возле огорода — небольшая березовая рощица, что посадили еще в детстве с сестрой и младшим братишкой. Как выросли и окрепли деревья! Под самой крышей перешептываются между собой листья. О чем? Быть может, о времени, что вечно не знает покоя…

Всего двадцать один год прожил Анатолий на белом свете. Короткая получилась жизнь, как заячий хвост. Оглянешься на прошлое, а вспомнить-то особо и нечего. После смерти отца остался он в семье старшим мужчиной, главным маминым помощником. В то время они скотину держали, а их луга стояли за рекой. За лето по сто раз приходилось мотаться туда и обратно — тяжеловато для подростка, но и без корма скотине нельзя… Что еще? Окончил школу, потом забрали в армию. Служить довелось на другом конце земли, на дальневосточной погранзаставе. Добрыми были эти два года, повезло Анатолию с сослуживцами. Жили на маленькой заставе сплоченной семьей, помогали друг другу, чем могли, оттого и не съедала, особенно в первый солдатский год, жгучая тоска по родному дому.

Многому он научился в армии и физически здорово окреп. Когда домой вернулся, младший братишка, обняв его, хотел приподнять над полом, но силенок не хватило:

— Ну, брат, ты как пень могучий к земле прирос, не оторвать, — восхищенно обошел вокруг него, обнял за широкие плечи и закрыл глаза, словно все еще не мог поверить, что перед ним стоит его старший брат.

А мама, увидев его в дембельской парадной форме, от неожиданности на мгновение лишилась сил, а потом, обнимая, долго не могла унять радостных слез. Это было осенью, а следующей весной…

В разгар половодья Вычегда становится опасной, это всем известно. Какой бес его потянул на реку в эту пору? Не зря же говорят: голова одна — ее беречь надо, другой головы не вырастет. Не сберег он своей головы. Мама ведь с детства учила ничего и никого в жизни не бояться, вот и вырос

парень смельчаком: и в огонь и в воду. А тут еще такой повод — День пограничника. Выпили немного в компании и решили проветриться на речном просторе. Еще в детстве Анатолий слышал от старших парней шутку, что, мол, если суждено утонуть, то лучше в Вычегде, а не в какой-нибудь грязной луже. Оказалось, что как раз для него поговорка. Не на чужой стороне его смерть нашла, а рядом с домом. На всю жизнь оставил Анатолий своим близким неизбывную душевную боль. Искали тело не один день всем селом, даже водолазов приглашали, но крепка хватка у полноводной реки, утащила на самое дно и засунула человека под какую-то корягу, забрала себе без возврата. Медленно потекли годы с той страшной весны. Вот уже и десять лет минуло, а человек будто и не рождался, и не жил на земле…

…Душа Олега Филиппова, облетев сумрачные постройки скотного двора, не стала проникать внутрь, отложив встречу на завтрашний день. Отогнав смутную тревогу, отправилась к родному дому, что стоял неподалеку. Живут ли в нем люди? А если живут, то кто они? Десять лет минуло с тех пор, как он не вернулся из леса. За это время многое изменилось, а почему-то кажется, что только вчера нечистая сила потащила его за груздями.

По правде говоря, когда стало ясно, что с Олегом стряслась в тайге беда, его особо и не искали. Некому было искать. Старший брат, Иван, болезненный с детских лет, прямо так и сказал: “Здоровья нет, какой от меня прок в поисках?” Дали объявление в районной газете, и все. А что с объявления толку? Кто в глухой тайге шастать будет? Другое дело, если при чинах да при званиях человек пропал, тогда шерстили бы окрестности, под каждый куст бы заглядывали, а так… Бобыля, у которого ни семьи, ни детей и, кроме заплатанных штанов, никакого богатства, и искать-то вроде бы незачем. Смешно вспомнить, в последний свой день рождения впервые в жизни подарил он себе белую рубашку. Пару дней праздновал и о рубашке как-то позабыл, а когда очухался, уже и на работу пора было бежать. На скотном-то дворе в белой рубахе не разгуляешься. Так и осталась она, одна-одинешенька, ни разу не надеванной.

На ферме его ценили. Доярки нахвалиться не могли, когда работал от души, ну а когда запивал… Придут, бывало, к нему домой, поорут сначала для порядка, а потом по-хорошему просят: родимый, пропадаем без тебя! А Олег как будто только и ждет этих уважительных слов: сразу в себя приходит, безропотно собирается и, свесив тяжелую похмельную голову, бредет к своим коровкам. Знает, что у пьянки конца и края нет, а скотина ждать не может, за ней каждый день уход нужен, и молчаливо впрягается до следующего загула.

Олег никогда не видел своего отца. Родитель его вернулся с войны без одной ноги, весь израненный, и жил потом совсем недолго. Маме одной пришлось поднимать двоих сыновей. Старший брат, Иван, после окончания школы ушел работать в соседний лесопункт на нижний склад. Там и жену себе нашел. Долгое время работал трактористом, пока за пьяное дело не перевели его в сучкорубы. Вязал плоты, одно время ходил в кладовщиках, а потом и на пенсию вышел. Жили они бездетно в собственном доме, который помог старшему брату срубить в свое время Олег, а сам он, словно так и положено, остался жить в родительской избе вместе с матерью.

Шли годы. Хорошо жилось сыну под заботливым материнским крылом. Вся женская работа была на ней: и стирала, и убирала, и готовила, и баню топила. Что еще одинокому мужику надо? Благодать! Изредка мать заводила речь о женитьбе, мол, пора бы уже и семьей обзаводиться, молодую хозяйку в дом привести, но каждый раз сын отшучивался:

— Меня, мам, бабы боятся. Рожа кривая, нос длинный, ростом маленький. Кому я такой нужен?

Неизменно, будто бы сын упрекал ее за то, что по ее вине он таким уродился, мать сердилась и обиженно отвечала:

— Иди, не ври давай! Иван вон от тебя недалеко ушел, а уже двадцать лет женатым ходит. Дом построил.

— Пускай. У каждого своя жизнь. Может быть, моя жена еще в школе учится, — улыбался прокуренными желтыми зубами Олег.

Каждый раз после таких разговоров мать обреченно махала рукой и шла ставить самовар или занимала себя какой-нибудь необязательной работой, лишь бы не дать волю своему огорчению и не разругаться с непутевым сыном. Со временем тема женитьбы в доме перестала обсуждаться совсем. Не зря говорят, что если мужчина до тридцати лет не женился, то с каждым годом все труднее ему найти невесту: привыкает мужик к холостой жизни и поводок ему ни к чему. Но Олег никого и не думал искать. В молодости девушек он почему-то сторонился, да и они к нему, по правде сказать, не очень-то и льнули, а потом, когда стал работать скотником, вообще старался не обращать внимания на женский пол. Носатый, плюгавенький, с залысиной, вечно ссутулившись, шлепая в огромных резиновых сапогах, пропахший насквозь табаком и навозом, ну кому он такой нужен?

Сорок лет ему исполнилось, когда неожиданно умерла мама. Всего-то пару дней и пролежала на печке, жалуясь на сильный озноб. Такое и раньше с ней случалось, поэтому Олег даже врача не вызывал — в надежде, что болезнь вот-вот отступит. Но вышло по-другому. Мамы не стало ранним утром. Перед кончиной она из последних сил что-то хотела сказать сыну, но вместо слов лишь глубоко вздохнула и испустила дух. Остался Олег один, и через некоторое время поселилась в его большом доме тоска. Придет с работы — и перемолвиться не с кем. Снимет провонявшую навозом рубаху, а постирать ее некому. Суп не сварен, картошка не почищена, печь не топлена, воды нет. Постепенно он стал забывать о бане, о нормальной еде и порядке в доме. Все чаще, возвращаясь с работы, он покупал бутылку на вечер и, закусывая ее содержимое кислой капустой, на время отгонял от себя грусть-печаль. После поллитровки и в непротопленной избе спалось нормально. А утром, едва затеплится рассвет, ополоснув лицо ледяной водой, закуривал папироску и спешил на работу. Вкалывал за троих, словно себе в наказание за вчерашний "винный грех". Доярки видели, как тяжело мужику одному, старались ненавязчиво подкормить Олега, приглашая к себе за общий стол во время перерывов, под предлогом попить чайку…

Незаметно, вспоминая прошлую жизнь, душа Олега прилетела к родному двору. Вот их старенькая, покосившаяся банька, огород, калитка открыта настежь. Но что это? В доме горит свет.

…Душа Анатолия добралась до места. Ничего не изменилось в селе с тех пор, как он вместе с приятелем и двумя знакомыми девушками оттолкнул лодку от берега. Двоих из компании успеют вытащить из воды рыбаки, девушку по имени Люба найдут через два дня: течение вынесет ее тело на отмель за селом, а Анатолий будто растворится в воде. Долго еще сельские бабы, вспоминая этот горький случай, будут шептаться, что не иначе как водяной утащил молодого парня и назад его уже не отдаст. Мать Анатолия, конечно же, понимала, что надо смириться, что чудо вряд ли произойдет, но в душе, несмотря ни на что, все-таки не теряла надежды похоронить сына по-человечески.

Свет не горел, и, только приблизившись к дому вплотную, стало понятно, что окна заколочены и внутри никого нет. Судя по густо заросшему сорняками огороду, люди покинули жилище несколько лет назад.

Последний раз душа Анатолия наведывалась домой через год после трагедии. Тогда дом еще был живым и все вокруг было в относительном порядке. Хотя какой тут порядок, если мама Анатолия ежедневно горько плакала и просила Бога, чтобы помог отыскать сыночка. Что же теперь стряслось? Может быть, мама решила перебраться поближе к родным братьям и сестрам? Может быть, заболела? Целых десять лет не заворачивала его душа в родные края, столько воды утекло… А с другой стороны, нелегко навещать родную землю, зная о том, сколько боли ты оставил на ней после себя.

Про него, конечно, судачили. Одни жалели, что не успел пожить парень, да еще и остался непохороненным: ни холмика могильного на сельском погосте, ни креста. Другие осуждали его: ладно бы по пьянке только себя угробил, но ведь и родной матери жизнь укоротил своей хмельной удалью. Что тут скажешь? Разлитую воду обратно не соберешь.

С крыльца через дверную щель душа проникла в коридор, а оттуда зашла в комнату. Ей, бесплотной, двери и замки не преграда. В пространстве между небом и землей она вольной воли вольнее. Захочет — взмоет высоко-высоко за облака, в небесную бездну, или среди людей жить станет никем не замеченная. А как ее заметишь, если она на другом свете живет? Сколько еще лет так болтаться? Неужели покуда не отпустит его косточки из своих объятий могучая сосна, что давным-давно свалилась на дно реки во время половодья? Одному Богу известно.

Прохладно в пустом доме. Темнота пропахла сыростью и заброшенностью. Страшный кавардак вокруг: перевернутый стол, повсюду разбросана посуда, рваные тряпки, вещи, поломанные стулья грудой валяются в красном углу, там, где раньше висели иконы. Какие-то нелюди выбили стекла в окне, что смотрело на Вычегду, как раз с самой незаметной от дороги стороны. Скорее всего, местные постарались. Что же такое на свете-то творится? Никогда на селе не было, чтобы в чужой, пускай и заколоченный, дом без спросу вламывались, воровали и поганили. У родных, когда домой приедут и такой разор увидят, сердце остановится.

Никогда не узнает душа, что сестра вышла замуж и живет в другом поселке, а младший брат уехал в город и работает там строителем, что приезжают брат с сестрой в родной дом раз в год, в середине лета, на пару недель повидаться друг с другом и отдохнуть на берегу Вычегды, а потом на целый долгий год оставляют дом в одиночестве. А он безропотно остается ждать их следующего приезда и, как ветхий дед, каждый день беззащитно выглядывает подслеповатыми глазами по сторонам. И еще: не знает душа самого главного, что мама давно лежит на сельском кладбище.

Неодолимая грусть охватила душу Анатолия. Наверное, надо было немедленно улететь прочь из этих мест и не возвращаться сюда никогда более, на веки вечные поселившись в каком-нибудь камне, не бередить себя пустыми воспоминаниями. Или, наоборот, войти в дерево, что растет напротив, и много-много лет быть рядом с домом, в родном селе. Смятенная душа поднялась на холодную печь и, как-то разом устав от тягостных раздумий, задремала.

…В доме Олега Филиппова и впрямь горел свет. “Видать, старший брат пустил каких-то постояльцев или же вообще дом продал, — гадала душа, глядя со стороны дороги на окна. — Ну, это и к лучшему, что кто-то из местных в моем доме поселился. За огородом посмотрят, и вообще, дом без людей не дом”. На мгновение душе Олега показалось, что от света в знакомых окнах стало как-то теплее, будто приглашал этот свет зайти пропащего странника в дом отдохнуть после долгих скитаний. Невольно вспомнилась совсем другая картина, когда через год с небольшим после его последнего похода за грибами душа навестила родные края, но тогда эта встреча принесла лишь огорчение и скорбь. Заколоченный дом, здоровенный замок на двери, поросший сорняками огород — умела бы душа плакать… В тот раз она не стала заходить внутрь. Обошла двор, посидела на лавочке и улетела обратно в тайгу, поклявшись в отчаянии, что больше сюда не вернется. Но отчаяние — плохой советчик, вернулась вот…

В доме громко разговаривали. Душа примостилась на подоконнике, но занавески не давали разглядеть собеседников. Через едва заметную щель в раме душа проникла внутрь и расположилась на полатях.

В компании с разными тряпками, несколькими парами валенок, стареньким треухом, рукавицами, вывернутым наизнанку полушубком, фуфайкой, свернутыми домотканными дорожками и прочим добром было тепло и уютно. В доме ничего особенно не поменялось. Та же мебель, прежняя утварь, только появилась печка-буржуйка, которая сейчас, накалившись докрасна, бойко потрескивала дровами.

За столом сидели двое и о чем-то оживленно говорили. Старший собеседник, что сидел спиной к окну, был узнан сразу — мамин брат, дядя Володя, он же — Трактор. Еще в бытность работы в колхозе трактористом прилепилось к нему это прозвище. Да и внешне он на трактор весьма походил — сам огромный, лицо и руки в копоти. Заметно постарел Трактор с тех пор,

осунулся, но даже теперь было заметно, что силушка у него еще осталась, а голос и вовсе не изменился — такой же твердый и громкий. В клубах сизого табачного дыма Трактор, пьяно размахивая руками, стучал ладонью по столу и нетерпеливо обращался к свесившему голову, сидящему напротив мужику лет сорока:

— Помолчи, Николай, не я эту сегодняшнюю дурацкую жизнь затеял. В наше время все по-другому было.

Мужчина, тяжело подняв кудрявую голову, не очень внятно, но рьяно сказал:

— Тогда, сам знаешь, в селе работа кипела! Жизнь кипела! — снова уронил голову, но скоро опять встрепенулся, глубоко вздохнув, продолжил. — Эх, елки-палки, весь скот, отец, понимаешь, весь скот, даже телят, забили и увезли. На скотном дворе ветер гуляет, а мы все без работы сидим. Выбросили нас на снег в чем мать родила и без копейки денег. Как жить, отец?

— Да ты что? А когда скотину-то забили? Я и не слышал ничего! Во дела… Скотины нет, картошку не сажают, что же это на селе делается?

— Месяц назад забили. Теперь мы — пролетариат, ничего у нас нет, даже цепей… Конец пришел селу.

— Надо ж, хоть смейся, хоть плачь, — процедил Трактор сквозь зубы, глубоко затянулся и наполнил стопки. — А кто в этом виноват, что до такой жизни дошли, я, что ли? — он приподнялся и ударил себя в грудь мощным кулаком: — Я всю жизнь в колхозе отпахал, без поясницы остался, пока на железном коне гарцевал, чтобы вас, сопляков, вырастить-выучить, на ноги поставить, людьми сделать. И, выходит, напрасно мы с матерью горбатились. Враз люди неприкаянными стали, никому не нужными, брошенными. Куда катимся-то? Кому верить?

Теперь стало понятно, сидели за столом родственники — отец с сыном. Олег немного знал про Николая. После школы Николай не уехал из села, пару лет поработал грузчиком в сельском магазине, а когда сельпо развалилось, пошел по его стопам, в скотники.

Так вот почему не горел свет на скотном дворе! Раз такое дело, действительно, селу приходит конец. При таком раскладе очень скоро от крепких еще строений фермы останутся одни стены. Безработные сельчане растащат все, что можно унести, и никто их за это не осудит. Как будто буря пронеслась над селом, перевернув с ног на голову весь уклад жизни.

Трактор еще долго растерянно стоял возле стола. Тяжела была его жизнь: застал он и голодное военное лихолетье, и нужду, и тяжкий труд в колхозе — думал, что хоть в старости поживет безмятежно, радуясь внукам. Видать, не судьба. Получается так, что им, старикам, еще повезло, они хоть пенсию получают, а куда молодым деваться? Сын остался без работы, сноха за копейки моет полы в школе, а у них дочь-семиклассница подрастает, ее кормить и одевать надо. Вчера сноха с внучкой в райцентр уехали к родственникам, хорошо, хоть эту попойку не видят. Жалко Кольку, сорок лет мужику, в самой силе, а работы нет. Соседний леспромхоз развалился, от совхоза одно название осталось, ушли люди, захирела в районе жизнь.

— Плесни, батя, давай еще накатим, — сказал Николай, подняв тяжелую хмельную голову.

— Плесну, плесну, — оживился Трактор и налил до самых краев. — Пусть немного на душе просветлеет.

Отец с сыном чокнулись, залпом опрокинули стопки, синхронно занюхали черным хлебом и закурили. Сизый густой дым пополз к потолку. Они снова начали разговаривать, но не слыша друг друга. Теперь их речь с каждой минутой все больше походила на бессвязный горячечный бред больного человека.

“Как слепые мухи, — подумала душа Олега. — Не знают, куда лететь. Пожужжат, пожужжат и замолкнут”.

Они и в самом деле скоро осоловели.

…Душа Анатолия Федорова пробудилась вместе с забрезжившим рассветом. Грустно и тягостно в холодном брошенном доме. К прежней невеселой

картине добавилась еще одна деталь — слой пыли толщиной в палец покрывал предметы, уцелевшие после визита непрошеных гостей. Душа переместилась к столу, что стоял около разбитого окна. Прощаясь, вспомнила в одно мгновение все, что связывало ее с домом, в котором прошла короткая земная жизнь, и вылетела, слившись воедино с осенним воздухом. Взглянув сверху на село, она взяла курс на кладбище, навестить родные могилы и, быть может, проститься с ними навсегда.

С высоты птичьего полета душа глядела на почерневшие от воды дома, что молчаливо жались к земле, привычно и потому безропотно ожидая следующих подарков от затянувшейся непогоды. Ни света в них, ни дыма из печных труб, только неистовый ветер носится по главной улице, завывая уныло, словно в предчувствии беды.

Красивое место выбрали предки для сельского кладбища — сосновый бор. Могучие деревья день и ночь охраняют покой ушедших земляков, убаюкивая тихим шорохом вечнозеленых крон.

Рассвело. Душа Анатолия легко отыскала кресты на могилах бабушки и деда. Недалеко от них лежал отец. Приблизившись к его могиле, она увидела, что рядом с отцовским крестом стоит новый. "Ракина Раиса Федоровна" и даты рождения и смерти. Так вот оно что!. Мама прожила после его смерти всего пять лет. Наверное, бедная, извела себя ежедневным, ежеминутным ожиданием. Выплакала свою жизнь, так и не заглушив боль потери. Мама умерла, а у брата с сестрой, видно, своя жизнь. Поэтому пусто и бесприютно в беззащитном доме.

Душа еще долго грустила над родительскими могилами. Если бы по-хорошему, то рядом должен был быть и его холмик. А то вроде как и не рождался человек, не жил на белом свете. Ну что ж… Хватит сидеть-горевать, земные дела сделаны, пора улетать в дальние дали…

…Казалось, что на какой-то миг задремала душа Олега, а между тем ночь уже закончилась. Ох и хорошо спится на теплых полатях! Трактор в одежде валялся на кровати, его сын примостился на лавке. Оба громко храпели. В доме горел свет. На грязном столе вперемешку с пустыми склянками от спиртовой суррогатной гадости валялись куски хлеба, окурки, миска с кислой капустой, луковые головки. Тут же вспомнила душа, как в бытность земную после попоек с собутыльниками частенько приходилось наводить наутро порядок в доме.

Душа еще некоторое время побыла в помещении и, дождавшись рассвета, отправилась в путь по знакомой дороге. По ней Олег год за годом ходил на работу и возвращался домой. По ней он последний раз в жизни отправился за грибами…

…Часа через два хождений по лесу небо вдруг резко потемнело, и пошел моросящий, надоедливый дождь. Очень скоро вымокший до нитки Олег понял, что заблудился. Беда не приходит одна. Он наступил на сучок и через подошву до крови порезал ступню. После этого силы покинули его окончательно. Почти в изнеможении Олег заполз под раскидистую ель и прислонился спиной к мощному стволу. На какое-то время провалился в забытье, в котором разговаривал с мамой и братом, видел свой дом. Уже совсем стемнело, когда невыносимо заболело сердце. Не сдерживая стонов, он хватал руками землю, а потом начал задыхаться. Все произошло очень быстро: два раза глубоко вздохнув, он затих. Со стороны можно было подумать, что человек, набрав корзинку груздей, ненадолго прилег отдохнуть перед обратной дорогой. Только вот некому, кроме угрюмых деревьев, было взглянуть со стороны…

…Пролетев над растащенным почти до основания скотным двором, душа добралась до соснового бора. После всего увиденного ей хотелось лишь побывать на материнской могиле и, попрощавшись, оставить эти места. За десять лет кладбище заметно выросло. Кресты стояли даже вдоль дороги.

На материнскую могилку давно никто не заглядывал. Покосившаяся оградка, калитка на одной петле, облупившаяся краска, заросший холм — снова привели душу в уныние. По всему выходит, что только он при жизни ухаживал за материнским последним приютом. Моросящий дождь то оста-

навливался, то начинался снова, душа Олега сидела на маленькой скамеечке рядом с небольшим поминальным столиком. Когда-то он смастерил их сам. Видать, сегодня даже на этой тихой могиле не суждено было душе обрести умиротворение и покой. Все ее раздражало и злило: уничтоженный скотный двор, пьяные жильцы в его доме, позабытая могила мамы, нынешнее сельское житье-бытье и даже этот занудливый дождь. В тот момент, когда душа Олега решительно собралась лететь, вдруг, через несколько могил от себя, она неожиданно увидела другую душу.

Наверное, такое случается не часто, когда две неприкаянные, пропавшие души встречаются вот так, ранним утром на кладбище. Они не знали друг друга в земной жизни: по возрасту слишком разные, да и жили в разных концах села. Первым заговорила душа Олега:

— Мы с тобой никогда раньше не виделись, но вижу я, что ты из нашего села. Не Анатолием тебя звали?

— А ты откуда знаешь? Ты-то кто? Что-то не признаю никак…

— Олег Филиппов. Я скотником на ферме работал. Про тебя доярки наши рассказывали, что, мол, утонул парень на День пограничника, так тело и не смогли найти.

— Да. Десять лет назад. Мы на моторке катались и перевернулись на волне.

— А я в тот год в тайгу пошел за груздями. Будто леший меня за руку тащил. А там дождь начался, я и заплутал. Так под елью и остался сидеть, сердце прихватило. Про меня все еще злые языки чешут: “Филиппов-то Олег до сих пор грибы собирает”. А ты что здесь делаешь?

— На отцову могилу приходил, смотрю, а тут уже и мама рядом лежит.

— И я на маминой могилке чуть-чуть передохнуть решил, но вот что увидел. Все травой поросло, запущено-то как… А я ведь здесь все своими руками делал…

— А у нас вот дом пропадает. Скоро совсем сгниет без хозяев. Дальше-то что думаешь делать?

— Не знаю еще. Может, улечу куда-нибудь в даль несусветную, а может, здесь останусь. Войду в какой-нибудь камень или в дерево и буду возле своего села жить. Вдруг время придет и чем-нибудь землякам помочь получится, кто его знает?..

— А как помочь собираешься?

— Да почем мне знать?

…Так поговорили и расстались на кладбище две души: старая и молодая. Одна, минуя скотный двор, ушла в тайгу, а другая устремилась в сторону Вычегды. Но путешествовали недолго. Какая-то неведомая сила развернула их, и, не сговариваясь, души стремительно полетели обратно, к домам, что стояли на крутом речном берегу. Они возвращались, чтобы остаться. Будто и не пропадали никуда вовсе…

А может быть, и вправду не пропадали? Может быть, это был невеселый сон о нашей жизни…

Перевод с коми Игоря Вавилова

АНДРЕЙ ПОПОВ

АХ, РОДИНА! ГРЯДУЩЕЕ В ТУМАНЕ...

* * *

Помолись обо мне, сынок,
Расскажи про иной покой.
Я от скорби совсем продрог,
Помолись обо мне, родной.

Я с утра разгоняю тьму,
Из души выметаю сор.
Я живу еще потому,
Что с тобой веду разговор.

Снова плачу. И плачет мать.
Поминальный едим обед.
Расскажи, как же нам понять,
Что тебя с нами больше нет.

Может, спустишься с высоты,
На минутку зайдешь домой?..
Я так верю, что слышишь ты.
Я так верю, что ты живой.

ПОПОВ Андрей Гельевич родился в 1959 году в Воркуте. Окончил Сыктывкарский государственный университет. Автор нескольких сборников стихотворений. Публиковался в журналах "Наш современник", "Север". Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

* * *

Ах, Родина! Грядущее в тумане —
И предано, и продано за грош.
Остался серый сон воспоминаний:
Неясный страх, непобедимый вождь,

Очарование державной брани,
Решительности утренняя дрожь.
“Столичной” водки — граммов сто в стакане...
Но этим наши душе не спасешь.

И никакое время не исправит
Ничтожные порывы и слова.
Ах, Родина! Все сказано о славе,
Да повод не найти для торжества.

И я молчу — судить тебя не вправе.

* * *

Мне не понять изысканность унылых.
Когда порой сжимает сердце мгла,
То вспоминаю, что жена меня любила...
Ласкала. Проклинала. И ждала.

И что мне ваша тщательная смута,
Высокомерные полутона.
Она досталась мне, а не кому-то,
Красивая ревнивая жена.

Разымчивы, затейливы узоры
Измены и сомнений кружева.
Я проще — я провинциал, который
Предпочитает ясные слова.

Предпочитает вздорный нрав зырянки,
Что не читает никаких стихов.
И потому я не умру от пьянки
И не поверю в роковой исход.

И не пойму, как это — жизнь постыла?!
Бесцветна ваша сложность ремесла...
Красивая жена меня любила.
Ласкала. Проклинала. И ждала.

* * *

Капище ломали — не сломали,
Храм построить толком не смогли.
Смотрим, неприкаянные, в дали
Неуютной, но родной земли.

Привели куда пути-дорожки?
До каких оврагов или звезд?
У кого-то год китайской кошки,
У кого-то всенощная, пост.

Кто-то грезит о стальном законе,
Кто-то помнит только темный мат...
Есть надежда — в нашем Вавилоне
Кое-где по-русски говорят.

* * *

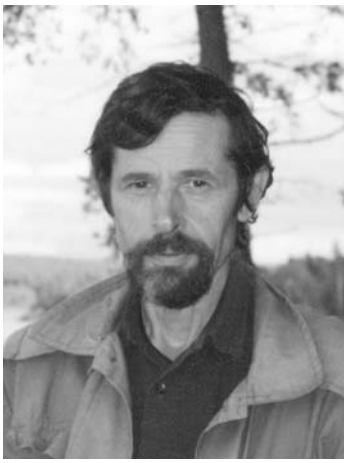
На Севере жил я —
Не ведая горя,
Роптал, что простыла душа от морозов,
Мечтал, что уеду на Черное море,
Мечтал, что спасательным стану матросом.

Кричать буду в рупор, жарой вдохновляем,
Чтоб в зону купанья вернулись мужчины,
Детей буду плавать учить баттерфляем
И женщин красивых спасать из пучины.

Оправиться им помогая от шока,
Шептать, что уже волноваться не надо,
Легко утонуть в этом месте глубоком,
Но им повезло — оказался я рядом.

И верить, что женщины, вспомнив про лето,
Расскажут с восторгом подругам и боссам
О том, как смотрели на море с поэтом,
Который работал на пляже матросом.

ПЁТР СТОЛПОВСКИЙ



ВСЕХ ОБХИТРИЛ

РАССКАЗ

Ни у кого в деревне не было такого легкого да красивого лукошка, какое изладил Ванюшке дед Осип. Сплел он его не из веток, как обычно делают, а из тонких и длинных ивовых корешков. Их можно набрать по сыпучим берегам Вычегды после бурливого водополья. Вышло лукошко с яркими поясками цветными, с косицами причудными, с ручкой витой, донышком надежным.

— Не то красу этакую по грибы берут? — всплеснула руками Ванюшкина мама. — Ей самое место в музее нашем сельском, чтоб все любовались-дивовались.

Деду Осипу любо похвалу слушать, хоть и виду не подает. Однако ж глаза его лучики-морщинки пустили, будто ласточкины хвостики.

— Скачи в лес, внучек, — сказал он. — Чтоб одни белые домой носил.

После дождичков парных солнышко на землю глянуло. Самое грибное время. Подхватил Ванюшка новую корзинку и побежал в ближний бор. А красотища там! Под ногами — шелковый ягельный ковер, над головой — зеленое море хвойное, а еще выше — глыбь голубая, не мерянная. Птицы поют-заливаются, и Ванюшка тоже поет, слова сами собой выдумываются, будто птахи из клетки выпархивают:

СТОЛПОВСКИЙ Пётр Митрофанович родился в 1943 году в Сибири. Окончил Коми педагогический институт. Работал журналистом, редактором. С 1999 года — директор Коми издательства. Автор книг прозы, в том числе детских. Член Союза писателей СССР с 1982 года. Заслуженный работник культуры Республики Коми. Живет в Сыктывкаре.

Старичок Боровичок,
Ты не прячься за пенек!
Ты со мной поговори,
Свою шляпу подари.

Ни дать ни взять песенка-приманка вышла.

Глядь, из-за дряхлого пня коричневая шляпа выглядывает.

— Это дедушке Осипу! — обрадовался Ванюшка.

Положил гриб в лукошко, только дальше двинулся, песенку-приманку завел, а под молодой сосенкой еще шляпа мелькнула.

— Это маме!

Третий боровик-баловник чуть не на тропку выбежал — любопытен больно.

— Это папе…

Через час лукошко потяжелело, прямо руки обрывает. Да еще солнце раскалилось, палит немилосердно, терпенья нет. Луговину переходил — оводы, как на грех, увязались, донимать стали.

"В соседний борок схожу, и будет нынче, — решил Ванюшка. — Только вот лукошко…"

И тут он придумал: пусть лукошко вон на той полянке его подождет, пока он борок обегает. Грибы-то, коль попадутся, и в курточку можно собрать.

Но как оставить на виду красивый дедушкин подарок? Случись грибнику пройти — враз сопрет! Нет уж, лучше в валежнике спрятать.

Схоронил Ванюшка корзинку в старой лесной за́вали, отошел, оглянулся — нет, край виднеется, как есть украдут. Надо так спрятать, чтоб всех перехитрить.

Думал, думал и отнес лукошко подальше от тропки, в густые вересковые заросли. Посмотрел со стороны — все ж таки краешек чуть заметен. Наломал сосновых лапок, лукошко ими накрыл. Теперь порядок! В двух шагах пройдут, не заметят.

Поскакал Ванюшка в соседний борок. Только там ни одного боровика не встретил, одни козляки червивые. Словно расхотелось грибам в прятки играть.

— Ну и не надо, — осерчал Ванюшка. — У меня и так почти полное лукошко набралось.

Только где оно, лукошко? Как сквозь землю провалилось! Весь бор избегал, на всех полянах побывал, вересковые кущи обшарил — нет как нет. Он, пострел, к вечеру только воротился с пустыми руками. И стыдно, и обидно, хоть плачь.

Дед Осип выслушал печальный Ванюшкин рассказ, грустно усмехнулся в белую бороду и сказал:

— Хитрил ты, внучек, хитрил да себя обхитрил. Наперед тебе наука: кто людям не доверяет, тот много теряет.

НЕПРАВИЛЬНАЯ ГРУША

РАССКАЗ

Два мужика соседствовали. Один веселый, все бы он песенки под нос себе мурлыкал да на солнышко щурился. Что ни случись, ему и горе не беда. Другой сосед — неулыба, сентябрем на белый свет глядит, хмурится-косоурится да покрякивает недовольно. Все кругом не по нем: дождик с утра — худо, солнце жарит — опять же неладно. И огурец нынче какой-то кривоватый, и морковка на грядке не косматая, и репа не задалась, молоко от коровенки не шибко белое, пчелы пошли ленивые.

У веселого и хмурого подворья — бок о бок, межой разделенные. А на меже старая груша растет. Чтоб не случилось меж соседями спору да раздору, порешили они считать эту грушу общей — на двух хозяев то бишь. Вместе ее от лихой детворы охраняли, вместе и урожай снимали, поровну делили.

Все бы ничего, только вот у груши одна ветка стала как-то чудно расти, будто руку неловко оттопырила. Оттопырила да и тянет ее, и тянет вдоль межи. Хмурый выйдет на крыльцо, глянет на ветку несуразную и крякнет досадливо.

— Как-то она, понимаешь, неправильно растет, — скажет бранчливо. — Нехорошо, понимаешь, раскорячилась.

— А чего нехорошо-то? — улыбается веселый сосед. — Как ей нравится, так пущай и корячится.

Ветка ж неправильная все дальше оттопыривается, норовит в соседский амбар уткнуться. Выйдет хмурый, глянет пасмурно и пуще крякнет:

— Вот ведь нахрапистая какая! Отпилить ее, понимаешь, и вся недолга.

— На кой пилить-то? — удивляется веселый сосед. — Не то уж мешает кому?

— Глаз, понимаешь, мозолит.

И до того ветка глаз намозолила хмурому соседу, что глядеть ему стало невмочь на этакое уродство. Кряхтел он, кряхтел и не стерпел. Как веселый отлучился из дому, он взял пилку и полез на грушу. Да неловко, видать, лез — сверзился с верхотуры. И так он, бедный, оземь хрястнулся, что ногу в голени сломал. Беда.

Залепили ему, стало быть, ногу гипсом, вовсе сосед пасмурным сделался, того гляди от злости по шву треснет. Кряхтит, на белый свет волком глядит, а на грушу зловредную так прямо рычит, слова для нее обидные подбирает.

Сосед же знай улыбается, деньком весенним упивается.

— Чего ты, право слово, серчаешь на нее?

— Неправильная груша, понимаешь, терпеть уродку эту не могу, — злобится хмурый. — Как из гипса вылезу, как есть отпилю.

А тут снова беда к нему в ворота: кость, сказали, неловко срослась. Ногу-то вдругорядь — хряп, да в новый гипсовый сапог заковали. Сосед с того дня — туча грозовая. Он и спит — все одно кряхтит, словно рыкает, на белый свет ярится.

Ветка ж неправильная тем временем зацвела. Да так пышно, что прохожие с улицы заглядывались, как она белым цветом взялась. В избах от такой кипени — вешний дух благоуханный. А ближе к осени на ветке-уродке груши налились. Отяжелела она, наклонилась. Веселый сосед выйдет на подворье, пощурится на солнышко, а груши так ему в рот и просятся. Подойдет, сорвет одну, отведает. Ну, чисто мед! Веселый причмокивает лакомо, хмурому улыбается:

— Здорово живешь, сосед! Чай, выздоравливаешь?

ДУРАКИ

РАССКАЗ

Лето наше северное куцехвостое да прыткое. Круть-верть, глядь-поглядь, а уж его не догнать — катится на убыль. Доставай лукошко, ступай по ягоду черничку. Либо в низины поречные за черной смородиной отправляйся. А там, глядишь, брусника соком нальется, клюква на кочках зардеется.

Опонь Вась так и сделал. Сунул за пазуху хлеба краюху, сальца в тряпицу завернул, в лукошко маленький котелок бросил — чайком душистым

нутро ополоснуть — и пошагал в парму за черникой. Только жидковато нынче ягода уродилась — редкая, мелкая да и не больно сладкая. Замучишься ягоду такую щипать. Видно, весной рядом с деревней заморозок полосой дохнул, цвет черничный посшибал — у нас такое частенько бывает.

Не поленился Опонь Вась, двинул напрямки через парму. Знал он местечко заветное, высокое, куда холода не враз добираются. Часа два тропку-вилюйку на сапоги наматывал. Но и не пожалел потом: хороша черничка на увале, ступить некуда.

Мужик день до вечера внаклонку бродил, умаялся, запозднился, а своего добился: как и загадал, полное лукошко накидал. А ночи-то белые открасовались, отсеребрились. Неуютно в парме после заката. Что за нужда впотьмушках сапогами шарить, спотыкаться? Поразмыслил Опонь Вась и решил заночевать в старой охотничьей избушке, а рано поутру домой двигать. Знал он эту избушку на берегу лесной речки, не раз в ней бывал-ночевал.

Нашел он ее без особых хлопот, до темна уложился. Каменку топить не стал — теплынь на дворе. Костерок у входа запалил, остатний хлебушек с сальцем приел, сидит, душистый чай из кружки потягивает. Глядь, вроде на тропе кто-то показался. К костерку подходит.

— Ох, умаялся, — говорит человек. — Не помешаю?

— Никак ты мне не помешаешь, — Опонь Вась отвечает. — Даже наоборот: будет с кем словом перекинуться.

— Вот и ладно, вот и перекинемся. — Человек лукошко свое у костра ставит. — Пошел было хариуса подергать, а он — ну ни в какую! Хоть ты ему что под нос подбрасывай! Хорошо, корзинку на всякий случай прихватил, так черной смородины набрал.

— А я вот чернички нащипал, — Опонь Вась на свое лукошко кивает, сам к харюзятнику приглядывается. — Чтой-то я не знаю тебя, мил человек.

— Из такой-то деревни я, — говорит тот. — Микулом зовут.

— Ну-у. Я-то совсем с другой стороны пришел, — Опонь Вась деревню свою называет.

Харюзятник тех же середовых лет, что и Опонь Вась. Длинный, тощий, видать, ходок добрый. Сидят они у костерка, чаек попивают, о том о сем калякают. Опонь Вась нет-нет да глянет на Микулову корзинку. Черника, сам себе думает, дело хорошее, а кабы еще смородинки пригоршни две-три, вовсе б добро было.

Микул же из кружки отхлебнет, блаженно вздохнет, на небо звездное глянет. На небо глянет да лукошко Опонь Вася взглядом зацепит. "Оно конечно, — размышляет, — смородину с сахарком прокрутить, так всю зиму запашистый чай пить. А чернички маленько набрать — гостинец жене да ребяткам был бы".

Ну, начаевничались, пора на покой. Нары в избушке широкие, места хватает. Укутались ягодники от настырного комарья и задали храпака. Опонь Вась, должно, чаю перепил, встал средь ночи. А лукошки у дверей стоят. И в одной ягода черная, и в другой черная — не различишь. Только Опонь Вась не обознается, ручка на его корзинке красной лентой обмотана для крепости. Глянул на Микула — без задних ног спит, убродился бедный в поречных завалах да кочкарнике.

"А что, правда, — Опонь Вась думает, — век мы с ним не виделись и еще столько ж не увидимся".

Взял да отсыпал три пригоршни смородины из Микуловой корзины в свою. А из своей столько же черники в смородину бухнул. Да и лег досыпать. Ни у того, ни у другого не убыло, делов-то!

Длинноногий Микул хорошо спал, разочка не ворохнулся, а чуть свет проснулся. От речки еще туман поднимался. Слез тихонько с нар, чтоб соседу не мешать, потянулся сладко. Взял свое лукошко, хотел было за порог шагнуть, да подивился, на корзины в сумерках глядя: и в одной черно, и в другой черно — захочешь, так не отличишь.

"Все ж таки не помешает ребяткам гостинец", — подумал Микул.

Подумал этак да и пересыпал пригоршню из соседовой корзины в свою. Еще подумал и еще пригоршню переправил. А там и третью прихватил для

ладного счету. Так вот и выгреб он у соседа свою же смородину. Взамен он из своей корзины столько ж убавил, чтоб совесть свою не язвить. Откуда ему знать, что чернику вернул Опонь Васю?

Притворил Микул дверь избушки и пошагал скоренько по тропке. Туманным утречком упруго, свежо шагается ему на долгих ногах.

Часу не прошло, Опонь Вась проснулся. Микула нет, стало быть, не углядел подмены. Вот и ладно. Подхватил лукошко с красной ручкой и потопал в свою сторону. Утро путников любит.

На раскидистой березе старая ворона сидит, шею вслед ходоку тянет.

— Дур-раки! — голосом противным кричит. — Дур-раки!

Она хоть и вредная птица, но, видать, с понятием.

СЕМЬ ВЕРСТ ПРАВДЫ

РАССКАЗ

Старичок белобородый в деревне нашей был, Митричем звали.

— Умственный человек, чего уж там, — говаривали про него.

Уважительно вроде скажут, а все ж таки с усмешкой легонькой, нечаянной как бы. Умен-то, мол, умен, да не нам на ум-разум рот разевать, у нас-де у самих его — не огребешься.

Оно конечно. Как говорится, Фома не купит ума, свой продает. В старопрежние времена Митричей таких, поди, мудрецами почитали, а нынче кто в ней, в мудрости, добро видит?.. Ну, речь не о том.

За Митричем, сказать правду, водилась одна чудачинка: все-то он слово свое в присловье да в загадку обряжал. Иной послушает его бауток, рукой махнет: опять, мол, загнул околесную, все бы он пустое балабонил. Досадно, видишь, человеку, что не всякое дедово слово с лету уразумеешь.

А ведь не бывало у Митрича пустопорожнего слова, по себе знаю. Потому как и мне он однажды задал загадку, да такую, что на всю жизнь разгадывать хватило.

Был я на ту пору ногами скор, языком востер, страсть как любил пересмешничать.

— Дедушка Митрич, — спрашиваю, у самого в глазах бесята в лапту играют, — что лучше — брито или стрижено?

Митрич на завалинке сидит, старые кости изработанные на солнышке греет, ноги в сношенных валенцах нежит. Улыбается мне, белую бороду ладонью оглаживает.

— Намедни я овечку Малашку остриг, дак это хорошо, — отвечает. — А когда тебя во солдаты забреют, тогда ты, вьюн, и без меня смекнешь, где добро ночует, а где худо кукует.

Я с ноги на ногу переминаюсь, и улыбка у меня, надо думать, криворотая получается. Митрич же поласкал меня взглядом хитроватым и говорит:

— А вот и я тебе заковырку-растопырку припас. Раскуси-ка, оголец: чем больше из нее берешь, тем больше она становится. Ну-ка?

Призадумался я, нога об ногу почесывая. Ноги мои в цыпках — страшно глянуть. Мать взялась было сметаной их выводить, да не тут-то было. Цыпок-то куда как больше, чем сметаны в годы те голодные, послевоенные. Но хоть брюхо у меня и тощее, да голова не порожняя.

— Яма! — выпалил я дедушке Митричу и засмеялся счастливо. — Вот и вся твоя заковырка-растопырка!

Дедушка Митрич тоже в бороду свою поусмехался, головой покачал. Порадовался, значит, смекалистой головешке моей. Потом вздохнул коротко, по-стариковски, говорит:

— Того и хитра она, заковырка моя, что семь верст правды в ней. Ты,

вьюн, из тех верст пядень покуда вымерял, а уж спешишь языком своим. Язык не посох, ты его вперед ума не пущай.

Мне от тех слов, прямо сказать, обидно сделалось. Вот уж, думаю себе, вредный дед! Загадку я, по всем приметам, верно отгадал, он же признать того не желает. А еще старый…

Время никого не дожидается: тик-так, трюх-плюх — поспевай, не зевай. Я за ним, за времечком, спешил-торопился, иной раз по пять дел в руки хватал, а все одно не успевал. Никак его не ухватишь, время-то, протекает водицей сквозь пальцы, хоть ты что! Они ведь, часы-минутки, никогда не бывают настоящими: либо они прошедшие, либо будущие, вот где загвоздка.

Но как бы ни спешил я жизнь свою потратить безоглядно, все ж иной раз вспомнится загадка дедушки Митрича. Поразмыслю над ней и снова подосадую: если не яма, так что ж еще? Нету больше ничего такого-этакого, чтоб увеличивалось в размерах, когда из него берут да берут. Нету, и все тут! Пожадничал старикан на похвальное слово, вроде того что один он умный был на всю нашу глупую деревню.

Это я сам себе так думал. Только ведь ум наш хитро устроен: другим рядом другие мысли в нем текут, только не всяк их в расчет берет. Этим другим умом я понимал, что есть, есть тут "такое-этакое", только докопаться до него не могу.

Уж трудны так трудны семь верст правды. Не ногами их одолевают, не колесами меряют.

Поизмотали меня страсти-напасти жизненные, а вроде особо-то и не на что оглянуться. Словно не жил, а продирался сквозь дикое дурнолесье, через терновник-дерябник, следа за собой не оставляя. И крепко стало это меня мучить, потому как знал я к тому времени, отчего такое бывает.

Оттого жизнь человеческая пустой бочкой гремит-катится, что души ей недостает — вот что я знал. Без души хоть десять дел в руки хватай — не будет добра ни себе, ни людям. Дни-денечки без души не проходят, они все равно что прогорают, даже дыма не оставляют.

Легко говорится, трудно вершится. Много я передумал, многим переболел, перемучился, сам себе разонравился. Ну, прям с души воротит, как в зеркало на образину свою гляну, хоть не расчесывайся по утрам…

Мало-помалу, а все ж таки дни мои другим руслом потекли. Душа — не тело, душой полезно бывает болеть-мучиться. Перестал я на белый свет пустыми глазами хлопать, стал в него всматриваться. Да в себя самого не забывал заглянуть, душу начал блюсти, как умел. И нашлось в ней много того, чем и с другими не совестно было поделиться. Вот ведь чудо чудное: после щедрот таких ничуть не скудела душа, а словно шире и светлей делалась.

"Господи! — подумал я однажды. — Да какая ж это к лешему яма?! Не яма это, а душа! Она, душа наша, больше становится, когда из нее берешь да людям отдаешь. Ах, Митрич, ах, хитрец-мудрец, царство тебе!.."

Время, оно никого не дожидается… Я это к тому, что борода уж побелела, ноги к непогоде ломит — терпенья нет, старыми валенцами только и спасаюсь. Внуки как на дрожжах выросли, последний давно с колен сполз, теперь, понимаешь, в лицей свой ходит при галстуке. Ученый, как же! Не то что мы, сиволапые — щи лаптем хлебали, онучей утирались… Ну, это так… пустое ворчание — по стариковскому праву, вроде. Хорошие ребята растут.

Вот он: из лицея прибежал, сумку с книжками на диван хлоп, кусок хлеба хвать — и в двери.

— Деда, у меня коллоквиум предолимпийский!

— Чего-чего?!

— Ну, по истории. Долго объяснять, все равно не поймешь. Пока!

Ах ты!.. Я его за рубашонку-то цоп!

— Стой, вьюн, и не трепыхайся! Ну-ка, ученый-мученый, раскуси мою заковырку-растопырку. Что это будет: чем больше из нее берешь, тем больше она становится?

— М-м-м, — задумался внук, в потолок глядючи. — А, знаю: это яма!

Прям разобидел он меня, торопыга. Вылитый я, забодай его комар!

— Ну, деда, пусти, некогда.

— Ишь ты, пусти его, — посмеиваюсь. — А не помойная ли твоя яма? Ты, вьюн, языком поперед ума не рыскай. Потому она и заковырка, что до разгадки семь верст правды надо вымерять.

— Семь километров четыреста двадцать метров, — шустро сосчитал внук и улыбнулся мне этак покровительственно.

Я вздохнул:

— Нет, внучек, не километров. Дай Бог жизни бы тебе хватило на эти версты.

ТУМАН В ПЕСТЕРЕ

НЕБЫЛЬ

В нашей лесной деревне Оглаушихе — не то про Оглаушиху нашу не слыхали? — ну, так вот: у нас такое случилось-приключилось, что кому ни скажи, не верят. А что уж тут не верить, коль я сам тому свидетель и могу доподлинно про то доложить.

Что случилось-то? А то и приключилось, что в Оглаушихе нашей черные коровы белым молоком задоились. Да это бы ладно, с грехом пополам привыкли к белому. А сей год вовсе чудо чудное: петухи оглаушинские как сбесились — взяли моду по утрам голосить, деревню чуть свет будить! Спокон веку чирикали, а тут на тебе! Кому ни скажи, не верят…

А вы, небось, слыхали, что в Оглаушихе нашей блоха кусючая завелась. Ну, чистая собака! Догонит — враз порвет! На цепь ее посадили, так воры нашу деревню за пять верст обходят, так-то вот. А ты мне толкуешь: блоха, мол, чепуха, лишь бы клоп не грыз.

Ну, это так, для сугреву души как бы. Дело-то, оно сурьезней.

В Оглаушихе у нас два брата были. Своими домами, своими умами жили. Уж и деток наплодили, хозяйством обзавелись — коровки у них, овечки. Ну, все как у людей.

Одного брата Евтихеем звали — ежели по-пачпортному, так натуральный он Тиша. Другому брату имя было Анфилофий, а коль по-нашенски, так он самый что ни есть Филя. А дружные-то братья были — слов нет! Сызмальства так и ходили друг у друга в охапке. В малые леты они, видишь, даже крестиками нательными менялись, как бы братчину крепили, зарок верности давали.

Годы прошли — заботы пришли. Возмужали братья, землю пашут, сено косят, за скотинкой ходят да пчелок водят. Известное дело, с медком-то ненароком и лапоть сжуешь, не заметишь. Словом сказать, от дел Тиша с Филей не лыняли, каждый свой выводок кормил-растил. А как же!

Лынять-то бы и не лыняли, а жили робяты не очень, чтоб уж очень — лихва в карманах не заводилась. Правда, и семерых в один кафтан не сгоняли — у каждого Антошки своя одежка.

Крестьянский неупокой известно какой: не успел с одним делом управиться, а еще пять чередой стоят, в спину подталкивают. Да все спехом надо, все туропом. По осени Тиша с Филей все ж таки выбирались в тайгу-матушку на промысел — рябчика пострелять, тетерку попугать, глухаря повидать да ноги промять. У нас ведь, в Оглаушихе, всяк мужик охотник, ребятенки бесштанные, и те норовят клеста словить мамкам на супец. Добытчики!

А было у Тиши с Филей родовое охотничье угодье, от родителя-покойника им перешло. В угодье том у вилюйчатого таежного ручья избушка крепенькая имелась, можно в ней и неделю жить, и две, и сколь пожелаешь.

Братья ружья за спину, отправились на промысел. А год урожайный вы-

дался, птицы-зверя — что шишек на елке. Они по тропке всего-то ничего прошли, а уж Тиша из пищали своей рябка с высокой березы снял. Обрадовался, говорит: вот-де и супец будет, как на заимку придем.

— Нам бы с тобой, — Филя ему в ответ, — нам рябчика бы этого Лешему подарить, батюшка-то завсегда так делал: первый добыток Хозяину жаловал. Не то, сказывал, разобидится, накажет сгоряча.

— Нет, — упрямится Тиша, — первого рябка не отдам — кто знает, как охота повернется. Первый в суп нам пойдет. Второго снимем, тогда и подарим Лешаку.

Шли они, шли тропой охотничьей, глядь, на елке еще рябчик сидит, на них глядит. Тиша на руку скор, ружьишко с плеча цоп, по птице — бабах! Отлетала, бедная, отклевала спелу ягодку.

— Ну, вторую-то беспременно Лешему пожаловать надо, — говорит Филя. — Суров бывает Хозяюшко, задобрить его надо.

Тиша в затылке чешет.

— Так-то оно так, — говорит, — но ить одного рябка нам с тобой только на зубок достанется: хрум — и нету. А из двух знатный супец сварганим, язык сглонешь! Давай, братец, Хозяину пожалуем, когда третьего подстрелим, ему-то какая разница...

— Ох, — головой качает Филя, — не приведет к добру жадность твоя!

Тиша только посмеивается: ежели, говорит, про всех помнить, так и про себя позабудешь.

Дальше идут, глазами по веткам постреливают. Недалеко отошли — Тише снова рябчик чуть не на голову садится. Тиша страх какой проворный, он и тут не оплошал. Бабах! Вот и третью птицу в котомку сует, сам доволен — дальше некуда.

— Эй, братец! — Филя ему. — Уговор вроде был! Третьего рябка уж всяко Лешему надо пожаловать.

— Вот пристал с Лешим своим! — Тиша серчает. — Неправильно это: добыл я, а слопает Лешак. Не то он родня мне?

Вздохнул Филя, ничего не сказал. А чего скажешь, коль всех трех рябков Тиша добыл. Его добыток — его и воля.

Ну, добрались до избушки охотничьей. Ее еще родитель в годы свои спелые рубил. Растопили печку-каменку, котел над огнем повесили. А уж смеркаться стало, надо к ночи готовиться. Взял Филя топор, пилу, пошел за дровами. Вертается с охапкой поленьев, глядь, а в избушке медведь на полу сидит, благим матом ревет, лапищами когтистыми машет, как от пчел отбивается. Медведь ревет, а Тиши нигде нету. Не сробел Филя, ружье со стены сорвал.

— Ах ты, зверюга бесстыжая!

Да и саданул в него дробью от щедрой души!

Завыл косолапый, подхватился да как припустил в лес дремучий, только пятки засверкали, сучочки затрещали да ельничек запоохивал.

Сколь Филя ни звал, сколь ни искал братца своего, нигде нету, никто из лесу темного не отозвался. И утром не нашел его. Сожрал, стало быть, Тишу зверь ненасытный. Сожрал и рябчиками закусил, потому как и они пропали.

Загоревал Филя, про охоту и думать забыл, хоть и зверье кругом кишмя кишит. Затворил он избушку и понес в Оглаушиху весть страшную, беду неизбывную.

Поголосило Тишино семейство, погоревала вся его родня, попеняла страховидине людоедской, что мужика в наглую заломал да сглонул. А что ж потом делать? Горе-невзгодье, оно на то и есть, чтоб его перемочь да и дальше жить.

На другое лето под осень, когда Оглаушиха наша на полях отстрадовала, вырешил Филя денечек-другой отдохнуть от дел неупокойных, работ костоломных. Надумал по брусничку сбегать. Было у него на примете тайное местечко — хоть лопатой бруснику ту греби, ей все конца не видать. А идти-то надо аккурат по охотничьей тропе, по угодью родовому.

Ну, пошел Филя. За плечами у него пестерек берестяной, в нем краюшка хлеба да шматок сала. Навострился сперва избушку охотничью проведать,

заночевать в ней. С прошлого года там не был, с того самого дня, как братца Тишу медведь сожрал. Цела ли хоть заимка?

На полпути остановился передохнуть, бруснички-чернички пощипать. Щипал да в рот кидал, покуда не наелся. Раз да другой оглянулся на шумок — вроде веточки тихонько хрупали. А как снова обернулся, так и обмер: мишка косолапый по-за ельником густым подобрался, хвать пестерь и наутек с ним, басурманин!

"Ну, дела! — думает сам себе Филя. — Что ж это за медведь такой глупый пошел — пустые пестери из-под носа ворует?"

Хоть смейся, хоть плачь, а пестеря нету, бруснику не во что собирать.

Решил-таки Филя до избушки своей дойти, чтоб уж не полным дурачиной домой ворочаться. Пришел, каменку растопил, из старых припасов похлебку какую-никакую сварил. Похлебал вдосыть да и лег на топчанок спать-почивать.

А не спится ему. Лежит, сам себе думает: куда, мол, ни кинь, везде клин. Такая она, судьбина крестьянская. В хозяйстве и так скудновато, а тут еще пестерь пропал. Тужишься, тужишься, а на вторую коровенку никак не наскрести.

Вздыхает Филя: "Богатым, небось, черти денежки куют, а нам чегой-то не дают..."

Утром чуть свет проснулся, прозевался, за дверь шагнул. Шагнул да и обомлел: у самого порога пестерь его стоит. Целехонек! Взял было за ремень, а поднять не может — будто камней в него наложили.

— Свят-свят! — Филя крестится. — Чур меня!

Открыл-таки пестерек. Открыл и ахнул: пестерь-то полон монет золотых! Так и сияют, так и переливаются! Богатство, прямо сказать, неслыханное.

Постоял Филя с разинутым ртом, проморгался от такого изумления. А как проморгался, так и приметил: сверху сокровища нежданного крестик лежит нательный. А крестик-то Тишин, братца его, медведем задранного! С братом-то они в ребячью пору крестиками обменивались, потому приметка эта безоплошная.

Тут Филя и смекнул, что к чему.

"Это ж он, Ефтихеюшка наш в медвежьем обличье! Братец мой родный!"

Помыслил он этак, ладони лодочкой сложил и крикнул во всю мочь:

— Евтихе-ей!..

Только он этак крикнул — огонь в пестере пыхнул, прямо как из пушки саданул! Дым повалил, искры ажно до вершины сосны достали. Филя со страху так и ляпнулся, где стоял. Не золото в пестере, а видимость туманная... Как дым разошелся, он и увидал: стоит над ним братец его Тиша, живой и невредимый, рот до ушей, светится весь.

— Ох, спасибо тебе, брат! — говорит, сам низко кланяется. — Спасибо, что узнал меня, не то бы век доживать мне в медвежьем состоянии. А все за жадность мою!

Рассказал брат Тиша, что Леший шибко осерчал на него за то, что он не пожаловал ему обещанного рябчика. Потому и обратил в зверя дикого, мишку косолапого. Заколдовал его, сквалыгу, и зарок положил: тогда только в человечье обличье воротишься, когда тебя именем настоящим, именем полным позовут, Евтихеем то бишь. Хорошо про крестик Тиша вспомнил, исхитрился и дал о себе знать.

Словом не сказать, какой счастливый был Тиша. Брату своему наказывает:

— Вот, братец мой родный, про что помнить нам с тобой надобно: страх как не любит Хозяин жадных людей, которым в лесу леса мало да которые из него загребом гребут. Таких он не прощает, по себе теперь знаю.

Как бы ни радостно спасенному Тише разговоры с братцем своим разговаривать, а ноги его так сами собой и побежали бы по тропе — до того по детишкам, по жене да по всей родне стосковался.

— Ну, брат мой милый, ты все ж таки без меня брусничку сбирай. Вон пестерь твой, целехонек. А уж я побегу, не обессудь меня на том.

И стреканул по тропе, будто ветром подбитый — в Оглаушиху поскакал. А Филя порожний пестерек на плечо повесил и пошел на заветное брусничное местечко. Тоже рад-радехонек за брата своего Тишу. Прям сказать, с того свету вернулся парень.

Быстро набрал Филя пестерь свой трехведерный, а брусницы будто и не убыло. Клад, а не место. Филя его никому не показывает — ни куму, ни свату, ни брату, пускай свои местечки выискивают.

Ну, управился, водички из ручейка испил да и отправился восвояси. Шел-шел, полдороги до дому одолел. Притомился ягодник, остановился передохнуть. Сидит на пенечке, снова думу думает. У крестьянина много всяких думок. И то ему надо, и тому срок подошел, и тут подправь, и то купи…

“Эх, — сам себе Филя думает, — были бы деньжата, я б вторую коровенку завел. А еще бы овечек прикупил. Да и бычка на откорм. Нет, лучше двух. Пяток свинок не помешал бы… Эх, где та кузня, где денежки куют да всем раздают?.. А еще бы я детишек приодел, женке своей обновок накупил, чтобы подобрела, а то все ворчит да ворчит. Да я бы, будь у меня денежки, такие хоромы себе отгрохал — ай да ну!.. А может, в город уехать с деньгами-то? Там, говорят, любо-дорого жить, даже землю не надоть пахать… Только где та елка, на которой кошельки с червонцами растут?..”

Повздыхал Филя, черничку-брусничку с кустиков под ногами обобрал, в рот покидал. На пестерь глянул, вовсе опечалился:

“А ведь зря я Тишу-то признал — столько денег из-за него пропало! На все бы хватило — и на коровку, и на овечек, и на свинок…”

Повздыхал, пестерь с брусеной за спину закинул, дальше пошел.

Только кажется ему, что пестерек-то за спиной как бы шевелится. Будто он живым сделался, даже шумок из него непонятный идет, как бы шуршание. Обрадовался Филя: а ну как там бумажные денежки! Отчего бы не случиться еще одному чуду?

Поставил ношу на землю, открыл — батюшки! Полон пестерь червей! Белые, жирные, кишмя кишат, о стенки шуршат, аж пестерь ходуном ходит!

Испугался Филя, подхватился и ну бежать от страсти такой невиданной!

Прибегает домой, а во дворе детишки ревут, жена убивается, слезами заливается. Пеняет ему:

— Ходишь-бродишь по лесу, а у нас корова издохла!

— Как так?!

— А вот так: поди, сожрала что-то отравное.

— Когда издохла?!

— Да часу не прошло. Раздуло ее, будто гору, тут и конец бедной…

Такое вот сталось-разыгралось в Оглаушихе нашей. А ты мне толкуешь: блоха, мол, чепуха, лишь бы клоп не грыз…

ЛИСОНЬКИНА РАДОСТЬ

РАССКАЗ

Уж и потрещала зимушка морозцами лихими, покуролесила метелями-заметухами! А как срок ей вышел, тут и обмякла лиходейка, сосулями иссопатилась, потом и вовсе подломилась. Ночки коротеют, денечки длиннеют. Вот уж поля оголели, лесные полянки обесснежили. Рустополь занялась. А там, гляди-ка, и в ельниках-дерябниках сугробы поникли. Всякая зверюшка, козявка да пичужка солнышку радуется, шум-гам в округе стоит.

Лиса-модница натерпелась, бедная: в холода лютые чуть было хвост пушистый не отморозила, голодная в норе зимовала, дрожмя дрожала. Ну, дотерпелась до теплышка. Нынче выбралась на лесную опушку, встала на бу-

горочек, чтоб к солнышку поближе, сарафан расписной широким колоколом распустила, стоит себе, душу согревает, на белый свет зевает.

А заяц-то, заяц до чего теплу рад! Мечется по опушке, и так он подскачет, и этак он подпрыгнет, и через голову, озорник, кувыркнется! А то еще по звонкой валежине лапами побарабанит, ушами долгими похлопает. Скакал-танцевал, бес косой, да с размаху-то и вкекался в грязную лужу. Не как-нибудь, а в самую жижу зловонную! На сухое вылез — родная мать-зайчиха не узнает.

Лиса с бугорка — хи-хи да ха-ха! Потешается над зайцем. "Ты, — говорит, — не токмо что кос, но и лопоух! О-хо-хо!.."

Что делать? Заяц штанцы да рубашонку в ручейке сполоснул, на молодой травке разложил, сидит, срамник бесштанный, ждет, когда одежка просохнет.

В то самое время похаживала-погуливала по лесу комиссия звериная, компания чудная — волк зубастый да бобер лопастый, дятел носатый да бурундук полосатый, мышка-норушка, сорока-стрекотушка да приблудная лягушка. Для пущей важности еще и тетерю Терентия в комиссию кликнули. Косолапов Михал Михалыч, как водится, на́больший там — верховодит, стало быть, в комиссии.

Идет по лесу ватажка знатная, дела весенние проверяет: хорошо ли снега тают, ладно ли ручейки журчат, дружно ли травка пробивается, громко ли почки лопаются. А главное дело, смотрят да прикидывают, кто больше всех весне радуется. Как решат, тому и награду лесную — грамотку берестяную.

Ходила-бродила комиссия по лесу, все бы ладно, все бы хорошо, а самого радостного зверя никак не выберут. И тот весело прыгает, и тот радостно скачет, и этот порхает — от восторга душа замирает.

— На опушке-то мы ишшо и не бывали, — Михал Михалыч говорит.

Пошла комиссия знатная на опушку.

А заяц-то бесштанный как прослышал, что из лесу вот-вот комиссия нагрянет, испугался, заметался: где бедному схорониться, чтоб не осрамиться? А спрятаться-то и негде — в лес бежать поздно, а кругом чисто поле, одна только лисонька в сарафане на горушке под солнышком млеет. Сарафан пышный, ну, чистый шатер! Заяц и ну просить:

— Лисица, душа-девица, упрячь меня в шатре сарафанном! Не то стыда не оберусь, как без штанов меня застукают.

Лисонька над ним — хи-хи да ха-ха!

— А ты не токмо что лопоух да косоват, — смеется, — ты еще и трусоват! Да уж ладно, оголец бесштанный, выручу тебя.

Лиса лапкой подол приподняла, заяц шмыг туда!

Вот выходит из лесу комиссия звериная, компания чудная. Глядь, на пригорке лиса в пышном сарафане стоит и до того радуется, аж обмирает от восторга. Мило-дорого на ликованье ее глядеть.

— Ой, хорошо! Ой, славно-то как! Ох, не могу!..

— Во! — ткнул лапой Михал Михалыч Косолапов. — Во кто всех лучше весне радуется!

— У-у! — согласился волк зубастый.

— Буль-буль! — подтвердил бобер лопастый.

Дятел носатый да бурундук полосатый не перечили. Мышка-норушка, сорока-стрекотушка и приблудная лягушка тоже согласны. Даже тетеря Терентий выступил вперед и сказал:

— Ко-ко!

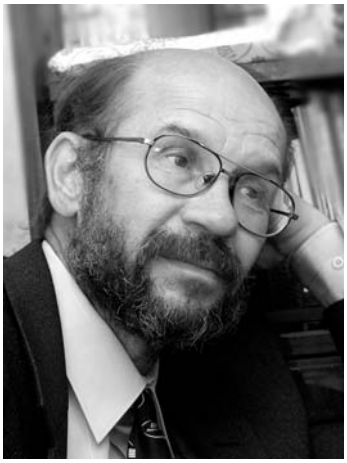
А лиса на пригорочке ажно заходится:

— Ой, как хорошо-то! Ох, помру!..

Ей, стало быть, и вручили награду лесную — грамоту берестяную. Ну, как говорится, по заслугам и честь.

Все бы ничего, только по лесу слушок прокатился: косой-де похвалялся, будто настоящая награда все ж таки ему досталась. Да кто ж ему, похвальбишке, поверит?

АЛЕКСАНДР СУВОРОВ



ВЫХОЖУ В ОТКРЫТОЕ ПРОСТРАНСТВО...

НОЧНОЙ ДОЖДЬ

Я темной ночью вышел на крыльцо.
Дождь, как слепой, ощупал мне лицо —
Осенний сын ненастья, дождь прохожий.
Молчал, забившись в конуру, соседский пес.
Ни слова дождь в тиши не произнес —
Его усталость ощутил я кожей.

В его повадке тайны нет давно —
Он с тишиной и мраком заодно.
Идет он потому, что осень все же.
Так время жизни движется к зиме,
Таясь в холодной непроглядной тьме —
Лишь дождевые капельки по коже.

СУВОРОВ Александр Васильевич родился в 1946 г. на станции Бира Еврейской автономной области. В 1947 году его родители переехали в Сыктывкар. Окончил Коми государственный педагогический институт. Работал журналистом. Автор нескольких поэтических сборников. Печатался в журналах "Север", "Наш современник", "Дальний Восток". Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

* * *

Выхожу в открытое пространство —
Вечность, бесконечность, свет и тьма.
Озираю звездное убранство
Радостью свободного ума.
Впитываю сердцем неизбежность
Растворенья в бездне, и в груди
Возникает трепетная нежность
Ко всему, что будет впереди.

* * *

Мы — временные люди
На временной Земле,
Как мушья рать на блюде,
Как светляки во мгле.

Однажды хлынут воды
И смоют нас с Земли —
Превратности погоды
Попробуй, умоли.

А может быть, мы сами
Шагнем в слепой пожар,
И ядерное пламя
Земной обуглит шар.

Но кажется, иная
Судьба у жирных стад:
В грехе, в грязи стеная,
Всем скопом рухнем в ад...

Мне встать бы на дороге,
На скрестье тупика,
И возопить о Боге,
И повернуть века.

Вот просто вскинуть руки
Ладонями вперед...
Но мир в бесплодной скуке
Меня перешагнет.

ЧУДО

Навстречался с шумным людом
И на все верхушки влез...
А схожу-ка я за чудом
В золотой осенний лес.

Поброжу по мхам немятым,
По забытым соснякам,
Там, где нет пути завзятым,
Вездесущим грибникам.

Подышу прохладой влажной,
Горсть брусничин кину в рот,

И в моей душе бумажной
Грянет вдруг переворот.

Стану я не тем, что прежде.
Стану проще и добрей,
Верить научусь надежде
У деревьев и зверей.

Суету и аритмию
В гордом сердце усмирю.
И зажжет на всю Россию
Лес вечернюю зарю.

* * *

О, вспомни о душе, святая Русь!
Тебе не выжить без своих поэтов.
Пусть будет не ирония, а грусть,
Пусть искренность рассеет ложь секретов.

Окстись, родная! Вечная душа
Не может жить, по-волчьи зубы скаля.
А у поэтов русских ни гроша,
И воля у поэтов не из стали.

Они, наверно, вымрут от тоски,
С пути собьются, в пух и прах сопьются.
О Русь! Нескоро новые ростки
В твоих суглинках по весне пробьются.

ЕЛЕНА КОЗЛОВА

НАД ОБРЫВОМ ПЛАКАЛА ГАРМОНЬ

РАССКАЗ

На миг приостановившись у калитки, Зина медленно открыла ее, вошла во двор. До сих пор томила девушку вчерашняя обида на Прасковью Николаевну.

Нехорошо было вчера у Зины на душе, тоскливо, и попросила она у своей квартирной хозяйки старую гармонь, стоявшую на комоде. Отец еще в детстве научил ее играть. Но Прасковья Николаевна как-то странно посмотрела на девушку и ничего не ответила. Повторять просьбу Зина постеснялась, да и обидно ей стало: старую гармошку пожалела хозяйка. Весь вечер после этого они не проронили ни слова. Даже взгляда друг на друга не бросили.

В городе Зина уже месяц — провалила экзамены в медучилище, а домой, в родное село возвращаться духу не хватило. Вот и осталась, нанялась санитаркой в больницу. И квартира нашлась сразу — больные подсказали. Живет, мол, старенькая, в одиночестве, пустит на постой непременно. Тем более такую-то помощницу.

И правда, Прасковья Николаевна приняла Зину с радостью. Даже за квартиру ничего брать с постоялицы не захотела: “Холодной зимой воду да дрова в дом занесешь, в магазин, если что, сбегаешь, на том и спасибо”.

КОЗЛОВА (Ветошкина) Елена Васильевна родилась в деревне Лыаты Усть-Вымского района Коми АССР. Окончила филологический факультет Коми пединститута. Работала в школе, в детском саду, в секторе литературы и фольклора Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР. Автор нескольких книг прозы, пишет в основном повести для детей. Член Союза писателей России. С 1995 года председатель правления Союза писателей Республики Коми. Живет в Сыктывкаре.

А Зине чего еще желать — мимолетом такую-то работу исполнит. Да и разговорчивая старушка оказалась, значит, скучно не будет. Одним словом, к хорошему человеку пристроилась она. Только вот вчерашнее размолвное молчание легкой царапинкой легло на душу. Непонятно, что дальше-то. Ну, да ладно, Зина на эту гармонь даже смотреть больше не будет.

Как только она вошла, в нос ей ударил с детства памятный запах хмеля. И вправду, хозяйка сидела у стола и обрывала желтоватые шишки, бросала их в корзинку. Как сладко сжалось сердечко в груди, словно перенеслась девушка в давнее время, в котором у отца тоже упруго вьется хмель, сейчас, наверно, так же там пахнет. До головокружения. Давно уже дома она не была. Хмелевым охвостьем Зине однажды едва от отца не досталось. Разве забудешь? В первом классе она тогда училась, дни стояли погожие — не усидишь у порога. Ну и, ясное дело, обдирать хмелевые шишки ей совсем не хотелось. Ах, как отец замахнулся тогда гибкой этой плетью! Не хлестнул, но все же... А теперь вот таким родным на нее повеяло, будто дома рядышком с отцом сидит Зина и обрывает липкие шишки, бросает в корзинку.

— Зинук, покушай, я картошку поджарила, — ласково пригласила Прасковья Николаевна как ни в чем ни бывало. И Зина сделала вид, что и в самом деле ничего не было.

Поев, она села помогать хозяйке и вдыхала, вдыхала сладковатый, чуть пьянящий аромат.

— Вижу, знаком тебе этот фрукт, — заметила Прасковья Николаевна. — А я вот уже сорок лет с ним воюю. Раньше за ним все муж приглядывал, я только пиво два раза в год варила. А теперь вот — сама. В память о муже не бросаю. Да ведь убегает он все время.

— Как убегает?

— А вот так. Каждый год вырастает севернее. Я его уже три раза пересаживала. Выкопаю корешки — и на прежнее место. А он опять убегает.

Они замолчали, думая каждый о своем. И тут не выдержала Прасковья Николаевна, посмотрела на девушку пристально:

— Зина, ты вчера на меня, верно, обиделась? Ты, милая, не обижайся. Растерялась я. Уж больно неожиданно ты к этой гармони-то. Ты бери ее, когда захочется, играй, если умеешь, — хозяйка тяжело вздохнула и низко наклонилась над хмелевыми плетями. — Сколько лет уже миновало со дня смерти Егора... С тех пор ведь только я к ней и прикасаюсь. Когда пыль стираю. Эх, утекает времечко, не остановишь, в кадушку не соберешь! Говорят, каков человек, такова и слава. Знаешь, Гудэк-Егором мужа моего звали, а меня — женой Гудэк-Егора, — Прасковья Николаевна повернула голову к Зине, грустная улыбка тронула губы старой женщины. — Такой же молодушкой, как ты сейчас, замуж за слепого вышла. И не испугалась ведь...

— За слепого? — удивилась Зина, и сердце ее отчего-то сжалось.

— Когда поженились, он еще видел немного, а потом совсем ослеп. В войну питание, сама знаешь, какое было.

Мы с ним соседями были. Там, через дорогу, наш дом стоял, давно уже снесли его. А здесь Егор с матерью жили. Из какого-то лесного поселка сюда переехали. Отец его на лесоповале погиб, а мать дом да корову продала — и в город. Надеялась, что городские врачи зрение сыну спасут. К тому же работа ему тут подвернулась: слепые тогда веревку сучили в артели. И гармонист он был хороший.

Помню, по весне каждый вечер выходил на крыльцо с этой вот гармонью. Сядет на верхнюю ступеньку, меха развернет и играет на всю округу. А я тайком на свое крылечко выйду, сяду так, чтобы не видно было, и слушаю. Вот какие у нас свидания были попервости: он на своем крыльце, а я на своем. И так его гармонные переборы в душу мне западали... Эх...

Зина быстро посмотрела на Прасковью Николаевну, и снова что-то сжалось у нее в груди: морщинистое лицо хозяйки порозовело, словно внутренним светом осветилось, к губам будто улыбка просилась, обрывала она, не глядя, шишки хмеля, и летели они мимо корзины, раскатываясь по полу. Где она сейчас, Прасковья Николаевна? В молодости своей? Далеко же залетела. Вернется ли?

— Все на земле приходит в свое время, в свой срок. И любовь тоже, — продолжила Прасковья Николаевна. — Да, любовь... Однажды, лето уже к осени качнулось, и Егор, как всегда, поиграв на гармони, не в дом вернулся, а перешел улицу. Хоть и видел плохо, но заметил свою ежевечернюю слушательницу. Встал у калитки, молчит. И словно прохладным ветерком меня всю обняло, но как-то нежно, осторожно: что уж он скажет? Бьется сердечко, предчувствует, что случится сейчас что-то удивительно красивое. Смотрю неотрывно на него, а Егор словно на самую ласковую пуговку своей гармони нажал:

— Подойди, Паша. Или боишься меня?

Спустилась я по ступенькам, встала напротив, глаза в глаза. А глаза у него большие, темно-синие, и ноздри чуть подрагивают. Взял он мои руки в свои и говорит:

— Выходи за меня замуж, Прасковья Николаевна.

Так и назвал, по имени-отчеству. Уважительно.

А я, дуреха, хоть и ждала эти слова всем сердцем, выдернула вдруг руки свои и побежала домой. Сбежала, понимаешь, сбежала... В коридоре оглянулась в окошко: что он там делать будет после этого моего бегства? Как поступит?

А Егор только растянул меха во всю ширь да и побрел к Сысоле-реке. Отчаянно пела его гармонь. Точно прощаясь. И ушел ведь.

Ночь уже была. Тишина. А у меня в ушах, словно эхо гармонных басов, его слова звучат, лицо горит, все жилочки дрожат. В дом зайти не смею — вдруг заметят. А кто заметит-то — все спят давно.

До утра я бессонно сама с собой спорила: статный парень Егор и красивый, но ведь слепой же. Слепой! Работящий он, Егор, и не заносчивый, но ведь на десять лет меня старше. Как родителям скажешь? До следующего вечера маялась, ждала, когда гармонь снова заиграет. А она не заиграла. Понимаешь, не заиграла. Не по себе мне стало, словно опустело все вокруг без гармони. Не выходит Егор на крыльцо, и я у окна стою, жду. Смотрю, вышел, наконец. Но не сел на свою ступеньку, не заиграл, а глянул на наше окно и опять — к реке. Как вчера.

А я себе места не нахожу. Вот как он в мое сердечко-то проник.

Перестал Егор на гармони играть, и я как безумная стала, всей душой и телом будто у дома напротив стою, у самого крыльца. Егор же опять мимо меня к реке идет. И музыку свою с собой уносит. Даже домашние заметили мою маету.

В общем, два вечера я терпела свои мучения, а на третий пошла за ним.

* * *

Тихий темный вечер. Сысола еле слышно плещется у подножия крутого обрыва, несет свои мутноватые воды в чистую Эжву, попутно собирая живую дань с множества мелких речек, речушек и лесных ручьев, чтобы, соединившись с Северной Двиной, влиться в Белое море.

И ты, река Сысола, наверно, приметила одинокого человека, который третий вечер приходит к тебе, долго сидит над обрывом и чутко слушает твои всплески, не таит печаль свою. Взяла бы ты, Сысола, эту печаль, да и унесла с собой в далекое северное море. Но тебе нет никакого дела до одинокого человека. Торопишься, спешишь встретиться со своими сестрами и обняться с ними волнами.

Егор сидит на крутом сысольском берегу с тяжелым сердцем и осуждает, прямо-таки ругает себя: “Ишь, посватался. Дурак! Истинный дурак. А она... Красивая, молодая. Сбежала. Конечно, сбежит от такого! И как слова-то эти вырвались! Жди, выйдет она за слепого. С каждым годом все хуже ведь вижу. Скоро конец — вечная темнота. На всю жизнь. И врачи бессильны. А я свою горькую беду — да на эту хрупкую девочку! Со своего плеча — на ее плечи. Эх, мужик! Да разве можно мне о семье-то думать? Скоро без поводыря и ходить-то не смогу...” Корит себя Егор, но где-то в

глубине души прячется и не хочет гаснуть крохотная искорка, которая надеется обернуться великим счастливым костром. Вперекор тягостным размышлениям Егора она просит, требует свое, мечтает превратиться в большую любовь, стремится соединиться с другой, такой же искоркой, чтобы засиять на весь мир.

* * *

— Спускаюсь я по тропке к реке, — Прасковья Николаевна уже в который раз грустно и радостно переживала далекие юные события своей жизни, — а сердце в груди так и бьется, так и трепещет. Вижу, неподвижно сидит Егор на высоком обрыве. Вздрогнул, вскочил, шагнул мне навстречу — услышал, значит, шаги мои. Я и кинулась ему на грудь и разрыдалась в голос. И объяснить себе не могу, отчего. И доныне не знаю, чего во мне тогда больше было — жалости или любви.

Прижал он меня к себе, молча гладит по волосам, нежно, осторожно. И стало мне сразу так хорошо, спокойно.

Долго мы так стояли. Потом он расстелил на траве пиджак, усадил меня рядом с собой и развернул свою гармонь:

На высоком холме, на березе могучей
Поет над моей головой соловей.
О ком ты, соловушка, друг ты мой лучший?
О счастье каком? О любимой твоей.

До утра просидели мы рядышком. Ясную зорьку встретили, с солнышком поздравствовались.

А потом идем в обнимку по улице, а мама моя уже проснулась, корову на пастбище гонит. Увидела нас, остановилась. У меня сердце сжалось: что скажет? И не стала ждать слов материнских. “Мамочка, — говорю, — я за Егора замуж выхожу”. Мама ничего не сказала в ответ, удержала обидные слова, готовые с языка сорваться, только уколола взглядом мать Егора, которая как раз к калитке вышла. Так-то они, соседки, ладили…

А как зашли мы в дом, накинулась на меня мама:

— Что, не нашла никого лучше? Не нашла? Такая ладная, статная, за слепого торопишься!

И сестра, ей тогда лет двенадцать было, губы выпятила, маме вторит:

— Я бы за слепого ни за что! Я только за начальника выйду…

Вот так-то… Из одного мы с ней гнездышка, а какие разные. Она и в самом деле потом за начальника замуж вышла — за начальника почты Пистиа Костю. Только и она счастья не успела испить — погиб ее муж на войне, одна сына вырастила.

Отец, слушая нас, молчал, а я на своем стояла: выйду за него, и все! Хоть что говорите, хоть что со мной делайте. Уперлась, понимаешь?

А ведь до этого слова поперек родителям не вымолвила — так боялась. Словно теленок, ни разу из хлева на свет не выходивший. И откуда что взялось в такой синичке! И вдруг отец на мою сторону встал. Ну и что, говорит, слепой, а работает не хуже других, и ветер у него в голове не свищет. Когда голова на месте, на шерсть не глядят.

— Ну и отдавай дочь за калеку! — словно по щеке хлестнула его мама.

А мне так обидно стало за Егора. Уколола ее:

— Ты сама слепая — за обличьем человека не видишь…

Да, молодость… — Прасковья Николаевна вздохнула, поправила на голове платок. — Как весенний лед на реке не удержишь, так и девушку на выданье. В общем, вечером сваты пожаловали — Егорушка с матерью своей. Отец им: как сама невеста скажет, так и быть по сему. Я, конечно, сразу согласилась. И мама смирилась, хоть и расплакалась.

Расписались мы, большую, шумную свадьбу сыграли. Вся родня собралась за столом. Егор, нарядный, в белой рубашке, на гармони играл, мать

его старинные свадебные песни пела… Вот так и прижилась я в этом доме полвека тому назад. И знаешь, в добре и счастье жили мы с Егорушкой. Хоть и недолго. Жизнь прошла, как тихая река под крутым обрывом.

Прасковья Николаевна вдруг замолчала, словно спохватилась, вспомнив о работе, заторопились ее пальцы, заперебирали хмелевые шишки.

— А дальше? — Зине ужасно захотелось узнать, как все сладилось у молодых, будто чувствовала она, что разговорчивая хозяйка не рассказала ей чего-то очень важного, главного.

— А что дальше? Я устроилась санитаркой в больницу. Как ты. Придем с работы, все домашние дела быстренько сделаем и сидим, муж с женой, друг напротив друга, поем любимые песни. А что делать, если детишек Бог не дал? Не выпало нам такого счастья. Так и прожили свой век тихо-мирно, ежели б не война. Не все, говорят, веселье — под горку катиться, и в гору взбираться приходится.

Началась война, и моего Егорушку словно подменили. Ляжет навзничь на кровать, слова не проронит. Он ведь большой был, сильный. А слепой. Только свет в окне да тень человека на этом свету мог разглядеть. Я к нему и так, и эдак, отвлекаю от тяжелых мыслей. А он молчит. А тут еще сестра моя будто на раскаленную каменку холодной водой плеснула. Спустя месяц после начала войны ее мужу повестку принесли. Сестра пришла к нам, присела на скамью у окна, говорит:

— Приходите вечером — Костю проводить. — И вдруг словно черт ее за язык дернул да вывернул. — А ты, Прасковья, знала, за кого замуж выйти. У всех баб мужиков на войну забирают, а ты миловаться-красоваться будешь! — Я ей машу: молчи, Егор в соседней комнате, а она будто не понимает. — Люди кровь проливают, а вы, как кот и кошечка, на печи сидеть будете да мурлыкать под гармонь. И ни ребеночка, ни овечки.

Не стерпела я, говорю:

— Милая сестра, выйди-ка из нашего дома. Мы, конечно, сегодня вечером к вам придем, но не к тебе, а к Косте. Но потом не жди, нога наша через ваш порог не переступит.

С детства у нее язык был острее бритвы, но тут и я не смямлила.

Константина проводили до парохода, как полагается. А на следующий день пришла я с работы — Егора нигде нет. Кричу — не отзывается. Соседи сказали: к реке твой пошел. Похолодело в сердце моем — так я испугалась. Уж не топиться ли вздумал, ведь так испереживался, сам не свой ходит.

Полетела на берег — нет его. А выше по течению, в речной излучине, пароход у пристани стоит и на берегу народ толпится — на фронт отцов и сыновей провожают. Подошла, глазами шарю, мужа высматриваю. Может, думаю, где-то в толпе. И увидела, наконец. Стоит мой Егор над обрывом и на гармони играет, "Русскую" наяривает. И несколько новобранцев рядом с ним пляшут неистово. Едва удержали меня ослабевшие ноги: жив!

Подошла к нему, встала сзади, слушаю, смотрю кругом. За месяц проводов трава вся выбита сапогами до проплешин, пожелтела. Топчутся новобранцы, родня их, детишки в ногах путаются. Кого старая мать провожает, кого невеста. Люди все из дальних деревень. У кого родственников нет, жмутся к гармони. Тогда ведь, знаешь, железной дороги здесь не было — на пароходе до Котласа плыть приходилось.

Егорушка "Шощцбан" сыграл, "Мича нывъяс". Душевно у него получалось, ласково и певуче, никогда я больше не слышала, чтобы так кто-нибудь еще играл. А когда гуднул пароход и все прощаться стали, каждый подошел к Егору, руку ему пожал: спасибо, земляк, повеселил напоследок, может, не придется уже на родной Коми земле сплясать.

А Егор говорит каждому:

— Неправда это, неправда! Вот прогоните проклятых фашистов, снова здесь, у пристани, встретимся.

И лицо у него будто застыло, закаменело, когда он "Священную войну" заиграл. Верно, по радио услышал песню эту страшную, подобрал на гармони своей. Ты знаешь, крики, плач по всему берегу, а тут призамолкли все, притихли, такая это была песня. Гудит, отваливая от пристани, пароход,

а Егор все играет и играет. Грустной стала гармонь, кажется, вот-вот заплачет, да уже и плачет действительно, потому что знает: не все сыновья Коми земли вернутся обратно.

Каждый день начал ходить Егор на берег Сысолы, провожать пароходы. Вымотается на работе на военных нормах и все равно идет с гармонью на пристань. А я не отговариваю, пусть провожает людей в трудный путь. Может, и его душа умиротворится. На войну его так и так не возьмут. А тут будто при службе он.

* * *

Сегодня у Егора торжество, именины, праздник. Он шагает по знакомой улице после трудного рабочего дня, палкой перед собой постукивает — не изменилось ли чего с утра. И нипочем ему дождь со снегом, который сечет его по счастливо улыбающемуся лицу и пытается сбить с привычной походки. Всем телом, всем существом своим ощущает он себя человеком. Да-да, человеком, а не инвалидом.

До войны Егор как-то особо не задумывался об этом. Жил, как все, работал. А вот пришла война, и мерзкой букашкой засвербила в душе тоска — он ненужный человек. Именно, ненужный. Немного отпустила тоска эта, когда пароходы провожал, но и тогда не чувствовал он себя необходимым. Стыдно было пожимать руки уходившим на войну. Ни в чем не виноват, а стыдно. Они вон — и безусые, и немолодые уже, пожившие — идут и идут, а он — только провожающий с гармонью. Мог бы, тоже не задержался бы, и провожали бы его другие.

И лишь сегодня истлела в груди тоска.

Месяц назад начали в их артели шить и вязать рукавицы для снайперов. Это такие, у которых большой и указательный пальцы отдельно, чтобы стрелять было сподручно. Егор рассчитывал, что его цеху тоже поручат эту работу, но их оставили сучить веревки.

Прошло недели две, и Егор подошел к бригадиру:

— Пал Петрович, я тоже хочу шить снайперские. Они же сейчас на фронте нужнее веревок.

— Слушай, Егор, ты думаешь, это так просто? — с ходу осадил его бригадир. — Тебе два месяца придется учиться. А у нас времени на это нет. На рукавицы бросили тех, кто уже раньше их шил. А ты свою работу делай по мере сил и возможностей. Она тоже нужная.

— Знаю, что нужная, — заупрямился Егор. — Но я хочу шить рукавицы.

Павел Петрович удивленно посмотрел на возбужденного Егора. Таким он своего подчиненного еще не видел.

— Слушай, дорогой мой, я все понимаю, но… — бригадир заколебался и вдруг согласился. — А… Давай. Хочешь шить — учись. Но только после работы. Норму выполнишь — и я не возражаю. Но норму выполнять — обязательно. Время военное.

И замелькали трудные для Егора дни. Накрутив веревочную норму, он спешил в швейный цех и допоздна упрямо приучал руки к новой работе. Долго не получалось у него ничего. Не зря ведь говорится, что первое полотно непременно с узлами, а первый выстрел — черная ворона. И вот, наконец, сегодня Егор сдал на склад готовой продукции хорошо сшитую пару настоящих снайперских рукавиц. Завтра его изделие отправят на фронт, и лучший во всей Красной армии снайпер, не снимая на морозе рукавиц, нажмет на спусковой крючок меткой винтовки. И пусть дождь со снегом хлещет в лицо. Пусть. У Егора праздник.

Вернувшись домой, Егор не сразу заметил печальное молчание жены. Улыбнулась, конечно, похвалила за успехи, но сдержанно как-то.

— Ты чего, Паша? — уловил ее настроение Егор.

— Сестра приходила, — осторожно проговорила Прасковья.

— Ну…

— Сынок у нее совсем ослаб. Ты же знаешь, застудился он. Никак не поправится. Ничего, говорит, не ест, да особо-то и есть нечего.

И тут же погас для Егора праздник. Война проклятая. Какие уж тут праздники? Его маленькая победа рядом с горем, которое пировало повсюду, принося болезни детям и похоронки соседям, показалась ему ничтожной капелькой в людском море. Егор прошел в горницу, вытащил из сундука новый черный костюм, который они успели справить до войны и который он любил надевать, когда играл на гармони, достал голубую с полосками шелковую рубаху, вынес Прасковье.

— На вот это, да еще кой-чего подсобери… Походи в выходной по окрестным селам. Может, удастся выменять на сало и картошку. Надо мальчонку на ноги ставить.

Прасковья молча взяла вещи, и так ей легко стало на душе. Значит, не держит он зла на ее сестру.

* * *

— А к концу войны Егор и сам занемог. День и ночь кашлял, кровью сплевывать начал. Он ведь у меня крупный, рослый был мужик, на карточки не наедался. — Прасковья Николаевна замолчала, словно застыла вся, а потом, вздохнула, продолжила. — Я вон тут, в парке, раскопала большой участок под картошку. Тогда весь парк в грядках был. Воровали, конечно, подкапывали. Но ничего… И копала, и окучивала, и полола. На мне весь огород был. Прибегу из больницы, управлюсь — а дома тоже работы невпроворот. Когда картошку копали — мне самая трудная должность доставалась. При лопате. Сила-то у Егора была, да что толку: не видит, где копать надо. Он на ощупь картошку собирал, понимаешь. А я прямо с ног валилась в такие дни.

Помню, вернулась в дом с грядки и едва до кровати добралась, прилегла. Не смогла даже ужин мужу приготовить. Лежу, словно в забытье впала. Глаза открываю, а Егорушка сидит рядом со мной, взял своими огромными ручищами мои руки, красные, в гусиной коже от постоянной работы в воде и на холоде, шершавые, с потрескавшимися ладонями, и дует — греет. Так-то он не очень ласковый был, а тут нагнулся и каждый палец поцеловал. Вся кровь у меня к лицу прихлынула. Вот, думаю, какой он, оказывается: руки целует, а руки-то все в трещинках, загрубевшие от работы в некрасивые. И вдруг точно обожгло меня: он же не видит, какие у меня руки. Дурочкой была, не понимала, что ему и не нужно было их видеть.

Пришла весна, а с нею и Победа. Как радовались все! А Егорушке работы прибавилось. Стал опять с гармонью на пристань ходить, но уже не провожать пароходы — встречать. Каждый день ходил, будто братья и сестры с фронта возвращались. Вечером, часам к девяти, пароходы прибывали, гудками всю округу на ноги поднимали. Егор надевал чистую рубаху — и к реке. До самой осени ходил на берег. Я отговаривала его:

— Хватит уже, простынешь совсем. Вот-вот снег пойдет.

А он спокойно так:

— До закрытия навигации поиграю.

Иногда пароходы опаздывали, так он садился к порогу, ждал, иной раз даже соснет на минутку. По гудкам узнавал пароходы-то. Вот “Бородино”, а это “Некрасов”… До пристани от нас — два шага через парк.

Мерз он, конечно, там, на осеннем ветру, совсем расхворался, а еще следующей весной сильно простудился. С тех пор кашлять не переставал, кровью харкал. К осени лицо потемнело, знаешь, как репа пареная, похудел весь — только нос торчит.

— Егорушка, — говорю ему, — сходил бы ты к врачу.

— Сходим, сходим, — отвечает, — сейчас только последний пароход встречу… А то уложат в больницу, где гармониста найдут.

Этот последний в воскресенье пришел. Ночью уже сильно подморозило, утро выдалось солнечным. Но к вечеру небо тучами затянуло, дождь накра-

пывать начал. Егора бил озноб, целый день у печки в фуфайке просидел, а вечером снова засобирался на пристань.

— Егорушка, не ходи. Болеешь ведь.

— Что уж, Паша, последний ведь пароход. Надо встретить обязательно.

— Тогда и я с тобой.

Ветер нес по берегу дождь со снегом, пассажиры выходили из сияющего огнями парохода в неласковую осеннюю темень. А Егор, спрятавшись от дождя под соснами, стоит на взгорке около пристани, играет "Синий платочек". Первые пассажиры уже разошлись, а после всех по трапу спустился солдат на костылях: правой ноги у него нет, шинель не застегнута, на груди ордена и медали звенят. Поднялся на голос гармони, встал перед Егором, сидор с плеча стянул и говорит:

— Ну, здорово, друг! Живой?! Дай пожму тебе руку! Большое тебе спасибо, друг! И за игру спасибо! Ты не помнишь, конечно, а ведь под твою гармонь уходил я на фронт, под нее и вернулся. Вернулся! Если б не гармонь эта... Эх! Я ведь закрою глаза в землянке, начну края родные вспоминать и тебя вспоминаю. Берег сысольский, эти березы, тополя... и ты на гармони играешь. "Священную войну". А потом, в госпитале сколько раз чуть не плакал, губы кусал: кому я нужен такой? Я ведь охотником был не последним, а как теперь по лесу-то? Без ноги не побегаешь. И опять перед глазами ты со своей гармонью, будто зовешь домой. Да, зовешь... Глядишь, и терпеть можно жизнь такую. Так что спасибо, солдатское спасибо тебе и поклон до земли!

Егор отдал мне гармонь, протянул руку солдату, хлопает его по плечу, а я смотрю на него и не узнаю. В отсветах пароходных огней исхудавшее лицо, плотно сжатые губы, часто моргающие веки — не поймешь, слезы текут по щекам или холодные капли дождя...

Зимой умер Егор. Видать, слишком поздно к врачам мы пошли.

После похорон будто солнце мое погасло. Как выдержало сердце, не разорвалось от горя. Так и жила, словно в сумерках. Работа, конечно, не давала забыться, отвлекала от беды моей. Но, хоть и прошло уже с той поры сорок с лишним лет, а плач и радость этой вот гармони стоит в ушах доныне. Никто ведь после Егорушки не играл на ней...

Прасковья Николаевна умолкла. И Зина не посмела нарушить ее молчание, ей показалось, что она только что вернулась из дальней дали, из другого времени, где своими глазами видела слепого гармониста и его молодую жену, которые стали ей отчего-то такими близкими, такими родными. И будто слышала Зина печальную гармонь, плачущую по солдатам, погибшим на войне... А хозяйка вдруг запела:

У ручья, у быстрого ручья
Спеть заре хотела песню я,
Но сорвался звонкий голос мой,
Радость мхом позаросла зимой.
Ручеек, чтобы заглох в ночах,
Перекрыли — ручеек зачах.
Так что ты, кукушка, мне не ври —
Друг мой превратился в луч зари...

Перевел с коми Александр Суворов

ПОЭТИЧЕСКАЯ МОЗАИКА

НАТАЛЬЯ СТИКИНА

СТАРОЕ ФОТО

Под каплями осеннего дождя
Проснутся львы на каменных ступенях.
Часы на башне впитывают тени
Ночных видений, мучивших тебя.

Разбило время дымку над Невой...
И первый луч забытого рассвета
Коснется нежно старого поэта,
Вернув на день утраченный покой.

Печальная улыбка красит лик
(Для памяти нет долгих церемоний):
Застыл навечно, в солнечной короне,
На старом фото юности двойник.

Но кажется живым, на краткий миг,
Цветок граната, дремлющий в ладони.

НОЧНЫЕ РАЗГОВОРЫ

...Ты мне расскажешь о том, как срастаются крылья
Бабочек, брошенных ветром на зимние скалы.
Или о том, как на берег выносит финвалов,
Чтобы какой-то дурак их разделал для шильи.

Как умирают закаты, рождая рассветы,
Как бьются птицы о стекла, а стекла — о камни.
Или о том, как с домов рвутся старые ставни,
Вдруг ощутив себя птицами позднего лета.

Пусть от рассказов твоих растворяются тенью
Стены на кухне, где чайник поет свои песни.
Время застыло. Ну, что может быть интересней
Тихих, ночных разговоров за запертой дверью?

ОЛЬГА СКРЯБИНА

* * *

На корме промежуток немалый,
Чтобы руки раскинуть судьбе...
Я удачу не только поймала,
Я ее предлагаю тебе.

Наш корабль не качает на водах,
Не тревожат его маяки,
И при разного рода невзгодах
Нам помогут с небес моряки.

В полутемных каютах из воска
Нас слепили художники звезд,
Мы бежим по зеркальным полоскам,
Не касаясь друг друга всерьез.

Но мы знаем всю цену причалу,
Равновесье держа на ветру.
Я всегда возвращаюсь к началу,
И поэтому я не умру.

ДМИТРИЙ СИРОТИН

* * *

Господи, прости мои грехи!
Искренне молюсь, да — неумело...
Их искупят, может быть, стихи,
может — боль, что так терзает тело.

Боже, прегрешения прости!
Скоро я и сам себя разрушу!
Кротко принесу Тебе в горсти
глупую, израненную душу...

ОЛЬГА ХМАРА

* * *

На станице диги-дон!
Колокольный весел звон.
— Дверь закройте, девки, осы ведь!
Баба Нина самогон
Варит абрикосовый.

На медовый да на Спас
Честь великая про нас.

— Городяне, со свиданьицем!
И конечно, не под квас
Разговор душевно тянется.

Соберется не спеша
Целый мир обнять душа,
Непременно с песней встретится.
Знай, тихонько из ковша
Тайну пьет Медведица.

А в последний был приезд
Слышен далеко окрест
Только шум вороньей ругани —
Раздразнил тесовый крест
Свежеструганный...

На станице глухо дон-дон,
Колокольный плачет звон.
Не бывать слезе хрустальнее —
Бабы Нины самогон,
Чарка поминальная.

* * *

Натешусь по привычке всласть
Нечеткой поступью строки.
Неистребима эта страсть —
Всё превращать в черновики:

Конверт и проездной билет,
Обрывок вечера рябой,
Родной до боли силуэт
И встречу, что была судьбой.

СЕМЕН БАШКИРОВ

* * *

От монгольского улуса и до моногородка
Пролегла по жизни русской беспросветная тоска.
Обустроилась владыкой и в нерадостную суть
Бытия в России дикой заставляет заглянуть,
Безобразья обозначит, все покажет без прикрас,
По себе переиначив, поедом съедая нас.
И вселенского поганства так покажет глубину,
Что слабеешь, легче — пьянство, и — к бутылочному дну.

Темень, темень. Только знаю, как и прежде, без затей
Сумасшедшие рожают и растят своих детей.
И все так же дети рады каждой крохе неспроста.
И способны, если надо, мы за друга насмерть встать.
Вопреки любому горю и себе же вопреки
Все же пашут, все же строят по Расее мужики.
В бедном храме пред иконой со свечами стар да млад.

Все коленопреклоненно на молитве предстоят.
Это значит, что народу и стране не вышел срок.
И, обжегшись о невзгоды, я уверен — с нами Бог!

* * *

Песком из ладоней рассеивал дни
И воду носил решетом.
Прости меня, Господи, и не вмени
В вину, что легко на потом

Откладывал все, что я мог отложить,
И прочь от деянья бежал,
Что не жил, как призван Тобой, не по лжи
И в землю талант зарывал.

Прости, что даров Твоих не сохранил,
О приумноженьи — молчу.
И лепту несу — нет на большее сил —
Слезы покаянной свечу.

ДАРЬЯ СНЕГИРЕВА

* * *

Знаешь, строить сложней, чем рушить,
Но во всем допустимы сбои.
Просто надо решить, как лучше,
И желательно для обоих.

Даже если построишь нечто —
Будешь думать: насколько прочно?
Просто надо решить, как легче, —
И на этом поставить точку.

Сердце громче, а голос — глуше,
Не вдохнуть — как петля на шее...
...Просто "легче" не значит "лучше" —
Вот, пожалуй, и все решенье.

МАРИЯ ИГОНИНА

* * *

Не хватает двух сцепленных рук.
Этот замкнутый круг разорви.
Мы как звезды, упавшие вдруг
На ладони ослепшей любви.

Не поднять непрозрачных завес.
Может, сказка, а может, и быль.
Только звезды, сорвавшись с небес,
Без любви рассыпаются в пыль.

ЕВГЕНИЯ ПЕРЕПОН

* * *

Дождь идет... Пойду открою:
Посидим и помолчим
У окна ночной порою
В тусклом пламени свечи.
Холодок бежит по коже...
Как приятна эта дрожь...
Дождь и ты... Вы так похожи.
Поиграешь и пройдешь...

ДМИТРИЙ БЕЗГОДОВ

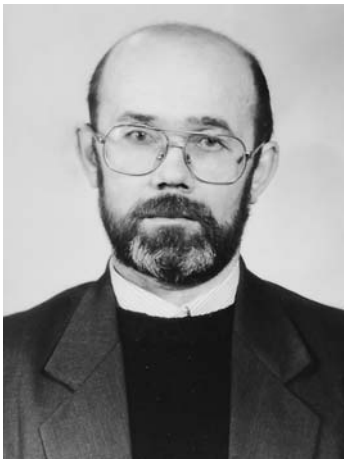
ПРИШЕЛ ХОРОШИЙ

И начнет жена ругаться...
Я жене скажу — привет!
Сразу станем целоваться,
Будто нам по двадцать лет.

Что мы можем? Плакать, драться?
Русь, кричать, прости, прости?
Вот — с женою целоваться,
Крестик сохранять в горсти,

И молить — земля родная,
Мы уйдем, — живи. Аминь.
Тесно сеет сито рая!
Горько плачет неба синь.

АЛЕКСЕЙ ПОПОВ



СТРАННЫЙ ЧЕЛОВЕК

РАССКАЗ

Странным его называет только жена. Другие никаких странностей не замечаю!

Двадцатипятилетний Александр Савин работает в совхозе техником-строителем. На хорошем счету у начальства. Дом культуры, новый скотный двор в селе полнятся и с его помощью. Не раз пришлось Александру побывать в городе, чтобы выбить нужные материалы. Вот и сегодня с утра он снова собирается туда.

И опять с утра в кабинете директора совхоза сидит жена Савина, Нина, и глаза у нее заплаканы.

— Андрей Макарович, Христа ради прошу, отправьте кого-нибудь другого за этими проклятыми кирпичами, только не дурака моего.

— Это почему же он дурак? — Андрей Макарович обижается за Савина. — Александр парень умный. А в город ездить его работа. Я буду его обязанности выполнять? — он вопросительно смотрит на молодую женщину, представляя, как идет она по селу — прямая, стройная, талию двумя ладонями можно обхватить. — А почему ты, собственно, против?

— Не хочу, и все.

ПОПОВ Алексей Вячеславович родился в 1950 году в селе Большелуг Корткеросского района Коми АССР. Автор нескольких книг прозы. Повести и рассказы печатались в журналах "Север", "Сельская молодежь", еженедельнике "Литературная Россия" и в других периодических изданиях. Произведения переведены на многие языки народов России, а также на финский и венгерский. Лауреат Государственной премии Республики Коми в области драматургии и театрального искусства. Награжден нагрудным знаком Министерства культуры РФ "За достижения в культуре". Главный редактор республиканского литературно-художественного детского журнала "Би кинь". Член Союза писателей России. Живет в г. Сыктывкаре.

— Это не разговор.

— Значит, его отправите?

— Отправлю, отправлю, уже отправил.

Нина поднялась и, что-то буркнув на прощание, вышла из кабинета. На улице она утерла вновь появившиеся слезы и зашагала на работу в сельскую библиотеку.

Здесь она работает одна. Народ приходит за книгами вечером. В маленьком кабинетике выплакалась Нина вволю. И жизнь свою семейную в мыслях, как книги на полках, расставляла.

Вообще-то муж ее. Саша, хороший. И ей по хозяйству поможет, и мужскую работу без принуждения делает. Дом хоть и новый, сколько еще в нем работы? А баню надо поднять? Надо. И эта забота на Саше. Нет, с этой стороны к нему не придерешься. И ласковый он, и внимательный.

Тогда почему же странный?

Таким он становился после поездки в город. Там его словно подменяют. Возвращается в село совсем другой человек. Рассеянный. Задумчивый. С Ниной почти не разговаривает, с сынишкой не возится. Все молчит. В такие дни Нина едва сдерживается, чтобы перед ним не расплакаться. В библиотеке дает волю слезам.

— Снова тебя заколдовали? — спрашивает дома у Александра. Старается ехидно спросить, но то ли не хватает ехидства, то ли Александр его просто не замечает. Ничего не ответит.

Терпит Нина неделю, две. Обычно через две Саша сам все Нине рассказывал. С кем в городе познакомился, как проводил время. Другие мужики, если случались в их жизни чужие бабы, женам об этом — ни гу-гу, а этот ничего не умел скрывать. Нину иногда даже зло разбирало: молчал бы уж, легче бы было.

— Вот мы с тобой пять лет вместе живем, — обычно так начинал разговор Саша, — вроде бы все у нас гладко. Но не хватает чего-то сердцу, понимаешь? Жить живем, но как будто через силу. Может, любовь моя к тебе угасла — не знаю. Живем, потому что надо...

Очень Нине становилось обидно. Ведь она все для семьи, все для мужа. После работы по хозяйству крутится. То стирает, то варит, то к корове бежит.

— Чего же тебе от меня нужно? — дрожащим голосом спросит у мужа. — Скажи, я все сделаю.

Саша обиженно молчит.

— Знаю, знаю, ищешь ты в городе какую-то необыкновенную. А я хоть на одного мужика посмотрела?.. Ищи, ищи, может, найдешь!

Расплачется Нина и убежит из дома на целый вечер. Приходится Саше самому хозяйничать, сына спать укладывать.

Да, Саша не скрывал от Нины, что в городе он искал женщину. Необыкновенную женщину. Какую — он словами не мог объяснить. Ну, во-первых, чтобы все понимала. И чтобы голос у нее был мягкий, ласкающий. И чтобы глаза были большие. И чтобы грустные.

Выполнив в городе все, что нужно по работе, Саша подолгу бродил по улицам. На броско одетых и накрашенных женщин он внимания не обращал, хотя многие из них заглядывались на интересного парня.

Но когда Саше встречалась девушка с грустными глазами, сердце его вздрагивало. Почему-то ему казалось, что если глаза у девушки грустные, она обязательно несчастливая и нуждается в помощи.

Его, Сашиной, помощи.

Саша останавливался около грустных девушек на автобусных остановках, догонял их на улицах, бросался за ними следом, если направлялся в другую сторону. Заговаривал с ними, вежливо заговаривал, но, несмотря на обходительное обращение, многие его не понимали и гнали от себя. Но все же изредка знакомства удавались. От разговоров с Сашей девушки веселели и, случалось, приглашали вечером в гости.

К новой знакомой Саша являлся с цветами. Они пили чай, болтали, и молодому человеку через полчаса казалось, что перед ним сидит именно та, о которой он мечтал долгие годы. Умная, все понимающая, с мягким голо-

сом. Саша помогал ей, чем мог: мыл посуду под теплой струей воды, бегал в магазины. И ночевать оставался. Да, и это бывало.

Но почему-то женщины быстро остывали к нему. Саша не мог найти этому причину. Ведь помогал, ласковым был. А после второго-третьего раза ему по носу: "Не приходи больше".

А однажды его крепко обманули.

Познакомился он с женщиной, у которой была трехлетняя дочка. Звали женщину Верой. Жила она в малосемейном общежитии, небогато жила. Была замужем, муж ее бил, рассказала Вера, а потом куда-то исчез. И алиментов с него нельзя было взыскивал, — неизвестно, где он куролесил.

К Вере стал заезжать Саша Савин. Три приезда уже останавливался у нее. Не понимал, почему соседки по общежитию смотрят на него жалостными глазами. Ведь Вера — хорошая, душевная женщина. Одна соседка, толстая и неуклюжая, как-то заговорила с Сашей.

— Ты, я смотрю, парень хороший. Чего ты здесь ищешь?

— Счастья, — ответил Саша. — Нравится мне ваша соседка. — Сказал: "Нравится", а сам подумал: "Больше, чем нравится. Влюблен. Сделаю ей предложение, если согласится, женюсь. Разведусь с Ниной. Сына, конечно, жалко, но ничего, дочку Верину осчастливлю".

— Не пара она тебе, — ответила толстуха. — Муж бил ее за дело. Гуляет она, парень, беги от нее.

— Вы всех под одно одеяло заталкиваете, — разозлился Савин на толстуху. — Вера честная женщина. Не вмешивайтесь, пожалуйста.

— Ну-ну. Скоро и ты ей надоешь, попомни.

— Попомню.

От этого разговора муторно стало на сердце. Но увидел перед собой ласковые Верины глаза, и все растаяло. Вера подала ему сумку с продуктами:

— Отнеси в комнату, Сашок.

Саша бежал в комнату, доставал продукты и рассовывал их в шкаф.

А потом начинались ласки. Вера так могла приласкать, как жена не умела.

— Саша, знаешь, я ведь на больничном сейчас, — мягко сказала Вера виноватым голосом, когда они лежали в теплой постели. — С зарплаты всего пятьдесят процентов начисляют. Просьба к тебе небольшая. Деньгами не поможешь? Дочурке надо платье купить.

Саша потянулся к пиджаку, висящему на спинке стула.

— Конечно, Верунь, конечно. Рублей сорок вот только с собой. На первое время хватит?

— Ты только не сердись, — виновато пела Вера. — А ты сегодня домой уезжаешь?

— Надо бы сегодня. Два дня уже просрочил.

— Я тогда к подруге схожу.

— Давай вместе сходим, — Саша стал одеваться. — Я на последнем автобусе поеду.

— Извини, мне одной нужно, — ласково улыбалась Вера.

Они расстались около Вериного дома. Автобусы в Сашино село ходили часто, но все-таки он решил вернуться на последнем. Бродил по осеннему городу, обдумывал будущее. Переедет он в город. Поживут пока с Верой в малосемейке, устроится на работу, дадут квартиру. Саша любил помечтать.

Однако пора на автобус.

На полпути к автовокзалу Саша остановился как вкопанный. К большому, с бегающими на крыше буквами ресторану подходила Вера, держа под руку двух лохматых парней. Да, это она — в длинном синем плаще и красных сапожках. Сашу рванулся было к ней, но в последний момент сдержался. Вера с парнями скрылась в дверях.

Долго Саша стоял, опершись о фонарный столб, не замечая сеющего дождя. Горькие мысли точили мозг: "Вот где гуляют сейчас его денежки. Куда же она пристроила дочку?"

Давно ушел последний автобус. Саша упорно ждал. Было громадное желание увидеть сейчас Веру. Посмотреть в ее большие виноватые глаза.

А вот и она. Хохочет! Совсем пьяная. Сзади, пошатываясь, идут те же парни. Тоже гогочут.

— Вера! — окликнул Саша. — Вера!

Вера услышала не сразу.

Потом, пьяно косясь на подходящего Сашу, снова расхохоталась.

— А. это ты! — И — парням. — Познакомьтесь. Это мой жених. Бывший! — И опять хохочет.

— Уже бывший? — вырвалось у Саши.

— Д-да. Бывший. А что? Может, тебе денег жалко стало? Ниче, не переживай, женишок. Таких губошлепов, как ты, так и надо учить. Любовь ищешь! К жене лучше поезжай да ее люби! Любве-обильный! Ха-ха-ха!

Саше захотелось ударить ее. Смазать наотмашь по этому смеющемуся лицу. И куда подевались ее виноватые глаза? Наглые, бесстыжие, пьяные. Эх!

Саша резко повернулся и зашагал прочь. Ночь провел на вокзальной скамейке.

Месяца два Саша не мог прийти в себя после этой истории. Опять не нашел необыкновенную. Да есть ли она? Нет, он уверен, что есть. Надо только искать, искать. Но знакомиться стал осторожнее.

Через полгода жизнь преподнесла ему сюрприз с другой стороны.

Его жена, Нина, ездила к родителям в родной поселок. Вернулась через несколько дней молчаливая, хмурая. Такая же, как Саша после городских командировок. Два дня что-то скрывала, на третий сама начала разговор. Саша ее приобнял за плечи, чтоб она не молчала, оттаяла. Нина оттолкнула его руки и оказала:

— Саша, скоро мы с сыном уедем в мой поселок. Насовсем.

— Что так? — хохотнул Саша.

— Другого нашла, — спокойно ответила жена. Саша резко поднялся:

— Чего болтаешь?

— Я не болтаю. Я долго твои выходки терпела, а теперь вот сама уезжаю. Так уж получилось.

— Кто он? — хмуро спросил Саша.

— Хороший парень. Серьезный, не то что ты, ветреник. Ты себе быстро другую найдешь.

Этой ночью Савин глаз не сомкнул. Чтобы его Нина спала с другим? Он этого не допустит! Ни за что! А сын?

Недавно тот закапризничал — спать не ложился. Саша его уговаривать — ни в какую, не слушается, плачет. Пришлось снять с гвоздя ремень. Сын это увидел, поднял ручонки над головой и громко закричал:

— Папочка, не надо, папочка, не надо!

Сашина рука с ремнем сразу опустилась.

А тот, чужой мужик, может, каждый день будет Ванюшку бить, ведь не свой же.

Словно бык, которого изо всех сил саданули по лбу, не мог Саша прийти в себя. Три дня ходил сам не свой. Жена не разговаривала, потихоньку собирала вещи. Однажды ушла куда-то, а Саше в руки попалось письмо. Оно лежало в почтовом ящике между газетами. Адресовано Нине.

Саша махнул рукой — была не была, семья рушится, чего уж с письмом церемониться. Разорвал конверт и прочел.

Письмо было от того, от разлучника. Он спрашивал у "милой Ниночки": когда она приедет, мол, скучает по ней.

— Ах ты гад! — подумал Савин и переписал адрес мужика в свою записную книжку. Выпросил у начальства отгул и поехал в поселок, где жили Нинины родители. Быстро нашел того мужика. Федором его звали. Высокий, широкоплечий, лет тридцати.

— Слышал, слышал о тебе, — бойко, не страшась, сказал он. — Ниночка рассказывала.

"Ишь ты, Ниночка".

— Поговорить нужно, — буркнул Саша.

— А чего ж. Можно. Садись.

Жил Федор в небольшой комнате леспромхозовского общежития. Выставил на стол бутылку, закуску, плеснул в две стопки.

— Я сюда не водку пить приехал, — мрачно сказал Саша. — Ты вот что. Давай оставь мою жену в покое.

— Она мне нравится, — ответил Федор и смачно крякнув, выпил. — И я ей тоже. А что?

— Она моя! — вскочил с табуретки Саша. — Моя жена, понимаешь?

— Разведется, — закусывая капустой, сказал хозяин. — Долго что ли?

— У нас сын!

— Я воспитаю, не волнуйся. Ты садись, садись. Чего вскочил?

Саша то кричит, то умоляет. Федор свое гнет: хочу жениться на Нине.

— Что ты в ней нашел? — решился на последнее Саша. — Неужели нет лучше?

Федор засмеялся, потом задумался.

— Нет, пожалуй. Нина добрая. Походка мне нравится, фигура. И лицо у нее красивое.

— Сам знаю, — буркнул Саша и умолк. Перед глазами встала Нина такой, какой видел ее Федор. Тоненькая, с большими темными глазами. А ведь они у нее и грустные. Грустные у Нины глаза!

Сашу как будто на горячую каменку посадили. Федор пил, говорил что-то, а Саша молчал. Осмысливал то, что с ним происходило. Ведь он, дурак, во всех городских женщинах искал свою Нину! Ее улыбку, глаза, разговор!

— Я тебе Нину не отдам, — сказал Саша и направился к дверям. — Так и запиши.

Дома, не снимая пальто, он бросился к жене.

— Ниночка, родная, не уходи от меня! Лучше тебя нет никого на свете! — он взял в ладони лицо жены и поцеловал ее в губы.

Прошло три года. Теперь после городских дел Саша летел прямо домой. Однажды не выдержал и рассказал Нине о той своей поездке.

— Я знаю, — улыбнулась Нина. — Это был мой двоюродный брат.

Перевод с коми Е. Габовой.

ГРИГОРИЙ СПИЧАК

ТРИНАДЦАТЫЙ ВАГОН

РАССКАЗ

Была середина декабря. Поезд Москва—Воркута шел на север. Тринадцатый вагон. Я не боюсь и никогда не боялся числа “13”. Не действует оно на меня. Вообще не действует. Но вот поезд Москва—Воркута. Под Микунями минус 40, ближе к Чинья-Ворыку минус 43. В вагоне плюс 13, плюс 11, плюс 8... Уже никто не спит. Уже плачут дети. Уже даже пьяные бандиты и горластые мамочки не орут на двух молодых проводниц. А проводницы уже не синие, а белые.

— Ребята, кажется, крындец. Мы приехали в Послезавтра... — шутит молодой белобрысый парень. В вагон он сел в Москве без шапки и в болоньевой курточке.

— Подруга, давай мы детей распихаем в другие вагоны. В натуре ведь перемерзнут, как утята, — предлагает проводникам парень с синими от татуировок пальцами и железным зубом во рту. — Короче, я пошел базарить...

— Базар-вокзал, — уныло хохотнул его напарник.

— Водку оставь что ли, — просит “болоньевый” парень.

— Да, конечно. Не умирай... — “синий” оставляет треть бутылки и уходит.

Вагон наполняет туман, как в фильме ужасов. Гаснет свет. Мерцают сотовые телефоны. Они работают как фонарики, потому что под Чинья-Воры-

---

СПИЧАК Григорий Иванович — родился в 1960 году в г. Емва Республики Коми. После школы работал электриком, отслужил в армии на Дальнем Востоке. Закончил в 1986 г. филологический факультет Сыктывкарского университета, работал учителем в сельской и городской школах, в республиканских газетах. Автор трех сборников рассказов, сборника стихов и романа “Цитала. Украденный посох”, вышедшего в 2009 году. Печатался в журналах “Наш современник”, “Север”, “Колокол” и альманахах. Член Союза писателей России. Живет в Сыктывкаре.

ком связь только у МТС. Сотовые освещают лица людей снизу и в тумане, а потому призрачным становится все.

— Это из-за ветра, — еле шевеля губами, говорит проводница. — Ветер и минус 40 — конечно, ничего не выдержит...

— Черная пурга, — брякает кто-то из темноты.

— Не-ет, это еще не черная. Я черную пургу в Нарьян-Маре пережил. Если б была черная, то мы бы уже не разговаривали — при ней глаза замерзают сквозь веки... А это так — ветерок да плюс движение поезда...

— Ну да, счас и минус 35 без ветра жарой покажутся...

— Ха-ха-ха... Ну, ребята, уходим все отсюда. В любой вагон...

Проводница поясняет, что идти надо будет через три вагона: "Три разморозились...".

Мы идем с чужими детьми и вещами "на закорках" и в руках, с водкой и смехом, с матом и "модернизацией" правительственных программ. У купе проводников толчея. Градусник показывает уже минус 18 в вагоне. Часть пассажиров просят вернуть билеты, надо отчитываться по командировкам в своих бухгалтериях. Проводниц, на которых орали полночи, мы уже все жалеем. Пьяный мужик с коми акцентом оставляет проводнице ядреную шапку. Лиса, наверно, или какой-то крашеный и крутой енот.

— А-а, у меня еще капюшон есть. А ты не стесняйся, я ж не вшивый, — мужик щерится своим щербатым ртом. — Увольняйтесь с такой работы! Здесь и сто тысяч — не зарплата. Здоровье дороже.

"Пока-пока...Спасибо, девчонки. Не умирайте...". Хорошие у нас люди. Только вагон вот 13-й... Но ведь их много. И вагонов, и хороших людей.

ВЫСТРЕЛЫ НАД СТАРИЦЕЙ

РАССКАЗ

Ружье мне отец подарил в первом классе. При этом он строго наказал, чтобы я каждый раз, когда беру его, иду в лес или еще куда, предупреждал его об этом. У меня сейчас три сына, но я не смог бы доверить ружье ни одному из них даже в пятнадцать лет. Может быть, и они вполне разумно пользовались бы оружием, но у меня не хватает духу — мир другой, ответственность другая, тревожно вокруг, и нет у моих мальчишек простой крестьянской основательности.

Впрочем, наверное, это наши отцы проще относились к оружию, к возможной смерти, и сама тревога о детях была у них какая-то другая.

А когда мне не было еще пятнадцати, в конце восьмого класса, майским вечером мы с одноклассниками Витькой Кудиновым и Геной Вахрамеевым решили уйти в ночь на открывшиеся ото льда старицы. Летела утка, и молва по нашему лесному поселку шла уже вовсю: и что дядька Иван Ковальчук на прошлой заре двенадцать штук набил, и что братья Козловы два рюкзака утей нагрохали, мать их оттулы взяла — весь день ощипывает... Азарт поднимал и мужиков, и пацанов. Впереди были выходные дни — День Победы и с ним суббота с воскресеньем.

У Виталия с Геной ружья были получше моей берданки: "ИЖ" шестнадцатого калибра у Генки и "зауэр" двенадцатого — у Витьки.

У Витьки вообще вся амуниция была основательная. Нож, выточенный из тракторной рессоры, больше похожий на спартанский меч, рюкзак с шестью карманами; картонные литые и цветные гильзы патронов — все было редким, каким-то боевым — настоящим!

Взрослая жизнь пахла для нас тогда папиросами "Север", порохом и оружейным маслом, кожей патронташей и дымом костров. Попивали мы на рыбалках и охотах и водочку. А как же — мужики ведь прихватывали с собой чекушечки, прихватывали и мы...

Витька — крепыш, взбитый молодой казачок. Мать Витьки приехала в наш поселок беременная им, когда его отец сидел в лагере Княж-Погоста за убийство милиционера. Случилось это на далеком Дону, и еще неродившийся Витька поехал к отцу на Север. У Генки, наоборот, отец был милиционером. Правда, тихим и унылым. Дядя Толя казался нам всегда молодым стариком. Он был начальником районного вытрезвителя, молчун, небрежно и неизвестно зачем одетый в форму. Майор Вахрамеев имел привычку сосредоточенно смотреть под ноги, будто что-то ищет, печалится или таким образом прячет от людей глаза. Гена — прямая противоположность отцу. "Пустосмех" — звала его моя бабушка, потому что хохотал он по любому поводу. В спорте он всегда пытался быть первым. Гена и вправду очень хорошо бегал, занимался гимнастикой, а на охоте все время дразнил нас курильщиками и чахоточниками. Сам не курил...

От старицы, берега которой с одной стороны были густо заболочены, а с другой неровно заросли ивняком, мы отошли не слишком далеко — метров на триста. Нас от нее отгораживал еще и молодой ельник, и поэтому мы надеялись, что перелетная птица — гусь или утка, — заходя на старицу со стороны реки, нас не увидит. С другой стороны от нашего костерка был высокий и довольно крутой склон, который когда-то, вероятно, был берегом. Может, лет триста назад, а может, и всего-то пятьдесят-шестьдесят. Но русло реки ушло на полкилометра западнее, оставило старицу-озеро, заливаемое вешними водами, и этот берег-террасу высотой метров в двадцать.

В мае ночь темна всего-то два-три часа. Еще недельки три — и совсем белые будут стоять ночи, благодатные для мошки и овода, позволяющие птице высидеть яйца и вскормить молодняк до первого пера.

Костер горел. Домашние бутерброды были съедены нами уже к полуночи — и съедены с таким неистовством, будто мы на свежем воздухе весь день валили лес без обеда. Чекушечку мы тоже выпили. Рассказывали друг другу байки — больше из охотничьих былей отцов и соседей (своих-то было еще немного...). Уже и темно стало, а все не спится. Сидим тихо. Пьем крепкий чай. Мечтаем об утренней удаче. Вот бабахнуть бы штучки по три утки, а?.. Если ж гусь подвернется — совсем здорово!

Два самых темных часа прошли быстро, за высокой террасой на востоке стало сереть. А вместе со светом накатил клочковатый туман и какой-то колючий, едва слышимый, лай собак. Напряглись мы уже через несколько минут — лай стал громче, злее и жестче. Это не ленивый лай собак где-то на ближних дворах поселка. Это не растерянный лай потерявшейся лайки — нет, этот был густой, хрипящий в три глотки.

Ближе, ближе, ближе...

И тут мы увидели его... Мы вспомнили утреннее объявление по районному радио: "Из исправительно-трудовой колонии поселка Синдор бежал особо опасный заключенный (далее шли особые приметы), осужденный за убийство, предположительно вооруженный охотничьим обрезом".

И он увидел нас. Ружья у него не было. Он несколько секунд смотрел на нас, стоя, согнувшись, как обезьяна, на самой кромке берега. Витька рванул на себя ружье. Зэк то ли погрозил пальцем, то ли так отчаянно затряс рукой — дескать, не балуй! Прошу — не балуй! Витька кивнул и очевидным жестом показал, что откладывает ружье. Зэк исчез.

Лай прогремел прямо над нашими головами. Собаки шли по следу, не отвлекаясь на дым нашего костра: дрессированным, им не помешали даже аппетитные запахи картошки с сыром. А еще через минуту мы поняли, что тот отчаянный дядька, похожий на обезьяну, в куцей телогрейке, кажется, попался. Нет, на самом деле он еще не попался, но он не знал, что перед ним старица, а не река. И вплавь — глупо, и в обход уже опоздал...

Южнее нашего костра метров за триста собачий лай скатился по склону и застрял где-то между ельником и ивняком. Клоками летящий над ивами туман казался лохмотьями того самого лая.

— С пригорка!.. Выше поднимись, Андреев, выше... — услышали мы солдатские голоса. — Видишь его?!

— Ага! Вот он! ...Стой!

Траийх! Грохнул выстрел, и эхо прошелестело — "..ийх — ийх — ийх!!!".

— Видишь?.. Где он? Дай направление!

А сверху кричал удачливый загонщик Андреев:

— У самой воды! Возьми чуть правее... Выходи, гад! "Траайх!!!" — ударило совсем близко; "ийх-ийх-ийх!" — хохотнуло эхо.

Громко плеснулась вода. "Пошел! Уходит! В два ствола. Очередями, Андреев!!". Загрохотало, и сквозь разорванную тишину, скулеж овчарки и возмущенное эхо мы слышали: "Ушел ведь! Ушел!". Тявкнула еще пару раз собака. Наверное, с минуту было тихо. Мы стояли и молча смотрели друг на друга. Казалось, что все удаляется, почти исчезло, что мы их больше не услышим. Но одиночный выстрел с верхней террасы грохнул, как точка. Все-таки выстрел выстрелу рознь. Мальчишечье чуткое сердце услышало в самом выстреле эту разницу.

Неведомый Андреев, видно, хорошо целился. "Есть! — рявкнул он с берега. — Есть... Есть... Вон плавает. Щас зацепим с того берега!" — крикнул он своему напарнику.

Убитого зэка мы не видели. По заболоченному берегу старицы бродили и чавкали сапогами солдаты. Появились еще двое. Когда мы поднялись на террасу, прямо на нас выскочила овчарка. Гавкнула беззлобно — и убежала.

Домой мы уходили не по берегу и не с уточками, как мечтали (какие тут уточки!), а лесом — по просеке высоковольтной линии. Брели, почти не разговаривая.

— У каждого своя охота, — пытался умничать Витька. — А на нас хоть бы рябчик для души вылетел.

— Да ну, — буркнул Гена, — тошно что-то. Для души-и... — гнусавя, передразнил он Витьку. И попросил закурить наш некурящий Гена.

Согласный с ним, сел на соседний пенек, курил и сопел обиженный на солдат Витек. Дым сигареток не растворялся, а будто висел космами. Как туман над старицей. Тогда, когда расстреляли человека и тишину...

ПОРТРЕТ МУЖЧИНЫ

РАССКАЗ

— Я мужчин сразу вижу. Мужика сразу видно. Даже только по одному его взгляду на себя... В зеркало... — Эльдар Нуриджанов бубнит мне в макушку, щелкает ножницами и джигитует блестящей расческой с длинной узкой ручкой. Эльдар — парикмахер, научившийся колдовать над человеческими головами еще в детстве, в своем родном Дагестане. Движения его рук неуловимы, угловаты и резки. Кажется, что даже татуировка на руке Нуриджанова — закольцевавшаяся вокруг кинжала змея — даже она угловата, хищна и бесконечно неуловимо танцует своими кольцами.

— Мужчина — если он мужчина — всегда дисциплинирован. Он посмотрит на себя в зеркало и убирает взгляд... Только женщина бегает в зеркале своими глазами туда-сюда. Или не мужчина — мальчик... Он тогда ищет в зеркале — чего же ему не хватает до мужчины? Взгляда не хватает. Мужского и короткого...

— Вы философ, Эльдар, — говорю я ему, при этом мне сразу хочется добавить "и психолог", но я не добавляю. Потому что было бы правильнее сказать наоборот:

"Психолог вы, Эльдар. И еще, кажется, философ..."

— Э-э! — взмахивает ладошкой Эльдар. — Какой философ, э? — Ему понравилось, что его так назвали. — Столько людей ходят туда-сюда, столь-

ко людей смотрят в это зеркало, столько седых волос я здесь настриг, что вся мудрость у меня в пальцах осела. Ты вот в зеркало на мои руки смотришь. Почему? А потому, что я не головой, а руками думаю…

Эльдар явно засмущался от слова "философ". Его, наверное, никто так не называл. Он чуть-чуть стал суетливей и в руках, и в словах, проявился акцент.

Нуриджанов "отсидел" в коми лагерях восемнадцать лет. Сначала он получил от прокурора Махачкалы "червонец" за убийство двух человек в уличной драке, потом три года ему добавили за глупый и безнадежный побег из синдорского лагеря, а последнюю "пятилетку" режимный прокурор "выписал" ему за поножовщину в зоне уже в Княж-Погосте.

Нуриджанов освободился в 1990 году, вышел за забор лагеря, пошел на железнодорожный вокзал, но на остановке соседней автостанции увидел пьяненькую женщину — он пошел за ней, сел в автобус и уехал в деревню. А через полгода с трезвой молодой женщиной переехал из деревни в город.

"Я ей сказал: будешь пить — убью! Теперь не пьет. И я не пью, — рассказал Эльдар. — Женщину воспитать надо. Если мама не воспитала, то кроме мужа никто этого не сделает. Конечно, бывает и муж, как мальчик. Надо воспитывать…"

А про далекое свое преступление он вспомнил при мне лишь однажды, да и то — скороговоркой. "Мне не стыдно. Я был прав. Повторись все сначала, я бы все равно их порезал. Может быть, с той лишь разницей, что сейчас порезал бы не до смерти…"

Сапожник-инвалид, семидесятилетний дед Семен Трах-Кувырочек (получивший прозвище за свою присказку "трах-кувырочек" по любому поводу) еще из лагерных "вестей" рассказывал, что Нуриджанов в молодости заступился за сестру и мать, которых оскорбляли и лапали два проходимца. Молодой Эльдар, как это и положено на Кавказе, схватился за кинжал…

Танцуют ножницы Нуриджанова над моей головой, мелькает, как сабля, длинная блестящая расческа. Философствует Эльдар. Мимо рук глядят его глаза, мимо металла в зеркале — в мою голову. Его глаза не карие, как это бывает у большинства кавказцев, а стальные, с зеленым блеском внутреннего южного характера, которого за двадцать с лишним лет жизни на Севере осталось в сердце Эльдара, наверное, совсем немного. Он носит это тепло в себе, кутая где-то за сердцем, как пиалу в своих душевных ладонях, боясь расплескать, боясь показать дурному смешливому глазу, боясь ненароком пролить в пустоту.

— Настоящий мужчина в зеркале видит ошибку. Мальчик видит победу. Или играет в мужчину… Женщина… Э-э! Женщина — это другой разговор. Она видит в зеркале не себя…

Что видит в зеркале женщина, Нуриджанов не рассказывает. Наверное, он не считает это важным для нашего разговора. Темп его речи начинает замедляться, и вот он становится уже медленнее движений рук.

Я однажды стоял на автобусной остановке и видел, как по другой стороне улицы медленно, чуть насупившись, шел с женой Эльдар. Она — невысокая, рыженькая женщина — что-то говорила, говорила ему, он кивал головой медленно, казалось, что он следит за траекторией слов женщины и хочет понять: зачем эти слова летят в ту сторону? Зачем они вообще куда-то летят? Но потом меня осенило — да ведь Эльдар ее вообще не слушает! Он слушал и внимательно следил за собранной своей душой, за пиалой, спрятанной за сердцем. Он нес ее — нес себя, как дисциплинированный, стянутый кожаными ремнями кулак бойца-рукопашника. Опрокинутый, раздавленный жизнью и рассыпанный человек, он сумел снова собраться в человека. И он знал цену этому собиранию. Может быть, поэтому он сейчас философствовал, сверяя в разговоре со мной свои наблюдения, сомнения, и сбрасывал раздражение, накопившееся по тысячам разных мелочей. Да, он говорил со мной. Ведь в очереди к нему, к парикмахеру Нуриджанову, я переждал четверых. Ни с кем из них он не говорил. Хотя все четверо знали его, и он знал их.

— Почему в трудовых книжках пишут место, где сидел человеческий зад? Почему не пишут о том, что делали человеческие руки? Что держали

они? Мужчина должен носить в руках воду, женщину и автомат. Когда мужчина портится, он начинает держать рюмку, женскую грудь и ключи от чужой квартиры…

— Ну, Эльдар, насчет ключей не знаю, а как же мужчина без рюмки и без женской груди? Ты же из Дагестана. Там же вино и…

— Э-э! — Нуриджанов взмахивает рукой и уже всерьез кипятится. — Я сейчас одну ягоду укушу и сорт скажу. У меня отец по прошлогодней листве сорт винограда мог сказать… Там каждый мальчик умеет воду носить… Нет. Сейчас обманываю — сейчас уже и там мужчины испортились… Но все равно: судьба человека — это судьба человеческих рук. Вот смотри…

И тут мне Эльдар показывает на маленькую икону Николая Чудотворца, которая на его парикмахерском столике, заставленная и незаметная, стоит между створками зеркал.

— …Видишь, что показывает Николай? Он руки показывает. Языком можно обмануть. Руками не обманешь. О Боге сейчас много говорят, а лбы крестят совсем мало. Мужчина лоб крестит, когда он, наконец, набрался мужества узнать мужество.

Я вижу в зеркале, как в коридорчике крупный седовласый мужчина кивает головой на слова парикмахера. А глаза его становятся библейски печальными, глубокими и опрокидываются куда-то за окружающее нас скудное пространство парикмахерской.

— Вы же мусульманин, Эльдар. Или нет? — спрашиваю я Нуриджанова, но спрашиваю не потому, что меня интересует, какому богу он поклоняется. Спрашиваю потому, что я поражен неожиданным поворотом рассуждений и неожиданным вниманием к вещам, казалось бы, привычным, к образам, которые давно запали в душу и в сознание, как что-то целое. Забытая детская тщательность и вглядывание в жизнь были в словах азербайджанца Нуриджанова. (Впрочем, чего это я решил, что он азербайджанец?) Там, в Дагестане, сто двадцать народов живет. Кто он, парикмахер Эльдар?

— У вас в Дагестане, наверное, все народы мусульмане? — Я, кажется, бессознательно стал извиняться за свои неумные вопросы.

— Все, кроме русских… Зачем так спрашиваешь? Человек в Бога верит не так, как ты говоришь: эти мусульмане, а эти немусульмане. Человек в Бога верит и исповедует его! Зачем сравнивать, как ты думаешь?.. Я не знаю, я запутался, как правильно Бога называть, но я люблю Его слушать.

Эльдар зыркнул на меня через зеркало и нахмурился. Он не хотел говорить последние свои слова, они сами выскочили, и теперь он, кажется, немного расстроился. Хорошо хоть, что стрижку мою уже закончил. А то руки его прямо на глазах становились неловкими, будто парикмахер спешил их спрятать.

Может быть, я был свидетелем того редкого случая, когда в монологе человек обнажил внутренний бесконечный спор с самим собой о том, что Бог, если он даже один, почему-то по-разному учит жить разные народы. Спор о том, что молодость в Дагестане и зрелость в Коми никак не могут принять друг друга в одной душе, терзая мысли, которые никогда не уложить в общую прическу. Только бесконечно ошибаясь и набираясь сил, чтобы застолбить и признать ошибку, можно строить душу в самых безнадежных вариантах ее существования. Чувство всегда зыбко. Мысль всегда хрупка. Даже если ты мужчина и мужественный человек.

Наверное, поэтому речь и мысль, и чувство человека отражаются в руках. Они тогда говорят о многом. И не только ЧТО сделано, но и КАК это сделано и прожито. Сидя перед одним и тем же зеркалом, на одном и том же кресле и в одной и той же комнате, люди видят в нем слишком разные отражения. Или правильнее было бы сказать — слишком по-разному их не видят…

— Спасибо, Эльдар, за работу, — сказал я ему, еще сидя в кресле. Я хотел сказать ему спасибо за беседу о мужестве, но это “спасибо” услышали бы в коридоре. Я не хотел этого. Как Эльдар не хотел сказать последние свои слова. Впрочем, мы встретились с ним быстрыми взглядами и, кажется, поняли друг друга.

ВЛАДИМИР ПОДЛУЗСКИЙ

ПРОЩАЙ, НАТРУЖЕННАЯ ПЕСНЯ

МОСКВА

Для православных незабвенна
По миру горнему тоска.
И рай, и ад одновременно
Кровосмешенная Москва.
Все мы одной ногой на небе,
Второй ногою на земле.
И потому мечта о хлебе
Воцерковленная вполне.
Не удивительно — хранима
Вовеки наша благодать;
То ль дочка Иерусалима,
То ль Апокалипсиса мать.
И как бы люд ни чертыхался
На гром небесный и порок,
Он изумленно улыбался,
Ступив на звездчатый порог.
Зовут беспечные громады,
Как золотая Колыма.

ПОДЛУЗСКИЙ Владимир Всеволодович родился в 1953 году в селе Рахманово Брянской области. Закончил Санкт-Петербургский государственный университет, Северо-Западную академию госслужбы и Брянский сельхозинститут. Работал журналистом, агрономом. Автор стихотворных сборников "Светозар" и "Посконные холсты". Живет в г. Сыктывкаре.

И мы тому уж только рады,
Что от столицы без ума.
Восторг и гнев проходят мимо
Ушей и кованых ворот.
Москва — тень Иерусалима,
Иль все давно наоборот.

РУССКАЯ ПОЭЗИЯ

Дервишная розовая Персия,
Бардовская синяя Британия.
Что у них известно как поэзия,
То у русских место обитания.
Ключ у Александра свет Сергеича,
Ключик у Сергея Александрыча.
Где стихи упали, там и селище
С золотыми рифмами-усадьбами.
Без поэзии вокруг да около
Бегать нам, как будто кто-то гонится.
То ли в тереме не видно сокола,
То ли в хате не хватает горлицы.
Странноватость мудрая, волшебная
Окормляет родину словесностью.
Лирика настолько совершенная,
Что сама становится окрестностью.
Строчки звонкие страдают лаской
И готовы обернуться песнею,
Потому и любят птицу райскую,
Домостроя русского поэзию.
Хокку — это в сакуре Япония,
Веды — нашафраненная Индия.
Наша стихотворная гармония
Улеглась венцами общежития.

ПРОЩАНИЕ С ДОМОМ

Поклон последний, троеперстье
Коснулось родинки во лбу.
Прощай, натруженная песня,
Век уходящая в трубу.
Дом с патриаршей бородою
Неподстригамых кустов
И с журавлиной чередою
Узластых клёновых листов.
Прощай, старик; я тож не молод.
Ты маме душу отводи,
Пока еще гуляет солод
В твоей прокуренной груди.
Прости за все, что не случилось
И что увидеть привелось.
И береги трубу-лучину,
Мою надломленную ось.
Я ухожу в свои пределы:
Не в терем новый, не в чертог.
Себя пытаясь переделать,
Тебя для жизни не сберег.
Поклон последний, троеперстье,
Собачий лай и тихий вздох.
Прощай, немыслимая песня
Семейных нескольких эпох.

СЕРГЕЙ РУЛЁВ

ПОДВАЛ

РАССКАЗ

Мы собирались в том подвале чуть ли не каждый день. Разумеется, только в теплое время года — весной и летом.

Наверное, в каждом старом городе, в каждом хоть чуть-чуть уважающем себя дворе есть такой подвал, где собираются пацаны в возрасте от семи до двенадцати лет. Не подростки, для которых подвал — это место, где можно открыто послушать душераздирающую для ушей родителей музыку, попить водки и потрогать бесшабашных соседских девчонок. Мальчишки собираются в подвал не для этого. Это им предстоит узнать позже.

Мы тоже собирались в нашем подвале не для того, чтобы развлекаться. Нас манили туда сумрак, тишина, сырость и таинственность. Сидя в почти полной темноте и ловя напряженным до предела слухом странные и непонятные шорохи, так здорово было рассказывать страшные и не очень страшные истории, тем самым щекоча свои еще не исшатанные жизнью нервы.

Для меня все мое детство ассоциируется с тем подвалом, потому что десятилетний “я”, который сиживал там в компании своих сверстников, свято верил во все таинственное, необычное и чудесное. По-моему, именно этим отличается ребенок от взрослого.

РУЛЁВ Сергей Юрьевич родился в 1973 году в Саратове, но уже через год после рождения вместе с родителями переехал в Республику Коми, в город Ухту, где и закончил школу. Учился в Ухтинском индустриальном институте по специальности геологоразведка. Не закончив институт, ушёл служить в армию. Сейчас работает мастером по ремонту бытовой техники. Пишет прозу. Публиковался в газетах “Ухта”, “Стрелка”, журнале “Арт”, альманахах “Белый бор” и “Перекаты”, авторском сборнике “Такси”. Живёт в городе Ухта, Республика Коми.

Я и все мои тогдашние приятели, мы все выросли в том подвале. И не только потому, что достигли определенной возрастной черты. Тот подвал сыграл в наших жизнях большую роль. Очень большую и роковую роль.

Иногда я думаю, что лучше бы в мире вообще не было подвалов. Никаких. Нигде. Хотя, конечно, так думать глупо.

Зато другая мысль, которая не дает покоя все эти годы, вовсе не глупая. Просто она пришла слишком поздно. Когда уже ничего нельзя было изменить. Зря мы выбрали тот подвал.

Я не знаю, откуда там это взялось, и сколько времени оно там ждало. Я точно знаю только одно — оно дождалось своего часа. Дождалось нас.

В тот вечер нас собралось в подвале особенно много. Почти вся наша компания. Сначала мы, как обычно, рассказывали друг другу всякие истории, а потом как-то, кажется, все-таки это был Юрка, предложил вызвать чертика. Вообще-то мы довольно часто занимались подобной ерундой — вызывали духов с помощью свечей, карт и кусочков зеркал; задавали духам вопросы с помощью алфавита, блюдца, обыкновенной швейной иголки и обрывка нитки. Всех способов не перечислить, да и не все они помнятся.

Сначала мы восприняли предложение Юрки без особого энтузиазма, но он предложил такой рецепт, о котором никто из нас до сих пор не слышал.

— Нам нужна бутылка с водой, кусок свечки и зубная паста, — загибал на руке пальцы Юрка. — И полная темнота.

— Ну, с темнотой у нас проблем не будет, — заметил Борька, указывая на дальний конец подвала, проход куда загораживали остатки деревянной перегородки и скособоченная, висящая на одной нижней петле дверь.

— Серега, — хлопнул меня по плечу Игорь, — тебе бежать за водой. Ты ближе всех живешь.

— Во-во, — поддакнул Юрка, — заодно и пасту зубную прихвати.

Бежать домой мне не хотелось ужасно. Хотя бы только потому, что родители запросто могли притормозить меня на ужин. Но точно такая же проблема была и у остальных пацанов. Я понял, что при любом раскладе остаюсь крайним, и потому смирился со своей участью засланца.

— А бутылку вы уже нашли? Я из дома брать не буду, — недовольно и с ехидными нотками в голосе пробурчал я.

— Сейчас найдем! — поспешил заверить меня Леха. — Тут в углу, кажется, штуки две валялось.

Бутылку и правда нашли быстро. Огарков свечей у нас было пруд пруди, так что дело оставалось за водой и зубной пастой, то есть за мной.

Тяжело вздохнув — и искренне, и для порядку одновременно, — я взял бутылку и направился к лестнице, ведущей наверх из подвала. Оказавшись на улице, я первым делом нащупал в кармане ключ и стал обдумывать план молниеносного посещения квартиры. План сработал.

Едва открыв дверь и оставив ключ торчать в замке, я тут же бросился в ванную. Одной рукой открывая кран с холодной водой, второй рукой я уже засовывал в карман штанов полувыжатый тюбик с зубной пастой “Поморин”. Мерзкая, следует отметить, штука, если использовать ее по прямому назначению.

В тот самый момент, когда первые капли воды упали на дно бутылки, с кухни донесся голос моей мамы:

— Сергей, это ты?

Я промолчал, создавая вид, что меня нет. Как я и предполагал, этот номер не прошел. Через пару секунд до моих ушей долетел тот же самый вопрос.

— Сергей, это ты? Я знаю, что это ты, так что не думай играть в молчанку.

Молчать дальше действительно не имело смысла. Не получив ответа снова, мама могла запросто оставить все свои дела на кухне и прийти в ванную, тем самым перекрыв мне все пути отхода, что меня совершенно не устраивало, так как привело бы мою операцию к полному провалу. Поэтому, не особо долго раздумывая, я ответил:

— Я, мам, — и выиграл драгоценные секунды.

— Тогда мой руки и иди сюда. Сейчас будем ужинать, — крикнула мама.

Но в этот момент вода полилась из горлышка переполненной бутылки, и я, резво закрыв кран, согласно плану, скороговоркой выпалил:

— Мам, я сейчас. Быстро. Скоро приду.

Выскочив на лестничную площадку и закрыв ключом дверь, я облегченно вздохнул и подумал: "Кажется, пронесло..."

Лучше бы моя мама все-таки оставила все свои кухонные дела и успела перекрыть мне выход из ванной. Хотя... Все, что произошло потом, запросто могло произойти и на следующий день.

Как и всегда, я спускался в подвал, чувствуя легкую дрожь во всем теле. Несмотря на то, что я прекрасно знал о том, что внизу меня ждут мои приятели. Это ничего не меняло. Это словно переходишь из одного мира в другой. Звуки двора и улицы постепенно приглушаются, а затем невидимой чертой отсекаются вовсе. Меняется воздух, меняются запахи, меняется все.

Наверное, кроме всего прочего в подвале нам всем нравился этот ритуал перехода из мира в мир. Это было своего рода таинство, которое завораживало и притягивало.

Меня уже действительно ждали. Скособоченную дверь отодвинули в сторону, а щели между досками перегородки успели залепить невесть откуда взявшимися старыми газетами и каким-то тряпьем. Увидев меня с бутылкой воды в одной руке и тюбиком зубной пасты в другой, ребята хором шепотом завопили:

— Ну наконец-то!

Можно подумать, я отсутствовал целые сутки.

Через секунду все принесенное мною оказалось в Юркиных руках, и мы всем табором ввалились в темную отгороженную часть подвала.

Скажу сразу: раньше мы туда не совались. Хотя бы потому, что там бегали крысы. Иногда мы слышали, как они там шуршат и попискивают среди нагромождений старой мебели, мешков с барахлом нескольких поколений жильцов дома и трухлявых ящиков. Сильная захламленность была второй причиной, почему мы не лазили в ту часть подвала.

И правильно делали. Лучше бы мы никогда туда не заходили.

Не проходя особо далеко, мы уселись тесным полукругом возле поставленной Юркой на пол бутылки.

— Закройте дверь. Свет попадает, — недовольно пробурчал он.

Мишка, зашедший последним, молча развернулся и со страшным скрипом, который острой бритвой полоснул по нашим уже натягивающимся нервам, прикрыл скособоченную дверь.

Теперь нас окружала полная, абсолютная, осязаемая темнота.

— Порядок, — раздался из ниоткуда удовлетворенный Юркин голос, а затем чиркнула спичка, и Юрка, приобретший в ее неровном свете вполне определенные координаты, зажег огарок свечи и поставил его рядом с бутылкой.

— А теперь все тихо, — излишне напомнил он нам. Все и так сохраняли полное молчание.

С загадочной торжественностью, никогда бы не подумал до того, что столь простую операцию можно проделать с таким видом, Юрка выжал всю пасту из тюбика в бутылку с водой. Потом поднял ее, зажал горлышко указательным пальцем и три раза медленно встряхнул. Затем он поставил бутылку на место и присоединился к нам.

Мы сидели на корточках, тесно прижавшись друг к другу плечами, каждый ощущая легкую дрожь, и свою, и бьющую соседей с обеих сторон. Эта дрожь через полминуты стала действительно общей. Она, как и общее молчание, объединяла нас. Мы словно впали в коллективный транс, который позволял нам почувствовать себя единым целым.

Наконец, когда все наши чувства обострились до предела, Юрка прошептал:

— А теперь хором говорите: чертик, чертик, появись.

Глупейшая фраза даже для детей в возрасте десяти лет. Но мы, завороженные обстановкой и следуя воле коллективного сознания, подчинились, повторяя раз за разом это заклинание:

— Чертик, чертик, появись.

Не помню, сколько раз мы произнесли эту фразу. Может, двадцать, а может, и сто раз. При этом каждый из нас, я это сужу по себе, до боли в глазах всматривался в освещенную скупым светом свечи бутылку, ожидая появления этого самого чертика. Мы искренне верили, что там обязательно должно появиться. Мы верили, поэтому когда, в конце концов, кто-то испуганно-восторженно прошептал:

— Смотрите… — все разом замолчали, отыскивая взглядом что-нибудь постороннее в светлом пятне вокруг свечи.

И каждый что-то увидел.

Лично мне померещилось темное облачко, вылезающее из горлышка бутылки и пытающееся принять вполне определенные очертания. Не сомневаюсь, что все остальные увидели нечто подобное.

Темнота, тишина и общее видение. Эти три компонента соединились вместе и породили страх. Он дохнул на нас своим ледяным дыханием из освещенного свечкой круга. И кто-то из ребят не выдержал. Потом выяснилось, что это был Мишка. Он вскочил и со всего размаха пнул ногой бутылку, отчего та улетела куда-то в темноту и там глухо звякнула. Но кроме бутылки Мишка задел ногой свечу. Она потухла, и мы оказались в полной темноте.

— Ну вот, не могли подождать, — разочарованно протянул Юрка. Все остальные молчали. В тишине слышалось только едва заметное бульканье — это выливалась вода из злополучной бутылки.

А потом что-то чавкнуло. Представляете, полная тишина, и вдруг такой громкий неприятный звук.

Игорь, я точно помню, что это был Игорь, сказал:

— Хорош прикалываться. Пора уже вылезать отсюда.

Никто ему на это ничего не ответил и, как ни странно, не пошевелился.

Что-то чавкнуло снова. И теперь мы все отчетливо услышали, что звук этот шел оттуда, куда улетела бутылка — из глубины подвала, где было свалено всякое барахло.

— Что это? — прошептал кто-то из нас.

И тут мне стало страшно. Всем нам стало страшно. Если бы не страх, то Борька никогда не сделал бы того, что он сделал — поднял с пола осколок кирпича, который случайно оказался у него под ногами, и швырнул его туда, откуда исходил звук.

Послышалось мягкое и какое-то слизкое “шлеп”, и мы услышали рык, от которого наши души моментально оказались в пятках.

Кто-то заорал. Я, кажется, тоже.

Перевел дух я только на улице. Сильно болело левое плечо — мы побежали все вместе, одновременно, толкаясь и пихаясь, и я здорово подправил им косяк той самой болтающейся на одной петле двери.

В тот день мы разошлись тихо, не прощаясь и даже не оглядываясь друг на друга.

Я ничего не сказал своим родителям и всю ночь плохо спал. Мне снились кошмары — темнота, в этой темноте два огненно-красных глаза и мой страх, мой первобытный всепоглощающий ужас.

Едва проснувшись, я понял, что хочу снова спуститься в подвал. Мне было страшно, неописуемо страшно, но, несмотря на это, мне хотелось попасть туда снова.

Это сейчас, по прошествии многих лет, я понимаю, что ничем иным, кроме как наваждением, это не объяснишь. А тогда… Тогда я был всего лишь десятилетним ребенком.

Вечером, часов в семь, как обычно, вся наша компания в полном вчерашнем составе собралась возле входа в подвал. Мы все вели себя странно и дергано, и мы почти совсем не разговаривали. И нас всех объединяло одно желание — снова оказаться в подвале.

Последним пришел Борька. Он привел с собой своего старшего брата Андрея. Мы все его знали. Ему было девятнадцать лет, и он нам казался ужасно взрослым.

Несмотря на теплую погоду, Андрей был в легком длинном плаще. Мы все обратили на это внимание, и лично я как-то сразу догадался, что под пла-

щом он прячет охотничье ружье. То самое, которое всегда висело на стене в зале у Борьки дома.

Не знаю, что там Борька наплел своему брату, но факт остается фактом — они пришли вместе, и Андрей взял с собой ружье.

— Что, мелочь, пообсыкались вчера со страху? — вместо приветствия с усмешкой спросил нас Андрей, едва они к нам подошли. — Ладно, сейчас посмотрим, что там могло вчера вас так перепугать.

Андрей усмехался, но было видно, что он нервничает. Видимо, рассказ Борьки был очень живописен.

— Ну что, кто желает, может сходить туда со мной. Только под ногами не путаться!

Посмотрев на Борьку, Андрей добавил:

— Держись где-нибудь сзади меня. Понял?

Борька согласно закивал, и удовлетворенный таким ответом Андрей достал из кармана фонарик и стал спускаться по лестнице.

Соблюдая небольшую дистанцию, мы все гуськом двинулись вслед за ним.

Внизу все было как обычно, как в любой из тех дней, когда мы собирались здесь на свои посиделки. Ничто не говорило о том, что в глубине подвала нас может ждать что-то необычное и тем более ужасное.

Но тем не менее, я очень хорошо это помню, меня ни на минуту не оставляло чувство, очень напоминающее ощущение обреченности.

По пути в дальнюю половину подвала каждый из нас, памятуя о вчерашнем, захватил с собой свечной огарок, так что, когда мы прошли через еще более, чем она была вчера, скособоченную дверь, вокруг нас было довольно светло.

— Откуда вчера... — Андрей явно подбирал нужные слова. — Ну, хрень эта рычала?

— Оттуда, — Борька пальцем указал направление.

Освещая себе дорогу фонариком, Андрей направился к нагромождению мешков и ящиков. Дойдя до них, он обернулся к нам и неопределенно хмыкнул.

— Эх вы, салабоны. А я, дурак, повелся.

Он сказал это тихо, не обращаясь специально к нам, но мы в такой тишине просто не могли его не услышать. Не знаю, как другим, но мне стало обидно от его слов.

Демонстрируя полнейшее презрение к нашим страхам, Андрей стал пинать мешки и коробки, лежащие возле него. Не знаю, что в них было, но они довольно легко отлетали в стороны от его ударов. Впрочем, это продолжалось недолго. Пятая или шестая по счету коробка, несмотря на увесистый пинок, даже не подумала сдвинуться с места, а Андрей, похоже, здорово ушиб об нее ногу, потому что процедил сквозь зубы:

— Ах ты, чтоб тебя... за ногу...

После чего снова пнул ее, теперь уже со злости.

И тогда снова раздалось рычание. Жуткий звук, сквозь барабанные перепонки проникающий прямо в мозг, с гулким эхом отражаясь от замшелых кирпичных стен, пронесся по подвалу.

И снова нас накрыла волна ужаса.

— Это еще что за ерунда? — раздался изумленный возглас Андрея. И я, дрожа мелкой дрожью, подумал: "Как он может стоять там и еще ругаться? Надо бежать, бежать..."

А рычание, едва умолкнув, возникло снова. Оно шло из ниоткуда, заполняя все пространство маленького подземелья.

А потом воздух вокруг нас всколыхнулся, и все свечки, которые мы держали в руках, одновременно погасли. И фонарик Андрея тоже погас, отчего тот еще раз чертыхнулся.

Мы остались в темноте, каждый один на один со страхом. Своим и общим.

То, что было потом, я помню очень смутно. Мы снова убегали. Но это было не просто паническое бегство от темноты и страха, как в прошлый раз.

За нами что-то гналось, и оно нас догоняло. Я помню только общую свалку, где каждый старался вырваться вперед, отпихивая, толкая и лягая друг друга. Я помню скользкие липкие прикосновения к своей коже, отчего тонкие волосики на всем теле, о существовании которых я раньше и не подозревал, становились дыбом, а мой ужас усиливался тысячекратно. Я помню свет, свежий воздух и пришедшее вместе с ними чувство облегчения. И выстрелы. Два выстрела. Один за другим.

Те, кто выбегал из подвала, останавливались недалеко от входа и, тяжело дыша, ждали остальных. Я не знаю почему.

Последним из подвала вышел Борька. Мы уже все собрались и ждали довольно долго. Нам казалось, что ни он, ни Андрей вообще из подвала не выйдут.

Андрей действительно не вышел, а Борька вышел. Он был какой-то странный. Вернее, каким-то странным и совсем чужим, не Борькиным, был его взгляд.

А еще на его одежде была кровь.

Как только он появился, мы сразу же поняли, что пора расходиться по домам. Не было ни удивления, ни желания узнать, что же случилось.

Уже потом мы узнали, что Андрей погиб в результате неосторожного обращения с оружием. По крайней мере, такова была, что называется, официальная версия.

Мы больше никогда не собирались в подвале. Ни в этом, ни в любом другом. Ни вместе, ни с другими компаниями.

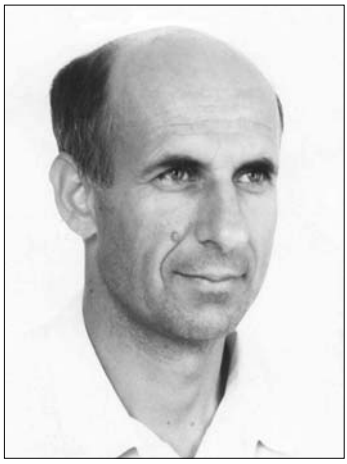
И еще мы все как-то сразу перестали дружить с Борькой. Это получилось естественно, само собой. Лично у меня, когда я видел его, в душе поднималась смутная, беспокойная темная волна. Я так и не смог к этому привыкнуть.

А потом мы выросли. Закончили школу. И стали умирать. Один за другим. Глупые, совершенно нелепые смерти.

Очень скоро нас осталось... Но этого я уже не боюсь.

Только до сих пор меня пробирает дрожь, когда я снова вижу то, что темной пеленой плескалось в Борькиных глазах, когда он вышел-таки из проклятого подвала.

АНАТОЛИЙ ОБЪЕДКОВ



И ЖИЗНЬ, КАК НЕБО, ГЛУБОКА...

* * *

Печаль мою ты утоли,
Ты где — вблизи или вдали,
Босой бежишь ко мне в лугах
С младенцем нашим на руках?

И волос вьется русый твой,
И голос льется молодой.
А дни бегут, идут века,
И жизнь, как небо, глубока.

* * *

Пару ласточек веселых,
Помню, дедушка поймал.
Утопали в дымке села,
Месяц был и тускл и мал.

ОБЪЕДКОВ Анатолий Романович родился в 1949 году на Тамбовщине. Автор семи поэтических сборников. Стихи публиковались в еженедельнике "Литературная Россия", в газете "День литературы", журналах "Север", "Невский альманах", "Наш современник", в альманахах "День поэзии", "День русской поэзии". Член Союза писателей России. С 1974 года живет в Великом Новгороде.

Бились ласточки о стекла,
Тяжко грудками дыша.
И моя, казалось, взмокла
Вся от жалости душа.

Спать тогда прилег я поздно,
Все смотрел на милых птах.
За окном сверкали звезды,
Гасли дали в облаках,

Плыл туман речной по полю,
И лишь луч коснулся век,
Птиц я выпустил на волю
И заснул счастливей всех.

* * *

Дубовые ветви с засохшей листвой
Со звоном колодным скрипят надо мной,
Над темной дорогой в промерзших полях,
Со снегом и ветром, взметающим прах,
С емшанным напевом по колкой стерне,
Чтоб в ночь поспешать было весело мне.

* * *

Под звон церквей тревожат душу
Веселье свадеб, крик ворон,
И вьюги, что приносят стужу,
И близость чьих-то похорон.

Когда не видно за рекою
Родных заснеженных полей,
И прорывается с тоскою
В деревню колкий снеговей.

Глубокий вздох, как на излете,
Пройдёт сквозь тучные стога
И пропадёт на грустной ноте,
Чуть тронув сонные луга.

Они в снегу. Но будят память,
Уводят в молодость мою,
И светят призрачно крестами
В моем затерянном краю.

* * *

Так вот он, Финляндский вокзал,
Сюда прихожу не впервые.
Но все ж пулеметов оскал,
Свинцовые трассы шальные
Порою почудятся мне,
И сердце от выстрелов вздрогнет,

Потом о гражданской войне
С открытою болью напомнит,
Как будто на мне есть вина
В событиях давних и бурных,
Что встали на все времена,
Объятые светом пурпурным.

* * *

Достоевский писал “Идиота”,
Здравствуй, Мышкин, любимый мой князь!
Ты смеешься светло для кого-то,
Быть наивным совсем не боясь.

Утонченный, чуть-чуть виноватый,
Но надежный ты в чувстве своем,
Высшей истине стал ты собратом
И раздвинул ночной окоем.

СЕРГЕЙ ГЕРМАН

ДОРОГА С ВОЙНЫ

Из книги "Чеченские рассказы"

АТЫ-БАТЫ

Солдатам и офицерам 205-й Буденновской мотострелковой бригады, живым и погибшим...

В начале ноября выпал первый снег. Белые хлопья падали на обледенелые палатки, покрывая поле, истоптанное солдатскими ботинками и обезображенное колесами армейских тягачей, белоснежным одеялом. Несмотря на поздний час, палаточный городок не спал. В автопарке рычали моторы, из жестяных труб буржуек валил сизый дым. Откинулся сизый полог палатки, и, закутавшись в пятнистый бушлат, из жаркого прокуренного чрева вылез человек. Приплясывая на ходу и ничего не замечая вокруг, справил малую нужду, потом, поеживаясь от холода, поплотнее запахнул полы бушлата и ахнул:

— Господи... Тра-та-та, твою же мать, как хорошо!

Таинственно мерцали далекие звезды, обкусанная по краям луна освещала землю желтоватым светом. Замерзнув, человек зевнул и, уже не обра-

---

ГЕРМАН Сергей Эдуардович родился в декабре 1961 года в Новосибирске. Потомок командира русского корпуса генерал-лейтенанта Ивана Ивановича Германа фон Ферзена, выходца из Саксонии, разбившего 30 сентября 1790 г. войска Батал-паши у реки Кубань. После прохождения срочной службы закончил училище МВД СССР, юридический факультет университета. Жил в Сибири, Средней Азии, на Северном Кавказе. Осенью-зимой 1999—2000 гг. в составе объединенной группировки российских войск воевал в Чечне, был ранен, контужен. Награжден 4 медалями, именными часами от Героя России генерала Трошева. Автор нескольких книг. Действительный член Европейской академии естественных наук.

щая ни на что внимания, юркнул в палатку. Часовой проводил его завистливым взглядом, до смены караула еще оставалось больше часа, всю водку в палатке за это время должны были допить. Разведчики гуляли, старшине контрактной службы Ромке Гизатуллину исполнилось тридцать лет.

В палатке бушевала раскаленная буржуйка, на цинках с патронами, застеленных газетой, стояла водка, крупными шматами лежали нарезанные хлеб, сало, колбаса. Разгоряченные разведчики в тельняшках и майках, обнявшись и стукаясь лбами, пели под гитару проникновенно:

— Россия нас не жалует ни славой, ни рублем. Но мы ее последние солда-а-аты, и значит, надо выстоять, покуда не помрем. Аты-баты, аты-баты.

Грузный мужчина лет сорока пяти, с седой головой и вислыми казачьими усами, пошарив под нарами, достал еще одну бутылку, ловко вскрыл крышку, напевая про себя:

— Служил я не за звания и не за ордена. Не по душе мне звездочки по бла-а-ату, но звезды капитанские я выслужил сполна, аты-баты, аты-баты. — Потом разлил водку по кружкам и стаканам, дождался тишины:

— Давайте, хлопчики, выпьем за военное счастье и за простое солдатское везенье. Помню, в первую кампанию встретил я в госпитале одного паренька-срочника. За год боев все рода войск поменял. В Грозный вошел танкистом, танк сожгли, попал в госпиталь. После госпиталя стал морпехом, потом опять попал в мясорубку, чудом остался жив и дослуживал уже в Юргинской бригаде связи. Так связистом и уволился.

Разведчики чокнулись разномастной посудой, дружно выпили.

— А я вот помню случай, тоже в первую войну, вошли мы в Веденский район, разведка доложила, что в селе боевики, мы — на танке, двух самоходах, пехота — на броне. — Говоривший лежал под одеялом, не принимая участия в застолье, блики от горящих поленьев бежали по его лицу. — Входим в Ведено, а у меня же мысли в голове, может, Басаева возьмем, — он переждал смех, неторопливо прикурил, усмехнулся своим воспоминаниям. — Молодой был, думал, с медалью или орденом домой приеду, вот в деревне разговоров будет. Входим в село с трех сторон и прямо к дому Басаева, пока все спят, луна вот так же, как сегодня, светила. Прем внаглую — без разведки, без поддержки, без боевого охранения, выносим ворота дома. Я ствол танка прямо в окна. А в доме тишина, все ушли, даже собаку с привязи отпустили.

Походили мы по комнатам, посмотрели. Потом давай в машины аппаратуру всякую грузить, телевизор, "видики". "Чехи" сбежали, ничего собрать даже не успели, наверное, кто-то предупредил. А может, они и волну нашу слушали. Спускаемся с взводным в подвал, а на столе лежит дипломат. Мы его осмотрели, проводов не видно, открыли, а там доллары, половина дипломата забита деньгами. Старлею нашему чуть плохо не стало. Я говорю, может, поделим между всеми, а он на полном серьезе достает пистолет и говорит, сейчас все посчитаем, перепишем, опечатаем и сдадим командованию. Я так подозреваю, что он подвиг хотел совершить, все мечтал в Академию поступить, генералом стать.

От печки раздался голос:

— С такими деньгами он бы и без Академии генералом стал.

— Пока мы эти бабки долбаные считали и опечатывали, уже светать начало. Мы же скорее, скорее, лейтенанту доложить хочется, по машинам и вперед. Как раз на выезде из села нас и хлопнули, командирскую машину подорвали на фугасе, вторая влетела в эту же воронку, мы пока развернулись, перебило гусеницы. Кое-как заняли оборону, начали отстреливаться. Когда в первой машине боекомплект рваться начал, "чехи" ушли. Лейтенанта нашего в живот ранило, он ползет, за ним кишки по земле волочатся, а в руках чемодан с деньгами. Я сначала подумал, что у лейтенанта крыша поехала, а потом присмотрелся, оказывается, он дипломат к руке наручниками пристегнул.

Седоусый протянул:

— Да-а, очень уж твой лейтенант, наверное, в Академию хотел попасть, а может, просто принципиальный был, такие тоже встречаются. Я вот помню случай...

Досказать ему не дали, загремел покрытый льдом полог палатки, в проеме показались перепачканные глиной сапоги, красное с мороза лицо замполита. Ему не удивились, никто не стал прятать стаканы:

— Садись с нами, комиссар, выпей с разведчиками.

Капитан заглянул в прозрачную бездну стакана, тронул седоусого за рукав тельняшки:

— Ты, Степаныч, заяц стреляный, поэтому коней пока попридержи. Пить больше не давай, но и спать уже не укладывай, а то будут, как вареные. Через три часа выступаем. Надо держаться, пока не доберемся до комендатуры.

Замполит опрокинул в себя стакан и, закусывая на ходу, пятнистым медведем полез из палатки. Степаныч собрал посуду, убрал ее в один мешок:

— Ша! Братцы, давайте потихонечку собираться, скоро выступаем.

Подъем объявили на час раньше. Собрали палатки, загрузили в "уралы" оставшиеся дрова, вещи, прицепили к тягачам полевые кухни. Оставленный лагерь напоминал разворошенный муравейник: на истоптанном сапогами снегу чернели проталины от палаток, тут же рыскали голодные собаки, вылизывающие консервные банки. Грязно-серая ворона задумчиво сидела на куче брошенных автомобильных покрышек, внимательно наблюдая за снующими туда и сюда людьми. Одна разведывательно-дозорная машина стояла в начале колонны, другая ее замыкала. Багровый от гнева Степаныч высунулся из люка головной машины и, перекрикивая рев моторов, стал что-то орать, стукая себя по голове и тыкая пальцем в командирскую машину. Замполит толкнул в бок дремлющего прапорщика, техника по вооружению:

— Ты поставил пулеметы на БРДМ?

Техник стал оправдываться:

— Пулеметы получил поздно ночью, да еще и в смазке, поставить не успел.

Не слушая его, замполит процедил:

— Не успел, значит. Надо было ночью разведчиков поднять, они бы сами все поставили. Теперь молись, чтобы благополучно добрались, если начнется заварушка, тебя или "чехи" расстреляют, или Степаныч лично к стенке поставит.

Плюнув в сторону командирской машины, Степаныч полез внутрь БРДМа. Пощелкав тумблером радиостанции, объявил:

— Ну, хлопчики, если доберемся живые, поставлю Господу самую толстую свечку.

Рация тоже не работала. Впереди колонны встал "уазик" военной автоинспекции, ротный дал отмашку, колонна тронулась. Степаныч пододвинул к себе цинк с патронами, стал набивать магазины. Андрей Шарапов, тот самый разведчик, который ночью не пил, сосредоточенно крутил баранку, мурлыкая себе под нос: "Афганистан, Молдавия и вот теперь Чечня оставили на сердце боль утра-а-ты". Сидящий за пулеметом Сашка Беседин, по кличке Бес, внезапно спросил:

— Андрюха, а ты ведь вчера не досказал, что с долларами-то вашими получилось?

Шарапов помолчал, потом нехотя ответил:

— Доллары оказались фальшивыми, во всяком случае, так нам объявили. Я много думал над этим, нас или "чехи" развели, оставив приманку, чтобы мы задержались, или... или нас просто-напросто кинули наши.

Дальше ехали молча. Степаныч, кряхтя, натянул на бушлат бронежилет, надвинул на лицо маску и полез на броню. Колонна извивалась серо-зеленой змеей, рычали моторы, стволы пулеметов хищно и настороженно смотрели по сторонам дороги. Не останавливаясь на блок-посту, пересекли административную границу с Чечней, минводские милиционеры, несущие службу и досматривающие весь транспорт, отсалютовали колонне согнутыми в локте руками.

Из открытого люка высунулся Гизатуллин, подставил сонное страдающее лицо под холодный ветерок, потом протянул Степанычу алюминиевую фляжку. Тот отрицательно покачал головой. Колонна прошла через какое-то село. Позади остался деревянный столб с расстрелянной табличкой "...юрт".

Через несколько минут двигатель БРДМа чихнул и смолк, колонна встала. К машине бежал ротный, матерился. Увидев Степаныча, замолчал. Шарапов уже копался в моторе.

— Командир! — обращаясь к Степанычу, закричал Андрей. — Бензонасос навернулся, я попробую отремонтировать, но работы на час, не меньше!

— Ты вот что, товарищ майор, — сказал Степаныч, — давай ставь впереди второй бардак и уводи колонну. А нам оставь ВАИшный "уазик", через часок мы вас догоним. — Чуть слышно бормотнул: — Если останемся живы... Не нравится мне все это, ох, не нравится.

Снял с плеча автомат, передернул затвор, загоняя патрон в патронник. Колонна прошла мимо, разведчики на ушедшей машине вылезли на броню, махали руками и автоматами. Степаныч распоряжался:

— Так, гвардейцы, расслабуха кончилась. Всем оружие зарядить, в лес не ходить, из-под прикрытия брони не высовываться, снайперов и растяжки на этой войне еще никто не отменял.

Прошло минут десять. Порвалась прокладка на крышке бензонасоса, и топливо не попадало в карбюратор. Замерзшие пальцы не слушались, и Шарапов чертыхался вполголоса.

Прапорщик-автоинспектор дремал в кабине "уазика", разведчики, привычно рассредоточившись, держали окружающую местность под прицелами автоматов. Гизатуллин остановил красные "жигули". Водитель, молодой чеченец, пообещал привезти бензонасос с ГАЗ-53. Степаныч переговоров не слышал, вместе с Шараповым копался в движке. Минут через пятнадцать-двадцать показался "жигуленок". Гизатуллин обрадовано потер ладони:

— Сейчас поедем.

Что-то в приближающейся автомашине не понравилось Степанычу, он спрыгнул с брони, передвигая автомат с плеча на живот. Почти одновременно с ним, не доезжая до разведчиков метров 50—70, машину занесло на скользкой дороге, и она встала боком. Приспустились стекла, и по машине разведчиков один за другим ударили огненные струи из автоматов. Маленькие жалящие пули кромсали обледенелый наст дороги, дырявили жесть "уазика", рикошетили от объятой пламенем брони. Андрей Шарапов, наполовину свесившись из люка, лежал на броне, на его спине горел бушлат. Гизатуллину очередью срезало половину черепа. Уже мертвое тело агонизировало на белом снегу, желтоватый мозг с красными кровяными прожилками пульсировал в раскрытой черепной коробке. Прошитое автоматной очередью тело Беседина летело навстречу земле, и он медленно опускался на колени, пытаясь приподнять оружие обессилевшими руками. Степанычу перебило левую руку, посекло лицо. Зарычав, он перекатился в дорожную канаву. Кровь заливала лицо, в глазах стояли и двигались красные точки. Уходящая машина была одной из них, и он почти наугад выстрелил из подствольника. Потом, уже не слыша выстрелов, все нажимал и нажимал на спусковой крючок, не замечая, что в магазине закончились патроны, что машина горит, выбрасывая вверх острые языки пламени. Один за другим прозвучало еще два взрыва. У красных "жигулей" сорвало двери, они отлетели на несколько метров и догорали, чадя черным дымом. Снег под сгоревшей машиной растаял, обнажив проталины черной земли. Было тихо. Белое солнце мутно светило сквозь завесу облаков. У линии горизонта, над Грозным висела пелена дыма, город горел. Тишину утра разорвал шум крыльев и воронье карканье — птицы спешили за своей добычей. Хлопнула дверь "уазика", из машины выполз автоинспектор, безумными глазами оглядел разбросанные тела, чадящие машины и пополз в сторону леса, черпая снег карманами бушлата. Стоя на коленях перед мертвым Бесединым, Степаныч зубами рвал обертку бинта, не замечая, что кровь уже перестает пузыриться на его губах, застывая на морозе и превращаясь в кровавую корку.

Раскачиваясь всем телом, Степаныч завыл. Падающие снежинки покрывали неподвижные тела, кровавые лужи, стреляные гильзы белым пушистым одеялом. Серые вороны настороженно прогуливались, расписывая белую землю своими следами.

ВЕРА

Несмотря на летний месяц, погода в последние дни совершенно не радовала. С самого утра небо заволокло серыми тучами, которые проливались на землю холодным, каким-то безрадостным дождем. Как нарочно, я забыл дома зонт и, промокнув до нитки, уже не спешил укрыться от холодных струй, а обреченно шагал по мостовой, равнодушно рассматривая стекла витрин.

Настроение было под стать погоде. Несколько месяцев назад меня, подобно песчинке во время бури, подхватил ветер иммиграции и опустил в красивой, богатой, но страшно далекой и чужой Германии. Внезапно навалились проблемы, о которых я и не подозревал: бытовые неурядицы, языковый барьер, вакуум общения. И самое страшное: я чувствовал себя лишним на этом празднике жизни. Не звонил телефон, мне не нужно было никуда спешить, меня никто не ждал и не искал со мною встреч.

Редкие прохожие бросали в мою сторону равнодушные взгляды и молча спешили по своим делам. Я был здесь чужим. На душе было горько. Обидно было осознавать свою ненужность в сорок лет.

Погруженный в свои безрадостные мысли, я совершенно ничего не замечал вокруг, а когда внезапно поднял глаза, меня будто что-то толкнуло в грудь. Мне показалось, что из-за стекла мне в лицо бьет солнечный луч. Я подошел ближе. Через стекло было видно небольшое помещение, заставленное мольбертами и холстами.

На стене, рядом с окном, висела уже законченная картина, которая и заставила меня остановиться. На ней была изображена какая-то ветхая сельская церквушка, отражающаяся в протекающей мимо речке. Из-за церковных куполов медленно выкатывалось солнце, озаряя землю, усыпанную увядающим листьями, каким-то неземным светом. Казалось, что вот еще одно мгновение, и растают сумерки, прекратится дождь, и на душе станет легче. Я прикрыл лицо рукой: неумолимая память уносила меня в недавнее прошлое.

...Зимой 2000 года российские войска вошли в Грозный. Штабисты учли опыт первой чеченской войны, когда за двое суток нового 1995 года были почти полностью уничтожены 131-я Майкопская бригада, 81-й Самарский мотострелковый полк и значительная часть 8-го Волгоградского корпуса, шедшего на помощь умирающим русским батальонам.

Подготовка к штурму мятежной чеченской столицы велась серьезно и длилась несколько месяцев. Все это время днем и ночью над сожженным городом висела авиация федеральных сил. Ракеты и снаряды сделали свое дело — город практически перестал существовать. Все высотные здания были разрушены, деревянные постройки сожжены, и мертвые дома молча смотрели на людей пустыми глазницами окон.

Вместе с тем под завалами продолжали жить люди. Это были жители Грозного, в основном — старики, женщины, дети, потерявшие за годы войны близких, жилье, имущество и не желающие покидать город, потому что в России их никто не ждал...

Оборона города была поручена Шамилю Басаеву и его "абхазскому" батальону. Федеральные войска должны были окружить город и уничтожить всех боевиков, но Басаев перехитрил российских генералов и в последнюю ночь перед штурмом увел часть своих боевиков в горы.

Другая часть под видом "мирных" жителей осела в городе и близлежащих селах.

В начале февраля разведка донесла, что "чехи" в преддверии очередной годовщины депортации 1944 года готовят к 23 февраля серию терактов. Внезапно в городе появилось много молодых мужчин.

Командование группировкой российских войск приказало усилить гарнизон Грозного сводными отрядами, состоящими из бойцов комендантских рот, ОМОНа и СОБРа.

Так я оказался в Грозном. Мой контракт к тому времени уже подходил к концу, и я очень надеялся, что останусь жив и вернусь домой.

Несмотря на бодрые заверения политиков о том, что война в Чечне вот-вот закончится, в Грозном по-прежнему из-под завалов били снайпера, взры-

вались на фугасах люди и машины. Наша задача была проста: сопровождать колонны, охранять здания и учреждения. Если возникнет необходимость, принимать участие в зачистках.

В тот февральский день с утра светило солнце. Выпавший снежок слегка припорошил груды битого кирпича и куски ржавой жести, которыми была усыпана земля. Говорят, в прошлую войну местные жители этими кусками накрывали тела мертвых солдат, чтобы их не пожрали крысы и собаки.

Свободные от службы бойцы вповалку спят на дощатых нарах. Старшина Игорь Перепелицын сидит у раскаленной буржуйки и чистит автомат. Игорь родился в Грозном, здесь служил в милиции, дослужился до офицера. Потом, когда русских в Чечне стали убивать, он уехал в Россию, но в "органах" места ему не нашлось. Тогда вместе с казаками Перепелицын уехал воевать в Югославию, потом — в Приднестровье. Ну, а когда началась заваруха в Чечне, он был тут как тут. Его милицейское звание здесь не считается, и Игорь вместе с нами тянет солдатскую лямку. Он знает все о Чечне и о чеченцах. Я спрашиваю его:

— Игорек, а с Басаевым ты встречался?

— Ну-у, Шамиль — лошадка темная, учился в Москве, говорят, что даже Белый дом во время путча 1991 года защищал. Знаю одно, что перед тем, как он появился в Абхазии, его батальон прошел подготовку на учебной базе то ли КГБ, то ли ГРУ. Специально его для Чечни натаскивали, понимаешь?

Старшина клацает затвором, нажимает на курок.

— А вот Руслана Лобазанова, Лобзика, бывшего спортсмена, знал лично, в одной школе учились. Сильный был человек, волевой, хотя и отморозок конченый. Лучшего друга детства Ису Копейку по его приказу вместе с машиной сожгли. Тоже какие-то шашни с комитетом крутил. После того, как его охранник застрелил, в кармане удостоверение комитетское нашли.

Игорь сплевывает на пол:

— Поверь на слово, все они здесь повязаны одной веревкой. Я воюю только потому, что остановиться не могу, война — это как наркотик, затягивает.

— Ну, а когда эта заваруха закончится, что делать будешь?

— На Москву пойду. Соберу ребят отчаянных и на Кремль рвану. Вот тогда вся страна вздохнет с облегчением.

Договорить нам не дали. Прибегает офицер-собровец, кричит:

— Хлопцы! Подъем! "Чехи" из гранатомета рынок обстреляли.

Выезжаем на зачистку. Народ на рынке сразу же разбежался. На грязном снегу лежат несколько мертвых солдат, в окровавленных грязных бушлатах, и несколько гражданских. Над ними уже воют женщины. Мы перекрываем БТРами улицы, ведущие к рынку, командует майор из СОБРа. Спускаемся в подвал, вместе с нами бойцы ОМОНа, Игорь Перепелицын страхует вход. В подвале живут люди — русские старики, дети. Они испуганной стайкой прижимаются к стене. На стоящей посередине подвала кровати остается сидеть девчонка лет 15—16, таращит испуганные глаза и прячет что-то под подушку. Омоновец наставляет на нее автомат:

— Тебе, красавица, что — особое приглашение нужно, или ноги от страха отнялись?

Девчонка неожиданно с вызовом откидывает одеяло.

— Представь себе, отнялись!

Вместо ног у нее торчат обрубки. Какой-то старик кричит:

— Родимые, да мы же свои, который год здесь мыкаемся. Вера — вообще с прошлой войны сирота, да еще и ноги бомбой оторвало.

Я подхожу и осторожно накрываю ее ноги серым солдатским одеялом, достаю из-под подушки спрятанный пакет. Я — специалист по разминированию, но на фугас это не похоже. Оказалось — краски, обыкновенные акварельные краски. Девчонка смотрит исподлобья:

— Если захочешь забрать, я не отдам.

Омоновец по-крестьянски вздыхает:

— Господь с тобой, дочка. Мы ведь — тоже люди.

Вечером возвращаемся на базу. Нашли несколько снарядов. Этого добра здесь навалом. Задержали несколько мужчин-чеченцев. Одного из них Игорь знает. Что-то спрашивает по-чеченски. Тот не отвечает. Старшина поясняет:

— Это Ширвани Асхабов. Их шестеро братьев, все боевики. Трое от бомбежек в городе погибли, остальные в горы ушли.

Задержанных доставили во временный райотдел милиции. Игорь что-то долго объяснял дежурному. На следующий день я выпросил у старшины два сухих пайка. За коробку конфет взял в санчасти бинты и лекарства. Пришел во вчерашний подвал. Никто не удивился моему приходу. Люди занимались своими делами. Девочка рисовала, сидя на кровати. С белого листа на меня смотрела старенькая церковь, ее отражение в осенней воде. Я задвинул вещмешок под кровать, присаживаюсь на ее край.

— Как дела, художник?

Девочка улыбнулась бескровными губами:

— Хорошо или почти хорошо. Вот только ноги болят. Представляешь, их уже нет, а они болят.

Мы сидели часа два. Девочка рисовала и рассказывала о себе. История самая обыкновенная, и от этого кажется еще страшней. Мать — чеченка, отец — немец, Рудольф Керн. До войны преподавали в Грозненском нефтяном институте, собирались уезжать в Россию, но не успели. Отец подрабатывал извозом и однажды вечером не вернулся домой. Кто-то позарился на его старенькие "жигули". В то время в городе часто находили неопознанные трупы. Узнав о гибели отца, заболела мама. Не вставала с постели, и, однажды вернувшись домой, девочка не нашла ни квартиры, ни матери. Город почти каждый день бомбили российские самолеты, и вместо дома остались одни развалины.

А потом Вера наступила на забытую кем-то мину. Хорошо, что люди вовремя отнесли ее в госпиталь, где оперировали боевиков.

Мы долго молчим. Я курю, потом спрашиваю, есть ли у нее какие-нибудь родственники в России. Она отвечает, что в Нальчике живет брат ее отца, но он, кажется, давно собирался уезжать в Германию. Я прощаюсь и собираюсь уходить. Девочка протягивает мне рисунок и говорит:

— Я хочу написать такую картину, чтобы, глядя на нее, каждый человек поверил в себя, в то, что все у него будет хорошо. Без веры человеку жить нельзя.

Девочка смотрит на меня своими большими глазами, и мне кажется, что она знает о жизни гораздо больше меня.

Я собирался навестить Веру на следующий день, но на войне ничего нельзя загадывать. Наш БТР подорвался на фугасе. Механик-водитель и стрелок погибли, а мы с Перепелицыным отделались контузией и несколькими осколками. Из Буденновского госпиталя я позвонил корреспонденту НТВ Ольге Кирий и рассказал ей историю о девочке, потерявшей на войне ноги. Ольга согласилась помочь найти ее родных и запустила эту историю в ближайший репортаж. Потом она прислала письмо, в котором сообщила, что Веру из Грозного в Германию увез ее дядя...

И вот я стою у темной витрины и пытаюсь рассмотреть подпись на картине. Вера?.. Как же ты мне сейчас нужна, ВЕРА!

ГОЛГОФА СЕГОДНЯ

В лето 2000 года от Рождества Христова, по пыльной и каменистой дороге, ведущей к аулу Тенги-Чу, пятеро вооруженных всадников гнали троих пленников. Беспощадное солнце заставило спрятаться все живое, насекомые и твари укрылись под камнями и в расщелинах, ожидая наступления спасительной вечерней прохлады. В знойной и вязкой тишине раздавался лишь перестук копыт да лошадиный храп. Рыжебородый Ахмет, натянув на нос широкую армейскую панаму и откинувшись в седле, негромко мурлыкал:

Со вина, со нага
Мастаги эгена
Хай конт осал ма хате.
(Моя родимая мать,
Врагов разгромили,
И сын твой достоин тебя.)

Невольники, едва переставляя ватные ноги, тянулись за лошадьми, увлекаемые натянутой веревкой, привязанной к седлу. В некотором отдалении от них неторопливый ослик, недовольно помахивая хвостом, тянул за собой повозку на резиновом ходу. Повозка прыгала, попадая на камни, и тогда раздавался глухой стук, будто кто-то бил по крышке гроба — бух-х, бух-х.

Повозкой управлял веснушчатый мальчик около двенадцати лет, в руках у него было одноствольное охотничье ружье. Мальчик наводил его на пленников, потом звонко хохотал, щелкая курком. Пленные измучены, их мальчишеские тонкие шеи торчат из воротников грязных рубашек, разбитые в кровь ноги кровоточат. Соленый едкий пот стекает по щекам, разъедая подсохшую корочку ссадин и оставляя на серой от пыли и грязи коже кривые дорожки следов.

Из-за выступа горы показались крыши домов. Встрепенувшийся Ахмет остановил колонну, привстав на стременах, долго всматривался в сонные, безлюдные улицы. Раздувая ноздри тонкого хищного носа, вдыхал запах родного аула, дым костров, парного молока, свежеиспеченного хлеба. В ауле взлаивали собаки, чуя запах чужих.

Ахмет что-то крикнул на своем гортанном языке. Двое всадников, спешившись, развязали пленникам руки. Трое солдат без сил опустились на дорогу, прямо в горячую, серую пыль.

Из-за каменных заборов люди молча смотрели на громыхающую повозку, молчаливых всадников с оружием, пленных солдат, несущих на согнутых спинах огромный пятиметровый крест. Грубо оструганные сосновые перекладины припечатывают их тела к земле. Застывшие капельки смолы бусинками крови застывают на свежеструганом дереве. Кажется, что мертвое дерево плачет по еще живым людям. Старики, женщины и дети вышли из своих домов, молча пристраиваясь вслед идущей процессии.

Солдаты-срочники и прапорщик неделю назад были взяты в плен под Урус-Мартаном, когда устанавливали крест на месте гибели своего замполита. На площади перед зданием бывшего сельсовета солдаты положили крест на землю, равнодушно стукаясь плечами, выкопали яму, укрепили крест в земле. Люди смотрели на происходящее со смешанным чувством страха и любопытства. Мальчишки кидали в солдат камни, старики, отделившись от толпы, опирались на свои палки, тыча в пленных заскорузлыми сухими пальцами. На вид двум солдатам было не больше 18—20 лет, испуганные мальчишеские лица белели тетрадными листами в приближающихся сумерках. Прапорщик, чуть более старший по возрасту, безостановочно сглатывал вязкую липкую слюну, борясь с приступом смертельного страха. Безоблачное небо стало затягиваться серыми тучами, подул легкий ветерок.

Ахмет что-то крикнул, бородатые люди стали подгонять палками солдат, заставляя их работать быстрее. Приготовления были закончены. Мальчишек-срочников поставили по краям креста, прапорщика проволокой привязали к перекладине. Ахмет зачитывал длинный лист бумаги. “За творимые на чеченской территории преступления, убийства людей… изнасилования… грабежи… суд шариата… приговорил…”.

Поднявшийся ветер относит в сторону его слова, треплет лист бумаги, забивает рот, мешая говорить. “…Приговорил, с учетом обстоятельств, смягчающих вину… молодость и раскаяние, солдат срочной службы Андрея Макарова и Сергея Звягинцева к ста ударам палками. Прапорщика… российской армии… за геноцид и уничтожение чеченского народа, разрушение мечетей и осквернение священной мусульманской земли и веры… к смертной казни…” Один из конвоиров, выполняющий обязанности палача, взобравшись на табуретку, несколькими короткими сильными ударами вбил в

запястья рук толстые длинные гвозди. Ржавыми плоскогубцами перекусил проволоку. Повисший на гвоздях человек застонал и мучительно выдохнул: "Оте-е-ец".

Солдат тут же на площади разложили на земле. Длинные суковатые палки разорвали кожу, мгновенно превратив ее в кровавые лохмотья. Человек на кресте хрипло и тяжело дышал, на светлых ресницах дрожала прозрачная слеза.

Люди расходились по домам, на площади лежали распластанные тела, жутко белел покосившийся крест. В соседних домах выли собаки, человек на кресте был еще жив, покрытое испариной тело дышало, искусанные в кровь губы шептали и звали кого-то...

На безлюдной площади остался один Ахмет. Раскачиваясь с носков на пятки, он долго стоял перед хрипящим человеком, бессильно пытающимся поднять голову и что-то сказать.

Ахмет вытащил из-за пояса нож, пристав на цыпочки сверху вниз, разрезал его рубашку, усмехнулся, заметив на впалой мальчишеской груди белеющий алюминиевый крестик:

— Что же, солдат, тебя не спасает твоя вера, где же твой бог?

— Мой Бог — Любовь, она вечна, — почерневшие губы едва шептали.

Оскалив крепкие желтые зубы, коротко размахнувшись, Ахмет ударил ножом. Небо разорвалось страшным грохотом, ударил гром, и темнота опустилась на землю. Капли дождя омывали мертвые тела, смывая с них кровь и боль. Небо плакало, возвращая на землю слезы матерей, оплакивающих своих детей.

.....

Маленький светлоголовый мальчик, похожий на своего отца как две капли воды, держался за его руку:

— Папа, что такое Бог?— спросил он.

— Бог — это любовь, сынок. Если ты будешь верить в Господа и любить все живое, тогда ты будешь жить вечно, потому что любовь не умирает.

Длинные ресницы дрогнули, мальчик спросил:

— Папа, это значит, что я никогда не умру?

Отец и сын шли по заваленной желтыми листьями московской аллее, вслушиваясь в колокольный перезвон. Жизнь продолжалась, как и две тысячи лет назад. Маленькая голубая планета двигалась по орбите, вновь повторяя и повторяя свой путь.

С ВОЙНЫ ОБРАТНОЙ ДОРОГИ НЕТ...

Железнодорожный вокзал маленького южного городка до отказа забит людьми. Начался бархатный сезон, первым признаком которого является отсутствие железнодорожных билетов.

На вокзале два зала ожидания, один — коммерческий, второй общий. В коммерческом коротают время и ждут поезда люди, стремящиеся к теплому морю, еще жаркому ласковому солнцу, дешевым фруктам.

Этих людей ожидают комфорт и покой. Вход в зал платный, и в нем нет надоевших попрошаек-цыган, беженцев из Чечни, бездомных бродяг, стремящихся переночевать, и солдат, возвращающихся с войны.

Здесь есть несколько телевизоров, чистый туалет с бумагой и полотенцами, буфетная стойка, за которой подают дежурных цыплят, мягкие булочки, пиво, кофе. Вход в этот оазис благополучия охраняет милиционер с резиновой дубинкой и короткоствольным автоматом. Рядом с ним сидит девушка-контролер в новенькой железнодорожной форме и кокетливом беретике. Она принимает оплату за вход и строит милиционеру глазки.

В общем зале прямо на полу лежат солдаты-срочники, небритые контрактники, возвращающиеся домой. Билетов нет, солдаты по 3—4 дня не мо-

гут сесть на поезд. Они спят прямо на полу, подстелив под себя грязные бушлаты и подложив под головы вещевые мешки. Вырвавшись оттуда, где еще вчера убивали они и пытались убить их, многие начинают пить тут же на вокзале, кое-кто снимает проституток или просто потерянно бродит по улицам.

Милиция и офицеры не обращают на них никакого внимания. Офицеры держатся особняком, стараясь разъехаться по гостиницам или частным квартирам.

По залу ожидания ходит маленький нерусский мальчик. Он подходит к пассажирам и протягивает немытую ладошку. Лицо его чумазо, одежда требует стирки и ремонта. Какая-то сердобольная старушка подходит к нему и протягивает домашний пирожок. Мальчишка берет гостинец, вертит его в руках и сует в мусорную урну. Ему нужны деньги. Сейчас в России появился особый бизнес: дети просят милостыню, потом отдают ее взрослым. Если ребенок не принесет денег, он будет наказан.

Рыжий сержант-контрактник со шрамом на лице пнул ногой вещмешок и пошел к железнодорожной кассе. Стеклянные окошечки прикрыты табличкой "Билетов нет", кассирша с широким мужеподобным лицом перекладывает купюры, не обращая никакого внимания на безропотных пассажиров. Сержант проталкивается сквозь очередь и стучит в мутное стекло:

— Девушка, мне очень нужен билет до Новосибирска.

Кассирша, не поднимая глаз, отвечает равнодушно-дежурной фразой:

— Билетов нет.

Сержант пробует сделать умоляющее лицо:

— Девушка, мне очень надо уехать, у меня мать при смерти, — и как последний аргумент: — Девушка, я с войны еду, ведь не застану мамашу.

Кассирша наконец поднимает голову:

— У нас правила одинаковые для всех, я вашей матери ничем помочь не могу.

Сержант ударил кулаком в плексигласовое окно, выдернул из кармана ручную гранату, оглянулся на замерших в ужасе людей. Сунул ее обратно в карман, выдернул из ножен висящий на поясе нож, закатал левый рукав и ударил лезвием по вене. В стекло, прямо на кричащий что-то накрашенный рот, ударила струя крови. Громко закричала какая-то женщина, контрактник побелел, опустился на колени и тихонько завалился на пол, лицом вперед. На крик прибежали два милиционера с автоматами, наклонились к лежащему человеку, один из них принялся перетягивать руку жгутом, другой, ногой отбросив в сторону нож, быстро и привычно обыскал его карманы. Вытащив гранату, присвистнул и по рации стал связываться с дежурной частью.

В это время к лежащим на полу солдатам подошел мальчик-попрошайка, привычно протянул за деньгами руку.

— Ты к кому подошел, чурка проклятый, у кого просишь деньги. Иди к своим ваххабитам, они тебе дадут! — заорал подошедший с бутылками вина белобрысый солдат. Когда мальчишка метнулся в сторону, он присел на корточки. — Там кто-то из наших вены себе вскрыл, крови, как на бойне! Царство ему небесное, если не выживет, — глухо сказал он.

Пока солдаты из горлышка пили вино, пассажиры стыдливо прятали в сторону глаза.

К лежащему в луже крови контрактнику в сопровождении толстого милиционера — дежурного по вокзалу, подошли два санитара с носилками.

Перевалили тело на носилки и безучастно побрели к машине.

Следующим утром об этом случае рассказали в программе "Время". Кто-то из пассажиров успел снять на видеокамеру чумазого ребенка, просящего милостыню, солдат, спящих на грязном полу, носилки с окровавленным контрактником, вокзальную уборщицу, вытирающую грязной тряпкой человеческую кровь. Через несколько часов после этого в кассе появились билеты. Мальчишки-солдаты, как маленькие, прыгали на мягких купейных полках, лизали мороженое и были похожи на детей, которых оставили без присмотра родители.

Материалы рубрики "Литературное содружество" публикуются при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС).

ЕЛЕНА ЖАРНИКОВА

ПУТЁМ РАЗВЕДКИ

РАССКАЗ

Ночь. Заснеженное поле под полной луной… Из самого космического темечка Вселенной плавными линиями нисходят лунные дорожки цвета зрелой пшеницы и, разбегаясь по бугристому и словно байковому насту, вальсируют с белой позёмкой. Поднимается, закручивается меловой пылищей метелица. До слуха едва доносится слабое пощёлкивание в прозрачной, вскормленной свежестью тишине — главной хранительнице безмятежности почти уснувшей окраины села. Крупитчатый снег с алебастровым оттенком от изливающегося холодного света скучающей в небе бесприданницы-луны кажется вязким, как манка, сдобренная абрикосовым вареньем. Не моргнёт жёлтый блин, приклеенный под самым небесным куполом.

— Блин, видимость как на ладони, — командир разведгруппы оглядывает открытое поле, по которому им предстоит пройти.

Ощущение, что вот-вот прошмыгнёт над кромкой горизонта гоголевский черт. Но не к Солохе на хутор близ Диканьки торопятся разведчики. В эту фантасмагорическую ночь в районе Петропавловки в околоточной хате ожидается сход боевиков. Командование интересует один из фигурантов, и разведка обязана доставить бандита на базу.

ЖАРНИКОВА Елена Владимировна родилась 17 ноября 1969 года в Хабаровске. В 1993 году окончила Дальневосточный государственный университет, факультет журналистики. Служит во Внутренних войсках МВД России с 1995 года. Службу начала в Восточном округе ВВ МВД РФ в окружной газете "Дальневосточный часовой" корреспондентом. С 1996 года не раз была в командировках в "горячих точках" Чечни и Дагестана. С 1999-го по 2006 гг. работала корреспондентом окружной газеты Северо-Кавказского округа ВВ МВД РФ "На посту". С 2006 года работает в журнале ВВ МВД РФ "На боевом посту" в должности заместителя начальника отдела информации, культуры и спорта. Воинское звание майор.

— Двигаемся, — рукой показывает командир.

Будь оно неладно, полным-полно бурелома под снегом навалено! Трещит на всю округу, при эдаком вынужденно неуклюжем движении и маскхалаты не выручат. Чертыхнувшись, откатывается к оврагу офицер.

— В арык, — определяет знаком.

Часов в десять вечера подползли к исходному рубежу. Окидывает командир привычно-сноровистым взглядом местность. Вон она, борозда, лучшего укрытия для группы захвата, похоже, не найти. Можно ближе, но… нельзя, по самой окраине села рассредоточиваются. И хотя собаки в подобную морозную пору моськи, обросшие инеем, давно в будках отогревают, вдруг взбредет сумасбродному псу выскочить! Или прохожий запоздалый ненароком наткнется на разведку. Вариант комичный, но не для потехи же буерачные льдины локтями и коленями шлифовали! По глупости засветятся, тогда не избежать стрельбы. Открыть огонь — возможны потери… Хрен с ними, с боевиками, своих ребят нужно сберечь!

Горит в окошке свет, собралась шайка "на малине". Но боестолкновения допустить нельзя. Ввязались в бой — сработали плохо. Сколько их?.. Та-ак, четверо выходят на перекур. Это понятно. А в хате? Не сосчитать. Тихушничают бандиты, незачем внимание чужих глаз привлекать. Ждать, остается терпеливо ждать. Свыклись разведчики часы в наблюдении коротать, да и навалом действовать не пристало, то штурмовиков задача! Не кулаком осиливают, а надежным, рассчитанным ходом проявляются наверняка. Назубок помнят кодекс разведчика: "…никто не должен знать, откуда я появился, никто не должен знать, что я здесь и когда уйду". На последний случай оставляют клятву: "…если бог заберет меня раньше, чем я закончу выполнение задачи, то я воскресну и завершу её". И всегда помнят: лучший разведчик — живой разведчик!

Верная дорога, по которой обратно, в соседний дом пойдет бандит. Надо ждать! А ледяная ночь щиплет разалевшиеся щеки, бьёт наотмашь пронзительным морозцем, студит-крепит мышцы в неподвижность. По уши окопались в снегу разведчики. Не зная, что коллеги впереди в засаде осели, не разглядеть группе прикрытия основную группу.

За полночь переваливает время, что-то не торопится оно сегодня. И боевики не порют горячку, степенно заседают. Харча, судя по всему, девать некуда, да и смочить сухомятку не грех. Вот уж третий раз сигаретные светляки засветились в непролазной темени. Но различимо: ёжатся на промозглом холоде смутные силуэты, подёргивают плечами, топчутся по стылой земле. Ага, побросали окурки и айда греться. Только оледеневшая дверь отзывается тонким скрипом.

…К четырём утра близятся стрелки. Знает командир, до рассвета должны вернуться обратно. Вот когда минуты наперегонки побегут, не нагнать! Околевают разведчики, не до прыти! Вот оно…

— Всем готовность, — жестикулирует офицер, увидев, как мужчина вышел на дорогу и поплелся в надобном направлении. Медленно тянется, прохлаждаясь. Напряглись бойцы, чётко знают, как действовать. 150 метров остается пройти бандиту до группы захвата… Давай, дружок, готов капкан, только тебя дожидается! 70 метров… Впились глазами в чёрную фигуру — здоровущий, а волочь на себе придется! 60 метров… Клином сталкивается свет на этом мужике! Зашкаливает адреналин! Ну, ближе, ближе! 50… Ах ты, сволочная натура!!! Останавливается детина… Не к месту приспичило.

Брать?!! Далековато — не выйдет неожиданности броска, не взять врасплох. А ещё до основной группы доставлять пса придётся. Мужик поборется, с тепла, чай, выполз, сытый. Шорох поднимут — выскочит боевичьё из дома… Всю ночь пролежали разведчики на снегу, одеревенели тела, не та реакция, и быстрота движения утеряна. А может, рывком или…

— Хьо мичахь? — непредвиденно выкликает темноту кудлатая голова, возникшая в полоске света отворившейся двери.

— Со уггаре, — слышится в ответ. Разворачивается мужичина и… удаляется в противоположную от разведки сторону.

Ох, и уела досада бойцов! Душит ярость от осечки! Взыграла, забурлила кровь от невезухи такой!

…На базе — в 46-й бригаде, заново через решето логики просеяли разведчики маломальские детали, мозаикой сложившие провальную спецоперацию, заново просчитали "если бы…". Грызёт честолюбие червоточиной невыполненной задачи. Но… Человеческий фактор обусловил ситуацию, а луна коварная спрятала в карман счастливую звезду. Штормят эмоции, едва уняли. Но порешили — всё правильно делали. И хотя "на верняк" выходили, только ценой жизней могли цель достичь. Но не солидно боевому профи гусарствовать, через русскую рулетку скакать! Вот англичанин Монтгомери, и тот, невзирая на лавину критики в свой адрес, всегда действовал вдумчиво и кропотливо. Не рисковал подчинёнными в угоду победы любой ценой. В 1942 году фельдмаршал не только принял руководство разбитой Роммелем британской 8-й армии и воскресил её боевой дух, но впоследствии загонял немецкого генерала по Северной Африке.

…С 21 ноября 2001 года, момента создания разведподразделения на базе 46-й бригады, всякими головоломными тропами к цели подбирались. Объездили чуть не всю Чечню: разведдозоры, прикрытие тыловых колонн, зачистки населенных пунктов. Оперативно среагировали на развилке Грозный—Петропавловская, когда убегавшую "Ниву" догоняли. Во всю резвость "железных лошадиных сил" удирал от разведчиков связной эмира, знакомый оперативникам по спискам федерального розыска. Достали!

Только в бестселлерах красиво да гладко спецоперации прописываются, подслащивая воображение обывателя. В реальности, пока результата достигнешь, столько клейкого, густого пота стечёт с бойцов, о-го-го! Далеко от банальности утверждение, что ожидаемый итог завоевывается стоической выносливостью и железной дисциплиной — на грани самоистязания. Каждому ли дано осилить? В 46-й бригаде командиры говорили, что процесс распознания в солдате разведчика не столь долгий. В течение недели люди раскрываются. Сдал тест Купера — молодец, доказал обладание физической закалкой. А трехсуточный психологический обстрел слабо стерпеть? Вот именно, вытерпеть, на глотку своей песни наступая, потому что в связке с коллегами работать придётся в условиях, где в живых надлежит остаться. Не приходятся ко двору в разведке эпатажные парни. А самобытная индивидуальность ценится… в коллективном русле, конечно. Но прежде выискивают, вытаскивают солдаты внутренний резерв и лепят… до изнеможения вылепливают стерженёк самовоспитания. Думай! Помни правило разведроты — у командира ежедневно есть право выбора и право смещения. Сжился с этим — одержал первую маленькую победу над собой, над своим "я". В разведке остаются только упрямцы. Две трети кандидатов отсеиваются, те, что единственно романтику повидать от скуки пришли. А романтика там, куда ворон костей не заносит! Уж точно не до неё было в Шелковской, когда после прочесывания Старощедринского леса попали под обстрел. Не растерялись, ловко вывернулись и погнали противника. Пять километров травили-преследовали, пока приказ возвращаться на базу не поступил. Минометы заработали, а тут упал на колени радист, ноги отказали. Под пятьдесят килограмм в духотище и при влажности на себе тащил — станция, вещмешок, "разгрузка". Бухают разрывы вокруг, ломаются израненные деревья. Под прикрытием подползает к солдату ротный.

— Давай, снимай станцию…

— Нет, встану сейчас… встану…

Пытается связист на ноги подняться и кулем валится на землю.

— Приказываю отдать станцию и боекомплект! — рычит офицер.

— Я не отдам… Я сам, — чуть не со слезами, но категорично шепчет солдат. Руками настырно упирается в землю, но не слушаются параличом взятые ноги.

Подхватили братишку на руки и понесли… Вот и вся романтика боевая! Вернулись в бригаду, а через полчаса ушли в засаду на сутки. Только встал на ноги связист — в составе группы вновь на задачу. Таковские несгибаемые парни в разведке ценны!

…Вечером в гостиничном номере 46-й бригады обменивались впечатлениями с окружным психологом капитаном Наташей Ванеевой. Затемно вернулась она с тестирования, которое у разведчиков проводила.

— Ты где была? — спросила меня.

— В штабе.

— Хочешь человеческий фактор понагляднее разглядеть, сходи-ка завтра в роту. Там дети командирские на каникулах. Игорю четыре годика, а Максиму одиннадцать. Увидишь, какую атмосферу добросердечности непроизвольно создают в подразделении эти ребята. Бойцы, похоже, души не чают в них. Возятся в спортзале, а то сядут и просто болтают, объясняют что-то. При ребятне лишняя грубость не вырвется, и себя постоянно в форме будешь держать. Смотрят ведь, всё впитывают. И чубчики у них так же выстрижены, как у солдат, и в камуфлированных костюмчиках ходят. Несмотря на возраст, чувствуется в них какая-то организованность, обстоятельность. В каждой черточке проскальзывает принадлежность к коллективу. Но это не удивительно — специфическая черта разведки. Сколько тестов в разных подразделениях проводила, видела — именно разведчики воспринимают себя как часть целого, общего. "Я солдат" — изначальная самооценка. Другие отвечают: сын, мужчина, донжуан. Для разведки все эти черты вторичны. Они и выделяются в общей массе, заметила? Не по годам взгляды серьёзные. Не только по зелёному берету отличишь, что перед тобой разведчик.

Поделилась Наталья еще одним профессиональным секретом. Из рисунков солдат, по которым психологи определяют скрытые, но характерные признаки личности, сделала вывод: увидела естественное стремление людей к гармоничному мирному существованию. И нет здесь противоречия. С психическим здоровьем в разведроте порядок! Ведь выраженное агрессивное начало разрушительно для людей и с оружием, и без оружия в руках. Если бы, вынашивая его, выполняли разведчики боевые задачи, давно бы поплатились жизнью. Беспощадность застит глаза, разве способен безумец ходы вперёд просчитывать?!! При свирепстве тотальной враждебности полшага до ошибки. Но на неё у разведчиков нет права, последствия необратимы. Не за жертвами выходит разведка на боевую тропу. Проведать о противнике, познать о его планах, разбить замыслы его! Потому что, как учил китаец Сунь-Цзы: если знаешь его и знаешь себя, сражайся хоть сто раз, опасности не будет. Ради постижения этого знания выкладывает разведка путь победы для пехоты. Всего себя до крайнего нерва, крайнего предела делу посвящая!

ВЫСОТЫ ОХОТНИКА

РАССКАЗ

На редкость свежим выдался тот рассвет… Колючий холодок бодрыми иглами вонзается в лица бойцов вэвэшников, что на броне по косогору мчат, не укрыться от мощных порывов встречного ветра. БТР кромсает туман на лоскуты, повизгивает вспоротый воздух. Начало будто за здравие, а вот дальше что денёк сулит?

"Броня" тормозит за околицей Рошни-Чу, отсюда, с исходного рубежа пешим ходом идёт в расщелину сводная разведгруппа. Тяжкая предстоит дорога, дальняя, до самого Бакин-Хутора, где, по информации, неделю назад на горной базе "засветились" боевики с арсеналом оружия.

Семь утра. Растворилась ночь, запропала в безмолвии, а пасмурность угрюмую забыла с собой прихватить. Так и плетётся по пятам за бойцами по-

лусонная сумрачность. Вытянулись ленточкой, предельно внимательно прокрадываются вперёд разведчики. Головной дозор, как ванька-встанька, то в ложбину провалится, то на бугре возникнет. Со снайпером и пулемётчиком идёт Миха, замыкая колонну. Привычный он к таким горным перелазам, не раз доводилось с командиром Охотником Урус-Мартановские взгорья прочёсывать.

…За четыре часа шибкого ходу прохватила испарина парней, да и притомились, роздыху-то нет! Но вот и вожделенная передышка. Повалились на землю, уух-х, расслабились натуженные мышцы. Благо, черемша в излишке по округе рассыпалась, угостились лесной снедью, взбодрились, и с большим упрямством вперёд, ступни бить о скалы твёрдокаменные.

…За полдень группа из двадцати двух человек обосновалась на привале, притаились наблюдатели в окрестностях. Тыловой дозор на левом фланге пристроился — снайпер чуть поодаль, Миха с пулемётчиком Бомбой упали на побуревшую прошлогоднюю листву в распадинке, метрах в четырёх от ручья. Уморились бойцы, томная слабость зыбью по чреслам прокатывается, ноет уставшее тело. Знает Миха, чуть времени дай, нальётся-окрепнет былой силой корпус, поясничная гибкость воротится, твердыня упрочит ноги. Лепота! А внизу Рошни-Чу воды разлила, потягивает прохладой.

Только глаза прикрыл… и встрепенулся. Говорок с вершинки, что ли, ветер до слуха доносит, еле уловим разговор. “Ротный ходит, нечего и пялиться”, — мелькнула мысль-спасительница — смаялся, не подняться. Машинально открыл глаза Миха, сработало внутреннее чутьё. “Слышал?” — знаками Бомбе показывает. “Угу-уу”, — мычит напарник в ответ. Поворачивает голову разведчик, приподнимаясь на локте — взаправду, на холме, что прямо над ними дыбится, человек промелькнул. А вот и второй остановился, покуривает без спешки. Направо голову повернул Миха… и оцепенел на мгновение. Вот же он — ротный, по откосу украдкой поднимается! Чужие “доброхоты” опасные по пригорку шныряют — не место здесь для променада дневного. Пальцами обозначил обстановку командиру, в момент сросся с травой Охотник. Притаились бойцы, заняли оборону с оружием на изготовке. Двое посторонних на бугре… Кто такие, куда следуют?! Истекают пять минут напряженного ожидания. Вот они! Первый — рыжий бородач в горном комбинезоне-“горке”, с автоматом через плечо, второй — в камуфлированных штанах и спортивной куртке тянет за собой чёрную сумку. Вот те дело, за ними еще четверо ходоков! А за ними… ещё четверо?! А за теми трое…

Насчитывают разведчики до двадцати боевиков, кои вереницей, по скату прямо в лоб к ним спускаются. 300 метров до Бакин-Хутора напрямик, а тут досада поневоле! Вот и пулемётчики вражьи из-за кустов вырастают — до десятка их. Медленно сходят к ручью три боевика. Оп-па, упираются взглядами в автоматные дула, из-за деревьев внезапно проросшие. Резкий тормоз! По наитию разворачиваются бородачи. В этот момент основная группа вплотную к разведчикам подходит, не больше четырёх метров между противниками! Грохнул первый выстрел. Со всех направлений открыла-обнаружила себя огнём разведка. “Поливают” неистово пулемётчики, исступленно долбят автоматчики! Очумелые от внезапности такой вызывающей, кинулись врассыпную боевики. Заметались сумбурно на тропе, беспорядочно вверх покарабкались. Оправдала себя тактика Охотника — с первой секунды сбей с толку противника, завладей ситуацией, пусть растеряется от ощущения засады могутной. Сей панику в ряды вражьи, а сам жми на спусковой крючок!

Опомнились боевики, осевшие на возвышенности, когда потеряли уже немало своих. Заверещало непременное “Ал-лах акбар!” в унисон с одиночными неприцельными выстрелами, что в ответ защёлкали.

И попёрло в атаку боевичьё.

— Пулемёты, не молча-ать!!! — надсаживает голосовые связки взводный справа от Михи.

Вновь рвутся к целям огненные струи — отступает противник. Отражая нападение, краем глаза улавливает Миха — у Петрухи заклинило пулемёт. Разобрал-собрал пулемётчик “машинку” играючи, в момент. “Красав-

чик!" — отстреливаясь, обалдел-таки разведчик. А снайпер СОБРовец, ай да молодчага! Грамотно позицию выбрал, немедля залёг метрах в пяти позади и вспыхнул боем. Не выпускает из рук автомат командир СОБРа, а лицо в кровище, в первые бранные минуты разорвалась рядом с офицером граната от подствольника.

Неравны силы, вот-вот с тылов обойдёт противник. Взмах руки Охотника — отходим.

По два, по три скатываются в изложину бойцы. Опрометью кинулись к ручью, перегруппировались и по альпийскому полю да вдоль отвесного обрыва дали жару во всю прыть. Выручайте, ноги натруженные! Преследуют их боевики. То "Аллах", то "акбар" скупые слышатся. Часа полтора, обходя взгорья, виляют разведчики по кустам. Углубляются в лесную чащобу и по тропе два километра рысью припускают. Вырулив направо по резкому повороту, речку перевалили. Залегли-замерли на берегу. Вот и грунтовая дорога к деревне спускается, не подведи, зелёнка-сестра, внизу броня ждет! Без потерь выскочили из леса к своим. Если бы ведали в пору ту разведчики, какую силищу вражью по лесу размазали. Эх, преисполнились бы гордости за себя смышлёных!

29 апреля 2004 года, аккурат перед трагическими майскими праздниками, выводили боевики-волчары с базы молодняк. В горных норах полгода образовывали 16-летних пацанов по курсу минно-взрывного дела, а нынче шли в Грозный. Случай ухарский свёл разведку с бандитской стаей до 60 человек. Отменно потрепали противника — 17 убитыми положили, 9 тяжело покалеченными, не счесть покалеченными. Вытаскивали потом оперативники из окрестных больниц пациентов с огнестрельными ранами.

...Историю эту давнюю слушаю на предгорной заставе у Комсомольского. По всему заметно, тяжко даются Михе воспоминания. То на полуслове сорвётся, то замкнётся в себе надолго. Сидит, дым сигаретный по земле стелет, недвижный взгляд в одну точку уткнулся.

— Требовательный командир был Охотник, — покривились губы в грустной улыбке. — Но никто на нагрузки не жаловался. Знали, для нас старается. А ветер-то сильный какой поднялся! — встаёт Миха, глядит на ущелье, махиной сторонку дикую прикрывающее. — Это в горах дождь идёт. Минут через двадцать сюда доберётся... После случая этого через две недели погиб командир.

Предсказуем проливень в предгорье. Пару раз в горах громыхнёт, сверкнёт линейная молния, вот и наползают грозовые тучи на скальные верхушки. Неспешно небосклон затягивают. Исподволь гром забористый обкладывает округу, дальними раскатами подступает. Знаменует — скоро и над головой разразится грохотаньем. Но не дозволяет создатель так же несложно книгу судеб людских перелистывать!..

17 мая на трассе, что стелется вдоль Чернореченского леса, подорвали боевики сапёров. Едва радиоволны донесли скорбную информацию в Урус-Мартановское подразделение, Самурай командует: "По машинам!".

— Первая группа — к "инженерам", вторая — в "зелёнку", блокировать выход на поселок Кирова, — запрыгивая на броню, определяет Охотник.

Сколько раз пересекали разведчики тот участок дороги сомнительной, не счесть! В засадах везение испытывали. Оберегала фортуна людей, решительно ва-банк идущих. А здесь... В блажной час съехал с трассы БТР, преследуя боевиков. Поджидали их...

Разведчики, работавшие в лесу, лишь глухой звук подрыва услышали. По координатам вычислили — стряслась беда! Бежит Миха по лесу, не отстает Бомба, телефонист Хазик в замыкании грузно топает. Только из "зелёнки" выпрыгнули, в траве окровавленного снайпера увидели. Наклонились над пацаном — живой! Огляделись и осели на ватные ноги. Метров 150 отбросило от брони дружка, с кем в одной связке на боевую выходили. Эх-х ты ж!..

— Смотри, Пашка там, — в сторону впадины показывая, сдавленным голосом, еле слышно Бомба говорит.

Не спасти Пашку! Кинулись разведчики к горящей броне. Рвётся боекомплект, нет подхода. Трещит-мечется по железу огонь проклятый! Внутри

сгорают водитель с механиком… Охотник по обыкновению сидел на броне впереди… Части от БТРа потом метров за сто от подрыва находили.

…Уже промедол раненому солдату вкалывают, эвакуационная вертушка барражирует. Но… не дотягивает разведчик до госпиталя.

Провожали бойцы навсегда второго ротного. Год назад в Пригородном в таком же замаянном-замотанном месяце мае подорвался на броне командир Велюра. Оба разведчика, в горах век вековавшие, предначертанием судьбы на равнине полегли… Горестно, больно, обидно… Уходят специалисты-виртуозы, унося талантище самобытный, дело облагородивший, яро помнят разведчики уроки-проповеди командирские по мастерству выживания на грани сил. Штудировали их на практике в лежбищах противника. Почётный след оставляют офицеры на юдоли земной, память о них останется безупречная…

Перешагнула в нынешнем году заклеймённый май разведрота с Самураем. Работали исступленно, с двухнедельных горных виражей результаты спускали, провоцируя судьбу-лихоманку — попробуй взять нас! Возвращались на базу за сухим пайком, и обратно — высотки урус-мартановские своей воле подчинять. В Ингушетии, где нарезали задачи разведчикам, на всех вынужденных остановках трамбовали время, отмеренное на отдых, упрямыми тренировками. Двойками, тройками отшлифовывали элементы ведения боя в горах — отход, прикрытие, ориентир по азимуту.

— В Ингушетии действовали корректно, тактично, грамотно, — горделиво повышает голос заместитель командира батальона подполковник Александр Волынцев. — Ни одного инцидента с местными не было. Самурай профессионально обстоятельства просчитывал. Каждый позицию свою знал. Командование разведку нашу в деле увидело, стали привлекать не только к блокированию, но и к поисковым акциям. При досмотре в первом же автобусе за задним сидением “вальтер” нашли. Чётко с саперами сработали.

…Под Алхазурово вышли разведчики на задачу в ночь, взяли в клещи территорию, где накануне коллеги радиоперехват запеленговали. До заревого часа группы Самурая и Маэстро по обе стороны оврага высиживали, поджидая противника. Спозаранку, разбившись на тройки, предгорные тропы стерегли. Только свернулись, зазмеились с горки враги… Самурай в кусты рванул и давай огнём автоматным будоражить чащобу! Петруха-пулемётчик не растерялся, ухватисто “затрещал”, с правого фланга Миха огнем поддержал.

“Откат”, — знаком показывает командир.

Успели устраниться от боестолкновения эти ходоки, но, прочёсывая лес, обнаружили милиционеры вещмешки с амуницией и “сникерсами”. В кустах хоронился оброненный впопыхах сотовый телефон. Журнал звонков полистали, откликнулся корреспондент на чеченскую речь:

— Еду в автобусе, встречайте…

Разведка ретировалась через Алхазурово, видели, как спецназовцы грузили в “уазик” троих мужчин в наручниках. Один оказался матёрым боевиком, снабженцем-продовольственником у бандитов состоял, другие, волонтёры-мытари, ехали в горы в поисках лучшей доли.

Неприметно промелькнула разведгруппа в посёлке. Кто бы догадался, сколько километров земли, “берцами” топтанной, времени бессонного да рассудка здравого, бесстрашного отдано-вложено в арест этот трёхминутный. А разведчики уже к базе шли по курсу своему, судьбой предписанному, где ногами версты наматывают, а дело ладят умом. Без прозорливости да сметки не одолеть врага, скрытого в горах да расселинах.

Материалы рубрики “Литературное содружество” публикуются при участии Международного сообщества писательских союзов (МСПС).

АЛЕКСАНДР КАЗИНЦЕВ

ПОЕЗД УБИРАЕТСЯ В ТУПИК

Тормоза отказали

Страна как после Мамая. А между тем власти только и делают, что “улучшают управляемость”, “укрепляют вертикаль”, а попросту говоря, закручивают гайки. Недавно Госдума наделила дополнительными правами ФСБ. На очереди – закон о полиции.

Наиболее широкие полномочия сосредоточены на вершине властной пирамиды. В 90-е годы оппозиция утверждала, что президент Ельцин обладает властью, которой не имел ни один царь или генсек. Что же ей сказать теперь?

Но она молчит: влияние оппозиционных партий сведено до минимума. Выборный механизм исправно обеспечивает “нужный результат” (см. исследование В. Смирнова “Аферы на выборах”. М., 2008). Но и это “баловство” вытесняется из политического обихода: губернаторские выборы отменены, нанятые “сити-менеджеры” все чаще заменяют избранных населением мэров.

Фактически полнота власти находится в руках тандема, главенствующая роль в котором до сих пор принадлежит Владимиру Путину. Он раздает поручения не только министрам, но и главам регионов, выступает перед национальной аудиторией по наиболее важным вопросам, его рейтинг опережает президентский.

Путин слывет сторонником жестких методов правления, воплощением “сильной руки”. Это представление, или лучше сказать – м и ф о л о г е м а, возникло после того, как на заре своей политической карьеры он пообещал “замочить в сортире” кавказских террористов, взорвавших дома в Москве осенью 1999 года.

Показательны результаты первого социологического опроса, зафиксировавшего стремительный рост популярности ВВП. Он был проведен в октябре 1999-го. Респондентам задали 16 вопросов, чтобы выявить, что привлекает их в Путине. Большинство опрошенных н е с м о г л и ответить на них. “Дальновидным” его назвали 6%, “честным, порядочным” – те же 6. “Принципиальным” – чуть больше – 9%. И уж совсем мизерный процент ответивших считал, что “он знает жизнь, понимает нужды простых людей” – 4.

Однако по трем пунктам Путин набрал высокие баллы. Привожу по возрастающей: “это человек, который может навести порядок в стране” – 21%; “поддерживаю его политику в отношении Чечни” – 24%; “это энергичный, решительный, волевой человек” – 41% (“Мир за неделю”, 30.10–06.11.1999).

Продолжение. Начало в № 7–10 за 2010 год.

Одиннадцать лет спустя россияне выделили те же качества Путина. 31% участников опроса, проведенного летом 2010 года, отметили его "сильный характер" ("Независимая газета", 22.07.2010).

Комментировать этот результат можно по-разному. С одной стороны, отсутствует прогресс. За одиннадцать лет и народ мог бы больше узнать о своем лидере, и лидер – о народе. Между тем, понимание "нужд простых людей" и сегодня не входит в число достоинств премьера. С другой – поразительна устойчивость представлений о нем как о сильном человеке.

Как бы то ни было, население ценит в "национальном лидере" именно силу. И судить о его деятельности следует прежде всего исходя из этого критерия.

К слову, как выясняется ныне, явление Путина народу не было спонтанным. Продвижение Владимира Владимировича на высоты политической власти, где ему предстояло привлечь к себе внимание электората, осуществлялось планомерно и определялось данными закрытых опросов общественного мнения.

Об этом в минувшем году рассказал журнал "Коммерсантъ-власть". Еще весной 1999 года издание заказало сразу двум социологическим службам – ВЦИОМу и "Ромиру" – проведение любопытного исследования. "Респондентам был задан вопрос: за кого из киногероев вы проголосовали бы на президентских выборах? – рассказывает сотрудник журнала. – Наш замысел был прост – раз уж граждане не способны вычленить некие абстрактные президентские качества, то им надо предложить выбрать между героями популярных фильмов, каждый из которых представляет собой цельный художественный образ" ("Власть", № 30, 2009). Лидерами голосования стали сотрудники силовых органов – Глеб Жеглов и Штирлиц.

Конечно, с нами обошлись, как с идиотами. Или скажу мягче – как с детьми. По мнению заказчиков опроса, электорат не способен "вычленить президентские качества". Поэтому ему показали "картинки": ткни пальцем, какая больше нравится.

Признаем: мы дали основания для такого отношения. Люди уже тогда стали отмахиваться от осознанного выбора: "Не грузите!" Я разбирал этот комплекс "усталости от политики" в работе "Возвращение масс" ("Наш современник", № 2, 2008).

Но в данном случае важно не это, а вектор полуосознанных симпатий и ожиданий общества. Он указывал на сотрудников спецслужб.

Замеры общественного мнения проводились за кулисами. Но и широкая аудитория подвергалась своеобразному зондажу. Помните слухи, упорно ходившие в 90-е годы, будто всесильный КГБ специально допустил крушение СССР, чтобы выявить всех врагов государства, после чего чекисты возьмут управление страной в свои руки и покарают предателей?

Еще Иван Бунин в "Окаянных днях" с обостренной писательской интуицией высказал догадку, что слухи распространяются спецслужбами для прощупывания общественного мнения. Скорее всего, и слух о чекистах, которые "вернутся и спасут страну", исходил из того же источника.

В конце главы мы обсудим вопрос: насколько оправданны надежды общества на Штирлица и его ведомство. А пока зафиксируем: Путина выдвинули в ответ на запрос населения, отчаянно желавшего восстановления порядка.

Надо признать, Владимир Владимирович сумел талантливо войти в роль. Чего стоит его озорная (и в то же время точно просчитанная) эскапада на встрече с ветеранами разведки в Ясенево: "Группа сотрудников ФСБ, направленная вами в командировку под прикрытием правительства, на первом этапе со своими задачами справляется" (цит. по: "Завтра", № 33, 2009).

Миллионы людей, желавших "пришествия Штирлица", буквально взвыли от восторга: "Вот он!" Полагаю, довольна была и Семья. Ставку сделали на находчивого исполнителя.

С годами путинский миф трансформировался, выйдя далеко за рамки чекистской матрицы. К слову сказать, вовремя. Скандал вокруг дела о "Трех китах" и китайской контрабанде перессорил бывших чекистов (см. памятную статью тогдашнего главы ФСКН Виктора Черкесова "Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев" – "Коммерсантъ", 09.10.2007). **Открывшиеся подробности сильно скомпрометиро-**

вали Лубянку. Однако о с н о в а обновленного образа осталась прежней: с и л ь н ы й ч е л о в е к, способный решить проблемы России.

Как пел Юрий Шевчук:

Путин едет по стране
На серебряном коне.
Путин всем людя́м поможет —
Дай здоровья ему, Боже!
Всех бандитов перебьет,
Работягам он нальет,
Все построит и починит,
Если надо — лично двинет
Он борцовскою рукой...

("МК", 31.08.2010).

Путин везде и всюду. Беседует с погорельцами, катит на желтой "Калине" по забайкальскому тракту, "борцовскою рукой" посылает гарпун в кита.

Фантастическая активность!

К сожалению, она не заменят г л а в н о г о: порядка в стране как не было, так и нет. И с каждым днем ситуация становится все тревожней. Для этого не надо перечитывать предыдущие главы моей работы (хотя в них приведены факты поистине убийственные!). Достаточно включить телевизор или заглянуть в газету.

Вот что не так давно писала влиятельная "НГ": "Почти 11 лет теракты терроризируют народ. И все это время власть обещает "найти и уничтожить". Произошло многократное увеличение финансирования спецслужб, убито много боевиков и их вожаков. Но ведь опять взрывают! Опять гибнут невинные люди!" ("Независимая газета", 02.04.2010).

Население р а з у в е р и л о с ь в способности руководства страны навести порядок. Сразу после теракта в метро ВЦИОМ обнародовал данные последнего ежегодного исследования отношения россиян к борьбе с терроризмом. Подчеркну – оно проводилось до трагедии, точнее – ч е р е д ы т р а г е д и й, которыми отмечен 2010 год. Однако и тогда пессимисты преобладали. 61% опрошенных опасался стать жертвой теракта (это число – отмечали эксперты – устойчиво растет все последние годы). 37% полагали, что власть "не сможет обезопасить граждан" (годом ранее так считало всего 19%). В то же время с 66% до 49% сократилось число тех, кто продолжал надеяться на "сильную руку" в правительстве ("Время новостей", 31.03.2010).

Говоря о событиях и тенденциях текущего года, политолог Н. Петров отмечает: они ставят под вопрос "миф о Владимире Путине как о человеке, который спас нацию и который знает, как решить проблему Кавказа" ("Независимая газета", 01.04.2010).

Анализ мер, принятых властью после взрывов, показывает: сомнения в способности "сильной руки" переломить ситуацию обоснованны.

Не решен э л е м е н т а р н ы й вопрос: контроль над пассажиропотоком с Кавказа. Сразу после терактов в метро в МВД объявили о "стопроцентном досмотре всех пассажиров из Северо-Кавказского региона" (цит. по: "Комсомольская правда", 07.04.2010). Корреспондент "Комсомолки" решил на собственном опыте убедиться, как осуществляется контроль. Он проехал по маршруту, которым, как предполагается, ехали террористки. Причем отправился в путь б е з п а с п о р т а (точнее, спрятав его).

Повествование не лишено занимательности. "Первая проверка ждала нас на посту ДПС при въезде в Волгоград. Когда нас остановили, водитель поднялся на второй этаж автобуса и стал собирать паспорта. Я соврал, что у меня его нет. Водила не удивился, только спросил:

– Как же ты в Москву без паспорта? На первом же углу остановят...

Я отмахнулся:

– Отмажусь!"

Милиционеры, проверявшие паспорта, не заметили, что одного не хватает. Так же формально осмотрели автобус: "На обследование огромного "Неоплана" ушло не больше минуты. Вещи пассажиров трясти не стали".

“Впереди еще был не один пост, – рассказывает журналист, – но нас больше не беспокоили проверками. Пару раз водитель ходил к гаишникам с пакетами паспортов. Те их проглядывали и отпускали. Вот, собственно, и все усиленные меры безопасности” (“Комсомольская правда”, 07.04.2010).

Даже такое ЧП, как взрывы в столице, не смогло сподвигнуть милиционеров на исполнение прямых обязанностей, а заодно и распоряжений их собственного руководства.

Тот же “праздник непослушания” наблюдался и после дикой выходки майора Евсюкова. Последовавшая отставка главы столичного ГУВД наверняка переполошила милицейское начальство. Можно представить, как каждое утро оно устраивало накачку подчиненным: смотрите, без выкрутасов! в порошок сотру!

И несмотря на это, чуть ли не ежедневно стражи порядка умудрялись не просто нарушить закон, а совершить какой-то из ряда вон выходящий проступок: коллективное изнасилование, похищение бизнесмена. А уж случаев садистских издевательств над задержанными или наездов на пешеходов – не счесть.

Но ведь начальство распорядилось! А плевали они на начальство.

И так во всем! Не исполняются распоряжения, идущие с самого верха. На это не раз жаловались и Медведев, и Путин. Дошло до того, что начальник контрольного управления администрации президента предложил законодательно обязать чиновников исполнять поручения главы государства... Хорошо хоть, у Медведева хватило здравого смысла не дать хода этой инициативе. Президент напомнил, что исполнение поручений начальства само собой разумеется – “вытекает из субординации государственной власти” (“Время новостей”, 08.07.2010).

“Разбор полетов” происходил в начале года. Но уже 21 июня к вопросу пришлось вернуться. Поручения по-прежнему не исполняются (там же).

“Центр постепенно теряет рычаги контроля”, – отмечают эксперты (“Независимая газета”, 24.11.2009). **Власть жмет на тормоза, но громоздкая государственная махина продолжает движение. Тормоза отказали!**

В конечном счете сам Путин, в течение десяти лет выстраивавший “вертикаль власти”, вынужден был констатировать ее неработоспособность. Отметив, что в стране насчитывается 25 тысяч госучреждений, премьер посетовал: “Эффективно управлять ими, контролировать деятельность очень сложно, а зачастую просто невозможно” (“Независимая газета”, 21.07.2009).

Да мы и сами видим, Владимир Владимирович! Знаете ли, те, кто сидит в последнем вагоне, особенно болезненно ощущают толчки раскатившегося, потерявшего управление состава. Того и гляди, слетим с колеи!

По уму следовало бы признать очевидное. А заодно посоветоваться с народом: как не допустить беды. К сожалению, начальство выбрало другой вариант. Нас уверяют: “Все хорошо, все под контролем”.

Так возвестил “национальный лидер” во время автопробега Хабаровск–Чита. На вопрос корреспондента, не хотелось бы ему что-то “подправить”, премьер безапелляционно бросил: “Нет!” (“Коммерсантъ”, 30.08.2010).

То же звучало в последней “тронной” речи перед окончанием президентского срока: “Я не вижу никаких серьезных неудач. Все поставленные цели достигнуты, все поставленные задачи выполнены” (“Известия”, 15.02.2008).

Это ПОЗИЦИЯ.

Конечно, и в 2008-м нерешенных проблем хватало. Но тогда нефть стоила 150 долл. за баррель! Можно было рассчитывать, что этого хватит для поддержания работоспособности Системы.

Но сегодня никто не поручится и за цену в 70 долларов! Бюджет дефицитный. Инфраструктура разваливается, а вкладываться в нее у государства нет средств.

Однако Владимир Владимирович, как явствует из интервью “Коммерсанту”, готов оправдать даже то, что и в “тучные годы” в развитие экономики не вкладывались. И то, что не стимулировали спрос. Все правильно. Все “путем”.

У Тима Гайтнера и Бена Бернанке от этих ответов, наверное, последние волосы на голове встанут дыбом. В Америке все делается с точностью до наоборот. Там насыщают экономику деньгами, стимулируя ее рост. Резонно полагая, что работающая экономика ценнее любой монетарной стабильности. Если экономика заработает, будет и

стабильность, и развитие. А если предприятия завалятся набок, а обнищавшее население не сможет покупать их продукцию, то пресловутая стабильность окажется синонимом м е р т в о г о покоя.

По итогам восьми месяцев 2010 года отечественные эксперты заговорили о с т а г ф л я ц и и. Это стагнация, помноженная на инфляцию. Почти не поддающаяся лечению хворь.

Но довольно об экономике. Не хлебом единым живет страна. И Путин доволен тем, к а к она живет. Удовлетворен и собственной работой, и деятельностью преемника. Сразу по возвращении из Забайкалья, в начале сентября, премьер встретился с западными корреспондентами из клуба "Валдай". Отвечая на вопрос о тандеме, он разъяснил: "Каждый из нас занимается своим делом, и, на мой взгляд, делаем это эффективно" ("Коммерсантъ", 07.09.2010).

Куда ни кинь – все замечательно!

Такой оптимизм понятен: кто же из руководителей поставит себе за работу "двойку"? Однако громко декларированный на фоне происходящего в стране оптимизм этот выглядит едва ли не кощунственным.

Интервью корреспонденту "Коммерсанта" Путин дал 27 августа. С участниками клуба "Валдай" встретился 6 сентября. Посмотрим, что происходило в стране в эти дни.

27.08. В море Лаптевых затонул буксир "Алексей Кулаковский". Он спешил на помощь другому терпящему бедствие российскому судну. 11 моряков утонули.

28.08. В Москве четверо милиционеров по заказу бизнесмена похитили коммерсанта. Эксперты утверждают: от 20 до 30% сотрудников МВД связаны с криминалом ("Постскриптум", ТВЦ, 18.09.2010).

29.08. В Чечне боевики напали на родовое гнездо клана Кадыровых – селение Центорой. Убито 5 и ранено 17 милиционеров, пострадали 7 гражданских лиц. Ответным огнем уничтожены 12 боевиков.

29.08. В Миассе около 100 налетчиков напали на слушателей рок-фестиваля. Людей избивали битами, стреляли из травматического оружия. Милиция бездействовала. Тяжело пострадали не менее 20 человек.

29.08. В Казани взрыв на подстанции "Ленинская". Обрушилась стена здания. 80 тыс. горожан без света. Авария стала третьей за вторую половину августа – после питерского блэкаута, оставившего без света половину Северной столицы, и другой – менее масштабной – в том же Санкт-Петербурге. В начале сентября пожар на электроподстанции в Москве. Реформированная Чубайсом энергетика разваливается на глазах.

31.08. В Москве на Триумфальной площади милиция в очередной раз разогнала митинг активистов, призывающих власти уважать российскую Конституцию. Задержано 103 человека. Председатель подкомитета Европарламента по правам человека Хайди Хаутала, наблюдавшая за происходящим, заявила: "Это невообразимо. Мы поражены тем, как милиционеры нарушают Конституцию. Мы поражены тем, с какой жестокостью они действуют" ("МК", 01.09.2010).

31.08. Трое милиционеров похитили и в течение суток насиловали гражданку Белоруссии. Международный скандал.

31.08. А тем временем в Москве налетчики захватили здание Следственного комитета по Московской области, блокировали охранника и обыскали 25 сейфов. По утверждениям СМИ, официально не подтвержденным, похищено несколько уголовных дел.

01.09. В Санкт-Петербурге обрушились перекрытия восьмиэтажного дома, где располагается Главное следственное управление при ГУВД. Один пострадавший.

02–03.09. Пожары в Поволжье (Волгоградская, Самарская, Саратовская, Пензенская области). Около 1 000 домов сгорело. 8 погибших, 28 пострадавших. Аналитики констатировали: "Назначенные президентом и "Единой Россией" губернаторы в чрезвычайной ситуации оказываются неспособными обеспечить контроль над вверенными им территориями" ("Независимая газета", 06.09.2010).

04.09. В Махачкале покушение на министра национальной политики Дагестана. Водитель министра погиб, он сам и два охранника ранены.

05.09. В Буйнакске (Дагестан) террорист-смертник на машине прорвал-

ся в расположение 136-й мотострелковой бригады. Четыре военнослужащих погибли, более 30 ранено.

05.09. Массовая драка на рок-концерте в Москве. Три пострадавших.

Далее расписывать происшествия по дням не имеет смысла: не хватит места. Отмечу лишь наиболее существенные события сентября-октября: теракт на рынке во Владикавказе (18 убитых, свыше 200 пострадавших); подрыв смертника во время спецоперации в Махачкале (40 раненых); теракт под Каспийском (16 раненых); подрыв автомобиля у милицейского лагеря в Хасавюрте (1 погибший, 12 раненых); пожары в Сибири и в Центральной России.

В политической сфере выделю увольнение Ю. Лужкова, которое (как бы ни относиться к отставленному градоначальнику) выявило фиктивность всех демократических достижений постсоветской России: независимости суда, свободы прессы, самодостаточности бизнеса, а заодно выборности властей – основы демократического устройства.

Среди других эпизодов упомяну фантастическую по наглости выходку сына чеченского богача Супьяна Тарамова, устроившего сеанс экстремального вождения у могилы Неизвестного солдата в Александровском саду. Акция, безусловно имеющая политическое звучание, сравнимая разве что с приземлением М. Руста на Красной площади. Газеты задались вопросом: "А если бы это был... террорист? Внедорожник, начиненный взрывчаткой, да еще под стенами Кремля, представить жутко" ("Российская газета", 14.10.2010).

То, что нельзя исключать и самые невероятные сценарии, доказывает нападение чеченских боевиков на здание республиканского парламента в Грозном: 3 погибших, 17 раненых (NEWSru.com от 20.10.2010).

Вам нравится такая Россия, г-н Путин?

Интервью премьера вызвало немало откликов в прессе – от "МК" до газеты "Завтра". Предъявлялись претензии – зачастую прямо противоположные. Но главная высказана не была! При Путине ведомственная аббревиатура МЧС превратилась в самое употребляемое слово русского языка.

Конечно, катастрофы, теракты, массовые побоища происходят и в других странах. Но не все это разом – и не каждый же день!

Могут сказать: и все-таки даже такая опасная для жизни Россия – это наша Родина.

Не собираюсь отрекаться. Россия для меня не просто место проживания. Но именно потому, что она мне дорога, я хочу изменить ее. Бережно, ответственно, сверяясь с традициями, но – изменить. Кардинально. И таких, как я, не десятки, не тысячи – миллионы. Даже наша в оба глаза глядящая на власть статистика утверждает: к участию в протестных действиях готовы 21% ("Коммерсантъ", 30.10.2008). **Каждый пятый!**

А Путин стремится оставить все как есть. Законсервировать страну. Даже модернизацию его партия умудрилась переиначить в "консервативную" (консервативная модернизация – словосочетание столь же нелепое, как суверенная демократия!).

Что такое – законсервировать нынешний развал? Это значит, что взрывы как гремели, так и будут греметь. В 2004-м, после теракта на "Автозаводской", казалось, что подземный ужас ушел навсегда. А он вернулся. Пожары как полыхали, так и будут полыхать. В 2002-м, глотнув свежего воздуха после жизни в дыму, москвичи решили, что огненный смог не вернется. А он снова в Москве. Корабли будут тонуть, самолеты падать, здания рушиться.

Разумеется, руководители страны не хотят трагедий. Но если оставить все, как есть, трагедии будут повторяться. Потому что сохранятся условия, их порождающие.

Понятно, проблемы и беды, с которыми сталкиваются простые смертные, лично "национального лидера" не касаются. Если он и выезжает на встречи с пострадавшими, то в машине с климат-контролем и с бесчисленными степенями защиты.

Вспоминается анекдот советских еще времен: "Наш лозунг: "Все для блага человека, все во имя человека". И я даже видел этого человека"...

Действительно, при таком раскладе зачем что-либо менять?

На вопрос, заданный корреспондентами, "грядут ли перестановки в правительстве", Путин ответил одним словом: "Зачем?" ("МК", 04.12.2009).

Даже министр спорта В. Мутко, лично виновный в оглушительном провале российских олимпийцев в Ванкувере и к тому же уличенный в нецелевом расходовании средств (см. доклад Счетной палаты), сохранил свой пост. "Благодаря заступничеству Владимира Путина", – уточняют журналисты ("Московская правда", 03.08.2010).

Даже глава МВД Р. Нургалиев после бойни, устроенной майором Евсюковым, и десятков скандалов, связанных с сотрудниками его ведомства, остался в кресле. "Ходили слухи", – сообщает "МК", что против отставки Нургалиева "возражает Путин" ("МК", 06.09.2010).

А Рамзан Кадыров и вовсе удостоился публичной похвалы премьера: "Чечня в надежных руках" ("Время новостей", 07.09.2010).

Экое упорство! Противоборство не только с фактами, логикой политического развития, но и с законами бытия. Сказано: "В одну воду нельзя войти дважды". А тут стремление остановить теченье вод!

Единственное, что вносит досадный диссонанс в застывшую картину – политическая оппозиция. Она требует перемен. По мнению премьера, идти у нее на поводу смертельно опасно: "Если цель в том, чтобы власть пошла на уступки, и она пойдет, то найдется другой повод для провокаций (разрядка моя. – **А. К.**), вот в чем все дело. И это будет продолжаться бесконечно" ("Коммерсантъ", 30.08.2010).

Комментаторы, оживленно обсуждавшие интервью, это высказывание упустили. А оно столь же показательно, сколь и деструктивно. Особенно в связи с первым постулатом – о безусловной правоте самого Путина. Он всегда прав, а оппозиция (между прочим, нередко выражающая мнение всего народа) не права. Всегда. Ее инициативы премьер склонен рассматривать как "провокации".

Это схема конфликта с обществом! Ничего хорошего не сулящая ни обществу, ни самой власти.

...Вспоминаю трагикомические сетования эстонского телеоператора, вместе с которым освещал празднование 9 Мая в Таллине. С неподражаемым прибалтийским акцентом он поведал о последнем разговоре с женой: "Я спросил: "Разве может быть так, что один – всегда прав, а другой всегда не прав?" Она ответила: "Не может. Но есть одно исключение: я и ты".

"Мы развелись", – меланхолически подытожил бедняга.

Оставалось лишь посочувствовать: жить с человеком, который всегда прав, наверное, и впрямь невозможно...

Для оппозиции – неправой по определению – у "национального лидера" припасено эффективно действующее средство. Из интервью в "Коммерсанте": "...Наши оппоненты выступают за правовое государство. Что такое правовое государство? Это соблюдение действующего законодательства. Что говорит действующее законодательство о марше? Нужно получить разрешение местных органов власти. Получили? Идите и демонстрируйте. Если нет – не имеете права. Вышли, не имея права, – получите по башке дубиной. Ну вот и все!" ("Коммерсантъ", 30.09.2010).

Это заявление вызвало бурный отклик. Причем не только в России, но и за рубежом. В подтверждение своей правоты Владимир Владимирович сослался на мировую практику. Немецкий журналист Ш. Штолль взялся объяснить, как действует в данном случае законодательство в его стране: "В Германии... закон о собраниях требует лишь, чтобы организатор митинга за 48 часов до его начала уведомил об этом местные власти. И все. Разрешения не нужно. А если народ по конкретному поводу собрался стихийно, чтобы высказать свое мнение, даже необходимость в уведомлении отпадает. Люди, неважно, с чем они согласны или не согласны, имеют право демонстрировать свою точку зрения в любом месте страны, ее столице, кроме определенной зоны безопасности вокруг парламента и памятников жертвам фашизма" ("МК", 06.09.2010).

Незнание западного законодательства российскому лидеру простительно. Но отечественное ему полагалось бы знать. 31-я статья Конституции РФ наделяет граждан теми же правами и свободами, что и конституции государств западноевропейских. "Возникает вопрос, – осторожно обозначили проблему аналитики, – насколько информирован премьер о законодательстве страны, все-таки предоставляющем право ее гражданам собираться мирно и без оружия, уведомляя заранее вла-

сти о своих намерениях и месте сбора?" ("Независимая газета", 07.09.2010).

А ведь Владимир Владимирович еще недавно был президентом — г а р а н т о м Конституции. Знать ее текст, понимать дух и уж тем более соблюдать ее он о б я з а н.

Но кто же напомнит об этом? Для ближнего окружения слово начальника — закон. Оппозиция? С ней объясняются только с позиции силы.

И это не просто логический вывод из сказанного премьером. Силовые ведомства разрабатывают сразу несколько законопроектов, которые позволяли бы им "отоваривать", как выразился Владимир Владимирович, оппонентов по полной! В начале сентября 2010 года глава ГУВД Москвы призвал серьезно ужесточить наказание за участие в несанкционированных акциях. Газеты прокомментировали: "Оппозиции предложено сесть в тюрьму" ("Коммерсантъ", 08.09.2010).

ФСБ пошла еще дальше. Она предложила в в е с т и о т в е т с т в е н н о с т ь за "неверие в способность государства защитить своих граждан" ("Время новостей", 27.04.2010).

Казалось бы, лучший способ неверие преодолеть — добиться п е р е л о м а в войне с террором. Убежден, общество единодушно приветствовало бы успех своих защитников. Ведь сегодня, спускаясь в столичную подземку, проходя мимо милиционеров с собаками, натасканными на поиск взрывчатки, каждый невольно задумывается: удастся ли благополучно вернуться домой.

Все мы искренне желаем спецслужбам победы над террором. А они пытаются выговорить себе право наказывать нас — не за действия, а з а с о м н е н и я в их профессионализме!

И то — контролировать з а к о н о п о с л у ш н ы х граждан легче, чем террористов...

Но и в обществе силен з а п р о с н а н а с и л и е. Конечно, обыватель формулирует его иначе, чем власть. Та хочет еще больше ограничить в правах, "прижучить" рядового гражданина. А он мечтает о том, что власть оградит его от террористов и от бандитов, обуздает произвол чиновников и богачей.

Устремления различаются п о с у т и, но близки п о в и д и м о с т и. Что позволяет верхам и г р а т ь на кажущейся близости интересов. В результате идея л е г и т и м а ц и и н а с и л и я сегодня весьма популярна.

Вот декларация ведущего оппозиционера С. Белковского в газете "Завтра": "Государство Российское для его постоянного, завсегдашнего обитателя — не друг и не родственник, не отец и не мать... А — строгий учитель" ("Завтра", № 32, 2009).

Далее — вдохновенный гимн "педагогическому" насилию: "Только подавляющей волей учителя мы сможем стать людьми. Мы не то чтобы любим учителя, даже подчас ненавидим его. Но мы признаем его право принуждать и подавлять нас... Ведь если бы не острая указка и грубая линейка учителя, его угрожающий взгляд и тамтамовый голос, мы никогда не проснулись бы до рассвета. Мы расползлись бы в наших просторах и растворились бы в чужой истории. От учителя мы ждем не снисхождения и доброты, но победительного насилия, берущего верх над нашим органическим нежеланием трудиться и просвещаться" (там же).

Переведя дух, процитирую заявление из противоположного лагеря.

Выступая на международном форуме в Ярославле, разрекламированном как трибуна российского либерализма, один из лидеров "Единой России" А. Исаев изрек: "У России нет опыта демократической модернизации. Вся модернизация проходила у нас под петровской палкой" ("Время новостей", 11.09.2010).

Иными словами, оппозиция и власть предлагают нам либо о с т р у ю у к а з к у учителя, либо п е т р о в с к у ю п а л к у. Выбор небогатый.

Понимаю условность образа, предложенного г-ном Белковским. И все-таки учителя у него, видимо, были не из лучших. Я запомнил совсем других наставников. Дитмара Розенталя, автора хрестоматийного учебника русского языка, у которого учился в Московском университете. Эдуарда Бабаева, друга Анны Ахматовой, тонкого знатока русской поэзии. У них не было ни "угрожающего взгляда", ни "острой указки" и говорили они тихо. Но мы в с л у -

шивались в каждое слово, потому что их лекции были интересными. Они, да простится мне банальный оборот, обогащали нас знаниями.

Я сознательно называю известных лекторов, которых мне посчастливилось слушать в университете. Но и среди безвестных школьных преподавателей были не менее достойные люди. С тем же набором базовых характеристик: способностью увлечь ученика и дать ему знания.

Мы спешили на их уроки в зимних утренних сумерках не потому, что боялись выговора за опоздание. Нам было интересно! Да, боялись и мы. Но чего? – огорчить наставника, ненароком причинить ему боль, не оправдать доверия.

Именно такие Учителя формируют Человека. А те держиморды, о которых пафосно повествует Белковский, способны разве что сломать характер, лишить (порою на всю жизнь) ученика чувства собственного достоинства, смелости, инициативности. Всего того, что входит в понятие гражданина.

Может быть, именно потому, что им не повезло с учителями, Белковский и Исаев плохо знают отечественную историю. Хотя в случае с Исаевым это странно, – среди его преподавателей был выдающийся историк и талантливый педагог Аполлон Кузьмин. Аполлон Григорьевич долгие годы являлся членом редколлегии "Нашего современника", и я (вместе с тысячами читателей) имел возможность оценить его глубочайшие познания и мастерство рассказчика.

К несчастью, ничего кроме "петровской палки" г-н Исаев из тех уроков, похоже, не вынес. Конечно, палка (у Петра – дубинка) – деталь, западающая в память. А главное – аргумент весомый! Петровская модернизация, действительно, не обошлась без насилия. Тяжесть его дубинки, по свидетельству современников, доводилось изведать даже ближайшему сподвижнику – светлейшему князю Александру Меншикову.

Но разве она была главным аргументом? Петр, поднявший "Алексашку", как презрительно именовали его бояре, с низов общества, прозорливо почувствовал в нем энергию действия, талант руководителя и сумел увлечь за собой в деле преобразования России.

Автор обстоятельной книги о светлейшем Николай Павленко отмечает: "Одна из граней дарования Петра Великого состояла в умении угадывать таланты, выбирать соратников. Можно назвать десятки ярких индивидуальностей, раскрывших свои способности в самых разнообразных сферах деятельности. Но Петр умел не только угадывать таланты, но и использовать их на поприще, где они могли оказаться наиболее полезными" (Павленко Николай. Полудержавный властелин. М., 1991).

Нет, дорогие мои, палкой не воспитать индивидуальность! Тут потребно иное. Прежде всего собственная вера в правильность избранного пути, душевная цельность, энергия и, конечно, дар общения.

Я писал о Петре. Мимоходом замечу, что недавно, заглянув в интернет, обнаружил: моя работа "Вечная Россия" ("Наш современник", № 4–7, 1998), посвященная Преобразователю, включена в список литературы, рекомендованной для изучения отечественной истории.

Признаюсь, я буквально влюбился в Петра, прочитав запись его беседы с простыми матросами, сделанную брауншвейгским резидентом Вебером в Риге: "Кому из вас, – говорил император, – братцы мои, хоть бы во сне снилось, что мы с вами здесь, у Остзейского моря, будем плотничать и в одежде немцев, в завоеванной у них же нашими трудами и мужеством стране построим город, в котором вы живете; что мы доживем до того, что увидим наших храбрых победоносных солдат и матросов русской крови, таких сынов, побывавших в чужих странах и возвратившихся домой столь смышлеными; что увидим у себя такое множество иноземных художников и ремесленников; доживем до того, что меня и вас станут так уважать иностранные государи" (Князьков С. Очерки из истории Петра Великого и его времени. М., 1990).

Кто еще из наших монархов, генсеков, президентов так задушевно говорил с простыми людьми? Кто был способен с небывалым, тем более для XVIII столетия, великодушием хоть на миг уравнять себя с ними: "Меня и вас станут уважать"?

А вы говорите: "Петровская палка"!

Разумеется, как руководитель-практик Петр не отрицал роли насилия и

сам частенько прибегал к нему. Не будем вспоминать здесь "стрелецкие казни". Спровоцированные – стоит отметить – неоднократными мятежами стрельцов (бунт 1699 года был последним из череды вооруженных выступлений). Это обстоятельства чрезвычайные. Любой руководитель обязан реагировать на них предельно жестко (американский историк Роберт Масси, автор лучшего, на мой взгляд, жизнеописания Петра, приводит немало примеров из западноевропейской практики*).

Насилие, разумеется, не столь масштабное и кровавое, применялось и в куда менее напряженных ситуациях. Примечательно: оправдывая необходимость принуждения, Петр воспользовался тем же образом учителя, что и Белковский: "Наш народ, яко дети, неучения ради, которые никогда за азбуку не примутся, когда от мастера (учителя. – **А. К.**) не приневолены бывают" (Князьков С. Очерки из истории...).

Однако Петру и в голову не приходило абсолютизировать насилие, и тем более поэтизировать – как это делает С. Белковский. Наоборот, Петр подчеркивал необходимость бережного отношения к добросовестным труженикам. Обрабатывая для отечественных нужд немецкий "Лексикон о коммерции", император собственноручно вписал: "Надлежит оных (простых людей**. – А. К.) беречь и не отягощать через меру, но паче охранять от всяких нападок и разорения" (**там же**).**

Признаем: "охранять" получалось далеко не всегда – царствование Петра пришлось на эпоху непрерывных войн, требующих средств, что серьезно отягощало подданных. Но само намерение показательно.

Самодержец Российский более гуманен, чем московский интеллигент XXI века!

Похоже, социопсихические особенности интеллигенции деформируют взгляд на народ таких деятелей, как Белковский и Исаев. Люди, может быть, за всю жизнь не забившие гвоздя, подозревают в "нежелании трудиться" тех, кто с утра до вечера в работе**.

Признаем и то, что наше "образованное сословие" до сих пор находится в плену ленинского (еще один интеллигент!) определения государства как "машины для подавления" (Ленин В. И. Полн. собр. соч., т. 37).

Было бы наивным резонерством отрицать эту функцию. Однако ее дополняет множество других: менеджмент, планирование, прогнозирование, внешнеполитическая деятельность и т. п. Государство – это машина для управления (если уж подходить к вопросу механистически). Что подразумевает арсенал более сложных средств, нежели пресловутая "палка".

Для многих идея государственного насилия заключается в трех буквах – КГБ. Когда комитет был всесилен, его боялись. Кое-кто ненавидел. Сейчас немало людей искренне желали бы прихода во власть его выдвиженцев.

О том, как эти упования отразились на судьбе Путина, уже упоминалось. Теперь я предлагаю взглянуть на вопрос шире. Выявить своего рода онтологию ожиданий.

Не так давно в газете "Завтра" появилась статья под выразительным заголовком "Сегодня нужен Берия" (№ 27, 2010). **Автор – известный фу-**

---

* Масси Роберт К. Петр Великий. В 3-х тт. Т. I. Пер. с англ.: Смоленск, 1991.

** Потенцированная тяга к насилию свойственна не только российским интеллигентам. Почитайте наброски к книге о Достоевском Георга Лукача – одного из светил европейской философской мысли прошлого века. Что там Белковский с его страшноватым учителем – Лукач с педантизмом западного ученого по пунктам разбирает, кому "дозволено (здесь и далее разрядка моя. – **А. К.**) убивать", и приводит "неотразимый" довод: "Нельзя действовать без греха (но и недеяние есть действие = грех)... Утверждение иеговистского (против Толстого)" (Лукач Георг. Ленин и классовая война. Пер. с нем.: М., 2008). Думается, здесь дело не только в тяге к "иеговистскому" началу, но и в абстрактности мышления ("компьютерного" – как сказали бы сегодня), обычно не сталкивающегося на практике с последствиями своих решений, а потому и не осознающего ответственности за них. Хотя в 1919 году, будучи политкомиссаром одной из дивизий венгерской Красной армии, Лукач без колебаний отдал приказ о расстреле каждого шестого бойца дезертировавшего батальона (там же)...

туролог М. Калашников. Любопытно – в органе либералов "МК" с ним фактически солидарен небезызвестный Л. Млечин: его материал озаглавлен "Хоть бы кого-нибудь расстреляли!" ("МК", 19.08.2010). **Правда, реплика, вынесенная в название, как выясняется, принадлежит не Млечину, а некоему профессору – "либеральных убеждений", подчеркивает автор. Но Млечин делает примечательную оговорку: "...Я понимаю, что он имеет в виду".**

И далее "вопль души": "Кого-нибудь накажут? За пожары, спалившие не только деревни, но и людей, за гарь – оружие массового поражения, за мучения людей этим летом и неспособность чиновников справиться со своими обязанностями. Измученные люди жаждут политической крови. Хотят, чтобы чьи-то головы полетели, не в прямом, конечно, смысле" ("МК", 19.08.2010).

Между прочим, список прегрешений можно было бы развернуть на весь газетный лист. Тогда, возможно, читатели возжаждали бы отнюдь не символической расплаты.

Такие списки, "вмонтированные" в публицистические статьи, регулярно публикует "Завтра". Для Калашникова – в отличие от Млечина – "Берия" – не риторическая угроза, а, говоря современным языком, реальный проект.

Среди многообразных деяний Лаврентия Павловича футуролог выделяет руководство Спецкомитетом (СК) при Совете Министров СССР. Под его эгидой разрабатывалось советское ядерное оружие. Калашников называет СК "структурой, опередившей время", а его главу "великим менеджером-инноватором" (здесь и далее: "Завтра", № 27, 2010).

Последнее утверждение предельно актуализирует исторический экскурс, указывая на желаемый вектор сегодняшней модернизации. А так как в Кремле иногда почитывают обращения Калашникова, можно предположить, что какие-то его предложения будут учтены...

Что же привлекает автора в бериевском проекте? Чрезвычайщина. Спецкомитет, сообщает он, "не подчинялся обычному, бюрократическому правительству. Он функционировал как параллельное (опричное) правительство" (разрядка моя. – **А. К.**).

В отличие от либералов, с поистине самоубийственным задором перечеркивающих советские достижения (при том, что постсоветских не видно!), не стану отрицать значимости успехов СССР в создании ядерного оружия. Россия до сих пор существует благодаря этому наследию.

Не стану спорить и с тем, что успехи были достигнуты во многом за счет концентрации максимального количества ресурсов в рамках одной структуры. Созданной чрезвычайными методами.

Однако Калашников, как и все поклонники менеджмента, склонен абсолютизировать организационный момент в ущерб творческому. Организовать ученых и практиков, обеспечить мгновенное воплощение их разработок в жизнь – все это имеет огромное значение. Но это лишь полдела. Другая "половина" – наличие самих ученых. Тех, кто создает инновационный продукт. Без них никакая, даже идеально организованная структура работать не сможет.

Так вот, И. Курчатов, П. Капица, другие виднейшие советские ядерщики формировались как ученые не в рамках чрезвычайного СК, с его жесткими организационными рамками и закрытостью, а в атмосфере предельной открытости науки, существовавшей в СССР в первой половине 30-х годов. Лучшие советские ученые того времени ездили в длительные командировки на Запад. А их западные коллеги выступали с докладами в Москве по наиболее актуальным вопросам.

Развитие отечественной науки началось задолго до образования СК. И не закончилось с его упразднением. Даже темпа не потеряли: полет человека в космос, строительство первых АЭС, создание новых ракетных систем – все это достигнуто без контроля и патронажа со стороны Берии.

К слову, идею "опричной", как определяет ее Калашников, организации Лаврентий Павлович изобрел не сам, а позаимствовал у коллеги – печально знаменитого Нафталия Ароновича Френкеля. Тот еще в конце 30-х создал Главное управление лагерного железнодорожного строительства (см. статью П. Флоренского "Нафталий Френкель" – "Наш современник", № 7, 2010).

Успехи Управления и бериевского СК, да и само существование этих ор-

ганизаций нельзя рассматривать в отрыве от источника, из которого они черпали кадры – научные, технические, рабочие. Этот источник – ГУЛАГ.

А теперь о другом – не менее важном! Фигура Берии в качестве спасителя Отечества более чем сомнительна. Этот "столп режима", каким он был (или казался) при Сталине, обретя самостоятельность, планировал демонтаж советского блока в Восточной Европе, введение рыночных отношений в СССР и так называемую "коренизацию" республик Союза.

Историки Д. Веденеев и Ю. Шаповал утверждают: "Анализ бериевских инициатив свидетельствует, что в истории, если бы она повернулась иначе, наверняка возникло бы понятие не хрущевской, а бериевской "оттепели". Хрущев и Горбачев (так!) лишь во многом эксплуатировали (и далеко не всегда удачно) его предложения" ("Зеркало недели", № 25, 2001).

Кое-что на сей счет говорит, а точнее, мельком проговаривает Калашников: "План Берии: создать единую Германию, не входящую в НАТО. Без идиотского социализма (здесь и далее разрядка моя. – **А. К.**) по Вальтеру Ульбрихту, без него самого и его твердолобого коммунистического окружения". Далее апологет упоминает о том, что люди Лаврентия Павловича "уже выходили на западногерманского канцлера Конрада Аденауэра".

Ничего себе "проговорочка"! Сам я к поклонникам реального социализма не принадлежу. Но нельзя же так "воспарять" над действительностью! Очевидно, что и "опричный" СК, и сам атомный проект в том виде, в каком он осуществлялся в СССР, были возможны только при социализме. "Идиотском социализме", по версии Калашникова.

Ах, это социализм "по Вальтеру Ульбрихту"? Калашников (кстати, получивший известность как певец красной Империи) как будто намекает читателям, что знает какой-то другой, более успешный. Да будет ему известно: созданная по ульбрихтовским рецептам экономика ГДР была наиболее эффективной в системе СЭВа.

Столь же непоследовательна, если не сказать резче – беспринципна, оценка закулисных контактов с Западом. Калашников не усматривает ничего предосудительного в тайных (от собственного ЦК и восточногерманских коллег) переговорах "людей Берии" с Конрадом Аденауэром, злейшим врагом социализма и СССР. Тогда почему автор статьи и публикаторы из газеты "Завтра" последними словами клянут М. Горбачева за планы объединения Германии и тесные связи с Г. Колем – однопартийцем и наследником К. Аденауэра?

Такой нравственный релятивизм, безразличие к принципам вообще и к морали в частности характерны не только для футуролога, но и для многих наших нынешних идеологов – как патриотов, так и либералов. Духовная болезнь постсоветской эпохи...

Но шут с ней, с Германией. Я, русский националист, не могу простить Берии русский погром – "Ленинградское дело" 1949 года и "коренизацию", а точнее, дерусификацию руководящих органов союзных республик в 1953 году. Если в 49-м Лаврентий Павлович еще не принимал единоличных решений, то за события апреля–июня 53-го он несет персональную ответственность.

Скоротечное правление Берии обстоятельно рассмотрено в содержательной работе профессора А. И. Вдовина "Русские в XX веке. Факты. События. Люди" (М., 2004). Первые самостоятельные инициативы Берии затрагивали два традиционно острых вопроса – еврейский и русский. В начале апреля 1953-го ЦК по запискам Берии от 1 и 2 апреля принимает комплекс решений по еврейскому вопросу: "реабилитировать и немедленно из-под стражи освободить" лиц, привлеченных по делу о врачах-вредителях; осудить "преступную операцию по зверскому убийству Михоэлса" и высылку П. С. Жемчужиной. В этой связи Вдовин осторожно поминает "слухи о еврейском происхождении Берии и его попустительстве соплеменникам"*.

В конце мая – начале июня приходит черед русского вопроса. ЦК, опять же по представлению Берии, принимает постановления, направленные на то, чтобы "решительно покончить с извращениями ленинско-сталинской национальной политики партии". Начинается "коренизация" партийно-государст-

---

* А. Авторханов называет Берию "полуевреем" (Авторханов А. Загадка смерти Сталина. – "Новый мир". № 5, 1991).

венного аппарата союзных республик и перевод делопроизводства на национальные языки. На деле, как показывает Вдовин, она обернулась "разгромом русских кадров в национальных республиках".

Первым секретарем ЦК КПУ вместо русского Л. Мельникова назначают украинца А. Кириченко. Принимают решение сместить русского Н. Патоличева с поста первого секретаря ЦК КПБ и назначить на его место белоруса М. Зимянина. Патоличева спас арест Берии. Во время пленума белорусского ЦК, где решалась его судьба, Патоличеву позвонил Хрущев и сказал: "Берия арестован... Если пленум попросит ЦК КПСС, то решение (об отставке Патоличева. – **А. К.**) может быть отменено" (Вдовин А. Русские в XX веке...).

Прямая увязка вопроса о русских кадрах с судьбой Берии лишний раз доказывает, что дерусификация была его личной инициативой.

Атмосферу, которая царила тогда в стране, можно почувствовать, ознакомившись с воспоминаниями видного партфункционера В. Голикова. В частности, он рассказал о том, как ему в Москву из Кишинева звонил К. Черненко, работавший заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК КП Молдавии. Черненко умолял: "...Помоги мне. Приходят молдаване и говорят, что я восемь лет сижу, место занимаю. Наглостью их бог не обидел. Помоги куда-нибудь уехать. Только в Россию. Куда угодно" (цит. по: Вдовин А. Русские в XX веке...).

То же самое происходило в конце 80-х при Горбачеве. Фактически реформы Берии в национальном вопросе стали предвестниками горбачевских. Они – свидетельствует Вдовин – "активизировали... в союзных республиках национал-сепаратистские и русофобские настроения".

И вот такого человека автор уважаемой газеты "Завтра" пытается представить в качестве образца для подражания. Видит в нем "спасителя России"!

Не стану подозревать футуролога в сознательном обмане читателя. Скорее всего, он и сам обманулся. Стал жертвой собственной тяги к личностиисключительной, стоящей над ненавистной Калашникову (и мне!) бюрократической машиной. Не связанной мелочным контролем ни со стороны государства, ни со стороны партии.

Такая личность и впрямь способна поразить воображение. Прежде всего объемом власти, сконцентрированной в ее руках. Она вольна казнить и миловать, возвышать и сгибать в бараний рог. Ах, как это заманчиво сегодня, во времена всеобщего бессилия и безвластия!

Но тем важнее, чтобы лидер с такой полнотой полномочий отвечал определенным моральным требованиям. Особенно, если он приходит из среды спецслужб с их специфическим менталитетом.

Обычно в таких случаях упоминают о "чистых руках". Однако признаем очевидное: на крутых поворотах истории мало кому удается сохранить руки чистыми. Вспоминают о "честности". И опять-таки всуе. Честность и политика – вещи трудно совместимые.

Я бы поставил во главу угла цельность. Лидер по определению не может быть агнцем. Он неизбежно будет совершать не только праведные, но и дурные поступки. Но, поднимая человека во власть, окружающие должны по крайней мере знать, что он именно тот, за кого себя выдает. Что он верит в идеи, им провозглашенные, и стремится достичь цели, им обозначенные.

К сожалению, руководители, приходящие из рядов спецслужб, крайне редко отвечают этому требованию. Дело не только в Л. Берии. То же самое можно сказать о Ю. Андропове, о В. Крючкове. И даже о генерале П. Курлове, шефе корпуса жандармов. Тут какая-то родовая мета, инфернальная двойственность: "столпы режима" странным образом оказывались среди его "могильщиков".

Генерал Курлов причастен к убийству П. А. Столыпина – единственного человека, который мог не допустить революции. Подозрения в адрес шефа жандармов были столь серьезны, что он попал под следствие, и только вмешательство императора спасло его от суда (см. Аврех А. Я. Столыпин и судьбы реформ в России. М., 1991).

Андропов в изображении С. Кургиняна и С. Семанова предстает тайным разработчиком концепции перестройки. Именно он собрал в ЦК и поддержал ее лидеров, включая Горбачева (Семанов Сергей. Председатель КГБ Юрий Андропов. М., 2008).

Действия Крючкова во время августовского "путча" заставляют подозревать его в двойной игре. По утверждению газеты "Завтра", он "незадолго до ГКЧП, в апреле 1991 года, встречался на яхте Роберта Максвелла с руководителем "Моссада"... КГБ принимал самое непосредственное участие в "бархатных революциях" в странах Восточной Европы" ("Завтра", № 32, 2010). В момент самого "путча" "Ельцин... постоянно был на связи с Крючковым" (там же). Выразительная деталь: после краха ГКЧП Крючков – в отличие от других руководителей – не был арестован, а содержался "под спецохраной на одной из правительственных дач" (там же).

Журналист Александр Шаравин, автор книги "17 тайн Лубянки", выступает и с более обобщенными обвинениями: "...Обвиняю Комитет госбезопасности СССР и его офицерский состав, прежде всего работников 1 и 5-го управлений, в умышленном расчленении Советской России, которая существовала и боролась в течение 70 лет за наши национальные интересы. Я обвиняю офицерский состав КГБ в том, что... они в августе 1991 года либо руководили действиями демократов-сепаратистов Ельцина и тайно вели их к "победе", либо потворствовали и молчали, когда разрушалась территориальная целостность страны и заменялось ее социально-экономическое устройство" ("Завтра", № 33, 2010).

Разумеется, обвинения можно адресовать далеко не всем сотрудникам. В нашем журнале мы неоднократно печатали Ю. И. Дроздова и Н. С. Леонова – генералов КГБ, возглавлявших ключевые управления. Знаю, что и среди наших читателей есть сотрудники Комитета – бывшие и нынешние, в том числе в немалых чинах. Любое издание позавидует наличию таких компетентных читателей.

Все так. И, однако, я бы не стал надеяться на людей Лубянки как на спасителей Отечества. И другим не советовал бы.

В закулисную жизнь "конторы" я, слава Богу, не посвящен. Но поделюсь впечатлением, полученным еще в школьные годы.

Я учился в элитарной школе при Академии педагогических наук. Среди учеников были дети известных киношников, писателей, дипломатов. Все они без особой симпатии относились к коммунистическому строю. Но дети сотрудников КГБ любому могли дать фору. Причем такой настрой был характерен только для отпрысков старших офицеров. У нас учился сын майора госбезопасности – тот не то что не сомневался в непреходящей правоте режима, но даже органа для сомнений не имел! А вот дети полковников не верили ни во что. Разве только в деньги (понятно – доллары). Ценили еще заморскую выпивку и девок, "упакованных" в импортное шмотье.

Обратите внимание, я говорю не о 1990-м и даже не о 1980-м, а о 1970-м годе, когда окончил школу.

Конечно, "яблочко" не обязательно падает у самой "яблони". Но в данном случае они лежали слишком кучно! Что недвусмысленно указывало на некий ведомственный "архетип".

Предательство? Полагаю, это недостаточно точное слово. Да, были случаи прямого предательства. Но широкое распространение получило другое, хотя и близкое явление. Перерождение. Утрата ценностей и идеалов. Не только советских – каких бы то ни было. Полная бездуховность. Скорее всего, то был результат постоянного пребывания на грани двух миров. В роли стражей, но и невольных свидетелей западных достижений.

Надо признать, они могли впечатлить кого угодно. Помню, тогдашний главный редактор "Нашего современника" Сергей Васильевич Викулов побывал в Париже. Офицер-фронтовик, стойкий патриот, он рассказывал мне: "Александр Иванович! Как они живут! Когда вышел на Елисейские поля, я чуть не заплакал..."

Видимо, сказывалась и лучшая информированность о реальном положении дел в СССР.

Разницу в настрое простецов и инсайдеров великолепно описал Михаил Булгаков в "Белой гвардии". Обитатели дома Турбиных, особенно юнкер Николка, еще живут надеждой, а вернувшиеся из дворца гетмана Тальберг и Шервинский знают: город обречен. Хотя реагируют (это чрезвычайно важно!) по-разному: Тальберг бежит, бросив семью, за границу, а Шервинский остается с Турбиными.

Бывшие сотрудники Госплана, отвечавшие за составление стратегических прогнозов, рассказывали мне, что уже в 70-е годы сигнализировали руководству: СССР начинает отставать в соревновании с Западом. В перспективе это грозило крахом. События начала 90-х не были для моих собеседников сюрпризом.

Госплановцы, с которыми я беседовал, остались верны строю и своей стране. Но многие "носители знания", в том числе офицеры спецслужб, стали подстраиваться под ситуацию. Когда в перестройку, как грибы после дождя, начали возникать коммерческие структуры, они забронировали себе лучшие места. И после гибели Союза вошли в правления банков, фондов, фирм.

В конечном счете это привело к острейшим экономическим конфликтам между бывшими сослуживцами. О чем с печалью поведал генерал Виктор Черкесов в уже поминавшейся статье "Нельзя допустить, чтобы воины превратились в торговцев".

В сущности, это должно было бы стать к о н ц о м чекистского мифа. И если сегодня люди все еще тянутся к нему, то это свидетельствует не столько об их доверчивости, сколько о нестерпимости нынешней ситуации, что побуждает верить в о ч т о у г о д н о и к о м у у г о д н о – только бы "переменить судьбу".

О "ком угодно" и поговорим. Невеселые, надо признать, рассуждения.

Кажется, россияне готовы кинуться на шею л ю б о м у, в ком они хоть на минуту углядят спасителя. Ищут, конечно же, на с т о р о н е. "Ванька из соседнего дома" на престижную роль заведомо не проходит. По принципу: "Да я с ним рядом живу. Какой же он после этого герой?"

Первыми на вакантное место предложили... кого бы вы думали? Евреев. Как и в 1917-м! Леонид Радзиховский в памятной статье "Еврейское счастье" задался вопросом: "...Почему революции в России поднимают евреев?" И разъяснил: "...Они оказались более активными, чем традиционные "обломовы" ("Новое русское слово", 17.01.1996).

К чести Радзиховского, он не ограничился констатацией "естественных преимуществ" своих соплеменников, но указал и на другое немаловажное условие их успехов: они "отчасти опирались на новые ("свои") политические элиты. Например, президент Альфа-банка Авен был министром внешней торговли у Гайдара, известны своими связями с высшими чиновниками и руководители "Менатепа" и Мост-банка и т. д." (там же).

О том, как с в я з и конвертировались в д е н ь г и, нынче кое-что известно. Во многом благодаря скандальному процессу над бывшими основателями "Менатепа" и материалам об аферах руководителя Мост-банка В. Гусинского*.

Интерес г-на Радзиховского понятен. К слову, он не слишком-то радовался стремительному продвижению евреев во власть, напоминая, что за 1917-м последовал 1937-й...

Но почему русские идеологи – из самых известных – хватаются за ту же концепцию? О плодотворной роли еврейских "штольцев", железом и кровью побуждавших миллионы "обломовых" создавать индустрию и проводить коллективизацию, неоднократно писал сподвижник Александра Проханова В. Бондаренко. Почитать его, так без участия евреев становление советской державы было бы невозможным.

Бондаренко идет еще дальше: оказывается, не еврейские комиссары были частью "красного проекта", а сам этот проект, м а т е р и а л о м для которого служила Россия, являлся порождением е в р е й с к о г о м е с с и а н и з м а. "Когда Сталин пресек Коминтерн, – вздыхает патриотический идеолог, – он, по сути, уничтожил красное еврейское мессианство с Россией во главе... С отказом от еврейской красной сверхгосударственности, может быть, начался откат России на региональные позиции" ("Завтра", № 24, 1997).

Дорогие читатели, вы слышали о с в е р х г о с у д а р с т в е евреев? Со-

---

*Тот же механизм действовал и в годы нэпа. См. главу "Агенты и соучастники частного капитала в госаппарате" интереснейшей работы Ю. Ларина (Лурье) "Частный капитал в СССР" ("Государственная служба", № 1, 2000).

гласитесь, Израиль – при всей его значимости (особенно в политическом закулисье) – до сверхдержавы все-таки не дотягивает. Если же Бондаренко, как явствует из его дальнейших рассуждений, имеет в виду Советскую Россию, то хотел бы указать уважаемому автору на досадную ошибку. Красная Россия была государством р у с с к о г о народа (и других, примкнувших к нему коренных народов), несмотря на то, что в ЦК, ЧК, правительстве сидело немало евреев. Скажу больше: и сегодня Россия по-прежнему р у с с к о е государство, несмотря на новое пришествие евреев во власть.

Впрочем, "володеть и править" зовут не только "сынов Иаковлевых". "Требуются Рюрики" – кричит заголовок в "НГ". Автор статьи, некий Руслан Аврамченко, представленный как политолог и кандидат физико-математических наук, поясняет: "Россия всегда вразумлялась Европой, и сегодня нам необходимо новое призвание варягов" (здесь и далее – "Независимая газета", 13.09.2010).

Идея, отработанная еще в позапрошлом веке. Опровергнутая как теоретиками (Н. Данилевский. "Россия и Европа"), так и самой историей: наивысшего расцвета Россия достигла в середине XX столетия – безо всяких варягов. Да и "вразумлять" нас они норовили все больше оружием – во времена "псов-рыцарей", воинов Стефана Батория, Карла XII, Наполеона, кайзера Вильгельма и Гитлера. Хотя бы в юбилейный год Победы совестно забывать о кровавой, не единожды нам преподанной науке. Суть которой можно сформулировать в двух словах: о с т е р е г а й т е с ь З а п а д а!

Понятно, русский публицист автору "НГ" не указ, поэтому сошлюсь на признанного западного авторитета Арнольда Тойнби: "Запад... это архиагрессор современной эпохи... Русские напомнят, как их земли были оккупированы западными армиями в 1941, 1915, 1812, 1709 и 1610 годах" (Т о й н б и А. Дж. Цивилизация перед судом истории. Пер. с англ.: М.–СПб., 1995).

Но вернемся к Аврамченко. Он патетически провозглашает: "Пора, пора уже честно посмотреть нам, россиянам, друг другу в глаза и признаться в б е с с и л и и с в о и м у м о м п о м о ч ь с п а с е н и ю Р о с с и и (разрядка моя. – **А. К.**). **Снова, как и тысячу лет назад, нужно звать варягов, точнее, их современных потомков".**

Как это должно реализоваться на практике? "На Западе, – поясняет кандидат физматнаук, – есть десятки талантливых экс-президентов, экс-премьеров, министров и множество политиков". Их-то и следует назначить на министерские посты в российском правительстве.

В начале 90-х, в период общего обнищания, нас приучили пользоваться секонд-хэндом. Страна примеривала на себя штопаные джинсы и куртки с чужого плеча. Затем начала втискиваться в автомобильный хлам. Однако о п о л и т и ч е с к о м секонд-хэнде мы до сих пор не слыхивали!

И кого же сватает нам Аврамченко? Экс-премьера Англии Тони Блэра, которого его же сограждане в глаза именуют лжецом и закидывают яйцами, из-за чего он вынужден был отменить презентацию своих мемуаров? Экс-премьера Франции Доминика де Вильпена, привлеченного своими однопартийцами к суду за клевету? Или экс-президента Франции Жака Ширака, которому в конце года предстоит предстать перед судом в связи с финансовым скандалом? Или экс-президента Израиля Моше Кацава, обвиняемого в 11 изнасилованиях?

Представим, как эта шарага (или другие – рангом поменьше) рванет в Россию "на поиск счастья и чинов". Омерзительное зрелище!

Вы скажете: маразм! Соглашусь. Но ведь и Станислав Белковский, в отличие от г-на Аврамченко, человек серьезный и влиятельный, предлагает восстановить монархию и пригласить на трон самодержца всероссийского третьеразрядного английского принца Майкла Кентского ("Завтра", № 32, 2009).

Что это – поветрие болезни? Или свидетельство трагического надлома, страшного упадка русской воли, русской мысли, русского духа?

Не поверите – наши соотечественники готовы призвать "на царство" не только "варягов", а тех же чеченцев, от которых столько терпят мирные москвичи.

Разумеется, первым вспоминают в этой связи главного чеченца. Вот "крик души" в интернете: "Комрады, объясните, почему вы не хотите, чтобы Кадыров был президентом или премьером? Неужели нынешняя (эпитет опус-

каю. – **А. К.**) власть лучше, чем деятельный человек?" (http://oper.ru/news/read.php?t=1051605167).

Судя по всему, вопрос неофита. Увидел по телеку Кадырова с автоматом – и проперло: вот бы такого в Кремль!

Неофиту я бы посоветовал ознакомиться с главами моей работы, опубликованными в предыдущих номерах. Авось поймет, почему "комрады" не хотят Рамзана Ахматовича на московское царство.

В отличие от безвестного пользователя, г-н Коровин, человек, бесспорно, информированный. Заместитель руководителя Центра консервативных исследований при социологическом факультете МГУ. Он, как никто, "в теме": в начале года Коровин представил научной общественности коллективное исследование "Северный Кавказ: русский фактор". Там собрана масса сведений о том, как русских изгоняют с Кавказа. В Чечне за два десятилетия их численность сократилась с 23 до 1% ("Время новостей", 22.04.2010)! И, несмотря на это, г-н Коровин предлагает, чтобы пост министра МВД занял не кто-нибудь, а Рамзан Кадыров (там же).

А герой голубого экрана С. Кургинян ненароком упомянул о возможности превращения дуумвирата в классический триумвират – за счет все того же Кадырова, "проконсула Северного Кавказа" ("Завтра", № 29, 2009).

Хорошо, Кадыров, по крайней мере, на слуху, но некто Павел Пряников (скорее всего, это псевдоним) готов звать во власть любых чеченцев и – шире – кавказцев. Кто угодно – приходи и владей!

Трусоватого российского обывателя Пряников пугает хаосом – как в Киргизии. Он констатирует: "Нынешняя власть одинока, последнее, что позволяет ей удерживать видимость федеральных скреп, – телевидение и бюджетные дотации" (здесь и далее: http//svpressa.ru/blog/article/23778).

Естественный вопрос – может быть, такая власть, утратившая доверие народа, и не заслуживает доминирования – почему-то не приходит в голову автору. Он начинает лихорадочный поиск союзников. Выясняется: "Настоящих, "кровных" союзников у федерального центра, кроме кавказцев, сейчас нет".

Что называется – не более и не менее.

Мысль не то чтобы спорная – убийственная. Прежде всего, для власти! Если она и впрямь не имеет опоры в широких слоях населения, то это явное свидетельство ее несостоятельности. Однако, при всей экстравагантности, утверждение Пряникова оснований не лишено. Может быть, своеобразное союзничество, им обнаруженное, и объясняет тот факт, что власть почти демонстративно смотрит сквозь пальцы на все выкрутасы горячих сынов Кавказа.

Беспокойная мысль устремляется дальше: "...Для Путина сейчас крайне необходимо возрождение чего-то подобного опричнине. И в этом разрезе становится понятным, почему он ухватился за Кавказ. Фактически на выплату дани (разрядка моя. – **А. К.**) этому региону и на "закрытие глаз" на всю ту дикость, что там творится. Архаика Кавказа, практическая первобытность региона позволяет Путину при соблюдении ряда средневековых церемониалов рассчитывать на его верность".

Далее следуют пафосные рассуждения о том, что Кавказ всегда ориентировался на "белого царя". Однако историческая риторика не более чем блестящая завеса, призванная благопристойно прикрыть вызывающий вывод: "На месте Путина я бы сейчас в каждом регионе устанавливал бы параллельные силовые ячейки из кавказцев. Возможно, в качестве официальных представительств "кавказских республик". 150–200 человек "опричников" на каждый регион... Возможно, этот процесс и идет в современной России, только он пока не оформлен законодательно – всем же известно, как и по чьему попустительству существуют в той же Москве этнические мафии".

Автора подводит незнание истории – как и всех почти, кто берется порассуждать о "судьбе России". Ему всуе напоминать, что горцы присягнули "белому царю" после кровопролитной войны, длившейся с перерывами более полувека. "Полюбили" его только после того, как мятежный имам Шамиль был пленен в ауле Гуниб.

Если эссе Пряникова и написано с оглядкой на историю, то новейшую, творимую сегодня. Здесь важны "ляпы" не исторические, а логические. Ав-

тор волен отсылать нас к отношениям "вассал–сюзерен", установленным в XIX веке, но необходимо уточнить: т о г д а сюзереном была Россия, а т е п е р ь г-н Пряников предлагает ей роль вассала (сам пишет о "выплате дани"). В XIX веке русский солдат гарантировал порядок и мир на Кавказе. Сегодня нас принуждают просить кавказцев гарантировать мир и целостность России.

Бесчисленные инциденты, связанные с жизнью диаспор, показывают – это пустые мечты! Удержать бы приезжих в рамках приличий – не зря столичные власти в срочном порядке разрабатывают Кодекс поведения.

Да и с какой стати те же чеченцы станут поддерживать порядок в Москве? "Ну как же, – ответят мне, – они все-таки наши соотечественники". Это в ы так считаете. А поинтересуйтесь-ка у них: считают ли о н и соотечественниками вас. Социологи такой опрос провели. Респондентам предлагали ответить, что они считают Родиной – Россию или место своего рождения. Лишь 11% чеченцев назвали Россию своей Родиной ("Независимая газета", 10.09.2010).

Для власти "кавказская опричнина" может стать выходом. Тактическим, а не стратегическим (долго удерживать страну в подчинении подобными методами не получится, и, конечно, никакая "модернизация" в этих условиях невозможна). Но для простых людей, для коренного населения действия чужаков-опричников обернутся мукой.

Тут нижний предел падения национального самосознания. Тяга к "сильной руке", вырождающаяся в б о л е з н е н н ы й м а з о х и з м. Если вы стосковались по насилию, необязательно так все усложнять. Достаточно выйти на улицу часиков эдак в одиннадцать ночи, найти подгулявшую компанию да и пересказать ей концепцию Пряникова. Они вам в лучшем виде "шмазь сотворят".

Можно предположить, что публикация полуанонимного эссе в интернете имела провокативный характер. Такую версию высказали участники дискуссии, развернувшейся в сети.

Впрочем, обнародованная Стратегия социально-экономического развития Северо-Кавказского федерального округа, подписанная В. Путиным в октябре 2010 года, изменила ситуацию в к о р н е. Планируется р е з к о п о в ы с и т ь число мигрантов с Кавказа. В интернете эту затею прямо связали с попыткой властей найти в лице приезжих "верных защитников" (http://www.mk.ru/politics/article/2010/10/05/534245-kavkaztsyi-vmesto-tadzhikov...)

Как бы то ни было, материал Пряникова основан на реальном положении дел. И учитывает как пожелания властей, так и отчасти пересекающиеся с ними(хотя и отнюдь не по кавказскому вопросу) настроения в обществе.

Какие настроения? П. Пряников говорит об установлении режима, "подобного опричнине". М. Калашников прямо пишет об "инновационной опричнине". Вот и в нашем журнале появилась работа авторитетного политолога А. Фурсова "Опричнина – воспоминание о будущем?" ("Наш современник", № 8, 2010). **Режим, созданный ч е т ы р е с п о л о в и н о й с т о л е т и я н а з а д, сегодня – "хит сезона". И это определенным (я бы сказал – определеннейшим!) образом характеризует не только ожидания общества, но и само общество. Так же, как и лихорадочные попытки наполнить и с т о р и ч е с к у ю с т р у к т у р у содержанием с о в р е м е н н ы м. Фурсов честнее, он говорит не о чеченцах и не о Берии – отсылает к самому Иоанну Васильевичу*.**

Но здесь-то и начинаются проблемы, о которых не говорят (а возможно, и не подозревают) сторонники "сильной руки". Что такое опричнина – с р е д с т в о для достижения цели или сама ц е л ь (создается впечатление, что многие просто жаждут насилия: "Хоть бы кого-нибудь расстреляли"). А если все-таки средство – то насколько оно п р и л о ж и м о к нашим конкретным условиям.

---

* Понимаю крайнюю деликатность спора с автором, которого ты сам пригласил в журнал. Поэтому сразу же объяснюсь: я считаю статью А. Фурсова наиболее ярким и цельным выражением взгляда, распространенного в сегодняшней публицистике, в том числе патриотической. Вот почему журнал ее напечатал. В то же время я с этим взглядом решительно не согласен. Публикуя статью, я в редакционной аннотации предупредил о грядущем споре.

Представим: по улицам Москвы будут шнырять отряды кавказских "опричников". С какой целью? Бороться за сохранение целостности державы, как это мнится Пряникову? Достаточно четко поставить вопрос, чтобы обнаружить: это абсурд.

Что станут делать еврейские "штольцы" с русскими "обломовыми", и спрашивать не надо. Мы видим это ежедневно. И таки приходится признать: Абрамовичу, Мамуту и прочим "активным" удалось организовать русскую трудовую массу для выполнения задач. С в о и х задач. Хозяева квартируют в Лондоне, а здесь, на бескрайних просторах от Калининграда до Колымы на них вкалывают наши соотечественники. Но почему вы думаете, что "нация умных людей" (пользуюсь названием только что вышедшей книги*) будет решать н а ш и, а не свои задачи?

Фурсов умнее и дальновиднее единомышленников. Он формулирует: 1. Условия, в которых предстоит действовать "новым опричникам"; 2. Задачи, цель действия. "...Мир вступает в чрезвычайно опасную эпоху – в эпоху чрезвычайности. Нам предстоит увидеть возникновение немалого числа "чрезвычаек" на глобальном, государственном, региональном и локальном уровнях... И в этой ситуации опричнина с ее опытом может стать необходимым, хотя и недостаточным условием и средством, с помощью которого можно будет пройти кризис и вынырнуть в посткризисное будущее" (здесь и далее работу А. Фурсова цитирую по тексту: "Наш современник", № 8, 2010).

Первая часть посыла возражений не вызывает: глобальный кризис накренил не только экономику, но и сам образ жизни, цивилизационную основу современного мира, и в любой момент может обрушить ее в тартарары. Борьба будет, будут и "чрезвычайки".

Борьба за что? Прежде всего за з н а н и е. Чтобы заполучить контроль над ресурсами, территориями и пр., нужны знания. Сегодня особенно. Технологические. Управленческие. Прогностические. Нынешняя "чрезвычайка" – это "Рэнд корпорейшн". Или Институт в Санта-Фе, где разрабатывают "науку о сложности". Где глобальный мир – его проблемы, ресурсы, тенденции – раскладывают на составляющие, моделируют, компонуют вновь.

Разумеется, на подхвате Пентагон и частные охранные формирования, все шире применяющиеся в горячих точках, вроде Ирака и Афганистана. Но именно – на подхвате, цели намечают и н т е л л е к т у а л ы.

Где в этой схеме (реально действующей – в отличие от фантазий наших футурологов) видится место для опричника в сафьяновых сапожках и с аркебузой на плече?

О да, Фурсов подстраховывается. Он говорит: опричнина является условием "необходимым, но недостаточным". Упоминает об этом в с к о л ь з ь, "петитом". А надо бы выделить заглавными буквами! Что значит – условие "недостаточное"? Чего недостает? И как недостающее соотносится с наличным?

На первый вопрос автор отвечает. На п о с л е д н е й странице! Там, где должно начаться с а м о е в а ж н о е, разговор обрывается. Да и что это за разговор? Деловитый и жесткий Фурсов вдруг растекается туманными словами о "тонких интеллектуальных и психоинформационных (психоисторических) струнах". Поясню: это о н о в о м з н а н и и. Ну и кто будет на этих струнах наигрывать – Малюта Скуратов?

Между задачами сегодняшнего дня и примерами из прошлого возникает зазор, куда вытекает энергия работы. Кстати, о работе: что это – историческое исследование, пусть и написанное по принципу: "Делай с нами, делай, как мы, делай лучше нас", или политический "эссей", элегантно сближающий "далековатые понятия" с помощью метафор?

Если исследование, то разговор один. И вести его следует по строгим законам исторической науки. Если "эссей" – дело другое. Даже не для политологов, а так – для любителей поговорить "за жизнь".

Беда в том, что Фурсов объединяет оба жанра. С одной стороны, у него "ЧК под названием опричнина". Метафора, беллетристический нарратив. С другой – хроника (хотя и не детализированная) событий 1565–1572 годов.

Выход из этой двойственности автор – отдадим ему должное – находит

---

* С е н о р Д э н, С и н г е р С о л. Нация умных людей. Пер. с англ. М., 2010.

изящный: он провозглашает опричнину принципом государственного существования России. Этакая опричнина forever.

По существу, всю русскую историю Фурсов мыслит как черно-белую чересполосицу. Чередование нормальных периодов жизни и опричной "чрезвычайщины". Схема не слишком отличающаяся от той, что навязывают нам советологи (А. Янов), говорящие о чередовании "реформ" и "контрреформ". Только, в отличие от них, Фурсов ставит знак "плюс" там, где они рисуют жирный "минус".

Но и тот и другой вариант слишком схематичен, далеко не охватывает всего многообразия русской истории.

Фурсов вообще склонен к механистичности: "...С демонтажом – ремонтажом Третьего Рима". Сложнейшие исторические процессы сводятся к простейшим операциям, как при работе с кубиком Рубика или при решении компьютерной задачи. Надо – Третий Рим "демонтируем", надо – "ремонтируем". Это компьютерное мышление, которым грешат, как правило, западные исследователи. Видимо, оно проникает и в головы патриотов.

И все-таки разговоры об опричнине "как принципе" будут бессодержательны, пока мы, хотя бы вкратце, не скажем об исторической конкретике. Была ли опричнина Ивана Грозного "успешным проектом"? В чем ее успех? Применим ли ее опыт в наши дни?

Не пожалеем нескольких страниц, чтобы разобраться в этих вопросах. Не только ради спора с Андреем Ильичом Фурсовым, автором, которым я, несмотря на все разногласия, дорожу, но и для вразумления немалого числа энтузиастов, ищущих в истории примеры простых решений сложных проблем наших дней.

Самое время обратиться к свидетельствам современников Грозного. Однако Фурсов нам это запрещает: "Опричнина – оболганное явление нашей истории". Дескать, основные источники – это воспоминания иностранцев, живших в Москве. Верить им нельзя. Согласен. Но почему же сохранились только писания иноземцев? Потому что московское летописание именно при Грозном – именно в годы опричнины – прерывается. Материалы затребовали в Александровскую слободу да так и не вернули (Скрынников Р. Г. Третий Рим. СПб., 1994). Факт сам по себе предельно красноречивый!

И все же история никогда не остается немой. Зажмут рот, но рано или поздно хватка ослабеет – она и заговорит. В данном случае это произошло в начале XVII века, спустя 20–30 лет после смерти Грозного. Его деяния были еще на слуху.

Оценки эпохи опричнины находим в Пискаревском летописце, в "Летописной книге" С. И. Шаховского, народных песнях. И все они отрицательные. Царя народ не трогал, но главный опричник остался в его памяти как "Малюта Стенька вор Скурлатов сын" ("Гнев Ивана Грозного на сына" в кн.: Народные исторические песни, М.–Л., 1962).

Столичные публицисты дерзали изобличать и царя. "...Наполнися гнева и ярости, – писал о Грозном С. И. Шаховской, – и нача подовластных своих, сущих раб, зле и немилостиво гонить и кровь их напрасно проливать. И царство свое, порученное ему от Бога, раздели на две части: часть едину себе отдели, другую ж часть – царю Симеону Казаньскому поручи, и устрои ево Москве царем" (Памятники литературы Древней Руси. Конец XVI – начало XVII веков. М., 1987).

Примечательна контаминация событий первой и второй опричнины. В сознании современников вся затея оказалась связана с недолгим пребыванием на русском троне инородца – татарского царя Симеона Бекбулатовича. Случай для православного царства, действительно, небывалый! Особенно если помнить о многовековой борьбе Руси с Ордой, а затем и с Казанью. Об этом мы еще поговорим.

Но самое выразительное осуждение опричнины принадлежит... царю Иоанну. Оценивая события своей жизни, он с сокрушением отмечал: "В разбойники впаде мысленные и чувственные, сего ради всеми ненавидим есть" (цит. по: Зимин А. А. Опричнина. М., 2001).

Впрочем, Иван был многоречив и "многомятежен". Чего он только не наговорил, в том числе и на самого себя!

Обратимся к историческим фактам. К самому надежному, а зачастую и красноречивому свидетельству.

Царствование Ивана IV принято разделять на два периода – до и после опричнины. До 1565 года Россия под управлением молодого царя одержала немало славных побед. 1552 год – взятие Казани. 1556-й – покорение Астрахани. 1558-й – вступление русских войск в Ливонию. 1563-й – взятие Полоцка. В 1550 году созывается первый Земский собор, орган сословного представительства. Тогда же начинается военная реформа. В 1551 году вводится земское самоуправление: власть на местах получают выбранные населением люди. В том же году составляют поземельный кадастр. 1553-й – начало переговоров об устройстве в Москве типографии.

С середины 60-х начинается полоса военных неудач, самая крупная из которых – сожжение московского посада крымским ханом Девлет-Гиреем (что стало поводом к отмене первой опричнины в 1572 году). Утрата приобретений в Ливонии – 1579–1581 годы. Два светлых пятна за весь период – разгром крымского войска в битве при Молодях (1572 год) и покорение Сибирского царства Ермаком (1581–1582 гг.). Но в первом случае лавры победы делят с опричниками земские войска. Ко второму царь вообще не имел никакого отношения. Он не только не посылал Ермака в Сибирь, но и пытался его остановить! "Ввиду неудач на западных границах, – пишет Скрынников, – Иван IV пытался избежать войны с Кучумом и послал вслед Ермаку приказ прекратить поход за Урал. Однако приказ запоздал" (Скрынников Р. Г. Третий Рим...).

Еще более трагичны экономические последствия опричнины. Новое административное деление страны, обмен земель между опричными и земскими, содержание опричного войска – все это требовало колоссальных расходов. Только в 1565 году царь взыскал с земщины 100 тысяч рублей – сумму для того времени фантастическую. Подати росли. И крестьяне отвечали на это доступным им способом – сокращали запашку. Это уменьшало размер податей, но до минимума сводило количество выращенного хлеба.

Новые владельцы земли, опричники, оказались плохими хозяевами. Они запустили полученные от земцев владения. Зато отыгрывались на крестьянах. А. Зимин приводит множество случаев, когда сбор податей завершался гибелью землепашца: "Митрошку Офремова опричные на правежи замучили, дети з голода примерли..."

Положение крестьянства осложняли и неблагоприятные условия среды. Неурожаи, нашествия грызунов, моровые поветрия – в эти годы несчастья следовали одно за другим.

Накануне отмены опричнины – в 1571 году земли Северо-Запада запустели на две трети. Зимин приводит свидетельство историка В. Ф. Загорского о том, что писцовые книги Шелонской пятины за 1571-й и 1576-й годы "походят на громадные кладбища, среди которых кое-где бродят еще живые люди". Ненамного лучше дело обстояло и в Центральной России, к примеру, в Рузском уезде (Зимин А. А. Опричнина...).

Позволительно спросить: так в чем же Фурсов видит преимущество опричнины? Как он намерен применять ее опыт? Или нам мало нынешнего запустения? Или недостаточно внешнеполитических неудач?

Конкретика – великая вещь! Не говори общо, скажи, что тебе нужно, и все станет ясно.

Если Фурсов хочет перенять опыт опричнины в целом – Боже упаси! Если он имеет в виду укрепление централизованного государства в эпоху Грозного – дело другое.

Но тогда не стоило и огород городить: это явление давно осмыслено и положительно оценено историками. Тот же А. Зимин завершает книгу об опричнине словами: "Ликвидация удела Владимира Старицкого и разгром Новгорода подвели финальную черту под длительную борьбу за объединение русских земель под эгидой московского правительства".

Предварительно подытоживая, можно сказать: опричнина была средством решения конкретных исторических задач. Средством крайне болезненным и опасным – как для страны, так и для самого царя (на пике борьбы с княжеско-боярской оппозицией Иван через английского посла Рандольфа запрашивал политическое убежище в Лондоне*).

---

* Скрынников Р. Г. Третий Рим...

Скорее всего, опричнина была необходима – как иной раз операция человеку. Хотя В. Ключевский полагал, что "жизнь Московского государства и без Ивана устроилась бы так же, как она строилась до него и после него, но без него это устроение пошло бы легче и ровнее" (Ключевский В. О. Исторические портреты, М., 1991).

Как бы то ни было, явление опричнины никого не оставляло равнодушным. У нее есть горячие защитники и противники. Можно много говорить о ее противоречиях, о тех "крайне архаических формах" (А. Зимин), в которых осуществлялся переход к новым принципам государственного строительства. Стоит отметить неоднозначный эффект подавления княжеско-боярской оппозиции: за счет утраты ею политического влияния поднялось дьячество – прослойка бюрократов, которые в конце царствования Ивана IV приобрели огромное влияние, что вызвало беспокойство подозрительного царя. "...Царь почувствовал себя в зависимости от укреплявшегося централизованного аппарата и захотел освободиться от щупальцев становившейся уже всесильной бюрократии" (Шмидт С. О. У историков российского абсолютизма. Исследование социально-политической истории времени Ивана Грозного. М., 1996).

Здесь я вновь обращусь к Фурсову: неужели укрепление бюрократии – это то, что нам нужно сегодня? Ведь и так Рублевка и прилегающие "золотые мили" застроены загородными дворцами не столько олигархов, сколько чиновников. Обложивших данью и олигархов, и государство, которому якобы служат, и, разумеется, нас, многострадальное население России.

Чиновничество – и неразрывно связанная с ним коррупция – вот главная язва нашего времени! И что же – станем еще выше поднимать бюрократию, по примеру Иоанна Васильевича?

Ах, эта часть опыта неактуальна? В том-то и дело, что избирательно копировать опыт, как правило, не получается. Либо все, либо – ничего...

Завершая разговор об опричнине, сделаю то, от чего уклонился А. Фурсов. Скажу о национальном и социальном ее составе. Опричное войско набиралось из разных групп населения. Однако исследователи обычно выделяют две: инородцы и худородные помещики.

Ну, последних у нас всегда было в избытке. Но откуда взялись инородцы? Дело в том, что к середине XVI века Русское царство превращается, как сказали бы сегодня, в региональную сверхдержаву. После присоединения Казани и Астрахани, оккупации Ливонии страну наводнили татарские мурзы и ливонские перебежчики, такие как Таубе, Крузе, Штаден, получившие известность благодаря воспоминаниям о своем пребывании в России.

Они присоединились к немалому числу выходцев из Литвы и той же Казани, отъезжавших на Русь в предыдущие годы – обычно в результате политических неурядиц у себя на родине.

Притоку чужеземцев способствовал и брак Ивана Грозного с кавказской княжной Марией Темрюковной – дочерью властителя Кабарды.

Событие это, небывалое, красочное, произвело такое впечатление на современников, что отобразилось в целом цикле народных песен. Москвичи не без опаски дивились на многочисленную свиту царской невесты:

Триста татаринов,
Четыреста бухаринов,
Пятьсот черкашенинов.*

Цифры, скорее всего, условные, но общее впечатление чего-то напоминающего иноземное нашествие, несомненно, основывалось на реальном положении дел.

Благодаря песням, прослеживавшим каждый шаг диковинных гостей, современные читатели имеют возможность наблюдать за драматическим развитием событий. Иноземцы сразу же проявили кичливый норов и неуважение к местным жителям. В народном творчестве олицетворением чужеземного вызова становится образ Мастрюка Темрюковича, списанный с реального лица – брата новой царицы (в другом варианте он назван Кострюком-Мастрюком). "Молодой черкашенин", едва прибыв в Москву, успевает задеть всех – и молодых, и старых, и самого царя.

---

* Здесь и далее: Народные исторические песни. М.–Л., 1962.

Над московскими молодцами он откровенно глумится:

А свет ты вольной царь,
Царь Иван Васильевич!
Что у тебя в Москве
За похвальные молодцы,
Поученные, славные?
На ладонь их посажу,
Другой рукою раздавлю!

Старым людям приезжий не оказывает должного уважения:

А вы люди стародавние!
А давно вы живете,
Ничего не смыслите...

Да и самому грозному царю Мастрюк не выказывает почтения:

Идет в палату белокаменну,
Во гривню столовую,
Не крестит бела лица,
А государю челом не бьет.

В одном из вариантов песни "черкашенина" обвиняют в желании захватить Московское царство:

Он хочет каменну Москву в полон себе взять,
Он хочет взойти в Кремль-городок...

Иначе говоря, "Россия будет нашей", – если кто помнит содержание предыдущей главы. Ничто не ново под луной!

В конечном счете законы жанра берут свое, уводя от исторической основы. Как и положено, столкновение заносчивого царского шурина с москвичами заканчивается поединком и посрамлением Мастрюка.

В народных песнях Иван Васильевич радуется русскому успеху. Увы, в реальной жизни все обстояло иначе. Подозрительно относясь к соотечественникам, Иван легко приближал приезжих. "...В его ближнем окружении было много татар и черкесов", – свидетельствует А. Зимин.

Один из наиболее драматичных эпизодов опричнины – низвержение митрополита Филиппа – связан с несоблюдением людьми Грозного элементарных правил поведения в православном храме. Во время богослужения Филипп заметил, что один из опричников не снял головного убора. Он был в "тафье", шапке восточного образца. Митрополит гневно произнес: "Се ли подобает благочестивому царю закон агаряньский держати?" (цит. по: Зимин А. А. Опричнина...). Царь, по утверждению историка, усмотрел в этом выпад в адрес своего иноземного окружения. Прежде он терпел от Филиппа и более резкие обличения, но замечание, сделанное в соборе, переполнило чашу его терпения. Грозный отдал приказ о подготовке процесса против Филиппа (там же).

Скорее всего, опричник, не обнаживший головы в храме, был инородцем. Приезжие стали неисчерпаемым резервом для пополнения опричного войска. По утверждению историка В. Кобрина и ссылающегося на него А. Зимина, "царь Иван охотно брал в опричники людей, слабо связанных с коренным населением России, татарских и черкесских мурз, немцев, выходцев из Литвы (из "литвы дворовой" происходили князья Вяземские, Д. А. Друцкий, А. Д. Заборовский, Пивовы)".

Чем объяснялась такая политика?

Человек традиционного общества связан с окружающими не только профессиональными или соседскими связями, но и многочисленными родственными узами. Каждый был свойственником другого, помнил об этом и с увлечением занимался исчислением степеней родства. Для этого в русском языке существуют десятки слов. В Словаре Даля находим и выразительную пословицу: "Русский человек без родни не живет" (Даль Владимир. Толковый сло-

варь живого великорусского языка, т. 4. М., 1991). Она предваряет длинный список соответствующих слов: “родня, родственники, сродники, семейные, свои, кровные... родич, ро́дник, родимец, роднушка” и т. д.

Русские были друг другу – с в о и. Готовясь обрушить репрессии на одну часть общества, царь должен был р а з д е л и т ь его. Что он и сделал, образовав опричнину. Но разделения было мало – требовалось н а т р а в и т ь одну часть общества на другую, заставить русских истреблять своих соплеменников. И не каких-нибудь новгородцев, живших на окраине земли – своим особым миром и говоривших на своем диалекте, а таких же, как они сами – москвичей, ярославцев, ростовцев. К р о в н ы х!

Иван резонно сомневался в успехе затеи. Тем более ему пришлись ко двору инородцы, для которых русские – ч у ж и е. Кичливые инородцы, презиравшие коренное население, его обычаи и культуру.

Показательно: саму и д е ю о п р и ч н и н ы, по мнению историков, царю подсказали Мария Темрюковна и ее братья (“одним из инициаторов опричнины” называет Михаила Черкасского А. Зимин).

Впоследствии на инородцев опирались и другие реформаторы. Петр, на первом этапе преобразований окруживший себя немцами. Ленин с еврейско-польско-латышским ЧК. Ельцин, в 1991 году опиравшийся на финансистов “Бнай Брит” (П о л т о р а н и н М и х а и л. Власть в тротиловом эквиваленте. М., 2010), а в 1993-м использовавший для борьбы с защитниками Дома Советов отряды “Бейтара”.

Российским обывателям, вздыхающим об опричнине в чаянии наведения порядка на улицах и в стране, следовало бы помнить об уроках истории. А новейшим теоретикам опричнины честнее было бы сказать полную правду о грядущих “чрезвычайках”. Они, как и их предшественницы, станут не органами з а щ и т ы коренных жителей, а органами их п р е с л е д о в а н и я со стороны чужаков. В этом смысле, безусловно, не прав А. Фурсов, а прав П. Пряников, сулящий нам отряды кавказцев в крупных городах...

Другой опорой режима призваны были стать худородные местные жители. Те самые “Иваны, не помнящие родства”.

“Некоторые иностранные очевидцы, – пишет А. Зимин, – сообщают, что царь набирал опричников из “подонков, из дерзких и жестоких головорезов” очень низкого происхождения” (З и м и н А. А. Опричнина...).

Свидетельствам иностранцев позволительно не верить. Однако сам Иван в переписке с одним из главных опричников Василием Грязным немилосердно колол ему глаза низким происхождением: “А что сказываешься великой человек – ино по грехом моим учинилось (и как нам того утаити?), что отца нашего и наши князи и бояре нам учали изменять, и мы вас страдников (холопов. – **А. К.**) приближали... А помянул бы ти свое величество и отца своего в Олексине... Ти в станице... был мало что не в охотникех с собаками...” (“Послание Ивана Грозного Василию Грязному”. В кн.: “Изборник”. Сборник произведений литературы Древней Руси. М., 1969).

Выразительно еще одно обстоятельство, связанное с письмом. Адресат – Василий Грязной – томился в крымском плену и молил обменять его на какого-нибудь знатного татарина. В ответ Грозный с мстительным удовольствием превозносит военную доблесть крымчаков и уничижительно отзывается о своих воинах (“крымцы так не спят, как вы...”).

Очевидно, царь был невысокого мнения о народе, которым управлял. Здесь уместно вспомнить эпизод, рассказанный английским путешественником Дж. Флетчером. Беседуя с иноземным ремесленником, Грозный сказал ему: “Русские мои все воры”. Ремесленник улыбнулся, и царь спросил, чему тот смеется. “Ваше величество изволили сказать, что Русские все воры, а между тем забыли, что Вы сами Русский”, – пояснил ремесленник. На что Грозный ответил: “Я не Русский, предки мои Германцы” (Ф л е т ч е р Дж. О государстве Российском. В кн.: Накануне смуты. М., 1990).

Мысль об иноземном происхождении (неважно, реальном или мнимом – Грозный возводил свой род к мифическому Прусу) грела сердца и других русских самодержцев. Она давала основание смотреть на подданных как людей д р у г о й к р о в и. Что облегчало задачу их подавления: чужих не жалко!

И все было бы замечательно (для царей, а не для подданных!), если бы не одно "но". Впрочем, обстоятельство это столь значимо, что противительный союз впору выписать заглавными буквами: НО.

Инородцы, не имевшие корней в России, без зазрения совести рубили русские головы, но так же легко изменяли приблизившему их государю. Отмена первой опричнины связана с тем, что Грозный заподозрил в измене брата Марии Темрюковны Михаила Черкасского. Назначенный главнокомандующим опричным войском князь не защитил Москву в 1571 году во время набега крымского хана Девлет-Гирея. По утверждению современников, это произошло потому, что в походе Гирея принимал участие отец Михаила – кабардинский князь Темрюк (Зимин А. А. Опричнина...).

А как вы хотели? Сердце иностранца в его стране. Он может служить чужому государю, но нельзя рассчитывать на то, что будет жертвовать ради него своей жизнью и даже своими родственными связями.

Разумеется, возможно иное поведение (человек наделен свободой выбора). Однако пример Михаила Черкасского типичен. Так же повел себя в битве под Нарвой герцог де Кроа, назначенный Петром командовать русским войском. Фактически изменой обернулась политика канцлера Карла Нессельроде, которому слепо доверился Николай I. Об "иудушке" Троцком выразительно отозвался сам Владимир Ильич, сделавший его Главкомвоенмором. Случай Берии разобран нами в середине главы.

Под стать инородцам оказались безродные Иваны. Приближая их, Грозный полагал, что он станет им дороже отца родного. Жестокий эксперимент царь провел с одним из инициаторов введения опричнины – Алексеем Басмановым и его сыном. Он приказал сыну убить отца, а затем казнил и его самого (Скрынников Р. Г. Третий Рим...).

В традиционном обществе убийство отца не просто тягчайшее преступление. Это – вызов пятой заповеди ("Чти отца твоего и матерь твою, да благо ти будет, и да долголетен будеши на земли"). Она следует прямо за теми четырьмя, что определяют отношения человека с Богом. И в этом смысле отцеубийство – прямой вызов Создателю. Грех, который невозможно "раскаять", заведомо обрекающий душу на гибель.

Вот чего требовал "благочестивый" царь в обмен на видное место в своем окружении. И что получил. – Вместе с предательством!

Казнь Басмановых была наказанием за их связи с новгородцами, противниками Грозного. По делу о "новгородской измене" было казнено 14 виднейших опричников. "Те, кто затеял опричный террор, сами стали его жертвами", – подводит итог историк (Скрынников Р. Г. Третий Рим...)*.

В 1572 году опричнину отменяют. А. Фурсов оспаривает этот факт на том основании, что об отмене сообщали иностранные источники. Но о том же говорят факты – земли, переданные ранее опричникам, возвращают их владельцам. Кроме того, царь велел "подобрать жалобы" на преступления опричников (там же).

Об этом Фурсов не говорит ни слова. Так же как и о второй опричнине – 1575–1576 годов. Понятно: такое "инструментальное" использование опричнины камня на камне не оставляет от тезиса Фурсова об ее "онтологичности". Какой же это извечный признак русской истории? Скорее, режим ЧС.

Между тем, со второй опричниной связан драматический казус русской истории – возведение на московский престол татарского царя Симеона Бекбулатовича.

---

* Показательна судьба внука Алексея Басманова – Петра, достойного продолжателя опричного рода. Деятельный, подобно отцу и деду, служака, он сделал быструю карьеру при Борисе Годунове. Перед смертью Борис назначил Басманова вторым воеводой войска, направленного против Лжедмитрия. Фактически вручил ему судьбу страны и собственного сына – подростка. Однако Басманов вступил в тайные сношения с самозванцем и перешел на его сторону вместе с войском. Что предопределило падение Москвы. Историк поясняет: "Сын знаменитого опричника, он был всецело поглощен собственной карьерой и плохо помнил благодеяния" (Скрынников Р. Г. Самозванцы в России в начале XVII века. Новосибирск. 1987). Через год его вместе с Лжедмитрием убили восставшие москвичи. Так оборвался род, поднявшийся на крови и предательстве и в них же захлебнувшийся.

Я всегда недоумевал – зачем понадобилась Грозному эта садистская инверсия? Первое побуждение очевидно: еще больше унизить и напугать русских. Давно ли они окончательно освободились от татарского ига? Всего-то чуть больше полувека назад – при деде Грозного Иване III. И вот – татарин на московском столе.

Но даже такой эксцентричный правитель, как Иван, не мог производить столь значимые перемены лишь из желания досадить подданным.

Историки разъяснили: царь, опасаясь заговоров, решил снова ввести опричнину. Однако по закону он не имел на это права без санкции Боярской думы. А после казней первой опричнины было бесполезно даже обращаться к ней с такой просьбой. И Грозный проводит многоходовую комбинацию: отрекается от трона, передает власть Симеону и просит у него разрешения выкроить себе "удел" и "перебрать людишек". Но – внимание! – в удел попадают не те земли, что были в первой опричнине. Скрынников комментирует: "Отбор земель в удел выразил недоверие царя к бывшим опричникам" (Скрынников Р. Г. Третий Рим...).

Вот мы и подошли к дилемме, встающей перед создателями всех "чрезвычаек". Опираясь на них в борьбе с оппозицией, властители оказываются в опасной зависимости от своего сомнительного окружения. Склонного, как выясняется, к измене не менее (если не более) простых подданных. Тогда для контроля над первой "опричниной" приходится создавать вторую и т. д. Так поступил Петр, продублировавший карательные функции гвардии созданием ведомства Генерального прокурора ("ока государева"). Так поступил Ленин, в конце жизни призвавший установить рабочий контроль над ЦК и ЧК. Ту же линию проводил Сталин, искусно разжигавший соперничество между МВД и МГБ (арест министра МГБ В. Абакумова в 1951 году и опала Берии в начале 1953-го*).

Но смерти "красных вождей", последовавшие сразу после того, как они попытались проконтролировать контролеров, так же как и скоропалительная отмена второй опричнины за четыре века до этого, показывают: в эти игры нельзя играть до бесконечности. В какой-то момент ситуация взрывается!

"Ибо гневом и властью не соберешь малых сих..." – это не только итог размышлений великого знатока московского периода русской государственности Дмитрия Балашова (Балашов Дмитрий. Собр. соч. в 6 тт. Т. 4, М., 1992)**. Это вывод, подсказанный самой русской историей. Все попытки круто изменить ее или, напротив, круто затормозить заканчивались крахом.**

Об этом стоило бы помнить и нашим нынешним правителям. Они болезненно реагируют на любую оппозиционную активность. Ужесточают ранее принятые законы и в спешном порядке штампуют новые. Но, по справедливому замечанию депутата Госдумы от КПРФ Коломийцева, "если вы доведете людей до последней черты, то они никаких заявок... делать не будут. А возьмут вилы и вынесут и "наших", и ваших, и всяких других" ("Коммерсантъ", 12.07.2010).

Роковая ошибка – все большее усложнение и "утяжеление" вертикали. "Иное устроение рухнет от собственной тяжести, – будто подсказывает Дм. Балашов из глубины истории, – и не дай Боже нам такой, подавляющей все живое, силы власти на нашей земле" (там же)**.**

В этом убеждает изучение опричнины и других "чрезвычаек". Способствуя решению одних проблем (централизация государства при Грозном, модернизация при Петре и большевиках), они обостряли, а зачастую и создавали другие. Прежде всего раскалывали страну, что неизменно приводило к Смуте.

Особенно опасно предпринимать резкие действия в нынешней ситуации, когда тормоза отказали. "Грозные" декларации в сочетании с фактической утратой управляемости могут вызвать обратный эффект. Спровоцировать очередную Смуту.

(Окончание первой части)

---

* Авторханов А. Загадка смерти Сталина. – "Новый мир", № 5, 1991.

ВЛАДИМИР ОВЧИНСКИЙ

“ЧЕРНЫЙ ЯЩИК” ВОЙНЫ С ТЕРРОРИЗМОМ

В кибернетике используется такое фундаментальное понятие, как “черный ящик”. Обычно оно применяется для обозначения системы, механизмы которой сверхсложны либо неизвестны.

Таким глобальным “черным ящиком” для мировой политики стал с начала XXI века Афганистан. Именно здесь запускаются механизмы противоборства и взаимопомощи самых разных международных и национальных, легальных и нелегальных, реальных и виртуальных субъектов. Результаты этих взаимодействий совершенно непредсказуемы. Но именно от них зависит развитие новых войн, соотношение сил в мире, тенденции развития и деградации. Все новые атаки талибов говорят о том, что “черный ящик” перегрет запредельно. Уже никто не может строить реальные прогнозы развития ситуации. Попытки администрации США заверить мировую общественность в том, что ситуация контролируется, рассыпались как карточный домик.

В Афганистане с начала XXI века проходят две военные операции. Первая – это операция “Надежная свобода”, которая почти полностью проводится США. Вторую операцию проводят Международные силы содействия безопасности (ISAF). Этой операцией командует НАТО, но сами силы подчиняются главнокомандующему США в Афганистане. К началу 2010 г. в ISAF – около 68 тыс. военнослужащих из 43-х стран. Если добавить к этому 30 тыс. военнослужащих, объявленных Обамой в начале декабря, 7 тыс. солдат, обещанных союзниками, в ISAF окажется почти 100 тыс. военнослужащих плюс более 30 тыс. американцев, проводящих операцию “Надежная свобода”.

Когда говорят “война в Афганистане”, то подразумевают сразу две войны – и в Афганистане, и в Пакистане. Так же никто не снимал с повестки дня Ирак, где в течение 2009–2010 гг. ежеквартально продолжали погибать сотни людей в результате террористических нападений (при заявленных США “больших успехах” и выводе войск из городов).

Усиление официальной группировки войск США и ISAF в Афганистане (и неофициальной в виде французского иностранного легиона наемников и различного рода “охранных” структур, таких, например, как “Blackwater”, недавно переименованная в “XE”) логически приводит к вопросу о целях этого наращивания и афганской “войны с терроризмом” начала XXI века как таковой.

1. Закулиса афганской “войны с терроризмом”

Для объяснения необходимости афганской “войны с терроризмом” есть официальная версия. Она изложена президентом США Обамой в выступлении 1 декабря 2009 г. в Военной академии США в Вест-Пойнте. Согласно этой

официальной версии "в Афганистане и Пакистане на карту поставлена наша (США. – **Авт.**) безопасность. Именно там находится центр кровавого экстремизма Аль-Каиды, именно оттуда нас атаковали 11 сентября 2001 г. и именно там замышляются новые нападения... Наша главная цель неизменна: вывести из строя, демонтировать и, в конечном счете, разгромить Аль-Каиду в Афганистане и Пакистане, лишив ее возможности в будущем угрожать Америке и нашим союзникам".

В другой своей речи – 10 декабря 2009 г. на церемонии вручения Нобелевской премии мира в Осло центральным аргументом Обамы было то, что национальные, религиозные и "племенные" культуры, не придерживающиеся ценностей американцев (и некоторых европейцев), не только хуже, чем западная культура, но и должны быть переделаны – любыми способами. Война в Афганистане названа "оборонительной".

Примерно той же концепции войны придерживается и Генеральный секретарь НАТО Расмуссен. В интервью "Der Spigel" 21.12.2009 он заявил: "Мы с нашими войсками должны не допустить превращения Афганистана в убежище и укрытие для террористов. В противном случае они смогут пользоваться им в качестве базы для наступления на Центральную Азию и дальше. Кроме того, они будут дестабилизировать обстановку в соседнем Пакистане, являющемся ядерной державой. Все это очень и очень опасно – как для нас, так и для остальных".

Казалось бы, такое пафосное обоснование войны обязывает весь "цивилизованный мир" в едином порыве броситься помогать США и НАТО осуществлять эти "великие и гуманные" цели. Но почему-то этого не происходит. Более того, аналитики из разных стран мира с совершенно разной политической ориентацией видят за официально объявленными целями афганской войны некие совершенно иные, закрытые цели и задачи.

В наиболее простом и прямолинейном виде закулисное объяснение причин афганской "войны с терроризмом" изложено в левом испанском издании "Publico.es" от 03.01.2010 в статье "Тайный агент революции", где говорится, что Обама был завербован Бжезинским, когда обучался в Колумбийском университете. Там он вошел в контакт с Трехсторонней комиссией и Бильдербергским клубом.

По мнению издания, Бжезинский и его единомышленники уже давно рассматривают Россию и Китай в качестве своих главных врагов и вовсю стараются использовать против них экстремистские силы. Разведслужбы США оказывали поддержку Аль-Каиде и талибам с тем, чтобы стимулировать выступления уйгуров-мусульман против китайского правительства. Они также использовали движение Талибан для нанесения ущерба союзникам России в Средней Азии. "Цель присутствия американцев в Афганистане, – говорится в статье, – заключается не в уничтожении Аль-Каиды или талибов, с которыми они при необходимости быстро договорятся, а в занятии стратегических позиций, позволяющих нанести удар по России и Китаю".

В самих США оппозиционное правительству издание "Pacific Free Press" пишет: ***"Идя по следам боевиков-террористов, американские войска и американские деловые круги просочились глубоко в Центральную Азию, где нефтяным компаниям плохо удается самостоятельно завоевать плацдармы.***

Тем, кто следит за внешней политикой США в Афганистане и во всем мире, хорошо известно, что американские военные и Центральное разведывательное управление часто действуют в манере, противоречащей заявлениям руководителей этой страны. Тем, кто удосужится заглянуть за занавес американского двуличия, придающего видимость благопристойности их действий, сразу становится ясно, что "исламские боевики" имеют обыкновение появляться там, где начинают проявлять свой интерес нефтяные компании США.

Америка использовала эти самые группировки боевиков в прошлом. И вот они появляются на свет снова, причем всегда на пути предполагаемых маршрутов прокладки трубопроводов.

Это не просто какая-то случайность, что боевики в качестве целей для своих нападений обычно выбирают врагов США, таких как Китай, Россия и Иран. Кроме того, "исламисты" также нацеливают свои удары на непослушных союзников США, таких как Пакистан, когда те выходят из общего строя или иным образом не оправдывают американские ожидания.

...То, что американцы используют исламских боевиков в качестве инструмента своей тайной внешней политики, это факт. Об этом знают государства и их шпионские ведомства во всем мире. Единственный, кто понятия не имел о том, что американское правительство само создает тех самых боевиков, с которыми оно якобы воюет, это народ Америки, а также западная аудитория. Это знают все на Ближнем Востоке. На самом деле почти все страны, причастные к хаосу "АфПака", используют "исламистов", полевых командиров и криминальных авторитетов для достижения собственных целей в этом конфликте" (25.03.2010).

"Der Spiegel" (19.05.2010) пишет, что сегодня в Афганистане разворачивается продолжение "Большой игры" XIX века в Центральной Азии за мировое господство. В "Большой игре-2" принимают участие все игроки, которые в настоящее время имеют вес в мировой политике, – Соединенные Штаты и Россия, Европа и Иран, Китай и Индия. "Жизненно важные интересы Запада состоят в том, – пишет "Spiegel", – чтобы изолировать в стратегическом плане и ослабить в экономическом отношении иранских правителей, представляющих собой опасное смешение религиозного фанатизма и высокотехнологичного обогащения урана. В военном отношении это делается путем создания крупных баз в Кандагаре и Кабуле, а также в таких близлежащих странах, как Киргизия и Узбекистан. Кроме того, должны быть ограничены экспортные возможности Тегерана. Никакие нефтепроводы или газопроводы, идущие от иранских месторождений, не должны проходить по территории Афганистана.

Эти трубопроводы должны проходить, в соответствии с западными представлениями, от Каспийского моря по территории авторитарного, однако более сговорчивого в отношениях с Западом Туркменистана. После этого трубы должны пройти по территории Афганистана в направлении испытывающего энергетический голод Пакистана и дальше в сторону Индии".

Скрытый геостратегический характер афганской войны видит и британская "The Guardian". В статье "Реальные ставки в афганской войне" от 11.12.2009 открытым текстом говорится о том, что когда европейские правительства принимают решения о посылке своих войск в Афганистан, речь идет не только о предотвращении террористических нападений на европейские столицы, для чего надо не дать талибам вновь захватить эту страну. На кон в Афганистане поставлена судьба трансатлантического альянса, энергетическая безопасность и независимость Европы.

Афганистан, по мнению "The Guardian", представляет собой важнейший транзитный коридор для энергоресурсов в Центральной Азии, который может соединить богатые нефтегазовыми месторождениями государства, прежде всего Туркменистан, с Аравийским морем и/или с Индийским океаном. Стабилизация в Афганистане – не временная, чтобы оправдать вывод войск, а постоянная – крайне важна для прокладки трансафганского трубопровода из Туркменистана в Индию (этот проект известен по сокращению TAPI) и для обеспечения его гарантированной безопасности.

Сооружение этого трубопровода крайне важно для Европы, – констатирует газета, – чтобы она могла диверсифицировать поставки и снизить свою зависимость от импорта нефти и газа из Персидского залива и из России. Неудача в Афганистане, а следовательно, и в Пакистане будет означать отказ от проекта TAPI. А это, в свою очередь, позволит России восстановить утраченную гегемонию.

Схожей позиции придерживается бывший британский посол Крейг Мюррей. Он связал войну с американскими и британскими интересами в больших месторождениях природного газа в Туркменистане и Узбекистане. В частности, война связана с защитой интересов компании Unocal через посланника США Залмая Хализада, уроженца Афганистана. Именно Хализад вместе с Бушем выбрал Карзая, чтобы тот возглавил страну.

Американский аналитик Майкл Пэйн пишет на сайте "OpEdNew" (15.01.2010), что наращивание американской военной группировки в Афганистане является новой стартовой площадкой для потенциального контроля над пакистанским Белуджистаном. Причина, по которой США положили глаз на Белуджистан и город Кветту, состоит, по мнению Майкла Пэйна, в том, что этот район был определен как ключевой транзитный коридор и для природного газа, и для нефти. Существуют планы строительства двух трубопроводов, которые пройдут через Белуджистан. Один – уже упомянутый TAPI (Туркмени-

стан–Афганистан–Пакистан–Индия), другой – IPI (Иран–Пакистан–Индия). Против последнего США категорически выступают из-за участия Ирана.

Такие версии причин нынешней войны в Афганистане, безусловно, заслуживают внимания. Но ситуация в Центральной Азии развивается так быстротечно, что заставляет в любые версии вносить серьезные коррективы. Например, бывший консультант ООН и Всемирного банка Андреа Бонцани полагает, что после того, когда 14 декабря 2009 г. главы Китая, Туркменистана, Узбекистана и Казахстана с благословения России открыли клапан нового газопровода из Туркменистана в Китай, Запад проиграл 20-летнюю "Большую игру" за природные ресурсы и влияние в Центральной Азии. Теперь Россия и Китай, по мнению Бонцани, будут поддерживать почти абсолютный баланс рычагов в Центральной Азии ("World Politics Review", США, от 09.01.2010).

Что касается введения в строй 6 января 2010 г. трубопровода, соединяющего прикаспийскую часть Ирана с огромным газовым месторождением в Туркменистане, то, по мнению многих экспертов, это наносит мощнейший удар по энергетической концепции США на Большом Ближнем Востоке. Одновременно это является насмешкой над политикой США в отношении Ирана.

Аналитики Китая так же внимательно отслеживают ход войны в Афганистане и Пакистане. По мнению "China Review News" (от 29.11.2009), наращивание афганской группировки США и НАТО и взятие под контроль Средней Азии американцами явилось ничем иным, как ударом острого ножа в мягкое и слабое "подбрюшье" России. Главная цель военного проникновения США в страны Средней Азии – взятие этих стран под военный контроль для организации "санитарного кордона" по периметру России, а также взятие под контроль богатых энергоресурсами стран Каспийского бассейна и транспортных коммуникаций, идущих по их территории, для ослабления экономического положения России.

Китайцы, как всегда, "скромны" в оценках, указывая на цели США по отношению к России. При этом не говорят ни о крупнейшем порте Гвадар в Пакистане, куда они вложили уже около 5 миллиардов долларов, ни об Айнакском медном руднике, в который Китай вложил 3,4 миллиарда долларов, ни о вложении 500 миллионов долларов в строительство электростанции и железной дороги между Пакистаном и Таджикистаном.

Естественно, когда наращивается военная группировка, проводятся интенсивные боевые действия, а в ответ следует волна возмездия в виде терактов. Безопасность всех китайских проектов в Афганистане и Пакистане резко снижается.

Вообще в "черном ящике" Афганистана все воюют против всех и все друг другу оказывают помощь.

Американцам и НАТО нужна реальная победа над Талибаном и Аль-Каидой, нужна стабильность в Афганистане и Пакистане для решения своих нефтегазовых проектов и подтверждения своего геостратегического господства в мире и, одновременно, не нужна стабильность для реализации китайских проектов.

Китайцам нужна стабильность для обеспечения своих проектов, но не нужна стабильность для прокладки трубопровода в Индию (TAPI).

Пакистану нужна стабильность в Афганистане для обеспечения безопасности в стране, особенно ядерных объектов, но не нужна стабильность для прокладки того же трубопровода в Индию – извечную соперницу. Как отмечает известный эксперт по Афганистану Хассан Абасс ("Project Sindicate", декабрь 2009), на всех стадиях продолжительного конфликта, который принесли США в этот регион, Пакистан пытался ограничить влияние Индии на Афганистан. Растущее влияние Индии в Афганистане и ее инвестиции беспокоят аппарат национальной безопасности Пакистана. Как для Пакистана, так и для Индии Афганистан рискует превратиться в новую оспариваемую территорию, как Кашмир, где конфликт наносит ущерб обеим странам на протяжении более 60 лет.

Кроме того, Пакистан, являясь сейчас формальным союзником правительства Карзая, может вступить с ним в вооруженный конфликт для решения пограничного спора между Афганистаном и Пакистаном по так называемой "линии Дюранда". Прав Андрей Серенко, когда пишет, что именно перспектива такого конфликта заставляет определенную часть пакистанских силовых элит поддерживать – в той или иной форме – проект Талибана ("Афганистан.ру", 02.12.2009).

России нужна военная группировка США и ISAF в Афганистане для защиты своих южных границ и границ своих соседей, и, одновременно, та же военная группировка представляет опасность для пользования энергоресурсами Средней Азии.

Можно иметь разные цели и задачи в Афганистане, но при принятии тех или иных решений всегда надо исходить из реальной военно-политической обстановки.

2. Лондон: игра в "поддавки"

Перед началом лондонской конференции по Афганистану, которая проходила 28 января 2010 г., один из ее организаторов – тогдашний глава МИД Великобритании Дэвид Милибанд в статье, написанной для российской газеты "Коммерсантъ", заявил: "Афганистан слишком долго был шахматной доской, на которой разыгрывалась борьба других стран, испытывавших подозрение друг к другу". Очень точное замечание. Правда, слово "был" надо заменить на слово "остается". Ведь "Большая игра" действительно продолжается. Достаточно сказать, что организаторы лондонской конференции не пригласили на нее ШОС как международную организацию.

Конфликт между игроками завел всю "шахматную партию" в проигрышное игровое положение. Прежде всего для США и НАТО. Они лихорадочно ищут выход из тупика. Вместо классических "политических шахмат" началась игра в "поддавки". Только так можно охарактеризовать весьма сомнительный план подкупа Талибана через так называемую "Программу реинтеграции и примирения". Программа предполагает, что талибам будут предложены наличные доллары, если они перестанут вести боевые действия против правительства Карзая и сил международной коалиции, откажутся от насилия, пообещают интегрироваться в "демократическое общество" и оборвут контакты с Аль-Каидой.

На лондонской конференции в числе главных стоял вопрос о создании международного фонда реинтеграции. Авторы этой идеи говорят, что это не попытка откупиться от талибов, а политическая комбинация по внесению раскола в ряды повстанцев.

Прорабатывается вариант примирения с группой "умеренных" талибов в количестве 35 тыс. человек. Как сообщило "Radio Liberty" 15 января 2010 г., на реализацию этого плана может понадобиться более 1,3 миллиарда долларов. Ведь согласно плану, для "реинтеграции" талибам хотят предложить работу и профессиональное обучение. Критики данного плана сомневаются в его эффективности. Ведь талибы вряд ли захотят перейти на сторону Карзая и американцев, когда они практически уверены в своей победе после начала вывода американских войск, который Обама назначил на лето 2011 г. Кроме того, как пишет "The Christian Science Monitor", налицо разногласия между западными официальными лицами, которые до настоящего времени не могут определиться с тем, какие фракции Талибана выступают за глобальный джихад, а какие – за участие в политической жизни Афганистана. Тем более, что те талибы, которые представляют наибольшую опасность для Коалиции, базируются на территории Пакистана.

И самое главное. Возможен ли подкуп людей, которые сознательно идут на смерть во имя джихада против тех, кого считают оккупантами и врагами ислама?

Можно ли вообще говорить о плане реинтеграции после нападения талибов на Кабул 18 января 2010 г. – за 10 дней до открытия лондонской конференции?

Складывается впечатление, что лондонская конференция проходила по канонам классического бюрократического мероприятия: наметили, провели, поставили "галочку" о проведении. И все в отрыве от реальной военно-политической обстановки в Афганистане.

3. Ловушка Обамы

Своим балансированием между миротворцем (речь в Каире) и президентом войны (речь в Вест-Пойнте) Обама все время ставит себя в двусмысленное положение. И принимает двусмысленные решения. Как, например, можно наращивать группировку в Афганистане, зная, что быстро она ничего не сможет сделать? И тут же принимать решение о выводе этой группировки через полтора года после ввода.

Довольно странная ситуация. Ее критикуют многие аналитики, которые полагают, что назначение конкретной даты вывода войск из Афганистана – это сумасбродство. Ряд крупных чиновников Белого Дома позволили себе "скорректировать" позицию своего президента. Так, специальный посланник президента США по делам Афганистана и Пакистана Ричард Холбрук в интервью немецкой прессе заявил, что афганская кампания может продлиться дольше вьетнамской и стать самой длительной и сложной военной кампанией в истории США.

А Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в интервью радио "Свобода", которое он дал на лондонской конференции, вообще заявил, что "на самом деле Барак Обама и не говорил о выходе из Афганистана. Он говорил о том, что будет пересматривать стратегию и миссию в 2011 году". Поразительная корректировка слов американского президента! Тем более что Обама в своем докладе Конгрессу США "О положении дел в стране", который он сделал 27 января 2010 г., заявил, что В ИЮЛЕ 2011 Г. АМЕРИКАНСКИЕ ВОЙСКА НАЧНУТ ВОЗВРАЩАТЬСЯ В США.

В условиях глубочайшего финансово-экономического кризиса, в котором находится Америка, стоимость афганской войны продолжает увеличиваться. В 2009 г. на эту войну США потратили 51 млрд долл. В 2010 г. эта цифра выросла до 95 млрд с учетом увеличения американских войск в Афганистане. В Америке умеют считать деньги. Если война закончится позорным бегством американцев, может закончиться и политическая карьера нобелевского лауреата Премии мира. В Америке не любят неудачников. В этом главная ловушка Обамы. Для Обамы уже прозвенели "первые звонки": проигранные демократами выборы в Вирджинии, Нью-Джерси и Массачусетсе. Проигранные в том числе и по причине непонятной войны в Афганистане.

В течение первой половины 2009 г. война шла с переменным успехом, американские потери продолжали расти, и к концу лета генерал Маккристал представил Пентагону секретный доклад, где говорилось, что если Белый дом не пришлет в Афганистан новые подкрепления, то США вполне могут потерпеть военное поражение. По данным СМИ, речь шла о 40–45 тыс. военнослужащих в дополнение к примерно 70 тыс., которые находятся в Афганистане сейчас. В итоге, как известно, принято решение направить 30 тыс. американцев и 7 тыс. союзников.

Серия интенсивных военных операций, проведенных США, НАТО и Коалицией, достигла некоторых военных успехов, но по итогам 2009 г. потери США в Афганистане удвоились. Погибло 310 солдат и офицеров США, в то время как по итогам 2008 г. было убито 155 человек. Значительно выросли потери контингентов НАТО и ISAF. В 2009 г. в Афганистане погибло в общей сложности 506 иностранных военных, в то время как в 2008 г. их было убито 295.

30 декабря 2009 г. в результате самовзрыва двойного агента на передовой оперативной базе в провинции Хост, вблизи границы с Пакистаном, погибли 4 агента ЦРУ, включая главу резидентуры, 3 телохранителя и офицер иорданской разведки – родственник иорданского короля Абдаллы II, 6 человек получили ранения. До этого теракта 4 сотрудника ЦРУ погибли за весь период афганской войны с начала вторжения в 2001 г.

Год	США	Великобритания	Прочие страны	Всего
2001	12	0	0	12
2002	49	3	17	69
2003	48	0	9	57
2004	52	1	7	60
2005	99	1	31	131
2006	98	38	54	191
2007	117	42	73	232
2008	155	51	89	295
2009	316	108	96	520
2010*	117	40	31	188
ВСЕГО	**1063**	**285**	**407**	**1755**

* данные на 01.05.2010

За годы "войны с терроризмом" в Афганистане неуклонно нарастает число безвозвратных потерь среди военнослужащих иностранных контингентов*.

Как мы видим, с 2005 г., т. е. начала интенсификации боевых действий в Афганистане, к 2010 г. суммарное ежегодное число потерь среди иностранных военных в ИРА возросло на 297%. Такая тенденция, ставшая отражением как перехода афганского конфликта в стадию партизанской войны, так и низкой эффективности традиционных вооруженных сил в этих изменившихся условиях, разумеется, не могла не спровоцировать существенный рост антивоенных настроений в странах –поставщиках международных сил в ИРА. К июню 2009 г. афганскую кампанию поддерживали 30% общественности США, 11% – Великобритании, 7% – Германии, 7% – Испании, 6% – Италии, 4% – Франции, 4% – Нидерландов*.

Почти 62% всех потерь Коалиции в Афганистане за 2009 г. приходится на самодельные взрывные устройства (СВУ). В 2008 г. эта цифра составляла 58%, в 2007 – 42% (статистика собрана редакцией веб-сайта iCasualties.org, где ведется учет всех погибших в афганской и иракской войнах). Всего за 2009 г. было совершено 6228 нападений с применением СВУ (за 2003 г. – только 81).

СВУ, применяемые в Афганистане, делаются преимущественно из нитрата аммония – селитры, применяемой при производстве удобрений. Значительная часть селитры, употребляемой при производстве СВУ, происходит из Пакистана, хотя крупными поставщиками являются также Иран и Китай.

Чем активнее США и силы ISAF проводят спецоперации, тем шире становится вербовочная база талибов и Аль-Каиды. И это вполне понятно: активные боевые действия всегда приводят к многочисленным жертвам среди гражданского населения, расширяя ряды сопротивления.

По данным международной правозащитной организации Afghanistan Rights Monitor, около 4 тыс. мирных жителей погибли в Афганистане в результате военных действий в 2009 г. Иными словами, за один прошлый год в Афганистане мирных жителей погибло больше, чем в США во время событий 11 сентября 2001 г.

"Странная" афганская война с заранее объявленным уходом в начале 2011 года подстегивает талибов к еще более активным действиям. Как сообщает "The Miami Herald" (от 29.12.2009), талибы уже сформировали теневое "правительство в ожидании" с полностью укомплектованным кабинетом министров (в случае падения Карзая). Талибами назначены теневые губернаторы в 33 из 34 провинций Афганистана. В докладе Генерального секретаря ООН, представленном на заседании Совета Безопасности ООН 6 января 2010 г., отмечается, что в "тех административных округах, где активно действуют повстанцы (интересно, что Генсекретарь ООН не называет талибов террористами, а говорит о повстанцах. – **Авт.**), деятельность органов государственного управления, как правило, ограничивалась районом, непосредственно примыкающим к центру административного округа. В наиболее удаленных округах местная администрация располагает к тому же лишь ограниченными финансовыми и людскими ресурсами, из-за чего она не может выполнять даже самые основные функции, связанные с государственным управлением.

Такое ограниченное присутствие государственной власти все чаще использовалось в своих интересах повстанцами, которые создавали теневые структуры власти на уровне провинций, собирали налоги, отправляли "правосудие", решали земельные споры, казнили предполагаемых преступников и обеспечивали соблюдение консервативных традиций, сложившихся в обществе".

Как известно, согласно плану Маккристала вывод американских войск из Афганистана летом 2011 г. должен сопровождаться комплектованием и обучением 300-тысячной афганской национальной армии. Однако даже в самих США мало кто из экспертов верит в то, что афганские вооруженные силы станут гарантом безопасности после начала ухода американцев из страны.

Как пишет "History News Network" (05.05.2010), сплоченности в афганских вооруженных силах добиться трудно. Племенные реалии в среде пуштунов, служащих офицерами и рядовыми, так же как и недоверие непуштунов к пуштунам, нельзя так просто сбрасывать со счетов. Чтобы культура вооруженных

---

* Там же.

сил и страны в целом успела трансформироваться, должно было бы смениться целое поколение – и это только в случае, если бы у Соединенных Штатов и их союзников была для такой трансформации политическая воля. В условиях же отсутствия этой воли возникают резонные опасения. А именно: "Как только президент Обама в середине 2011 г. (или чуть раньше) начнет выводить боевые части, – отмечает издание, – сместится баланс сил, и лояльность афганских военных начнет коренным образом меняться. Такое уже случалось раньше и может случиться снова. Правительство Карзая не удержится, если армия расколется по племенному и этническому принципу".

Талибы угрожают перекрыть северный маршрут снабжения, обустроенный ISAF в дополнение к плохо защищенным каналам, проходящим через территорию Пакистана.

Но что значит перекрыть северный маршрут? Сейчас наиболее используемый маршрут Северной сети поставок проходит по территории Эстонии, России, Казахстана и Узбекистана. Некоторые грузы направляются транзитом и по территории Грузии, Азербайджана, по Каспию в Казахстан и затем в Узбекистан. На начало 2010 г. Вашингтон еженедельно переправляет в Афганистан по железнодорожным магистралям Центральной Азии порядка 350 контейнеров с грузом, что более чем в три раза превышает объемы летнего периода. Подписанное 27 января 2010 г. соглашение между НАТО и Казахстаном (ранее Россия и Узбекистан подписали аналогичные соглашения) делает северный транспортный маршрут главным для Коалиции в Афганистане. Это уменьшает зависимость НАТО от опасного пути через Хайберский перевал в Пакистане, где талибы постоянно совершают нападения.

Пока никаких диверсий на северном маршруте не было. Что означает угроза талибов перекрыть северный маршрут? Это – угроза объявления диверсионно-террористической войны. Прежде всего на железнодорожных магистралях в Казахстане и Узбекистане.

Особенность военной ситуации в Афганистане заключается в том, что основные команды талибам, воюющим с войсками США и ISAF, поступают из столицы пакистанской провинции Белуджистан – Кветты. Там расквартирована верхушка Талибана во главе с Джалалуддином Хаккани, его сыном Сираджуддином Хаккани и муллой Омаром – бывшим главой правительства Афганистана при режиме талибов. По разным оценкам, под командованием Сираджуддина Хаккани находится от 4-х до 12-ти тыс. талибов. Основные силы Хаккани сосредоточены в Северном Вазиристане – с пакистанской стороны границы. По данным американской разведки, именно его бойцы напали на Кабул 18 января 2010 г. Хаккани причастен и к подрыву агентов ЦРУ 30 декабря 2009 г.

Возможен ли лондонский вариант примирения с названными лидерами талибов? Думаю, ответ очевиден.

Главная интрига состоит в том, что согласно сообщениям представителей военного руководства и дипломатических кругов Пакистана, в ответ на требование усилить преследование Сираджуддина Хаккани, боевики которого представляют наибольшую угрозу американским войскам, США получили от Пакистана резкий отказ. Как сообщило "Radio Liberty" (19.12.2009), президент Пакистана Асиф Али Зардари накануне провозглашения Белым Домом новой стратегии "АфПак" в конце ноября заявил Обаме, что армия Пакистана будет действовать против исламских экстремистов в приграничных районах по собственному графику и не станет ускорять операцию, как просил Вашингтон.

И Зардари можно понять. Его положение довольно непрочно и во многом зависит от консенсуса с военными.

Особенно сильно режим Зардари закачался после принятия Верховным судом Пакистана в декабре 2009 г. решения о повторном рассмотрении всех судебных дел по обвинению в коррупции, которые были отменены экс-президентом Мушаррафом еще в 2007 г. на основании Указа о национальном примирении. Это решение парализовало административный аппарат Зардари. Ясно, что в Пакистане вновь началась смертельная схватка за власть. И потом, зачем Зардари ликвидировать Сираджуддина Хаккани, если тот является агентом пакистанских спецслужб? Тем более, что он им весьма будет нужен для военных "разборок" после начала вывода американских войск из Афганистана в 2011 г.

В ответ на несговорчивость руководства Пакистана Обаме советуют повысить масштабы и частоту бомбовых ударов беспилотников по территории Па-

кистана. Но за два последних года от беспилотников погибло, по самым скромным подсчетам, не менее 300 мирных пакистанцев. 53 операции с участием беспилотников насчитали эксперты New America Foundation в 2009 г. в Пакистане, о проведении 51 из них распорядился Обама. Его предшественник Джордж Буш приказал в 2008 г. провести в общей сложности всего лишь 34 такие операции.

Другой совет заключается в проведении спецоперации против руководства Талибана силами самих американцев на территории Пакистана.

Следование этим советам может привести к падению нынешнего проамериканского президента Пакистана. К власти могут прийти радикально, причем радикально-исламистски, настроенные военные. А это уже совсем другая история.

Здесь в полный рост стоит вопрос ядерного оружия Пакистана, непримиримый конфликт с Индией с возможным обменом ядерными ударами и территориальный конфликт с Афганистаном.

Даже без столь апокалиптического сценария напряжение вокруг Афганистана в треугольнике Пакистан – Индия – Китай постоянно возрастает. И Китай, и тем более Пакистан, противоборствуют усилиям США втянуть Индию в афганскую войну. Особенно беспокоят китайцев и пакистанцев уже прозвучавшие планы сосредоточения индийских войск на севере и западе Афганистана и масштабные проекты обучения индийскими специалистами афганской армии.

Индия постоянно добивается того, что из речей Обамы исчезает проблема Кашмира. Но для пакистанских военных Кашмир остается приоритетом номер один. Многие эксперты полагают, что наряду с другими факторами именно из-за Кашмира Пакистан не проявляет той активности в борьбе с талибами, которую от него ждут американцы. Пакистанцы также считают, что Индия поддержала сепаратистские повстанческие движения в пакистанском Белуджистане.

В свою очередь, китайцы в ответ на возможное усиление влияния Индии в Афганистане активизируют деятельность повстанческих маоистских групп в самой Индии (они там действуют на территории трети страны).

Клубок противоречий Афганистана придется распутывать и России.

4. “Русский Афган” начала XXI века

В дни 30-летия советского вторжения в Афганистан Збигнев Бжезинский в своих интервью с особым удовольствием и цинизмом рассказывал о том, как спецслужбам США и Белому Дому удалось спровоцировать СССР на оккупацию Афганистана и “устроить Советам свой Вьетнам”.

Сейчас аналогичное втягивание в “черный ящик” новой афганской войны идет уже не на уровне тайных операций, а в открытую. Генеральный секретарь НАТО Расмуссен в интервью “Der Spiegel” заявляет: “Я вижу большой потенциал для дальнейшего российского содействия по Афганистану. Россия уже предоставила нам транзитный маршрут для тылового обеспечения. Я думаю, что она может сделать больше. Русские могут также участвовать в подготовке афганской армии и в поставках для нее военной техники и оружия”.

“The Associated Press” (от 11.12.2009) накануне визита Расмуссена в Москву прямо писала: “НАТО хочет, чтобы Россия помогла в войне в Афганистане, бесплатно предоставив больше оружия – включая автоматы АК-47, гранатометы, легкую артиллерию и бронетранспортеры, – а также расширив военную помощь растущей афганской армии”. НАТО также стремится получить до шести обновленных легких военно-транспортных самолетов Ан-32, которые должны присоединиться к четырем, уже имеющимся на вооружении ВВС Афганистана. Эти самолеты специально разработаны, чтобы хорошо функционировать в жарком и высокогорном климате Афганистана.

Какую помощь США, ISAF и правительству Карзая Россия уже оказала и оказывает сейчас?

Первое. Кабулу списан долг на 10,38 млрд долл., оказана гуманитарная помощь на 70 млн.

Второе. Россия обеспечивает транспортировку невоенных грузов в Афганистан по Северному маршруту.

Третье. Россия готовит афганских полицейских для борьбы с наркобизнесом на базе одного из учебных заведений МВД.

Четвертое. Москва и Вашингтон достигли в июле 2009 г. соглашения, позволяющего США производить до 4500 полетов в год над территорией Рос-

сии. Речь идет о транзите военных грузов для коалиции в Афганистане. Но за прошедшие полгода, по американским данным, было произведено всего 5 полетов.

Пятое. Наемники из России воюют с талибами в горах к востоку от Кабула в составе французского Иностранного легиона. Но это личная инициатива конкретных лиц, а не политика государства (да и само наемничество у нас карается по УК).

Все перечисленные факторы – *косвенное* участие в афганской войне.

Восстановление 142 объектов промышленности и инфраструктуры в Афганистане, построенных при участии СССР, – вообще благородное дело, носящее антивоенную идеологическую нагрузку. И это предложение, внесенное в Лондоне российским главой МИДа Сергеем Лавровым, звучало среди всех других наиболее рационально. Правда, не совсем понятно, как будет обеспечена безопасность наших строителей в условиях войны.

А теперь зададим себе вопрос, что значит участвовать в подготовке афганской армии и поставлять для нее бесплатно военную технику и оружие?

Это, по существу, – прямое участие в афганской войне. Причем накануне ухода американцев!

Видимо, Бжезинский считает, что достойно завершит свою жизнь, если ему второй раз удастся втянуть русских в афганскую войну. Направить всю энергию джихадизма против России.

Безусловно, надо быть готовым ко всему. И к реальному уходу американцев из Афганистана. И к падению режима Карзая в Кабуле. И к восстановлению режима талибов. И к террористическим рейдам талибов к нашим соседям в Среднюю Азию.

Но не следует делать шагов, которые эти события будут ускорять.

Современный лозунг по отношению к афганской войне: "НИ ШАГУ ВПЕРЕД!".

Нам и плохо, и хорошо от того, что крупные силы США и НАТО находятся недалеко от наших границ. Плохо, потому что в этом положении они реально могут влиять на многие внешнеполитические и экономические процессы в Средней Азии.

Плохо, потому что Россию после оккупации Афганистана американцами завалили героином, произведенным в этой стране (режим талибов с наркотиками нещадно боролся, что признавала даже ООН). По данным главы наркоконтроля Виктора Иванова, от афганского героина в России только за 2009 г. погибло 100 тыс. человек! НАТО и ISAF все последние годы игнорируют предложения России и ОДКБ о создании вокруг Афганистана антинаркотических поясов безопасности. И в этом нет ничего удивительного, поскольку, по данным Управления ООН по наркотикам и преступности (UNODC), на антиправительственные элементы, которые входят, но не ограничиваются движением "Талибан", приходится относительно небольшая доля прибылей от торговли наркотиками. Собственные разведывательные агентства США, ЦРУ и Разведывательное управление Министерства обороны считают, что движение "Талибан" получает от торговли наркотиками около 70 млн долл. в год – всего лишь около 2% общей суммы предполагаемых доходов от торговли наркотиками, которая в 2009 г., по данным UNODC, составила 3,4 млрд долл. По словам бывшего посла Великобритании в Узбекистане Крейга Мюррея, конвои под командованием генерала Дустума, который в 2010 г. был назначен президентом Хамидом Карзаем на должность начальника штаба главнокомандующего Национальной армии Афганистана в правительстве, транспортируют наркотики через границу. А родной брат президента Карзая Ахмед Вали Карзай был обвинен в том, что он является основным наркобароном.

Хорошо, что южные рубежи России пока охраняются "союзниками – потенциальными противниками" – американцами.

И не дай Бог, чтобы они бежали из Афганистана так же, как из Вьетнама. Тогда Афганистан кинутся разрывать в клочья и Китай, и Индия, и Пакистан.

А в такой ситуации уже МОЖЕТ ВОЗНИКНУТЬ НЕ БОЛЬШАЯ ИГРА, А БОЛЬШАЯ ВОЙНА В ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ.

Вероятность этой Большой войны стала возможной в результате насильственного развала СССР. Республики Средней Азии были оторваны от единой России, лишены единого экономического и культурного пространства, оставлены один на один с надвигающейся волной радикального ислама, стали вож-

деленными объектами экспансии и со стороны Запада, и со стороны Китая. Россия была лишена бесценных залежей газа, нефти, угля, золота, урана. А, главное, лишена ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО ПОТЕНЦИАЛА, способного укреплять военный и трудовой ресурс страны. В один миг граждан СССР – таджиков, узбеков, казахов, киргизов, туркмен – стали причислять к опасным "незаконным мигрантам". Сброс "азиатских окраин" оголил южные рубежи России.

"Черный ящик" афганской "войны с терроризмом" требует сделать Среднюю Азию приоритетным направлением внешней политики, экономики и безопасности России. Для этого надо развивать крупные совместные экономические проекты. Необходимо постоянно укреплять и развивать все действующие совместные структуры безопасности в рамках СНГ (Антитеррористический центр, Бюро по координации мер борьбы с организованной преступностью и т.д.), а также в рамках ОДКБ и ШОС.

МЫ МОЖЕМ ВЛИЯТЬ НА АФГАНСКУЮ ВОЙНУ ТОЛЬКО ПУТЕМ УКРЕПЛЕНИЯ ПОЗИЦИЙ РОССИИ В СРЕДНЕЙ АЗИИ. В этом залог не только и не столько побед, сколько выживания нашей страны и нашего государства в обостряющейся стратегической схватке за будущее мира.

“И СНОВА КАТЫНЬ...”

Спор о Катыни продолжается... Можно сказать, весь нынешний год прошел под знаком этой трагической истории. Судьба польских пленных офицеров, чья жизнь, согласно официальной версии, оборвалась в апреле-мае 1940 года, не перестает волновать мировую общественность. Уж слишком многое здесь поставлено на кон. Доказать вину Советского Союза (а значит, и нынешней России, как правопреемника СССР) очень хотелось бы многим на Западе. Вечное чувство вины, которое Россия должна теперь испытывать перед Польшей, ставит нашу страну в унизительное, более того, в подчиненное положение перед страной, которую русские освободили от фашистского ига. А нас теперь равняют с фашистской Германией, что влечет за собой не только моральные, но и политические и экономические последствия. Разобраться в этой ситуации поможет документ, недавно подготовленный группой российских ученых во главе с Виктором Ивановичем Илюхиным, известным политическим деятелем, заслуженным юристом Российской Федерации. Это Рецензия на Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных. По материалам этого Заключения, появившегося в результате расследования, проведенного еще в печально памятном 1993 году, советское руководство, собственно, и обвиняется в причастности к гибели польских военнопленных. Таковое обвинение ставится под сомнение Рецензией, которая предлагается вниманию читателя с предисловием В. И. Илюхина.

Уважаемые читатели!

Вашему вниманию предлагается Рецензия на Заключение экспертов Главной военной прокуратуры (ГВП) по уголовному делу № 159 о гибели польских офицеров под Смоленском в местечке под названием Катынь.

Она подготовлена известными правоведами и историками, специалистами в области криминалистики и расследования тяжких преступлений. Решение о ее написании было принято по результатам работы “круглого стола”, проведенного в Государственной Думе 19 апреля 2010 года по теме: “Катынь: правовые и политические аспекты”.

Рецензия стала еще одним шагом по восстановлению исторической правды о Катынской трагедии, формой защиты от огульных обвинений СССР и очернительства нашего недалекого прошлого.

Споры о Катынской трагедии не стихают уже несколько десятилетий и уходят своими корнями в первую половину двадцатого века.

Как известно, в сентябре 1939 года после возвращения Советским Союзом принадлежащих ему территорий Западной Белоруссии и Западной Украины, оккупированных в 1918–1920 годах Польшей, в плен Красной Армии попало значительное количество польских солдат и офицеров.

В отечественной и зарубежной литературе называются разные цифры – от 150 до 250 тысяч, однако важно отметить, что из числа военнопленных сразу же были освобождены рекруты из крестьян, лица низшего сословия. Более 70 тысяч пленников были Советским Союзом вооружены и по просьбе польского правительства в изгнании направлены через Иран в армию генерала Андерса, воевавшую с немцами на западных фронтах. Другие военнопленные по собственному желанию вошли в иные воинские соединения, сформированные на территории СССР, и вместе с Советской Армией воевали с нацистами. Часть военнопленных была задействована на строительстве дорог, иных важных объектах в Смоленской области, на севере страны и в других местах, где их и застала война 1941–1945 гг. Поляки под Смоленском попали во второй плен, теперь немецкий, в силу того, что НКВД СССР не успел их перевезти в глубь страны. И для многих из них он окончился смертью от фашистских пуль.

Однако 13 апреля 1943 года радио и газеты фашистской Германии обнародовали сообщение рейхминистра Геббельса о том, что в местечке Катынь, недалеко от Смоленска, вдруг были обнаружены захоронения 10 тысяч трупов польских офицеров. И, как утверждали нацисты, расстрелянных НКВД СССР в апреле – мае 1940 года.

И тогда польское правительство, находящееся в Великобритании, сразу же поддержало геббельсовскую версию. Поддержало без какой-либо предварительной проверки, по одному заявлению гитлеровцев, уничтоживших десятки миллионов людей, в том числе и миллионы поляков. Почему так повело себя польское правительство? Объяснений несколько, но назовем лишь одно. Оно не могло простить того, что СССР в 1939 году вернул себе территории Западной Белоруссии и Западной Украины, ранее оккупированные Польшей.

Спустя 10 дней после геббельсовского заявления американская газета "Нью-Йорк таймс" писала: "Как русские, так и поляки попали в нацистскую ловушку". Это действительно так.

Гитлер на Катынской трагедии пытался решить несколько проблем.

Прежде всего – поссорить антигитлеровскую коалицию, которая обсуждала вопрос об открытии второго фронта против фашистов. Важно и то, что под Сталинградом сотни тысяч немецких солдат сдались в плен Советской Армии. Геббельс в своей пропаганде пытался донести до солдат вермахта, что в случае добровольной сдачи в плен советским войскам их ждет судьба польских военнопленных. Так думали и действовали вожди Третьего рейха.

24 января 1944 года, после проведения тщательных исследований, Советская комиссия, возглавляемая академиком Бурденко Н. Н., опубликовала сообщение о судьбе польских военнопленных, содержащихся в лагерях под Смоленском. На основании исследования трупов, других обстоятельств она пришла к обоснованному выводу, что поляки были уничтожены немцами после того, как они летом 1941 года оккупировали Смоленскую область.

СССР в 1946 году, пытаясь закрепить выводы комиссии Бурденко на Нюрнбергском процессе, вменил в вину фашистам уничтожение поляков под Катынью, и эти обвинения международным трибуналом были приняты. Однако при вынесении приговора эпизод с расстрелом поляков без каких-то объяснений выпал из текста этого документа, хотя Третий рейх и был признан виновным в массовом уничтожении военнопленных.

Это позволило полякам по-своему трактовать решение международного трибунала и еще с большим рвением обвинять Советский Союз в совершенных злодеяниях, в уничтожении "цвета польской нации".

Таким образом, по настоящий день существует две диаметрально противоположные версии о лицах, виновных в гибели поляков.

На Катынской трагедии в Польше спекулировал профсоюз "Солидарность" вместе с Л. Валенсой, когда шел к власти. Администрация США использовала ее как одно из основных орудий в развале военного блока "Варшавский договор". Польша оказалась в нем самым ненадежным партнером.

К сожалению, геббельсовская версия о расстреле поляков нашла своих сторонников и в Советском Союзе. Ее активно поддержали известные партийные функционеры А. Яковлев, Д. Волкогонов, В. Фалин. Тот же А. Яковлев заявил, что из Катынской трагедии надо сделать все, чтобы от СССР отвернулся весь оставшийся мир.

И делали. Президенты М. Горбачев, Б. Ельцин, а потом и В. Путин, не изучив глубоко всех обстоятельств, в спешном порядке принесли извинения Польше.

По факту гибели поляков было возбуждено несколько уголовных дел, которые потом соединили в одно, и расследование провела Главная военная прокуратура. В тех условиях следствию оставалось только облечь политическую волю руководителей страны в правовую форму, поэтому следствие оказалось необъективным, проведенным с грубыми процессуальным нарушениями, по сценарию, фактически написанному за пределами нашей страны. В результате 14-летнего расследования (что уже вызывает вопросы и недоумение) 21 сентября 2004 года ГВП приняла окончательное решение по делу, признав виновным в расстреле 21 700 пленных поляков НКВД СССР. Российские интересы были отброшены, а в Польше уже заявляют о необходимости предъявления иска к России по возмещению ущерба в размере, превышающем 100 млрд долларов США. Этого допустить нельзя. Но, к сожалению, дорогу судебному иску к нам прокладывает само нынешнее политическое руководство России и Главная военная прокуратура.

Нельзя оставить без внимания и тот беспрецедентный случай, когда материалы уголовного дела № 159 засекречены, а названное Заключение сразу же после его подписания экспертами было опубликовано в средствах массовой информации в Польше.

Читатель, ознакомившись с Рецензией на экспертное заключение, полагаем, сам даст оценку решениям, принятым как следователями, так и российскими учеными, привлеченными ГВП в качестве экспертов. Большинство этих ученых получали польские гранты, были награждены польскими орденами. Они пошли на сделку со своей совестью и до сих пор, как и некоторые российские политики, не осознают того, что ссылаться на геббельсовские, фашистские заявления и документы как на источник истины просто безнравственно, кощунственно и недопустимо.

Экспертное заключение является основным документом доказательной базы уголовного дела, ключевым доказательством. Но если оно не выдерживает никакой критики, то какова цена всех других доказательств?

Под напором весомых аргументов, изложенных в Рецензии, Главная военная прокуратура все-таки не устояла. Она вынуждена была признать, что так называемое заключение по уголовному делу № 159 о гибели польских офицеров в Катыни составлено с грубейшими нарушениями уголовно-процессуального законодательства и является недопустимым доказательством вины НКВД СССР в расстреле поляков под Смоленском.

Правда пробивает себе дорогу. Пусть с трудом, но пробивает.

Виктор Илюхин

Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле-мае 1940 г. гласит:

2 августа 1993 г. комиссия экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в апреле – мае 1940 г. в составе: директора Института государства и права Российской академии наук академика Топорнина Бориса Николаевича; заведующего сектором уголовного права и криминологии Института государства и права Российской академии наук доктора юридических наук, профессора Яковлева Александра Максимовича; главного научного сотрудника Института сравнительной политологии Российской академии наук доктора исторических наук, профессора Яжборовской Инессы Сергеевны; ведущего научного сотрудника Института славяноведения и балканистики Российской академии наук доктора исторических наук Парсадановой Валентины Сергеевны; доцента кафедры спецдисциплин Военной академии Советской Армии кандидата военных наук Зори Юрия Николаевича; старшего эксперта отдела судебно-медицинской экспертизы Центральной судебно-медицинской лаборатории МО РФ подполковника медицинской службы кандидата медицинских наук Беляева Льва Валерьевича окончила экспертное

исследование, которое производилось ей с 17 марта 1992 г. по 2 августа 1993 г. на основании постановления старшего военного прокурора отдела Управления Главной военной прокуратуры подполковника юстиции Яблокова А. Ю.

На разрешение комиссии экспертов были поставлены следующие вопросы:

1. Определить, какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки могут быть признаны доброкачественными документами, а выводы, которые в них содержатся, — научными и обоснованными.

2. С этих же позиций проанализировать с учетом собранных документов польскую "Экспертизу Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров" и установить, заслуживают ли доверия выводы этого акта как научно обоснованного документа.

3. С учетом всех перечисленных в постановлении документов, выводов польской "Экспертизы", собранных в ходе следствия документов и свидетельских материалов проанализировать с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки обоснованность и состоятельность выводов "Сообщения Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров" под руководством Н. Н. Бурденко.

4. К каким новым выводам о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калинине, а также других польских граждан, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, с точки зрения юридической, исторической, медицинской науки и права приводят собранные в ходе следствия доказательства.

Комиссия, как указано в "Заключении", проведя исследования, пришла к следующим выводам:

1. Материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления — массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержавшихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14 522 польских военнопленных, которые 3 апреля — 19 мая партиями направлялись к месту расстрела и были расстреляны (выстрелами в затылок) в Катынском лесу, в тюрьмах УНКВД Смоленской, Ворошиловградской и Калининской областей и захоронены в коллективных могилах в Козьих Горах, с. Медное Калининской области (ныне Тверская область) и в лесопарковой зоне г. Харькова. Это было установлено в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций.

В ходе данной экспертизы также установлено, что охвативший 70% жертв катынский идентификационный список 1943 г. (составленный по результатам извлечения трупов из массового захоронения) с вероятностью 0,6—0,9 совпадает со списками на отправку польских военнопленных из Козельского лагеря в распоряжение УНКВД по Смоленской области в апреле — мае 1940 г. Это является основанием для утверждения, что эти военнопленные захоронены в районе Катынского леса.

Доказано также, что единым умыслом одновременно в тюрьмах НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины были расстреляны 7305 поляков, в том числе около 1000 офицеров.

2. Расстрелы совершались на основании постановления Политбюро ЦК ВКП(б) от 5 марта 1940 г. по представлению НКВД СССР, а также статьи 58 пункта 13 УК РСФСР, статьи 54 пункта 13 УК УССР и иных с нарушением как норм международного права, так и существовавшего тогда и требующего четкой правовой оценки весьма несовершенного внутреннего законодательства, не соответствовавшего международно признанным основам права, защищающим от преступлений против человечества. Совершенные деяния были санкционированы сталинским руководством партии и государства, являлись частью противоправных, преступных репрессивных акций тоталитарной системы, направленных в данном случае против граждан соседнего государства, в том числе и в значительной степени — военнопленных, особо защищаемых международным правом.

Адекватная правовая оценка этих преступлений, совершенных в рамках государственно-санкционированного террора, должна быть проведена на основе детально разработанных после Второй мировой войны принципов меж-

дународного права, на базе системы особых норм материального и процессуального права, с признанием наличия геноцида, преступлений против человечества, без срока давности.

3. Выяснение причин и обстоятельств появления польских военнопленных на советской территории показало прямую логическую причинно-следственную связь развития советско-германо-польских отношений в августе – сентябре 1939 г. и военных действий Красной Армии против польской армии с выполнением обязательств, вытекающих из советско-германских договоров 23 августа и 28 сентября 1939 г. и дополнительных секретных протоколов к ним, предполагавших решение вопроса о судьбах Польского государства, его территории, армии и о противодействии освободительной борьбе польского народа.

В сентябре–декабре 1939 г. в категорию военнопленных были зачислены и помещены в лагеря военнослужащие, как взятые в плен в ходе боевых действий Красной Армии, так и выявленные в ходе последующей регистрации; в трех спецлагерях НКВД – Козельском, Старобельском и Осташковском – были сосредоточены более 15 тыс. человек, из которых лишь 56,2% составляли офицеры (из них офицеры срочной службы составляли 44,9%, офицеры запаса, проходившие после мобилизации обучение в лагерях, – 55%, кроме того, были отставники, в том числе инвалиды войны 1920 г.). Остальные были гражданскими лицами, прежде всего служащими центрального и местного уровней управления, полицейскими, судьями и прокурорами, таможенниками и т. д. Значительная часть содержавшихся в трех спецлагерях лиц была задержана и помещена в лагеря НКВД в качестве пленных без должных юридических оснований, как они сформулированы в Приложении к Гаагской конвенции.

4. Международному праву противоречил сам факт передачи лагерей военнопленных в ведение НКВД СССР. В Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях не соблюдался ряд норм международного права, определяющих положение и содержание военнопленных. Изначально не предполагалось освобождать их после окончания военных действий, как того требует Гаагская конвенция. Одновременно с проведением органами НКВД в лагерях оперативной работы развернулась подготовка и массовая передача дел военнопленных на особые совещания. В начале весны 1940 г. уничтожение польских военнопленных с санкции Политбюро ЦК ВКП(б) стало осуществляться по упрощенной схеме и приняло тотальный характер.

Ускорение "разгрузки" трех специальных лагерей и следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины было тесно связано с рядом проблем сталинской внешней и внутренней политики. Осуществив "освободительный поход" в Западной Белоруссии и Западной Украине, развернув форсированные "социалистические преобразования" и проводя "оптимизацию" социальной и политической структуры, сталинское руководство при помощи органов НКВД "отсеивало" "чуждые в классовом и национальном отношении элементы" в массовом масштабе.

Акции в Прибалтике и Финляндии сопровождались поступлением нового крупного контингента пленных. Увеличение числа военнопленных и заключенных весьма обременило экономику. С конца 30-х годов велась "чистка" централизованно снабжавшихся категорий населения. Под нее подпадали лагеря и тюрьмы НКВД, в которых нельзя было расширить сферу применения разных видов принудительного труда.

5. Содержавшаяся в ставшей основой для принятия постановления от 5 марта 1940 г. записке Л. П. Берии в адрес ЦК ВКП(б), на имя И. В. Сталина, мотивировка рассмотрения "вопроса НКВД СССР" и принятия решения об умерщвлении 22 тыс. человек не была адекватна ни составу задержанных, ни их действиям, представляя собой на деле "наклеивание" идеологических "классовых" ярлыков для оправдания преступления. Среди офицеров преобладали (составляя 55%) лица массовых гражданских профессий, требующих высшего образования, – учителя, врачи, инженеры, журналисты, профессорско-преподавательский состав университетов и институтов и т. д., то есть значительная часть военнообязанной польской интеллигенции. Другая ее часть – гражданские лица, превращенные в военнопленных или задержанные и помещенные в тюрьмы за "контрреволюционную деятельность", являлись преимущественно служащими разного уровня – чиновниками администрации, суда, почты и т. д. Они были арестованы по "классовым мотивам", на деле –

в ходе ликвидации Польского государства и его армии, как правило, не за противоправные действия, а в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу. Репрессирование по национальному признаку вытекает из записки Л. П. Берии со всей определенностью.

Уничтожение в апреле – мае 1940 г. 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей в УНКВД по Смоленской, Калининской и Харьковской областям и одновременно 7305 заключенных следственных тюрем НКВД Западной Белоруссии и Западной Украины, за которым последовал массовый вывоз их семей в глубь СССР (депортация), явилось тягчайшим преступлением против мира, человечества и военным преступлением, за которое должны нести ответственность И. В. Сталин, В. М. Молотов и другие члены Политбюро ЦК ВКП(б), принявшие постановление об этом массовом умерщвлении невинных людей; Л. П. Берия, В. Н. Меркулов, Б. З. Кобулов, Л. Ф. Баштаков, П. К. Сопруненко и другие сотрудники НКВД СССР, НКВД УССР и НКВД БССР, которые на своем уровне принимали участие в подготовке и реализации решения, организовали непосредственное исполнение этой преступной акции; В. М. Блохин, С. Р. Мильштейн, Н. И. Синегубов и начальники УНКВД Смоленской, Харьковской и Калининской областей, их первые заместители, коменданты и сотрудники комендатур, шоферы и надзиратели, исполнявшие преступные распоряжения, тюремные надзиратели и другие лица, принимавшие участие в расстрелах польских военнопленных и заключенных поляков следственных тюрем Западной Белоруссии и Западной Украины.

В соответствии с Конвенцией о неприменимости сроков давности к преступлениям против мира, военным преступлениям и преступлениям геноцида виновные в уничтожении 14 522 польских военнопленных из Козельского, Старобельского и Осташковского лагерей НКВД СССР и 7305 поляков, содержавшихся в тюрьмах и лагерях Западной Белоруссии и Западной Украины, указанные выше лица должны нести судебную ответственность согласно внутреннему законодательству за противоправное превышение власти (ст. 171 УК РСФСР в редакции 1929 г.), приведшее к умышленному убийству (ст. 102 УК РСФСР) в особо крупных размерах, которое должно рассматриваться как геноцид.

7. Все польские военнопленные, расстрелянные в УНКВД трех областей, как они записаны в списках, а также 7305 поляков, расстрелянные без суда и вынесения приговора в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины, не совершали преступления, предусмотренного статьей 58 пунктом 13 УК РСФСР, или иного и подлежат полной реабилитации как невинные жертвы сталинских репрессий, со справедливым возмещением морального и материального ущерба.

С учетом всего комплекса обстоятельств массового расстрела около 22 000 польских военнопленных и заключенных весной 1940 г. необходимо дать как правовую, так и политическую оценку этому факту и ходатайствовать о вынесении соответствующего решения на уровне высших органов страны.

8. Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств.

Выводы экспертизы, приведенные в “Официальном материале по делу массового убийства в Катыни”, можно признать достаточно обоснованными результатами проведенной эксгумации и судебно-медицинского исследования трупов. Выводы четко указывают на то, что давность событий расстрела установлена только на основании документов, изъятых из одежды трупов польских военнопленных, а судебно-медицинские данные не противоречат этой давности. По сути, такой же вывод делает и Техническая комиссия ПКК.

10. В настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н. Н. Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя, так как в материалах дела отсутствуют какие-либо документы, которые бы описывали исследовательскую часть работы судебных медиков в составе этой комиссии. Однако те данные, которые приведены в “Официальном материале” и “Секретном докладе”, позволяют с большой долей достоверности утверждать, что у комиссии Н. Н. Бурденко не было никаких научных оснований для той точной датировки расстрела (сентябрь–декабрь 1941 г.), которую комиссия дала в своих материалах.

11. Все другие данные судебно-медицинского характера (о причине смерти, повреждениях и их происхождении) не расходятся по существу ни в одном из документов.

12. Достоверно установлено, что польские военнопленные из Старобельского и Осташковского лагерей были расстреляны весной 1940 г. и захоронены в 6-м квартале лесопарковой зоны г. Харькова и в Медном Калининской области.

13. Анализируя содержащиеся в материалах дела медицинские данные (результаты эксгумаций в Харькове и Медном и последующих исследований), можно лишь дополнить некоторые моменты, касающиеся расстрела польских военнопленных. Так, среди обнаруженных при эксгумации в Харькове и Медном черепов имеются свидетельствующие о том, что некоторые жертвы расстреливались несколькими (двумя-тремя) выстрелами. При этом в отдельных случаях первый выстрел производился не в затылок, а в передне-боковые отделы черепа.

По судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших. Значительная давность событий и установленная в Медном значительная вариантность скорости протекания поздних трупных явлений не позволяют в настоящее время решить этот вопрос.

14. Сообщение Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко, выводы комиссии под руководством В. И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления – не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ "Сообщения Специальной комиссии" является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко. Он оказался весьма полезным при критическом рассмотрении результатов ее работы на основе собранных в ходе следствия документов и свидетельских показаний.

15. Эксперты констатируют, что данное заключение комиссии и постановление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 "О факте расстрела польских военнопленных" должны быть опубликованы аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу.

Таков полный текст этого "Заключения".

И вот 19 апреля 2010 г. в Государственной Думе был проведен "круглый стол" по теме "Катынская трагедия – правовые и политические аспекты". У участников "круглого стола" возникли сомнения в некоторых выводах вышеприведенного "Заключения", почему группа российских ученых, специалистов в составе:

Илюхина Виктора Ивановича, Заслуженного юриста Российской Федерации, доктора наук, профессора, разработчика и заявителя законопроекта "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", руководителя группы ученых, подготовивших комментарии к Федеральному закону "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации";

Обухова Сергея Павловича, депутата Государственной Думы, доктора исторических наук;

Плотникова Алексея Юрьевича, доктора исторических наук, профессора;

Савельева Андрея Николаевича, депутата Государственной Думы 4-го созыва, доктора политических наук;

Крука Виктора Михайловича, генерал-майора юстиции, в 1992–1999 гг. помощника заместителя Генерального прокурора РФ – Главного военного прокурора;

Колесника Александра Николаевича, доктора исторических наук;

Емельянова Юрия Васильевича, кандидата исторических наук, лауреата писательской премии имени Шолохова –

провела анализ ранее обозначенного экспертного "Заключения" и пришла

к следующим оценкам и выводам, изложенным в **Рецензии на Заключение комиссии экспертов Главной военной прокуратуры**.

Приводится полный текст Рецензии:

С начала апреля 2010 г. в России и Польше вновь набрала обороты шумная кампания вокруг захоронений польских офицеров в Катынском лесу, о которых впервые сообщили геббельсовские средства массовой информации 67 лет назад. В сообщениях по радио и печати Третьего рейха с 13 апреля 1943 г. утверждалось, будто польские офицеры были убиты советскими властями.

Ныне эта геббельсовская версия реанимирована. При этом польской стороной и правительством России полностью игнорируются выводы Комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, которую возглавлял главный хирург Красной Армии, генерал-полковник медицинской службы, президент Академии медицинских наук, основоположник нейрохирургии Николай Нилович Бурденко. В состав Комиссии входили писатели, священнослужители, видные общественные деятели. Комиссия имела в своем распоряжении опытных судебных экспертов. В опубликованном 24 января 1944 г. сообщении Комиссии были изложены многочисленные свидетельства, позволившие сделать однозначный вывод: расстрелы в Катынском лесу были совершены немцами.

Комиссия экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159 о расстреле польских военнопленных из Козельского, Осташковского и Старобельского спецлагерей НКВД в своем "Заключении" от 2 августа 1993 г. поставила перед собой задачу "обосновать несостоятельность выводов "Сообщения" Комиссии Бурденко, сделать "новые выводы" из расследования Катынского дела".

Однако экспертное "Заключение" от 2 августа 1993 г. не может считаться таковым, а содержащиеся в нем выводы ничтожны и несостоятельны в правовом и историческом аспектах. Его можно считать частным мнением группы лиц, выражающих определенные политические установки российской власти начала 90-х годов 20 столетия. Исходя из того, что ответы в большинстве своем не соотносятся с вопросами, можно полагать, что ранее подготовленный текст (вероятнее всего – с участием польских специалистов) был затем оформлен в экспертное "Заключение".

Правовая несостоятельность "Заключения" выражается в следующем.

1. Вопросы, поставленные старшим прокурором отдела ГВП Яблоковым А. Ю. от 17 марта 1992 г. перед авторами "Заключения", выходят за пределы обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу.

Исходя из смысла статей 69, 78 УПК РСФСР, ч. 7 ст. 8 Федерального закона № 173 от 31 мая 2001 г. "О государственной судебно-экспертной деятельности в Российской Федерации", судебная экспертиза – процессуальное действие, состоящее из проведения исследований и дачи заключения экспертом (экспертами) по вопросам, разрешение которых требует специальных знаний в области науки, техники, искусства или ремесла и которые поставлены перед экспертом или экспертами в целях установления обстоятельств, подлежащих доказыванию по конкретному делу. Само заключение эксперта является одним из видов (средств) доказывания.

Круг обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу, определен ст. 68 УПК РСФСР (ст. 73 УПК РФ). В частности, закон обязывает доказывать событие преступления (время, место, способ и другие обстоятельства совершения преступления); виновность обвиняемого в совершении преступления и мотивы преступления; обстоятельства, влияющие на степень и характер ответственности обвиняемого, а также иные обстоятельства.

При этом в разъяснении, данном в п. 11 постановления Пленума Верховного Суда СССР "О судебной экспертизе по уголовным делам" от 16 марта 1971 г., указано, что перед экспертами нельзя ставить вопросы, выходящие за пределы их специальных познаний, и вопросы, которые носят правовой характер. Они должны относиться исключительно к обстоятельствам, подлежащим доказыванию.

Вопросы, сформулированные Яблоковым А. Ю. перед экспертами в постановлении от 17 марта 1992 г., никакого отношения к предмету доказывания

по уголовному делу № 159 не имеют. Более того, они не конкретны, их разрешение не входит в компетенцию экспертов.

Так, экспертам предложено определить, какие документы из находящихся в уголовном деле могут быть признаны доброкачественными документами с точки зрения юридической, исторической и медицинской науки и являются ли содержащиеся в них выводы научными и обоснованными. Что подразумевается под понятием "доброкачественные документы", в постановлении не раскрывается – видимо, предполагается, что эксперты сами определят критерии доброкачественности представленных им для исследования документов.

Между тем уголовно-процессуальное законодательство не содержит понятия "доброкачественный документ". В толковых словарях русского языка Д. Н. Ушакова и С. И. Ожегова, В. И. Даля под словом "доброкачественный" понимается нечто (товар, предмет) хорошего качества, без изъяна, а слово "документ" означает "доказательство, свидетельство, деловая бумага", подтверждающая какой-нибудь факт или право на что-нибудь.

Кроме того, перед экспертами недопустимо поставлен вопрос о новых выводах, о сроках, причинах, мотивах, обстоятельствах и последствиях расстрела польских военнопленных в Смоленске, Катынском лесу, Харькове и Калинине, а также других польских граждан, содержавшихся в тюрьмах Западной Белоруссии и Западной Украины.

Экспертам фактически предложили взять на себя функции следствия, суда, дать оценку имеющимся в уголовном деле доказательствам и сделать новый вывод о наличии (или отсутствии) обстоятельств, подлежащих доказыванию по уголовному делу. Из смысла и конструкции поставленного перед экспертами вопроса следует, что собранные по делу доказательства и определенные выводы на их основе уже имеются, но эти выводы следствие не устраивают.

Если отрешиться от терминологической и лингвистической эквилибристики Яблокова А. Ю., то станет очевидно, что перед экспертами фактически поставлена конкретная, но противоречащая уголовно-процессуальному закону задача – провести переоценку имеющихся в деле документов с точки зрения их допустимости в качестве доказательств и подвести под это некую научную базу с **заранее определенными политическими выводами**.

2. Эксперты вышли за пределы своей компетенции.

По общему правилу, в соответствии со ст. 78 УПК РСФСР эксперты в осуществляемом ими исследовании и заключении не вправе выходить за пределы своей научной компетенции, то есть делать выводы по вопросам, которые не могут быть разрешены на основе представляемых ими отраслей знаний.

В вводной части экспертного "Заключения" эксперты указали сведения о себе и о своей специализации – два юриста (Топорнин Б. Н., Яковлева А. М.); специалист сравнительной политологии, занимающийся изучением политики путем сравнения и сопоставления однотипных явлений в различных политических системах (Яжборовская И. С.); специалист Института славяноведения и балканистики, чья сфера деятельности – изучение истории, литературы, культуры, языка зарубежных славянских народов, а также других народов Балкан и Центральной Европы (Парсаданова В. С.); специалист Военной академии по спецдисциплинам, только каких – непонятно (Зоря Ю. Н.); специалист по раневой баллистике (Беляев Л. Л.). Примечательно, что в составе экспертной комиссии нет ни одного криминалиста (исследовались ведь документы), судебного медика, биолога.

В силу указанных обстоятельств напрашивается вывод, что вопреки требованиям ст. 78 УПК РСФСР высказанные "экспертами" суждения по представленным им объектам выходят за пределы продекларированных ими специальных познаний и основаны на личных бытовых представлениях и восприятиях исследуемых событий и фактов, что является существенным нарушением уголовно-процессуального закона (см. Постановление Пленума ВС СССР от 29 сентября 1988 г. по делу Лубянского В. И.).

Однако это не помешало указанным "экспертам" взяться за разрешение вопросов из совершенно других областей знаний и сделать безапелляционный вывод о том, что "материалы следственного дела содержат убедительные доказательства наличия события преступления – массового убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях НКВД 14 522 польских военнопленных".

С такой же легкостью "эксперты" установили мотив "государственно-санкционированного террора" НКВД – национальная принадлежность погибших (разумеется, польская) "в связи с вероятностью включения в освободительную борьбу" этих самых погибших граждан с ненавистным сталинским режимом, а также цель этого террора – "ликвидация Польского государства и его армии", что, конечно же, по мнению экспертов, должно расцениваться не иначе, как геноцид в отношении поляков, преступление против человечества в целом.

Эксперты пошли дальше и заявили в своем "Заключении", что они установили и виновников "раскрытого" ими преступления в лице И. В. Сталина, В. М. Молотова, Л. П. Берии, В. Н. Меркулова, Б. З. Кабулова, Л. Ф. Баштакова, П. К. Супруненко, С. Р. Мильштейна, В. М. Блохина, Н. И. Синегубова, Е. И. Куприянова, П. С. Сафонова, Д. С. Токарева, а также комендантов, шоферов, надзирателей тюрем лагерей, где содержались лица польской национальности, а заодно и квалифицировали их действия как "геноцид, военные преступления против человечества (человечности), на которые не распространяется срок давности".

Однако возникли существенные противоречия. Российские "эксперты" ГВП, с одной стороны, всецело поддерживают геббельсовскую версию, с другой – перечеркивают ее. Все дело в том, что в 1943 г. германским информационным бюро главными виновниками, палачами польских офицеров названы Лев Рыбак, Авраам Борисович, Павел Брозинский и Хайм Финберг. Но их тогда никто не разыскал, не установили и потом. И это тоже не случайно. Геббельс, провокационно называя еврейские фамилии, пытался решить и другую поставленную им задачу – не только оклеветать СССР, но и оправдать уничтожение гитлеровцами еврейской нации.

Можно утверждать, что с подачи польской стороны эксперты пришли к выводу об уничтожении сотрудниками НКВД СССР цвета польской интеллигенции. Заявка большая, однако в исследовательской части и выводах "Заключения" не было названо ни одной фамилии поляка, принадлежащего к "цвету" интеллигенции или нации, его конкретные заслуги и дела. К тому же только сам род деятельности и занятий, профессия человека не могут одновременно определять его принадлежность к "цвету" нации или даже к "цвету" интеллигенции.

А дальше зафиксировано:

"В связи с тем, что в настоящее время из числа выявленных преступников в живых остались П. К. Сопруненко и Д. С. Токарев, надлежит решить вопрос об их ответственности, в частности, об их аресте, привлечении к судебной ответственности, а в случае признания их виновными – наказании в России, не дожидаясь вынесения этого дела в Международный суд в Гааге, как предлагает польская общественность".

"В действиях польских военнопленных и других польских граждан, содержавшихся в 1939–1940 гг. в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях, в тюрьмах и лагерях западных областей Белоруссии и Украины и расстрелянных по постановлению Политбюро ЦК ВКП(б), отсутствует состав преступления, и они подлежат реабилитации как безвинные жертвы сталинских репрессий в соответствии со статьями 2 и 3 Закона Российской Федерации от 18 октября 1991 г., с дополнениями от 22 декабря 1992 г. "О реабилитации жертв политических репрессий".

Это и есть главный польский заказ, исполненный так называемыми российскими экспертами. В Польше, в первую очередь на уровне Института национальной памяти, Комитета по Катыни, давно заявляли о геноциде, призывая устроить судилище над Советским Союзом, его политическим руководством.

Наличие "польского следа" подтверждается и тем, что исследуемое нами "Заключение" незамедлительно после его подписания было опубликовано в польской печати, а оттуда перекочевало в российские средства массовой информации.

Произошло разглашение материалов уголовного дела, вокруг которых опять возникли политические дебаты. Сделано это было умышленно, чтобы уже до окончания предварительного расследования сформировать общественное мнение об убийстве поляков сотрудниками НКВД СССР.

Подобное обнародование состоялось по предложению "экспертов", которые в п. 15 выводов записали: "...данное заключение комиссии и постанов-

ление Главного управления Генеральной прокуратуры по делу № 159 "О фактах расстрела польских военнопленных" должны быть опубликованы аналогично предшествующим экспертизам по Катынскому делу".

Подобное требование "экспертов" недопустимо, оно противоречит российскому процессуальному законодательству и является беспрецедентным в судебно-следственной практике.

Исходя из этих и других фактов, можно утверждать, что следствие военной прокуратуры не носило самостоятельный, объективный характер, а было заложником политических интриг и амбиций. Этот вывод базируется и на материалах "круглого стола" по теме "Катынь – правовые и политические аспекты", состоявшегося 19 апреля 2010 г. в Государственной Думе, на котором было установлено, что **следователи прокуратуры получили указание расследовать и доказывать только одну версию – о расстреле польских офицеров НКВД СССР. Другие обстоятельства и версии были отброшены, а доказательства, подтверждающие расстрел пленных поляков немцами после оккупации ими летом – осенью 1941 г. Смоленской области, проигнорированы**.

Необъективность следствия подтверждается и тем, что в ходе него были допущены грубые нарушения законности, в том числе и граничащие с коррупционными проявлениями. Отмечены недопустимые факты непосредственной передачи следователями документов уголовного дела польской стороне, факты нарушения процессуальной этики, выразившиеся в систематическом посещении ими польского посольства в г. Москве и Дома российско-польской дружбы, где для них устраивались фуршеты и иные застолья. Следователи без большой надобности выезжали в длительные служебные командировки в Польшу и на отдых за счет польской стороны. **За усердие перед поляками они были награждены высокими государственными наградами Польши.**

"Эксперты" вопреки своим полномочиям, как уже отмечалось ранее, не имели права определять юридическую квалификацию содеянного и не имели полномочий заявлять о целесообразности ареста П. К. Сопруненко и Д. С. Токарева, привлечении их к судебной ответственности и наказанию в России.

И вовсе являются недопустимыми утверждения об отсутствии в действиях польских военнопленных и других польских граждан какого-либо состава преступления. Для подобных выводов у экспертов не было никаких оснований, ибо в материалах уголовного дела ГВП не исследовалась деятельность каждого военнопленного, тем более имена всех погибших на тот период не были установлены, как не установлены они и сейчас.

Таким образом, осуждая бериевское правосудие, "эксперты" в своих оценках и приемах скатились на опасную стезю огульного обвинения сотрудников НКВД и руководства СССР.

Уголовно-правовая оценка всегда носит индивидуальный характер, к тому же в материалах дела отсутствуют сведения о поведении поляков до их пленения. А это очень важный аспект.

В исторических документах и литературе приведена масса свидетельств о жестоких расправах поляков, в том числе и офицерства, над белорусами и украинцами после оккупации Польшей территорий Западной Белоруссии и Западной Украины в 1919–1920 гг. По польским архивным данным, на оккупированных землях лишь в 1922 г. произошло в разных местах свыше 800 восстаний против панского засилья. Польские офицеры, получившие во владение захваченные земли, вели активное ополячивание и окатоличивание белорусского и украинского населения. С помощью карательных частей, жандармов и прочих служителей было отобрано у православных 288 храмов, 7 монастырей, более 100 церквей. К 1921 г. в Западной Белоруссии из 400 национальных школ осталось не более 37. При подавлении выступлений коренного населения использовались армия, в частности кавалерийские дивизии. Тысячи белорусов, украинцев, евреев, боровшихся за свои социальные и национальные права, были убиты или заключены в Березово-Картузовский концентрационный лагерь.

В начале 30-х годов в уголовном законодательстве Польши была установлена ответственность в виде лишения свободы не менее чем на десять лет или вечной тюрьмы за стремление изменить государственный строй, а стремление "оторвать часть ее территории" подлежало наказанию тюрьмой не менее чем на десять лет, или вечной тюрьмой, или смертью. Несомненно, такое

воздействие в первую очередь было направлено на жителей Западной Белоруссии и Западной Украины.

"Эксперты", без сомнения, не только вышли за пределы своей компетенции, но и недопустимо присвоили себе предусмотренные ст. 71 УПК РСФСР функции суда и органа предварительного расследования по оценке имеющихся в уголовном деле доказательств. Более того, в ст. 13 УПК РСФСР прямо указано, что правосудие по уголовным делам осуществляется только судом, и никто не может быть признан виновным в совершении преступления, а также подвергнут уголовному наказанию иначе как по приговору суда и в соответствии с законом.

О выходе "экспертов" за пределы своей компетенции свидетельствует и факт самостоятельного сбора ими исходного доказательственного материала для исследования, помимо представленных им для изучения материалов дела.

Так, в разделе "Исследование" текст экспертизы начинается словами: "Изучив материалы уголовного дела № 159, собранные документы...". Из этого следует, что комиссия исследовала не только материалы уголовного дела № 159, но и некие другие документы, собранные непосредственно комиссией, то есть присвоила себе предусмотренные ст. 70 УПК РСФСР функции уполномоченных государством субъектов по сбору и оценке доказательств по уголовному делу.

3. Экспертами произведена подмена объекта и цели исследования.

Перед экспертами была поставлена конкретная задача – определить, какие из приведенных в описательной части постановления о назначении экспертизы документы могут быть признаны доброкачественными (надо полагать – доказательными), содержащиеся в них выводы – научными и обоснованными (включая польские документы и документы комиссии академика Бурденко Н. Н.), а также на основе собранных в ходе следствия доказательств сделать новые выводы о сроках, причинах, мотивах и обстоятельствах гибели польских граждан. То есть объектом экспертного исследования должны быть материалы уголовного дела и собранные в нем доказательства.

Анализ текста представленного "экспертами" "Заключения" показывает, что никаких исследований документов уголовного дела № 159 в рамках данной экспертизы не проводилось.

"Эксперты" фактически заменили в силу своего разумения объект, представленный на экспертизу (документы), на то, что им было, видимо, ближе и доступнее, – на повествование об истории советско-польско-германских отношений в своей интерпретации с претензией на политическую оценку происходящих процессов как в СССР, так и между СССР, Польшей и Германией.

Они пространно рассуждают о вещах, не имеющих отношения к предмету доказывания по данному делу, – о Рижском мирном договоре, о героическом сопротивлении Польши втягиванию ее в Антикоминтерновский союз, о замыслах Сталина, верхушки партийно-государственного аппарата по разделу польских земель, о предательском, вероломном нападении Красной Армии на ведущую "героическую борьбу" с немецко-фашистскими войсками Польшу, о вынашиваемых и реализуемых руководителями СССР коварных селективно-репрессивных акциях по ликвидации польского государства и т. д. Особо следует отметить категоричность и повторяющиеся с настойчивостью утверждения об уничтожении цвета польской интеллигенции, ученых с мировыми именами, о нарушениях Советским Союзом норм Гаагской конвенции 1907 г. "О законах и обычаях сухопутной войны", других международных договоренностей, о том, как вместо отправки домой польских граждан заставляли жестоко и незаслуженно страдать в страшных сталинских лагерях.

В этих отвлеченных экскурсах, замешанных на подтасовках фактов, в рассуждениях о правах человека с позиций сегодняшнего дня нет главного – упоминания о результатах исследования каких-либо документов уголовного дела на их подлинность, достоверность, относимость и допустимость, о самой гибели пленных поляков.

Очевидно, это было сделано не случайно. Начни эксперты исследовать на подлинность главный козырь сторонников теории сталинского геноцида польского народа, на который они многократно ссылаются в своем "Заключении", – известную записку Л. П. Берии И. В. Сталину, "вдруг обнаруженную" Б. Н. Ельциным в сентябре 1992 г. (напомним, что данная экспертиза назначена Яблоковым А. Ю. еще 17 марта 1992 г.), и сразу возникнут вопросы: **по-**

чему в материалах дела нет ее подлинника, других решений ВКП(б) по данному вопросу, почему на ней отсутствует дата, почему текст из четырех машинописных листов выполнен на разных машинописных аппаратах; почему выписка из протокола заседания Политбюро ЦК ВКП(б) № 13/144 от 5 марта 1940 г. никем не заверена; почему 24 сентября 1992 г. Конституционный суд по так называемому делу "о запрете КПСС" усомнился в подлинности этих "исторических документов" и исключил "катынский эпизод" из рассмотрения.

А усомниться было в чем. На выписке из решения Политбюро ЦК ВКП(б) (тоже якобы от 5 марта 1940 г.) о расстреле польских пленных имеются подчистки, исправления. Отсутствуют оттиск печати, подпись секретаря ЦК, не обозначена его фамилия. Согласно отметке на выписке она была отпечатана в четырех экземплярах: одна из них передана Берии, две уничтожены и одна осталась в архиве на постоянное хранение.

Однако после обнародования Росархивом 28 апреля 2010 г. документов "Особой папки" оказалось, что в ней имеется еще одна выписка, которая в 1959 г. якобы передавалась председателю КГБ Шелепину. Выписка также датирована мартом 1940 г. Но на ней уже указана фамилия секретаря ЦК КПСС – "Сталин" и **стоит оттиск печати – "ЦК КПСС", хотя общеизвестно, что в 1940 г. компартия не называлась КПСС, а именовала себя ВКП(б)**.

Записка Шелепина Н. С. Хрущеву от 3 марта 1959 г. пролежала в ЦК КПСС шесть лет без регистрации, а в самой записке в каждом абзаце и предложении – масса неточностей, искажений известных фактов и орфографические ошибки.

Подобные вопросы имеются по всем основным документам уголовного дела, но ответов на них в рассматриваемом экспертном "Заключении" по понятным причинам нет.

Изложенное выше позволяет сделать вывод, что составлявшие "Заключение" специалисты в рамках своего экспертного исследования под прикрытием якобы проведенных ими научных изысканий сознательно ушли от предмета и цели исследования для пропаганды и агрессивного навязывания немецко-польской версии гибели польских военнопленных на территории Советского Союза. К тому же в "Заключении" нет ни описаний исследований, ни ссылок на примененные научно разработанные и признанные методики этих исследований.

4. "Заключение" экспертов составлено с нарушением требований уголовно-процессуального закона.

Согласно ст. 80 УПК РСФСР эксперт дает заключение от своего имени на основании произведенных исследований в соответствии с его специальными знаниями и несет за данное заключение личную ответственность.

Пленум Верховного Суда СССР в Постановлении от 16 марта 1971 г. № 1 "О судебной экспертизе по уголовным делам", разъясняя применение названной выше нормы уголовно-процессуального закона, указал (п. 6), что "когда для установления того или иного обстоятельства невозможно путем проведения отдельных экспертиз, либо это выходит за пределы компетенции одного эксперта или комиссии экспертов, может быть назначено проведение ряда исследований на основе использования разных специальных познаний. Эксперты вправе при этом составить совместное заключение. В заключении экспертов должно быть указано, какие исследования провел каждый эксперт, какие факты он лично установил и к каким пришел выводам".

В данном случае "Заключение" экспертов не соответствует требованиям закона. В нем не указаны исследования, проведенные каждым специалистом, какие конкретно факты в ходе этих исследований установил эксперт и к каким выводам каждый из них пришел в результате проведенных исследований.

При таких обстоятельствах следует признать, что экспертами допущено существенное нарушение уголовно-процессуального закона, вследствие чего "Заключение" не может иметь доказательственного значения.

5. В "Заключении" приведены не соответствующие действительности факты, искажающие обстоятельства описываемых событий.

Так, в п. 1 выводов указано, что в ходе проводимых Главной военной прокуратурой летом 1991 г. эксгумаций установлен факт убийства органами НКВД весной 1940 г. содержащихся в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях 14522 польских военнопленных.

Между тем в 1991 г. следственной группой ГВП совместно с польскими специалистами при проведении частичных эксгумаций в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова было извлечено 167 останков, на территории недалеко от п. Медное Тверской области (в прошлом Калининской области) эксгумировано 243 тела. **Сколько из них принадлежат гражданам Польши, следствием не установлено.** Кадры оперативной съемки показывают, что из захоронений извлекались разрозненные кости, черепа и их фрагменты (источник – РИА Новости, 9 октября 2008 г.).

Как видим, следственная группа ГВП при проведении эксгумации тел летом 1991 г. не могла выкопать и идентифицировать по национальному признаку 14 522 тела.

К этому надо добавить, что эксгумацию фактически проводили польские специалисты. Они же провели и исследование полученных материалов, якобы найденных в захоронениях, которые не были приобщены к уголовному делу, а увезены в Польшу. Такое недопустимо при расследовании уголовных дел, это ставит под сомнение всю имеющуюся в деле доказательную базу.

В основу сделанного в "Заключении" вывода о массовом расстреле польских военнопленных органами НКВД положены опубликованный 10 июня 1943 г. информбюро Германии "Официальный материал по делу массового убийства в Катыни" и отчет Технической комиссии Польского Красного Креста. При этом со ссылкой на "Конфиденциальный отчет ПКК" подчеркивается, что все технические действия и работы в ходе эксгумации 1943 г. провели члены ПКК и ее выводы совпадают с изложенными в немецком "Официальном материале".

Однако это утверждение не соответствует действительности.

На самом деле в Смоленск 14 апреля 1943 г. прибыли 3 польских эксперта из состава Технической комиссии Польского Красного Креста. Технической она была названа, чтобы подчеркнуть ее неофициальный характер. Еще 12 человек прибыли в Катынь 29 апреля 1943 г. во главе с доктором судебной медицины Марианом Водзиньским. Работали в Козьих Горах до 9 июня 1943 г. под надзором немецкой жандармерии.

Как следует из отчета Технической комиссии ПКК, большую часть трупов немцы эксгумировали самостоятельно до приезда членов ПКК и иностранных специалистов, а "члены комиссии, занятые поиском документов, не имели права их просмотра и сортировки. Они обязаны были только указывать следующие документы: а) бумажники; б) всевозможные бумаги; в) награды; г) медальоны; д) погоны; е) кошельки; ж) всевозможные ценные предметы". Все эти предметы и иные вещи находились в полном распоряжении немецких специалистов и жандармов. Представителям из состава Международной комиссии и членам ПКК было дозволено осмотреть (не исследовать, а именно осмотреть) 9 извлеченных из могил трупов. Как признают сами эксперты, упомянутая Международная комиссия была сформирована в апреле 1943 г. в Берлине для придания международного резонанса Катынскому дела, и член этой комиссии венгерский профессор Ф. Оршос "выдвинул гипотезу, что расстрел имел место в 1940 г.". Эксклюзивная методика, на основании которой выдвигалась гипотеза Ф. Оршоса, естественно, является тайной и в "Заключении" не раскрывается.

Нет необходимости погружаться в более детальный разбор всей "исследовательской" деятельности так называемой Международной комиссии и ПКК, чтобы понять, что их присутствие на устроенном немцами спектакле с эксгумацией, опознанием и сбором доказательств носило чисто показательный, декоративный характер, **результат этого мероприятия был заранее предрешен в Берлине**, а выводы комиссии и членов ПКК по определению не могли не совпадать с выдвинутой немцами версией о произошедшей трагедии.

Следует отметить, что никаких внятных вещественных или иных доказательств, позволяющих сколько-нибудь определенно подтвердить польско-немецкую версию гибели польских военнопленных, нет, и они не приводятся в "Заключении" экспертов. Однако в изобилии присутствуют откровенные подлоги, искаженные факты, доведенные до абсурда домыслы, с помощью которых сделана попытка доказать, что только Советский Союз, испытывая патологическую ненависть к полякам, мог учинить злодеяния против польского народа, равносильные геноциду.

6. Выводы экспертов основаны не на фактическом материале, а на вероятностных предположениях, выдаваемых в дальнейшем за конкретные и однозначные.

Как уже отмечалось, эксперты в категорической форме заявили, что расстрел около 22 тысяч польских военнопленных совершен в апреле-мае 1940 г. органами НКВД СССР. Такой вывод, по признанию самих экспертов, сделан на основе изучения немецкого "Официального материала", отчета Технической комиссии Польского Красного Креста, анализа польскими экспертами результатов работы Специальной комиссии Н. Н. Бурденко.

Однако эксперты ГВП стыдливо умолчали, что еще в декабре 1945 г. два ведущих польских профессора судебной медицины Ян Ольбрыхт и Сергиуш Сенгалевич осуществили научную судебно-медицинскую экспертизу (отзыв) "Официального материала о Катынском убийстве", подготовленного немецким профессором Герхардом Бутцем, руководившим немецко-польской эксгумацией в Козьих Горах в 1943 г. Их мнение было следующим: выводы, сделанные проф. Бутцем, "не выдерживают никакой критики". Ольбрыхт и Сенгалевич доказали, что команда Бутца осуществляла эксгумацию в Катыни с грубейшими нарушениями канонов эксгумации, **фальсифицируя результаты**. Исследование названных медэкспертов настолько аргументированно, что ни поляки, никто другой не посмели его опровергнуть.

В заключительной части экспертизы (п. 14) указано, что "сообщение Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко, выводы комиссии под руководством В. И. Прозоровского, проигнорировавшие результаты предыдущей эксгумации и являвшиеся орудием НКВД для манипулирования общественным мнением, в связи с необъективностью, фальсификацией вещественных доказательств и документов, а также свидетельских показаний, следует признать не соответствующими требованиям науки, постановления – не соответствующими истине и поэтому ложными.

Проведенный польскими экспертами анализ "Сообщения Специальной комиссии..." является полностью обоснованным с научно-исторической точки зрения и доказательно ставящим под сомнение состоятельность выводов Специальной комиссии под руководством Н. Н. Бурденко".

В обоснование своих выводов эксперты приводят следующие аргументы:

– комиссия Бурденко Н. Н. не была не только международной, но даже не включала деятелей находившейся в СССР польской общественности (например, Союза польских патриотов);

– объем работ судебно-медицинских экспертов, руководимых директором НИИ судебной медицины, главным судебно-медицинским экспертом Министерства здравоохранения СССР Прозоровским В. И., был принципиально иным, чем в экспертизе первичного исследования в 1943 г.: производилось полное секционное исследование всех извлеченных трупов (вскрытие полостей головы, груди, живота), при этом установка была дана на изобличение определенного способа расстрела, якобы характерного для немецких палачей, на поиск опровержения выводов немцев;

– выводы комиссии Н. Н. Бурденко были звеном в цепи фальсификаций, предпринятых сталинским партийно-государственным руководством и органами НКВД для сокрытия правды о катынском злодеянии;

– доказательства даты расстрела весной 1940 г. "содержались в многочисленных обнаруженных на трупах документах (газетах, дневниках и др.) с последним обозначением март – май 1940 г.".

Между тем, делая столь серьезные заявления, назначенные эксперты не смогли привести, кроме голословных домыслов, никаких доказательств, подтверждающих, что комиссия под руководством Н. Н. Бурденко являлась "орудием НКВД" в манипулировании общественным мнением.

В акте экспертизы также не раскрыто, в чем именно проявилась необъективность комиссии Н. Н. Бурденко. **Не показано, какие конкретно документы, вещественные и иные доказательства были комиссией Н. Н. Бурденко сфальсифицированы и в результате каких исследований, кем, по каким научным методикам это установлено.**

Признавая выводы комиссии под руководством Н. Н. Бурденко не соответствующими требованиям науки, эксперты не назвали, о каких именно требованиях науки идет речь, каким из них конкретно выводы комиссии Н. Н. Бурденко не соответствуют и каковы критерии определения соответст-

вия тех или иных выводов, суждений требованиям науки. Более того, эксперты сами себя опровергли, признав, что "в настоящее время однозначно оценить, являются или нет научно обоснованными выводы комиссии Н. Н. Бурденко в своей судебно-медицинской части, нельзя" (п. 10 выводов).

Таким образом, следует признать, что все обвинения, высказанные экспертами в адрес комиссии Н. Н. Бурденко, являются несостоятельными и голословными.

Точно так же бездоказательно и без каких-либо вразумительных доводов авторы экспертизы **предлагают безоговорочно признать единственно правильной (!) и научно обоснованной немецко-польскую (точнее, немецкую) версию гибели польских военнопленных**.

Однако заявили, что в 1943 г. у экспертов международной комиссии врачей не имелось объективных научных предпосылок (в частности, четкого знания каких-либо закономерностей вариантности развития поздних трупных явлений в условиях массового захоронения) для того, чтобы по исследованным ими (конкретным судебно-медицинским способом) трупам в Катынском лесу сделать заключение о дате захоронения с точностью, позволяющей отнести ее на 1940-й или 1941 г. Экспертами также отмечено, что невозможность определения дат захоронения в массовых могилах по исследованным трупам зафиксирована и в заключении Технической комиссии Польского Красного Креста.

Далее в "Заключении" отмечено: "Проводившиеся ранее исследования на основе материалов эксгумации в Катынском лесу позволили установить наличие события преступления, но оставляли открытым вопрос об окончательном установлении его срока, виновников, причин, мотивов и обстоятельств" (п. 8 выводов), "по судебно-медицинским данным эксгумаций в Харькове и Медном невозможно определить время наступления смерти погибших" (п. 13 выводов).

Понимая, что с такими откровениями не считаться нельзя, авторы "Заключения" делают следующее предположение: "Видимо, по этим же причинам и международная комиссия врачей в 1943 г. не посчитала возможным дать судебно-медицинскую характеристику давности захоронения (расстрела) польских военнопленных, и в своих выводах они указывали лишь на то, что состояние трупов не противоречит дате расстрела в 1940 г., которая установлена только на основании документов, обнаруженных при трупах. Такую же позицию занимали и эксперты ПКК".

На отмеченных выше документах следует остановиться отдельно.

В разных местах "Заключения" упоминается об обнаружении так называемых вещественных доказательств – документов, советских газет – на трупах, при трупах, "из слипшихся трупов и в большом количестве", свидетельствующих о гибели польских военнопленных весной 1940 г. Однако какие именно документы, их название, предназначение и описание, как и где они были изъяты, – об этом в экспертизе ничего не сказано.

При этом "эксперты" и не заметили, что своими утверждениями о наличии "вещественных доказательств" они фактически опровергли собственную версию о расстреле поляков сотрудниками НКВД СССР, предъявлявшими, как известно, жесткие требования к процедуре расстрела, – это полная скрытность места его проведения, отсутствие у расстреливаемого, в его одежде документов и вещей, способных его идентифицировать.

В связи с этим уместно привести высказывание ярой сторонницы геббельсовской версии о расстреле военнопленных доктора исторических наук Н. Лебедевой: "Конвоиры отбирали у пленных их личные вещи – котелки, фляги, кружки, вещевые мешки, чемоданы, ремни, сапожные щетки, острые предметы. Все это сваливалось в кучу и забивалось в ящики без учета и описи, кому принадлежит та или иная вещь" (Лебедева Н. С. "Катынь: преступление против человечества". С. 240).

Как видно из отчета Технической комиссии Польского Красного Креста от 17 апреля 1943 г., все, что находили во время эксгумации трупов, забиралось в полное распоряжение немцев. Члены польской комиссии не имели права ничего просматривать и сортировать.

Из этого следует однозначный вывод – весь арсенал вещественных доказательств в 1943 г. полностью формировался немцами по своему усмотрению. Никто из экспертов в руках их не держал и, естественно, не исследовал. Но при этом эксперты пытаются убедить всех, что документы, подтверждаю-

щие осуществление акций по уничтожению поляков именно весной 1940 г., были, но, к сожалению, их уже нет.

Ущербность такой позиции, когда желаемое выдается за действительное, очевидна.

Комиссия Бурденко в 1944 г., согласно ее отчету, вскрыла под Катынью 925 трупов поляков и пришла к выводу о расстреле их немцами. Комиссия Геббельса в апреле 1943 г., если даже признать ее выводы достоверными, провела исследование чуть более 4 тыс. трупов.

Главная военная прокуратура, как следует из материалов уголовного дела, в 6-м квартале лесопарковой зоны Харькова (25 июля – 9 августа 1991 г.) вскрыла 167 останков поляков и в Медном Тверской области (15–25 августа 1991 г.) – 243 трупа. Отметим, что эксгумацию фактически проводили польские специалисты. Таким образом, можно говорить о количестве всех эксгумированных трупов – не более 6 тысяч. Сотрудникам же НКВД и членам Политбюро ВКП(б), как уже отмечалось, вменяют в вину расстрел более 21 тысячи поляков. Этот вывод сделан на основе предположений, сомнительных документов, не подвергнутых глубокому экспертному исследованию. К тому же в отсутствие эксгумированных трупов и без установления их национальности вменять в вину указанное количество жертв является недопустимым с правовой и просто здравой точки зрения.

Важность этого положения усиливается и тем, что подавляющее количество списков жертв следствию представила польская сторона. Они не были глубоко проверены на предмет достоверности, гибели лиц, указанных в списках, времени, места и причин смерти.

Материалы комиссии Н. Бурденко не утратили своей актуальности и являются весомой доказательной базой вины немцев в расстреле польских офицеров в августе–декабре 1941 года под Смоленском в районе Козьих гор (Катынь).

Выводы комиссии в совокупности с доказательствами, собранными историками, юристами, иными исследователями "катынского вопроса" в послевоенный период, убедительно опровергают геббельсовско-польскую версию о расстреле поляков органами НКВД СССР.

Назовем лишь некоторые, наиболее существенные из них.

Важным доказательством, подтверждающим расстрел поляков в Катынском лесу именно немцами, является наличие гильз от немецкого оружия на месте расстрела, наличие пуль в трупах от немецкого оружия. У многих жертв руки были связаны бумажным шпагатом, который в 1940 г. в СССР не производился, а производился в Германии. Проигнорировано и то обстоятельство, что на многих убитых находилась теплая одежда, что опять подтверждает выводы комиссии Бурденко о том, что поляки были расстреляны в большинстве своем осенью – зимой 1941 г., а не в апреле – мае 1940 г.

Перед отправкой из Козельского лагеря в распоряжение НКВД по Смоленской области всем польским военнопленным были сделаны прививки от брюшного тифа и холеры (весной 1940 г.). Этот факт был отмечен в ходе немецкой эксгумации в 1943 г.

Если везли на расстрел, как утверждают авторы "Заключения", тогда зачем делали прививки?

Отсутствие в архивах каких-либо документов "об исполнении" расстрела поляков. Они неизбежно должны быть, если бы расстрел военнопленных осуществили органы НКВД СССР. Этот вывод подтверждается наличием сохранившихся материалов на этапирование в лагеря на работы военнопленных поляков в распоряжение УНКВД по Смоленской области.

Отсутствие реальной "технической" возможности "незаметно" осуществить расстрел нескольких тысяч поляков в 1940 году в урочище Козьи горы в открытом месте, в зоне отдыха, пионерских лагерей, в 200 метрах от оживленного движения на Витебском шоссе. Это место было открытым для посещения жителей Смоленской области и не закрывалось до того момента, когда в 1941 году немцы обнесли его колючей проволокой и поставили вооруженную охрану.

Расстрел поляков немцами подтверждается многочисленными свидетельскими показаниями, находящимися в материалах комиссии Н. Бурденко, а также дополнительными свидетельствами, собранными в послевоенный период, в том числе пояснениями немцев, имевших отношение к катынским событиям.

Подводя итог вышесказанному, можно однозначно утверждать, что "Заключение" от 2 августа 1993 г. по уголовному делу № 159 не соответствует требованиям уголовно-процессуального закона, содержащиеся в нем выводы тенденциозны, необъективны и юридически ничтожны.

Не может быть объективно признанной и данная "экспертами" политико-правовая оценка ситуации, в которой находился Советский Союз в 1939 г., его отношений с Польшей и Германией. Их исследования и выводы также носят откровенно политизированный, односторонний, русофобский характер. Были проигнорированы жизненно важные на тот период интересы СССР, вопросы его безопасности.

Авторы "Заключения" не без оснований решили начать рассмотрение "катынского дела" с вопросов развития советско-польско-германских отношений перед Второй мировой войной. Однако, поставив такую задачу, они ограничились упоминанием о Рижском мирном договоре 1921 г., советско-польском договоре о ненападении 1932 г., конвенции об определении агрессии, заключенной между Польшей и СССР в 1933 г., и ряда других далеко стоящих от предмета доказывания событий. Авторы "Заключения" лишь вскользь упомянули о том, что до войны "советско-польские отношения развивались трудно". Зато немало было сказано о советско-германском договоре о ненападении от 23 августа 1939 г. и советско-германском договоре о государственной границе и дружбе от 28 сентября 1939 г. Вряд ли такой выбор событий в международной жизни на протяжении двух десятилетий достаточен для взвешенной оценки сложнейших вопросов, во многом обусловивших начало Второй мировой войны.

С первых же дней существования Польской республики ее отношения с РСФСР обострились. 2 января 1919 г. в Варшаве была расстреляна жандармами миссия Советского Красного Креста во главе с Б. Веселовским. Правительство И. Падеревского, пришедшее к власти 19 января 1919 г., продолжило антисоветскую политику своих предшественников, развернув вооруженные действия по захвату земель Украины и Белоруссии. В ходе этой необъявленной войны Западная Украина и большая часть Белоруссии, включая Минск, были захвачены польскими войсками.

Авторы "Заключения" скрывают то обстоятельство, что Рижский мирный договор был навязан советской стране, разоренной и ослабленной Гражданской войной, под угрозой возобновления военной интервенции западных держав. Этот договор не разрешил проблем, приведших к войне 1920 г., а породил новые, осложнявшие отношения между Польшей и Советским Союзом на протяжении последующих лет.

В ходе ассимиляции, или "полонизации", украинцев и белорусов ликвидировались православные церкви. Уже к концу 1924 г. большинство белорусских начальных школ было закрыто или превращено в польские. Учителя уволены, многие из них брошены в концентрационные лагеря. К 1939 г. не осталось ни одного издания на белорусском языке. Польский министр Скульский заявлял в 1925 г.: "Я заверяю вас, что через десять лет вы днем с огнем не найдете ни единого белоруса в Польше".

Последствия этой политики геноцида были отражены в меморандуме белорусских депутатов сейма, направленном 5-й сессии Лиги наций, в котором говорилось: "Белорусский народ испытывает немыслимый террор от поляков... Телесным наказаниям подвергаются белорусские крестьяне... В начале года депутат Тарашкевич посетил Полесье; он не обнаружил ни одной деревни, где кто-либо избежал безжалостных избиений со стороны поляков... Польская полиция... выработала систему утонченных пыток".

Столь же безжалостным было национальное угнетение украинцев. Борьба за права населения Западной Украины и Западной Белоруссии органично соединялась с сопротивлением национальному гнету Варшавы.

Заключение Рижского мирного договора не привело и к ликвидации многих последствий войны 1920 г. Вопреки положениям этого договора в концентрационных лагерях Польши продолжали содержаться в невыносимых условиях советские военнопленные. 9 сентября 1923 г. нарком иностранных дел РСФСР Г. Чичерин в ноте польскому поверенному в делах России писал: "В течение двух лет из 130 тысяч русских пленных в Польше умерло 60 тысяч".

Авторы "Заключения" скрыли, что правительства довоенной Польши грубо нарушали положения Рижского мирного договора, поддерживая диверси-

онную деятельность различных антисоветских группировок вроде формирований самозваного "начальника Белорусского государства" генерал-майора С. Н. Булах-Булаховича.

В межвоенные годы Польша постоянно стояла в авангарде внешнеполитических действий, направленных против Советского Союза. В это время она активно поддерживала усилия западных держав по созданию "санитарного кордона", изолирующего СССР от европейского мира.

На советско-польской границе не прекращались вооруженные провокации, а территория Польши служила базой для вылазок диверсионных террористических банд. 15 марта 1922 г. Народный комиссариат иностранных дел РСФСР обратился с нотой протеста к ведущим странам Западной Европы по поводу событий на западной границе советских республик. В ней указывалось: "Русское правительство имеет неопровержимые доказательства формирования враждебных банд на территории соседних государств". В связи с тем, что "против Советской России заключаются новые военные союзы", НКИД высказал тревогу по поводу возможности "новой военной интервенции, открытой или замаскированной".

Несмотря на это, 31 марта – 3 апреля 1925 г. на конференции Генеральных штабов Польши, Латвии и Эстонии было принято решение о координации действий разведок этих стран против СССР. Распределены зоны разведки на территории нашего государства, достигнута договоренность об обмене развединформацией.

1927 г. был отмечен всплеском новой международной антисоветской кампании, в ходе которой выдвигались планы развязывания интервенции против СССР. Частью этой кампании стало убийство советского полпреда в Варшаве Войкова.

Эта кампания была продолжена в 1930 г., после того, как папа римский Пий XII призвал верующих к "молитвенному походу" против СССР. Правительство католической Польши живо откликнулось на инициативу Ватикана. В ходе состоявшихся в течение 1930-х годов обменов визитами между правительственными делегациями Эстонии и Польши постоянно обсуждались планы военного нападения на СССР.

Упомянув о советско-польском договоре о ненападении 1932 г., авторы "Заключения" пишут: "Ошибочно было бы приписывать польской стороне прогерманский, прогитлеровский курс. Ю. Бек, польский министр иностранных дел, действовал с позиции равной удаленности от Германии и России – "двух врагов". На самом деле "равной удаленности" не существовало.

Крен польского правительства в сторону Германии усилился после прихода к власти Гитлера. В своих беседах с польским посланником Высоцким в мае 1933 г. Гитлер всячески подчеркивал не только "миролюбие" и "уступчивость" Германии, но и "общность задач" двух стран в борьбе против "угрозы с Востока". Приведенные заявления нашли отклик в правящих кругах Польши, которые подогревались новыми призывами к общей борьбе против коммунизма и рассуждениями о том, что "расположенная на границе Азии" Польша должна сыграть роль "бастиона". Эти слова прозвучали в беседе Гитлера с польским послом Липским 15 ноября 1933 г.

Сближение Польши и гитлеровской Германии нашло выражение в подписании 26 января 1934 г. декларации о мирном разрешении споров.

В это время Германия уже вышла из Лиги наций и встала на путь милитаризации. Незадолго до подписания польско-германской декларации 19 декабря 1933 г. СССР предложил ряду европейских стран подписать договор о взаимной помощи против агрессии. Предполагалось, что в этом договоре могли бы принять участие помимо СССР и Франции Бельгия, Чехословакия, Польша, прибалтийские страны, то есть те государства, которые граничили с Германией и могли бы стать жертвами ее агрессии. Однако предложения Советского Союза были отклонены.

В "Заключении" ни слова не сказано о соучастии Польши в разделе Чехословакии, но зато утверждалось, будто правительство Польши с 1936 г. отвергало призывы Германии к совместным действиям против СССР. При этом было сказано, что 25 ноября 1936 г. Германия пригласила Польшу присоединиться к Антикоминтерновскому пакту, но она не согласилась с предложением. На самом деле 25 ноября 1936 г. так называемый Антикоминтерновский пакт был подписан между Германией и Японией, а Польше в тот день никто

никаких предложений по поводу присоединения к этому пакту не делал. В то же время совместные действия Германии и Польши по срыву Восточного пакта, разделу Чехословакии, по плану раздела Прибалтики имели явную антисоветскую направленность.

Дипломаты, а также иные должностные лица Польши и Германии длительное время вели между собой переговоры об укреплении своих связей и возможном захвате земель Советского Союза. При этом высказывалось мнение, что Украина стала бы зоной влияния Польши, а северо-запад России – зоной Германии.

Авторы "Заключения" умалчивают о том, что польское правительство 11 мая 1939 г. отвергло предложение Советского правительства о заключении договора о взаимопомощи. Польша сохраняла верность своему антисоветскому курсу.

Умалчивается и о том, как западные державы затягивали решение вопроса о принятии срочных мер по оказанию отпора гитлеровской агрессии начиная с весны 1939 г. Когда переговоры с представителями Англии и Франции о заключении соглашения о военном сотрудничестве начались 12 августа 1939 г., советская делегация заявила о готовности направить для борьбы против агрессии 120 пехотных дивизий, 16 кавалерийских дивизий, 5 тысяч тяжелых орудий, 10 тысяч танков, 5 тысяч самолетов. Однако вскоре выяснилось, что советские войска по вине Польши не смогут приблизиться к армии агрессоров. Можно с полной уверенностью заявить, что **при согласии польской стороны с советскими предложениями ситуация в Европе имела бы иной характер, могло быть предотвращено нападение Гитлера на Польшу, его продвижение на восток**.

С 17 по 20 августа 1939 г. дипломаты Великобритании и Франции несколько раз обращались к польскому министру Беку с призывом согласиться на пропуск советских войск через польскую территорию, но получили отказ. Об этом нет ни слова в "Заключении", но зато там много высказано набившей оскомину критики относительно советско-германского договора о ненападении от 23 августа 1939 г.

Объясняя причины подписания СССР договора о ненападении с Германией, авторы "Заключения" утверждали: "Сталин рассчитывал, что путем сделки с Германией, нейтрализовав ее агрессию против СССР ценой раздела Польши, удастся ее "переиграть", потянуть время и столкнуть Гитлера с "оплотом западного империализма" – Англией и Францией". При этом они скрыли, что подписанию договора от 23 августа 1939 г. предшествовало Мюнхенское соглашение от 30 сентября 1938 г., позволившее Гитлеру захватить Чехословакию и развернуть агрессию против СССР.

Все это свидетельствует о том, что совершенно очевидно история польско-советских и польско-германских отношений изложена в "Заключении" крайне однобоко. Все, что не отвечает апологетическому восхвалению довоенной политики Польши, выброшено из повествования, ряд утверждений откровенно лжив. В результате политика Польши в отношении СССР и гитлеровской Германии искажена до неузнаваемости.

Такой же метод произвольной манипуляции с историческими и иными фактами авторы "Заключения" использовали и при изложении других аспектов так называемого "Катынского дела".

В частности, договор о ненападении между Германией и Советским Союзом от 23 августа 1939 г. и германо-советский договор о дружбе и границе между СССР и Германией от 28 сентября 1939 г. "экспертами" определены как волюнтаристские решения Сталина и верхушки партийно-государственного аппарата, навязанные стране и противоречащие интересам независимости ряда третьих стран. Фактически весь анализ опять-таки сведен только к "интересам" других государств, в первую очередь Польши, и нигде не говорится об интересах Советского Союза – они отброшены за ненадобностью.

Августовские договоры 1939 г. СССР подписал с Германией после того, как Англия и Франция, годом раньше согласившись с немцами по Мюнхенской договоренности об оккупации Гитлером Судетской области Чехословакии, отказались заключать с нами соглашение о создании антигитлеровской коалиции. И если уж говорить о морали в международных отношениях, то следует констатировать, что Польша поступила более чем безнравственно, "отхватив" у Чехословакии в этот сложный период часть ее территории.

Создается впечатление, что "эксперты" военной прокуратуры вовсе не знали или не хотели учитывать то, что СССР последним, находясь на грани дипломатической изоляции, подписал в августе 1939 г. с Германией договоры о ненападении и границе. Тогда как 30 сентября 1938 г. была подписана декларация о ненападении и мирном решении спорных вопросов между Германией и Великобританией, а 6 декабря того же года – аналогичная франко-германская декларация. Такой же договор с Германией имела и Польша.

7 июня 1939 г. договоры о ненападении с Германией заключили Латвия, Литва и Эстония. Поэтому утверждения о том, что договор СССР с Германией стал прологом ко Второй мировой войне, являются абсурдными, а в настоящее время они еще и густо окрашены политическими пристрастиями. Договор был инструментом обороны, а не агрессии, как об этом заявляют честные и совестливые политики, историки по Мюнхенской договоренности, дипломаты.

Однако политическое руководство Польши, ряда других государств и присоединившиеся к ним отдельные российские историки обвиняют Советский Союз в заключении с Германией секретных протоколов, которые якобы предопределили судьбу ряда соседних с ним государств. Речь идет о разграничении, в первую очередь, территориальных пограничных интересов в зоне других стран.

При этом ссылаются на секретный дополнительный протокол, в котором указано: "В случае территориально-политического переустройства областей, входящих в состав Польского государства, граница сфер интересов Германии и СССР будет приблизительно проходить по линии Нарев, Висла и Сан. Вопрос, является ли в обоюдных интересах желательным сохранение независимого Польского государства и каковы будут границы этого государства, может быть исключительно выяснен только в течение дальнейшего политического развития".

Общеизвестно, что подлинники секретных протоколов не установлены, и вопрос об их подписании и существовании так и остается открытым.

Если же и согласиться с их существованием, то Советский Союз, заявляя о возможности установления новых границ, преследовал определенные стратегические цели – вернуть СССР принадлежащие ему территории Западной Белоруссии и Западной Украины, которые были оккупированы Польшей и закрепились за ней по кабальному для Советской России Рижскому договору от 18 марта 1921 г. Сталинское политическое руководство, в своих конечных целях не предусматривавшее ликвидации Польши как самостоятельного государства (оно было восстановлено сразу же по окончании Второй мировой войны), "прирезало" к послевоенной Польше часть восточногерманских земель (а также передало Польше Белостокскую область и город Перемышль. – **Прим. ред.**), в дальнейшем же, как мы знаем, СССР оказывал огромную финансовую, материальную поддержку в восстановлении и развитии польской экономики.

Не надо забывать и тот факт, что только 17 сентября 1939 г. Советский Союз ввел войска Красной Армии на территорию Западной Белоруссии и Западной Украины, **только после того как польское правительство и главнокомандующий польскими вооруженными силами маршал Рыдз-Смиглы позорно бежали из страны**. Польша пожинала плоды своей недальновидной русофобской политики, отказавшись до нападения на нее Гитлера 1 сентября 1939 г. открыть коридоры для Красной Армии, чтобы та вместе с польскими войсками могла остановить немцев на ее западных границах.

Одновременно Советский Союз, реализуя свое право на защиту от немецкой агрессии и вернув принадлежащие ему территории Западной Белоруссии и Западной Украины, на определенный срок сдержал продвижение гитлеровцев по территории Польши дальше на восток, к ранее существовавшей советско-польской границе.

Уместно отметить, что после ввода войск Красной Армии ни само польское правительство, ни ее союзники Великобритания и Франция не посчитали СССР агрессором и не объявили ему войны.

По высказыванию Черчилля, ввод советских войск на украинскую и белорусскую часть Польши – вынужденная мера, которая была "...необходима, чтобы обезопасить Россию от нацистской угрозы". Об этом заявил человек, который хорошо знал военно-политическую обстановку того времени в Восточной Европе и был далеко не другом СССР.

Следует также отметить, что "эксперты" ГВП недобросовестно, с большими искажениями делают ссылки на Постановление 2-го съезда народных депутатов СССР от 24 декабря 1989 г. "О политической и правовой оценке советско-германского договора о ненападении от 1939 г.", отмечая, что сам договор с юридической точки зрения находился в противоречии с суверенитетом и независимостью ряда третьих государств.

Однако эксперты умышленно скрывают, что подобная оценка относится к так называемым "секретным протоколам", подлинники которых, как уже отмечалось, так и не установлены, и есть сомнения в том, что протоколы подписывались вообще.

Что касается самого договора, то съезд отметил: "Содержание договора не расходится с нормами международного права и договорной практикой государств, принятыми для подобного рода урегулирований..." (п. 3).

Заключался он "...в критической международной ситуации, в условиях нарастания опасности агрессии фашизма в Европе и японского милитаризма в Азии и имел одной из целей – отвести от СССР угрозу надвигавшейся войны" (п. 2).

Совершенно некорректными и неуместными являются обвинения "экспертов" в нарушении СССР Гаагской конвенции "О законах и обычаях сухопутной войны" от 18 октября 1907 г. Они вновь проявили необъективность, обеляя польскую сторону и оставляя без внимания ее методы ведения войны против России в 1919–1920 гг. Жестокое обращение польских властей с пленными красноармейцами в польских лагерях, по некоторым данным, стоило жизни свыше 80 тысячам человек.

В частности, явно несостоятельны утверждения экспертов, что СССР после окончания боевых действий не распустил польских военнослужащих по домам. Данное утверждение не соответствует действительности. **Из плененных 230–250 тысяч человек более половины сразу же были освобождены из плена – в первую очередь рядового и сержантского состава; свыше 70 тысяч военнопленных были отправлены в армию польского генерала Андерса** для ведения боевых действий с немцами в южной части Европы.

Повествуя, при каких обстоятельствах польские офицеры стали военнопленными, авторы "Заключения" обращают основное внимание на то, что вступление Красной Армии на польскую территорию произошло без формального объявления войны Польше. "Эксперты" словно не замечают ноты советского правительства, врученной польскому послу в Москве, где черным по белому сказано: "...польское правительство распалось и не проявляет признаков жизни, польское государство и его правительство фактически перестали существовать".

В "Заключении" говорится о разделе Польши между Германией и СССР. На самом же деле под советскую юрисдикцию, как мы уже отмечали, возвращены земли Западной Украины и Западной Белоруссии, то есть те территории, которые еще в 1919–1920 гг. ведущие державы мира признали не принадлежащими Польше.

Необъявление войны объяснялось и тем, что советские войска вступили в Польшу для того, чтобы, как говорилось в ноте, "взять под свою защиту жизнь и имущество населения Западной Украины и Западной Белоруссии". Они не имели намерения уничтожать остатки польской армии. **Учитывая это, главнокомандующий польской армии Рыдз-Смиглы перед своим бегством в Румынию отдал приказ не оказывать сопротивления Красной Армии.**

В "Заключении" нет ни слова о восторженном приеме солдат Красной Армии в западных областях Украины и Белоруссии. Между тем в своем исследовании "Революция из-за границы", подготовленном на основе письменных свидетельств поляков, покинувших СССР вместе с армией Андерса в 1942 г., Ян Гросс, которого никак нельзя заподозрить в просоветских симпатиях, признавал: "Следует отметить и сказать это недвусмысленно: по всей Западной Украине и Западной Белоруссии, на хуторах, в деревнях, городах Красную Армию приветствовали малые или большие, но в любом случае заметные, дружественно настроенные толпы. Толпы сооружали триумфальные арки и вывешивали красные знамена (достаточно было оторвать белую полосу от польского флага, чтобы он стал красным). Войска засыпали цветами, солдат обнимали и целовали, целовали даже танки. Иногда их встречали хлебом и солью".

Как отмечал Я. Гросс, "части польской армии, перемещавшиеся через восточные воеводства – их всего было несколько сот тысяч солдат, – во многих случаях наталкивались на недружественное отношение местного населения. Свои последние бои польская армия на своей территории вела против украинцев, белорусов, евреев". Так как последние обращались за помощью к советским войскам, то в стычки втягивалась и Красная Армия. Этим во многом объяснялись ее потери и одновременно аресты и последующее привлечение польских офицеров к уголовной ответственности. Часть из них была осуждена на сроки от 3 до 8 лет лишения свободы и работала на специальных объектах, а около 3,2 тыс. человек были расстреляны по приговорам военных трибуналов и "особых совещаний".

Попытки бывших польских офицеров организовывать среди местного польского населения заговоры против новой власти также вызывали аресты среди поляков. При этом основная часть населения Западной Украины и Западной Белоруссии усиленно помогала советским властям "разоблачать заговорщиков", даже если их деяния были не вполне очевидными.

Об этих моментах авторы "Заключения" стыдливо умолчали. Вместо этого они несколько раз настойчиво повторяют, что СССР не выполнял обязательства международных конвенций об обращении с военнопленными, подписанных в Женеве в 1864 г. и в Гааге в 1907 г. Поскольку авторам "Заключения" известно, что **к рассматриваемому периоду СССР не подписал эти конвенции**, то они уверяют, будто советское правительство делало устные заявления о готовности их выполнять. Между тем для того, чтобы страна стала участницей международной конвенции, ее полномочные представители должны подписать этот документ, а высший орган власти этой страны – ратифицировать.

Рассказывая об обстоятельствах пленения польских офицеров, авторы "Заключения" проявили не только недобросовестность в выборе исторического материала, но и невежество в вопросах международного права.

В своем "Сообщении" члены Комиссии Н. Н. Бурденко так объясняли причины уничтожения польских офицеров немцами: **"Расстреливая польских военнопленных в Катынском лесу, немецко-фашистские захватчики последовательно осуществляли свою политику уничтожения славянских народов".** Утверждая, что польские офицеры были расстреляны немцами, советские власти еще до начала работы комиссии под руководством Н. Н. Бурденко исходили из всего, что было известно о действиях немецко-фашистских оккупантов к весне 1943 г. Немало было известно и о планомерной политике уничтожения славянских и других народов, объявленных в гитлеровской Германии "неполноценными". Материалы, которые были затем представлены на Нюрнбергском процессе, подтвердили справедливость таких суждений.

Из них следует, что Польша стала объектом широкомасштабных репрессий в ходе нацистской оккупации. В известной записке М. Бормана, предъявленной на Нюрнбергском процессе, излагались принципы германской политики в превращенной в генерал-губернаторство Польше.

Германия уже с первых дней оккупации Польши начала проводить безжалостную политику по отношению к ее народу. В первый же год оккупации свыше двух миллионов поляков были вывезены на принудительные работы в Германию. Польское население подвергалось жестоким репрессиям. В интервью Ганса Франка, генерал-губернатора Польши, данном корреспонденту газеты "Фелькишер беобахтер" Клайссу 6 февраля 1940 г., объяснялось, чем отличается жизнь в протекторате Богемия и Моравия от жизни в генерал-губернаторстве: "Образно я могу об этом сказать так: в Праге были, например, вывешены красные плакаты о том, что сегодня расстреляно 7 чехов. Тогда я сказал себе: **"Если бы я захотел отдать приказ о каждых семи расстрелянных поляках, то в Польше не хватило бы лесов, чтобы изготовить бумагу для таких плакатов. Да, мы должны были поступать жестоко".**

Однако вскоре Франк заявил, что до сих пор оккупанты не действовали в полную силу при проведении репрессий. 30 мая 1940 г. в своем выступлении перед руководителями полиции генерал-губернаторства Ганс Франк говорил: "10 мая началось наступление на западе, и в этот день во всем мире пропал интерес к событиям, которые происходят здесь у нас". Франк жаловался на то, что до тех пор в мире публиковались сообщения о массовых репрессиях в

Польше, и это, мол, заставляло оккупационные власти проявлять известную сдержанность. "С 10 мая, – объявлял Франк, – мы не придаем этой ужасной всемирной пропаганде никакого значения. Я признаюсь откровенно, что **тысячи поляков поплатятся за это жизнью, и, прежде всего, это будут руководящие представители польской интеллигенции**. Обергруппенфюрер СС Крюгер и я решили, что мероприятие по умиротворению будет проведено ускоренными темпами".

Что означало это "мероприятие по умиротворению", Ганс Франк раскрыл в своем дневнике в 1940 г.: "Кто нам подозрителен, должен быть тотчас ликвидирован. Если в концентрационных лагерях рейха находятся заключенные из генерал-губернаторства, то они должны быть уничтожены на месте".

Население польских земель, включенных в состав Германии, было полностью лишено прав. В официальном докладе правительства Польши, представленном для Нюрнбергского процесса, указывалось: "4 декабря 1941 г. Геринг, Фрик и Ламмерс подписали декрет, который фактически ставил всех поляков и евреев на присоединенных территориях вне закона. Декрет делает из поляков и евреев особую второсортную группу граждан. По этому декрету поляки и евреи обязаны к безусловному послушанию по отношению к рейху. Введены были новые принципы права. Наказание могло быть наложено "по интуиции", обвиняемый был лишен права выбора защитника и права апелляции".

В докладе говорилось: "Одной из наиболее отвратительных черт гитлеровской оккупации в Польше было применение системы заложничества. Коллективная ответственность, уплата коллективной пени и торговля человеческой жизнью считались лучшим методом порабощения польского народа". В своем выступлении перед руководителями нацистских партийных организаций в Кракове Франк говорил: "Я не постеснялся заявить, что **если будет убит один немец, то будет расстреляно до ста поляков**".

Уже к концу 1939 г. в Польше было уничтожено свыше 100 тысяч человек, на ее территории были созданы лагеря смерти Освенцим (или Аушвиц), Майданек, Треблинка и другие. В своем выступлении Франк говорил: "Если бы я пришел к фюреру и сказал ему: "Мой фюрер, я докладываю, что я снова уничтожил 150 000 поляков", – то он бы сказал: "Прекрасно, если это необходимо". К концу своего хозяйничанья **немцами было уничтожено около 6 миллионов поляков – 22% населения страны. Конечная цель политики геноцида состояла в ликвидации к 1950 г. всего польского народа**.

Уничтожение немецкими оккупантами в Катынском лесу польских офицеров, оказавшихся в советском плену, а затем схваченных немцами, было закономерным продолжением политики Гитлера по полной ликвидации образованного населения Польши.

Очевидно, что авторы "Заключения" не сочли идейно-политические цели нацистов, направленные на порабощение польского населения и уничтожение его значительной части, достаточно основательными для объяснения расстрелов в Катынском лесу. В то же время, обвиняя СССР в уничтожении польских офицеров, они были вынуждены искать иные мотивы для действий советской власти, нежели стремление уничтожить польское население. Им было трудно обвинить их даже в стремлении уничтожить всех кадровых офицеров, а также офицеров запаса Польши, потому что десятки тысяч таких же офицеров, находясь в других лагерях СССР, не были уничтожены. Часть из них покинула пределы СССР вместе с армией Андерса, часть осталась на советской земле, сражаясь в составе дивизии имени Тадеуша Костюшко, а затем Войска Польского.

Чтобы объяснить причины расстрела, авторы "Заключения" решили придумать бытовые причины – недостаток мест в лагерях и нежелание советских властей тратить средства на содержание пленных. В "Заключении" есть ссылка на то, что "в СССР реализовывался курс на уменьшение бюджетных ассигнований, на сокращение централизованного снабжения лагерей. В НКВД проводилась кампания по увеличению рентабельности лагерей". Этого, видимо, авторам "Заключения" показалось мало, и они объявили, что в Козельском, Старобельском и Осташковском лагерях привлечение к работам ограничивалось в основном рамками самообеспечения лагерей. Содержание в них военнопленных было, естественно, убыточным и обременяло народное хозяйство "дополнительными затратами". Не приведя никаких доказательств в пользу низкой "рентабельности" трех лагерей, авторы "Заключения" объявили, что

руководство НКВД решило избавиться от "нерентабельных" лагерей, расстреляв их обитателей.

До сих пор не приведено ни единого примера, доказывающего, что какой-либо лагерь, находившийся в ведении ГУЛАГа, ликвидировался по причине "нерентабельности" – **не найдено ни единого документа в пользу того, что три лагеря с польскими военнопленными были "нерентабельными", не процитировано ни одного предложения от руководства НКВД о необходимости избавиться от обитателей "нерентабельных" лагерей**. Но это не смутило авторов "Заключения".

Чтобы усилить весомость своей аргументации, они привели еще один довод: "Новых помещений и трат требовало размещение в лагерях военнопленных в связи с советско-финской войной 1939–1940 гг." Авторы "Заключения" не удосужились обратить внимание на то, что советско-финляндская война завершилась 12 марта 1940 г. и **обмен военнопленными с Финляндией был в основном завершен к апрелю-маю**, когда, по их утверждению, были произведены расстрелы обитателей переполненных лагерей. И вновь возникают вопросы: где и когда в системе ГУЛАГа производились массовые расстрелы по причине переполнения помещений в лагерях и почему это жестокое очищение "жилплощади" было произведено за счет десятков тысяч польских офицеров?

С другой стороны, что бы ни твердили нынешние СМИ, руководители НКВД знали о вероятности нападения Германии на СССР, подготовка к такому нападению проводилась в СССР. Как показали последующие события, наличие польских офицеров на советской территории позволяло создать полноценную армию Польши, способную сражаться против вермахта. Поэтому устраивать огульное уничтожение польских офицеров было бы просто абсурдно. Однако заангажированным экспертам, писавшим "Заключение", видимо, и в голову не приходит, что руководители НКВД могли мыслить разумно и логично.

О том, что у авторов не было никаких фактов, чтобы подтвердить свои фантазии, свидетельствует следующая фраза "Заключения": "Решая свои ведомственные оперативные задачи (интересы наркомата в основном сводились к допросам, вербовке и защите агентуры), руководство НКВД с логической неизбежностью приближало ликвидацию военнопленных как людей, на которых опиралась польская государственность и которые не смирились с оккупацией страны, стремясь к возрождению Польши". Фактически авторы признали, что приписываемая ими "логика" поведения руководства НКВД, **а не факты** служили им для обвинения советских властей в убийстве польских офицеров.

Рассуждения о логике прикрывают поразительные логические нелепости, совершенные авторами "Заключения". Они не привели ни единого факта, что расстрелянные в Катынском лесу поляки были тем элитным срезом, на который "опиралась польская государственность". Ныне эти утверждения постоянно повторяют СМИ Польши и России. С таким же упорством о гибели значительной части польской элиты говорят и в связи с крушением самолета президента Польши Качиньского под Смоленском.

В опубликованном 24 января 1944 г. сообщении Специальной комиссии по установлению и расследованию обстоятельств расстрела немецко-фашистскими захватчиками в Катынском лесу военнопленных польских офицеров, в частности, говорилось: "Массовые расстрелы польских военнопленных в Катынском лесу производило немецкое военное учреждение, скрывавшееся под условным наименованием "штаб 537-го строительного батальона", во главе которого стояли оберст-лейтенант Арнес (составители сборника документов Нюрнбергского процесса, выпущенного в Москве в 1954 г., указывали, что, как установил Международный трибунал, точная фамилия подполковника (оберст-лейтенанта) – Арнес. – **Прим. авт.**) и его сотрудники обер-лейтенант Рекст и лейтенант Хотт".

Одновременно со вскрытием могил и исследованием трупов комиссия произвела опрос многочисленных свидетелей из местного населения, по показаниям которых точно устанавливаются время и обстоятельства преступлений, совершенных немецкими оккупантами.

"Из всех материалов, находящихся в распоряжении специальной комиссии, а именно: показаний свыше ста опрошенных свидетелей, данных судебно-медицинской экспертизы, документов и вещественных доказательств, из-

влеченных из могил Катынского леса, с неопровержимой ясностью вытекают следующие выводы:

1. Военнопленные поляки, находившиеся в трех лагерях западнее Смоленска и занятые на работах до начала войны, оставались там и после вторжения немецких оккупантов в Смоленск, до сентября 1941 г. включительно. <...>

2. В Катынском лесу осенью 1941 г. немецкими оккупационными властями производились массовые расстрелы польских военнопленных из вышеуказанных лагерей. <...>

4. В связи с ухудшением для Германии общей военно-политической обстановки к началу 1943 г. немецкие оккупационные власти, в провокационных целях, предприняли ряд мер к тому, чтобы приписать свои собственные злодеяния органам советской власти в расчете поссорить русских с поляками. <...>

В этих целях:

а) немецко-фашистские захватчики путем уговоров, попыток подкупа, угроз и варварских истязаний старались найти "свидетелей" из числа советских граждан, от которых добивались ложных показаний о том, что военнопленные поляки якобы были расстреляны органами советской власти весной 1940 г.;

б) немецкие оккупационные власти весной 1943 г. свозили из других мест трупы расстрелянных ими военнопленных поляков и складывали их в разрытые могилы Катынского леса с расчетом скрыть следы собственных злодеяний и увеличить число "жертв большевистских зверств" в Катынском лесу;

в) готовясь к своей провокации, немецкие оккупационные власти для работы по разрытию могил в Катынском лесу, извлечению оттуда изобличающих документов и вещественных доказательств использовали до 500 русских военнопленных, которые по выполнении этой работы были немцами расстреляны. <...>

6. Данными судебно-медицинской экспертизы с несомненностью устанавливается:

а) время расстрела – осень 1941 г.;

б) применение немецкими палачами при расстреле польских военнопленных того же способа – пистолетного выстрела в затылок, который применялся ими при массовых убийствах советских граждан в других городах, в частности в Орле, Воронеже, Краснодаре и в том же Смоленске. <...>

7. Выводы из свидетельских показаний и судебно-медицинской экспертизы о расстреле немцами военнопленных поляков осенью 1941 г. полностью подтверждаются вещественными доказательствами и документами, извлеченными из катынских могил".

Эти выводы специальной комиссии авторы "Заключения" подвергли грубым нападкам. При этом они опять прибегали к подтасовке и передергиванию фактов. Стараясь доказать, что члены комиссии не были свободны в своих суждениях, его авторы заявляли: "Задачи комиссии Н. Н. Бурденко определялись в письме возглавлявшего Чрезвычайную государственную комиссию по установлению и расследованию злодеяний немецко-фашистских захватчиков и их сообщников председателя Президиума Верховного Совета Н. М. Шверника". При этом после слов "Верховного Совета" опущено упоминание "РСФСР", и у читателей "Заключения" может создаться впечатление, будто Шверник в это время занимал высший государственный пост в СССР. Между тем ничего ненормального не было в том, что глава Чрезвычайной комиссии по расследованию преступлений немецко-фашистских захватчиков писал письмо членам специальной комиссии по этим же вопросам.

Обрушивая брань в адрес комиссии Н. Н. Бурденко (в "Заключении" голословно утверждается: "Выводы комиссии Н. Н. Бурденко были звеном в цепи фальсификации, предпринятой сталинским партийно-государственным руководством для сокрытия правды о катынском злодеянии"), авторы "Заключения" **не нашли ни единого слова критики в адрес геббельсовской версии**. В то же время они вынуждены были признать, что: "...в материалах настоящего дела отсутствуют полные протоколы судебно-медицинских исследований останков экспертами комиссии Н. Н. Бурденко, соответствующий материал для последующих микроскопических и химических исследований в лабораторных условиях. Упомянутые материалы не удалось обнаружить в различных архивах и в ходе настоящего следствия. В то же время именно

эти документы должны были лечь в основу, на которой базировала бы свои выводы комиссия судебно-медицинских экспертов".

Те же свидетельства, которые сохранились, были отметены членами комиссии экспертов 1993 г. как недостаточные. "Заключение" голословно объявило, что "большинство документов... не могут служить доказательствами" или являются "заведомо фальшивыми". Между тем, еще в ходе Нюрнбергского процесса свидетель обвинения профессор судебной медицины В. И. Прозоровский привел немало доказательств того, что расстрел польских офицеров не был произведен весной 1940 г. Он упоминал письмо, найденное судебным экспертом у одного трупа, отправленное из Варшавы 12 сентября 1940 г. и полученное в Москве 28 сентября 1940 г. **На трупах были найдены письма и квитанции с датировками за 12 ноября 1940 г., 6 апреля 1941 г., 20 июня 1941 г. При этом надо учитывать, что немецкие мастера фальсификации постарались уничтожить значительную часть материалов, которые, очевидно, противоречили их версии о расстреле польских офицеров весной 1940 г.**

На процессе в Нюрнберге был допрошен бывший заместитель бургомистра Смоленска профессор астрономии Борис Базилевский, рассказавший о своих беседах с представителями оккупационной администрации осенью 1941 г. Свидетель показал, что **от коменданта Смоленска фон Швеца русские сотрудники городского управления узнали об уничтожении польских военнопленных в сентябре 1941 г.**

На Нюрнбергском процессе были допрошены и те эксперты, которых использовали немецкие оккупанты для придания объективности "расследования" в Катынском лесу. Так, болгарский эксперт Марко Марков показал: "Мы были в Катынском лесу два раза. Каждый раз пребывание продолжалось не более 3–4 часов. В нашем присутствии не были разрыты новые могилы. Нам показали лишь несколько могил, уже разрытых до нашего прибытия. Вся наша остальная деятельность в течение этих двух дней носила характер быстрого осмотра под руководством немцев. Это напоминало туристскую прогулку". И, тем не менее, ознакомившись с некоторыми трупами, Марков заявил, что, судя по их состоянию, "они находились в земле не более полутора лет".

Пытаясь опровергнуть выводы комиссии Н. Н. Бурденко, авторы "Заключения" прибегли к очередной манипуляции фактами. Они написали: "Предпринятая на Нюрнбергском процессе в 1946 г. попытка советского обвинения в опоре на "Сообщение специальной комиссии" возложить вину за расстрел на Германию успеха не имела. Международный трибунал не признал выводы этого документа достаточно обоснованными, показания свидетелей – убедительными и не включил в приговор это преступление в вину немцам. Это решение советским обвинением не оспаривалось, и протест не вносился, хотя в других случаях советский представитель протест вносил".

На самом деле Международный трибунал не выносил решений о признании выводов комиссии Н. Н. Бурденко "недостаточно обоснованными", а о признании "показаний свидетелей" – неубедительными. Также известно, что трибунал заслушал множество свидетельских показаний и принял все документы к рассмотрению. Однако без всяких пояснений **не включил в приговор катынский эпизод, но признал нацистов виновными в расстреле военнопленных**. С чем это связано? Возможно, с технической небрежностью, допущенной при составлении приговора, ибо расстрел немцами польских военнослужащих на фоне массовых умерщвлений гитлеровцами сотен тысяч, миллионов людей оказался для судей незначительным и не влияющим на общее содержание приговора. Трибунал не признал поляков военнопленными, возможно, из-за того, что советские обвинители проявили некоторую самонадеянность и неточно назвали фамилии командования немецких воинских частей, сначала участвовавших в пленении поляков под Смоленском, а потом и в их расстреле.

Версий больше чем достаточно. Для нас важно другое – трибунал не оправдал военных преступников по этому эпизоду.

Что касается советского обвинения, то протесты им вносились лишь в связи с мерами наказания, выбранными для ряда подсудимых, и непризнания преступными ряда государственных организаций Германии. Заявление о провале усилий советских обвинителей по обвинению немецко-фашистских оккупантов – очередная попытка скрыть правду с помощью лживых уверток.

Это яркое свидетельство стремления "экспертов" оправдать преступления немецко-фашистских оккупантов и заслужить одобрение от идейно-политических наследников Геббельса.

Пытаясь опровергать выводы комиссии Н. Н. Бурденко, авторы "Заключения" утверждали, что "с 1 апреля по 19 мая 1940 г. на основании составленных П. К. Сопруненко и его заместителем И. И. Хохловым списков "заключенные из лагерей военнопленных были отправлены во внутренние тюрьмы НКВД, где они и были расстреляны". После этого идет длинный перечень букв и цифр, которые, видимо, должны обозначать некие документы. Правда, тут же содержится примечательная оговорка: "Значительная часть документов о военнопленных для сокрытия факта расстрела была сожжена". Ни единого документа, который якобы сохранился и подтверждал бы подобный факт, в "Заключении" приведено не было.

В нем сказано: "Военных расстреливали в подвальном помещении по одному выстрелом в затылок из немецкого пистолета "вальтер". Это предложение позволило авторам "Заключения" объяснить наличие немецких пуль в телах расстрелянных польских офицеров. Еще когда Смоленск был в руках оккупантов, эксперты из направленной немцами в Катынь комиссии Польского Красного Креста установили, что пули, которыми были расстреляны польские офицеры, были немецкой марки "Геко", серия Д, калибр 7,65 мм. На Нюрнбергском процессе помощник главного обвинителя от СССР Смирнов предъявил телеграмму, направленную чиновником генерал-губернаторства Хейнрихом из Смоленска старшему административному советнику Вейрауху в Краков: "Часть делегации Польского Красного Креста вчера возвратилась из Катыни. Сотрудники Польского Красного Креста привезли с собой гильзы патронов, использовавшихся при расстреле жертв в Катыни. Выяснилось, что это немецкие боеприпасы. Калибр 7.65, фирма "Геко". Письмо следует. *Хейнрих*".

Правда, зависимые от немцев представители Польского Красного креста не решились, как это сказано в "Заключении", признать ответственность немцев за преступление: "Факт использования немецкого оружия не был признан определяющим для установления вины той или иной стороны". Но для Геббельса обнаружение немецких пуль стало неприятной неожиданностью. 8 мая 1943 г. он записал в своем дневнике: "К сожалению, в могилах Катыни были обнаружены немецкие боеприпасы. Вопрос о том, как это произошло, нуждается в выяснении". Затем Геббельс, очевидно, стал придумывать версию, как объяснить присутствие немецких пуль, и записал: "Полагаю, это то, что мы продали в период наших дружеских отношений с Советской Россией, или же советские люди сами побросали их в могилы".

Нелепость этих уверток была очевидна. Нет никаких оснований полагать, что немецкие пули служили в качестве боеприпасов Красной Армии. Еще нелепее предположить, что немецкие пули были сознательно использованы для расстрела польских офицеров или подброшены в могилы с целью ввести в заблуждение мировую общественность. В этом случае надо предположить, что советские власти еще весной 1940 г. заранее предвидели оккупацию Смоленска немцами и обнаружение ими захоронения.

Установление немецких пуль в трупах перечеркивает усилия гитлеровских фальсификаторов, и Геббельс приходил к неутешительному для себя выводу: **"Если это станет известно врагу, то от всей катынской истории придется отказаться"**.

Видимо, по этой причине вдруг весь "эксгумационный катынский архив" немцев (документы, гильзы, другие вещдоки, так называемый "Архив доктора Бутца") – всего 14 ящиков – странным образом сгорел на железнодорожной станции в Дрездене в начале 1945 г. Сам же доктор Бутц, руководивший исследовательскими работами, в 1943 г. был убит.

И еще некоторые странности. "Катынский архив" техкомиссии Польского Красного Креста, также включавший некоторые документы, предметы и немецкие гильзы фирмы "Геко", 7,65 мм, сгорел в Варшаве в 1944 г. А в 1948 г. член ПКК Яворский уничтожил все вещдоки, собранные им в Катынском лесу.

"Эксперты" комиссии ГВП, составившие "Заключение", пришли на помощь Геббельсу. Утверждать, что все советские солдаты были вооружены немецкими "вальтерами", они не решились. Известно, что Красная Армия вполне обходилась отечественными пистолетами и револьверами. Тогда, видимо, предположили, что **у работников НКВД в Смоленске был один немецкий**

“вальтер”. Именно с его помощью, по мнению авторов “Заключения”, расстреляли десять тысяч польских офицеров. Версия явно абсурдная.

Из телеграммы Хейнриха следует, что в могилах найдены гильзы патронов. Между тем в “Заключении” утверждается, что польских офицеров расстреливали в подвалах тюрем. Тогда надо предположить, что вместе с трупами в Катынский лес свозились и гильзы. Экспертов подвела их склонность мыслить известными стереотипами. Видимо, из чтения антисоветской литературы им стало известно, что в НКВД расстреливали в подвалах. Они не ознакомились с документами, из которых следует, что гильзы от немецких патронов лежали в могилах, вырытых в лесу, и попасть они туда могли только во время расстрела поляков.

Учитывая вышеизложенное, становится совершенно очевидным, что “эксперты”, имевшие ученые звания, извратили представления о научном и объективном исследовании. Содержание “Заключения” отражает позицию части научной интеллигенции страны, которая в 1993 г. послушно выполняла политический заказ правительства Ельцина и пошла на сделку со своей совестью и своим профессиональным долгом.

Политическая заданность в их выводах и оценках приводит к кощунственной подмене: погибшие советские люди выдаются за казненных поляков. При этом ответственность за массовую гибель наших граждан им представляется делом малоинтересным и не подлежащим внимательному исследованию, а ответственность за расстрел польских военнопленных возлагается на страну, которая понесла самые большие потери как до войны, так и в период всемирной катастрофы, которой была Вторая мировая война.

Основные выводы:

1. “Заключение” комиссии экспертов Главной военной прокуратуры по уголовному делу № 159, на выводах которого базируется обвинение сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза в расстреле польских военнопленных под Смоленском, не отвечает требованиям уголовно-процессуального законодательства, является научно не обоснованным, юридически несостоятельным и ничтожным.

2. Материалы комиссии Н. Бурденко в совокупности со свидетельствами, полученными в послевоенный период, позволяют утверждать, что военнопленные поляки были расстреляны в Козьих горах (Катынь) под Смоленском немцами в период с августа 1941 года и позже, во время оккупации ими Смоленской области.

3. Предварительное расследование Главной военной прокуратуры в 1990–2004 годах проведено неполно и тенденциозно, с грубейшими нарушениями уголовно-процессуальных норм при явном злоупотреблении следователями служебным положением и отражает политические установки российской власти. Выводы ГВП о виновности в гибели почти 22 тысяч польских военнопленных сотрудников НКВД СССР и руководства Советского Союза 40-х годов прошлого столетия юридически несостоятельны.

4. Постановление о прекращении уголовного дела № 159, принятое Главной военной прокуратурой о расстреле польских военнопленных под Смоленском, подлежит отмене с последующим проведением дополнительного предварительного расследования. В случае подтверждения им прежних выводов о виновности сотрудников НКВД СССР и политического руководства Советского Союза, уголовное дело следует направить в суд для рассмотрения вопроса о их реабилитации и судебной оценки имеющихся в нем доказательств.

5. Внести предложение Президенту Российской Федерации Д. А. Медведеву о необходимости выяснения (расследования) на государственном (правительственном) уровне обстоятельств гибели десятков тысяч красноармейцев, оказавшихся в польском плену в 1920 году и содержавшихся в спецлагерях на территории Польши. Принять меры по увековечиванию их памяти, как жертв международных военных конфликтов.

Москва. Май 2010 г.

НИКОЛАЙ РЫЖКОВ

СССР И ГЕРМАНИЯ: БИТВА ЭКОНОМИК

III. Оружие Победы

Начало войны застало оборонную промышленность в стадии технологического перевооружения. Новых бомбардировщиков Пе-2 в 1940 году было выпущено всего 2 единицы, истребителей МиГ-3 – 20 шт., танков Т-34 – 115 единиц вместо 600 по плану, штурмовиков Ил-2 и истребителей ЛаГТ-3 до 1941 года еще не было в производстве. Поэтому танковый и самолетный парк Красной Армии на 80–85% состоял из машин устаревших типов. В сухопутных войсках остро сказывался недостаток зенитных, противотанковых, радиотехнических, военно-инженерных и транспортных средств.

Военное хозяйство страны начало формироваться в исключительно тяжелых условиях лета и осени 1941 года. Это были критические месяцы: в результате огромных территориальных и материальных потерь шло сокращение производства.

Но самым трудным для Советского Союза был осенний период 1941 года, когда развернулась битва под Москвой. Выпуск военной продукции в октябре и ноябре был самым низким. Это вызвало чрезвычайные трудности в обеспечении действующих фронтов вооружением, боевой техникой, боеприпасами, обмундированием, снаряжением.

Падение промышленного производства достигло своей кульминации в ноябре 1941 года, когда уровень среднемесячного производства был самым низким за все годы войны и составил лишь 51,7% от общего объема производства в ноябре 1940 года. Промышленность с начала войны и до конца первого ее года смогла произвести такое количество вооружения и боевой техники, которое покрывало потери действующей армии в стрелковом вооружении лишь на 30%, в артиллерии – на 57%, танков – на 27% и боевых самолетов – на 55%.

Эти обстоятельства наложили глубокий отпечаток на характер боевых действий и явились одной из главных причин наших поражений. Необходимо было продержаться до того момента, когда промышленность, эвакуированная на Восток, начнет работать на полную мощность.

Развернувшееся экономическое противоборство с врагом приобрело грандиозные размеры. Оно проходило в условиях потери важнейших экономических районов и перебазирования промышленности в восточные районы.

Продолжение. Начало в № 10 за 2010 год.

Необходимо было время на то, чтобы эвакуированные заводы развернули выпуск военной техники и вооружения, которое требовалось во все возрастающем объеме. Труженики советского тыла, работая на пределе человеческих возможностей, выполняли свой патриотический долг перед Отечеством.

Положение страны было критическим, но в этой труднейшей, поистине трагической обстановке энергичные меры, предпринятые по переводу гражданской промышленности на производство военной продукции, наличие государственных резервов, самоотверженные усилия тружеников тыла позволили добиться роста выпуска боевой техники и вооружения. Страна отдавала фронту буквально все.

В условиях острейшего недостатка материальных средств все же до конца 1941 года удалось осуществить решающие для судьбы войны мероприятия – вновь сформировать и вооружить 286 стрелковых дивизий, в том числе 24 дивизии народного ополчения, переформировать из соединений других родов войск 22 дивизии. В то же время 124 дивизии, понесшие большие потери, были расформированы.

Предпринятые сверхусилия принесли свои плоды. Огромная помощь фронту позволила Красной Армии сокрушить немецкий "блицкриг", выиграть время для мобилизации экономической мощи государства. Война приняла затяжной характер. Крушение "блицкрига" выявило и несостоятельность экономических планов немцев в войне против нашей страны.

Экономическое противоборство СССР и Германии требовало предельного напряжения сил. К середине 1942 года была завершена перестройка экономики на военный лад. К лету на востоке страны действовали все эвакуированные предприятия. Кроме того, было введено в эксплуатацию 850 новых заводов, шахт, электростанций, доменных и мартеновских печей, прокатных станов и других важных объектов.

Высокий темп роста производства важнейших видов вооружения и военной техники показан в приведенной ниже таблице.

Производство вооружения и военной техники в СССР в 1941 году и первом полугодии 1942 года

Вооружение и военная техника	Первое полугодие 1941 г.	Второе полугодие 1941 г.	Первое полугодие 1942 г.
Танки (тыс. штук)	1,8	4,8	11,2
Боевые самолеты (тыс. штук)	4,0	8,2	8,3
Орудия (тыс. штук)	10,0	30,0	53,6
Минометы (тыс. штук)	10,5	42,3	122,8
Пулеметы (тыс. штук)	42,8	106,2	134,1
Пистолеты-пулеметы (тыс. штук)	3,1	89,7	535,4
Винтовки и карабины (млн штук)	0,8	1,56	2,0

В развитие этих данных следует более подробно остановиться на производстве некоторых видов военной техники и вооружения. Именно они – хотя нельзя недооценивать всех без исключения поставок фронту, – во многом предопределили военную оснащенность Советской Армии.

1. Производство стрелкового оружия

Прежде чем говорить о производстве стрелкового оружия в годы Великой Отечественной войны, необходимо ответить на один из трагических вопросов: как получилось, что на фронте и в резервных частях не стало хватать винтовок, которых до войны был создан значительный запас? Как вышло, что одни бойцы идут в бой, а другие ждут, когда освободится оружие?

Вот что писал бывший нарком вооружения Б. Л. Ванников по этому поводу: "Недостаточным уровнем производства вооружения некоторые пробуют объяснить тот факт, что в первые месяцы войны в армии не хватало винтовок и что ими лишь на 30% обеспечивались вновь формируемые дивизии, а в ты-

лу призванных обучали с помощью деревянных макетов личного оружия. К сожалению, действительно было много таких случаев в прифронтовых районах и в глубоком тылу. Но объяснялись они далеко не теми причинами, о которых говорят многие из ссылающихся на эти факты. Что касается винтовок, то промышленность обеспечила ими армию в достаточном количестве. К началу войны армия имела около 8 млн винтовок".

Первые дни войны внесли существенные коррективы в положение дел. Запасы винтовок хранились в приграничных районах и были потеряны на первом же этапе войны.

Промышленности удалось в сравнительно короткий срок восполнить эти потери. Благодаря организационным усилиям Наркомата вооружения и беспримерному подвигу предприятий по производству стрелкового оружия, выпуск винтовок и карабинов был доведён только на Ижевском оружейном заводе до 12 тыс. винтовок в сутки.

В то же время с самого начала войны возник острый вопрос, связанный с производством противотанковых ружей. На вооружении Красной Армии их было крайне мало, поэтому для борьбы с фашистскими танками применялись бутылки с горючей смесью. На Западе их называли "коктейль Молотова".

Сложность положения заключалась в том, что противотанковые ружья, стоявшие на вооружении нашей армии незадолго до начала войны, сняли с производства. Была неправильно сделана оценка немецкой бронетанковой техники. Бывший начальник Главного артиллерийского управления маршал Г. И. Кулик считал, что в немецкой армии бронетанковые силы перевооружены танками с более мощной броней. Поэтому, по его мнению, не только противотанковые ружья, но даже некоторые виды артиллерийских орудий бессильны перед ними. Осенью 1940 года производство противотанковых ружей, как, впрочем, и некоторых видов противотанковых пушек, прекратили.

Война сразу показала всю ошибочность такого решения. Новые немецкие танки, не говоря уже об устаревших и трофейных, поражались противотанковыми ружьями. Как вспоминал Д. Ф. Устинов, Сталин был недоволен тем, что военные только теперь спохватились и признали свою недооценку противотанковых ружей и необходимость производить этот вид оружия. А бойцы, заметил он, вынуждены бороться с танками с помощью бутылок с зажигательной смесью.

Над созданием противотанкового ружья работали несколько конструкторов. Нужно было срочно доработать опытные образцы, произвести необходимые испытания. Во второй половине августа 1941 года было внесено предложение принять на вооружение однозарядное ружье В. А. Дегтярева как наиболее простое в изготовлении и полуавтоматическое ружье С. Г. Симонова. Оба ружья доставили в Кремль. После их осмотра ГКО было принято решение поставить на производство оба типа ружей и обеспечить ими войска. Противотанковое ружье В. А. Дегтярева поручили изготовить Ковровскому заводу, а ружье С. Г. Симонова — заводу в Саратове, который до этого выпускал другую продукцию.

При всех трудностях к декабрю 1941 года было изготовлено 1 600 противотанковых ружей конструкции В. А. Дегтярева. Ружей С. Г. Симонова в 1941 году выпустили только несколько штук. Примерно до середины 1942 года в армии чувствовался недостаток в этом виде вооружения. Но вскоре острота спала — их выпуск достиг 20 тыс. штук в месяц.

За годы войны было изготовлено противотанковых ружей около 400 тыс. штук. Мировая оружейная практика не знала прежде такого темпа в создании нового вида вооружения. На заключительном этапе войны в результате превосходства советской танковой техники и насыщения войск противотанковой артиллерией роль противотанковых ружей снизилась. С января 1945 года производство ПТР прекратилось совсем.

Особое положение складывалось в обеспечении Красной Армии пулеметами. К началу войны было остановлено производство "долгожителя" — станкового пулемета "максим", и начали производить новый — конструкции В. А. Дегтярева. Безусловно, он имел явные преимущества перед "максимом", но, как показало опытное производство, ряд узлов требовал серьезной доработки. Учитывая сравнительно длительные сроки такой доработки, было принято решение восстановить серийное производство "максима". Но этот пулемет-ветеран имел существенные недостатки: большой вес (70 кг), водя-

ное охлаждение ствола и т. д. Он оправдывал себя в оборонительных боевых действиях, а в наступательных уже не отвечал условиям маневренной войны.

К созданию облегченного станкового пулемета с воздушным охлаждением проявлял большое внимание Сталин. Интерес его к этому пулемету, вызванный военной необходимостью, особенно усилился в начале 1943 года, когда стало ясно, что дальнейшие боевые действия советских войск будут в основном наступательными. Будучи очень расположен к Дегтяреву, Сталин полагал, что только этот конструктор может создать достойную модель. Он верил в его талант и не без основания считал его непререкаемым авторитетом в пулеметном деле. Он не допускал мысли, что кто-либо из других конструкторов может превзойти Дегтярева в этой области. И новые, ничего не говорившие ему имена вызывали у него настороженность.

Летом 1942 года оружейник Ковровского завода Горюнов предложил свою конструкцию станкового пулемета. Проведенные в мае 1943 года сравнительные испытания показали, что станковый пулемёт Горюнова имеет больше преимуществ. Сталин утвердил решение комиссии.

Первые пулеметы отправили на фронт в октябре 1943 года. В одном из донесений, посланном с фронта в Главное артиллерийское управление, так говорилось о пулемете Горюнова: “Простота конструкции делает его безотказным, способным с наименьшей затратой энергии быстро менять огневые позиции. Наличие металлической ленты дает возможность быстро и при любых метеорологических условиях набивать ее патронами. Использование ленты пулемета “максим” также является положительным качеством. Воздушное охлаждение пулемета упрощает подготовку к стрельбе”.

Так была решена проблема с производством станковых пулеметов.

Во время войны промышленность выпускала и ручные пулеметы (РП) системы В. А. Дегтярева, которые по своим качествам превосходили аналогичные зарубежные образцы.

Дегтяревский вариант приняли на вооружение задолго до войны. В одном из отчетов говорилось: “На первом месте, несомненно, наш пулемет Дегтярева, на втором – Дрейзе и на третьем – Токарева – “Максима”. Если живучесть ручного пулемета в среднем считалась достаточной при 10 тысячах выстрелов, то пулемет Дегтярева перекрывал эту норму во много раз.

С учетом этого в 1940 году были удвоены основные производственные мощности для выпуска этого пулемета, что позволило полностью обеспечить им нашу армию в годы Великой Отечественной войны.

В 1940 году оружейник Г. С. Шпагин создал знаменитый “ППШ” – пистолет-пулемёт, отличавшийся надёжностью и простотой производства.

На государственных испытаниях из него произвели 30 тысяч выстрелов и не обнаружили никаких существенных изменений в материальной части. Всесторонняя проверка подтвердила высокие качества пистолета-пулемета Шпагина.

Впервые был создал образец стрелкового оружия, где почти все металлические детали штамповали, а деревянные имели очень простую конфигурацию. Изготовление этого пистолета-пулемёта давало большую экономию металла, незначительной была длительность производственного цикла, невелика трудоёмкость. Когда производство стало поточным, был проведён хронометраж трудозатрат. Оказалось, что на изготовление ППШ затрачивали всего 7 часов.

Дальнейшим шагом в совершенствовании этого вида оружия стало создание пистолета-пулемета А. И. Судаева. В осажденном Ленинграде он создал пистолет-пулемет, который признали лучшим из того, что появилось к тому времени. Конкурентами же А. И. Судаева были Г. С. Шпагин, В. А. Дегтярев, С. А. Коровин, Н. В. Рукавишников и другие известные конструкторы. В акте государственной комиссии подчеркивалось: “ППС конкурсные испытания выдержал, других равноценных конкурентов не имеет. По технологическим и боевым качествам значительно превосходит штатный образец ППШ-41. Необходимо ППС срочно поставить на серийное производство для отработки технологического процесса”.

Удачное сочетание высоких боевых качеств с малыми габаритами и весом (пистолет-пулемет Судаева был легче ППШ с дисковым магазином на 2 килограма, а с секторным – почти на килограмм) позволило ППС занять доминирующее положение в вооружении личного состава танковых и десантных

войск. Оружие полюбили разведчики и партизаны. Его производство начали под обстрелом и бомбежками в Ленинграде. В невиданно короткие сроки рабочие ленинградских заводов наладили массовый выпуск этих пистолетов-пулеметов.

Советские оружейники и дальше совершенствовали пистолеты-пулеметы, проектируя все новые и новые системы. Однако закончили мы войну в основном с ППШ. Почему? Ответ прост. Пистолет-пулемет Судаева был принят на вооружение в 1943 году, а пистолеты-пулеметы Шпагина прочно освоили в производстве и выпускали миллионами штук. Можно ли было остановить их выпуск и перейти на другую продукцию, казалось бы, более прогрессивную? Думается, что ломать устоявшееся производство, прекращать изготовление полюбившегося и освоенного бойцами и командирами оружия в условиях войны вряд ли было бы разумно. Новые виды стрелкового вооружения шли как дополнение к уже выпускавшемуся в огромных количествах. Это единственно правильное производственное решение, которое полностью себя оправдало.

Этими выводами и хотелось бы закончить эпопею производства стрелкового оружия в годы Великой Отечественной войны. Через трагизм первых месяцев войны, когда не хватало винтовок для бойцов, отправляемых на фронт, через героизм советских людей в тылу, которые работали на пределе человеческих возможностей и полностью обеспечили стрелковым оружием Красную Армию, — до разработки новейших систем, не имевших аналогов в мире. Вот такой путь прошла наша страна в производстве стрелкового вооружения.

2. Артиллеристы, зовет Отчизна вас!

При подведении итогов советско-финской зимней войны Сталин назвал артиллерию "богом войны". Предвоенная обстановка требовала увеличить выпуск вооружения, и прежде всего артиллерийских систем. Сталин неоднократно подчеркивал огромную роль артиллерии. "Если мы с вами заглянем в историю, — говорил он в 1937 году, — то увидим, какую важную роль во всех войнах играла артиллерия... Чем побеждал Наполеон? Прежде всего артиллерией. Чем в 1870 году под Седаном были разгромлены французы? По преимуществу, артиллерией. Для успеха войны исключительно ценным родом войск является артиллерия. Я хотел бы, чтобы наша артиллерия показала, что она является первоклассной".

В предвоенные годы была проведена огромная работа по созданию мощного артиллерийского производства. Были образованы специальные институты и техникумы, откуда вышли тысячи инженеров и командиров производства. Широко развернулись научно-исследовательские работы, обеспечившие высокий технический уровень артиллерии.

Технический уровень наших артиллерийских систем в целом отвечал требованиям времени, что было, несомненно, большой заслугой конструкторских коллективов В. Г. Грабина, Ф. Ф. Петрова, Л. В. Люльева, Л. А. Локтева и других. Следует сказать, что две трети образцов артиллерийских орудий, находившихся к началу войны в производстве, были созданы в 1938—1940 годах. В них были учтены последние достижения науки и техники, а также мировой опыт боевых действий.

Советские орудия по мощности, начальной скорости снаряда, темпу огня, маневренности, степени внедрения автоматики в большинстве случаев превосходили лучшие зарубежные образцы. В частности, значительно лучше немецкой была наша дивизионная артиллерия. Особенно хорошими боевыми качествами обладала 122-миллиметровая гаубица образца 1938 года, которая в ходе войны и в течение многих лет после ее окончания не требовала модернизации. Вообще же все орудия серийного производства отличались удобством и надежностью в эксплуатации, простотой в изготовлении и обеспечивали выполнение боевых задач.

А вот средствами противотанковой обороны советские войска были оснащены слабо. Чтобы как-то исправить создавшееся положение, ГКО в июле 1941 года принял решение о массовом производстве бутылок с зажигательной смесью. Промышленности поручили отправить на фронт 3 млн бутылок. Их и применяли в борьбе с вражескими танками, что было сопряжено с большими потерями бойцов-бронебойщиков.

Что же произошло с противотанковым оружием? Перед самой войной по настоянию начальника Главного артиллерийского управления маршала Кули-

ка, как уже говорилось выше, сняли с производства пушки калибра 76 миллиметров на заводе, который их производил, а на другом – противотанковые пушки калибра 45 миллиметров. Наркомат вооружения протестовал против этого, обоснованно заявляя, что взамен этих систем пока ничего не имеется. Дело разбирали несколько комиссий, и, несмотря на возражения вооруженцев, пушки с производства сняли. Мотив такой: эти орудия слабы против немецких танков, которые выпускаются с новой, более толстой броней. Нужны противотанковые средства помощнее. Но более крупные калибры еще не были отработаны, и вместо снятых с производства пушек заводы ничего дать не могли.

На заседании ГКО Сталину доложили, что перед принятием решения о снятии этих артиллерийских систем положение дел изучалось тремя авторитетными комиссиями: одну из них возглавлял Маленков, другую – Молотов, третью – Жданов.

В тяжелых боях первых дней и недель войны 45- и 76-миллиметровые пушки подтвердили свою высокую эффективность в борьбе с вражескими танками. Они были крайне нужны нашим войскам, а также вновь формируемым соединениям и частям, дивизиям народного ополчения, отдельным артиллерийско-пулеметным батальонам.

Вот почему 12 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны принял решение восстановить производство 45- и 76-миллиметровых пушек. Надо было возобновить выпуск этих систем на заводах, где они изготовлялись раньше и где имелась необходимая база, организовать их производство на ряде других предприятий.

Артиллерийские заводы, как и предприятия других отраслей, в первые месяцы войны пришлось перебазировать из прифронтовых районов на Восток.

Выпуск орудий быстро рос. Уже в августе он в 6, а в сентябре – в 11,5 раза превысил показатели июля. Однако в октябре в связи с начавшейся эвакуацией производство несколько сократилось. Поэтому в ноябре Н. А. Вознесенский потребовал подготовить проект постановления по изготовлению пушек на три месяца вперед.

ГКО поручил составить график ежедневного выпуска пушек по заводам и предупредил, что за выполнением этого графика установлен особый контроль и спрос будет строгий. Героизм людей позволил выдержать сроки выпуска в соответствии с графиком, но все было не так просто. В сентябре и октябре 1941 года рабочие, инженеры не выходили из цехов иногда по нескольку недель.

Сталин пристально следил за восстановлением производства. При малейших срывах и директор завода, и парторг на заводе знали, что их промах известен правительству. Так, за недопоставленные 15 орудий в месяц они получили телеграмму следующего содержания:

"Нельзя, чтобы наши войска страдали на фронте от недостатка противотанковых средств, а в глубоком тылу прохлаждались и бездельничали. Сталин".

Вот как получилось с пушками, производство которых наладили еще задолго до войны. Счастье, что завод, производивший 45-миллиметровые пушки, эвакуировали туда, где можно было сразу с прибытием эшелонов приступить к выполнению этого особо важного задания.

В недостроенных, холодных цехах организовывали обработку деталей, сборку пушек. В октябре 1941 года началось освоение серийного производства, а к концу года 1 300 "Аннушек", как бойцы на фронте любовно называли "сорокапятки", отгрузили в действующую армию.

Летом 1942 года, когда гитлеровцы, начав наступление на Сталинград, вторглись в междуречье Дона и Волги, на этом же заводе осваивалась уже 76-миллиметровая противотанковая пушка. В сентябре 1942 года первые 76-миллиметровые орудия и с этого завода поступили на фронт.

Появление в начале 1943 года на поле боя, пусть еще в незначительных количествах, новых немецких средних и тяжелых танков, которых наделили именами зверей – "тигры", "пантеры" и "леопарды", – вызвало необходимость получить от наших артиллерийских конструкторов предложения для борьбы с ними.

Мнение В. Г. Грабина, высказанное в докладной записке на имя Верховного Главнокомандующего, было следующим: "Для надежной борьбы с тя-

желыми танками врага предлагаю: немедленно восстановить производство 57-миллиметровых противотанковых пушек. Во-вторых, срочно создать 85-миллиметровую танковую пушку, перевооружив ею все средние танки Т-34 (взамен имеющихся у них 76-миллиметровых пушек), не меняя при этом конструкции башни. В-третьих, для усиления противотанковыми средствами корпуса и армии создать для них 100-миллиметровую противотанковую пушку, которая по своей мощности будет превосходить все, что есть в этом виде артиллерии".

В мае 1943 года на заседании Государственного Комитета Обороны обсуждались вопросы, связанные с созданием новых танковых и противотанковых артиллерийских орудий. Было решено создать 85- и 100-миллиметровые орудия соответствующего назначения. Такие орудия создали, причем в сроки, которых не знала история артиллерийского конструирования. Во многом это объяснялось тем, что советская школа конструкторов, и не только артиллерийских, никогда не жила лишь сегодняшними заботами, а далеко смотрела в будущее.

Тактико-технические данные и эскизный вариант 100-миллиметровой противотанковой пушки разработали в КБ задолго до появления тяжелых немецких танков. "Весь ход войны, – писал В. Г. Грабин, – вел к тому, что гитлеровцы должны были применить танки с более мощной броней: существовавшие немецкие машины наша артиллерия уничтожала без особого труда. Готовясь к этому, мы заранее приступили к разработке мощного 100-миллиметрового противотанкового орудия, и когда в бой вступили "тигры" и "фердинанды", пушка была уже готова. Всего на ее изготовление потребовалось немногим более пяти месяцев. Броня всех немецких танков и самоходных орудий разлеталась вдребезги от столкновения со снарядами "соток". При весе снаряда в 15,6 килограмма он имел начальную скорость, близкую 900 метрам в секунду, и с дистанции 100 метров надежно пробивал 150–160-миллиметровую броню. А ближе лопалась и более чем 200-миллиметровая лобовая броня "фердинандов".

К артиллерийскому вооружению относятся и минометы. Они не сложны в производстве, просты в эксплуатации, дешевы. Но в предвоенные годы не были по достоинству оценены. Об этом свидетельствует и тот факт, что единственное конструкторское бюро по минометам, возглавляемое Б. И. Шавыриным, в свое время закрыли под предлогом "ненадобности этого вида вооружения". Между тем в миномете – "трубе и плите", заложены большие боевые возможности.

Уже советско-финляндская война внесла в это ясность. Несмотря на недооценку минометов, до нападения Германии на СССР были созданы многие образцы этого вооружения и боеприпасы к ним. Конструктор Б. И. Шавырин добился таких результатов, каких не добились немцы. Минометы, созданные коллективом под его руководством, обладали более высокими боевыми и техническими качествами, чем оружие врага.

Выпуск минометного вооружения увеличился после войны с Финляндией. К началу Великой Отечественной войны производство их нарастало, причем стали выпускаться и минометы более крупных калибров. Если в боях на Карельском перешейке применялись 50-миллиметровые и 82-миллиметровые минометы, то теперь промышленность поставляла и 120-миллиметровых. На 1 июня 1941 года в армии имелось свыше 13 тыс. 82-миллиметровых минометов и более 3 тыс. 120-миллиметровых. Это больше, чем в фашистском вермахте на это же время, не говоря о качестве наших минометов, превосходивших немецкие. Гитлеровские войска имели, по сути, только один калибр – 81-миллимеровые минометы, и они уступали нашим 82-миллиметровым.

Производство минометов в широком масштабе началось с первых месяцев войны. Уже в 1941 году выпускались четыре типа минометов: 50-миллиметровый ротный, 82-миллиметровый батальонный, 107-миллиметровый горно-вьючный и 120-миллиметровый полковой. К производству минометов был подключен ряд заводов, выпускавших мирную продукцию. В результате в 1942 году Красная Армия была полностью обеспечена минометным вооружением, а противник лишился превосходства в их производстве. За 1942 год было выпущено около 230 тыс. минометов, причем производство 120-миллиметровых минометов увеличилось почти в три раза. Советские конструкторы продолжали работы по их совершенствованию. На вооружение Красной Ар-

мии стали поступать более мощные минометы – калибра 107, 120 и 160 миллиметров. Дальность 160-миллиметровых минометов – 5 150 метров, вес мины – 40 и 86 килограммов.

160-миллиметровый миномет, обладая очень высокими боевыми качествами, стал мощным наступательным оружием завершающего периода войны. Тяжелые минометы применялись для разрушения всех видов полевых укреплений, они являлись надежным средством подавления и уничтожения артиллерийских и минометных батарей противника, их эффективно использовали в уличных боях в крупных населенных пунктах. Главный маршал артиллерии Н. Н. Воронов вспоминал: "Когда на одном из фронтов были впервые массированно применены новые минометы, они произвели огромное моральное воздействие на противника. Выстрелы этих минометов глухие, мина взлетает очень высоко по крутой траектории, а затем почти отвесно падает вниз. При первых же разрывах таких мин гитлеровцы решили, что их бомбит авиация, и стали подавать сигналы воздушной тревоги".

Всего за годы Великой Отечественной войны советская промышленность выпустила 351,8 тыс. минометов.

В преддверии войны советскими конструкторами был создан новейший вид вооружения – реактивная ракетная артиллерия. Фашистская Германия выпускала ФАУ-1, ФАУ-2 и ряд ракетных 6-ствольных 158–280-миллиметровых и 320-миллиметровых установок. Советские бесствольные гвардейские минометы, производство которых было начато в 1941 году, были более эффективными по силе поражения.

Первая советская реактивная установка БМ-13 была 16-зарядной. Пуск ее производился за 8–16 секунд. Дальность полета снаряда составляла около 8 километров. Подвижные реактивные установки вызывали у врага паническ ий страх. Впервые огонь гвардейских минометов немецко-фашистские захватчики испытали на себе 15 июля 1941 года в районе станции Орша. Реактивные установки сыграли большую роль в разгроме немецко-фашистских войск под Москвой.

Если до войны отработка нового оружия сильно тормозилась, то с вторжением врага сроки внедрения новой боевой техники исчислялись неделями и днями. Во второй половине 1941 года в войска поступило 900 пусковых реактивных установок, в 1942 году – около 3,3 тыс., в 1943–1944 годах – 6 тыс., в целом за войну – 11 тыс.

Особенно грозным оружием были самоходные боевые установки реактивной полевой артиллерии – "катюши", получившие кодовое название БМ-8 и БМ-13. Их производство освоили заводы Москвы и другие предприятия, а всего – 19 головных заводов. В порядке кооперации им поставляли детали десятки других предприятий.

Под Сталинградом в советских войсках было сосредоточено 1 250 реактивных установок. За один залп они могли выпустить более 10 тыс. мин разных калибров.

В составе Вооруженных Сил СССР было создано большое количество специальных артиллерийских дивизионов, оснащенных реактивными установками. К декабрю 1942 года их уже насчитывалось в 4 раза больше, чем в декабре 1941 года.

После появления знаменитых "катюш" в составе гвардейских минометных частей Красной Армии германская промышленность принялась искать равнозначный ответ. Тем более у них уже был определенный опыт использования реактивных минометов раньше, чем они появились у нас. В начале Второй мировой войны в 1939–1940 годах они использовали ее для постановки дымовых завес.

Через два года в составе вермахта появились 158,5-миллиметровые самоходные бронированные реактивные минометы, получившие название "Панцерверфер-42". Часть из них монтировалась на бронетехнике, а часть была передвижной и перемещалась на новую позицию при помощи различных транспортных средств.

Немецкие специалисты во время войны непрерывно совершенствовали системы пусковых установок и боеприпасов к ним. При этом они также использовали и конструкцию наших "катюш". В советских войсках немецкие реактивные минометы – в отличие от наших гвардейских – прозвали "Вонюшами" (через букву "о").

Выпуск реактивных установок всех типов на заводах Германии в 1941–1945 годах составил 8 863 шт., в том числе:

1941 г. – 1 298 единиц;

1942 г. – 1 940 единиц;

1943 г. – 1 668 единиц;

1944 г. – 3 715 единиц;

1945 г. – 242 единицы.

В 1945 году германские войска реактивной артиллерии имели в общей сложности 4 816 пусковых установок.

Послевоенный анализ состояния этого типа немецкого вооружения показал, что оно имело неплохие технические решения по дальности стрельбы, точности попадания в цель, удачную конструкцию мины.

Однако немецкое командование на протяжении всей войны так и не создало целостных тактических схем применения реактивной артиллерии в реальных условиях боевых действий.

В наших войсках острое положение возникло в начале войны с некоторыми видами зенитной артиллерии.

Большие потери в авиации вызвали необходимость резкого увеличения выпуска зениток для прикрытия войск и городов от налетов самолетов противника. Зениток не хватало, хотя в предвоенные годы их производство значительно увеличилось.

На второй день после начала войны руководителей Наркомата вооружения вызвали в Кремль, где шла речь о пересмотре прежних планов выпуска оружия и боевой техники и принятии мер для значительного расширения производства вооружения. Прежде всего ставилась задача резко увеличить изготовление зенитной артиллерии. В первый же месяц необходимо было дать в 1,5 раза больше против плана 85-миллиметровых зенитных пушек, а во второй и третий – в 2 раза больше. Выпуск 37-миллиметровых зенитных автоматических пушек уже в июле 1941 года необходимо было поднять в 6 раз.

ГКО принял также решение о развертывании производства 25-миллиметровых зенитных автоматических пушек. Эта пушка предназначалась для борьбы с авиацией противника на малых высотах, прежде всего с пикирующими бомбардировщиками и штурмовиками. Она обладала большой скорострельностью и маневренностью. Выпускать ее предусмотрели в кооперации с автомобильными заводами, на которые возлагали изготовление ряда узлов этой пушки.

В неимоверно сложных условиях, со сверхчеловеческим напряжением сил рабочих, служащих и руководящего состава головной завод по производству зенитной артиллерии им. Калинина увеличил вдвое выпуск зенитных 85-миллиметровых пушек, которые сыграли важную роль в противовоздушной обороне Москвы и других городов, а затем освоил производство 25-миллиметровых зенитных автоматических пушек. В мирное время на это ушло бы не менее года, а тогда сделано было за три месяца! Причем этот завод с начала войны оказался в очень сложном положении, так как находился в зоне действия вражеской авиации. Когда в связи с нависшей опасностью Государственный Комитет Обороны принял решение об эвакуации ряда заводов, в их числе оказался и артиллерийский завод им. Калинина. Эвакуация на Урал проходила в самые тревожные для страны дни.

Потребность Красной Армии в вооружении с каждым днем увеличивалась. Особенно это касалось полевой артиллерии.

За первое полугодие 1942 года по сравнению со вторым полугодием 1941-го выпуск полевой артиллерии увеличился в 1,8 раза. В 1942 году среднемесячный выпуск 76-миллиметровых пушек увеличился по сравнению со второй половиной 1941 года примерно в 3 раза, а в целом за 1942 год было выпущено 33 111 артиллерийских орудий калибра 76 миллиметров и выше (без танковых).

С 1938 года на вооружении Красной Армии стояла дивизионная 122-миллиметровая гаубица М-30. Созданная на Уралмашзаводе коллективом конструкторов под руководством Ф. Ф. Петрова, она пользовалась особым уважением артиллеристов-фронтовиков. Эта гаубица признана не только нашими специалистами, но и специалистами противника классической.

Огромный спрос на фронте на эти пушки потребовал резко увеличить их выпуск с первых дней войны. Только в 1941 году выпуск гаубиц М-30 на Урал-

машзаводе увеличился в 13 раз. Предстоящее наступление Красной Армии в летней кампании 1943 года потребовало от оборонной отрасли новых, более мощных, чем имелись на вооружении, но в то же время достаточно подвижных орудий полевой артиллерии.

ГКО принял решение создать облегченную 152-миллиметровую гаубицу и начать ее серийное производство. Срок изготовления опытных образцов был установлен небывало жесткий — немногим более двух недель.

Создание гаубицы было поручено конструкторскому бюро Ф. Ф. Петрова — наиболее мощному из заводских артиллерийских конструкторских коллективов. Именно он имел самый богатый опыт конструирования тяжелых артиллерийских систем.

Отличительными чертами конструкций, разработанных под руководством Ф. Ф. Петрова, являлись значительно меньшая в сравнении с аналогичными зарубежными образцами металлоемкость, высокая технологичность, унификация многих деталей и даже целых узлов. В условиях военного времени все это имело огромное значение. К тому же предстояло разрешить извечное противоречие между мощностью орудия, его подвижностью и маневренностью.

К 1 мая 1943 года 152-миллиметровые гаубицы Д-1 были изготовлены и отгружены на испытания. Огневая мощь Д-1 на 80% превышала М-30. Если бы существовала регистрация рекордов скоростного проектирования, то создание новой гаубицы заняло бы, без сомнения, самое видное место в их числе.

То была очередная победа советской конструкторской мысли. Практически по всем боевым характеристикам Д-1 превосходила 150-миллиметровую гаубицу, состоявшую в то время на вооружении немецко-фашистской армии.

Массовый выпуск орудия был освоен всего за полтора месяца. За годы войны только Уральский завод дал фронту 30 тыс. орудий.

В том же 1943 году была модернизирована и 76-миллиметровая полковая пушка — первенец советского артиллерийского производства. Повышение маневренности боевых действий войск, необходимость сопровождения пехоты не только огнем, но и колесами, как говорят артиллеристы, потребовали модернизации пушки, и прежде всего уменьшения ее веса.

Опытные образцы новой пушки успешно прошли полигонные, а затем и войсковые испытания и в сентябре 1943 года были приняты на вооружение. Пушка была почти вдвое легче прежней, удачно сочетала в себе высокие баллистические качества и маневренность и в производстве была значительно технологичнее своей предшественницы.

Что касается полковых пушек противника, то в немецко-фашистской армии имелось два их типа: легкое 75-миллиметровое пехотное орудие образца “18” и тяжелое 150-миллиметровое пехотное орудие образца “33”. Однако вследствие их низких боевых качеств обе эти системы были сняты с производства, а замена им так и не была найдена.

В советской дивизионной артиллерии уже в 1942 году на смену старой 76-миллиметровой пушке УСВ пришла новая система такого же калибра — ЗИС-3. По сравнению с прежней пушкой она имела меньший на 300 с лишним килограммов вес, характеризовалась отличной баллистикой и высокой скорострельностью. А так как противник ничего подобного в дивизионном звене своей артиллерии не имел, это сразу же дало нам преимущества, особенно в противотанковой обороне.

Все это так. Но было бы неправильным думать, будто в области конструирования и совершенствования вооружения все шло, как говорится, без сучка и задоринки. Нет, случались и у нас трудности, и порой немалые.

К началу войны мы создали и имели хорошую, способную успешно выполнять все огневые задачи танковую артиллерию. Но в ходе боев выявился ряд недостатков, над устранением которых пришлось поломать голову. Особенно много хлопот доставила, в частности, 76-миллиметровая танковая пушка, являвшаяся основным вооружением танков. Причем к самой пушке претензий в войсках не было. Она была надежна и безотказна. Но в ее компоновке в танке было много недостатков. В результате боевая скорострельность пушки была в 5 раз ниже технических возможностей.

Совместными усилиями конструкторов — артиллерийских и танковых — вопросы, связанные с установкой 76-миллиметровой пушки в танке, были успешно решены. А когда в конструкторском бюро Ф. Ф. Петрова была создана цилиндрическая короткая люлька для 85-, 100- и 122-миллиметровых са-

моходных орудий вместо громоздких коробчатых люлек, мы получили возможность монтировать орудия таких калибров и на танках. Это еще больше укрепило преимущества советских боевых машин перед танками противника, который не имел и не смог создать ничего, способного противостоять нашим Т-34, КВ и ИС.

В то же время Курская битва подтвердила, что установка на фашистских танках "тигр" 88-миллиметровой пушки даёт им примерно двойное преимущество в дальности ведения прицельного огня перед Т-34, вооруженным 76-миллиметровым орудием.

Не вызывало сомнений, что гитлеровское руководство после сокрушительного поражения под Курском предпримет новые отчаянные попытки восполнить потери в вооружении, ликвидировать отставание в важнейших его видах. Над выполнением военных заказов работали крупнейшие артиллерийские и авиационные фирмы и заводы Европы, в том числе Круппа, Хейнкеля, Мессершмитта, Цейса, а также "Рейнметалл" в Германии, Шнейдера-Крезо во Франции, Ансальдо в Италии, Мадсена в Дании, Сидериуса в Голландии и сотни других. С их конвейеров сходили модернизированные орудия полевой и тяжелой артиллерии, зенитные, танковые и противотанковые пушки с повышенной дальностью стрельбы и начальной скоростью полета снаряда тысяча метров в секунду и более.

Это ставило перед нашей оборонной промышленностью вопрос о наращивании огневой мощи войск. В частности, необходимо было оснастить наши танки более мощной пушкой. Создание такой танковой пушки было поручено Центральному артиллерийскому конструкторскому бюро еще в начале 1943 года. Параллельно работало и конструкторское бюро Уралмашзавода.

Но ни один из разработанных конструкторскими бюро образцов 85-миллиметрового орудия не мог быть запущен в производство без серьезных конструкторских доработок. Верховным главнокомандующим было принято жесткое решение – с начала 1944 года танки Т-34 должны выпускаться только с пушкой калибра 85 миллиметров. Испытания опытных образцов показали, что лучшие качества были у орудия конструкции Ф. Ф. Петрова.

Таким образом, наш самый массовый средний танк – "тридцатьчетверка" – получил в начале 1944 года более мощное вооружение. А на тяжелом танке ИС-2 успешно прошла боевые испытания 122-миллиметровая пушка.

Артиллерийские системы полевых и танковых орудий легли в основу вооружения самоходных артиллерийских установок (САУ), о создании которых и роли в боях Великой Отечественной войны будет сказано ниже.

3. Подвиг танкостроителей

XX век считается "веком танков". Ни один другой род войск не оказал такого влияния на ход военных действий, как танковый.

Начиная с Первой мировой войны, конструкция танков совершенствовалась, их применение в боевых действиях также претерпело большие изменения. В результате этих эволюций появились государства, которые стали лидерами в создании танковых войск прошлого столетия – это Советский Союз и Германия.

Качественное превосходство советского танка Т-34 над немецкими танками среднего типа показали уже первые дни войны. Советские танки Т-34 превосходили немецкие в огневой мощи, скорости, броневой защите, проходимости. Так, кинетическая энергия снаряда 76-миллиметровой пушки танка Т-34 была в 7,6 раза больше энергии снаряда 37-миллиметровой пушки танка Т-III, находившегося на вооружении гитлеровской армии. Танк Т-34 превосходил по боевым качествам и немецкий танк Т-IV, который был вооружен короткоствольной 75-миллиметровой пушкой. В то время как немецкие танки имели бензиновые двигатели, советские средние и тяжелые танки были оснащены мощными дизельными двигателями, имевшими бесспорные преимущества перед бензиновыми: не требовали высококачественного горючего, точка воспламенения была значительно ниже, устойчивость в работе высокая. Именно с этой техникой и практикой ее применения мы пришли к Победе в 1945 году.

Чтобы подчеркнуть значение бронетанковой техники во время Второй мировой войны, ниже приводятся некоторые данные.

В общей сложности на поля сражений Второй мировой войны вышло около 350 тыс. боевых машин.

102 тыс. танков и САУ за годы войны было изготовлено в СССР.

Германия за годы войны изготовила около 47 тыс. танков и САУ (по другим данным, немногим более 50 тыс.), из них самоходок – около 23 тыс.

В июне 1941 года советское танкостроение базировалось в трех крупных центрах.

Первый центр – г. Ленинград. Это Кировский и Ижорский заводы, выпускавшие тяжелые танки серии КВ (Клим Ворошилов).

Второй центр – г. Харьков. На Харьковском паровозостроительном заводе имени Коминтерна выпускались танки Т-34.

Третий центр – г. Москва. Завод № 37 (спецпроизводство автозавода) выпускал легкие танки Т-40, Т-60, Т-70.

Перед самой войной началась закладка танкостроения на тракторных заводах: Сталинградском и Челябинском (СТЗ и ЧТЗ). В Сталинграде осваивался выпуск Т-34, а в Челябинске – КВ. Однако когда началась война, Челябинск еще не приступил к серийному выпуску, а в Сталинграде только начинали развертывать танковое производство.

Учитывая, что основной базовой моделью среднего танка Второй мировой войны, завоевавшего общее признание у наших войск и в мире, являлся танк Т-34, есть необходимость более подробно остановиться на создании и производстве этой машины в годы Великой Отечественной войны.

В октябре 1937 года Автобронетанковое управление Красной Армии выдало заводу № 183 в Харькове тактико-технические требования на разработку новой боевой машины. 19 декабря 1939 года танк был принят на вооружение Красной Армии под индексом Т-34.

Первая производственная программа на 1940 год предусматривала выпуск 150 танков. Однако этот показатель вскоре был увеличен до 600 боевых машин. 5 мая 1941 года постановлением СНК СССР и ЦК ВКП(б) было принято решение о производстве танков Т-34 в 1941 году. Этим решением обязывались произвести на заводе № 183 (г. Харьков) 1 800 машин, а на Сталинградском тракторном заводе (СТЗ) – 1 000 машин. Мариупольскому судостроительному заводу Наркомсудпрома давалось задание изготовить для этих заводов необходимое количество бронекорпусов и башен. Но ни то, ни другое задание выполнить не удалось. За первое полугодие 1941 года на заводе № 183 было изготовлено 816 танков Т-34, на СТЗ – 294.

Первые серийные Т-34 поступили в танковые соединения РККА поздней осенью 1940 года. Однако плановая боевая учеба началась лишь весной 1941-го. К сожалению, на освоении нового танка самым негативным образом сказались многочисленные реорганизации танковых войск, проводившиеся в течение двух предвоенных лет. К 1 июня 1941 года в западных военных округах имелось 832 "тридцатьчетверки", но из этого количества эксплуатировалось только 38 машин! В результате до начала войны для танков Т-34 удалось подготовить не более 150 экипажей.

Тем более ценен каждый факт успешного применения "тридцатьчетверок" в то трудное время. Большинство таких боевых эпизодов относится к битве за Москву. Следует особо отметить, что в отличие от летних боев 1941 года с их прямолинейной тактикой операции танковых соединений и частей Красной Армии в этот период носили исключительно маневренный характер. В битве за Москву советские командиры-танкисты впервые применили принцип так называемой подвижной обороны на широком фронте до 15–20 километров на бригаду.

Танковые бригады своими контратаками расстраивали боевые порядки противника, действовавшего в основном вдоль дорог, и вытесняли его на бездорожье. Здесь-то начало сказываться преимущество Т-34 над немецкими боевыми машинами в проходимости.

1941 год был весьма сложным по обеспечению Красной Армии бронетехникой, особенно средними и тяжелыми танками. Большинство танков, из которых свыше 60% составляли легкие, были уничтожены в первые недели войны. В ходе оборонительных операций в Прибалтике, Белоруссии и Западной Украине Красная Армия потеряла почти 12 тыс. танков.

Средние танки Т-34, как уже сказано выше, занимали весьма малый удельный вес в танковом парке, и к тому же подавляющая часть танкистов не прошла переобучение на этих машинах.

В первые три месяца войны страна вынуждена была перебазировать танковую промышленность из военной зоны на Урал.

Исключительно быстрыми темпами восстанавливался на Урале Харьковский танковый завод. 19 октября 1941 года последняя группа работников завода покинула Харьков, а уже 8 декабря 1941 года харьковские танкостроители собрали из привезенных с собой частей и узлов первые 25 танков Т-34 и отправили их на фронт. Эвакуированные на Урал Ленинградский Кировский и Харьковский дизельный заводы разместились на территории Челябинского тракторного. На базе этих трех заводов был создан крупнейший в стране Уральский Кировский танковый завод, получивший название "Танкоград".

К концу 1941 года к выпуску танков приступили все перебазированные танковые заводы, а именно: 8 танкостроительных заводов, в том числе 3 — по производству танковых корпусов, 3 — дизельных.

Временный успех гитлеровской Германии в первый период войны обеспечили ее танковые войска. Перед танковой промышленностью СССР была поставлена задача в кратчайший срок лишить противника преимущества в количестве и качестве танков.

25 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) приняло решение об увеличении выпуска тяжелых и средних танков. 1 июля 1941 года Государственный Комитет Обороны принял дополнительное решение о всемерном развитии производства танков. К выпуску танков был привлечен ряд крупных машиностроительных заводов, в том числе завод "Красное Сормово". В сентябре 1941 года был образован Наркомат танковой промышленности, который возглавил заместитель председателя СНК В. А. Малышев.

Танкостроители изо дня в день, из месяца в месяц наращивали темпы выпуска боевых машин. Быстро рос парк танков в действующей армии. В первые же месяцы войны танковая промышленность перестроила номенклатуру выпускаемой продукции. Уже в первом квартале 1942 года был снят с производства легкий танк Т-50, а в третьем квартале — легкий танк Т-60, и за счёт этого значительно увеличено производство тяжелых танков КВ и средних танков Т-34, которые стали основными типами танков на вооружении Красной Армии.

Производство в первом полугодии 1942 года по сравнению со вторым полугодием 1941-го возросло в 2,3 раза. Красная Армия получила свыше 11 тыс. боевых машин. К середине 1942 года танковая промышленность поставила армии такое количество боевых машин, которое позволило начать создание крупных соединений и частей бронетанковых и механизированных войск, что, в свою очередь, дало возможность по-новому строить и проводить фронтовые операции. К этому периоду сложились условия для достижения военно-технического превосходства над врагом.

Производство танков во втором полугодии 1942 года по сравнению с первым увеличилось с 11 178 до 13 268 танков. В 1942 году танковая промышленность выпустила 24 719 танков всех типов и САУ против 6 590 танков в 1941 году и 2 794 танков в 1940 году. Более половины (51%) общего выпуска танков в 1942 году составляли средние танки Т-34. Фашистская Германия в 1942 году произвела 6 189 танков.

Превосходство гитлеровских танковых сил продержалось до осени 1942 года. После этого немецкая танковая промышленность начала отставать от советских танкостроителей.

Танковая промышленность, в основном уральские танковые заводы, продолжала наращивать темпы производства танков и САУ. На Урале производилось 60% средних и 100% тяжелых танков. Урал выпускал танков и САУ больше, чем вся фашистская Германия вместе с ее сателлитами. На Урале мощным танковым арсеналом стал Танкоград. Этот гигантский завод был создан, как уже говорилось, на базе эвакуированного оборудования Ленинградского Кировского танкового завода, Харьковского дизелестроительного и Челябинского тракторного заводов. Видное место в производстве танков занимали Горьковский завод "Красное Сормово" и Сталинградский тракторный завод. В Поволжье на базе автотракторных заводов и предприятий тяжелого машиностроения были созданы предприятия для массового производства деталей и узлов средних танков Т-34 и частично тяжелых танков КВ.

Труженики танковой промышленности совершили выдающийся трудовой подвиг, организовав за короткий срок массовый выпуск танков. Темпы выпуска танков продолжали расти. Советская танковая промышленность произвела в 1942—1943 годах 44,6 тыс. боевых машин, а промышленность фашистской Германии — 18,2 тыс.

Благодаря тому, что в течение последних трех лет войны ежегодно выпускалось в среднем более 30 тыс. танков, на полях сражений действовали 6 танковых армий, 24 танковых и 13 механизированных корпусов, 80 отдельных танковых и 43 артиллерийско-самоходных полка. Крупные танковые и механизированные соединения стали главным средством развития успеха в операциях второго и третьего периодов Отечественной войны.

Производство танков и САУ (машин) в период войны в СССР и фашистской Германии характеризуется следующими данными:

	СССР		Германия	
	С 1 июля 1941 по 1 июля 1945 г.	В среднем за год	1941—1944 гг.	В среднем за год
Количество шт.	95 099	23 774	53 800	13 450

Наличие мощного вооружения в сочетании с сильной броневой защитой и высокой маневренностью позволило танку Т-34 стать эффективным средством борьбы с немецкими танками. Ни один танк — немецкий, американский или английский — не мог сравниться с советской "тридцатьчетверкой". Компактность конструкции, небольшие габариты, приземистость танка Т-34 повышали его неуязвимость и способность маскироваться. Он имел высокую проходимость, хороший двигатель, надежную броню, развивал скорость до 55 км/час. До самого конца войны Т-34 оставался непревзойденным и считался лучшим средним танком Второй мировой войны.

Немецкие конструкторы не раз пытались полностью воссоздать советский танк Т-34. Стремясь определить уязвимые места в его броне, гитлеровцы заставляли захваченных в плен советских танкистов вести по полигону трофейные танки Т-34 и били по ним из орудий. Немецкие сталевары пытались раскрыть секрет советской стали. Но все эти попытки потерпели неудачу. Тогда немецкие конструкторы пошли по пути создания новых тяжелых сверхмощных танков с более толстой броней.

Во время Курской битвы в 1943 году на полях сражений появились новые немецкие танки: 45-тонные "пантеры" (Т-V), 56-тонные "тигры" (Т- VI) и 71-тонная самоходная установка "фердинанд". Немецкие конструкторы считали их последним словом техники. Новые танки и "фердинанд" имели мощную броню и сильное вооружение. "Пантера" была вооружена одной 75-миллиметровой пушкой и двумя пулеметами калибра 7,92 миллиметра. Она имела броню до 85 миллиметров и развивала скорость до 55 км/час. "Тигр" имел броню 60—80 миллиметров, одну 88-миллиметровую пушку и два пулемета того же калибра, что и "пантера", и развивал скорость до 38 км/час. Форма корпуса "пантеры" была скопирована с советского танка Т-34, но отличалась меньшей компактностью. "Пантера", имея такую же толщину брони и скорость, что и танк Т-34, была тяжелее его на 15 тонн. В 1944 году фашисты сняли с производства танк Т-VI и освоили производство танка Т-VIB. "Королевский тигр" весил 68 тонн, имел лобовую броневую защиту башни 190 миллиметров, а бортовую — 80 миллиметров.

Фашистская Германия трижды меняла конструкцию своих танков. Гитлеровское командование возлагало на новые танки большие надежды, однако они не достигли боевой мощи советских броневых машин. Немецким конструкторам не удалось решить задачу гармоничного сочетания мощности огня, хорошей бронезащиты и высокой маневренности. В результате все новые типы немецких танков, хоть и обладали сверхмощной броней и улучшенным вооружением, но были настолько утяжелены, что значительно уступали советским танкам в проходимости и маневренности. К тому же они оказались уязвимыми для советских противотанковых орудий с новыми бронебойными снарядами, которые пробивали более чем 100-миллиметровую броню немецких машин.

В конструкторских бюро и в цехах танковых заводов велась упорная работа по дальнейшему совершенствованию вооружения.

В Советском Союзе с сентября 1943 года был поставлен на производство тяжелый танк ИС. Башня его имела сферическую форму, а броня — 120 миллиметров. Вместо 85-миллиметрового орудия танк ИС был вооружен мощной 122-миллиметровой танковой пушкой, которая по калибру превосходила пуш-

ки всех зарубежных танков, а по кинетической энергии снаряда более чем в 1,5 раза превышала дульную энергию пушек на немецких танках Т-V и Т-VI. Танк ИС весил на 10 тонн меньше, чем немецкий "тигр", хотя был в 1,5 раза мощнее его. И еще одно достоинство имел ИС, как и все советские танки Великой Отечественной войны, – экономичность и простоту технологии производства. Это, в свою очередь, позволило уменьшить трудоемкость изготовления среднего танка в 2,4 раза, тяжелого – в 2,3 раза.

Появление на советско-германском фронте нашего нового тяжёлого танка ИС привело фашистов в замешательство. Гитлеровское командование даже издало секретный приказ, в котором танковым силам предписывалось избегать боев с танками ИС.

В конце 1942 года состоялось заседание ГКО, на котором выступил Сталин:

"Нам надо наладить производство самоходной артиллерии, – сказал он. – Мы вынуждены торопиться с ее созданием по двум причинам. Во-первых, нашим войскам нужно подвижное и мощное оружие, способное в наступлении сопровождать танк и пехоту, уничтожать различные укрепления противника. Во-вторых, стало известно, что в Германии ведется работа над созданием тяжелых танков и штурмовых самоходный орудий. Значит, мы должны иметь достаточно мощное оружие против них".

Советская промышленность в 1942 году впервые развернула производство самоходно-артиллерийских установок (САУ). До четвертого квартала 1942 года в нашей стране такие установки не производились. Для разработки этого типа вооружения в октябре 1942 года на Уралмашзаводе была создана специальная конструкторская группа. Ее возглавили Л. И. Горлицкий и Ж. Я. Котин. Эта группа в короткий срок создала опытные образцы самоходно-артиллерийских установок.

Сборка первой самоходки на шасси Т-34, вооруженной 122-миллиметровой самоходной гаубицей М-30 (конструкции Ф. Ф. петрова), завершилась 30 ноября 1942 года.

В январе 1943 года 25 СУ-122 были отправлены на фронт под Ленинград. Там они отлично показали себя в бою с "тиграми". Эти машины выпускались на Уралмашзаводе с декабря 1942- по август 1943 года. Но они имели существенный недостаток – скорострельность 122-миллиметровых гаубиц была невелика.

Одновременно главный конструктор тяжелых танков Ж. Я. Котин срочно разработал конструкцию самоходки ИСУ-152 с артиллерийской 152-миллиметровой установкой конструкции того же Ф. Ф. Петрова. Эту сверхмощную самоходку солдаты метко прозвали "зверобоем", т. к. она уничтожала все фашистское "зверье": "тигров", "пантер", "леопардов".

27 декабря 1943 года ГКО принял постановление о проектировании и изготовлении опытного образца 100-миллиметровой самоходной пушки на базе танка Т-34. Задачу решил тандем конструкторов по самоходной артиллерии Уралмашзавода и артиллерии завода № 9. В результате появился проект пушки Д10С с баллистикой морской зенитной пушки.

Так родилась знаменитая "сотка" – самоходная артиллерийская установка СУ-100. Она считается лучшей самоходкой среднего типа времен Второй мировой войны. В феврале 1944 года на заводском полигоне состоялось испытание образца.

В мае 1945 года Уралмашзаводом было выпущено 210 самоходок СУ-100. На этом производство бронетанковой техники на Уралмашзаводе прекратилось.

Работы над созданием и совершенствованием самоходных артиллерийских установок продолжались вплоть до окончания войны. Красная Армия получила СУ-85, СУ-100, ИСУ-122, ИСУ-152. За годы войны наша промышленность дала фронту около 22 тыс. самоходных артиллерийских установок различного типа.

В 1943 году советские конструкторы создали 21 образец новых типов танков и самоходных артиллерийских установок (в 2 раза больше, чем в 1942 году), из них 6 машин было запущено в производство. В 1944 году было разработано к внедрению 25 новых типов танков и артсамоходок. Практика мирового танкостроения не знала примеров освоения производства новых образцов конструкций машин в такие короткие сроки.

Оснащение наших войск большим количеством первоклассного оружия было полной неожиданностью для противника. Гитлеровские стратеги не мог-

ли предположить, что в тяжелейших условиях в Советском Союзе будут созданы новые системы оружия и организовано их массовое производство. А недоступный пониманию фашистов "секрет" состоял в правильном и полном использовании преимуществ социалистической экономики, позволившей в период военных испытаний обеспечить концентрацию усилий на решении оборонных задач.

Создание бронетехники для Красной Армии стало делом поистине всенародным. Отдельные граждане, коллективы предприятий, колхозов и совхозов, различных организаций, театров направляли деньги на создание танков и самоходок.

Не остались в стороне и религиозные организации. Православными верующими было собрано 8 млн рублей. На эти деньги построили 40 танков — 19 Т-34 и 21 огнеметный ОТ-34. 7 марта 1944 года машины были торжественно переданы Красной Армии.

Интересное событие произошло в Свердловске во время войны. Большую партию танков Т-34, 32 машины, купила артель золотоискателей-старообрядцев из Березовского (старинный уральский город вблизи Свердловска). Они попросили, чтобы на башнях танков были нарисованы кресты и начертана надпись "С нами Бог!". Так эта необычная танковая колонна прошла по городу Свердловску.

В сборе денег на вооружение Красной Армии также приняли участие и мусульмане. Верующие Дагестана собрали 10 млн рублей, на которые была построена танковая колонна.

Католикосу всех армян Геворгу VI удалось с помощью зарубежной диаспоры собрать деньги для танковой колонны, получившей название в честь национального героя Армении Давида Сасунского. Колонна из 21 танка Т-34 в начале 1944 года была передана в Красную Армию, в 119-й отдельный танковый полк.

Успехи отечественного танкостроения явились результатом героического труда советских конструкторов, инженеров, техников и рабочих танковой промышленности. Созданная в годы Отечественной войны мощная танковая промышленность сыграла исключительно важную роль в победе над фашистской Германией.

4. Крылья Победы

Прежде чем говорить о роли советской авиации в Великой Отечественной войне, следует проанализировать действия фашистской Германии и Советского Союза по созданию военно-воздушных войск своих государств.

Версальский договор запрещал Германии иметь военную авиацию. Однако уже в 1926 году бывшие противники подписали конвенцию, разрешающую Веймарской республике строить пассажирские и учебные самолеты. В результате в Германии появились новые авиационные заводы, а учебные центры в авиакомпании "Люфтганза" приступили к массовой подготовке летчиков. До 1933 года в Германии на учебных и спортивных самолетах было подготовлено около 4 500 пилотов. Из-за границы вернулись на родину известные авиационные конструкторы Э. Хейнкель, К. Дорнье и др., временно работавшие ранее в Турции, Италии, Швеции и Швейцарии. Приступив к разработке новых самолетов, они уже в то время учитывали возможность их военного применения.

К началу 1941 года Германия располагала развитой авиационной промышленностью, включавшей в себя 135 самолетостроительных и 35 моторостроительных заводов. Кроме того, на Германию в то время работали также предприятия оккупированных фашистами европейских стран, в том числе 57 самолетостроительных и 17 моторостроительных заводов. Перед нападением на СССР в люфтваффе имелось 10 980 боевых самолетов, находившихся в строевых частях. Причем устаревшая и потрепанная в боях техника списывалась и передавалась в учебные подразделения.

Основное внимание немцы уделяли строительству бомбардировщиков, которые должны были уничтожать стратегические объекты и узлы обороны противника.

Для участия в операции "Барбаросса" Германия сосредоточила у границ с СССР огромные силы. В их состав входило 3 604 боевых самолета, в том числе 1 259 бомбардировщиков, 1 025 одномоторных и 93 двухмоторных истребителя, а также около 300 разведывательных машин дальнего действия.

Не остались в стороне и страны – союзницы Германии в надвигавшейся войне, стремившиеся внести свой вклад в борьбу с "коммунизмом". Наибольшие силы для военных действий против Советского Союза выделила Румыния. Гитлеровское руководство заранее рассчитывало на румынскую военную помощь и в счет этого поставило им некоторое количество военных самолетов, а в Германии прошли соответствующую подготовку почти 1 500 румынских специалистов ВВС. Следует отметить, что Румыния имела и собственную авиапромышленность. В июне 1941 года в румынских частях ВВС первой линии числилось свыше 500 боевых самолетов, из которых большую часть планировалось использовать для нападения на СССР. Всего румыны могли выставить против Советского Союза около 150 истребителей, примерно 70 бомбардировщиков, около 100 легких многоцелевых машин и 17 морских самолетов. В оперативном отношении румынская авиагруппировка должна была взаимодействовать с 4-м воздушным флотом люфтваффе.

К войне с СССР готовились также финские ВВС, располагавшие в июне 1941 года 559 самолетами. Для взаимодействия с 5-м воздушным флотом Германии финское командование планировало выделить около 300 самолетов, преимущественно истребителей.

Венгрия присоединилась к тройственному пакту в ноябре 1940 года. Перед началом войны в рядах ВВС Венгрии находилось 536 самолетов, в том числе 363 – в первой линии. Для участия в военных действиях на Восточном фронте правительство Хорти выделило примерно 100 самолетов.

Еще около 100 самолетов для поддержки своего экспедиционного корпуса, сформированного для войны с СССР, предоставила Италия.

Оккупация Югославии в апреле 1941 года послужила причиной образования двух новых "независимых" государств – Хорватии и Словении. Большее доверие у немцев завоевали хорваты. Им было предоставлено право формирования вооруженных сил и передано 75% бывших югославских военных самолетов. "Хорватский воздушный легион" для Восточного фронта был создан в июле 1941 года и состоял из двух истребительных и двух бомбардировочных эскадрилий. Хорватские авиаподразделения входили в состав 4-го воздушного флота люфтваффе, имели немецкую военную форму с нашивками легиона и летали на немецких самолетах. После переподготовки в немецких учебных центрах хорватские летчики приступили к боевым действиям в октябре 1941 года.

Численность советских ВВС руководители рейха оценивали приблизительно в 13–14 тыс. самолетов, считая безнадежно устаревшими не менее половины из этих машин. Их боевая мощь, по мнению немецких стратегов, совершенно не соответствовала количеству и снижалась, кроме того, из-за слабой и неэффективной тактики и организации советской авиации. Тем не менее, большое число советских самолетов могло существенно помешать успешному ходу кампании, и поэтому наиболее важной задачей подразделений люфтваффе в первый день войны было завоевание господства в воздухе путем нанесения неожиданного удара по аэродромам противника. Для этой цели предполагалось использовать все наличные силы немецких ВВС на Востоке, даже ценой отказа от поддержки наземных войск. И только после уничтожения советской авиации части люфтваффе должны были переключиться на непосредственное взаимодействие с вермахтом.

Советская военная авиация в преддверии войны насчитывала свыше 17 тыс. самолетов – немецкая разведка явно недооценила наши силы. Западная группировка войск Красной Армии имела в своем составе 7 133 самолета фронтовой авиации (4 200 истребителей) 1 445 морской (763 истребителя). Правда, приблизительно 80% всей авиации составляли изношенные машины устаревших образцов, и только 1 540 самолетов соответствовали требованиям времени.

К середине 30-х годов воздушный флот СССР по праву считался сильнейшим в мире. Руководство страны, поверив в наше превосходство, упустило время больших изменений в развитии мировой авиации. За это время в мире был сделан значительный шаг вперед. Это отчетливо проявилось уже в 1939 году, когда истребители СССР стали проигрывать воздушные схватки не только с более совершенными "Мессершмиттами-109" в небе Испании, но даже и с японскими самолетами в ходе конфликта на реке Халхин-Гол. Требовалось в кратчайшие сроки изменить такое положение дел.

В мае 1940 года, в связи с молниеносным поражением Франции, коренным образом изменилась военно-политическая и стратегическая обстановка в Европе, что привело к резкому возрастанию опасности фашистской агрессии против СССР. В этих условиях руководство страны вынуждено было осуществить более широкую перестройку промышленности на производство боевой техники и вооружения и предпринять меры для приведения Вооруженных Сил в готовность к отражению агрессии.

Центральный Комитет партии и Совнарком СССР приняли решение о реорганизации государственного аппарата управления промышленностью, чтобы обеспечить максимальную оперативность и гибкость в выполнении заданий, направленных на укрепление обороноспособности государства.

Наркомат оборонной промышленности был разделен на 4 наркомата: авиационной, судостроительной, боеприпасов, вооружения.

В 1939 году Комитет обороны при СНК СССР принял постановление о реконструкции существующих и строительстве новых заводов по производству самолетов. В постановлении отмечалось, что достигнутые к началу 1939 года мощности авиационной промышленности не удовлетворяли потребности в боевых самолетах, и предусматривалось осуществить строительство девяти новых авиационных и семи авиамоторных заводов. К концу 1941 года производственные мощности самолетостроения должны были увеличиться по сравнению с 1939 годом более чем в 1,5 раза, а авиамоторных заводов — в 2 раза.

В 1940 году с целью укрепления производственной базы самолетостроения авиационной промышленности было передано семь заводов других отраслей, усиленно велось строительство авиамоторных и агрегатных заводов, предприятий авиационных приборов.

Осуществление крупной строительной программы позволило значительно увеличить мощности авиационной промышленности. К концу 1940 года они выросли более чем на 70% по сравнению с 1939 годом. За три года третьей пятилетки парк оборудования заводов авиационной промышленности возрос на 40%.

Однако авиационная промышленность выпускала отчасти устаревшие самолеты, поэтому советские авиаконструкторы продолжали упорно работать над созданием новых, современных образцов военных самолётов.

Существенно укрепились такие ведущие научно-исследовательские институты, как ЦАГИ и ЦИАМ, а также конструкторские бюро. Во главе их стояли талантливые конструкторы, имена которых во время войны знала вся страна.

Советским конструкторам удалось в короткий срок — всего за 2 года — создать совершенно новые типы истребителей, бомбардировщиков, штурмовиков, а авиационная промышленность смогла подготовить базу для их массового производства.

За предвоенный период было создано около 20 новых типов боевых самолетов, и среди них истребители Як-1 конструкции Яковлева, МиГ-3 — Микояна и Гуревича, ЛаГГ-3 — Лавочкина, Горбунова, Гудкова, штурмовик Ил-2 и бомбардировщик Ил-4 — Ильюшина, пикирующий бомбардировщик Пе-2 — Петлякова. Боевые самолеты нового типа по своим основным летно-техническим характеристикам не уступали лучшим зарубежным образцам. Новые истребители были быстроходнее и маневреннее немецких. Вскоре созданные советскими конструкторами боевые самолеты были запущены в серийное производство. Начиная с 1940 года, небольшими сериями стали выпускаться Як-1, МиГ-3, Пе-2 и др.

Однако авиационные заводы с огромным трудом осваивали серийный выпуск новых самолетов. Производство больших и сложных машин потребовало повышения квалификации рабочих, а это дело не одного дня. Кроме того, приходилось совершенно заново налаживать весь технологический процесс, перестраивать большинство цехов.

В результате в 1940 году было выпущено только 64 истребителя Як-1, 20 истребителей МиГ-3 и лишь 2 пикирующих бомбардировщика Пе-2, хотя авиационная промышленность всячески форсировала работы по их серийному производству. Но уже в 1941 году удалось достичь значительного роста выпуска боевых самолетов нового типа. Только за первую половину 1941 года было произведено 1 946 истребителей МиГ-3, Як-1, ЛаГТ-3, 458 бомбардировщиков Пе-2 и 249 штурмовиков Ил-2, а всего в авиационном парке насчитывалось 2 739 новых самолетов.

Однако на вооружении Красной Армии продолжало оставаться большое количество самолетов старых конструкций. Примерно 75—80% общего парка машин по основным летно-техническим характеристикам уступали однотипным самолетам фашистской Германии.

С самого начала войны гитлеровское командование, как известно, ставило задачу быстро уничтожить советскую авиацию путем непрерывного нанесения мощных и концентрированных ударов по советским аэродромам, достигнуть превосходства в воздухе, а затем парализовать работу промышленности и дезорганизовать фронт и тыл, обрушив всю силу своей авиации на советские войска, города и предприятия. Из пяти воздушных флотов, составлявших военно-воздушные силы гитлеровской Германии, четыре были направлены против СССР.

В первый период войны гитлеровская авиация имела превосходство в воздухе. Именно на это делали ставку гитлеровское командование и генеральный штаб, которые видели в авиации главную силу, могущую принести им молниеносную победу.

Количественное и качественное превосходство немецко-фашистской авиации дополнялось большим опытом ведения военно-воздушных операций, приобретенным гитлеровскими асами в первый период Второй мировой войны.

Гитлеровское командование, готовясь к нападению на Советский Союз, сосредоточило у наших западных границ около 5 тыс. самолетов. Планируя вторжение в СССР, оно отводило решающую роль авиации, танковым и механизированным войскам. Внезапное нападение дало врагу серьезное преимущество в воздухе на первом этапе войны, так как советской авиации был нанесен большой урон.

Военно-Воздушные Силы СССР в первый же день войны потеряли 1 200 самолетов. Однако и в этих тяжелых условиях советские летчики, проявляя высокое боевое мастерство, отвагу и массовый героизм, вели упорные воздушные бои. В результате боевых действий они за первые 18 дней войны уничтожили на аэродромах и в воздушных боях 838 вражеских самолетов.

Центральный Комитет партии и советское правительство в первые же дни войны поставили перед работниками авиационной промышленности задачу в кратчайший срок перебазировать заводы из угрожаемых районов в тыловые и ликвидировать количественное и качественное превосходство немецко-фашистской авиации.

27 июня 1941 года Политбюро ЦК ВКП(б) утвердило план размещения эвакуируемых авиационных заводов. Наркомату авиационной промышленности был передан ряд заводов электротехнического оборудования, машиностроительной и танкостроительной промышленности. В результате этих мер были созданы благоприятные условия для дальнейшего развития отечественного самолетостроения.

Больше 100 предприятий авиационной промышленности перебрасывались в Заволжье, на Урал, в Сибирь, Среднюю Азию, на Дальний Восток. В числе авиационных предприятий были крупные самолето- и моторостроительные заводы, заводы по производству приборов и агрегатов. Они имели сложное оборудование, большие запасы сырья и материалов. Все это требовалось демонтировать, погрузить в железнодорожные вагоны или на речные суда и баржи и отправить за тысячи километров в глубь страны. Вместе с авиапредприятиями эвакуировались в тыл коллективы рабочих, служащих, их семьи. А эвакуировать только один самолетный или моторный завод — значит демонтировать и погрузить 3—5 тыс. единиц оборудования, от простого до самого сложного, включая гидравлические прессы, котлы, прецизионные станки и т. д., и 10—15 тыс., а то и более работающих, а с семьями — до 50 тыс. человек. По сути, перебрасывали в далекие дали только с одним заводом население небольшого города. На колесах, в движении оказалась почти вся авиапромышленность.

Эвакуацию осуществляли в кратчайшие сроки. Если учесть, что гитлеровское командование стремилось перерезать транспортные магистрали, разбомбить эшелоны, не допустить вывоза материальных ценностей, то станет ясно, насколько сложна была эта задача, какая исключительная организованность и оперативность требовались, какой высокий патриотизм и трудовой героизм проявляли рабочие, инженерно-технический состав и служащие авиационных предприятий.

Огромные усилия предпринимались для быстрейшего налаживания массового выпуска самолетов новых конструкций, превосходящих по своим боевым и техническим качествам немецкие самолеты. Все кадры авиационных работников — от конструкторов, ученых и организаторов промышленности до рабочих и инженеров — работали с максимальной отдачей.

Возможности советской военной экономики позволили опережающими темпами и в более широких масштабах повышать техническую культуру в авиационной промышленности, внедрять прогрессивную технологию и улучшать боевые качества самолетов.

Появление советского штурмовика Ил-2 было полной неожиданностью для фашистов. Эта бронированная машина представляла по существу "летающий танк" и была незаменимым авиационным оружием в борьбе с техникой и живой силой противника. Самолеты обладали превосходными летно-тактическими данными: могли поднимать до 600 килограммов боеприпасов и развивать скорость до 430 км/час. На вооружении немецко-фашистских ВВС таких первоклассных маневренных машин не было. Неоднократные попытки немецких конструкторов создать штурмовик, подобный советскому Ил-2, не увенчались успехом.

Ил-2 активно поддерживали действия сухопутных, военно-воздушных и военно-морских сил во всех видах боя. Неожиданно появляясь и проносясь на бреющем полете над полем боя, они осыпали врага бомбами и пулями, вносили смятение в его порядки, эффективно помогали советской пехоте и танкистам, совершали налеты на железнодорожные и другие объекты противника.

Не стояла на месте и советская бомбардировочная авиация. Наряду с пикирующим бомбардировщиком Пе-2 во время войны был создан первоклассный бомбардировщик Ту-2.

Уже весной 1942 года все авиационные заводы, эвакуированные из центральных областей Советского Союза на Урал и Сибирь, полностью наладили производство самолетов, моторов, агрегатов к ним и наращивали темпы их выпуска.

Большинство перебазированных заводов вскоре стали давать в несколько раз больше продукции, чем до эвакуации. В 1942 году было произведено 25 436 самолетов против 15 735 в 1941 году, т. е. на 60% больше, причем значительно возрос выпуск самолетов новых конструкций. Так, в этом году было выпущено 1 129 истребителей Ла-5, массовое производство которых началось с июля, а штурмовиков Ил-2 — в 5,7 раза больше, чем в 1941 году.

В результате количественных и качественных изменений в самолетном парке советской авиации, восполнения ее потерь в начальный период войны и большого урона в самолетах, причиненного противнику, советские Военно-Воздушные Силы успешно завоевывали стратегическое господство в воздухе. К осени 1942 года советская военная авиация имела 4 540 самолетов, а гитлеровская — около 3 500. Хотя на вооружении советских ВВС находились еще машины старых конструкций (например, 500 ночных бомбардировщиков У-2 и Р-5), советская авиация не уступала немецко-фашистской в боевой мощи.

К предстоящему контрнаступлению под Сталинградом общее производство самолетов в декабре 1942 года по сравнению с декабрем 1941 года возросло в 3,3 раза, авиамоторов — в 5,4, бомб — в 2,1, авиаснарядов — в 6,3 раза. В контрнаступлении под Сталинградом участвовало около 1 350 самолетов, причем уже в начале операции инициатива в воздухе перешла к советским летчикам. В ходе Сталинградской битвы они уничтожили около 3 тыс. самолетов противника, что значительно подорвало мощь гитлеровской авиации. В это время соотношение воздушных сил изменилось в пользу СССР.

В середине 1943 года советские Военно-Воздушные Силы по количеству самолетов на фронте превосходили немецко-фашистские в 2 раза. Советская авиационная промышленность учла суровый и горький опыт начального периода войны и сделала все для того, чтобы обеспечить нашей авиации стратегическое господство в воздухе. Фактически с зимы 1942/43 года советская авиация владела инициативой в воздухе на громадном фронте от Воронежа до Кавказа.

Гитлеровское командование предприняло последнюю активную попытку восстановить господство в воздухе в июле 1943 года в районе Курской дуги. Рассчитывая вернуть своим воздушным силам репутацию непобедимых, оно сосредоточило здесь более 3,7 тыс. самолетов. Ежедневно происходило бо-

лее 200 воздушных боев, перераставших часто в воздушные сражения. В грандиозной воздушной битве на Курской дуге советская авиация разбила сильную немецко-фашистскую авиационную группировку. Курская битва подтвердила превосходство советских ВВС. У противника была окончательно вырвана оперативная, а затем и стратегическая инициатива в воздухе.

В 1943 году авиационная промышленность продолжала наращивать выпуск самолетов. Всего в 1943 году было выпущено 33,3 тыс. самолетов, т. е. на 46% больше, чем в 1942 году, причем значительную часть составляли истребители и штурмовики новых образцов. 1943 год прошел под знаком борьбы за повышение летно-тактических характеристик этих боевых машин.

С 1943 года на вооружение истребительной авиации начали поступать более совершенные самолеты: Як-9 — конструкции А. С. Яковлева, Ла-7 — С. А. Лавочкина. Эти самолеты в 1944 году почти полностью заменили устаревшие типы истребителей. Они развивали значительную скорость — от 590 до 672 км/час, имели усиленное вооружение: пушки калибра от 20 до 37 миллиметров и пулеметы калибра 12,7 миллиметра. На них было установлено специальное оборудование: радиостанции, пилотажные и навигационные приборы. К концу 1943 года скорость советских истребителей увеличилась на 100 км/час, а немецкие конструкторы по сравнению с 1941 годом лишь незначительно подняли потолок скорости своей истребительной авиации. Немецкие не смогли увеличить калибр авиационной пушки, в то время как советские истребители получили более крупное и эффективное вооружение.

К началу 1944 года советские Военно-Воздушные Силы имели 8 818 боевых самолетов, а гитлеровская авиация — 3 073. По числу самолетов советская авиация превосходила авиацию противника в 2,7 раза. В дальнейшем соотношение военно-воздушных сил изменилось в пользу СССР еще больше. К июню 1944 года ВВС фашистской Германии имели на фронте уже только 2 796 самолетов, а ВВС СССР — 14 787. К началу 1945 года на вооружении ВВС Советского Союза было 15 815 боевых самолетов. В 1944 году на советско-германском фронте советских самолетов было в 4 раза больше, чем немецких, а к январю 1945 года — в 7,4 раза.

За 4 года Великой Отечественной войны (с 1 июля 1941 по 1 июля 1945 года) советская авиационная промышленность выпустила 108 тыс. боевых машин, в то время как фашистская Германия произвела за 1941—1945 годы 78,9 тыс. самолетов. За время Отечественной войны советская авиация полностью перевооружилась. Советские Военно-Воздушные Силы получили свыше 59 тыс. истребителей, более 37 тыс. штурмовиков, 17,8 тыс. бомбардировщиков. Было организовано серийное производство 25 типов новых и модернизированных самолетов (10 типов истребителей, 8 — бомбардировщиков, 2 — штурмовиков, 5 транспортных и учебных) и 23 типа авиационных двигателей.

Самолет Великой Отечественной войны должен был иметь большую скорость, хорошую маневренность и, безусловно, большую огневую мощь. Производство оружия воздушного боя существенным образом отличалось от изготовления стрелкового оружия, наземных скорострельных артиллерийских установок. Так, у авиационных пулеметов темп стрельбы достигал 1 800 выстрелов в минуту и более, у авиационных пушек приближался к 1000 выстрелам.

Выдающимся создателем авиационного оружия был Б. Г. Шпитальный. В содружестве с мастером-оружейником И. А. Комарицким он создал самый скорострельный в мире авиационный пулемет ШКАС (Шпитального — Комарицкого авиационный скорострельный). Лучшие зарубежные системы делали не более 1 200 выстрелов. Обладал ШКАС и высокой живучестью. Он выдерживал 14 тыс. выстрелов без поломок и задержек.

Боевое крещение авиапулеметы Шпитального — Комарицкого получили в небе Испании и оправдали себя. Они применялись во время войны в Китае и в советско-финляндской войне. С ними, имея уже крупнокалиберные пулеметы и пушечное вооружение, советская авиация вступила в Великую Отечественную войну.

Исключительно высокие достоинства системы ШКАС позволили создать на ее основе еще до войны крупнокалиберный 12,7-миллиметровый авиационный пулемет. Сделали это конструкторы оружия Тулы, где в это время в КБ работал молодой инженер С. В. Владимиров. Он взялся за это дело и завер-

шил его. Пулемет системы ШВАК (Шпитального – Владимирова авиационный крупнокалиберный) стал мощным оружием в борьбе с авиацией противника. Однако С. В. Владимиров на этом не остановился. Свой крупнокалиберный пулемет он превратил в 20-миллиметровую авиационную пушку. Эту пушку испытывал на поликарповских истребителях В. П. Чкалов, который дал ей высокую оценку.

Пушка, созданная С. В. Владимировым, получила также наименование ШВАК, так как в ней были заложены принципы действия, разработанные Б. Г. Шпитальным. 20-миллиметровая авиационная пушка ШВАК, намного превосходившая по тактико-техническим характеристикам лучшие зарубежные образцы, стала самой массовой конструкцией авиационного вооружения в годы Великой Отечественной войны. Однако ШВАК оказалась слабоватой при поражении бронированных наземных целей, когда эту пушку поставили на штурмовик.

В 1940 году тульские конструкторы А. А. Волков и С. Я. Ярцев предложили 23-миллиметровую авиационную пушку, получившую их имя – ВЯ (Волков – Ярцев). Эта система надежно поражала броню легких танков и бронемашин и стала основным оружием советских штурмовиков ИЛ-2. За рубежом пушек такого калибра в то время еще не было. ВЯ-23, производившаяся сразу на нескольких заводах, была наряду со ШВАКом одним из самых массовых видов авиационного пушечного вооружения.

Таким образом, с точки зрения систем авиационного оружия советская авиация вступила в войну вполне оснащенной. Наше превосходство здесь над противником сохранялось до конца войны и было одним из важных факторов завоевания господства в воздухе.

Пушка ШВАК была довольно сложна в изготовлении, а при росте программ, стремительном увеличении выпуска самолетов это являлось уже сдерживающим фактором. Требовались поистине огромные усилия, исключительное напряжение в работе, чтобы справиться с заданиями, удовлетворить нужды фронта. Надо было иметь на стапелях и другую пушку – более простую в изготовлении, но не уступавшую, конечно, ШВАКу в силе огня.

Было предложено 12,7-миллиметровый крупнокалиберный пулемет переделать в 20-миллиметровую авиационную пушку.

И это удалось. В конце 1943 года уже испытывали двадцатимиллиметровку М. Е. Березина, которая действовала столь же надежно, как и его крупнокалиберный пулемет. Березинская пушка оказалась вдвое легче ШВАКа, и изготовлять ее было намного проще. Пушку сразу запросили авиационные конструкторы С. В. Ильюшин и А. С. Яковлев, установив ее на своих самолетах. На завершающем этапе войны 20-миллиметровой пушкой М. Е. Березина, получившей наименование Б-20, вооружались ИЛ-2, ЯК-1, ЯК-3 и ЯК-7. Подобно пушке ШВАК, она надежно разила врага на земле и в воздухе. Ижевский завод все время наращивал мощности по производству Б-20, став предприятием, оснащающим новым видом оружия многие боевые самолеты. До конца войны ижевцы дали 9 тыс. этих новых пушек.

Война подстегивала всех. Оружия требовалось все больше, а его боевые характеристики должны были становиться все лучше. Это касалось всего вооружения, и авиационного тем более. Еще в мирное время появились образцы авиационной артиллерии, которые намного опережали то, что делалось за рубежом. Именно такой системой были 37-миллиметровые авиационные пушки. Над ними трудились конструкторы Б. Г. Шпитальный и И. А. Комарицкий, А. Э. Нудельман и А. С. Суранов.

В марте 1942 года прошли испытания новой 37-миллиметровой пушки – НС-37 (Нудельман – Суранов) и Ш-37 (Шпитального).

Сравнительные стрельбы состоялись на одном из полигонов ВВС под наблюдением комиссии, состав которой определил Сталин. Испытания проходили в обстановке, исключавшей какую-либо предвзятость. Пушка конструкторского бюро А. Э. Нудельмана обладала рядом преимуществ по большинству пунктов технических условий и была признана лучшей. Это заключение представили И. В. Сталину.

Лучшие качества НС-37 были убедительно доказаны. Три самолета ЛаГГ-3, вооруженные пушками Шпитального, и один ЛаГГ-3 с пушкой Нудельмана соревновались в течение нескольких часов. Трижды самолеты взлетали с пол-

ным боекомплектом, и трижды НС-37 работала безупречно, а с Ш-37 ни один отстрел не прошел без задержек. Затем пушки взвесили, и опять выиграла НС-37.

Доложили обо всем Сталину. Он распорядился изготовить по 40 пушек, чтобы их опробовали в бою. А. Э. Нудельман и А. С. Суранов вылетели в Ижевск с образцом пушки, которую испытали на полигоне.

40 пушек, изготовленных досрочно, отправили на самолетостроительный завод, где их установили на истребители ЛаГГ-3. Эти самолеты вскоре вылетели на фронт. Испытанные в бою, пушки НС-37 высоко оценили летчики.

Пушка НС-37, которая стала покидать ворота завода, быстро вытеснила Ш-37, которую вскоре сняли с производства. В 1943 году ижевцы поставили авиационным заводам 4 730 пушек конструкции А. Э. Нудельмана и А. С. Суранова, а всего завод дал авиаторам их около 10 тыс.

Применение НС-37 в воздушных боях и по наземным целям оказалось исключительно эффективным. Самолеты с такими пушками уже участвовали в Курской битве. На штурмовиках ИЛ-2 НС-37 устанавливали в крыльях с боекомплектом 50 снарядов на каждую. Снаряд нудельмановской тридцатисемимиллиметровки весил почти 750 граммов. Ни одна авиационная пушка воюющих стран не имела такого снаряда. "Появление на фронтах немецких танков "тигров" и "пантер" с трехдюймовой броней не застало нас врасплох, – писал авиаконструктор С. В. Ильюшин. – В 1943 году уже выпускались самолеты ИЛ-2 с двумя мощными пушками калибра 37 миллиметров". Этими пушками вооружались также истребители конструктора Яковлева, часть которых была передана в полк французов "Нормандия – Неман".

Лучшим немецким асам в Крыму поручили охотиться за истребителями с этой пушкой, прозванной "летающим фердинандом". И когда, наконец, удалось подбить один истребитель со страшной для немцев пушкой, из Германии с завода "Фокке-Вульф" срочно прибыла комиссия для изучения "летающего фердинанда".

Гитлеровцам так и не удалось почти до конца войны создать ничего подобного нашим крупнокалиберным авиационным пушкам. Они устанавливали на некоторые самолеты наземные орудия 50- и даже 75-миллиметрового калибра с ручным заряжанием. Выдержать схватку с мощными и скорострельными советскими пушками они, конечно, не могли. Установка наземных орудий на самолеты свидетельствовала об отсталости немецкой технической мысли в области авиационного вооружения. Появление на заключительном этапе войны 30-миллиметровых немецких авиационных пушек уже не могло сыграть существенной роли, так как наши воздушные орудия превосходили их по всем показателям.

Американские и английские пушки тоже уступали нашим. Пытаясь усилить огонь своих самолетов, в США стали устанавливать на тяжелые самолеты 76,2-миллиметровые наземные орудия также с ручным заряжанием. Но, как и у немцев, это себя не оправдало. Появившиеся в этих странах новые автоматические пушки не смогли превзойти наши.

В июле 1943 года в разгар Курской битвы Сталин провел совещание со специалистами и руководителями производства по созданию авиационных пушек большего калибра.

Конструкторам поручили создать 45-, 57- и даже 76-миллиметровые авиационные пушки. Последнюю – на перспективу. Ближайшая задача – сорокапятимиллиметровка. Созданием сорокапятимиллиметровой авиационной пушки занялись два КБ – Нудельмана и Шпитального.

Пушку Нудельмана испытывали много раз. На самолет поставили тогда, когда все получилось на земле. Ее установили на Як-9Т, который стал называться Як-9К (крупнокалиберный). Ил-2, вооруженный двумя 45-миллиметровыми пушками, превратился в Ил-10. Спустя год после совещания в Кремле первые самолеты с новыми пушками ушли на фронт.

Войсковые испытания НС-45 показали ее надежность и эффективность. В отчете об испытаниях, проведенных в одном и авиационных корпусов, сообщалось, что "освоение самолетов Як-9К из пушки калибра 45 миллиметров частями корпуса прошло хорошо". Этому способствовало то, что корпус в течение продолжительного времени воевал на самолетах Як-9Т, вооруженных пушками НС-37. Особо подчеркивалась исключительная разрушительная сила снаряда как по воздушным, так и наземным целям.

На советско-германском фронте были перемолоты главные силы фашистской авиации. Это сделали советские летчики, проявившие невиданный героизм и высокое летное мастерство. Победа советских ВВС стала возможной благодаря созданию современной отечественной авиационной промышленности, широкому развитию в нашей стране авиационной науки и техники, росту кадров талантливых конструкторов и инженеров, а также рабочих – замечательных мастеров этой сложнейшей отрасли промышленности.

* * *

И в заключение этой главы. В приведенной ниже таблице показаны объемы и темпы производства в важнейших отраслях советской военной промышленности в 1941–1945 годах (в % к 1940 году).

Промышленность	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	1945 г.
Авиационная	126	178	223	239	177
Танковая	112	184	234	296	276
Вооружения	145	191	200	206	156
Боеприпасов	152	218	264	310	171

Ни в одной из прошлых войн экономика страны не играла такой важной роли в победе над врагом, как во Второй мировой войне. Особенность этой войны заключалась в том, что в период военных действий масштабы производства военной техники не только сохранялись, но и значительно увеличивались.

Это обстоятельство было для нашей страны особенно актуально ввиду того, что только к середине 1942 г. была завершена перестройка экономики на военные рельсы, и потребовались неимоверные усилия по выпуску вооружения на заводах, расположенных вдали от фронта.

В это же время шла интенсивная работа по освоению массового производства новейшей военной техники.

Вот такая двуединая цель стояла перед нашей страной. И она была достигнута.

(Окончание следует)

30 ноября этого года литературная общественность России отмечает знаменательный юбилей известного писателя Белгородской земли, ветерана Великой Отечественной войны, ныне издателя хорошо знакомого читающей публике литературно-художественного и научного журнала "Звонница" Владислава Мефодьевича Шаповалова. Ему уже 85 лет. Но человек неуемной энергии, он продолжает плодотворно трудиться на литературной и издательской ниве. Лауреат многих литературных премий, в том числе Всероссийской литературной премии "Прохоровское поле". Автор резонансно прозвучавшего романа о Великой Отечественной войне "Белые берега". Об этом произведении очень точно было сказано в свое время: "...роман "Белые берега" более тридцати лет назад взломал стереотип изображения Великой Отечественной войны, стереотип, от которого не отступил почти ни один писатель, и показал нам войну, какой она была на самом деле, за что автору следует поклониться". И сейчас Владислав Мефодьевич пишет нестандартно, ершисто, подчас резко, но всегда правдиво и откровенно. В предлагаемых читателю очерках Владислава Шаповалова, которые он сам характеризует, как "политические миниатюры", ясно звучит тема заветного, самого близкого сердцу писателя отношения к людям, к России, к современности.

ВЛАДИСЛАВ ШАПОВАЛОВ

ЗАВЕТНОЕ

Отчество

На Западе нет обычая обращаться к человеку по имени-отчеству. Там отчеств нет. У моей хорошей приятельницы есть в Америке знакомые. Как-то они приехали к ней в гости. Она обращается:

– Слушайте, Чак...

Спрашиваю: вы так близко знакомы, что не обращаетесь по имени-отчеству?

– Да нет, у них так не заведено.

И пошло:

– Дик, Дик, Дик...

– Пол, Пол, Пол...

– Боб, Боб, Боб...

Издевка или насмешка?

Это пригодно для пустопорожних телесмехачей, чтобы они там перегукивались друг с другом.

Кто-то из космополитов вразумил нас, непутевых, что и нас, русских писателей, следует называть, как на просвещенном Западе: Вильям Шекспир, Анатоль Франс, Адам Мицкевич. Без отчества. А то не культурно получается.

И пошло-поехало: Лев Толстой, Антон Чехов, Василий Шукшин...

Что они – мои приятели, близкие знакомые, друзья? Ровня, что ли?

У нас же совершенно иначе принято. По-человечески: Лев Николаевич Толстой, Антон Павлович Чехов, Василий Макарович Шукшин...

Вы почувствовали разницу? То-то!

Отчество – это уважение к твоему предку-родителю, давшему тебе жизнь. Признание его. Поклонение старшим. Поклонение роду.

Моего отца уже нет почти семьдесят лет в живых, а ЕГО имя до сих пор звучит в моем отчестве: **Мефодьевич!** Указывает, что я не из подворотни. Напоминает, что ты сын отца, хотя мы об этом не задумываемся.

Иногда меня из особого уважения к возрасту называют Мефодьевичем. Именем Отца! Какая честь! И как приятно, что именно так называют.

И где бы я ни был, куда бы ни поехал, оно со мною рядом – имя отца. Он шел со мною маршевой ротой на фронт в красноармейской книжке, сидел рядом со мной в окопе у сердца в нагрудном кармане гимнастерки, форсировал ночью Вислу...

Это было в Польше летом 1944 года. Рота противотанковых ружей, в состав которой входил и я, форсировала реку Висла. Глубокой ночью несколько лодок отчалили от берега и взяли курс на противоположную сторону, где основательно укрепился противник.

Обнаружив нас осветительными ракетами, немцы открыли шквальный огонь. Особенно досаждал крупнокалиберный пулемет, установленный на излучине реки так, что пули приходились нам в борт. Но что удивительно! Светящиеся точки шли наперерез нашему движению по-над самой водой, прямо на меня, и, не доходя метров двести-триста, то забуривались в воду, то отворачивали в сторону. Все это казалось неправдоподобным.

В диком напряжении я пригнулся в лодке, прячась за бортом, будто доска могла защитить меня, как вдруг почувствовал, что вода начала просачиваться в мои ботинки.

– Тонем!!!

Так и не знаю, что случилось. То ли в лодку попала крупнокалиберная пуля, то ли она сама дала течь, только я неожиданно для себя скомандовал:

– Прыгайте за борт! Ружья оставить в лодке!

Командир взвода лейтенант Воропаев сидел на корме, вцепившись руками в борт, лицо его было абсолютно меловым, или так лишь казалось при свете очередной ракеты. Он так и не прыгнул в воду.

К нашему счастью, под ногами оказалось дно – мы уже подплывали к берегу. Лодку с оружием и боеприпасами дотолкали вручную, а как только она клюнула носом в песок – мигом разобрали свои ружья и тут же, у кромки воды, окопались. Правда, зарыться нам как следует не удалось, под тонким слоем песка оказалась вода. Но я все же соорудил впереди окопчика небольшой брустверок, вылил по очереди из ботинок воду и, когда взошло солнце, начал обсушиваться.

В нагрудном кармане гимнастерки, у сердца, кроме писем от матери, находились красноармейская книжка и комсомольский билет. Замечу: в жизни я сначала получил не паспорт, как это обычно бывает, а красноармейскую книжку, до паспорта было еще три года службы. Небольшой скарб я разложил на песчаном бруствере для просушки и увидел расплывшиеся от воды буквы. Взгляд остановился на имени отца. С особым чувством теплоты и горькой печали вспомнил дорогие для меня черты. Отца уже не было в живых, тем тяжелее становилась память о нем.

Ты плыл со мною вместе в лодке, форсировал Вислу, вместе со мною намок и теперь просушиваешься рядом... Мой МЕ-ФО-ДИЙ.

Ты прости меня, отец, что я тогда не думал о тебе, а был весь в немецкой пуле. И сейчас, много-много лет спустя, у меня открытой раной ноет неизъяснимая боль в сердце, и тяжесть, что ты так мало прожил по сравнению со мной, что так мало видел и знал, что прожил всего 42 года, в то время как я отсчитал уже два твоих срока, неся вину перед тобой за то, что погиб ты за меня и нашу семью, чтоб мы остались на свете нетронутые гибельной судьбою...

А потом имя отца, при демобилизации – вошло в паспорт, наконец, в трудовую книжку, профсоюзный билет... мы всегда вместе, неразлучны. Всю жизнь.

Звучит имя моего отца и в Брянске, где живет родная сестра Светлана Мефодьевна. Человека нет, а о нем идет напоминание живущим, и чем больше у человека детей, тем чаще звучит это святое слово – ОТЧЕСТВО.

И я ставлю его имя рядом со своим на заявлениях и прочих официальных бумагах. Когда я представляюсь кому, или когда у меня спрашивают, как ме-

ня зовут и я отвечаю: Мефодьевич, – обычно происходит заминка. Затем следует восклицание: "О! Редкое отчество".

Но вот в середине восьмидесятых годов прошлого столетия пришлось мне побывать в Туркмении. На одной из стоянок Большого канала я встретил русского мужика – лодочника, среди его четверых детей бегал по песчаному берегу пятилетний Мефодий! Сердце зашлось.

Потом я встретил еще и еще раз несколько сопливых Мефодиев. Святое имя будто возродилось.

Как-то я заверял у нотариуса какую-то справку. Пока ее готовили, ждал в коридоре. Такой порядок. Слышу, клиентов вызывают через громкоговоритель. И не по фамилии, а уважительно – по имени-отчеству. Дошла очередь и до Мефодьевича. И как оно величественно прозвучало при всех посетителях, хотя никто не заметил этого. И думал ли когда мой Мефодий, что спустя десятки лет после его кончины будет звенеть его имя!

А как созвучно, уважительно, любовно слышатся отчества на русском языке: Николай Васильевич, Анна Павловна, Анатолий Егорович...

И мое имя звучит в отчестве моих детей! И меня не станет, а оно будет звучать...

Зачерпнув глыбу истории, замечательный наш писатель-земляк Владимир Устинович (УСТИНОВИЧ! – Не как-нибудь!) Калуцкий спрашивает и отвечает:

"А какая же уверенность в человеке без отчества? А ведь тут важно еще и произношение букв кириллицы. И если мы прочтем концовку "ВИЧ" вразбивку, то получим три слова: Веди... Иже... Червь. То есть – мудрый как змий. (Змея – символ мудрости, благородства, энергетической мощи, неподкупности, тайных знаний и медицины).

Святой Нил Сорский считал еще точнее – *мудрый мудростью отца.* И в таком случае обычное сочетание, скажем, Иван Петрович Лыков, воспринималось славянами, как Иван, МУДРОСТЬЮ СВОЕГО ОТЦА ПЕТРА МУДРЫЙ, Лыков. То же и в женском варианте – "ВНА": Веди... Наша... Аз – разумная, как отец (Марфа Исааковна Борецкая – МАРФА, РАЗУМНАЯ, КАК ЕЕ ОТЕЦ ИСААК, Борецкая). Величание без отчества – это выпадение из русской традиции, из нашего алфавита. Без отчества можно писать разве что латинскими буквами, не имеющими словесного выражения – вот нас и пересаживают на них, выбивая самую основу славянского бытия. Все больше газет и телеэкран особенно пестрят чужими нашему глазу w, g, j да z, в которых нет никакого смыслового содержания. И новая "русская литература" пишется уже на неком суржике в традиции скорее Стивена Спилберга, нежели Ивана Сергеевича Тургенева.

Слово "ОТЧЕСТВО" близко и родственно со словом "ОТЕЧЕСТВО". Разница в одной букве. Вот до каких высот поднимает тебя отчество!

Отчество имеет сакральный смысл. Это племенной знак. Отчество – это связующее звено родовой цепи, прервать ее закордонными веяниями – значит ударить по вековечной традиции предков, да и потомков.

Кто гробит русский язык

Помню, как летом 1941 года немцы вступили в город – громкие диковинные голоса нагло заполнили улицу, а родная речь притихла. Сразу на домах, на дверях, на столбах появились таблички на пришлом языке, и мы, подавленные, начали изучать их.

Verbotenes Cebiet
Запретная зона

Eintritt Verboten
Вход воспрещен

Beschlagnahmt
Конфисковано

Для нас, непутевых, мелким шрифтом.

Сразу начали открываться курсы по изучению немецкого языка, бывшие

при советской власти учителя немецкого языка стали ходить в фаворе, а обыватели пробовали уже "шпрехать по-дойч", хотя у них получалось что-то вроде "с неба вассер течет".

На родную землю ступил кованым сапогом язык оккупации, попирая все отчее...

Невольно приходят в голову аналогии с современностью.

Правители наши, в отличие от немецких оккупантов, вроде бы озабочены состоянием русского языка. В 2005 году вступил в силу Закон "О государственном языке Российской Федерации", а 2008 год вообще был объявлен Годом русского языка. Но это оболочка. Посмотрим, что внутри. А внутри, как у дьявола, все наоборот.

"В школах сокращено количество часов на изучение русского языка до 204 в году, а на английский отвели 408 часов..."

"В столице действует распоряжение: преподавателям английского языка платить вдвое больше, чем преподавателям русского языка..."

"Отменено сочинение как обязательная форма итогового экзамена..."

"Следующая новация – перевод экзамена по русскому языку на тесты..."

Подлятину эту можно продолжать перечислять долго...

И это в то время, когда ученые патриотического направления доказали, что "...сочинение – это незаменимый способ овладения родным литературным языком, а тесты убивают язык как живое явление... Живой, природный язык уже не будет касаться сознания учащихся... Эти школьники, по существу, выпадают из полноценного культурного развития нации". И это в то время, когда "положение центрального предмета в школе – русского языка – катастрофическое, языковая среда СМИ ежедневно усугубляет его...". И это в то время, когда "русский язык находится в самом плохом положении среди всех школьных гуманитарных дисциплин", а "...нерусская интонация дикторов СМИ просто ужасна!", отчего "...у широких слоев населения существенно падает языковая компетенция". А те, кто сообразительнее и понимает, что с нами творят, превращая русский народ в безнациональное месиво, в рабочую скотинку, берут учебник русского языка 70-х годов и обучают своих детей заново.

И дураку понятно, что "...жизнеспособность общества соответствует его языковому состоянию. Поэтому вопрос о языке – политический. С ним связана защита государственных и общественных интересов, то есть нормальной жизнедеятельности человека и народа";

что "...теперешние "реформы" в школе направлены на отсечение от традиций, от природных корней национального просвещения и культуры";

что "...теперешние учебники с их ребусами, кроссвордами, дебильными цветными картинками мешают освоить родной язык...";

что "...составляют их околонаучные личности, которые соревнуются в бесконечных новациях и экспериментах...";

что "...разрушить все до основания – их принцип";

что "...чужое вмешательство запутало, свело на нет острую проблему сохранения языка и обучения новых поколений".

Но до "умных" реформаторов это не доходит. Да знают они все прекрасно! Но продолжают действовать по-своему.

Вся "новая" система изучения русского языка продумана хитро и подло, чтобы этого "изучения" не было вовсе, и чтобы произошла утрата русским народом своего национального менталитета.

Создается впечатление, что там, в Москве, сидят на должностях не созидатели, а крушители, точнее, враги русского языка, разгромившие великую державу, а теперь берутся и за народное образование, которое занимало одно из первых мест в мире! Они со злым умыслом не хотят слышать мудрейшие слова Николая Васильевича Гоголя: **"Обращаться со словом нужно честно. Оно есть высший подарок Бога человеку"**.

А где вы сейчас возьмете честного? Когда вся наша жизнь построена на бесчестности!

Проблема спасения национального языка стоит не только перед русским народом.

"Согласно оценкам немецких лингвистов, через 20 лет исчезнет 43 из 6500 существующих в мире языков, а к середине XXI века – 90%. Уничтожение национальных языков проводится двумя путями:

1. Тотальное засорение языков иностранными словами (что проводится сейчас в России).

2. Повседневное препятствование пользованию национальным языком в стране. В Голландии, например, на всех конгрессах сейчас говорят исключительно по-английски.

Лучше всех в мире состояние французского языка – достояние нации. Больше всех борются с внесением иностранных слов в родной язык в Чехии.

Наша проблема состоит в том, что у нас русский национальный язык подменяется суррогатно-космополитическим с нерусским выговором и акцентом, суржиком из телеящика, который смотрит подавляющее большинство страны. Мы просто теряем родной язык, а вместе с ним и родное Отечество, ибо язык – основа государства.

Есть ли будущее у России?

Президент Российской Федерации Дмитрий Медведев определил наш путь в светлое будущее следующим образом:

"В настоящий момент, на мой взгляд, нет никаких оснований говорить об укреплении, дополнительном укреплении присутствия государства в экономике. Государство в этом не заинтересовано. Напротив, мы продолжаем политику приватизации ряда активов, которая началась еще больше 10 лет назад".

Эта политика началась при Ельцине. А что принесла нашему народу эта политика, которая стала осуществляться после "проигрыша России в холодной войне", как говаривал прежний премьер-министр Великобритании Джон Мейджор. Приведем его слова: "Задача России после проигрыша "холодной войны" – обеспечить ресурсами благополучные страны. Но для этого им нужно всего 50–60 миллионов человек". Сказано, кажется, ясно. Еще более лаконично выразился Билл Клинтон: "Россия – это полигон, с которого мы никогда не уйдем". Эту политику своих западных хозяев и осуществляют по сей день наши правители.

За время правления Ельцина проданы многие сотни самых крупных предприятий России по бросовым ценам, заниженным в сотни раз. Никогда еще ценности России не были так дешевы, и никогда так дешево еще не стоила в ней человеческая жизнь.

Чтобы лучше понять Дмитрия Анатольевича, я обратился к экономическому словарю с целью освежить в памяти значение тех слов, которыми оперировал президент: "активы" и "приватизация".

Итак: "Активы – совокупность имущества и денежных средств, принадлежащих предприятию: здания, сооружения, машины и оборудование, материальные запасы, банковские вклады, вложения в ценные бумаги, патенты, авторские права..." и т. д.

Читаем далее: "Приватизация – процесс, процедура перехода имущества, жилья, земли, природных ресурсов, средств производства из рук государства в собственность частных лиц, фирм, акционерных обществ".

Говоря общепонятным языком, "приватизация" – это растаскивание имущества государственных предприятий по частным карманам. Представители власти в каждодневных своих тирадах по телевидению употребляет и иные слова: "модернизация", "инновация", "внедрение нанотехнологий" и т. п. А к чему все сводится?..

Я не думаю, чтобы президент не знал, что "...укрепление присутствия государства в экономике" укрепляет как само государство, так и его экономику, повышает жизненный уровень населения, а "приватизация", напротив, ослабляет государство, способствует разграблению народного богатства, ведет к обнищанию народа, в чем воочию убедились мы за последние двадцать лет правления всех наших трех президентов – братьев-близнецов по общему делу.

Из-за такой антигосударственной и антинародной политики Россия по ВВП к сегодняшнему дню еле дотянула до уровня 1990 года, и то не за счет развития производства, а за счет нефтегазовой трубы, с которой не ссадишь нашу экономику. Сейчас по уровню жизни мы скатились на 160-е место в мире, а по убыли населения и социальному расслоению дышим в затылок самой отсталой из африканских стран – Ботсване. И это в то время, как наши соседи на востоке, в Китае, за последние 30 лет увеличили свой ВВП в 15 раз,

а на западе – Белоруссия, без полезных ископаемых, стала процветающей страной, где для своего потребления с излишком хватает 20% от всего, что там производится, а 80% она реализует за рубежом, накапливая валютные резервы, и где государственные банки во время кризиса сработали так, что их опыт едут изучать страны Западной Европы.

В Российской Федерации государственный сектор составляет сейчас всего 9%, а 91% – уже там...

А как же там?

В странах Европейского Союза государственный сектор составляет в среднем 40%, а во Франции – аж 80%.

Видимо, там, за бугром, у руководства стран стоят полные неумехи и круглые дураки, что за целые столетия своего западного капитализма не способны были продать государственного имущества столько, сколько наши умники спустили за неполные 20 лет.

Как же все это могло случиться?

Ведь даже в ельцинской Конституции Российской Федерации 1993 года, принятой под дулами танковых пушек, расстреливавших Верховный Совет, наше государство объявляется социальным: "Российская Федерация – социальное государство, политика которого направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека" (статья 7 пункт 1).

Такая статья есть и в Конституции Республики Беларусь. Так почему же одно государство оказалось действительно социальным, а другое – асоциальным?

Президент Белоруссии Александр Григорьевич Лукашенко, победив на выборах в 1994 году, сразу взялся за Конституцию, чтобы определить "новую белорусскую модель развития", и вынес на референдум вопрос о необходимости внесения изменений в ранее действовавшую Конституцию Республики Беларусь, кстати, схожую с ельцинской. Белоруссия встала на новые рельсы. Учитывая прежний опыт белорусского народа, закономерности общественного развития, а также опыт таких европейских стран с развитой социально-ориентированной экономикой, как Бельгия, Швеция, Германия, Франция, а также эволюционный переход Китая к методам рыночной экономики, Белоруссия еще в 1995 году коренным образом, в отличие от России, изменила курс своего социально-экономического развития. Без согласия народа президент Белоруссии А. Г. Лукашенко ничего не посмел предпринять. Действительно было осуществлено подлинное народовластие на постсоветском пространстве. А. Г. Лукашенко провел целый ряд референдумов, чего не сделали наши президенты-близнецы, сидящие в России, и, опираясь на волю народа, начал преобразование страны.

Первый общегосударственный народный референдум в Белоруссии был проведен 14 мая 1995 года, на котором было поставлено четыре вопроса. Главнейшие них:

1. Согласны ли вы с приданием русскому языку статуса, равного с белорусским? (Положительно ответили 83,3%, принявших участие в голосовании).

2. Поддерживаете ли вы действия президента Республики Беларусь, направленные на экономическую интеграцию с Российской Федерацией? (Положительно ответило 83,3% граждан, принявших участие в голосовании.)

3. Согласны ли вы с необходимостью внесения изменений в Конституцию Республики Беларусь? (Положительно ответили 77,7% граждан, принявших участие в голосовании.)

Второй общегосударственный народный референдум состоялся 24 ноября 1996 года. Было внесено 7 вопросов.

За новую редакцию Конституции Республики Беларусь предложенную Президентом А. Г. Лукашенко, проголосовало 70,45% граждан страны. (Всего в голосовании приняли участие 84,14% от имеющих право голоса.)

Был проведен и третий референдум. На всех референдумах были поставлены ключевые, основополагающие вопросы жизнедеятельности страны и благополучия народа. Такие, как продажа земли, запрет на монополизацию средств массовой информации, установление нового Государственного флага и герба Республики Беларусь, перенесение Дня независимости республики и др.

За свободную продажу и покупку земли проголосовало всего 15,35% граждан Беларуси. Таким образом – недра, леса, воды, земля сель-

скохозяйственного назначения вернулись в государственную собственность без права продажи и купли. А запрет на монополизацию средств массовой информации оградил население страны от насаждаемого насилия, разбоя, убийств, разврата и разложения, а также от назойливой торговой рекламы, действующей на здоровье людей. У нас же телеканалы куплены-перекуплены Бог знает кем, и свои нервы, попорченные россиянским разбойным телеящиком, мы вынуждены лечить Первым телеканалом Республики Беларусь.

Таким образом, белорус А. Г. Лукашенко изменил курс развития страны, заложенный врагами извне при помощи недоброй памяти С. Шушкевича – бывшего президента, чего не сделал, придя к власти после краха ельцинщины, наш любезный тандем президентов (Путин–Медведев) по примеру Белоруссии. В результате одна страна стала процветающей, а другая – прозябающей.

Проведи правящий тандем такие референдумы, в нашей стране, он бы узнал чаяния народа, вернее, он знал их заранее, потому и не предал интересы "мирового сообщества", пустив Россию по пути сырьевого придатка Запада.

Обратите внимание: в нашей (читай – не нашей) Конституции, в отличие от белорусской, статья 9 пункт 2 гласит: "Земля (не указывается – какая) и другие природные ресурсы могут находиться в частной, государственной, муниципальной и иных формах собственности". А статья 36 пункт 1 разъясняет: "Граждане и их объединения вправе иметь в частной собственности землю", где к слову "граждане" с успехом законодательно было добавлено слово "иностранные".

Зло заложено в самой ельцинской (расстрельной) Конституции.

Наш президентский тандем поступил наоборот: не провел ни одного народного референдума по ключевым, основополагающим вопросам жизнедеятельности страны и благополучия народа – ни по продаже земли, лесов и вод, в том числе иностранцам, ни по продаже стратегических предприятий, нефтяных и газовых скважен, шахт и заводов, преднамеренно нарушив Конституцию, что является с правовой стороны преступлением, превратившим Россию в торговую лавку на окраине цивилизации, где все наши богатства вывалены на мировой прилавок и где заезжие господа со всего света роются в дешевом товаре ("одежда на вес"), скупая его на дурняк. Фактически среду обитания выбили у нас из-под ног.

И мы даже не знаем, сколько чего осталось государственного. В этом помог кризис: "та помощь, которая выделялась из государственной казны для спасения промышленности, досталась большинству стратегических предприятий, не являющихся уже отечественными..."

Чтобы окончательно разобраться, в чем причина русской трагедии, думаю, надо взглянуть на проблему со стороны национальных интересов страны и народа, прежде всего русского.

Гимн Республики Беларусь начинается строкой:

"Мы белорусы – мирные люди..."

Где вы найдете в Государственном гимне России слово "русские"?

Там есть нечто невразумительное: "Братских народов союз вековой..."

Какой это "братский" союз, мы испытали на своей шкуре. И что он "вековой", тоже испытываем...

В ельцинской Конституции тоже нет не только слова "русский", а даже упоминания о существовании такой нации. В Конституции прописаны все национальные субъекты Российской Федерации по алфавиту от Адыгеи до Чечни, Чувашии и Якутии. Кроме русского!!! (Статья 65 пункт 1.)

Есть какая-то абракадабра типа "многонациональный народ". И если в некоторых национальных субъектах Российской Федерации процветает махровый национализм, а все русское в обществе вытравливается на корню, то тут и объяснять нет необходимости, какая национальная политика проводится в стране.

"Демократы" называют нашу страну многонациональной, хотя русский народ является государствообразующим, составляя более 80% населения страны. Францию не называют многонациональной страной, хотя там процент французов намного меньше нашего показателя.

Положение можно исправить только в том случае, если в руководстве будут стоять бескорыстные национально-ориентированные люди, которые заинтересованы в развитии родной страны, как, скажем, в Китае или Белоруссии, странах, которые вырвались из смертельных объятий "мирового сообщества".

Национальный лидер болеет больше за благополучие родной ему нации. А будет тепло государствообразующей русской нации – возле нее обогреются и другие малые народы, как было всегда. Малые народы всегда как цыплята возле доброй наседки.

Вот с чего начинается Родина. Путь глобализации с безнациональным месивом по израильско-американским лекалам – это путь в пропасть. Никогда русский народ не согласится с таким концом своей истории, как ни накидывают на него рабское лассо устроители нового мирового порядка.

Сколько стоит капитализм?

Первая мировая война "съела" 250 миллиардов долларов.

В то время в Америке был в ходу серебряный доллар. Так вот, если бы эти 250 миллиардов серебряных долларов выстроить в один ряд монетку за монеткой друг за другом, то образовалась бы цепочка, опоясавшая земной шар по экватору 286 раз. А если бы их сложить столбиком, то он бы поднялся выше в два раза, чем расстояние от Земли до Луны.

Американский статистик Р. Бергер подсчитал: на те средства, что ушли на мировую бойню, можно было бы построить добротный дом каждой семье во всех державах, которые принимали участие в Первой мировой войне, и еще осталось бы.

Эти подсчеты сделаны в 1925 году, когда и в СССР были в ходу серебряные полтинники и рубли.

Первую мировую войну называют империалистической. Не иной была и Вторая мировая война – подготовленная и спровоцированная империалистами.

Так что если учесть, что обе войны не что иное, как плод капиталистической системы, то теперь читатель может до некоторой степени представить, во что обошлась человечеству эта система – прибежище ростовщика и валютного спекулянта, для которых капитализм – это самая обитаемая среда.

Война – наиболее затратное из всех мероприятий, если ее можно так назвать.

Ученые подсчитали, что во времена римских цезарей убийство солдата обходилось около одного доллара. Во времена Наполеона стоимость возросла до двух тысяч долларов. Во время Первой мировой войны – до семнадцати тысяч долларов. Во время Второй мировой войны – до сорока тысяч долларов. Во время войны во Вьетнаме убийство одного вьетнамского солдата стоило Соединенным Штатам рекордной суммы – двести тысяч долларов.

Почему так растет цена смерти солдата? Оснастка совершенствуется и, следовательно, дорожает: от меча к ракете.

По здравому уму, казалось бы, чем дороже обходятся войны, тем их должно быть меньше. Ан – наоборот! Как у дьявола.

Со времени Второй мировой войны на планете произошло более 150 войн; в них убито более 25 миллионов человек.

Так кому же нужны войны?

На здравый – нормальный – ум этот вопрос может показаться абсурдным: войны никому не нужны, они несут только беду. Но войны ведутся. Значит, потребность в них у кого-то есть?

Весь корень зла в наживе. В жадности обогащения, которой нет предела. А обогащение – это капитализм.

Первой классической страной капитализма стала Англия. Вот ее основной послужной список (XIX–XX вв.):

Англо-американская война (1812–1814).
Англо-афганские войны (1838–1842).
Англо-бирманские войны (1824–1826, 1852, 1885).
Англо-буро-зулусская война (1838–1840).
Англо-бурская война (1899–1902).
Англо-египетская война (1882).
Англо-зулусская война (1879).
Англо-китайская война (1840–1842).
Англо-непальские войны (1814–1816).
Англо-сикхские войны (1845–1846 и 1848–1849).
Англо-франко-китайская война (1856–1860).

Англо-эфиопская война (1867–1868).

Как видим, капитализм растет и взрастает на войнах.

За сто лет Англия мечом и огнем заглотнула земель на двух полушариях больше своей территории в 210 раз!

Англичане хвастались: над Великобританией никогда не заходит солнце! Таким образом, на каждого англичанина работало около десяти туземцев в колониях, страна несказанно богатела, а из самого англичанина формировался тип господина – высокомерного агрессора, несущего "цивилизацию" "дикарям".

Не отставали от нее и другие капиталистические страны: Бельгия увеличила свою территорию путем захвата колоний в 77 раз, Испания в 116 раз, Нидерланды в 49 раз.

Это далеко не полный перечень агрессий, насилия, грабежа, произвола, издевательств над народами, чей опыт с неимоверным усердием переняла Америка.

Подсчитано, что за полвека, прошедшие со времен Второй мировой войны, Соединенные Штаты участвовали более чем в двух десятках вооруженных конфликтов:

1946–1949 гг. – вооруженное вмешательство в гражданскую войну в Китае;

1950 год – оккупация китайского острова Тайвань;

1950–1953 гг. – вооруженная агрессия в КНДР;

1953 год – свержение правительства Мосаддыка в Иране;

1953 год – вооруженная интервенция в Никарагуа;

1954 год – вооруженная интервенция в Гватемалу;

1958 год – вооруженная интервенция в Ливан;

1958 год – провокация против КНР;

1960 год – варварские бомбардировки ряда районов Кубы;

1961 год – ЦРУ организует вооруженное вторжение наемников на Кубу;

1961 год – спецслужбы США осуществляют убийство премьер-министра Республики Конго (Заир) Патриса Лумумбы;

1964 год – нападение американских оккупационных войск на мирную демонстрацию панамских студентов, убит 21 студент;

1964–1973 гг. – вооруженная агрессия против Лаоса;

1965 год – оккупация Доминиканской Республики;

1965–1973 гг. – война во Вьетнаме: Сонгми, напалм, ядовитые газы;

1970 год – вооруженная агрессия против Камбоджи;

1980 год – военная акция американского спецназа в Тегеране (провалившаяся);

1982 год – высадка морских пехотинцев в Ливане;

1983 год – вооруженная интервенция в Гренаде;

1986 год – бомбардировка Ливии;

1988 год – американский военный корабль сбил над территориальными водами Ирана иранский пассажирский самолет – 290 человек погибли;

1989 год – вторжение в Панаму;

1991 год – вторжение в Ирак;

1993 год – вооруженное вторжение в Сомали;

1994 год – участие в военной операции в Боснии;

1999 год – вооруженная агрессия в Югославии.

Далее – Ирак и Афганистан. Все это захват территорий и закабаление народов с целью обогащения.

В ходе исторического процесса плутократия к нашим временам достигла зенита своего могущества, в особенности в Англии и Америке.

США, как и ее подруга по ремеслу Англия, еще издавна привыкли грабить, загребать жар чужими руками.

Ничто не дает такого дохода, как производство оружия! И чем дороже обходятся войны, тем выше доход. Причем те страны, которые больше всего выигрывают от войны, несут наименьшие потери. Британская энциклопедия приводит потрясающие данные по Второй мировой войне: "**...в США погиб 1 солдат на 500 жителей**; в Китае – 1 солдат на 200 жителей; во Франции – 1 солдат на 200 жителей; в Великобритании 1 солдат на 150 жителей; в Японии – 1 солдат на 46 жителей; в Германии – 1 солдат на 25 жителей; **в Советском Союзе – 1 солдат на 22 жителя**". Зато Соединенные Штаты за четыре

года войны увеличили свой запас золота на 22 800 тонн за счет военных поставок.

Так что война – самое естественное состояние капитализма.

Война с каждым годом становится все жертвеннее. Особенно для мирного населения. Если в Первую мировую войну 80 процентов погибших составили военные и только 20 процентов – гражданские лица, то Вторая мировая война эти цифры сравняла: 50 на 50. По сути, это была убойная война на массовое уничтожение лучших из лучших – здоровых, сильных, молодых – двух европейских народов – германского и славянского. Сейчас цифры Первой мировой войны поменялись местами, что наглядно показали США на примере "Бури в пустыне" (Ирак), где потери гражданских лиц – 80%.

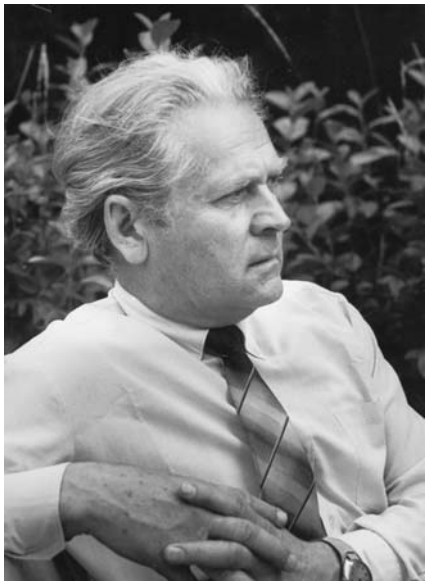
Кто же архитектор, кто изобрел эту универсальную систему завоевания, порабощения и ограбления целых народов, осуществляемую "...с самым беспощадным вандализмом и под давлением самых подлых, самых грязных, самых мелочных и самых бешеных страстей" (К. Маркс), при которой планета исходит кровью, а доходы стекают в мошну извергов рода человеческого – спецов по перегонке людской крови в золото? Кто же придумал такую хитроумную чудо-мясорубку, при которой одни бесятся от жира, а другие прозябают в нищете, одни блаженствуют в безделье, а другие горбачат, не разгибая спину, при которой одни паразитируют на других?

Полный, исчерпывающий и основательный ответ дает выдающийся русский ученый Олег Анатольевич Платонов:

"Капитализм возник как антихристианская идеология, основанная на экономическом учении Талмуда и ставшая, по определению философа А. Ф. Лосева, одной из сторон развертывания сатанинского духа неприятия христианской цивилизации. Главной целью жизни, согласно идеологии капитализма, является материальное преуспевание, нажива, стяжание денег и капитала любыми возможными средствами и, прежде всего, за счет обмана и эксплуатации более слабых народов и членов общества".

Вот в какую систему нас вогнали.

Редакция журнала "Наш современник" сердечно поздравляет нашего давнего автора, фронтовика, талантливого прозаика, смелого и великодушного человека Владислава Мефодьевича ШАПОВАЛОВА со славным 85-летием. Здоровья, долголетия, новых творческих успехов!



АЛЕКСЕЙ КОНДРАТЕНКО

АВТОР “РОССИИ И ЕВРОПЫ”

К 125-летию со дня смерти Н. Я. Данилевского

Выдающийся мыслитель, естествоиспытатель, идеолог славянофильства Николай Яковлевич Данилевский родился 28 ноября 1822 года в селе Оберец Ливенского уезда Орловской губернии (ныне Измалковский район Липецкой области). Ливны и окрестности – родина многих и многих выдающихся людей России. Здесь, в отличие от других, более северных уездов, издавна жило много однодворцев, не испытавших крепостной зависимости, приученных к военному укладу жизни и постоянным опасностям. В душах этих сильных и трудолюбивых людей не было утрачено чувство достоинства, независимости, уважения к традициям и старине. В селе Козьмодемьяновском Ливенского уезда (ныне село Козьминка) родился Федор Васильевич Ростопчин (1763–1826) – военный губернатор Москвы в 1812 году. Ростопчин в период правления императора Павла I руководил Военной коллегией, внешнеполитическим ведомством и почтовым департаментом. Ростопчин вошел в историю как один из видных представителей русского консерватизма, публицист, автор патриотических памфлетов и афиш 1812 года.

Ливны и Ливенский уезд – родина философа Сергия Булгакова, авиаконструктора Николая Поликарпова. Нельзя не назвать в этом ряду и Феофана Затворника (Говорова), который родился в селе Чернавке Елецкого уезда (30 верст от Ливен) в 1815 году, шесть лет учился в Ливенском духовном училище, а затем в духовной семинарии в Орле.

Феномен русской провинции, столь щедрой на гигантов духа и интеллекта, еще требует своего изучения. В. Г. Белинский пытался понять загадку глубинки, которая рождает неординарных людей: “Гении родятся сотнями только там, где, вследствие обстоятельств, царствует полное неведение того, что называется действительностью, где каждый собою меряет весь мир...”

Оберец был родовым имением матери Данилевского Дарьи Ивановны, урожденной Мишиной (1800–1852). Его отец – Яков Иванович Данилевский (1789–1856) закончил Московский университет, участвовал в Отечественной войне 1812 года. Молодым офицером он был участником заграничного похода в составе гусарского полка, получил ранение в “битве народов” под Лейпцигом в 1813 году. На момент рождения Николая отец по-прежнему был военным (впоследствии дослужился до чина кавалерийского генерала) и служил в городе Ливны.

КОНДРАТЕНКО Алексей Иванович родился в 1964 году в Воронеже. Кандидат политических наук. Автор нескольких книг. Член Союза писателей России. Живет в Орле.

Так как отец часто менял места службы, дети Николай, Александр и Елена странствовали вместе с родителями. Можно представить, какими остались в памяти юного Николая Данилевского провинциальные Ливны. Уездный град в те годы насчитывал с полтысячи домов, среди которых было всего два-три десятка каменных. Проживало здесь не больше пяти тысяч жителей, многие из которых занимались оптовой торговлей сельскохозяйственной продукцией. Городок помещиков, купцов, мелких чиновников, отставных военных... Однако карьера отца не позволяла семье подолгу оставаться на одном месте. К тому же Я. И. Данилевский, увлеченный со студенческих лет наукой и литературой, способствовал развитию в сыне наклонностей к научному поиску. Николай был учеником частных пансионов в Москве, в Дерпте, в пятнадцать лет владел английским, французским, немецким языками и латынью. С 1837 года учился в Царскосельском лицее. При Данилевском в лицее преподавали Шульгин, Георгиевский, Эбергард, помнившие юного Пушкина и делившиеся своими воспоминаниями о нем с новыми поколениями лицеистов.

Однако это было уже совсем не то учебное заведение, которое хорошо известно всем нам по ученической поре А. С. Пушкина. Уже не было лицейского братства, свободолюбивых идей. В николаевскую эпоху лицей обрел куда более консервативные черты. Поступивший сюда двумя годами позже Данилевского М. Е. Салтыков-Щедрин вспоминал: "В то время, и в особенности в нашем "заведении" вкус к мышлению был вещью очень мало поощряемою. Высказывать его можно было только втихомолку и под страхом более или менее чувствительных наказаний". По словам Салтыкова-Щедрина, все лицейское воспитание было направлено только к одной цели – "приготовить чиновника".

Окончив лицей в декабре 1842 года, Николай Данилевский поступил на службу в канцелярию военного министерства, но мечтал учиться дальше. Тогда же он определился вольнослушателем на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Юный Николай Данилевский, по воспоминаниям друзей, "не имея ничего и ничего ниоткуда не получая", в 1840-е годы жил исключительно на гонорары за свои публикации в журналах.

Университетские годы для Николая Данилевского стали временем искренней дружбы с Петром Семеновым (будущим знаменитым географом и путешественником П. П. Семеновым-Тян-Шанским) – юным самоучкой, приехавшим в Петербург из рязанской глуши. Близорукий и угловатый Петр, несмотря на отсутствие систематического начального образования, блестяще поступил в школу гвардейских прапорщиков и кавалерийских юнкеров. Он учился здесь не из-за любви к военному делу, а из-за того, что некому было оплатить его обучение в обычной гимназии. Любимым занятием Петра было наведываться по воскресеньям к старшему брату Николаю – однокашнику Николая Данилевского по лицею, а затем по университету. Оба Николая, став студентами, жили в одной комнате на Васильевском острове. Вскоре перебрался к ним и Петр, окончивший в 1845 году военную школу. Он, как и Данилевский, начал ходить вольнослушателем на университетские лекции. Из мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского:

"Николай Яковлевич Данилевский, с которым так тесно были сплетены мои университетские годы, так как мы не только жили вместе, но и делили между собою все свои занятия, был в высшей степени оригинальной и симпатичной личностью. Сын бойкого и типичного гусара, часто переменявшего, в особенности при командовании полком, а потом и в генеральском чине, место своего жительства, Данилевский был отдан своим отцом в ранние годы в очень хороший пансион в Дерпте и оттуда уже поступил в Царскосельский лицей, где в своем классе был самым талантливым и самым разносторонне образованным из лицейских воспитанников. После выпуска из Лицея он не удовольствовался полученным им образованием и захотел дополнить его университетским. В университетские годы произошла в нем резкая перемена: из человека консервативного направления и набожного он быстро перешел в крайнего либерала сороковых годов, причем увлекся социалистическими идеями и в особенности теорией Фурье. Данилевский обладал огромной эрудициею: перечитали мы с ним кроме книг, относившихся к нашей специальности – естествознанию, целую массу книг из области истории, социологии и политической экономии, между прочим все лучшие тогда исторические сочи-

нения о французской революции и оригинальные изложения всех социалистических учений (Фурье, Сен-Симона, Овена и т. д.). <...>

Во время моей совместной жизни с Данилевским, после отъезда брата и дяди из Петербурга, круг нашего знакомства значительно расширился, главным образом потому, что Данилевский, не имея никакого состояния, должен был обеспечивать свое существование литературным трудом и писал обширные, очень дельные научные статьи в "Отечественных записках". Это ввело его в знакомство не только с Краевским (редактором их), но и с многими другими литературными деятелями и критиками – Белинским и Валерианом Майковым. Они оценили необыкновенно логичный ум Данилевского, его изумительную диалектику и обширную, разностороннюю эрудицию".

Действительно, Данилевский был одним из плодовитых публицистов своего времени – к примеру, в 1848 году "Отечественные записки" опубликовали три его критические статьи о только что вышедшей в русском переводе фундаментальной работе немецкого естествоиспытателя Александра Гумбольдта "Космос".

Данилевский получил в университете степень кандидата в 1847 году, Петр Семенов, необычайно быстро освоивший курс наук, – уже в 1848-м. Магистранты настойчиво собирали материал для своих диссертаций. Семенов исследовал Тамбовскую, Воронежскую и другие губернии, на этой основе написал и защитил диссертацию "Придонская флора". Данилевский, по поручению Вольного экономического общества, занимался изучением границ чернозема в средней полосе России и флоры этих районов. Он написал диссертацию "Орловская флора". Судьба рукописи до сих пор неизвестна, однако Данилевский остался в истории Орловского края одним из первых исследователей местной флоры. В 1840-е и 1850-е годы он подолгу гостил в селе Русский Брод (Лаврово) Ливенского уезда (ныне Верховский район Орловской области) у своих друзей Лавровых, занимаясь здесь ботаническими и геологическими изысканиями.

Сестра Данилевского Елена училась в институте благородных девиц. Елена была знакома с вдовой бывшего сослуживца отца по ливенскому полку генерала Беклемишева – Верой Николаевной (урожденной Лавровой). Е. Н. Беклемишева рано овдовела, прожив в браке со своим мужем Андреем Николаевичем Беклемишевым (1792–1840) всего шесть лет. Оставшись вдовой в 24 года (детей у них не было), Вера Николаевна поселилась у своего отца Николая Евгеньевича Лаврова в селе Русский Брод. Здесь и состоялось ее знакомство с Николаем Данилевским. Это произошло в 1844 году, когда Н. Я. Данилевский вместе с сестрой Еленой приехал погостить в Русский Брод. В последующие годы он проводил здесь летние месяцы (порой гостил по полугоду): занимался исследованием растений и древних окаменелостей, вел свои разнообразные геологические изыскания. Так случилось, что Николай Яковлевич признался Вере Николаевне в своих чувствах лишь за несколько дней до ареста... Это было знаменитое "Дело петрашевцев".

Кружок петрашевцев

Истоки объединения молодежи вокруг Петрашевского коренятся, конечно же, в тех процессах, которые начались в России еще в период Александра I. Последние годы его правления носили отпечаток глубокого душевного разлада: от нерешаемых проблем России царь спасался на европейских конгрессах, где монархи и дипломаты льстиво прославляли его как просвещенного и либерального правителя. Восстание декабристов дало мощный толчок духовному развитию российского общества и одновременно затормозило эволюцию российского государства, потому что Николай I отдалил от власти ту часть дворянской верхушки, которая стремилась к переменам в российской жизни и укладе Российского государства.

В кружке Михаила Буташевича-Петрашевского (регулярные встречи устраивались по пятницам с весны 1846 года) активно обсуждали разнообразные общественные и политические темы: крестьянский вопрос, судоустройство, свобода печати, – словом, все то, что предвосхищало проблематику реформ 1860-х годов.

Из мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского: "Кружок даже наших близких знакомых был во время посещения нами университета не исключительно

студенческий, а состоял из молодой, уже закончившей высшее образование интеллигенции того времени. К нему принадлежали не только некоторые молодые ученые, но и начинавшие литературную деятельность молодые литераторы, как, например, лицейские товарищи Данилевского: Салтыков (Щедрин) и Мей, Ф. М. Достоевский, Дм. В. Григорович, Ал. Ник. Плещеев, Аполлон и Валериан Майковы и др. Посещали мы друг друга не особенно часто, но главным местом и временем нашего общения были определенные дни (пятницы), в которые мы собирались у одного из лицейских товарищей брата и Данилевского – Михаила Васильевича Буташевича-Петрашевского".

Члены кружка были увлечены теориями Сен-Симона, Леру, Ламэнэ, Луи Блана, Кабэ. Особенно чтим был Шарль Фурье (Петрашевский иногда называл себя фурьеристом). Можно предположить, что и Николай Данилевский имел высокий авторитет в кругу петрашевцев – ведь именно он читал здесь лекции об учении Фурье, о социальной гармонии, т. е. об идеальном обществе, где все люди счастливы, где нет антагонистических противоречий, политической борьбы, эксплуатации одного человека другим. Высшей целью он считал выведение формулы счастья, основанного на полном удовлетворении всех человеческих страстей: "Вывести человеческий строй из социального хаоса, искоренить по всей земле нищету и преступления".

Русских вольнодумцев привлекало в Фурье то, что он мыслил масштабно, обозначал глобальные тенденции. Фурье с яростью обличал: "Неукротимая ярость негров превратит вскоре Америку в обширное костехранилище и отомстит муками завоевателей за уничтоженные ими туземные расы. Торгашеский дух открыл новые пути преступлению: с каждой войной он распространяет распри по обоим полушариям и несет в глубь наших областей соблазны корыстолюбия строя цивилизации; наши корабли обходят весь свет лишь для того, чтобы приобщить варваров и дикарей к нашим порокам и нашим неистовствам".

По мнению Фурье, глобализация в идеале должна была сопровождаться социальной гармонизацией, в процессе глобализации нации должны были получать все лучшее, а не худшее. С пафосом он предсказывал: "Мы станем свидетелями зрелища, которое можно видеть один только раз на каждой планете: внезапный переход от бессвязности к социальной согласованности... установление различных проявлений единства по всему земному шару, както: единства языка, мер, типографских знаков и других средств сношений".

Николай Данилевский, читая петрашевцам лекции об учении Фурье, был вынужден в мельчайших подробностях повторять описание идеального строя будущего и возможные пути перехода к нему. Из мемуаров П. П. Семенова-Тян-Шанского:

"Н. Я. Данилевский читал целый ряд рефератов о социализме и в особенности о фурьеризме, которым он чрезвычайно увлекался, и развивал свои идеи с необыкновенно увлекательной логикою. Достоевский читал отрывки из своих повестей "Бедные люди" и "Неточка Незванова" и высказывался страстно против злоупотреблений помещиками крепостным правом... Данилевский и я познакомились с двумя Достоевскими в то время, когда Федор Михайлович сразу вошел в большую славу своим романом "Бедные люди", но уже рассорился с Белинским и Тургеневым, совершенно оставил их литературный кружок и стал посещать чаще кружки Петрашевского и Дурова... Мы знали близко Достоевского в 1846–1849 годах, когда он часто приходил к нам и вел продолжительные разговоры с Данилевским".

Увы, за происходящим в "противуправительственном обществе" уже давно пристально следили... В конце апреля 1849 года произошла серия арестов. В частности, Николай Данилевский в это время находился на научной практике в Тульской губернии, на Красивой Мече, где был арестован и доставлен в Петербург. Три месяца ему предстояло провести в Петропавловской крепости. На удивление, талантливый молодой лектор Данилевский сумел убедить следственную комиссию в том, что его увлечение системой Фурье носило чисто экономический, но никак не политический характер. Это в самом деле удивительно, так как Фурье однозначно указывал: "Вопросы социальной политики всегда будут неразрешимы, пока будет желание умозрительничать по поводу строя цивилизации".

Действительно, нельзя было проповедовать учение Фурье и одновременно мириться с существующим строем. Однако Данилевский нашел такое объ-

яснение, которое в значительной степени смягчило тяжесть его положения. Комиссия оправдала его, избрав в качестве меры лишь ссылку в Вологду.

Время странствий

Н. Я. Данилевский в Вологде служил чиновником особых поручений при губернаторе, изучал местную природу, написал ряд научных трудов, в том числе о климате губернии. Этот труд был отмечен премией Русского географического общества. Награда обнадеживала. Постепенно Данилевский понимал, что ссылка открыла какую-то новую страницу в его жизни. Не случайно Белинский восклицал в одном из своих очерков:

"Что бы ни делали в жизни молодые люди, оставляющие Москву или Петербург, – они делают; москвичи же ограничиваются только беседами и спорами о том, что должно делать, беседами и спорами часто очень умными, но всегда решительно бесплодными... Молодые люди, если вовремя не выедут из Москвы, перестают подавать о себе какие-нибудь надежды, как люди, для которых прошла пора обещать, а пора исполнять еще не наступила".

Вологда стала не только местом ссылки Данилевского. Сюда к нему приехала Вера Николаевна Беклемишева, в сентябре 1852 года состоялась их свадьба.

В 1853 году Данилевский был переведен в Самару в канцелярию губернатора на должность переводчика. Здесь Николая Яковлевича ждало колоссальное потрясение – в июне 1853 года супруга Вера Николаевна умерла во время эпидемии холеры.

Данилевский писал своему приятелю вологодскому помещику А. П. Межакову: "10 июня в восьмом часу утра скончалась Вера Николаевна от холеры, принявшей такой скрытный и необыкновенный для этой болезни характер, что ни она сама, ни мы, все окружающие, не могли даже предполагать в ней ничего опасного. Уверенности полной в смерти ее не имел я до самого последнего движения ее, так что даже не успел с ней вполне и окончательно проститься. Если Вы знали, как я ее любил, что 9 лет все мои чувства, мысли и надежды относились к ней, имели ее как цель, и что я пользовался так долго ожидаемым счастьем только 9 месяцев, Вы поверите мне, что я остался совершенно без цели в этой жизни. Ежели бы я говорил это в отчаянии, Вы по справедливости могли бы усомниться в истине моих слов, но я пишу их с полным хладнокровием и обдуманностью. По характеру я не способен к отчаянию и теперь, когда все прошло, скажу Вам искренне, что как любовь моя, так и горе мое при всей силе их – остались всегда сознательными и обдуманными. Поэтому прошедшее ручается у меня за будущее, да я и желаю, чтобы было так. Перенесенная мною потеря вполне показала тщету всего, кроме христианских убеждений, ибо они одни, когда все потеряно здесь, дают надежду на возвращение всего там в лучшем и совершеннейшем виде".

Спасением от горя стало неожиданное для Данилевского предложение принять участие в научной работе. В статье "Литературная экспедиция" известный писатель-этнограф С. В. Максимов рассказывал о том, как при содействии великого князя Константина Николаевича было положено начало литературно-научной работе с целью изучения быта и занятий населения на окраинах страны. К участию в ней были привлечены Н. Я. Данилевский, А. Ф. Писемский, А. А. Потехин, А. Н. Островский и другие. Еще более масштабной была организованная Министерством государственных имуществ экспедиция под руководством натуралиста академика Карла Максимовича (Карла-Эрнста) Бэра (1792–1862), в которой Данилевский также принял участие.

Рыбные запасы Нижней Волги ошеломили экспедицию: один невод приносил десятки, сотни пудов. Казалось, богатства Волги и Каспия неистощимы. Но экспедиция зорко отметила уменьшение количества рыбы в Средней Волге по сравнению с предыдущими годами, хищнические, недопустимые методы ее добычи. На рынках волжских городов появлялось все больше маломерной рыбы...

А вот что писал Н. Я. Данилевский об уральском рыболовстве:

"Урал есть единственная в мире большая река, исключительно предназначенная для рыболовства, которому принесены в жертву все прочие услуги, оказываемые человеку текучими водами. На нем нет ни судоходства, ни сплава лесу, ни движимых водою мельниц... рыба находит в Урале до поры до

времени полное приволье и совершенные тишину и покой. В море, против устьев Урала, существует заповедное пространство, шириною верст в 80, на котором никогда не ловят рыбы и где ей совершенно свободный ход".

Период исследований совпал с Крымской войной, когда прекратился импорт голландской сельди. Идеи использования некоторых видов промысловых рыб (в частности, астраханской сельди) не только для получения жира, но и для засола, а затем питания населения, имели важное значение для решения продовольственного вопроса в России.

Многолетними трудами экспедиций был собран материал, который стал основой для разработки российского законодательства о рыболовстве. Работы Данилевского были отмечены золотой медалью Русского географического общества...

В вологодском селе Никольском, в усадьбе рано ушедшего друга А. П. Межакова, Данилевский встретил его дочь Ольгу, которой вскоре сделал предложение. Ольга Александровна дала согласие, но было решено сыграть свадьбу после окончания очередной экспедиции на Север. Бракосочетание состоялось в октябре 1861 года. Вторая жена Данилевского была моложе его на 15 лет, у них родилось пятеро детей.

Жизнь в Крыму

Завершив многолетние путешествия, в 1864 году Данилевский поселился с семьей на Южном берегу Крыма, купил имение Мшатка у Фороса. Это были развалины особняка, сожженного в Крымскую войну, – зримое свидетельство грозных испытаний, с которыми столкнулась Россия. Руины Мшатки будто напоминали о шаткости европейского устройства, предвещали грандиозную бурю в самом недалеком будущем...

Поражение в Крымской войне потрясло Российскую империю. И дело было даже не в чисто военном проигрыше. К противникам – Англии и Франции присоединились Австрия и Пруссия, что завершило политическую и военную изоляцию. Это столкновение с Европой сыграло роль звонка, означавшего, что Россия отстала от остального мира. Обострился "польский вопрос". В самой России начались крестьянские восстания, поднял голову терроризм. Страна переживала эпоху разброда, были утрачены привычные ценности и ориентиры.

В зарубежной прессе стали говорить, что Россия после подписания Парижского трактата "обиделась" на Европу, потеряла интерес к ее событиям, "ушла вглубь своих скифских степей" и не хочет (а заодно уже и не может!) деятельно участвовать в европейской политике: "Россия перестала быть частью Европы". Определяющую роль в формировании нового внешнеполитического курса сыграл тогда князь А. М. Горчаков, назначенный главой русского МИД в апреле 1856 года. Именно он составил циркулярную депешу МИД во все российские посольства за рубежом. В ней были пророческие слова: "Россию упрекают в том, что она изолируется и молчит перед лицом таких фактов, которые не гармонируют ни с правом, ни со справедливостью. Говорят, что Россия сердится. Россия не сердится. Россия сосредотачивается".

Немало повидавший и переживший Данилевский, обустраиваясь в Крыму, думал уже не о себе, не о прежнем кружке пылких юношей, и даже не о своем поколении, которое готово было принять определение "потерянное". Данилевский все больше задумывался над закономерностями социально-экономического развития.

В 1856 году он начал работу над книгой "Россия и Европа. Взгляд на культурно-историческое отношение Славянского мира к Германо-романскому".

На изломе царствования Александра II в середине 1860-х годов ожидания, не нашедшие удовлетворения в пределах уходившей эпохи, оказались чрезвычайно сильны, а средств для их осуществления у самого общества было еще так мало! Масса идей не находила почвы для реализации, могла остаться только на страницах научных трактатов. Одной из таких новых идей был панславизм. Термин "панславизм" родился, как ни удивительно, не в России, а в правительственных кабинетах европейских столиц, его ввели в оборот в 1840-е годы буржуазно-националистические круги Австро-Венгрии и Германии, видевшие в славянском движении угрозу своей стабильности. А Данилевский в предпринятом исследовании выступал именно как идеолог славянофильства и панславизма.

Первое отдельное издание книги "Россия и Европа" вышло в 1871 году. Ее автора в первых же откликах начали огульно обвинять в том, что он "оправдывает самодержавный шовинизм и политику национальной вражды". Данилевский получил ярлык пророка "роковой смертельной борьбы России со всем западом, т. е. со всем образованным миром".

Еще одним предметом занятий Данилевского стал "Опыт областного великорусского словаря". Данилевский также оставил ощутимый след в истории отечественной биологии и географии, климатологии, статистики, политической экономии, статистики, написал несколько статей о русской географической терминологии.

Данилевский был истинным тружеником, одним из самых заметных представителей нарождавшейся русской интеллигенции. Увы, его жизнь в Крыму не изобиловала заметными событиями. В орловской книге конца XIX века довелось прочесть пространную сентенцию о провинциальных интеллигентах. Основой для нее вполне могла послужить и деятельность Данилевского:

"При скромной обстановке жизни, при полной невзыскательности в желаниях и стремлениях, у них сохраняется неослабеваемая любознательность ко всему, что может и должно интересовать образованного человека. Начитанность и знакомство с тою или другою отраслью человеческих знаний иной раз бывает у них поразительная. Нередко их скромными именами украшаются страницы толстых ежемесячных журналов, иногда они дарят и более капитальными произведениями ученую литературу. Живавший в провинции не мог не встречать этих милейших людей и не пользоваться их умною, простою и не претендательною беседою. Сколько нового внесено этими тружениками в область научную, сколько новых и важных документов ими напечатано, сколько возбуждено стремлений по охранению родной старины, сколько вызвано внимания к вопросам историческим, экономическим и т. д. Бескорыстные их работы заключают в себе то чарующее, что не только самих работников поднимает из области мелких матерьяльных интересов в высокие области мысли и анализа, но вместе с ними поднимается и общество, среди которого они работают и действуют, внимающие им, смотрящие на воздвигаемое ими дело, тем самым, незаметно для себя, вместе с ними подымаются и движутся вперед...".

Умер Николай Яковлевич Данилевский от болезни сердца 7 ноября 1885 года на озере Гохчу по дороге в Тифлис, где был в командировке. Коротко и сердечно сказал о своем друге Н. Н. Страхов в июне 1886 года: "Жизнь эта была очень трудная, очень полезная, очень счастливая и очень скромная".

Похоронен Н. Я. Данилевский в Мшатке в Крыму. Его сторонники, немало способствовавшие внешнему успеху книги "Россия и Европа", практически ничего не сделали для внутреннего развития и разработки исторических взглядов своего кумира. С 1895-го по 1991 год произведения Данилевского в России не переиздавались.

Главная книга жизни

Н. Я. Данилевский начал работу над книгой "Россия и Европа" в 1865 году, а четыре года спустя глава за главой она стала публиковаться в журнале "Заря". Уже сами названия глав не могли не вызвать интереса читателей, ведь речь шла о давних проблемах взаимоотношений России и остального мира. Стоит перечислить только заголовки ("Почему Европа враждебна России?", "Гниет ли Запад?", "Различия в психическом строе", "Европейничанье – болезнь русской жизни"), и станет понятно, какой резонанс вызвали поставленные Данилевским вопросы.

Данилевский заставлял читателя-обывателя задуматься, чтобы вырваться из плена обыденных стереотипов и представлений. Почему, например, Европа почти ничего не знает о современной России? Автор откровенно отвечал на этот вопрос:

"В моде у нас относить все к незнанию Европы, к ее невежеству относительно России. Наша пресса молчит, или, по крайней мере, до недавнего времени молчала, а враги на нас клевещут. Где же бедной Европе узнать истину? Она отуманена, сбита с толку... Почему же Европа, которая все знает от санскритского языка до ирокезских наречий, от законов движения сложных

систем звезд до строения микроскопических организмов, не знает одной только России?.. Смешны эти оправдания мудрой, как змий, Европы – ее незнанием, наивностью и легковерием, точно будто об институтке дело идет. Европа не знает, потому что не хочет знать, или, лучше сказать, знает так, как знать хочет... Смешны эти ухаживания за иностранцами с целью показать им Русь лицом, а через их посредство просветить и заставить прозреть заблуждающееся и ослепленное общественное мнение Европы... Нечего снимать бельмо тому, кто имеет очи и не видит; нечего лечить от глухоты того, кто имеет уши и не слышит. Просвещение общественного мнения... может быть очень полезно... но только не для Европы, а для самих нас, русских, которые даже на самих себя привыкли смотреть чужими глазами, для наших единомышленников. Для Европы это будет напрасный труд: она и сама без нашей помощи узнает, что захочет, и если захочет узнать".

Для тех, кто был все-таки не согласен с авторской трактовкой отношения остального мира к России, Данилевский приберег своеобразную аргументацию:

"Прочтите отзывы путешественников о России, пользующихся очень большою популярностью за границей, вы увидите симпатию... к кому угодно, только не к русскому народу... Прочтите статьи о России в европейских газетах, в которых выражаются мнения и страсти просвещенной части публики, наконец, проследите отношение европейских правительств к России. Вы увидите, что во всех этих разнообразных сферах господствует один и тот же дух неприязни, принимающий, смотря по обстоятельствам, форму недоверчивости, злорадства, ненависти или презрения".

Надо принять логику того, что Данилевский делает здесь горькое признание существующих фактов, признание, которое было бы не под силу иному исследователю или публицисту. Данилевский был убежден, что не существует единой нити общественного прогресса, и не чуждался самых резких оценок происходящего:

"Дело в том, что Европа не признает нас своими. Она видит в России и в славянах вообще нечто ей чуждое, а вместе с тем такое, что не может служить для нее простым материалом, из которого она могла бы извлекать свои выгоды... Материалом, который можно формировать и обделывать по образу и подобию своему... Как ни рыхл и ни мягок оказался верхний, наружный слой, все же Европа понимает или, точнее сказать, инстинктивно чувствует, что под этой поверхностью лежит крепкое, твердое ядро, которое не растолочь, не размолоть, не растворить, – которое, следовательно, нельзя будет себе ассимилировать, претворить в свою кровь и плоть, – которое имеет и силу, и притязание жить своею независимою, самобытною жизнью. Гордой, и справедливо гордой, своими заслугами Европе трудно, – чтобы не сказать невозможно – перенести это. Итак, во что бы то ни стало... надо не дать этому ядру еще более окрепнуть и разрастись, пустить корни и ветви вглубь и вширь... Тут ли еще думать о беспристрастии, о справедливости... Как дозволить распространиться влиянию чуждого, враждебного, варварского мира... Вот единственное удовлетворительное объяснение той двойственной меры и весов, которыми отмеривает и отвешивает Европа, когда дело идет о России (и не только о России, но вообще о славянах) – и когда оно идет о других странах и народах".

Развивая свою аргументацию для доказательства главного вывода ("Принадлежит ли в этом смысле Россия к Европе? К сожалению или к удовольствию, к счастью или к несчастью – нет, не принадлежит"), Данилевский прибегал к самым разным доводам – из сферы биологии, антропологии, архитектуры. Итог рассуждений однозначен: "Европа есть поприще германо-романской цивилизации... Причина явления (враждебности к России. – **А. К.**)... лежит в неизведанных глубинах тех племенных симпатий и антипатий, которые составляют как бы исторический инстинкт народов, ведущий их (помимо, хотя и не против их воли и сознания) к неведомой для них цели...".

В чем же Данилевский видел главное отличие Европы от России? Рассматривая историю континента, особенно историю религий, он с уверенностью утверждал о том, что коренная черта европейского характера – насильственность, которая "есть не что иное, как чрезмерно развитое чувство личности, индивидуальности, по которому человек, им обладающий, ставит свой образ мыслей, свой интерес так высоко, что всякий иной образ мыслей, всякий иной интерес необходимо должен ему уступить. Такой склад ума, чувства и воли ведет в политике и общественной жизни, смотря по обстоятельствам, к аристо-

кратизму, к угнетению народностей или к безграничной ничем не умиряемой свободе; в религии – к нетерпимости или к отвержению всякого авторитета... Если не общий дух насильственности германо-романских народов, откуда взялись бы рыцарские ордена, несшие насильственную проповедь к Литве, к латышам и эстам и закрепостившие себе имущество и личность этих народов?.. Откуда навербовала бы Екатерина Медичи убийц Варфоломеевской ночи?.. Не устающая действовать гильотина... внешние войны, которыми с мечом в руках проповедовались равенство, братство и свобода... Что же это такое, как не нетерпимость, не насильственное навязывание своих идей и интересов во что бы то ни стало?.. Но и революционный дух улегается, политический интерес отступает на второй план, хотя и не на столь далекий, как религия, и снова первую роль играют интересы материального свойства, интересы торговли и промышленности. Это интересы по самому существу своему личные и не допускают, казалось бы, насильственности в своем применении. И однако же, и европейская торговля, эта мирная проводница цивилизации, представляет собой уже в наш просвещенный и гуманный век пример насильственности".

Подытоживая различные суждения и оценки фактов, Данилевский пытается сформулировать собственные законы исторического развития. По его убеждению, они таковы:

"Закон 1. Всякое племя или семейство народов... составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно вообще по своим духовным задаткам способно к историческому развитию и вышло уже из младенчества.

Закон 2. Дабы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, пользовались политической независимостью.

Закон 3. Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа...

Закон 4. Цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, только тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, – когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств.

Закон 5. Ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется тем многолетним одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения – относительно краток и истощает раз навсегда их жизненную силу".

Данилевский особо подчеркивал значение единства традиций, быта, социально-экономического уклада, языка, национального самосознания и патриотизма для существования нации и типа в целом. Примечательно, что если славянофилы утверждали, что русский народ имеет всемирно-историческое призвание, как истинный носитель всечеловеческого окончательного просвещения, то Данилевский, напротив, считал Россию и славянство лишь особым культурно-историческим типом, однако наиболее широким и полным. Вообще он признавал четыре разряда культурно-исторической деятельности: деятельность религиозная, деятельность собственно культурная, политическая и социально-экономическая. По его мнению, иные исторические типы сосредотачивали свои силы на одной из указанных сфер деятельности (евреи – на религии, греки – на культуре). И только России и славянству удалось равномерно развить все четыре сферы и осуществить полную "четырехосновную" культуру.

Обратим внимание именно на эти два не случайно упоминаемых в книге народа – евреев и греков. Чтобы русский народ не разделил судьбу исчезнувших цивилизаций, не остался на обочине мирового процесса, Данилевский выступил с жестким предостережением: "Иссякает творческая деятельность в народах известного типа: они или успокаиваются на достигнутом ими, считая завет старины вечным идеалом для будущего, и дряхлеют в апатии самодовольства... или достигают до неразрешимых с их точки зрения антиномий, противоречий, доказывающих, что их идеал... был неполон, односторонен, ошибочен, или что неблагоприятные внешние обстоятельства отклонили его развитие от прямого пути, – в этом случае наступает разочарование, и народы впадают в апатию отчаяния".

Созвучна мыслям Данилевского и более поздняя концепция русского философа анархиста П. А. Кропоткина. В своей фундаментальной работе "Современная наука и анархия" (1913) он подчеркивал, что "история не представ-

ляет одной, непрерывной линии развития. По временам развитие останавливалось в одной части света, а затем возобновлялось в другой. Египет, Азия, берега Средиземного моря, Центральная Европа поочередно перебывали очагами исторического развития. И каждый раз развитие начиналось с первобытного племени; затем оно переходило к сельской общине, затем наступал период государства, во время которого развитие продолжалось некоторое время, но затем вскоре замирало". Такова была история, по мнению Кропоткина, Палестины, Древней Греции, Древнего Рима и ряда других стран. Чтобы избежать фатальной смерти, которая постигла все древние государства, по мнению Кропоткина, надо было до основания разрушить современное государство и построить новое общество, "общество на свободном, противогосударственном фундаменте".

В сравнении с Кропоткиным Данилевского нельзя назвать историческим пессимистом. Автор "России и Европы" был далек от огульного охаивания всего западного, более того, он допускал возможность того, что в будущем враждебность Европы к независимому самобытному славянству прекратится, но это произойдет не раньше, чем она убедится в неодолимости появившейся на Востоке новой миродержавной силы – Всеславянского союза. По мысли Данилевского, Всеславянский союз необходим как гарант сохранения всемирного равновесия. Предрекая России возможные риски и опасности, он с оптимизмом смотрел в будущее:

"Будучи чужда европейскому миру по своему внутреннему складу, будучи, кроме того, слишком сильна и могущественна, чтобы занимать место одного из членов европейской семьи, быть одною из великих европейских держав, – Россия не иначе может занять достойное себя и Славянства место в истории, как став главою особой, самостоятельной политической системы государств и служа противувесом Европе во всей ее общности и целости. Вот выгоды, польза, смысл Всеславянского союза по отношению к России".

Данилевский был убежден: идея Славянства должна быть для славян высшей идеей – выше свободы, науки и т. д. Только Всеславянский Союз мог быть гарантом будущего развития страны. Многие современники (в том числе П. Н. Милюков) отмечали, что деятелей общественного движения в России привлекал в первую очередь предложенный Данилевским проект всеславянской федерации, позволявший ненасильственным путем объединить не только православных, но и славян-католиков, славян-протестантов. План федерации по Данилевскому был популярен в литературно-политических кружках Киева, Богемии и Хорватии.

Немалый интерес заслуживает трактовка Данилевским специфики русского патриотизма, его обусловленности. Еще задолго до Данилевского Готлиб Фабер (1766–1847), служивший в Министерстве иностранных дел России и издававший газету в Петербурге, обратил внимание на то, что "русская любовь к родине не похожа ни на какую другую. Она чужда всякой рассудочности... Это не расчет, это ощущение, и это ощущение – молния. Бороться и все принести в жертву, огнем и мечом: вот в чем сила этой молнии. Вступать в сделку с неприятелем – такая мысль не вмещается в русской голове. Никакое примирение невозможно, ни о каком сближении не хотят и слышать... Русский человек еще недалек от первобытного состояния".

И поддерживая эту мысль, и споря с ней (как было разделить тезис о первобытности русских?!), Данилевский выводил суть русского патриотизма из своей теории культурно-исторических типов:

"Чисто политический патриотизм возможен для Франции, Англии, Италии, но невозможен для России, потому что Россия и эти страны – единицы неодинакового порядка. Они суть только политические единицы, составляющие части другой высшей культурно-исторической единицы – Европы, к которой Россия не принадлежит".

Данилевский предупреждал читателей в том, что борьба России с Европой неизбежна. Исходя из этого, он обосновал ряд принципов государственной стратегии:

– стремление России разрешить свои проблемы с помощью Европы бесперспективно;

– для сохранения своей политической и духовной независимости Россия должна как можно быстрее освободиться от "добровольно наложенных на себя пут и цепей";

– руководящим принципом, способным обеспечить успех политики России, должен стать русско-славянский эгоизм, что позволит ей выйти из европейской политической системы с твердым сознанием своей политической линии.

Данилевский был твердо убежден в том, что Россия в разные исторические эпохи добивается наибольших успехов на международной арене только тогда, когда в центре российской политики стоят русские интересы. Когда же она начинает отстаивать "общеевропейские интересы", все ее прежние успехи обращаются против нее же и "заставляют истекать кровью ее собственное тело".

Здесь уместно вспомнить о земляке Данилевского, руководителе внешнеполитического ведомства России на рубеже XVIII–XIX веков Ф. В. Ростопчине. Он был сторонником активной внешней политики России, причем такой политики, которая была бы ориентирована не на скромное участие в европейских делах, а на доминирование Российской державы. Ростопчин выступал за приобретение Россией статуса супердержавы, которая будет смело диктовать свою волю другим народам.

Вслед за Ростопчиным Данилевский повторяет сентенцию о вреде подражания Западу, более того, целую главу посвящает этой теме и озаглавливает "Европейничанье – болезнь русской жизни". Порой чувство меры изменяет Данилевскому, например, он на славянофильский манер высказывается об "уродливости европейской одежды". В целом же вполне обстоятельна мысль Данилевского о том, что европейничанье губительно для России: "Поэтому ложная политика угодливости перед Европой, жертвование ей своими интересами, принимание ее интересов за что-то высшее, требующее большего внимания и уважения, чем наши собственные русские интересы, политика, которая обратилась в систему, в традицию, в неискоренимый предрассудок..., несравненно опаснее, несравненно оскорбительнее, чем неверный политический расчет... Такая политическая система свидетельствует не о сомнениях в силах и средствах... не об ошибочной оценке нашего положения в настоящий момент, а о сомнении в смысле, цели, значении самого исторического бытия России... С такими сомнениями в сердце исторически жить невозможно!" (статья "Россия и Восточный вопрос").

Касаясь переклички взглядов Ростопчина и Данилевского, при всей их схожести, необходимо отметить и целый ряд отличий, обусловленных тем, что две эти фигуры принадлежали разным эпохам. В отличие от Ростопчина Данилевский был убежденным противником крепостного права: "Одним освобождением крестьян силы России увеличились и в материальном и в нравственном отношении до неисчислимых размеров". Он высоко ставил потенциал освобожденного от крепостной зависимости русского народа: "По отношению к силе и могуществу государства, по способности жертвовать ему всеми личными благами, и по отношению к пользованию государственною и гражданскою свободою – русский народ одарен замечательным политическим смыслом".

В то же время Данилевский, как и Ростопчин, был монархистом, считавшим самодержавие единственно возможной формой государственного устройства России. По его мнению, самодержавный характер Русского государства – это данность всей русской истории. Однако в триаде С. С. Уварова Данилевский, как и другие панслависты, отодвигал самодержавие на последнее место, главным же в его стратегии развития становилась народность: "Народность, православие, самодержавие".

Данилевский в оценках писателей, историков и философов

Книга Н. Я. Данилевского появилась в самый момент рождения "Бесов" Ф. М. Достоевского. Горечь колоссального военного поражения в Крымской войне, сознание национального унижения, ощущение глубокого разочарования европейской политикой заставила крупнейших мыслителей России задуматься над вопросом "Европа ли Россия?". Искал на него ответ и Ф. М. Достоевский.

В феврале 1868 года А. Н. Майков написал Достоевскому о новом знакомце – Н. Я. Данилевском: "С четырех коротких фраз мы поняли друг друга. Этот Данилевский – бесподобная голова. Он написал книгу листов в 25 под заглавием "Россия и Европа": тут и история, начиная с арийцев, и этнография, и политика, и восточный вопрос. Представьте себе: методы естествен-

ных наук, приложенные к истории, – прелесть что такое! Это будет капитальное явление... Будет печататься по частям... Светлая голова, развившаяся в странствиях по России и окрепшая в науке".

Достоевский тотчас же ответил (письмо из Женевы от 2 марта 1868 года): "Ведь это тот Данилевский, бывший фурьерист, по нашему делу? Да, это сильная голова". В ноябре этого же года Н. Н. Страхов, сообщая Достоевскому об организации журнала "Заря", подчеркивал, что он запланировал ряд капитальных статей Данилевского: "Он теперь действительный статский советник и в первый раз выступает на поприще литературы с рядом статей "Россия и Европа". Это целое учение, славянофильство в более определенных и ясных чертах".

Достоевский писал Майкову 11 декабря 1868 года: "Порадовало меня, между прочим, известие о статье Данилевского, "Европа и Россия", о которой Николай Николаевич пишет как о капитальной статье. Признаюсь Вам, что о Данилевском я с самого 49-го года ничего не слыхал, но иногда думал о нем. Я припоминал, какой это был отчаянный фурьерист. И вот из фурьериста обратиться к России, стать опять русским и возлюбить свою почву и сущность! Вот по чему узнается русский человек!"

Когда первые части работы Данилевского, опубликованные в "Заре", были прочитаны Достоевским, тот из Флоренции написал редактору журнала Н. Н. Страхову: "Статья Данилевского, в моих глазах, становится все более и более важною и капитальною. Да ведь это – будущая настольная книга всех русских надолго; и как много способствует тому язык и ясность его, популярность его, несмотря на строго научный прием... Она до того совпала с моими собственными выводами и убеждениями, что я даже изумляюсь, на иных страницах, сходству выводов; многие из моих мыслей я давно, уже два года записываю, именно готовя статью, с точно такою мыслию и выводами. Каково же радостное изумление мое, когда встречаю теперь почти то же самое, что я жаждал осуществить в будущем, – уже осуществленным – стройно, гармонически, с необыкновенной силой логики и с тою степенью научного приема, которую я, несмотря на все усилия мои, не мог осуществить никогда. Я до того жажду продолжения этой статьи, что каждый день бегаю на почту и высчитываю все вероятности скорейшего получения "Зари"... Потому еще жажду читать эту статью, что сомневаюсь несколько, и со страхом, об окончательном выводе; я все еще не уверен, что Данилевский укажет в полной силе окончательную сущность русского призвания, которая состоит в разоблачении перед миром русского Христа, миру неведомого и которого начало заключается в нашем родном православии. Поэтому, в этом вся сущность нашего будущего цивилизаторства и воскрешения хотя бы всей Европы и вся сущность нашего могучего будущего бытия".

Однако многие страницы "Дневника писателя" за 1876–1877 годы – это спор с Данилевским, причем довольно активная полемика (например, в ноябре 1877 года, в главе "Толки о мире": Достоевский считал, что завоеванный в будущем Константинополь должен принадлежать только России, а не союзу славянских народов, как предлагал Данилевский).

Наиболее активным и системным критиком работ Данилевского стал философ В. С. Соловьев (1853–1900). Это особенно проявилось в связи с тем, что после смерти Данилевского вопрос об отношении общечеловеческого к народному стал стержневым пунктом полемики, которая в течение ряда лет велась на страницах "Вестника Европы" и "Русского вестника" между В. С. Соловьевым и Н. Н. Страховым, горячим сторонником Данилевского. Оценка Соловьевым значения наследия Данилевского была неоднозначной. Эмоциональный Соловьев мог назвать книгу "Россия и Европа" "кораном всех мерзавцев и глупцов, хотящих погубить Россию и уготовить путь грядущему антихристу". В другом случае звучали и более умеренные оценки: "Занимающие значительную часть книги Данилевского мысли об упадке Европы и об отличительных особенностях России (православие, община и т. д.) вообще не представляют ничего нового по сравнению с тем, что было высказано прежними славянофилами".

Корень противоречия заключался в том, что В. С. Соловьев был убежденным противником теории культурно-исторических типов, которая, по его мнению, "идет вразрез с общим направлением всемирно-исторического процесса, состоящего в последовательном возрастании (экстенсивном и интенсив-

ном) реальной (хотя наполовину безотчетной и невольной) солидарности между всеми частями человеческого рода. Все эти части в настоящее время, несмотря на вражду национальную, религиозную и сословную, живут одною общею жизнью, в силу той фактической неустранимой связи, которая выражается, во-первых, в знании их друг о друге, какого не было в древности и в средние века, во-вторых, в непрерывных сношениях политических, научных, торговых, и, наконец, в том невольном экономическом взаимодействии, благодаря которому какой-нибудь промышленный кризис в Соединенных Штатах немедленно отражается в Манчестере и Калькутте, в Москве и в Египте".

Однако в целом критика Соловьева не носила пренебрежительного или уничижительного характера. Более того, он подчеркивал, что "независимо от оценки его историко-публицистического труда, должно признать в Данилевском человека самостоятельно мыслившего, сильно убежденного, прямодушного в выражении своих мыслей и имеющего скромные, но бесспорные заслуги в области естествознания и народного хозяйства".

Достаточно пристальное внимание работе Данилевского уделил известный русский историк П. Н. Милюков. В частности, Милюков критиковал философию истории Данилевского в статье "Разложение славянофильства" в сборнике "Из истории русской интеллигенции" (СПб., 1902). В фундаментальном труде "Очерки по истории русской культуры" он называл Данилевского националистом, эпигоном славянофилов, автором славянофильского "евангелия". Милюков считал Данилевского прямым продолжателем славянофилов и книгу "Россия и Европа" назвал попыткой "вновь обосновать славянофильскую теорию на данных естествознания, после того как обветшал философский фундамент, на котором это учение сложилось. Освободившая славянство "от всемирной миссии" и превратившая его в абсолютно замкнутый в себе "культурно-исторический тип", неподвижный и неизменяемый как типы естествознания (Данилевский – противник дарвинизма), – теория Н. Я. Данилевского как нельзя более подходила к узкому национализму эпохи славянофильства <...> славянофильская формула находила полное применение к политике борьбы против высших сословий во имя крестьянских интересов, которой стало держаться правительство на окраинах".

Философ К. Н. Леонтьев (1831–1891) считал Данилевского одним из своих учителей и разделял точку зрения о том, что Россия является особым культурно-государственным миром, что российская цивилизация заменит собой цивилизацию европейскую, западную в ее всемирно-исторической роли. К. Н. Леонтьев – автор статьи "В. С. Соловьев против Данилевского" (1888). Вслед за Данилевским Леонтьев подчеркивал, что решение восточного вопроса для будущего России имеет первостепенное значение, так как "даст нам... тот выход из нашего нравственного и экономического расстройства, который мы напрасно будем искать в одних лишь внутренних переменах".

Н. Н. Страхов писал о книге "Россия и Европа": "Главная мысль Данилевского чрезвычайно оригинальна, чрезвычайно интересна. Он дал новую формулу для построения истории, формулу гораздо более широкую, чем прежние, и потому, без всякого сомнения, более справедливую, более научную, более свободную уловить действительность предмета, чем прежние формулы. Именно он отверг единую нить в развитии человечества, ту мысль, что история есть прогресс некоторого общего разума, некоторой общей цивилизации".

Разработанная Данилевским теория культурно-исторических типов (цивилизаций) опередила на десятилетия аналогичные концепции О. Шпенглера и А. Тойнби, которые оказали значительное влияние на развитие западной социологии. Ведь именно Данилевский за полвека до О. Шпенглера ("Закат Европы") предсказал глубокий кризис европейской цивилизации. О. Шпенглера, А. Тойнби, Ф. Нортропа, А. Шубарта и П. А. Сорокина объединило с Данилевским критическое отношение к европоцентристской, однолинейной схеме общественного прогресса.

В. В. Розанов в одной из своих статей 1918 года, назвав десяток фамилий деятелей славянофильского направления, в том числе и Данилевского, восклицал:

"Были и праведники... предупреждавшие... Но они все были бессильны. Они звонили в колокольчики, когда в стране шумел набат. Никто их не услышал, никто на них не обратил внимания. Когда уже все крушилось, пирамида падала, царство падало, когда поднялась Цусима одного дня, о всех этих

предупреждавших... даже не вспоминали, даже не назвали ни разу их имен".

Поразительно, но предостережения Данилевского действительно не были услышаны. Российские философы конца XIX – начала XX века дали Н. Я. Данилевскому обидное прозвище "зоолог в славянофильстве". После Октябрьской революции официальная наука высказывалась в его адрес скупо и крайне резко: "теоретик русского национализма" (Малая советская энциклопедия, 1929), "глава поздних славянофилов-"почвенников" <...> По политическим взглядам Данилевский – националист, апологет политики царизма" (Философская энциклопедия, 1960), "идеи Данилевского оправдывали великодержавно-шовинистические устремления царизма" (Большой энциклопедический словарь, 1980).

В свете событий истории России предостережения Данилевского о недопустимости жертвовать народными интересами во имя абстрактных целей ложно понимаемого "прогресса", об опасности денационализации культуры и ныне звучат более чем актуально. Россия, заплатившая за "реформы" колоссальную цену, нуждается сегодня в консерваторах и консерватизме, который в других странах все больше становится амортизатором, регулирующим степень давления перемен на наиболее уязвимые общественные слои. Ценностный консерватизм предоставляет гражданам страны роскошь иметь моральные ценности и исторические традиции.

Благодаря отказу от выдвижения всеобщих моделей политического устройства, опоре на многообразие политических, религиозных, исторических традиций народа, консерватизм сыграл и ныне может играть роль привлекательной мировоззренческой ориентации для политиков, способных сочетать здравомыслие и рассудительность с творческой энергией.

Избитая истина: разрушать имеет право только тот, кто знает, как надо строить, и умеет строить. В такой обширной стране, как Россия, необходимо создать не только единую торгово-промышленную стратегию для всемерного повышения производительности русского капитала. Жизненно необходимы новый механизм общественно-государственного взаимодействия, а также новая культура геоэкономического наступления (вспомним идеи консерваторов о Всеславянской федерации, о русском влиянии и т. д.).

Идеал общественного устройства в русской философии – создание такой человеческой общности, где личность не подавляется обществом, но и последнее, в свою очередь, не страдает от эксцессов личного произвола. Николай Данилевский оставил потомкам интеллектуальную основу для того, чтобы с учетом конструктивных идей и концепций выстроить жизнеспособную стратегию движения России в общемировом процессе развития.

Журнал продолжает публикацию фрагментов работы "Москва нэпмановская", которую завершают наши давние авторы — доктор исторических наук В. Руга и А. Кокорев. Предыдущие публикации в № 9 за 2008 г. и № 9 за 2009 г.

ВЛАДИМИР РУГА, АНДРЕЙ КОКОРЕВ

РАЗВЛЕЧЕНИЯ

Да, да! Сделайте нам красиво!
В. Маяковский. "Баня"

Годы "военного коммунизма" не смогли истребить тягу москвичей к развлечениям. Нэп не только впервые за долгие годы насытил людей хлебом, но и дал им возможность выбора зрелищ. Реального выбора: кому что нравится. Только платили бы деньги.

О царившей в столице в начале 20-х гг. атмосфере веселья вспоминал К. Н. Голицын:

"В Москве картина была иной. Когда я приехал туда в декабре 1922-го и потом весной 1923 года, то убедился, насколько оживленнее было в кругах московского общества и как оно разнилось от нашего, петроградского. В Москве веселились всюду и все: дети, молодежь, старшие. Даже старики, деды и бабки, не принимая непосредственного участия в веселье, взирали на него одобрительно и не без удовольствия.

Жизнь бурлила. Сегодня сходились на танцы в одном доме, завтра – в другом. Не проходило дня, чтобы не ехали в гости то к одним, то к другим. Театры, кафе, рестораны, даже лихачи "на дутиках" – все было к услугам тех, кто мог платить. Деньги же у многих водились".

В 1924 г. в Москве действовало более двадцати театров. Комиссарам от искусства (вроде Мейерхольда) так и не удалось "выбросить на свалку истории" Большой и Малый театры. Они продолжали работать в присущей им манере, и их залы всегда были переполнены зрителями. По-прежнему царили аншлаги на постановках МХТ (вспомним тяжкий труд администратора Независимого театра, описанный М. А. Булгаковым в "Театральном романе": кому дать билеты на спектакль, кому – отказать).

По традиции, сохранившейся с дореволюционных времен, летом московские театры разъезжались на гастроли. Для тех из них, которые не имели государственного финансирования, это служило основой существования. В летние месяцы театральная жизнь Москвы сосредотачивалась в двух традиционных центрах летнего досуга – в садах "Эрмитаж" и "Аквариум".

Ориентируясь на более изысканную публику, что в годы нэпа означало — денежную, дирекция "Эрмитажа" старалась привлечь зрителей многообразием программы. На территории сада работал Зимний театр, где гастролировали труппы с ходкими пьесами, и Московский театр оперетты, показывавший, несмотря на лето, премьеры. Кроме них действовал Вольный театр, который, по словам рецензента, "усвоил курс на "американские" кинематографичные и детективные, с быстрым действием пьесы. Актерского персонала и остроумной режиссуры (Ильин и Хенкин) театру на это хватает, авторов же определенно недостает".

"Эрмитаж" — в центре, "Аквариум" — ближе к окраинам Москвы, — сообщалось в 1924 г. в обозрении "Огонька" о летних садах. — "Эрмитаж" гонится за последним словом, старается удивить свою мало демократическую аудиторию; "Аквариум" не думает об аттракционах, обставляет свою открытую сцену разношерстной программой из популярных, всем понятных, не требующих переводчиков номеров. В его Зимнем театре — труппа от Корша, играющая очень избитые, но далеко не всей районной Москвой виденные пьесы. И если в "Аквариуме" — на сцене и в публике — меньше общемосковских знаменитостей, чем в "Эрмитаже", если об нем пишут менее газетных заметок и рецензий, — симпатии широких слоев все-таки больше тянутся к "Аквариуму"; его успех больше и определеннее, чем в разношерстном, издавна пользующемся симпатиями нэпманской аристократии "Эрмитаже".

Специально для рабочих с лета 1923 г. в саду им. Мандельштама работал агитационный театр "Петрушка". Размещался он в пестром лубочном балагане на манер ярмарочного, вмещавшем 150—200 человек. На первых представлениях шла инсценировка "Не лови рыбки в мутной воде", посвященная ответу СССР на ноту лорда Керзона. Ее сюжет был незамысловатым: по заданию наркома Чичерина Петрушка летел на аэроплане в Лондон, где вступал в переговоры с Керзоном. По ходу действия появлялись куклы, сделанные в стиле газетных шаржей, изображавшие Врангеля, генерала Фоша.

Возвращаясь к многообразию театральной жизни Москвы во времена нэпа, отметим, что тон в ней задавали так называемые "революционные" театры. В комментариях к роману "Двенадцать стульев" Ю. К. Щеглов писал относительно театра "Колумб": "Пародия Ильфа и Петрова не направлена по преимуществу ни на один конкретный театр или спектакль тогдашнего авангарда, хотя едва ли не каждый из них отразился в колумбовской "Женитьбе" хоть одной черточкой или деталью, соблазняя исследователей на поиски замаскированных камней в тот или иной известный огород".

По мнению Ю. К. Щеглова, эксцентричная постановка, на которой побывали охотники за сокровищами, отражала театральные эксперименты многих режиссеров. В комедии "На всякого мудреца довольно простоты", поставленной С. Эйзенштейном в театре Пролеткульта, актеры говорили о современной политике (Керзон, мирная конференция, ГПУ), ходили по канату, выезжали на сцену на живом верблюде. У режиссера Н. М. Форрегера, по воспоминаниям А. Г. Алексеева, гоголевские Подколесин и Степан вели диалог, раскачиваясь на трапециях, вися вниз головами. Заканчивалась эта постановка "Женитьбы" "производственными" танцами: "ни с того ни с сего выходили почти обнаженные парни и девушки и имитировали машины, что было у Форрегера непременным ингредиентом всех его спектаклей и что его артисты делали действительно виртуозно".

Несомненно чувствовалось в "Колумбе" и влияние В. Э. Мейерхольда. Одну из его знаменитых постановок, модернизированный режиссером "Лес" А. Н. Островского, описал в 1924 г. в "Огоньке" известный в то время литератор Ф. Ф. Благов:

"Дом на Триумфальной площади, где десятилетиями цвела оперетка, где в ваннах из шампанского купали хористок, — два года тому назад стал Меккой революционного театра. В мае 1922 г. на освобожденной от всяких декораций, зияющей обнаженными кирпичами здания сцене тогдашнего "Театра Актера" был, вслед неудачными "Зорями" и "Мистерией-буфф" — дан первый спектакль "Великодушного Рогоносца".

Большое послереволюционное откровение Всеволода Мейерхольда всколыхнуло, раскололо не только знатоков театральных премьер. Далекая от сценических мудрствований, нахлынувшая после "Рогоносца" к Мейерхольду "рядовая" рабоче-красноармейская публика поняла, что в театре что-то слу-

чилось. Две дюжины одетых в одинаковое платье актеров, несколько лесенок, площадок и трапеций волновали зрителя не меньше, чем пышные постановки, сверкающие красками декорации и костюмы всех других театров. Величайшая сгущенность действия, простота театрального приема, биомеханика — претворение жизни на основе изучения, а не чутья — стали отличать театр В. Мейерхольда от всякого другого, дали самому постановщику на следующий после "Рогоносца" год звание народного артиста (...).

На днях Москве был показан "Лес". Пятиактная, скучная даже в блестящем исполнении воплотившего все островские заветы Малого театра комедия "перемонтирована" в отдельные эпизоды. Световые, менявшиеся надписи уподобляют скучное дворянское повествование американской детективной фильме. Эпоха не любит долгих сказок и драм. Нужны картины, пусть даже немного серий, но как можно больше картин. Пять актов Островского обращены в 33 эпизода Мейерхольда.

Снова голая сцена, кирпичи капитальной стены здания. Снова, как в "Рогоносце", но и как в Элладе, как в старом шекспировском театре, нет занавеса, несложные декоративные установки вносятся и убираются на глазах у зрителей. Снова все внимание сосредоточено на актере.

Островский не остался все же без влияния. Его переделанные герои у Мейерхольда иногда даже танцуют фокстрот, качаются на трапециях, гигантских шагах, проделывают все положенные по кодексам биомеханикой трюки. Но прозодежда уже исчезла, на героях Островского — костюмы его эпохи, слышатся волнующие переборы гармоники..."

Эту рецензию любопытно сопоставить всего лишь с одной фразой из повести "Роковые яйца", написанной М. А. Булгаковым в том же 1924 г.: "Театр покойного Всеволода Мейерхольда, погибшего, как известно, в 1927 году при постановке пушкинского "Бориса Годунова", когда обрушились трапеции с голыми боярами..." Видимо, новациям режиссера Булгаков отводил недолгий век.

В своем скептическом отношении к театральным экзерсисам Мейерхольда великий писатель не был одинок. Это подтверждает зафиксированный в дневнике К. И. Чуковского разговор с Демьяном Бедным:

"Тут кто-то позвонил. "Диспут 2-го апреля? Выступать не буду, спасибо, а послушать приду". Оказывается, это звонил Мейерхольд.

— Ну и смелый мужчина. Вы знаете, что сейчас в ГАХНе* его выгнали из зала — "пошел вон" — так что он как Чацкий кричал:

"Карету мне, карету скорой помощи!"

Вот погодите, я его прикончу. Хлопну по карману. Ведь постановка его "Горя" знаете, сколько стоила? 135 тысяч. Довольно...

— Но ведь публика валом валит. Спектакль скоро окупится.

— Ну нет. Знаете, есть актеры, кот[орые] гастролируют в Сибири — в городах по пути во Владивосток. Он едет туда — битковые сборы, но по дороге обратно он даже и в театр показаться не смеет. А другой едет туда — тихо, сборы жидкие, зато обратный его путь сплошной триумф. Так вот я вам скажу, что Мейерхольд "обратно сборов не сделает". Когда скандальный интерес к "Горю" пройдет, будет то же, что и с "Ревизором",— никто не ходит, никому не нужно. Ведь нельзя же ставить Грибоедова так, как еврей экстерн сдает экзамены".

В целом же впечатление Чуковского о театральной жизни Москвы в 1922—23 гг. отразилось в таких записях:

"Психическая жизнь оскудела: в театрах стреляют, буффонят, увлекаются гротесками и проч. (...) В театре всюду низменный гротеск, и, например, 20 февр. я был на "Герое" Синга: о рыжие и голубые парики, о клоунские прыжки, о визги, о хрюкание, о цирковые трюки! Тонкая, насыщенная психологией вещь стала отвратительно трескучей. Кини сказал мне: "О Синге говорили, что его слова пахнут орехами (nuts). Но nuts в Америке значит также и дураки". Мне было не [до] смеху: я чуть не плакал... Видел 3-го дня "Потоп". Очень разволновался. Чудесно играли Волков и Подгорный. Вчера видел "Эрика XIV". Старательно, но плохо. И что за охота у нынешнего актера — иг-

---

* Государственная академия художественных наук была создана в Москве в 1921 г., "как центр научно-художественной мысли страны". В ее работе участвовали В. В. Кандинский, А. Ф. Лосев, К. С. Малевич, Г. Г. Шпет, А. М. Эфрос и др.

рать каждую пьесу не в том стиле, в каком она написана, а непременно навыворот. Был я вчера у актера Смышляева, он ставит "Укрощ[ение] строптивой" бог знает с какими вывертами. Сляй видит себя во сне: получается два Сляя, один ходит по сцене, другой сидит в зрительном зале".

На мощной волне зрительского интереса происходило рождение новых театров. Так, в 1925 г. вместо упорхнувшей за границу "Летучей мыши" в Гнездниковском переулке появился Театр сатиры. Пресса сообщала, что, стряхнув "затхлую пыль культивированного Балиевым жанра западного кабаре, эстетных сценических безделушек", новый коллектив будет: "Смеяться над тем, что смешно, бичевать все мерзкое, тупое, косное, все, что уродливым клинышком торчит из нового быта". Первым воплощением в жизнь этого лозунга стала постановка сатирического обозрения "Москва с точки зрения". Драматургия пьесы была основана на столкновении "взъерошенного революцией, выбитого из колеи привычности мещанина" с коренной ломкой старых устоев, с которыми в "красной столице" ему приходится сталкиваться на каждом шагу.

Однако в условиях нэповского хозрасчета театры не только возникали, но и прекращали свое существование. В середине 20-х гг. закрылась оперетта Зимнего театра сада "Эрмитаж". Следом прекратил существование, но был спасен путем преобразования в государственный Московский театр оперетты.

Рассказывая об этом в своих мемуарах, театральный администратор И. В. Нежный утверждал, что причиной краха двух коллективов, состоявших из звезд первой величин, стало отсутствие подходящего репертуара:

"Оперетта того времени строила свой репертуар сплошь на импортных произведениях, главным образом венских. Мог ли такой репертуар полностью удовлетворять широкого зрителя? Конечно, нет. И творческие работники оперетты сознавали это все больше и больше".

Нельзя сказать, что послереволюционные годы в театрах сидели сложа руки и не предпринимали попыток решить проблему репертуара. По признанию И. Нежного, сами режиссеры и актеры старались осовременить привычные либретто. Для этого вставляли отдельные "злободневные" реплики, сцены-эпизоды из окружающей действительности, "перелицовывали" героев. Благодаря этому, например, появился "революционный" вариант оперетты Оффенбаха "Прекрасная Елена", в которой вместо Елены, Менелая и Париса на сцене пели и танцевали императрица Александра Федоровна, Николай II и Гришка Распутин.

"Подобные перелицовки, равно как и вставки, были абсолютно не органичны, искусственны, натянуты, – отмечал И. В. Нежный. – К тому же в подавляющем большинстве случаев они давали лишь внешние и отнюдь не существенные приметы своего времени. Поэтому от таких довольно многочисленных "экспериментов" постепенно стали отказываться. Они себя никак не оправдали.

Не принесли успеха и более серьезные попытки "осовременивания" опереточной классики, имевшие место в Московском театре оперетты. Такие опыты были проделаны с опереттой Ж. Оффенбаха "Орфей в аду", для которой поэты А. Арго и Н. Адуев написали новый текст, и с "Зеленым островом" Ш. Лекока. Но ни музыкальная, ни драматургическая структура этих произведений не давала оснований для их переделок и приспособлений на современный лад. Эти сомнительные эксперименты окончились полной неудачей, они еще более осложнили и без того трудную судьбу театра. Публика поначалу скучала на этих спектаклях, а потом и совсем перестала на них ходить".

Актерам, ставшим жертвами товарно-денежных отношений, приходилось либо вставать на учет в особой секции Московской биржи труда, либо поступать в выездные труппы. Первый вариант был чреват необходимостью доказывать свою профессиональную пригодность перед лицом специальной комиссии. Если вспомнить, что в годы "военного коммунизма" ради получения пайка и социального статуса в работники искусств записалась масса случайного народа, такой путь был приемлем не для всех. В этом отношении характерен диалог героев водевиля В. В. Шкваркина "Вредный элемент":

"Т р а в л и н. Ну, какое мне дело до того, где вы были зачаты? Вам надо хлопотать, зарегистрироваться на актерской бирже, а не...

Щукин. На бирже? Я не ослышался? Никогда не упоминайте при мне это черное слово. Биржа... Да знаете ли вы, что мне там предложили? Доказать свою квалифицированность!

Т р а в л и н. Вот идите и доказывайте.

Щ у к и н. Экзамен? Мне? Щукину?.. Мне, игравшему не только Отелло, но заменявшему и Дездемону по болезни? Мне, мировой тетке Чарлея? Мне, который в Самаре один всех детей Ванюшина одновременно изображал? Экзамен? Вы знаете, что я им ответил? Я им ничего не ответил, но вышел так, как Лир еще не уходил со сцены!"

В попытке привлечь публику театры злоупотребляли буффонадой и гротеском.

Рюрик Ивнев взглянул на московскую театральную публику глазами героя своего романа "Любовь без любви":

"Когда он насытился ночными прогулками и когда первый пыл работы прошел, он начал ходить по театрам. Здесь, несмотря на то, что он был подготовлен к этому, его удивляла новая публика, вылощенная, чистая, в хороших костюмах, мехах, столь непохожая на недавнюю театральную массу рабочих и солдат, в верхних платьях прогуливавшихся по нетопленым фойе. (...)

Иногда ему становилось страшно не за будущее человечества, но за будущность этого привилегированного класса, живущего умственным трудом, который разлагался на его глазах, подобно трупу человека, обожравшегося пряной и острой пищей. Стараясь отогнать от себя мрачные мысли, он внимательно всматривался в окружающую его толпу, мечтая хотя бы случайно отдохнуть глазами на каком-нибудь простаке с прямым ртом, наивными глазами и розовым цветом кожи. Но розовый цвет здесь был приравнен к нумерованному билету лотереи, в которой тысячу пустых покрывает один полный. Провалившиеся глаза, гнилые зубы, вялые движения, ужасающие своей нелепостью черты, вот что господствовало, царило, подавляло. Ему не нравились ни чересчур прилизанные прически, ровные проборы, ни длинные волосы у мужчин, сальные, неаккуратные, цеплявшиеся за претенциозные воротнички сомнительной чистоты и дурного фасона. Его отталкивали пышные прически дам, крашеные волосы и густо напудренные лица. Он искал чего-то простого, ровного, человеческого, – и не находил. Все это двигалось, шевелилось, шуршало, ежесекундно выкидывая из своей пестрой утробы спички, окурки, бумажки от конфет и поломанные зубочистки, подобно паровозу, выбрасывающему клубы черного, густого дыма. И в этой толпе людей, которые благодаря своему положению и умственному багажу едва ли не составляли сливки нации, ему становилось холодно, как на кладбище, среди одиноких могил и деревьев..."

Дополним портрет московской театральной публики еще одним штрихом – маленьким фрагментом из очерка М. А. Булгакова "Сорок сороков":

"Часа через два внутри полутемного зала в ярусах громоздятся головы. В ложах на темном фоне ряды светлых треугольников и ромбов от раздвинутых завес. На сукне волны света, и волной катится в грохоте меди и раскатах хора триумф Радамеса. В антрактах, в свете, золотым и красным сияет театр и кажется таким же нарядным, как раньше.

В антракте золото-красный зал шелестит. В ложах бенуара причесанные парикмахером женские головы. Штатские сидят, заложив ножку на ножку, и, как загипнотизированные, смотрят на кончики своих лакированных ботинок (я тоже купил себе лакированные). Чин антрактового действа нарушает только одна нэпманша. Перегнувшись через барьеры ложи в бельэтаже, она взволнованно кричит через весь партер, сложа руки рупором:

– Дора! Пробирайся сюда! Митя и Соня у нас в ложе!"

Та же денежная публика, по мнению известного историка кино профессора ВГИКа Н. А. Лебедева, в первые годы нэпа задавала тон и в кинотеатрах:

"В 1922–1925 годах аудиторию первоэкранных театров в нашей стране составляла также по преимуществу более обеспеченная материально нэпманско-мещанская публика. Разумеется, эти театры посещались и новым зрителем – партийным активом, передовой частью советских служащих, молодежью. Но не прогрессивно-настроенный зритель, а нэпманство и мещанство составляли большинство на премьерах и первых, решающих сеансах кинокартин. И именно оно диктовало прокатчикам свои требования – максимального увода от жизни, от революции, от бурных событий, совершавшихся за стенами кинотеатров.

Иностранные картины первоэкранная публика предпочитала советским; из советских смотрела более охотно исторические и инсценировки классиков, чем

фильмы современной тематики; из произведений современной тематики отдавала свои симпатии тем, которые были посвящены любовным и бытовым проблемам, и избегала картины, показывавшие революционную борьбу народа.

Эта публика любила старые испытанные жанры – психологическую драму из жизни верхов буржуазного общества, сентиментальную мещанскую мелодраму, сюжетно запутанный "детектив", легковесные водевили и скабрезные фарсы".

В условиях рынка владельцы кинотеатров смогли живо откликнуться на запросы зрителей, готовых платить деньги за просмотр фильмов, соответствовавших их вкусам. Положение облегчалось тем, что в годы Первой мировой и Гражданской войн множество иностранных кинофильмов оказались недоступны российским зрителям. Нэп давал возможность весь этот лежалый товар выпустить на экраны кинотеатров под маркой "новинки сезона". Прокатчику было достаточно оплатить лицензию (5000 руб.) на право демонстрации иностранного фильма, чтобы весьма скоро получить многократный доход. О прибыльности этого бизнеса косвенно свидетельствует тот факт, что в Москве при страшном дефиците подходящих помещений число кинотеатров с десяти (конец 1921 г.) за два года увеличилось до полусотни.

В условиях нэпа московские кинотеатры отличались друг от друга стоимостью билетов и степенью комфорта для зрителей. В годы юности во многих из них довелось побывать С. М. Голицыну:

"Кинотеатры были государственные и частные, подороже и подешевле. На Арбатской стоял "Первый Совкино", на самом Арбате два кинотеатра "Карнавал" и арбатский "Арс"; последний был самый дешевый, билеты продавались там ненумерованные, когда открывались двери настежь, все перли вперед, стремясь занять лучшее место, как это красочно описывает Зощенко. На Страстной площади стоял кинотеатр "Ша-Нуар", на Триумфальной – "Аквариум", на Большой Никитской под кино приспособили Большой зал Консерватории, и назывался он "Колосс". Великие композиторы со своих портретов осуждающе взирали на кинозрителей. Музыканты давали концерты лишь в Малом зале".

Имея хорошие заработки, Н. И. Петров иногда позволял себе ходить с девушкой кино в частное заведение:

"Ходили в кинотеатр "Художественный" на Арбатской площади. Он был не такой, как сейчас: был в нем гардероб, где раздевались, как в театре, шикарный буфет с отдельными столиками под большими цветными абажурами. Подавали кофе, различных сортов мороженое и всевозможные пирожные, разные фруктовые воды".

Интересны замечания С. М. Голицына относительно репертуара кинотеатров и особенностей демонстрации кинофильмов. Оказывается, сериальный принцип с прерыванием действия на самом интересном месте и обещанием "продолжение следует" был испытан на зрителях еще в 20-е годы. К тому же в официальной истории советского кино обойден молчанием тот факт, что публика стремилась увидеть не только шедевры Эйзенштейна или Пудовкина, но и валом валила на безыдейные иностранные фильмы. Вот что по этому поводу говорит мемуарист:

"Показывали дореволюционные фильмы с Мозжухиным и Верой Холодной, усиленно протаскивали примитивные и скучные фильмы-агитки со свирепыми белогвардейцами и капиталистами. А народ стремился на американские боевики с ковбоями, с бандитами, похищаемыми красавицами, с загадочными преступлениями. И непременно в семи сериях, и каждая серия обрывалась на самом интересном месте.

Помню такой фильм: девушка бежит по крышам вагонов быстро мчащегося поезда, за нею гонятся бандиты и лупят в нее из револьверов: она добегает до последнего вагона... Казалось бы, нет ей спасения... Последняя надпись "конец второй серии, третья серия такого-то числа", и в зале зажигается свет. Целую неделю ты изнываешь от нетерпения, знаешь, что девушка спасется, весь только вопрос – как? Оказывается, мимо на воздушном шаре пролетал ученый, с его корзинки свешивалась веревка, девушка зацепилась за нее и была спасена. Четвертая серия кончалась, как бандиты девушку поймали, спустили в шахту, там привязали к металлической штанге, в шахту напустили воды. Вода поднялась до подбородка девушки, и тут опять загорелась надпись – "конец четвертой серии". И ты снова изнываешь. Ну, как же не достать денег на эту четвертую?"

“Был такой американский девятисерийный фильм “Тарзан”. Люди сидели с утра до вечера без перерыва, мочевой пузырь многих не выдерживал, облегчались прямо в зале под кресло”.

Еще одна интересная подробность встречается в воспоминаниях Н. И. Петрова. Одну копию кинокартины использовали сразу в нескольких местах. После демонстрации каждой части фильма ее тут же по графику переправляли в другой кинотеатр. Для этого по городу курсировали специальные курьеры на мотоциклах.

Несмотря на то, что с марта 1922 г. администрации всех московских кинотеатров должны были утверждать в Художественном отделе Губполитпросвета программу демонстрации картин, иностранные фильмы продолжали доминировать еще долгие годы. Прекрасным знакомством с американским кинематографом можно, в частности, объяснить тот восторженный прием, который в 1926 г. оказали москвичи голливудским звездам Мери Пикфорд и Дугласу Фербенксу. Репортаж об их приезде в Москву, опубликованный в журнале “За 7 дней”, А. Черкасский озаглавил “Микроб безумия”:

“Совершенно невообразимое количество народа собралось на Белорусско-Балтийском вокзале для встречи Мери Пикфорд и Дугласа Фербенкса.

Через этот вокзал приехало к нам в Москву много чрезвычайно достойных людей, но никому не устраивали такой встречи. Собралось тысяч 10—15. Кто же составляет эту толпу? Во-первых, киноактеры и журналисты. Я в этот день встретил в толпе чуть ли не всех имеющихся в наличии представителей этих профессий.

Во-вторых, попадаются в большом количестве беспризорные, эти любители кино, знающие имена киноактеров и списки их ролей лучше любого кино-студийца.

В-третьих, сами кино-студийцы. О них писать нечего, тип достаточно известный.

В-четвертых, “совбарышни” всех полов и возрастов. Английская и американская литература знает тип уличного зеваки, весь смысл существования которого заключается в наблюдении уличных скандалов. У нас этот тип густо расцвел в образе “совбарышни”. Но, к сожалению, барышни не монополизировали его. Есть “совбарышни” — жены, вдовы и даже мужчины.

В-пятых, это вообще люди, ушибленные кино. Больные, сумасшедшие люди, правда, в общежитии не очень опасные.

Все эти люди слились в одно чудовище “стозевно обло и лая”*.

Чудовище заполнило вокзал.

* * *

Толпа ждет. Ждет напряженно. Волны толпы перекатываются по платформе и площади.

— Приехал!

Толпа бросается на крик:

— Приехал, приехал, ура!!!

Шум и вой толпы покрывают все. Не слышно даже паровозных гудков. Минута затишья, и из вагона вылезает плотный мужчина с наружностью палаточника.

— Ура-а-а!!!

— Что вы орете, идиоты! Приехал мой муж, Абрам Борисович!

Толпа отхлынула.

* * *

Что делалось, когда из вагона действительно вышли Мери и Дуг, передать трудно. Точно только одно: в обычном сумасшедшем доме во время массового психоза бывает меньше шума и колготни.

Уехали. Толпа расходится. Осматриваю себя. 3 синяка, 8 ссадин. Отдавленные ноги и совершенно располосованные брюки. Веселая встреча. Кому вчинить иск за порванные брюки...

* Так в тексте.

* * *

Как я пробрался в "Савой" (именитые гости остановились в этом именитом отеле), я не знаю. Нужно было ловко маневрировать между Сциллой толпы, окружавшей подъезд, и Харибдой в лице швейцара, не желавшего меня пустить в помещение. После того, как я скрылся в дверях, многие в толпе упорно потирали бока.

Поднимаюсь на пятый этаж. Там уже ждет народ. Опять журналисты. Затем представители от разных обществ: здесь и от кино-музыкантов, и от музыкантов просто, и от слепых музыкантов, и еще от каких-то музыкантов, всех не запомнишь. (...)

Десятиминутное ожидание. Мери больна, не принимает. Жалко. Хотел задать ей ряд вопросов.

Выходит Фербенкс. Это – мужчина лет 40, значительно грузнее и старше, чем тот, которого мы привыкли видеть на экране и фотографиях.

Начинаем беседу.

Не знаю, насколько искренне, может быть, здесь сказалось желание быть любезным, но Фербенкс изо всех сил хвалит советские картины. Нет ни одной фильмы, которая бы ему не понравилась. Все хорошо. Вот эта-то огульная похвала и заронила в мой мозг искру сомнения.

Но похвалы нашей продукции меня интересуют мало. Гораздо интереснее взгляды мистера Фербенкса на кино.

Здесь царит типичное американское ницшеанство.

Фербенкс признает, что кино, действительно, средство агитации и пропаганды.

– Мы с Мери работаем на многомиллионного потребителя. Каждый вечер в самых разнообразных уголках земного шара десятки тысяч людей смотрят наши картины. В наших руках находится возможность толкать этих зрителей на добро и зло. И мы по мере сил стараемся направить людей в сторону добра.

– Что такое добро? Добро – это сила, ловкость, предприимчивость. Сильный человек обязательно будет счастлив (богат?). За примерами ходить далеко не придется. У нас в Америке таких примеров по десятку на каждом шагу. Человек работает, и его добродетель вознаграждается. Пусть герои Мери претерпевают в детстве тысячи побоев, но они всегда счастливо выходят замуж за богатых и добродетельных молодых людей.

– Работа киноактера – это большое общественное дело. Ведь публика знает только актера; ни режиссера, ни сценариста, ни оператора она не видит. Я пишу сценарии сам, но разрабатываю их вместе со всеми участниками картины. Таким образом каждый знает точно свое место.

– Я танцую? Нет, это просто нормальные движения сильного и ловкого человека.

* * *

Беседа кончена. Фербенкс подходит к окну. Внизу на тротуаре бесится толпа. Несколько сот безумцев кричат "ура" и аплодируют.

– Миссис Пикфорд плохо себя чувствует. Пожалуйста, не шумите.

Это увещевание плохо действует на сумасшедших.

Мы, конечно, довольны тем, что Мери и Дуглас были в Москве. Но зачем же сходить с ума.

Впрочем, с больных людей не спрашивают, их надо лечить".

Статья в "Огоньке", посвященная приезду американских актеров, носила схожее название – "Кино-психоз в Москве". В ней были приведены другие детали визита Пикфорд и Фербенкса, а также редакционные комментарии в духе времени:

"Поклонники буквально осаждали гостей. Дело доходило до драк и членовредительства.

На Пикфорд и Фербенкса смотрели, как на "учителей", им задавали всевозможные вопросы, начиная от того, какие блюда они любят на обед, и кончая – "в чем смысл жизни". Естественно, что во многих областях "Мери" и "Дуг" оказались не очень сведущими. Иногда ответы их носили явно анекдотический характер.

Знатные иностранцы заявили в многочисленных интервью:

во-первых, что они считают себя интернациональными, так как "принадлежат миру";

во-вторых, что они не чужды (!) учения Ленина и готовы учиться в области кино у великого учителя;

в-третьих, что русский пролетариат бесконечно прав и мудр: надо любить простоту. Мери Пикфорд и Дуглас Фербенкс любят простоту, но не менее любили (!) активность Ленина, почитают его память, любят жизнь и имеют страстное желание встретиться с Троцким.

И как венец всего этого действительно детского мироощущения, наивное заявление Фербенкса:

– Я политикой абсолютно не интересуюсь. Ходят слухи, что мы фашисты. Это не так. Просто, в Италии нас чествовали фашистские организации, и мы не хотели их обидеть и поэтому приняли их подношения и участвовали в банкетах, данных в нашу честь!

В распоряжении редакции "Огонька" имеется снимок, сделанный в Лос-Анжелесе, центре американской кинематографии. На снимке – Мери Пикфорд, все с той же детской и непонимающей улыбкой получает почетный знак от шефа американской полиции и звание "почетного полицейского" – в стране, где полиция на брезгует никакими средствами для борьбы с рабочим классом, отстаивающим права на жизнь, Мы не верим в существование "внеклассового" искусства. Миллионеры Фербенкс и Пикфорд знают, на какую публику они работают – на мещанина-обывателя, ждущего от картины дешевой сентиментальщины, в меру слез и много смеха, а главное – "радостного конца". К сожалению, Пикфорд и Фербенкс разменивают свои крупнейшие дарования для услаждения вкусов обывателя. Впрочем, эта любовь к "линии наименьшего сопротивления" и создала, быть может, им такую завидную популярность. Будем верить, что их недолгое пребывание в СССР и знакомство с советским искусством даст толчок к новым путям творчества, на которых они смогут не только "увеселять", но и создавать действительно художественные ценности".

Вызывает интерес процитированное А. Черкасским заявление Д. Фербенкса о том, что ему нравятся *все* советские фильмы. В самой Стране Советов отечественная кинопродукция таких оценок не получала. Например, "Комбриг Иванов", названный в газетах "1-м фильмом пролеткино", не понравился В. И. Ленину. Автор тезиса "Из всех искусств для нас важнейшим является кино" посчитал, что в рассказе о сватовстве красного командира (члена партии!) к поповской дочке слишком мал антирелигиозный заряд. А вот в Америке этот фильм, вышедший на экраны под названием "Красотка и большевик", имел успех.

Мы оставим в стороне бесспорные шедевры советского кино того периода: "Броненосец Потемкин", "Красные дьяволята" или комедии с участием Игоря Ильинского, а попробуем с помощью московской периодики 1926 г. узнать, что предлагали зрителю кинотеатры в текущем репертуаре:

"...Жизнь, как она есть" – картина производства Культкино, поставленная режиссером А. Дубровским. Фильма эта представляет отражение быта пролетарской молодежи, рабфаковцев, и быта нэпманов. Тема – благодарная и нужная. Но благодаря тому, что в фильме нет настоящего сюжета, картина получилась малоинтересная, растянутая и скучная. Сценарий на редкость примитивный.

Вместо действия и жизни в картине даны лишь голые схемы.

В итоге получилась малохудожественная агитка, агитка, сделанная грубо и слабо, а потому никого ни в чем не убеждающая. О том, что такое нэпман, рабфаковец, об их различии мы и так хорошо знаем. От трескучей и дешевой агитации нам пора переходить к убедительной художественной фильме. (...)

"Девятый вал" – картина производства Госкинпрома Грузии. Картина неудачная и неинтересная. Погубил фильму прямо на редкость бездарный сценарий. Параллельно, почти совсем друг с другом не связанные сюжетом, развиваются 4–5 интриг. Получилась громоздкая, совершенно непонятная и запутанная фильма. Зритель не понимает, что к чему и отчего. Бледно дано восстание на броненосце. Почти все остальные сцены построены на любви и удивительно примитивны и неумело кинематографически сделаны.

Самое удачное в картине – это тип эсера, типичнейшего демагогическо-

го интеллигента. Безобразен в картине монтаж, встречаются невероятные ляпсусы.

И в общем итоге можно сказать, что "Девятый вал" не войдет в актив достижений советского кино. По подобному сценарию картину нельзя было ставить. (...)

"Дымовка".

Пошла эта фильма на первых экранах. То ли в знак уважения к первой украинской фильме, то ли ввиду безнадежных перспектив летнего сезона, когда за рыб не только раки, но и головастики сойдут...

Про сюжет "Дымовки" говорить нечего. Это дело всколыхнуло весь СССР, и за убийство селькора Малиновского советская власть "каленым утюгом" прошлась во врагам селькоровского движения.

Этот-то сюжет и инсценировало ВУФКУ. И, не мудрствуя лукаво, перенесло на экран всю историю дымовского дела.

Но как перенесло!

Будь эта фильма по-человечески поставлена, она, без сомнения, была бы большим достижением нашей кинематографии. Но ее режиссер гнался за "натуральностью" и получил в результате такую "натуральную" фильму, от которой на три версты театром несет.

Все – и игра, и постановка, и костюмы, и грим – до того театрально, что одного этого было бы достаточно, чтобы не смотреть картину.

Но этого мало. Дымовские крестьяне, которых должен был показать режиссер, страшно "подпейзанены".

А это уже непростительно, хотя до сих пор "пейзанской" болезнью страдает не один только режиссер "Дымовки".

Но кроме этого, – бороды "крестьян" приклеены, морщины намалеваны, животы у "куркулей" – подушечные...

Ведь киноаппаратом нельзя снимать театральный грим. Объектив безжалостно выдаст все ухищрения гримера и вместо кинофильмы покажет нечто вроде плохо слаженной театральной репетиции, наблюдаемой из-за кулис.

Это и было показано..."

Однако и у этих фильмов были свои благодарные зрители. Речь идет о рабочих и трудовом крестьянстве – главной опоре Советской власти. Еще в апреле 1923 г. на XII съезде РКП(б) было обращено внимание на стремительный рост числа кинозрителей. При этом с тревогой отмечалось, что в кинотеатрах демонстрируют дореволюционные и западные фильмы, а это означало превращение кино "в проповедника буржуазного влияния или разложения трудящихся масс".

Что там говорить о народных массах, если даже кинозал Коммунистического университета имени Свердлова, по свидетельству газеты "Рабочая Москва", "специализировался на сногсшибательных американских дефективных картинах кино". А в мае 1923 г. вообще стал демонстрировать "фашистскую галиматью" – итальянскую "фильму" "Тайна острова", "содержащую в себе идеи самого махрового монархизма". В учебном заведении, где ковались кадры партийных и советских работников, показывали историю королевской дочери, вся семья которой была истреблена заговорщиками. Принцесса, спасенная благородным юношей, в конечном итоге торжественно взошла на трон. И никакой классовой борьбы.

По "киновопросу" XII съезд партии дал директиву: "развить кинематографическое производство в России как при помощи специальных ассигнований правительства, так и путем привлечения частного (иностранного и русского) капитала при условии полного обеспечения идейного руководства и контроля со стороны государства и партии". Для этого было решено укрепить руководство Госкино надежными коммунистами, способными сочетать хозрасчет с идеологической работой.

Поскольку нэп был задуман и какое-то время реально существовал как система открытого соревнования разных экономических укладов, такое же положение наблюдалось в кинематографе. Как мы уже выяснили, репертуар многих московских кинотеатров строился в расчете на вкусы "неокапиталистов", не желавших смотреть продукцию разного рода "Пролеткино". В тех условиях государству оставалось одно – развивать сеть кинопоказа, доступную массам трудящихся, для которых в первую очередь предназначались советские фильмы. О том, как на практике выглядело это соревнование в 1926 г.,

узнаем из обзора С. Безбородова “По рабочим киноклубам”, опубликованного в журнале “Рабочая Москва”:

“Так как советское кинопроизводство не успевает и не может еще сейчас удовлетворить все киноустановки исключительно своими, советскими фильмами, то у нас наряду с нашими идут и заграничные кинокартины, конечно в соответствующей политической переработке.

Однако рабочая аудитория уже настолько идеологически переросла обывателя и нэпмана, что рабочего не удовлетворяет головоломщина американских уголовно–приключенческих картин, его тошнит от добродетельных барышень и поцелуев взасос. Рабочие настоятельно требуют, любят и ходят смотреть советские, свои картины, рисующие быт рабочего класса, гражданскую войну, борьбу за производство. Но на одной даже очень хорошей программе далеко не уедешь – великолепную советскую картину никто не станет смотреть в дырявом холодном сарае, на дрыгающем заплеванном экране. Внутренность киноклуба – вещь важная, надо сделать так, чтобы ожидать начала сеанса рабочий мог в хорошем, светлом и теплом помещении, чтобы были газеты, журналы и т. д.

Как обстоят дела в этом отношении в наших рабочих киноклубах?

Клуб имени Кухмистерова – клуб железнодорожных рабочих М.-Курской ж. д. Раньше в клубе кино не было – клуб пустовал. Оборудовали кино, и клуб постепенно стал оживать, и сейчас это один из лучших рабочих клубов Москвы. Зрительный зал рассчитан на 750 человек. Хорошо оборудован, чисто, тепло. Ни одной иностранной фильмы не прошло через этот клуб. Здесь ставили “Комбриг Иванов”, “Дворец и крепость”, “Красные дьяволята” и “Красный газ”, “В тылу у белых” и др. лучшие советские фильмы. (...)

Кинотеатр “Таганский”. В здании кино когда-то был ломбард. Помещение для кино не приспособленное. Но заботливая и умелая рука сделала здесь прямо чудеса. В двух фойе играют хорошие оркестры, на стенах – картины, портреты вождей; хорошая мебель, чистота. Гвоздь всего – библиотека-читальня. Художественно исполненные лозунги, большая стенная газета “Все вижу” с отзывами о кинокартинах, с отделом “Новости литературы”. На темно-синем фоне ярко горят вырезанные и наклеенные буквы ленинских слов. Карта СССР. Флажками отмечены пункты, в которых случилось что-нибудь важное для жизни советских республик: “Пущена новая фабрика”, “Женщина – председатель совета”. Хулиганство, сначала безраздельно царившее в кино, быстро и верно изживается. Подбор картин хороший, хотя идет кое-что из заграничных фильм, главным образом, имеющих или исторический, или бытовой интерес. Отзыв рабочих о Таганском кино самый лучший, никогда не услышишь тех жалоб, которые приходится слышать от рабочих железнодорожников Москвы 1-ой Рязанско-Уральской ж. д. на клуб “Красное Знамя”:

“Пичкает нас наше “Красное Знамя” заграничной дребеденью. Прямо охота отпадает ходить”. И верно, программа кино сплошь почти халтурная, жидко разбавленная кое-какими советскими фильмами”.

Москвичи, желавшие провести свободное время не в душных кинозалах, а на открытом воздухе, шли на бульвары. Прогуливаясь вдоль длинных, усыпанных песком аллей, они могли найти массу развлечений.

Часов с десяти утра начинали работу бульварные фотографы. По моде того времени съемку клиентов они производили на фоне специальных полотен. На одном был изображен великолепный сад с прудом и статуями, на другом – Кремль. В рассказе В. П. Катаева “Ножи” молодой рабочий, прогуливавшийся по Чистопрудному бульвару, был запечатлен именно таким образом: “...он сел на стул перед висящей на дереве декорацией, изображающей вид московского Кремля с Каменного моста, положил ногу на ногу, сделал зверское лицо и снялся в таком виде. Получив через десять минут мокрую карточку, Пашка долго, с солидным удовольствием, разглядывал себя – клетчатая кепка, хорошо знакомый нос, клеш, рубашка-апаш с воротником на выпуск, пиджак, все честь честью – очень понравилось, даже как-то не совсем верилось, что это он сам и так прекрасен.

– Ничего себе, – сказал он, аккуратно свертывая липкий снимок в трубочку, и подошел к лодочным мосткам”.

Еще, по рассказам московских старожилов, фотографы предлагали желающим облачиться для портретного снимка в матросскую форму. Она был больших размеров, поэтому ее можно было надеть поверх своей одежды. По-

путно на бульварах шла бойкая торговля фотографиями известных людей, например, Сергея Есенина.

"Тут же можно увидеть художников, – описывал бульварную жизнь корреспондент "Огонька" А. Киров. – Они в полчаса делают портрет, довольно схожий с оригиналом. Рисуют карандашом и даже красками. Клиентура у них находится. К людям искусства относятся здесь и музыканты. На Никитском бульваре долго пребывал красивый старик, похожий на немецкого профессора, игравший на цитре. Его охотно слушали, но подавали мало, так как копейку или две было неудобно давать такому почтенному человеку, а больше было жалко дать.

Недалеко от старика происходили шашечные матчи. Играли по пятаку за партию. Хозяин игры был малорослый паренек с узкими синими глазами, бедно одетый. Играл он хорошо, почти не думая, и редко проигрывал. В день он может сыграть сорок-шестьдесят партий и из них проигрывает не больше пяти.

Установлено радио на перекрестках многих бульваров. Мешают трамваи и автомобили, но толпы людей все же стоят перед черной трубой. Одним интересны лекции, другим – музыка.

Радио приобщает их к культурной и политической жизни, и число слушателей все растет. До одиннадцати с лишним часов, до самого конца передачи, толпа не редеет. Недавно в Кремле происходил один из больших конгрессов. Окна Большого дворца длинными рядами медных огней сияли на реку и на сквер, сотни людей смотрели на эти огни и слушали голос оратора из зала через черную трубу радио".

Прослушивание радиопередач было, пожалуй, единственным бесплатным удовольствием. За другие бульварные развлечения гражданам приходилось платить. Зато по пути можно было отведать сразу много чего: взвеситься на медицинских весах, испытать нервы электричеством, взявшись за медные палочки, подсоединенные к маленькой динамо-машине, потягаться с силомером.

Некоторые из бульварных аттракционов заманивали публику возможностью выигрыша довольно ценных призов. Упомянутый нами герой рассказа В. П. Катаева "Ножи" во время своей прогулки набрел на такое заведение:

"Для того чтобы окончательно исчерпать весь запас воскресных удовольствий, ему оставалось найти подходящих девчонок и покататься с ними в лодке. Однако случилось как-то так, что он пошел дальше, пока не дошел до неизвестного ему балаганчика. В широко открытых дверях толпился народ. Слышалось металлическое звяканье и хохот.

– Чего такое? – спросил Пашка у малорослого красноармейца, трущегося у входа.

– Кольца кидают, потеха. Который накинет – самовар может выиграть.

Пашка с любопытством заглянул через головы в балаган, ярко освещенный внутри лампами. Вся задняя его стена была затянута кумачом. На полках, устроенных в три ряда, торчали воткнутые ножи. Между ножами были разложены заманчивые призы. На нижней полке коробки конфект и печений, на средней – будильники, кастрюли, кепки, а на верхней под самым потолком в полутьме, – совершенно уже соблазнительные вещи: две балалайки, тульский самовар, хромовые вытяжные сапоги, толстовка, итальянская гармонь, стенные часы с кукушкой и граммофон. На который нож кольцо накинешь – ту вещь и получаешь. А накинуть почти невозможно, – ножи очень шаткие. – Кольца отскакивают. Интересно.

Работая локтями, Пашка протерся в балаган. За прилавком старичок в серебряных очках продавал кольца – четвертак сорок штук. Красный парень со взмокшим чубом, дико улыбаясь, дошвыривал последний пяток колец. Пиджак его развевался. Железные кольца вылетали из грубых его пальцев и, стукаясь об ножи, со звоном валились в подвешенный снизу мешок. Зеваки хохотали. Парень багровел. Задетые кольцами ножи упруго гудели и, туманно дрожа, расширялись воронкой.

– Тьфу, будь они трижды прокляты, те ножи и те кольца! – воскликнул, наконец, парень. – Полтора рубля просадил зря, хоть бы печение Бабаева взял, – и сконфуженно выбрался из толпы.

– Тут в прошлое воскресенье один сапоги выиграл, – сказал мальчик в заплатанных штанах, – на десять рублей кидал.

– А ну-ка, разрешите, – произнес Пашка, вплотную придвигаясь к стойке, – интересно, как это будет.

Старичок подал ему кольца.

– Значит, – спросил Пашка обстоятельно, – если на нижний нож накину, то конфеты Бабаева можно получить?

– Можно, – сказал старичок равнодушно.

– А повыше, то и будильник?

Старичок кивнул головой.

– Интересно. Хо-хо. А если самовар, то надо, небось, под самый потолок целить?

– Да ты печенье-то возьми сначала, трепаться потом будешь, – сказали ему из толпы нетерпеливо. – Валяй!

Пашка положил на прилавок снимок, раздвинул напиравшую публику локтями, облокотился, нацелился, но тут вдруг рука его дрогнула, кольцо вырвалось из пальцев, боком упало на пол и покатилось. Пашка похолодел. Возле полок, сбоку, сидела на стуле, аккуратно сложив на коленях ручки, нарядная девушка такой красоты, что...”

Полагаем, читатели догадались, что Пашка влюбился с первого взгляда. И девушка ответила взаимностью. Вот только папаша, владелец прибыльного предприятия, в силу своей мелкобуржуазной натуры не захотел породниться с рабочим пареньком. К тому же дочь-красавица привлекала в балаганчик молодежь. Конец у этой истории благополучен, причем в духе времени. После неудачного сватовства Пашка изготовил кольца и ножи, несколько месяцев тренировался, и в один прекрасный день снова появился возле аттракциона, чтобы с триумфом выиграть все призы. Владелец балаганчика, поставленный перед выбором: разорение или свадьба, предпочел расстаться с дочерью.

Кроме бульваров, традиционный характер места массового отдыха на природе сохранили Воробьевы горы, переименованные в 1924 г. в Ленинские. Присвоив этой местности высокое имя, московские власти решили и досуг трудящихся наполнить новым смыслом. На месте знаменитого ресторана Крынкина, “где баре забавлялись знатными яствами и питиями”, началась стройка спортивного клуба, который должен был стать частью громадного, на несколько десятков тысяч зрителей, стадиона. О преобразованиях на Ленинских горах “Огонёк” писал:

“Прошлое Воробьевых гор мрачное. Тенистые садики с таинственными девицами в желтеньких платочках. Самоварчики с незабвенной водочкой на столе. Толчея.

За пятачок, – “головокружительные” удовольствия на каруселях и американских горах.

Настоящее иное. Нет уж Воробьевых гор. Теперь они – Ленинские горы, место, на котором десятки тысяч рабочих отдыхают и развлекаются разумно, с пользой для здоровья, где строится Международный Красный Стадион”.

В конце интересующего нас периода, в 1928 г., на берегу Москвы-реки был открыт Центральный парк культуры и отдыха.

Увы! В годы нэпа далеко не все москвичи откликались на призывы властей проводить свободное время с пользой, использовать досуг для накопления сил к новому трудовому дню. Встречались и те, кто, наоборот, расшатывал свое здоровье, употребляя наркотики. В Москве в те времена раздобыть отраву не составляло труда. М. А. Булгаков, воспроизводя приметы эпохи в пьесе “Зойкина квартира”, вводил действующих лиц – китайцев Ган-Дза-Лина и его помощника Херувима, торговцев морфием и кокаином. Многочисленные подтверждения того, что писатель не погрешил против истины, встречаются на страницах московской прессы. Например, в январе 1923 г. “Рабочая Москва” сообщала:

“С появлением в Москве китайцев число притонов значительно увеличилось. Особенно богат ими район Трубной площади. Здесь имеются тайные притоны на все вкусы: для курения опиума, нюхания кокаина, впрыскивания морфия. На всякий случай в притонах имеют и самогон.

Управлением Моссовета начата энергичная борьба с содержателями притонов. Обнаружено несколько “курилен”. Содержатели их арестованы”.

Да что там подпольные опиумокурильни! Чуть ли не в открытую продавали наркотики в элитных ночных клубах: в “Кружке друзей искусства и культу-

ры" в Воротниковском переулке, где собирались актеры, и в писательском кафе, располагавшемся в подвале "дома Герцена" на Тверском бульваре.

Примерно до середины 20-х гг. в газетной хронике происшествий регулярно появлялись заметки такого типа (менялись только адреса и имена задержанных):

"Муром в д. 17, кв. 63, по Трубной ул. обнаружен притон наркотиков. Арестован хозяин притона Жин-Ю-Кин. Личности задержанных 14 посетителей притона выясняются. При обыске отобраны 10 шприцев, большое количество морфия и другие невыясненные наркотики".

Если с наркопритонами борьба велась успешно (судя по исчезновению с газетных страниц сообщений о них), то такое социальное зло, как пьянство, за годы нэпа только усилилось. В 1929 г. в статье "За трезвость", опубликованной в "Огоньке", были приведены такие факты:

"В одной Москве за 1917–28 г. выпито 33.183.000 литра водки, т. е. на одну семью приходится около 66,42 литра в год. А пива приходится на московскую семью около 92,25 литра в год. (...)

Характерно, что количество пьющих семейств увеличилось в 1928 году вдвое по сравнению с 1924 г. Громадное большинство пьющих – рабочие".

Легальное производство спиртного и открытая торговля спиртными напитками были разрешены совместным постановлением ЦИК и СНК СССР от 26 августа 1923 г. Власти официально позволили советским гражданам употреблять "живительную влагу" крепостью не выше 20 градусов и пиво. Новым указом, подписанным председателем СНК А. И. Рыковым 3 декабря 1924 г., крепость хмельного была поднята до 30 градусов. По этому поводу М. А. Булгаков записал в дневнике:

"В Москве событие – выпустили 30° водку, которую публика с полным основанием назвала "рыковкой". Отличается она от царской водки тем, что на десять градусов она слабее, хуже на вкус и в четыре раза ее дороже. Бутылка ее стоит 1 р. 75 коп. Кроме того, появился в продаже "Коньяк Армении", на котором написано 31°. (Конечно, Шустовской фабрики). Хуже прежнего, слабей, бутылка его стоит 3 р. 50 к[оп]".

Со временем из-под пера писателя вышел знаменитый диалог между профессором Преображенским и доктором Борменталем:

"Красавец – тяпнутый – он был уже без халата, в приличном черном костюме – передернул широкими плечами, вежливо ухмыльнулся и налил прозрачной.

– Новоблагословенная? – осведомился он.

– Бог с вами, голубчик, – отозвался хозяин, – это спирт. Дарья Петровна сама отлично готовит водку.

– Не скажите, Филипп Филиппович, все утверждают, что очень приличная, тридцать градусов.

– А водка должна быть в 40 градусов, а не в 30, это во-первых, – наставительно перебил Филипп Филиппович, – а во-вторых, Бог их знает, что они туда плеснули. Вы можете сказать, что им придет в голову?

– Все, что угодно, – уверенно молвил тяпнутый.

– И я того же мнения, – добавил Филипп Филиппович и вышвырнул одним комком содержимое рюмки себе в горло..."

Справедливости ради приведем мнение по предмету дискуссии В. В. Похлебкина, написавшего целый трактат об истории водки в России:

"С начала действия постановления производство советской водки было поставлено и все время находилось на высоком научно-техническом уровне. Все ученые-химики, занимавшиеся изучением физико-химических показателей русской водки, за исключением умершего в 1907 году Д. И. Менделеева, остались работать в Советской России и внесли свой вклад в дальнейшее совершенствование русской водки советского производства. Это были академик Н. Д. Зелинский, профессора М. Г. Кучеров, А. А. Вериго, А. Н. Шустов и А. Н. Грацианов.

Так, М. Г. Кучеров еще до революции обнаружил в столовом хлебном вине (водке), вырабатываемом заводом П. Смирнова в Москве, поташ и уксуснокислый калий, придававшие смирновской водке своеобразную мягкость, но вредно влиявшие на здоровье. Поэтому он предложил сделать на советских спирто-водочных заводах добавку к водке питьевой соды, которая, сообщая водке "питкость", была не только безвредна, но и полезна для здоровья.

А. А. Вериго предложил надежный и точный метод определения сивушных масел в ректификате и ввел двойную обработку водки древесным углем".

Что же касается пива, то в дневнике М. А. Булгакова за 1923 г. есть такая красноречивая запись: "Москва живет шумной жизнью, в особенности по сравнению с Киевом. Преимущественный признак – море пива выпивают в Москве. И я его пью помногу".

Обилие пивных, появившихся в годы нэпа, объясняется прибыльностью этого промысла. Кроме того, московские власти с радостью сдавали в аренду непригодные под жилье пустующие помещения бывших магазинов и полуподвалы. Да и характер этих заведений отвечал запросам широких слоев населения. Кроме того, сами пивные делились на различные категории: от грязных "шалманов" до вполне приличных заведений, напоминавших дореволюционные трактиры.

Взять хотя бы героев повести В. П. Катаева "Растратчики". Это были обычные советские служащие, получавшие небольшое жалование. Скромные доходы не позволяли им посещать рестораны, зато они вполне могли завернуть в пивную, чтобы слегка "обмыть" получение долгожданной зарплаты и заодно переждать дождь:

"Рассудив все это таким образом, Филипп Степанович расстегнулся, повесил на сук елки зонтик и шляпу, раскинулся на стуле, накинул пенсне и превосходным взглядом осмотрел пивную.

– Чего прикажете? – спросил официант в серой толстовке и в фартуке, тотчас появляясь перед ним.

Филипп Степанович припомнил, как старик Саббакин в таких случаях лихо расправлялся у Львова, искоса поглядел на Никиту и Ваничку, выставил ногу в калоше и быстро заказал графинчик очищенной, селедочки с гарниром, порцию поросенка под хреном и пару чая.

– Водкой не торгуем, только пивом, – со вздохом сказал официант и, горестно улыбаясь, свесил голову. – Патента не имеем.

– Что же это за трактир, если нету водки? – насмешливо и вместе с тем строго спросил Филипп Степанович.

Официант еще ниже опустил голову, как бы говоря: "Я и сам понимаю, что без водки настоящему трактиру не полагается, да ничего не поделаешь: время теперь такое".

Филипп Степанович, разумеется, очень хорошо знал, что в теперешних пивных водки не подают, но жалко было упустить случай щегольнуть перед подчиненными и слегка унизить официанта.

– В таком случае, – сказал он баритоном, – дай ты нам, братец, парочку пивка да раков камских по штучке, да воблы порцию нарежь отдельно, если хорошая, да печеных яиц почернее подбрось.

– Слушаю-с!

Официант, сразу оценив настоящего заказчика, почтительно удалился задом, на ходу быстро поворотился и, как фокусник, щелкнул выключателем. Сразу стало втрое светлее".

Касаясь темы "московские рестораны эпохи нэпа", сразу вынуждены предупредить читателей, что наши сведения о них скудны и отрывочны. С одной стороны, имеется множество свидетельств современников о том, что рестораны открывались и принимали посетителей; с другой стороны, среди газетно-журнальной рекламы не удалось найти хотя бы приблизительно полного перечня этих "злачных мест". Справочник "Вся Москва на 1925 год" вместо ресторанов предлагал перечень "столовых-кафэ". Под этой рубрикой оказались объединены как известные с дореволюционных времен заведения ("Прага", "Эрмитаж", "Люкс", "Бар"), так и явные "новоделы", вроде "Темзы" или "Мышиной норы" Ассоциации вольнодумцев.

Взять хотя бы один из главных символов широкого московского разгула. "...Говорят, что "Яр" открылся!" – записал в дневнике М. А. Булгаков в начале 1922 г. Впрочем, "Яр" эпохи нэпа оказался совсем не тот. Реклама в журнале "Театр и музыка" зазывала посетителей не в Петровский парк, а к Петровским воротам. Его владельцем было товарищество "Декоративное искусство", а связь со знаменитым до революции местом кутежей сводилась к тому, что заведение открыл "бывший сотрудник ресторана Яр".

Однако в июне 1923 г. в газетах появилось такое объявление: "Сдается в аренду помещение бывш. ресторана "Яр" (по Петроградскому шоссе). Заяв-

ления направлять в МУНИ". Судя по встречавшимся в газетах сообщениям, помещение ресторана районные власти использовали не по прямому назначению, а для проведения разного рода собраний.

А вот другой свидетель былой "веселящейся Москвы", ресторан "Эрмитаж" (официальное название "столовая-кафе МСПО № 21), широко распахнул двери для посетителей. Напоминая в газетном объявлении публике, что он — "бывший Оливье", ресторан приглашал в мае 1924 г.: "...сегодня открытие общедоступного летнего сада. Обеды из 2-х блюд 1 р., пиво 60 коп. Оркестр музыки, народный хор. Торговля до 5 ч. утра".

Многие московские рестораны с дореволюционной историей в первые же годы нэпа снова открыли двери для посетителей, но со временем власти принялись активно закрывать "гнезда порока". Например, описание знаменитого кафе на крыше дома Нирнзее, сделанное М. А. Булгаковым, относится к периоду 1921–1923 годов:

"А на нижней платформе, окаймляющей верхнюю, при набежавшем иногда ветре шелестели белые салфетки на столах, и фрачные лакеи бежали с блестящими блюдами. (...)

Белые, красные, голубые розы покрывали стол. На нем было только пять кусочков свободного места, и эти места были заняты бутылками. На эстраде некто в красной рубашке, с партнершей — девицей в сарафане, — пел частушки:

У Чичерина в Москве
Нотное издательство!

Пианино рассыпалось каскадами.

— Бра-во! — кричали нэпманы, звеня стаканами, — бис!

Приплюснутая и сверху казавшаяся лишенной ног девица семенила к столу с фужером, полным цветов.

— Бис! — кричал нэпман, потоптал ногами, левой рукой обнимал даму за талию, а правой покупал цветок. За неимением места в фужерах на столе, он воткнул его в даму, как раз в то место, где кончался корсаж и начиналось ее желтое тело. Дама хихикнула, дрогнула и ошпарила нэпмана таким взглядом, что он долго глядел мутно, словно сквозь пелену. Лакей вырос из асфальта и перегнулся. Нэпман колебался не более минуты над карточкой и заказал. Лакей махнул салфеткой, всунулся в стеклянную дыру и четко бросил:

— Восемь раз оливье, два лангет-пикана, два бифштекса.

С эстрады грянул и затоптал лихой, веселый матросский танец. Замелькали ноги в лакированных туфлях и в штанах клешем".

Стремясь покончить с "пережитками старого быта", власти решили противопоставить ресторанному разгулу и мерзости обстановки "пивнушек" заведения иного типа. В конце 20-х гг. в прессе заговорили о "советских чайных". По замыслу партийных пропагандистов, они должны были стать местами, где сознательные рабочие и крестьяне наряду с возможностью трезво проводить досуг могли бы повышать свой культурный уровень. Идеальный образец такого времяпрепровождения описан Н. Ф. Погодиным в очерке "Пойдемте в советскую чайную": "...в городе Сычеве, отрешившись от извечных наших сомнений, собрались однажды профсоюзные товарищи с товарищами кооператорами, зазвавши на свое совещание наших делегаток со всеми имеющимися в наличии культурными силами, и поговорили самым серьезным образом о культурной чайной, или — как там это надо называть? — о рабочем кафе, что ли.

И смотри, — через месяц из помещения пивной "Сычевская Бавария" мрачно вывозятся последние ящики с черными перегородками, ковыляет туда маляр, штукатур, идет свирепая чистка, очищается "дух", какая-то женщина мягкой рукой накрывает столики белыми скатертями, украшает окна, шустрый паренек прилаживает дорожки и половики, и у стены за пианино скрипач с девушкой аккомпаниаторшей разучивает "Шахту номер три".

Вечер. Мутный сычевский вечер. На улицу в сугробы, а может, в лужи (смотря по погоде), льется свежий теплый свет, и слышно — там, за яркими окнами, мягко поет скрипка... А на улице черно, жуть. Что это за учреждение?

Сычевец остановится и послушает... Музыка, и никого не бьют, и никого не выносят оттуда вперед ногами, в виде посылки в район милиции.

Сычевец зайдет. Где наши не пропадали!

Он, конечно, очень обидится, ибо ему скажут, что нужно раздеться и снять свои калоши, он рассердится и, может, уйдет, хлопнувши дверью. Не беда. Зайдет другой. И один, и другой будут любопытно озираться и почему-то ежиться, и почему-то стараться говорить тише. Послушают музыку, поглядят журналы, между прочим, удивившись дешевизне стоимости яичницы-глазуньи с порцией чая, кофе со сливками... и даже по-варшавски... А что это значит "по-варшавски"? А что ежели разойтись сейчас и, не моргнув глазом, подозвать эту вот симпатичную женщину в белом, да и заказать ей два стакана кофе... по-варшавски?

— Слушайте, товарищ... нам бы... этого...

А кругом черт его знает как чисто, разукрашено, тепло, цветы и... Хорошо! И сам собой рождается разговор, и не хочется идти на улицу... и тут еще подан кофе по-варшавски.

Проходит месяц. Город Сычев уже привык новому учреждению. И железнодорожный мастер Новиков, имевший обыкновение раза два неделю уходить из дому "отвести душу" с приятелями, вдруг замечает жене своей:

— Пойдем?

— Куда?

— А в нашу... в чайную...

Он надевает чистый костюм и перед зеркалом выверяет свой галстук. Он чистит сапоги щеткой, рассказывая о том, что в кафе не плохо посидеть вечер, встретив приятеля, не плохо дешево закусить, отдохнуть, развлечься.

— Пойдем.

А может быть, случится так, что сама жена скажет железнодорожному мастеру Новикову, чтоб взял ее с собой в кафе, потому что опостылело ей сидеть дома одной. А, может быть, наши делегатки не раз и не два, а много раз при всяком удобном случае станут говорить женщинам о рабочем кафе, и женщины на первых порах поведут туда своих мужей, у которых не было иных путей, кроме тех, что ведут в пивнуху, в пьяный притон. И, наконец, те люди, те рабочие, те служащие, которым некуда пойти вечером, негде убить вечер, которые вынуждены отворять дверь пивной, сразу составят собой завсегдатаев новой чайной.

Ну, а там... Может, сычевские товарищи профсоюзники с товарищами кооператорами будут вынуждены открыть вторую чайную где-нибудь поближе к самым окраинам; может быть, на рабочем собрании, или в горсовете, или пайщики кооператива у них потребуют этого... Может быть, через год-другой в городе Сычеве будет расположено три пивных "сычевской Баварии" и полдюжины советских кафе... Кто знает?

Работать надо, отрекаясь от наших русских убийственно-заветных взглядов на самих себя, на всю окружающую жизнь, что вот-де мы "отсталые", темные, и нам все простительно, и не стоит нам шевелиться, ибо все равноде у нас ничего не получится, как там ни крути.

И вот тогда в городе Сычеве, и в городе Кологриве, и в городе Красно-Кокшайске распустятся первые хорошие, красивые цветы культурного, свежего, бодрого быта, — назовем эти цветы в данном случае чайными розами.

Это ведь не плохие цветы".

Мы не выясняли, действительно ли были созданы "советские чайные" в упомянутых Н. Ф. Погодиным городах. Зато в Москве такое заведение появилось в начале 1928 г. на Таганской площади. Первый "цветок культурного быта" облагородил столицу по инициативе правления Рогожско-Симоновского кооператива. "Непременным условием существования чайной будет абсолютная чистота и опрятность, — писал об этом событии журнал "Огонек". — Чай и закуски продаются по доступным ценам. В ближайшее время кооператив предполагает организовать в этой чайной диетические обеды. Эту мысль подали кооперативу рабочие кардолентной фабрики. Чайная уже выписала несколько экземпляров газет и журналов".

Сведений о вытеснении пивных "советскими чайными" нам найти не удалось.

СТАНИСЛАВ КУНЯЕВ

КРУШЕНИЕ ВЕЛИКОЙ ИЛЛЮЗИИ

К 130-летию со дня рождения Александра Блока

Ровно сто лет тому назад, осенью 1910 года, Александр Блок написал стихотворение “Комета”.

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда!
Но наши девы — по атласам
Выводят шелком миру: да!
Но будят ночь все тем же гласом
Стальным и ровным — поезда!

Всю ночь льют свет в твои селенья
Берлин, и Лондон, и Париж,
И мы не знаем удивленья,
Следя твой путь сквозь стекла крыш,
Бензол приносит исцеленья,
До звезд разносится матчиш!

Наш мир, раскинув хвост павлиний,
Как ты, исполнен буйством грез:
Через Симплон, моря, пустыни,
Сквозь алый вихрь небесных роз,
Сквозь ночь, сквозь мглу — стремят отныне
Полет — стада стальных стрекоз!

Грозись, грозись над головою,
Звезды ужасной красота!
Смыкай сердито за спиною,
Однообразный треск винта!
Но гибель не страшна герою,
Пока безумствует мечта!

В ту дальнюю осень весь мир с ужасом и восторгом следил за ее орбитой. Астрономы, поэты, политики, прорицатели, журналисты, чревовещатели гадали – столкнется комета с Землей или нет, и если близок космический

апокалипсис, то в ожидании последних времен – не лучше ли, как говорят сегодня, "оторваться по полной" и, хлопнув дверью на всю вселенную, поставить жирную точку в конце земной истории?

Так называемый цивилизованный мир в начале XX века делал первые шаги в глобальное общество потребления. Девиз "хлеба и зрелищ" витал над Европой, высосавшей столько жизненных соков из колоний, что она уверовала в свое материалистическое могущество, подкрепленное небывалым количеством научных открытий, уверовала настолько, что бросила вызов не просто комете Галлея, но судьбе, Творцу и всем заповедям всех великих мировых религий.

В греховной гордыне обезумевший от своей мощи продвинутый мир в тот исторический момент напоминал человечеству картины жизни перед Всемирным потопом, или в дни возведения Вавилонской башни, или в момент расцвета Содома и Гоморры. Чувство этого греховного самодовольства осенью 1910 года захлестнуло душу гениального декадента Александра Блока, влюбленного в темное заклинание из "Пира во время чумы":

Все, все, что гибелью грозит,
Для сердца смертного таит
Неизъяснимы наслажденья.

Он забывал, что слова эти принадлежат не Пушкину, а существу с нечеловеческим именем Вальсингам.

Его "гибельный восторг" был настолько велик, что в коротком и блистательном стихотворении, в четырех строфах он поставил аж восемь восклицательных знаков!

Соблазненный фаустовским пафосом, помноженным на деяния действительно могущественного рода людского, поэт впал в соблазн, и поэтому его стихотворение зазвучало как вызов Высшей Воле и как гимн человеческому беспределу.

Ты нам грозишь последним часом,
Из синей вечности звезда! —

восклицал он и отвечал на вызов небес с мефистофельской надменностью: "но наши девы по атласам выводят шелком миру: да!", а наши поезда "будят ночь" "стальным и ровным гласом", а наши великие мировые столицы "Берлин, и Лондон, и Париж" танцуют "матчиш" и канкан и плевали они на угрозы свыше, и "стада стальных стрекоз" взлетают в твое бесчеловечное небо" через "Симплон, моря, пустыни". А человечество настолько богоподобно, что изобрело какой-то "бензол", который "приносит исцеленье" от всех болезней.

В гробу, мол, мы видели все твои грозные небесные знамения. Мы "герои", поэты, сверхчеловеки. И нам не страшна гибель, "пока безумствует" наша Люциферова мечта, презирающая твои небесные знамения... Наш мир, "раскинувший павлиний хвост", вечен! Впрочем, все эти чувства естественно возникали на фоне мощнейших политических доктрин эпохи – от Коммунистического манифеста до "Протоколов сионских мудрецов", от первых резолюций сионистских конгрессов до первых зачатков расовой мифологии, от ницшеанского вопля "Бог умер!..", отозвавшегося эхом в горьковском афоризме "человек – это звучит гордо!"...

И вот прошло сто лет. Вместо "матчиша" чувствами завладел рок-н-ролл, вместо универсального исцеляющего все болезни "бензола" мы рекламируем стволовые клетки, обещающие нам бессмертие. "Наши поезда" типа "Сапсан" окончательно опутали земной шар стальной паутиной, а о "стадах стальных стрекоз", гудящих в обезбоженном небе, и говорить нечего. "Буйство грез" продолжается. И хотя взамен кометы Галлея, промахнувшейся тогда мимо Земли, сдвигается земная кора в Индийском и Атлантическом океанах, вскипают нефтяные фонтаны в Мексиканском заливе, на глазах теряет свою животворную силу Гольфстрим, небывалые пожары, наводнения то там, то здесь предупреждают человечество: "Остановись!" Но все равно "мечта безумствует", "буйство грез" не унимается, "павлиний хвост" – распущен по всем параллелям и меридианам, рекламы всего мира – а не только "Парижа, Берли-

на и Лондона" – сделали смешной лермонтовскую строчку "спит земля в сиянье голубом", а чрева стальных стрекоз переполнены "героями" в лице миллионеров и миллиардеров, не страшащихся ни Бога, ни черта, под "Симплоном" прорыт новый туннель для облегчения всемирного шопинга, в глубинах Альпийских гор проложен коллайдер, похожий то ли на громадную гусеницу, то ли на библейского ветхозаветного змея, а наши девы в Куршевеле, на Лазурном берегу и на Канарах, уже ничего не вышивая шелком, а танцуя на столах, кричат миру "да!".

Но великий поэт тем и велик, что рано или поздно для него все темное, страстное и загадочное становится истинным и явным, потому что после великих заблуждений к нему приходят не менее великое прозрение и раскаяние...

Буквально через месяц после стихов о комете, в которых поэт отдал дань князю мира сего, опомнившись, он пишет о бездушной "стальной стрекозе":

В неуверенном зыбком полете
Ты над бездной взвился и повис,
Что-то древнее есть в повороте
Мертвых крыльев, подогнутых вниз.

Как ты можешь летать и кружиться
Без любви, без души, без лица?
О стальная, бесстрашная птица,
Чем ты можешь прославить творца?

В серых сферах летай и скитайся,
Пусть оркестр на трибуне гремит,
Но под легкую музыку вальса
Остановится сердце — и винт.

А еще через два года, узнав о гибели символа всей этой цивилизации, величественного "Титаника", он напишет в дневнике слова, полные страшного и почти бесчеловечного прозрения:

"Слава Богу, есть еще океан..."

И никаких восклицательных знаков.

А еще через два года после плясок под матчиш для всего мира, раскинувшего "павлиний хвост", наступило кровавое похмелье – началась мировая война за передел мира, о которой Блок уже написал с печальной трезвостью и без единого восклицательного знака:

Петроградское небо мутилось дождем,
На войну уходил эшелон.
Без конца — взвод за взводом и штык за штыком
Наполнял за вагоном вагон.

В этом поезде тысячью жизней цвели
Боль разлуки, тревоги любви,
Сила, юность, надежда... В закатной дали
Были дымные тучи в крови.

Безумство мечты и буйство грез о жизни, как о вечном празднике, закончилось.

ВАЛЕРИЙ ГАНИЧЕВ
председатель Правления Союза писателей России

НАРОДНЫЙ ПИСАТЕЛЬ

О Василии Белове

Вот и шагнул вместе со всеми нами в XXI век Василий Белов. Его ли это столетие? Ведь в минувшем двадцатом его знали и любили. Там живут его герои, страдают и иногда радуются. Там идет за дровнями, разговаривая со своим испытанным другом конем Парменом, Иван Африканович, там он безутешно рыдает на могильном холмике своей Катерины: “Я ведь дурак был, худо я тебя берег, знаешь сама... Как по огню ступаю, по тебе хожу, прости. Худо мне без тебя, вздоху нет, Катя... – Иван Африканович весь задрожал. И никто не видел, как горе пластало его на похолодевшей, не обросшей травой земле, – никто этого не видел...”.

Много раз перечитывал я эти слова и до боли ощущал пронизывающее это страданье. По-другому страдали герои Тургенева, Толстого, да и Шолохова. Всё по-своему, по правде своего времени. И у Белова всё по правде, и ему веришь безгранично. Эта правда о русской жизни. Этот дар ее слышать и понимать и проведет книги Белова по XXI веку.

Василий Белов не вмещается ни в одну из литературоведческих классификаций. Его не вставишь ни в какие художественные, эстетические, социологические и политологические рамки. Но он не был в нравственном одиночестве, не возвышался отдельной глыбой над народом, но вырастал из него, окруженный своими героями, своими почитателями, своими сотоварищами по литературному делу. Ему было на кого опереться, с кем идти рядом.

Как и все послевоенное поколение, он вырастал из Победы. Но вот война закончилась, а тяжкий, порой изнурительный труд продолжался. Казалось, с Победой на село придет облегченье, но ведь семьи в русской деревне поредели: отцы, братья, кормильцы не пришли с фронта. Вместо них пустота, многие надорвались, ослабли. Но поблажки селу не было: строились города, восстанавливалась промышленность, везде нужны были рабочие руки – и город снова и снова забирал крестьянских парней. Но ведь и село надо было удержать, надо было жить и работать, не терять надежды, спасать себя и страну.

Василий Белов это и делал: вершил крестьянское дело, не сторонился комсомольского соработничества, жадно учился, постигал смысл и филосо-

---

Статья написана как предисловие к Собранию сочинений Василия Ивановича Белова, которое в скором времени начнет выходить в издательстве “Классика”.

фию жизни через народные тяготы и терпенье, через мудрое слово стариков и женские судьбы. Книги приходили в его жизнь, озаряя дальним светом чужой мысли и уменьем выразить то, что видишь и чувствуешь. Он и сам стал писать, ощутив слово и как живительный луч, и как рычаг, с помощью которого можно двигать сознание людей (в его понимании – двигать в лучшую сторону).

Все, о чем писал, у Белова было в душе (это не тексты, не концепции и не схемы устроения мира). В то время принято было считать, что прогресс идет по всем направлениям: социальным, научно-техническим, эстетическим, уводя отжившее и старое на второй, третий план, а то и вообще выталкивая его из жизни. Однако нравственный и духовный враг "подкрался" именно с этой стороны – со стороны всегда привлекательного обновления. Миру все больше и больше навязывалась чума "амбивалентности" – добро и зло уравнивались, святыни отрицались.

Миллионам читателей Василий Белов дорог своей подлинной народностью, ведь в своем простом слове он боролся за главное. Во всех его повестях, рассказах и очерках утверждались правда-истина, сострадание, милосердие, целомудрие, уважение к прошлому и любовь. И тут можно повторить, что если это *не* утверждается, то это не наша классика, не наша русская народная, а инородная литература.

Василия Белова ведь никто не пиарил, не "раскручивал". Просто все мы в 1970-е и 1980-е годы спрашивали друг у друга: "А ты читал?..". И речь шла о Белове.

Помню знаменитую встречу Михаила Александровича Шолохова с молодыми писателями, среди которых были Владимир Фирсов, Юрий Сбитнев, Лариса Васильева, Феликс Чуев, Василий Белов и другие. С ними был и первый космонавт планеты Юрий Гагарин. Феликс Чуев в шутку рассказывал, что, когда самолет приземлился на сельском аэродроме в Вешенской и по трапу стали спускаться писатели, встречавшие делегацию старики-казаки при появлении Василия Белова пали на колени и воскликнули: "Мы так долго ждали Вас, Ваше Высочество!" И действительно, была в нем некая царственность народного писателя. Не вельможность, не тронная величавость, а уважительность к тем, кого он представлял, от имени кого выступал.

Шолохов сразу выделил Белова, попыхивая мундштучной сигаретой, внимательно слушал его, отвел в сторону, о чем-то расспрашивал. Ему-то лучше всех было понятно, что значил Белов для русской литературы. Это сейчас ясно, что "Тихий Дон" – самая гениальная книга XX века, а "Привычное дело" выглядит самой знаковой книгой того времени, обозначившей начало знаменитой "деревенской прозы" – прозы, продолжившей линию классической нравственной русской литературы. А тогда мы думали, что Шолохов просто проявляет внимание к молодому таланту. А у них же, как я узнал позднее, шел острый разговор о земле, о селе, о крестьянстве, о коллективизации. Многим тогда казалось, что в "Поднятой целине" не высветилась вся правда о коллективизации. Шолохов и не возражал, понимая, что в каждом краю была своя правда и драма в изменении вековечного уклада. Василий Иванович и вынашивал ее, болел ею, представив ее позднее в трилогии романов "Кануны", "Год великого перелома" и "Час шестый". В общем, без сомнения, это была поистине историческая встреча, когда звезды выстроились таким образом, что на Дону встретились три великих русских человека: Михаил Шолохов, Юрий Гагарин и Василий Белов. Памятник этой встрече вижу воочию и надеюсь, что он встанет на берегу Дона.

Нельзя не выделить в его творчестве энциклопедический "Лад", свидетелем создания которого мне довелось стать. В 1970-е годы как директор издательства "Молодая гвардия" приехал я в Вологду. После встречи в Вологодской писательской организации Белов повел меня в местный музей. И с несвойственной ему горячностью, будто я был представителем Министерства культуры, принялся доказывать, что из нашей жизни устраняют целые пласты быта, эстетики, как ненужный шлак, отжившую породу. Он не только отрицал такой подход, но показывал истинную красоту, эстетическую фундаментальность творчества народа. В музее Белов долго водил по залу светоносной северной иконописи, проявляя истинно церковное и искусствоведческое знание в оттенках, направлениях, особенностях школ русского иконописания. А главное, выявлял внутреннюю одухотворенность и поистине божественную озарен-

ность, которая посещала последователей Андрея Рублева, Дионисия, Феофана Грека в их возвышенном творчестве. А потом были еще, по крайней мере, два часа путешествия по просторам Атлантиды крестьянского быта. Как многоопытный археолог, он вел меня по другим музейным залам вдоль стеллажей, полок и витрин с шедеврами великой крестьянской народной цивилизации. И непрестанно воздавал осанну детской люльке и берестяному туеску, подовой лопате и печному горшку, расшитому полотенцу и плетеному кушаку, крепко сбитым валенкам и плетеным лаптям, лазурному изразцу и фигуристому оконному наличнику, детской игрушке и расписной дуге. Для меня, человека прожившего немало лет в деревне, многое в этой панораме раскрывалось в своей неразрывной связи, полноте и красе. "Знаешь, – говорил Белов тогда, – сейчас искусство, красота сохранились в отдельных кристаллах, в руках и головах отдельных мастеров, а на протяжении веков эти кристаллы были растворены внутри народа, и воспроизводилась эта лепота на всех уровнях, во всех местах в деревнях, городах и столицах. Нынче красота ущербилась. Посмотри, какое богатство осталось нам от прошлого. Оно ведь равновесие, украшенность, гармонию вносило в нашу жизнь, устанавливало лад в семье и доме".

Василий Иванович с вдохновением, знанием и страстью описывал каждый предмет быта, труда, украшения. Чувствовалось, что он был навигатором и штурманом в этом море народной культуры. Понимая, что он уже обдумывает, а скорее создает этот вещественный эпос, я предложил ему написать книгу. Он промолчал, а когда я прислал ему из издательства "Молодая гвардия" договор на книгу, он отослал его обратно: "На ненаписанное договор не заключаю". И только с третьего раза удалось подписать бумаги. Так появился выдающийся эпос народного быта и народной эстетики – "Лад". Может быть, ему суждено жить в веках*.

И еще очень важное в его таланте. Василий Иванович – великий кудесник могучего, многоликого народного языка, который приводит в восхищение понимающего и чуткого к слову читателя. Вот этим-то своим волшебным, сочным, звучным, не придуманным, а услышанным словом он и будет нужен XXI веку.

Речь его героев лишена черного слова, вообще сквернословия. И в то же время "Плотницкие рассказы" и "Бухтины" стали образцами искрометного и задорного русского юмора, слава Богу, не подвластного современным юмористам, заполнившим эфир пошлыми, циничными, местечковыми хохмами. Оставит он нам в слове своем цветастые вологодские луга, влажные кустарники, извилистые песчаные тропки, крошечную, но великую в слове Тимониху, вошедшую в память народную так же, как и Михайловское, Спасское-Лутовиново, Вешенская.

Великий педагог К. Д. Ушинский отмечал, что родная речь – одно из главных условий возвышения нации. "Не изучению какого-либо иностранного языка, не изучению чуждой литературы обязаны греки художественным совершенством языка отечественного и своими лучшими писателями. Они изучали прежде всего свой родной язык, свои родные предания и то, что их окружало".

Василий Белов щедро одаривает читателя нашим родным словом, нашими преданиями, образами того, что окружало и окружает нас, и не выветрилось, несмотря на телевизионные и радийные сквозняки и ураганы. И без слова Белова не сомкнутся XX и XXI века, а разделятся трещиной, разъединяющей главные смыслы русской жизни.

И последнее: в собрание сочинений, к сожалению, не могут войти его поступки, его действия в подтверждение слов, сказанных им и написанных. А ведь они продолжают его мысли, иногда не менее убедительно, чем написанное. Над чем-то ведь можно и посомневаться: "Ну, написать-то все можно..." А когда Василий Иванович берет топор, восстанавливает храм; когда идет на трибуну, которую не очень любит, и требует от депутатов Верховного Совета прекратить произвол с землей и крестьянином; когда встает на защиту Дома Союза писателей России; когда "бросает рюмку", чтобы усовестить земляков; когда борется со товарищи против насильственного поворота се-

---

* Впервые "Лад" был опубликован в журнале "Наш современник" в 1979-81 годах. – **Прим. ред.**

верных рек; когда едет выступать в защиту русского слова и нашего народа – в Якутск, Иркутск, Омск, Краснодар, Орел и Уфу, то это – поступки, доказывающие, что слово и дело у Василия Белова нераздельны и нефальшивы. Вот почему и нужен всем нам Василий Белов и в XXI, и в будущих веках.

В марте 2008 года в зале Церковных Соборов Храма Христа Спасителя, где обычно собираются иерархи Церкви, проводятся Всемирные Русские Народные Соборы, концерты православной музыки и пения, состоялся юбилейный вечер русского писателя Василия Белова. Он сидел в первом ряду со своей женой Ольгой, иронически улыбался, как бы отстраняясь от обращенных в его адрес высоких слов коллег-писателей и актеров. Зал дружно аплодировал. Василий Иванович укоризненно покачивал головой. В своем выступлении я рассказал о том, что чувствовал, много лет зная Белова и его творчество, и внес предложение: "В наших национальных республиках давно существует звания Народный писатель, Народный поэт, а у русских писателей в России, то бишь Российской Федерации, такого названия нет. Давайте же обратимся к верховной власти с предложением его установить и первым здесь назовем Василия Ивановича Белова". Зал взорвался аплодисментами, а когда я сел рядом с ним, он лукаво хмыкнул: "Кто это позволит-то?" Не знаю, позволят ли, примут ли такое решение, но уверен, что в сознании народа, страны Василий Иванович Белов давно утвердился как Народный писатель России, выражающий мысли, мнения и чаяния наших людей, о чем и свидетельствуют многие страницы юбилейного собрания сочинений.

СЕРГЕЙ НЕБОЛЬСИН

ЯСНАЯ ПОЛЯНА В 1950 ГОДУ

Не кажется странным: когда-то именно в толстовский юбилейный год (1908) Александр Блок заговорил о незримой черте, которая угрожающе, как перед некоей Куликовской битвой, пролегла между интеллигенцией и народом.

* * *

Как простолюдин, Толстой чурался чиновничества – присутствий, департаментов, судов с их "аблакатами" и прокурорами. Он, мне кажется, и самую высшую власть недолюбливал, но тут есть особый нюанс: Толстой как-то и не создан был писать о ней. Имея всемирный кругозор, он был чужд ее кругозору. Разные причины сетовать на карикатурность Наполеона (а она есть, и Наполеоном в своем роде заслужена) – и сетовать на то, что у Толстого не оказалось мощи и живого богатства в портретах иных государей-императоров. Но ее нет.

А ведь была высшая власть, заступавшаяся за наследие Толстого, за народную тягу к нему. Заступалась даже некоей незримой тенью, и тень эта призраком в моем сознании держится.

Но я расскажу, касаясь и этого, немного о другом. Есть один голос, который из собственно толстовского, родимого писателю яснополянского мира до сих пор звучит в моей памяти. Не к лицу русских верхов он относится, и не к нему был обращен, и запомнил его сам я.

* * *

Неранней осенью 1950 года "Литературная газета", только что попавшая в ведение Константина Симонова – писателя, не чуждого соблазну писать "по Толстому", – собралась в Ясную Поляну. "Симонов созвонился с Пузиным, с директором, и нас ждут", – вели пересуд газетчики. Симонов был выдвиженцем Сталина, и значительность пересуду придавало именно это.

Тогда выходными были только воскресенья. Человек тридцать экскурсантов сошлись еще затемно где-то в центре Москвы (Цветного бульвара газета тогда еще не получила). Там уже ждала заштатная послевоенных лет полуторка под брезентом и с лавками, которых, оказалось, хватило не для всех. Ну, кое-как расселись, кто-то достал гармонику, и на тройках с бубенцами в путь. При матери, которая вскоре после нашего приезда из Сибири устроилась в газету, состоял и я, младший школьник. (Был еще один, Алеша, не помню, чей племянник). Через московские окраины рванули на юг, в направлении Тулы.

* * *

Сейчас не так, конечно, ездят к Толстому литераторы (я сам опробовал позже и мягкие автобусы, и скоростные поезда до Козловой Засеки, и даже раз кто-то подбросил на "мицубиси"). Ну, а мы, что называется, с гиканьем и свистом. Кто-то согревался чисто по-солдатски, а мне некий здоровенный мужчина дал хлебнуть какао из термоса – тоже взбодрило, стало и теплей и веселей.

Кто-то и клевал носом. Но я помню, как проезжали мимо домов, на которых местами еще сохранился прифронтовой, коричнево-зелеными разводами, защитный камуфляж. Помню, что тогдашнее Варшавское шоссе было узкое до крайности, в немыслимых загогулинах и ухабах. Но кто-то произнес значительно: **Варшавское шоссе**, и я вжился в авторитет этой магистрали, похожей, как сейчас подумаешь, на сирую проселочную дорогу. Конечно, не было еще и никаких "новых кварталов". (Немцы-пленные вели точечное строительство и многоэтажное, и коттеджное, но погоды это не делало; да в 1949 году они в основном исчезли, отбыли к себе в Германию).

Есть у Пименова прекрасная картина "Москва майская" (или как). Но я говорю про рейд по Москве хмурым октябрьским утром, и совсем не по Охотному ряду, который еще далеко не был проспектом Маркса, и вижу все глазами недоспавших людей. Из Москвы выехали быстро, она тогда не была раскидистой: никаких там Бутовых и проч. Начались дачи и дачки, халупы и колхозные фермы, луга и перелески. Кто-то, наконец, совсем разбередил чужую дрему гармошкой, начали гомонить и петь. К Толстому двигались под "Горит свечи огарочек", "Ехал я из Берлина" и "Мне хорошо, колосья раздвигая". Для многих эти песни были частью собственного опыта, в основном фронтового; двое мальцов – мы с Алешей – охотно подпевали.

* * *

Около Оки и Серпухова, особенно к Туле, виделись следы военных разрушений. Исковерканные дома и переезды, не полностью восстановленный быт. Тяжело вспоминать. Так или иначе, обещанные 170 (или сколько) километров были сделаны, и днем мы прибыли ко въезду в усадьбу – к двум круглым столбам, которые когда-то своей внушительностью и красотой-гармонией восхитили Чехова.

Вышли на некое подобие площади, вокруг которой сейчас сувенирные ларьки, магазинчики, ресторан-столовая. Встали кучкой, разминая ноги и еще неуверенно озираясь. Но тут нас уже радостно встречал директор толстовского музея Пузин. Это был живой, знающий и именно радушный человек, и вызвался он лично показать нам всю графскую усадьбу. Сейчас он уже покойник, добрая ему память.

* * *

Сделаю отступление, касающееся собственно литературы, причем самых разных уровней. В том нашем путешествии она отчасти затрагивалась, но как – совсем не помню, и говорю только от себя и из собственных мыслей.

Конечно, Н. Пузин знал, что мы "от Симонова". Что Симонов не просто Симонов, а всесоюзный туз и доверенное лицо Сталина, да еще и несколько уже раз Сталинский лауреат – он как раз это и принимал во внимание особо. И, несколько в сторону шибая от рассказа о Ясной Поляне 1950 года, я сам отвлечься от этой тематики напрочь не могу.

Верно, что Сталин – Симонов есть любопытная, хоть и не генеральная тема. Что же в ней все-таки значительно? А то, что не окажись Симонов при Кремле, не стать ему никогда хоть как-то, но видным поэтом. Бывают и другие пути, а тут был – именно этот. Родись лет на пятнадцать раньше Женя Гангнус – и вальяжность-степенность, и твердую идейность вовремя и навсегда приобрел бы и он. Не нашлось для Евтушенки Сталина, не нашлось вовремя –

когда все мягко так, и нежно, и незрело.

И в итоге получилась какая-то с дребезгом и беспорядочно машущая руками и лозунгами ветряная мельница, уж не сказать флюгер. Были, были бы

у Гангнуса и свои “Дороги Смоленщины”, свои “От Москвы до Бреста”. Поэзия при власти – искусство не единственное, но очень часто добротное, свою ничтожность возвышающее. И открещиваться, отрекаться от соотечественников – “наследников Сталина” не пришлось бы; и про нас как про посконную сволочь не написал бы Евгений Александрович свои “Русские коалы”. Всю сталинскую советскую власть Евгений Александрович пел бы как шелковый – может, и не лучше Луконина, но стойко и по праву наследуя ему. Порядочным явлением в поэзии он мог бы стать и вдали от Кремля. Но вечная тяга людей известного рода наверх бывала для них созидательна. Она и нам что-то давала. Но ближе к делу, к вопросу крупнее, чем Сталин – Симонов, Сталин – Евтушенко. К вопросу, который подсказан толстовским годом: **Сталин и Толстой.**

Есть что сопоставить. Да, дара и склонности писать царей или ближайших к трону царедворцев так, как писались Андрей и Пьер – во всем изобилии красок, заглядываний в душу, – у художника, возможно, не было (противоположность Шекспиру с его Ричардами, Генрихами и Лирами). Но допустите, что Толстой прожил бы не 82 года, а 100 лет, сохранив ясность ума, и поместите его в 1928 год. В чью пользу размышлял бы он, сравнивая болтливого, “аблакатствующего” Троцкого с его немногословно-аскетичным, наделенным железной государственной волей противником? Особенно перед лицом задач, которые человеку предыдущего столетия и даже японской войны и не снились?

Верно: Толстой не доверял политике, науке и индустрии точно так же, как и юридическому словоговорению. Но разве державный собеседник не убедил бы старца, что для спасения и его крестьянской России как раз наука и индустрия смертельно-жизненно необходимы?

Нет, не стоит преувеличивать в Толстом его детски-наивную приверженность непременному антинаучному “мракобесию”. (Так говорили, так, очевидно, саркастически думал и Ленин.)

Пойдем дальше, в годы 1941–1945. Нам заметят, что Лев Толстой, помещенный в эти годы, – уже совсем химера. Но мы же признаем вечность Толстого? Если признаем всерьез, то должны принять и такое. И я держусь того, что в большом существе русских забот Толстой из нашей жизни никуда и не уходил. В связи со страной – не было никакого “ухода Толстого”.

Что же мы видим, что мы могли бы увидеть? Да, совсем отвергнутую и даже, кажется, подвергнутую Толстым церковность Сталин не моргнув глазом восстановил во вполне каноническом обличьи и без всякого обновленчества. Толстой этого не принял бы?

Возможно; но мы о 1941–1945 годах, тут важнее иное: своими “Севастопольскими рассказами”, своими “Войной и миром”, “Кавказским пленником” – не сталинской ли России Толстой усердно помогал – и помог выстоять? А Сталин не всю ли Россию, дорогую Толстому, как мог защищал и отстоял от новой наполеоновщины?

Представьте себе Ясную Поляну, что сегодня она не стерта с лица земли, а стала усадьбой какого-нибудь барона или гроссбауэра...

То есть в чем-то неизвестные в их соотношениях величины и расходились, и шли навстречу друг другу.

Вот почему и странно: есть труды “Толстой и Чехов” (пухлейшая книга В. Я. Лакшина), есть всяческие “Толстой и музыка”, есть “Ленин и Толстой”. Но нет труда “Толстой и Сталин”. И нет Толстого, что описал бы Сталина несколько иначе, говоря мягко, нежели Солженицын или Гроссман. А что, генерал Власов – не фигура для толстовского гения? Этой картины в толстовском ключе нам тоже не хватает.

Шлюсь на авторитеты. В 1943 году Давид Бурлюк написал в Америке картину: два земледельца за плугом на бескрайней пашне; и он назвал ее – “Неподвластная захватчикам Россия Толстого и Ленина”. Учтите контекст 1943 года: Сталин здесь был бы более уместен.

* * *

Но это мысли сегодняшние. А тогда, проехав километров двести по России – поврежденной и изуродованной, но оставленной-таки нам Сталиным и Толстым после Гитлера (виды были невеселые, но это была становящаяся жизнь), мы оказались в толстовской усадьбе.

Там тоже многое было обшарпано и недокрашено, еще как-то не по-яснополянски мрачно, сиро и серовато, но я уже по восприятиям и возгласам окружающих чувствовал: даже при всем этом и святыня, и прелесть созерцаемого для них несомненны.

Еще по сибирской деревне без света и радио я помнил, как матушка читала про бойкого и любознательного Филиппка; про мальчика Ваню, что тайком взял сливу с общего стола и был хитроумно разоблачен его отцом; про парнишку, что для забавы кричал "Волк! волк!", а потом волк и впрямь напал на стадо. Это с обстановкой усадьбы не вязалось. Не вписывался в покои барского дома и "Кавказский пленник", которого я читал уже в Москве. Но "Детство" и "Отрочество" уже вполне ощущались в этом доме, именно в нем, в его залах и спальнях и в кущах и аллеях вокруг. (Хотелось даже искать знаменитую "зеленую палочку"). Здесь бегал Николенька, здесь ковылял добрый Карл Иваныч, ходила Николенькина мама. Все оцепенело смотрели на стены славной "комнаты со сводами" – и мне сейчас жалко, что довелось увидеть ее раньше, чем я прочел "Войну и мир" либо "Крейцерову сонату".

Еще запомнилась могила – сирым и не вполне приятным холмом без креста. Запомнилась – но уже и тогда она наводила только тоску, как-то совсем без дуновения благодати. Постояли и помолчали.

Так, если в целом, восторженно-тихое оцепенение всех передавалось и мне: со своей суровой спокойностью усадьба и тогда, при запустении была толстовской. Сами просторы апартаментов действовали на советского отрока, жителя коммунальной квартиры, и своими объемами, и величественной тишиной, и трепетной заботой обо всем этом со стороны "сотрудников", хотя здесь приходится употребить уже не совсем толстовское слово.

* * *

Всё обошли, вплоть до полуразвалившихся конюшен (сейчас там всё на ходу). Всухомятку хотели перекусить, но любезный Пузин дополнил это гостеприимным чаем – повторяю, на тридцать человек. Пора собираться в обратный путь.

И тут произошло неожиданное. По выходе на площадь, где мы остановились сперва и договорились с шофером, чтобы тот нас поджидал, делегация-экскурсия обнаружила: ни полуторки, ни шофера нет.

Побегали туда-сюда. Кто-то сказал: уехал рыбачить. Наряд, посланный в указанное место, доложил: он там, но машина увязла в пруду. Смятение всех охватило отнюдь не фронтовое, а начинало вечереть и заметно холодать. Около часа шофера еще поджидали, потом отчаялись – но и выхода не нашли. Местные жители возвращались с каких-то трудов и занятий, загоняли скот и гусей, с любопытством посматривали на сбившуюся в ожидании транспорта кучку.

Попросили какого-то проезжего на телеге еще раз съездить туда, куда отправился рыбачить шофер. Тот поехал, вернулся и сообщил, что дело безнадежное. Прошла мимо стайка мальчишек. Я высмотрел одного, про которого решил, что он видом как раз толстовский Филиппок, только постарше. "Смотри, мама, Филиппок", – уже сказал я – но его товарищи или старший брат крикнул нечто в нашу сторону, и ватага прошла дальше.

Все как-то помрачнело. Ничего себе, приехали в гости к Толстому. Но дело было хоть как-то спасено тем, что уже когда почти совсем смерклось, из ограды снова вышел директор Пузин и отрешенно сказал: "Ну что, раз такой оборот, расположим вас ночевать в музее". Он не хотел "инцидента".

Такого никто не ожидал, и как будто все этого же ждали. Опять гомон, восклицания. Всех, буквально всех развели по неприкосновенным толстовским покоям. Уж как им там стелили, этого не знаю – а нас с Алешей отвели в некое строение, про которое сказали, что это флигель, где когда-то ночевал Чехов. Там было две лежанки, самовар с жестяными кружками при нем, в какой-то жбан нам налили воды, потом принесли и опять чаю. Согревшись под одеялами – не знаю, мемориальными или нет, мы с Алешей совсем готовы были уснуть.

И вдруг всему этому пришел отбой: кто-то пробежал в "центральный корпус", снова раздались по всей усадьбе голоса, двери нашего флигеля открылись, и громкий голос с отрадой сказал, что **машина приехала**.

Особенно дрожа после начавшегося было сугрева, не так-то охотно возвращались люди все на ту же площадку перед белыми яснополянскими столбами. Что они высказали шоферу-бедолаге, не помню. Часов так около одиннадцати вся гоп-компания отправилась обратно в Москву, и глубокой ночью мы были у себя дома.

* * *

Сейчас подумаешь: не будь этого случая, я бы еще долго ехал до Ясной Поляны. (Помню, что в следующий раз, это было году в 1963-м, работники музея сетовали, что над усадьбой угроза зачумления и вымирания лесов из-за деятельнейшего производства Новомосковского угольного предприятия, что по соседству — и "его бы надо закрыть". Благими намерениями ад вымощен). Не будь, далее, этой незадачи с нашим шофером — не прикоснуться бы мне вживую к реликвиям толстовского времени, не пить чай из "чеховской", можно сказать, кружки. Не будь за всем этим фигуры Симонова (само его толстовствование в "Живых и мертвых" меня никак не трогает) — не было бы, может быть, и особого благоприятствования нам со стороны музея, не было бы лекции самого Пузина в качестве экскурсовода, его отчаянного гостеприимства сирым и несчастным. Не было бы и особо сердечной памяти об этом человеке.

Интересно только: а сам Толстой принял бы на ночлег таких ходоков? Вот не знаю.

* * *

Но я помню одно, чего я раньше коснулся мимоходом — это выкрик, с которым обратился к нам на площади деревенский мальчишка.

Счастливо замерзнуть здесь вам, москвичам, яснополянским студеным утром!

Это был 1950-й, а не какой-нибудь 1905-й, скажем, год. И в выкрике том была какая-то подспудная деревенская идея.

Сам парнишка, может быть, шутил — да я и помню, что он смеялся. От этого не легче. "Нынешняя Москва идет вперед, она в авангарде обновления страны". Нынешняя Москва уже съела десятую часть площадей, отделявших ее когда-то от Тулы, Клина, Калуги. Варшавское шоссе местами великолепно. И вдоль всех таких магистралей не то что просто стоят, но кустятся многоцветные гиганты и коттеджи. И т. д., и т. п. Тому яснополянскому сорванцу, как и мне, уже семьдесят, наверное, лет. И вот думаешь: да, дома — они новы. Однако не оставляет вопрос: отношение земляной, избяной России к Москве (о нем мы мало читаем в печати) — оно-то в какой мере изменилось?

Вопрос толстовский, Толстым он не решен. А сколько Москва понаворотила дел, чтобы он снова и снова возникал в сознании. Не потому, что его в 1908 году "наметил" Александр Блок, а по чему-то другому, по ходу общих дел, пускай он запущен и не нами.

К 100-летию ухода и кончины Льва Толстого

Венок на могилу Льва Толстого

Богослов, публицист, прозаик и драматург Валентин Павлович Свенцицкий (1881–1931), в отличие от своих друзей И. А. Бневского и В. Г. Кристи, а также близких по духу М. А. Новоселова и П. А. Флоренского, никогда не был увлечен учением Л. Н. Толстого. Наоборот, последовательно критиковал его религию с позиции вселенского христианства. Дал ей подробную характеристику в лекциях, прочитанных весною 1907 г. в Вольном богословском университете при Московском религиозно-философском обществе памяти Вл. Соловьева, одним из основателей которого являлся. По итогам выступлений были опубликованы три статьи: "Лев Толстой и Вл. Соловьев", "Религия "здравого смысла" и "Положительное значение Льва Толстого"[1].

В них Свенцицкий указал, что Толстой не в силах дать ответ на все центральные религиозные вопросы: о происхождении мира и зла, о религиозном смысле материи и страданий; не решает он и вопросы о существе Бога и смысле жизни, напротив, утверждает, что это "принципиально невозможно для человеческого разума". Таким образом, "именно со стороны логической внешнее "опрощение" создает затруднения гораздо более страшные для ума, чем то, что оно отбрасывает как слишком трудное". Свенцицкий пророчески предупреждал: "Через несколько лет... в широкие массы хлынет обильная атеистическая литература... перед сознанием народа будут поставлены новые, неведомые ему вопросы и будут предложены новые, чуждые ему и страшные для него решения". И этому не сможет противостоять "упрощенное" христианство Толстого, поскольку "ни на один из главнейших вопросов религиозного сознания не дает настоящего ответа".

Вскрыв внутренние противоречия, из которых состоит "разумная религия Толстого", Свенцицкий на его примере показал, "во что превращается христианство, лишенное Христа", обличал подмену величайшей религии беспочвенным моральным построением. Хотя Толстой "любит настоящего Бога... но учит бездушному идолу, отвлеченной идее блага... невольно создавая толстовцев-идолопоклонников". Их мораль Свенцицкий не считал христианской, "которая вся проникнута началом действенной любви". Логика непротивленства приводит к абсурду: "Насилием придется признать всякое активное проявление любви, всякое публичное высказывание своего мнения, и человеческая жизнь превратится в мертвую, бездушную нирвану". Отсюда следовал неумолимый вывод: "Отрицание насилия в общей форме не может быть провозглашено как безусловное требование христианства".

Тем не менее, для Свенцицкого Толстой – "громадное мировое явление", "величайший русский мыслитель", восставший против неправды жизни "оскотинившихся людей" и дающий "чрезвычайно много в религиозном отношении". Несмотря на все несходство мировоззрений, перечитывая его сочинения, чувствовал общность религиозного опыта: "Он передает такую глубину переживаний, до которой сам я дойти бы не мог... передает мне свою любовь, настоящую любовь... помогает мне ощутить высший смысл жизни с совершенно исключительной силой". Но чтобы вместе с ним воистину все это пережить, "необходимо самое строгое отношение, самая беспощадная критика его теоретических, головных схем".

Полагая, что "существенная сторона в его учении – несоответствие переживаний с теми теоретическими рамками, в которые они заключены[2], – очень важна и для полного разграничения Толстого и толстовства", Свенцицкий по-

святил их сравнению значительную часть лекций. Он доказывал: "Пренебрежение к философии, "упрощение" Истины у Толстого искуплено внутренней силой морального и религиозного чувства – в толстовстве это превращается в культ невежества. ...За непротивлением Толстого стоит пламенная душа его самого, пылкая, страстная, способная на гигантский протест, способная изумлять Европу беспощадностью, безумной дерзостью своего вызова. ...В толстовстве остается одно непротивленство, одно бессильное, ненужное, жалкое отрицание культуры". Это общественное явление Свенцицкий считал отрицательным результатом деятельности Толстого, "накипью", "собранием уродливых сторон его духовной личности", от которого ему "с ужасом придется отвернуться". Категорически не соглашался с мнением, что "при свободе печати Толстой, по крайней мере на некоторое время, займет все внимание большинства русского народа", поскольку был глубоко убежден: "Толстой в своей вере не народен, и потому, когда народ его действительно узнает, он за ним не пойдет"[3]. И это сбылось.

Среди исторических заслуг Толстого в области религиозного сознания Свенцицкий выделял основную. "В XX веке образованный и гениальный человек заявил... что одна только религия может дать действительное знание... потребовал отчета у так называемых передовых людей, чему они учат и что они знают... с небывалой силой поставил перед сознанием культурного человечества во всей глубине и неизбежности религиозную проблему. Заслуга Толстого не в том, как он ее решил, а в той силе, с которой он ее поставил".

Свенцицкий считал, что в Толстом-моралисте раскрывается главная мощь его гения, и "здесь он подлинный Божий пророк": своими вопросами "зачем люди живут? как они живут?" он сорвал разукрашенные одежды с человеческой совести, встряхнул загипнотизированное самодовольное сознание атеистов.

Указывал Свенцицкий и на значение Толстого в судьбах Церкви. По его мнению, он не разрушил христианской догматики, поскольку со слитками самой сути религиозно-философского содержания религии не так-то легко покончить с помощью простого здравого смысла. Но "застывшая религиозная жизнь, превращающая догмат из живых подвижных творческих начал в мертвые и сухие, почти бессодержательные слова... получила от Толстого мощный толчок". Что же касается практики жизни, то "Толстой, отвернувшийся от Церкви в значительной степени благодаря ее позорному современному состоянию, выстрадал себе право безжалостно обличать и духовенство, и называющих себя христианами. Пусть он не прав в своей критике церковного учения, но он страшно прав в своих обличениях ее безобразной жизни".

Тогдашняя государственная власть сочла это "богохулением и кощунством". За напечатание статьи "Положительное значение Льва Толстого" Московский комитет по делам печати просил прокурора возбудить судебное преследование против редактора-издателя журнала "Живая Жизнь", а московский генерал-губернатор наложил на издание арест. Лишь спустя несколько месяцев дело было прекращено после трезвого суждения члена Главного управления по делам печати М. Никольского: "Быть может, в этом взгляде ревнители православного учения найдут нечто критическое, но ни один человек, если он только не фанатик, не найдет и тени богохульства"[4].

Считая литературу "великим средством для общения людей"[5], Свенцицкий высоко ценил художественное творчество Толстого, отмечал его среди немногих русских писателей- "идеалистов", кто "без всякой лжи и умалчивания раскрывал... человеческую душу со всей ее сложностью... в романах и повестях передал всю ту громадную работу, которую совершил их дух", для кого "творчество было их подлинной жизнью"[6]. По мнению Свенцицкого, Толстой-художник дал синтез всего того, что впоследствии говорил Толстой-мыслитель, и сделал это с не меньшей силой, но не обличая, а, как в случае со смертной казнью, показывая весь ее внутренний ужас. Полностью разделяя здесь его взгляды, Свенцицкий утверждал, что в одном абзаце из "Войны и мира", описывающем перемену в Пьере Безухове после сцены расстрела, "итог всего сказанного Толстым о смертной казни за всю жизнь"[7].

К сожалению, так и не состоялось личное знакомство двух писателей-проповедников (именно так величали их современники[8]). Свои мотивы Свенцицкий изложил в очерке "В Ясной Поляне", нежелание же Толстого завязать общение со слишком молодым для серьезного разговора (по его понятию) последователем В. С. Соловьева объяснялось следующими причинами.

Д. П. Маковицкий в дневнике 9 августа 1909 г. записал: "Дмитрий Васильевич говорил про Свенцицкого... речи которого на религиозную тему он слышал, что сам он не верит. Л. Н.: Ужасно: религия – тема для сочинений, – добавил задумчиво"[9]. Давая столь несправедливую характеристику, Д. В. Никитин основывался на романе-исповеди Свенцицкого "Антихрист (Записки странного человека)", как и многие читатели, отождествляя автора с персонажем (это подтолкнуло Свенцицкого снабдить 2-е издание поясняющим послесловием). Толстой же с книгой не ознакомился: присланный 25 декабря 1907 г. экземпляр 1-го издания с дарственной надписью "Льву Николаевичу Толстому в знак братской любви и глубокой благодарности" (хранится в библиотеке Ясной Поляны) поручил прочесть Маковицкому[10], а написать ответное письмо, несмотря на уговоры секретаря, отказался после того, как узнал, насколько резко автор отзывался о его учении. 14 января 1908 г. от вопроса И. А. Беневского об "Антихристе" Толстой отделался общими фразами[11].

Толстовская тема затрагивалась Свенцицким во многих художественных произведениях. Так, главный герой его автобиографической драмы "Пастор Реллинг" (1909) произносит речь, посвященную юбилею некоего "мыслителя, художника, богослова, публициста", которому у него "есть душевная потребность отдать дань уважения". Пастор говорит о нем "как о пророке свободной правды и обличителе всякой лжи... выразителе мировой совести", преклоняясь "перед силой его правдивости"; напоминает, что "великий человек, мировой гений, страдалец и праведник... как сказочный богатырь, сорвал подлую маску с изолгавшихся людей". Речь насыщена аллюзиями на трактат "О жизни" (1888) и другие работы Толстого, а завершается мощнейшим пассажем: "И что бы он ни говорил, что бы ни писал, хотя это было десятки лет тому назад, из его могилы, как властный удар колокола, несется один великий завет: не лгите, не лгите, не лгите!"[12]

По словам критика, гвоздем пьесы Свенцицкого "Интеллигенция" (1912) был финал, напоминающий предсмертный уход Толстого из дома[13]. Прослеживаются в ней и другие параллели: например, в разговоре о потере образованным обществом самой способности веровать и необходимости слиться с верой народной также есть скрытые толстовские цитаты, а один из персонажей, споря, восклицает: "Лучше разврат... чем домовых бояться да пудовые свечи ставить"[14]. Любопытно, что схожего мнения придерживался и Толстой: "Если мальчик ходит по скверным местам и кутит, то больше шансов, что он выберется, чем если он берется рассуждать о Боге"[15].

Уже будучи иереем и проповедником Добровольческой армии, о. Валентин назвал Толстого "одним из самых опасных врагов Христианской Церкви" и указал тому две причины: абсолютная искренность в ошибках и переплетение антихристианских его заблуждений в области теоретической и нравственной с подлинно христианскими писаниями. "В результате истина покоряет сердце, а вместе с истиной неподготовленными людьми жадно воспринимается лживое, "упрощенное" Евангелие от Толстого, опустошающее душу, отрывающее верующих от Христианской Церкви". Толстовские же ученики, которым "он не мог передать своего сердца, своей совести, своего гения", но передал учение, отвергающее Божественность Христа и Церковь с ее таинствами, – искажают христианство по духу, по внутреннему живому смыслу, "как искажают живого человека восковые фигуры в музеях". Они "вынули из Христа Его Божественную силу... подменили Его сожигающую огнем проповедь сантиментальными словами о "непротивлении злу" и великое дело – спасение мира на Голгофе – свели к простому убийству хорошего человека за то, что он проповедовал целомудрие и вегетарианство!" Отец Валентин справедливо указывал, что "Христос, который изображается как толстовец... распятый и затем, как все... сгнивший, – это не наш, не христианский, не православный Христос"[16].

Отношение Толстого к войне о. Валентин определял как "упрямое ослепление", доказывая: "Нельзя же "отписываться": если не поднял оружия – значит, не убил! Нет, убил – если не защитил! Убил как соучастник. Убил своим попустительством. На войне решается вопрос... чью кровь пролить: злодея или невинного. Христианину приходится на войне выбирать из двух зол меньшее. И если он скажет: "Не могу убивать ни правого, ни виноватого", – в лучшем случае это будет самообман, в худшем – сознательное лицемерие"[17].

Впоследствии эти идеи легли в основу работы И. А. Ильина "О сопротивлении злу силою" (1925), где он поставил тот же вопрос и пришел к тому же

итогу, что и Свенцицкий в статьях "Христианское отношение к власти и насилию" (1906) и "Война и Церковь" (1919). Тождественны здесь и ход рассуждения, и основные формулировки, и критика сентиментального непротивленчества, и заключительные выводы. В частности, исследуя генезис толстовства, о. Валентин писал: "Живое чувство любви встречает на пути своего возрастания непреоборимые препятствия в злой, греховной нашей природе и в злой, греховной окружающей нас среде, представляющей из себя "собирательное зло", накапливавшееся веками"[18]. Эти темы подробно освещаются Ильиным в главах "О границах любви" и "О связанности людей в добре и зле". Их названия красноречиво свидетельствуют о сходном смысле, а при обстоятельном анализе выясняется, что это лишь детальное раскрытие тезисов Свенцицкого[19].

Духовная разница между двумя мыслителями определялась тем, что один так до смерти и остался "взыскующим града"[20], а другой уже в молодости его нашел[21]. Диалектика же восприятия "паладином Церкви"[22] личности отлученного от нее великого писателя укладывается в простую формулу: "С Толстым можно не соглашаться, но его нельзя не уважать, нельзя не любить"[23]. Вот это и было главным в отношении к нему Свенцицкого – братская, христианская любовь. И с наибольшей силой она выразилась в публикуемом далее цикле очерков, ранее не переиздававшихся и неизвестных даже специалистам. Это воспоминания о посещении Ясной Поляны, беседах с Александрой Львовной, Маковицким, Шмидт и описание реакции общества на события осени 1910 г. Уникальные свидетельства, осмысление последних поступков Толстого и анализ его роли в нашей жизни особенно актуальны в преддверии 100-летней годовщины упокоения.

Публикация, послесловие и комментарии ***С. В. Черткова***

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 2. М., 2010. С. 324–360.

2 Спустя 5 лет это наблюдение теми же словами повторил Н. А. Бердяев, и хотя прекрасно знал о статьях Свенцицкого, утверждал, что работа Д. С. Мережковского "остается единственной для оценки религии Толстого" (Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 244).

3 Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 2. М., 2010. С. 418.

4 Цит. по: Колеров М. Не мир, но меч. СПб, 1996. С. 273–274.

5 Свенцицкий В. Они больше не верят... // Московская газета-копейка. 1911. 13 февраля. № 35.

6 Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 2. М., 2010. С. 124.

7 Свенцицкий В. Лев Толстой и смертная казнь // Новая Земля. 1910. № 10. С. 4–5.

8 Напр.: Лисовский А. Смерть Ивана Ильича // Русское богатство. 1888. № 1. С. 181; Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 1. М., 2008. С. 67.

9 Литературное наследство. Т. 90. Кн. 4. С. 35.

10 Там же. Кн. 2. С. 599.

11 Гусев Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 70, 85.

12 Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 1. М., 2008. С. 282–285.

13 В. Ю. Б. // Новое время. Иллюстр. Прилож. 1912. 7 апреля. № 955. С. 10.

14 Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 1. М., 2008. С. 417.

15 Гусев Н. Два года с Толстым. М., 1973. С. 70.

16 Свенцицкий В., прот. ПСТГУ. М., 2010. (нач. и до кон. гл. 2, гл. 10 ВиЦ).

17 Валентин Свенцицкий, свящ. Общее положение России и задачи Добровольческой армии // Белая гвардия. 2008. № 10. С. 183.

18 Свенцицкий В., прот. ПСТГУ. М., 2010 (нач. гл. 2).

19 Подр. см.: Чертков С. В. П. Свенцицкий, его последователи и эпигоны (И. А. Ильин, Д. С. Мережковский, Н. А. Бердяев) // Философия и культура. 2010. № 5. С. 102–114.

20 Кони А. Избранное. М., 1989. С. 206; Вересаев В. Художник жизни (О Льве Толстом) // Красная новь. 1921. № 4. С. 239.

21 "В литературе не принято объявлять себя нашедшими истину, традиция требует от всякого роли идущего к истине. ...Мы нашли, потому что мы христиане.

Святой Град открылся нам... и никогда уже более мы не уйдем из него искать новый. В этом смысле нам ведомо счастье, радость, покой, которых не знают взыскующие" (Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 2. М., 2010. С. 134–135).

22 Выражение Н. Н. Русова из статьи "О. Валентин Свенцицкий" (Накануне. 1922. 3 сентября. № 124).

23 Свенцицкий В. Собр. соч. Т. 2. М., 2010. С. 338.

о. ВАЛЕНТИН СВЕНЦИЦКИЙ

КУДА УЕХАЛ ЛЕВ ТОЛСТОЙ?[1]

Мое "Письмо о вегетарианской любви" было уже написано[2], когда я прочел телеграмму, что Толстой уехал из Ясной Поляны.

"Лев Толстой 28 октября велел заложить лошадей и вместе с доктором Маковецким уехал в Шокино, откуда по железной дороге отправился на юг. В оставленной на имя жены записке Толстой пишет, что его тяготит обстановка жизни, просит не делать попыток отыскивать его, трогательно прощается с своим семейством и говорит, что как чистый христианин он должен жить в мире и ни в каком случае не вернется. Местопребывание Толстого неизвестно".

Куда уехал Толстой? И от *чего* он уехал?

Толстой уехал, убежал прочь от той *лжи*, которая мучила его, начиная с того дня, когда он допустил в основу своей "новой жизни" компромисс, слабость, уступку, отравлявшую каждый день, каждый час долгие годы его религиозной проповеди.

Об этой лжи или говорили злобно, и потому несправедливо, или молчали вовсе. Молчали, одни из рабского "благоговения" перед великим человеком, другие – из целомудренного, бережного отношения к его греху.

Теперь об этой лжи можно и должно сказать открыто.

Толстой провозгласил учение, в корне отрицающее все основы нашей современной жизни: собственность, деньги, суд, насилие, войска, власть, войны и пр. и пр. и пр.

Исповедание на деле, а не на словах этого учения логически несовместимо с прежней формой не только семейной, но просто сколько-нибудь "культурной" жизни. Но, уступая семье, привычке, подчиняясь слабости, жалости и другим "человеческим" чувствам, Толстой захотел сохранить все по-прежнему. В результате "реформа" могла коснуться только одежды и обуви, и начался длинный ряд мучительных компромиссов. То, что делалось по-"толстовски", или не доделывалось, или касалось мелочей: в результате получилась паутина, которая связывала Льва Толстого крепче железных цепей.

Так, Толстой отказался от собственности. Но это был странный отказ. Он не был проведен *до конца*, со всей *искренностью*, с безусловной *последовательностью*. Ведь собственность, которую человек перестает считать *своей*, в тот же момент перестает быть *его* собственностью. И потому ясно, что Толстой, отказывавшийся от своего имущества потому, что перестал его считать своим, не мог *передавать* его, ибо акт *передачи* есть уже действие *собственника*. Но вещь, которая для него была уже *не его*, передана быть не могла. Вещь "чужую" не передают.

Толстой остался жить в имении своей жены. Правда, он пахал, шил сапоги, рубил дрова. Но он ездил на велосипеде и по железной дороге и пр. и пр. А это все требовало денег, и ему приходилось пользоваться тем же имущест-

вом, которое он передал жене. Он жил в маленькой комнате, но лакеи подавали ему кашу в серебряных мисках. Одна ложь тянула за собой другую, один компромисс порождал другой – и в конце концов нельзя было разобрать, где кончается ложь и начинается правда.

"Известный толстовец" Бирюков[3] на втором томе своей биографии Толстого сделал неприличнейшее посвящение графине Софье Андреевне Толстой. Он сравнивает ее с солнцем и посвящает ей книгу, в благодарность за то, что она заботливо охраняла Толстого.

Между тем именно она была главной виновницей той лжи, в которой задыхался Толстой.

Вместо того чтобы поддержать его на новом пути жизни и помочь жить по-новому, она, пользуясь нерешительностью, слабостью и недостатком сил у Толстого для коренной и окончательной ломки, – вынудила его вступить на путь компромиссов.

Толстой прежде всего бежал от этой семейной лжи. Лжи своего покоя, уютной жизни, довольства, сытого и мирного существования.

Но не от этого только.

В "Письме о вегетарианской любви" я говорю о разнице между Толстым и толстовством. И теперь утверждаю это с удвоенной силой:

Толстой бежал от *толстовства.*

Он бежал от своих "кардиналов", от этих господ, расхаживающих босиком в своих дворянских имениях. Они усвоили из всей его великой жизни только одну телесную сторону компромиссов. Лишенные его сердца, его гения, его жажды правды и его живой души, – они отразили образ Толстого в кривом зеркале, и получилась страшная карикатура.

Толстой с ужасом бежал от этой карикатуры на самого себя.

Куда же бежал Толстой? Куда бы ни бежал он: в Курск, Киев, Харьков – это безразлично: он бежал от *пустых слов – к живой жизни.* От лжи – к правде. От смерти – к воскресению.

Может быть, жизнь его выльется в такие формы, которым мы сочувствовать не будем. Но во всяком случае – это уже будет *действие*, не слова, а *дела*. Тут целый переворот. Тут человек перешагнул через бездонную пропасть, ибо слово и дело у Толстого были отделены друг от друга бездонной пропастью лжи и подделок.

Толстой во всяком случае начинает *новую жизнь*. Новая жизнь его является прежде всего *великим творческим актом человеческого духа*, и если вспомнить, что свершает этот акт восьмидесятидвухлетний старец – пред ним хочется преклониться с благоговением. Легко судить и бросать в человека грязью: и правы были те, кто ждал это делать – хотя жизнь Толстого давала сколько угодно материала для того, чтобы в него бросать камнями.

Пока жизнь человеческая не кончилась, никто не вправе выносить над ней своего обвинительного приговора в окончательной форме.

Когда Толстой в статье "Не могу молчать" писал, что я больше так жить не могу и *не буду*, – то "не буду" многим показалось "фразой", и в этом числе мне[4].

Но очевидно, Толстой имел право сказать так.

Громадное большинство людей живут "без перемен" не потому, что они находят твердый, не колеблющийся фундамент, а потому, что они "устают искать" и "засыпают" на первом попавшемся "сухом месте". Толстой велик прежде всего этой неусыпной жаждой совершенства.

И если его отъезд есть начало такой жизнедеятельности, которую мы по существу будем считать ошибочной, – все же "бегство Толстого" будет великим делом уже по одному тому, что этим фактом он с новой пророческой силой провозглашает истину, что начинать новую жизнь никогда не поздно. Ибо для духа человеческого нет ни времен, ни сроков.

Смерть и бессмертие[5]

Весть о смерти Льва Толстого застала меня далеко от Москвы, далеко от той "культурной" атмосферы, в которой невольно подчиняешься общему *тону*, заражаешься теми привычными "общеобязательными" формами "сочувствия", в которые выливаются "культурные" переживания в событиях, подобных смерти Толстого.

И может быть, потому именно эта смерть дала лично мне столько очищающего, нового, о чем нельзя и не нужно говорить...

Но было нечто во всем пережитом такое, что касается одной из величайших проблем человеческого духа, и говорить о нем хочется особенно потому, что я не знаю, чем можно более достойно почтить память Толстого, как не размышлением об этих вопросах.

Я говорю о *бессмертии*.

Отъезд Толстого из Ясной Поляны, посещение Оптинской пустыни, болезнь и смерть его — обо всем этом каждый день читалось в газетах и в нашей, здешней глуши.

Но кругом не было нервной, в существе своем лживой столичной сутолоки. И все, что пробуждали события в душе, оставалось как бы с глазу на глаз, лицом к лицу с твоей совестью.

И странно, что внешние впечатления, которые в нездоровой атмосфере столичных "улиц" только искажают и рассеивают подлинное чувство, — здесь, напротив, каким-то таинственным путем связывались с тем главным, что безраздельно владело душой, — с болезнью Толстого.

Особенно ясно почувствовал я эту связь на берегу Волги.

Мы хотели ехать за Волгу, пошли на берег, к лодке. Было холодно, ветрено. Ехать оказалось невозможным. Сели на бревна около воды.

Какою странной казалась река: темно-серая, холодная, гулкая. У берега большая темная баржа, на том берегу песок и черный лес. И облака серые, и все такое свинцовое, тяжелое...

Я не думал о Толстом. Но все время чувствовал, что мыслью о нем полна душа. И что холодная черная Волга имеет с мыслью о нем какую-то связь. И что, глядя на сердитые, стальные волны, совсем не жутко, не тоскливо. Что в сердце растет новая, большая радость....

Да, болеет. Да, страдает. Может быть, умрет. И все-таки радость. Новая, неожиданная. От которой не то смеяться хочется, не то плакать. Но, во всяком случае, от которой хорошо как никогда...

Ветер дует верховый. Холодный, острый... Злится.

Но теперь все радует, и холод, и ветер, — все.

Рядом со мной сидит племянница, я зову ее Верашей-неразумницей. Она все шалит. И мешает "думать".

А на душе такое счастье.

Это любовь. Маленькая, чуть заметная частица любви. Не к кому-нибудь, а *ко всем*.

Любовь от *него*. От того, кто *там* лежит. И за него *не страшно*. Потому что то, что в нем, — это *настоящее*. Выше всего земного, вечное. Бессмертное...

Вечером "из города" привезли известие:

— Умер.

Пошли узнать по телефону "на завод": может быть, опять ложный слух. Может быть, ошибка.

Вернулись через полчаса:

— Нет, правда. Умер... Спрашивали по телефону в редакции. Получена телеграмма...

Смерть Толстого произвела впечатление совершенно исключительное. Беспримерное. Здесь речь не о силе впечатления, а о самом его качестве.

В смерти Толстого человечество пережило *ощущение бессмертия*.

Ощущение это до того сложно, до того *ново*, до того всех застало "врасплох", что его долго не в силах будут "осмыслить".

Толстой *умер*.

Но это слово *"умер"* не отдавалось в душе той глупой, тяжелой болью, которой отдается всегда слово "смерть", когда умирают близкие, дорогие люди.

Скорей была почти *радость*. Но радость не "веселая", а *торжественная*.

Хотелось плакать. И многие *по-настоящему* плакали. Но и слезы были особенные. Без горечи, без того особого чувства, в основе которого заложено сознание "конца", "бесповоротности". — Умер. Конец. Больше никогда не вернется. И никто ничем не может это изменить.

Не было этого.

Слезы, которыми плакали люди в эту ночь, были скорей от восторга, от неосознанного умиления.

Вся сложность переживаний, вся неожиданность их заключалась именно в том, что люди, чудом каким-то, сами того не сознавая, пережили челове-

ческую смерть именно так, как должны переживать всегда: без ужаса, без боли, без отчаяния — как таинственный переход к вечной *жизни*. Поверили душой, а не мозгом, в эту *жизнь*. И умилились, растрогались. "Ожили сами".

Смерть Толстого свершила *чудо*.

Она пробудила в людских сердцах *веру*. Она затронула что-то такое сокровенное, самую основу *бессмертного* нашего духа — и мы на несколько мгновений как бы *сознали* свое бессмертие.

Люди обычно не переживают так смерть потому, что обычно бессмертный дух человеческий слишком заслонен от нас мертвой оболочкой тления.

Толстой же смертью поднялся на высочайшую ступень духовной жизни. Он облекся в красоту *нетленную*. Его *личность* еще при жизни как бы освободилась от всего суетного, временного, подверженного разложению, уничтожению. Оставалась лишь какая-то неуловимая нить, связывающая его с жизнью земной, видимой, конечной.

Вот почему, когда эта нить оборвалась, как будто бы ничто "не изменилось".

Толстой точно остался *жить*. Ибо он для нас остался все таким же, как и до болезни в Астапове. Каким он встал перед нами после своего ночного отъезда из Ясной Поляны.

Таким же: бессмертным, духовным, ослепительным...

Когда люди во всех концах мира читали бюллетени о его здоровье, — о том, что температура 38,2, а пульс 120, а дыхание столько-то, — читали каждый день, следили за ходом болезни, за каждым ее шагом, — они в это время вместе с Толстым переживали медленный переход от жизни конечной к жизни иной, бессмертной. Оборвалось его дыхание. Перестало биться сердце, бессмертное "я" человеческое перешло к новой, высшей форме бытия, — и *продолжение жизни* было так "очевидно", переход был так *тих*, так незаметен, так мало изменял *по существу* то, что мы называли "Львом Толстым", — что все верующие и неверующие невольно продолжали жить с Толстым и дальше. Не отдавая себе отчета, как и почему, не облекая своих чувств в сознательное представление, — в сокровенных глубинах сердца все почувствовали вечное бессмертное *"продолжающееся"* бытие Толстого.

Вот источник той особой радости, того умиления, которое пережил за эти дни весь мир.

Толстой был *религиозный гений*. Ему было в величайшей степени дано это ощущение иного мира[6]. Недаром сам он рассказывал, как до реальности ясно ощущал Божество и мог простаивать в лесу часами, отдаваясь этому ощущению.

Но Толстой был еще и *гениальный художник*, и потому он сумел *рассказать* об этом другим людям. И действительно, читая те сочинения Толстого, в которых он говорит о человеческой душе, как о частице Бога, мировой любви, о том, как со смертью душа снова возвращается к Богу и соединяется с своим первоисточником, — нельзя ему *не верить*. С такой осязательной ясностью, почерпнутой из своего *религиозного* опыта, говорит он обо всем этом.

Но если Толстой как религиозный гений переживал свое бессмертие, если он как гениальный художник рассказал о нем людям, — то смертью своей он заставил их *почувствовать* бессмертие — как *святой человек*.

— — —

Вот об этой стороне *личных моих* переживаний мне и хотелось рассказать в своем "письме".

Я глубоко убежден, что не для меня одного, а для очень и очень многих смерть Толстого будет поворотным моментом в жизни. Началом новой "эпохи"[7].

Ощущение "бессмертия", хотя бы в течение одного мгновения пережитое, — останется в душе навсегда как краеугольный камень дальнейшей духовной жизни.

Я должен прямо сказать, что, признавая "бессмертие" теоретически и "заставляя" себя путем самоуглубления переживать его в действительности, я никогда *вполне* не переживал его как *факт*.

И пережил это впервые *по-настоящему* только в связи со смертью Толстого.

И пережив, понял, не *теоретически*, а психологически, что жизнь "ожива-

ет", становится "цельной" и неразрывно связанной с тобой только при условии этого *ощущения* бессмертия.

Можно теоретически бессмертие отрицать – но *психологически* веру в него носить в своей душе и жить радостной, "одухотворенной" жизнью.

И напротив, теоретически можно его признавать, но не иметь в душе живого чувства бессмертия и тогда ничего, кроме тления и мрака, не видеть в мире.

Ощущение бессмертия реально соединяет душу с *вечным*, дает не только сознание своего, но делает это "я" как бы соучастником жизни *всего* целого.

Вот почему то чувство *бессмертия*, которое заставил Толстой пережить человечество своею смертью, было великой *объединяющей* силой.

Почувствовав себя бессмертными, люди почувствовали себя частицами единого *космоса*.

Все это было для меня так изумительно ясно в тот вечер, когда я узнал о смерти Толстого.

Поздно вечером мы все, обитатели тихого одноэтажного домика, сидели по обыкновению на ступеньках крыльца.

И все мне казалось новым. Даже на звездное небо я смотрел с каким-то особенным чувством.

Умер Толстой, и душа теперь снова соединяется с Божеством, пройдя великий путь жизни. И в моей душе есть Бог. И во всех людях. И все мы соединены друг с другом как братья. И с Богом соединены как с нашим Отцом. И со звездами, и с этой ночью, и с темной, холодной Волгой, и с черным лесом, и со всей землей, и со всем небом, и со всем миром...

Вераша-неразумница больше не шалила.

– Не будьте печальной, – сказал я ей, – надо радоваться.

– А вы радуетесь?

И я невольно ответил:

– Да, радуюсь. Но это радость больше похожа на восторг. Я радуюсь, потому что чувствую бессмертие...[8]

Бог посетил народ Свой[9]

В жизни отдельных людей и в жизни всего человечества бывают великие события, когда внешняя, мертвая оболочка жизни разом обращается в прах, и на несколько мгновений открывается таинственный образ вечности.

Все, чем люди живы в серые дни пошлой повседневности, все, чем одурманивают они свою душу, усыпляют совесть, – все, что кажется им таким большим и нужным и ради чего они с остервенением душат друг друга, – все это исчезает, как дьявольское наваждение, принимает свой подлинный вид ничтожества и не заслоняет больше собой великого, далекого.

Жажда власти, мечты о славе и "общем признании", самолюбие, жажда внешних почестей, упоение "успехом", мечты о богатстве, о роскошной жизни и наслаждениях плоти, разврат и ложь, пустословие и всяческая подделка, – вся подлость и рабская тупость нашей личной жизни, – а в жизни общественной все лицемерие деятельности общественной, всех этих ненужных, злых и безбожных общественных учреждений[10], – уступают место перед лицом великих событий глубокому сознанию, что подлинная сущность и смысл жизни так необъятно велики, так прекрасны, так возвышают человеческую душу, что стыдно и невозможно становится думать о своих маленьких делах.

И люди, "опомнившись", как бы приходят в себя и ощущают на мгновенье свое Божественное призвание. Это Бог посещает народ Свой...[11]

Таким великим событием я считаю смерть Льва Николаевича Толстого.

И не самый факт смерти, а всю совокупность событий, предшествовавших и связанных с этой смертью.

Если бы Лев Толстой умер месяц тому назад в Ясной Поляне, сколько бы ни говорилось возвышенных слов, сколько бы ни присылали со всех концов сочувственных телеграмм "семье покойного", сколько бы венков ни "возлагали" на его гроб, сколько бы ни почитали память его вставанием, – *великого события не было бы*.

Ибо не свершилось бы чуда. Не было бы среди нас особого исключительного ощущения близости духа Божия, явного для слепых. Несомненного для самых упорных и неверующих.

Смерть Толстого свершилась как *таинство*. И то безотчетное *благоговение*, которое пережил за эти дни весь мир, было не результатом уважения к "великому писателю", а нечто бесконечно большее, не просто человеческое, – это было трепетное умиление перед новым великим чудом.

Люди почувствовали близость Божию.

Бог посетил народ свой.

Долгие годы Толстой нес свой крест – жил двойственной жизнью. Страдал от явного несоответствия своей проповеди со своею жизнью. Получал бранные и обличительные письма. Мучился сознанием невыполненной "воли Божьей".

И молчал. Ждал. Старился. С каждым годом ближе подходил к смерти и рос духовно. Малозаметно для людей, для которых уже давно стал "великим" и "законченным". Для которых не жил, а доживал.

Толстой признавал справедливыми упреки в роскоши, он не мог не знать, как *должен был бы* поступить сообразно со своим учением.

Но он продолжал жить по-прежнему, не "заставлял" себя жить по-иному, сознавая, что, внутренне не подготовив себя к окончательной правде, он не должен менять своей жизни, ибо внешнее соответствие поступка с духом учения будет "надрывом", ложью, подделкой, тем более страшной, чем больше будет в ней сходства с правдой.

И он терпеливо выслушивал упреки. Жил в роскоши. Страдал. Нес крест свой. И неустанно работал над собой.

Никто из людей не мог знать этой работы. Только один Господь видит сердце человеческое.

И Бог видел великое сердце Толстого. И не отнимал у него земную жизнь, ибо не свершилось еще в душе его все то, ради чего он был послан в мир.

Лев Толстой неожиданно *для людей* уехал навсегда из Ясной Поляны. Уехал, чтобы остаток дней перед смертью прожить так, как веровал, подчиняясь исключительно "воле Божьей".

Свершилось великое.

Для физических человеческих глаз, для ограниченного человеческого сознанья, Толстой уехал из Ясной Поляны, побывал в Оптинской пустыни, на пути в Ростов-на-Дону захворал воспалением легких и слег на станции Астапово.

Для очей духовных отъездом из Ясной Поляны завершался внутренний рост души Толстого, после чего земная жизнь становилась ненужной, оконченной.

Чудо, о котором я говорю, и *величие* смерти Толстого в том заключается, что до осязательности ясно дали почувствовать людям – сознательно или бессознательно – промысел Божий. Близость духа Божия, непосредственное участие *Его воли* в событиях мира.

Если смерть Толстого не была *предсказана*, то после того, как она совершилась, с покоряющей силой чувствуется ее внутренняя *неизбежность*. Ее *правда*. И потому – ее *красота*.

В смерти Толстого для нас открылся какой-то просвет из тьмы, к ослепительно яркому свету.

Чудо свершилось. Это с большей или меньшей силой чувствуют все[12].

Но было бы бессмертно счастье человечества, если бы оно могло событие это и сознать как чудо. Великую силу никогда не опускаться в мертвую, бездушную, греховную жизнь – почерпнуло бы оно в этом сознаньи, великую силу *жить только для вечности*.

В Ясной Поляне[13]

Года четыре тому назад мой друг И. А. Б[еневск]ий[14], хорошо знавший Толстого и близкий к толстовским кругам, горячо убеждал меня съездить с ним в Ясную Поляну.

Я не поехал.

Побоялся ехать...

Из "любопытства" посещать Толстого для меня было невозможно. Поездка могла иметь только один смысл: встать перед ним лицом к лицу. Совесть к совести. А так как я исповедую другие религиозные и философские взгляды, то это значило, кроме того, – "исповедовать" свою веру и обличать веру Толстого...

Этого я и *боялся*.

Меня пугала не “мировая слава” Толстого. Как, мол, он признанный гений, а я никому неведомый студент. И не преклонение перед ним (я скорей “не признавал” и не любил Толстого), наконец, не самолюбивая “трусость” быть при других разбитым и пристыженным...

Нет. Причины были и глубже, и лучше. Подробно говорить не к чему: скажу только, что вопреки доводам разума и всевозможным благоразумным соображениям — ехать к нему противопоставлять веру его вере было *стыдно*.

И вот теперь, через четыре года, мы ехали с тем же И. А. Б[еневск]им в Ясную Поляну на могилу Льва Николаевича. Все изменилось.

Прежней “трусости” — нет. Вместо идейно-враждебного отношения — то неожиданное чувство любви, которое без всяких усилий, помимо воли пробудилось к нему в последнее время.

Впереди не каменная усадьба, а небольшой холм земли в зимнем лесу.

После этого торжественно обвеянного каким-то чудом перехода Льва Николаевича от одной низшей формы бытия, от нашей земной жизни — к другой, высшей форме, нашему познанию недоступной, — ощущение *продолжающейся* его жизни не только не уменьшается, но все увеличивается. Бессмертие Толстого — не только “головное признание”, это живое, непосредственное ощущение души. И оно не только пробудило радостное *чувство* бессмертия собственного духовного “я”, — оно пробудило совершенно новое *чувство*: ощущение нетленности всего мира, всей материи. Толстой *ушел*, но не *исчез* за этой темной чертой, которая зовется смертью, а это ясное и радостное сознание, что он *там*, и “там” *наверное*, — приблизило к нашим слепым душам мир вечный, хотя и невидимый.

— — —

В вагоне было темно, тесно и душно...

Толкали. Курили. Кашляли. Сморкались...

Но это не раздражало, “не злило”.

Да вообще теперь ничто никогда не будет ни раздражать, ни злить.

Раз “*там* жизнь наверное” — значит, все, что может жить и раздражать *здесь*, — такое маленькое, ненужное, мелькающее, как кинематограф...

А подо мной, на нижней лавке, говорили о Толстом. И какой смешной и наивный разговор это был. И каким смешным языком.

И почему-то так хорошо и радостно было, что он такой смешной и наивный.

Теперь вообще все как-то радует.

Мужик говорит с умилением, что Лев Николаевич поставил себе “памятник и в Туле, и в Москве, и в Петербурге”, и что “всем надо заботиться, чтобы оставлять по себе памятники”.

— А уж как жил, как жил: ходил, извините, в синих порточках и в рубашке... Все равно как мужик.

Говорят про то, что миллионы оставил, и все христианам, и что зеленую палочку, которую закопал он на кургане, не “источил червь”, а так и лежит зеленая...[15]

И снова:

— Жил так — так и в гроб положили: извините, синие порточки надели, рубашку красную... Как у простого мужика порточки, извините вы меня, и рубашка и больше ничего...

Приехали на станцию Щекино рано утром. До Ясной Поляны верст восемь.

Взяли ямщика на розвальнях, с бубенчиками, он закутал нас овчинным тулупом, и поехали...

А уж непогода какая! Так и мятет мятель. Прямо в лицо бьет снежная пыль, с дороги смело почти весь снег, и сани прыгают по шершавой, замерзшей земле...

И все хорошо. И снег, и ветер, и вьюга, и бубенцы, и запах овчинного тулупа, и свежий воздух, и простор, и небо...

Хорошо, потому что “изнутри” хорошо. И теперь уж это навсегда. И никто отнять не может. И странная, радостная мысль приходит: “Пойду на могилу и там скажу ему об этом...”

Вот уже несколько недель мир живет в атмосфере какого-то чуда. В атмосфере бессмертия, показанного тленному, зарытому в мелочах миру. И стара-

ешься не думать, а отдаваться этому чувству. Потому что от него свободно и радостно на душе, как бывало в редкие, "особенные" минуты в детстве... Когда сам для себя сочинял сказки, превращая все предметы в живые существа. И никто не знал об этом, и вот приводило в восторг, что один ты только видел и знаешь, что стол, лампа и стулья живут и разговаривают между собой.

Так и теперь. Точно во сне или в детстве, все кругом оживало. Становилось большим и светлым. И чем дальше, в поле, в вьюгу увозил нас ямщик, тем сильнее было то сказочное чувство жизни...

Живой снег крутился в воздухе, об живую землю стучали полозья саней, живые белые березы одна за другой бежали нам навстречу...

А когда мы въехали в яснополянскую аллею, сошли с ямщика, бубенчики перестали звенеть, и тихо зашумели деревья, — казалось, вот сейчас дойдем еще немного, еще перейдем какую-то черточку и увидим *настоящее*, с глаз рассыплется какая-то зеленая завеса, заволакивающая мир туманом.

И вдруг точно по сердцу ударил кто. Грубо толкнул: проснись, мол, эй!..

Перед глазами яснополянский дом...

Тюрьма.

Это не "символ", не "иносказание". Не "так себе", "публицистическая фраза".

Нет — тюрьма. Неуклюжее, тяжелое двухэтажное белое здание с маленькими некрашеными окнами. И деревья точно отшатнулись от него, отодвинулись. А кругом какая-то пустота. Эта пустота — невидимые стены тюрьмы.

Поскорей прошли мимо. По узкой протоптанной дорожке. В лес, в поле. Это дорога к могиле.

Говорят, по этой дороге Лев Николаевич ходил купаться. А то место, где положили его в землю, — было его любимым местом уединенной молитвы.

Здесь он *жил*. Жил *один*. Этой жизни в нем не знали ни родные, ни друзья, никто из людей. Никто, кроме Бога. Это была *молитва*. Самое сокровенное и самое великое, что было в его жизни[16].

Над могилой небольшой холм земли, зеленые ветки от венков, наполовину занесенные снегом, — и шумят, шумят дубы, тесно обступившие вокруг могилы.

Толстой молился здесь.

И тысячи людей будут теперь молиться на этом месте.

Странное, на первый взгляд, ощущение охватывает душу — точно один, невидимо встает, какой-то таинственный *монастырь*. Скит.

И шум леса, и тишина, и дорога в лес, и встречные люди — все производит какое-то "монастырское" впечатление.

Когда мы с Б[еневск]им прошли дальше, вглубь леса, мне показалось даже, что я вижу высокую белую стену. Зубчатую стену монастыря. Казалось, что сквозь деревья виднеется дальний холм. Но если бы здесь, действительно, оказалась монастырская стена, — не было бы ничего по существу "удивительного".

Так это "подходило" бы.

Мне думается, в те далекие времена, когда умирали великие отшельники и около их могил еще не было шумных "монастырей", вот так же чувствовалось, что "монастырь незримый", "святой" подымается над могилой.

Особенным, "монастырским", зовущим каким-то шумом шумел лес, по-"монастырски" мягко и тихо падал снег, на всем печать тишины и радости.

И народ, чуткий к таким настроениям, понял уже это сродство великих христианских отшельников с "отлученным от церкви" Львом Толстым; ямщик сказал И. А. дорогой:

— Скоро на *святой могиле* земли не останется — всю разберут.

"Святая могила", "святой колодец", "святой источник"... И надо всем этим невидимый святой монастырь...

"Монастырское" впечатление от толстовской могилы, неожиданное с первого взгляда, имеет свое, глубокое основание.

Тут дело не во внешних вещах, а в самой *сущности*. И действительно, Толстой и христианские отшельники не есть нечто *противоположное*, а, напротив, совершенно однородное *по духу*.

Но Церковь не поняла этого. За "вещами" не увидела *души*.

Если отбросить все то, что Толстой в Церкви не *признавал*. И ясно представить себе чем он жил, его душевное, внутреннее отношение к Богу, к миру, к жизни. Представить себе не его "учение", а его *психологию*, его пережива-

ния, то жизненное "ощущение", которое он носил в своей душе, – словом, уничтожить то, что *разделяло* его с христианством-отшельничеством, – самая духовная основа его "я" окажется ничем не отличающейся от признанных Церковью *святых*.

Восприятие жизни как преходящего сна, постоянное напряженное углубление в свою душу, дабы познать, что совершается в ней по воле Божьей и что по воле человеческой. Самоотречение, отдавание своей жизни – Его воле, и это постоянное тяготение *индивидуальной*, религиозной души к тихой, радостной жизни в Боге, среди природы, в лесу, куда не долетает ни шум, ни треск пустой мирской жизни... Все это делает его братом великих пустынников.

Толстой *своим* путем, но пришел к тому же, к чему приходили "старцы" "церковные", путем "выработанных" аскетических подвигов.

Для Толстого не существовало "времени", "прогресса", – поэтому не существовало никакого *особого* смысла в мировой истории; для него земная жизнь – случайность, непостижимая и временная, которая скоро кончается, – и хорошо, что скоро кончается, потому что она отрывает человеческую душу от главного источника жизни – от Бога. Жизнь земная – это *тяжелый* сон, от которого будет так радостно проснуться к *настоящей* жизни.

Вот обо всех этих мыслях невольно говорит его могила. И то, что он носил в своей душе – этот невидимый людям *монастырь*, теперь над могилой его воздвигается среди тихого зимнего леса...

– – –

И. А. Б[еневск]ий уговорил меня зайти с ним в яснополянский дом к Д. П. Маковицкому[17].

Очень не хотелось и казалось ненужным.

Но Б[еневск]ий удивительно умеет вытаскивать меня из "одиночества".

И как я ему благодарен, что на этот раз он настоял на своем!

Когда я увидел перед собой Д. П. Маковицкого, ставшего "знаменитым" в качестве спутника ночного бегства Толстого, – я сразу понял всю разницу между тем, что знает о Толстом *мир*, и тем, что знают эти *близкие*.

Как будто вошел в "келью". И вот кругом, на весь свет шум, толки, "толстовские события"...

А здесь – тихий, безгранично добрый человек, такой простой и чистый, без всякой мишуры и треска, в глазах которого точно отразилось все то, что видел он за последние дни. И столько было в них любви и ясности, что невольно хотелось плакать от умиления.

Он принес маленький жестяной чайник. Дал нам чаю. И, весь сияя, совсем по-детски сказал:

– Вот этот чайник мы купили дорогой, у кондуктора, и Лев Николаевич пил из него чай.

Для него не было никакого "Льва Толстого", "великого писателя". Для него был безмерно любимый *человек*, который умер, ушел, – и о котором он говорит с благоговением и любовью, как о чем-то неразрывно связанном с своей душой.

Б[еневск]ий, как хороший знакомый Маковицкого, сразу задал несколько интимных вопросов о последних событиях в Ясной Поляне и об отъезде в Шемардинский монастырь.

Тяжелые события. И когда-нибудь о них узнает весь мир и многое, очень многое иначе тогда поймет в жизни Толстого.

Толстой, по словам Маковицкого, всю дорогу был молчалив. В Оптинской пустыни, у старцев, вопреки рассказам газет, не был.

– Не собирался ли? – спросил я

– По моему *личному* мнению, – осторожно сказал Душан Петрович, – да, собирался...

Не поехал потому, что помешали внешние обстоятельства.

У Маковицкого пробыли не долго. К вечеру мы должны были быть у Черткова.

Душан Петрович попросил нас завезти "ремингтон" к Александре Львовне – живет она рядом с усадьбой Черткова, а сам пошел пешком.

У Александры Львовны еще сильнее пришлось пережить это удивительное чувство "далекости" от всяких "событий". Все, что говорилось в маленькой

комнате ее маленького домика, как-то по-особенному "приближало" Толстого. Мне, при жизни его не знавшего, и то начинало казаться, что вот сейчас он войдет, рассмеется, скажет что-нибудь.

Лев Толстой совсем исчезал. Вместо него был "отец", "дедушка". Говорили, какой он был "худой последнее время", как мучился... Это был любимый, бесценный человек, дух которого еще жил в этих комнатах.

И когда Александра Львовна рассказывала, как ночью, перед отъездом, он постучал в ее дверь. Как она отворила и увидала "отца" со свечой в руках, и лицо его точно светилось. И он сказал ей: "Помоги укладывать вещи".

— Во мне все так и упало.

Когда она говорила это, оживал земной образ Толстого и становился бесконечно близким и любимым.

— — —

Александра Львовна сказала, между прочим, про одного корреспондента:

— Я говорила с ним как с человеком, а он напечатал в газетах, да еще все перепутал. С журналистами надо быть осторожной.

И вот теперь я тоже "пишу". А ведь со мной тоже говорили как с человеком. Да еще как с другом близкого человека Б[еневск]ого.

Но видит Бог, что я пишу не как *журналист*, а как человек. Пишу потому, что мне хочется сказать, о своих впечатлениях не "читателям", а людям.

То интимное, что нам рассказывали у Чертковых, и Маковицкий, и у Александры Львовны, — я передавать не могу. Пусть об этом когда-нибудь скажут они сами так, как найдут это нужным. Но я скажу только, что вся жизнь Толстого после этих рассказов получает совершенно новое освещение.

Буквально весь мир произнес над последними событиями в Ясной Поляне такой приговор:

Толстой, уехав из Ясной Поляны, совершил великий подвиг, потому что совместил слово свое с делом.

И я теперь вижу, как видят это все близкие и родные Толстого и как увидит когда-нибудь весь мир, что жизнь Толстого в Ясной Поляне была не компромиссом, а величайшим подвигом, была самым глубоким соединением слова и дела.

Люди думали, что Толстой не уходил потому, что привязан к мягкой мебели, и он терпеливо сносил упреки, — но он не уходил потому, что боялся поступить слишком *эгоистично*, слишком ему *хотелось* уйти, слишком было *легко*.

Не "привязанность к роскоши", "обстановке", к "людям" и "привычной жизни" удерживала его, — а боязнь, что он изберет слишком *легкий выход*.

Уйти из этого ада, в котором ему приходилось жить в своей интимной жизни, — это было слишком для него приятно и просто, и он жил, надеясь, что добро победит зло.

Он решил уже давно, что уйдет тогда, когда почувствует, что делает это не из эгоистических побуждений, не из желания с трудного пути сойти на более легкий; тогда, когда почувствует в этом желании уйти — *голос Божий*.

И когда в ту великую ночь он это почувствовал — он и ушел.

От кого "бежал" Лев Толстой[18]

Год тому назад, в ночь с 27 на 28 октября, Лев Толстой "бежал" из Ясной Поляны.

Событие это имело мировое значение, потому что только после своего отъезда Лев Толстой встал перед миром во весь свой гигантский рост.

Что же такое случилось?

Немногочисленные, но злобные враги Толстого издевались:

— Убежал, как собака... Издох где-то на станции... Туда ему и дорога.

"Бегство" Толстого — это одна из величайших побед человеческого духа над житейской пошлостью.

Почти тридцать лет тому назад Лев Толстой отказался от своего имущества в пользу семьи. Хотел уйти — уехать к духоборам. Но остался. Стал жить в Ясной Поляне.

— Пишет одно — а живет по-другому, — слышались упреки.

Упрекали не только невежественные враги, но такие "властители дум", как покойный Михайловский[19].

Многие обращались к нему за материальною помощью.

Он отвечал: у меня ничего нет.

Ему не верили: ничего нет, а сам живет, как граф. Даже друзья недоумевали: говорит, что жить в прежней обстановке невыносимо тяжело, а сам не уходит, остается в Ясной Поляне.

Люди не могли понять того, что стало ясно только после его смерти: Толстой не уходил потому, что ему было *легче* уйти, чем жить в прежних условиях, и он, несмотря на всеобщие упреки, продолжал нести более *тяжелый* крест "семейной жизни", чем "легкий" крест уединения, который ему со всех сторон подсказывали. И Толстой ушел только тогда, когда почувствовал, что уходит не по "слабости", не потому, что это облегчает его жизнь, не потому, что ему этого "хочется", — а когда всем существом своим понял, что *такова воля Божья*. Всю жизнь свою Толстой прислушивался к голосу Божьему в себе и учил других и сам старался жить, руководствуясь не своей волей, а волей Того, Кто послал людей в мир. По его собственным словам, долгие годы ждал он, когда этот голос велит ему порвать, наконец, невыносимо тяжкие условия семейной жизни и уйти из мира. Это и случилось в ночь с 27 на 28 октября.

— — —

Прошлую зиму, уже после смерти Льва Толстого, я с И. А. Беневским ездил в Ясную Поляну.

Могила в тихом, совсем "монастырском" лесу. И тихие "богомольцы", которые подходили к могиле, и узкие тропинки по рыхлому снегу, и серебряный иней на березах — все так странно напоминало "скит"; не было только "старца"...

Какой-то мужичок подошел к ограде. Перекрестился и сказал:

— Да, пожил бы еще *дедушка*, кабы не простудился...

И взял кусочек земли: "с святой могилы".

На обратном пути, уже совсем ночью, мы заехали к Александре Львовне.

Там была в гостях "старушка Шмидт"[20], — недавно у нее случилось большое горе: сгорел дом и масса бумаг, собранных ею за тридцатилетнюю дружбу с Толстым, письма его, рукописи. А вот теперь новое, страшное горе — умер Лев Николаевич.

— Я забыть не могу, — тихо говорит она, — как он последний раз был у меня с Душаном Петровичем: такое измученное лицо было... Господи, думала ли я, что последний раз?..

В маленьком флигельке Александры Львовны тепло, уютно, тихо. Тоже как будто в келье, и все полно воспоминанья о "милом дедушке", о дорогом, безмерно любимом *человеке*.

Александра Львовна рассказывает:

— Я спала внизу. Вдруг ночью стук в дверь. Отворяю, смотрю: отец со свечой в руках. Лицо его положительно светилось. "Я еду, — сказал он, — помоги уложить вещи". Когда мы пришли с Душаном Петровичем (доктором Маковицким, уехавшим вместе с Толстым), — все было почти уложено. Мы ждали этого давно, но окончательное решение было очевидно внезапным. Софья Андреевна спала за три комнаты от отца, и все двери держала открытыми настежь. Теперь двери были закрыты. Оказывается, отец закрыл их, и Софья Андреевна не проснулась.

— Куда же хотел Лев Николаевич ехать? — спросил я.

— Или в Болгарию, или на юг, в деревню к одному другу крестьянину.

— Неужели он думал, что его "не найдут" и к нему не начнется еще большее паломничество?

— Предполагалось обратиться через газеты с просьбой "не искать".

— И с ним никого бы не было из друзей?

— Нет, я бы потом приехала и стала жить с ним.

Александра Львовна тихо улыбнулась и прибавила:

— Он очень меня отговаривал от этого: "Тебе будет трудно, ты со своим здоровьем не выдержишь такой жизни". А я спрашиваю его: "Ты в восемьдесят два года выдержишь, а я нет?" — Засмеялся...

Старушка Шмидт вздыхает и говорит:
– Вот уехал... И пожить не пришлось.

– – –

От кого же "бежал" Лев Толстой?

Разумеется, прежде всего от Софьи Андреевны и от той невыносимой для него жизни, которой она его окружила.

Когда-то Софья Андреевна была настоящая его "подруга жизни". Они вместе вели хозяйство, увлекались свиноводством, в экономии у Толстых было до 500 голов породистых свиней! Граф сам обходил хлевы и следил, чтобы каждый день их мыли. Графиня вела приходо-расходные книги, как редкий специалист-приказчик.

Были дети. Было тихое "семейное счастье". Богатство, слава. Это ли еще не "рай земной"?

Но Лев Николаевич опрокинул все одним взмахом. Все это счастье назвал ложью и обманом. Отрекся от прежней жизни, сам пошел пахать землю и сказал: смысл жизни не в славе, не в богатстве, не в семье, – а в том, чтобы исполнять волю Божию.

Софья Андреевна не пошла по новой дороге. И в Ясной Поляне началась двойственная жизнь. Медленная, мучительная трагедия. Внизу, к "дедушке" приходили люди "босиком", "братья" его, которых не пустят ни в один "порядочный дом".

Наверху лакеи в белых перчатках докладывали: "Ваше сиятельство, кушать подано".

Лев Толстой учил: вся земля Божия, грешно владеть ею. А черкесы, нанятые Софьей Андреевной, пороли крестьян за порубки в "барском лесу".

Софья Андреевна не переставала любить Льва Николаевича, но она не могла понять его и простить ему новой жизни. Для нее это была "блажь", "несчастье", обрушившееся на ее семью, – и она буквально тиранила Льва Николаевича, сплошь и рядом доводя его до слез и до обмороков.

Она по целым месяцам не допускала к нему Черткова. И довела Александру Львовну, любимую дочь Льва Николаевича, единственную "последовательницу" его в семье, до того, что та вынуждена была уехать из Ясной Поляны.

Лев Толстой "бежал" от Софьи Андреевны только тогда, когда почувствовал в себе нравственные силы по-настоящему *все простить*.

Во-вторых, Толстой "бежал" от *друзей*. Они очень любили его. Они проявляли трогательную заботливость. Но они "снимали" каждое его движение, за спиною друзей вечно стояли фотографы и кинематографы, скульпторы и живописцы. Толстой был на *исключительном положении*. А ему хотелось быть *как все*. Ему не хотелось быть чем-то особенным. Всю эту шумиху вокруг себя он считал суетной и смешной.

– Великий писатель *земли* русской; почему не *воды*? Я никогда не мог понять этого, – шутил Толстой.

А подписывая бесконечное количество своих портретов, смеялся:

– Кипит работа!

Бегство Толстого от Софьи Андреевны – было высшим проявлением его *примирения с людьми*.

Бегство от друзей – было высшим проявлением его стремления к *простоте*.

Лев Толстой (К годовщине смерти)[21]

Лев Николаевич Толстой – самое полное, самое совершенное выражение духовной сущности великого русского народа[22].

Не любить и не понимать Толстого – значит не любить и не понимать Россию.

Еще Достоевский указывал на "всемирность" русского народа. На многогранность русского гения. На способность соединять в своем творчестве все разнообразие отдельных национальностей.

Это свойство я бы назвал *способностью к полноте жизни*.

В Толстом было что-то *ненасытимое*, какая-то неугасающая жажда вместить *все*, изжить *все*. Охватить разумом, любовью всю Истину, всю *жизнь*.

И двадцатилетним юношей, и восьмидесятидвухлетним старцем — он одинаково был способен на *новое, творческое*: в пятьдесят с лишком лет, когда люди обыкновенно считают жизнь свою оконченной, он, не задаваясь вопросом, сколько лет осталось ему жить, — начал перестраивать жизнь свою по-новому сверху донизу. И в восемьдесят два года — он с такой же смелостью и "молодостью" хотел начинать *новый* этап своего развития.

Недаром Толстой удивлялся: почему это люди относятся ко мне с уважением, как к "старцу", — когда я в душе чувствую, что, как был мальчиком, так и остался.

Жажда жизни у Толстого — это не то, что принято разуметь обычно под этим словом: желание испробовать все чувственные удовольствия. Правда, в молодости, до тридцати пяти лет, он вел светскую жизнь: и кутил, и увлекался женщинами, — но даже и в этот темный период, о котором с чувством горького покаянного стыда вспоминал он всю жизнь, даже в этот период — подлинная жажда жизни не затихала в нем. По словам офицеров, служивших с ним в Севастополе, Толстой после кутежей делался мрачным и потом со слезами и безысходным горем каялся кому-нибудь из друзей в своих грехах.

Но дело не в этом. Жажда жизни Толстого была совершенно другого порядка.

— — —

Достоевский называл русский народ самым религиозным из всех народов.

Белинский — самым атеистическим.

Оба они были правы, но оба видели лишь одну сторону.

Достоевский видел устремление русского народа "к небесному", его "искание Бога", "града невидимого". Жажду покаяния, подвига...

Белинский видел *земную красоту его*, стремление к *справедливости*, трезвое, прямое отношение к жизни, в искусстве — его тяготение к реализму.

По моему глубокому убеждению, в душе русского народа земной рационализм и религиозность заложены в равной мере, без противоречий и без внутренней вражды.

Сам народ еще не сознал этого, но это с поразительной яркостью видно на нашей интеллигенции. В ней нарушено *равновесие*, и потому составные элементы "психики" резко бросаются в глаза: ведь вся история нашей интеллигенции есть борьба двух начал — религиозного и рационалистического. То, что в народе "гармонично", в интеллигенции стало противоборствующими стихиями. То, что в народе главный источник силы, в интеллигенции обусловило ее *трагедию*.

Толстой всеобъемлющей личностью своей выражает *полноту народной души*.

Небесное отразилось в его религиозности.

Земное — в его стихийной любви к земле, к "чернозему", к природе.

Первое выражается в его "религиозной системе".

Второе — в его художественном творчестве.

По своим религиозным идеям Толстой — аскет: "Жизнь есть сон, смерть — пробуждение", — вот основная черта его религиозных настроений, поскольку они выразились в философских схемах. Мы — странники, пришельцы. Чем скорей жизнь кончится — тем лучше.

Но Толстой сердцем своим любил земную жизнь *не как сон*.

Прочтите воспоминания о нем близких людей. О его любви к природе, о его умении "всегда радоваться"[23]. Он не мог жить *без людей*. В художественном творчестве он необычайно *телесен*. Плоть земли — вот что понимал он больше всего. Отсюда его совершенный *реализм*.

В личной жизни Толстого небесное и земное также находило свое полное выражение.

Утром он шел *один* — молиться Богу. В лес, на то самое место в густой березовой роще, где теперь находится его могила.

Молитва для Толстого была актом напряженнейшего самоуглубления, отчет перед своей совестью в пережитом. Он приходил домой и *писал*. Его твор-

чество было продолжением его молитвы. То, что открывалось ему в часы уединенного самоуглубления в лесу, – дома за работой принимало форму логической *мысли*.

А вечером он жил с людьми, не в *полусне*, а ярко, свободно, радостно, открытой русской душой.

Бывало, даже трепака плясал! Да-да! Не боясь быть уличенным "в противоречии" людьми в футляре, – заводил граммофон и под музыку Трояновского, под дружный хохот всех собравшихся показывал, как пляшут "старики".

Русский человек умеет "разойтись", любит вольную волюшку, умеет, сломя голову, скакать на тройке.

Умеет и простаивать на одном камне по несколько лет, в посте и молитве.

Эти "эстетические" черты русского народа отразились в Толстом и его трогательном смирении, терпении, всепрощении.

Он искренно не понимал *своего величия*:

– Шумиха, которая меня окружает, – все это пройдет. А вот деятельность Федора Страхова[24] – это вечное.

Ниже Федора Страхова себя считал!

– Вас большинство высоко ставит, – говорили ему.

– Да, это *повальное*, – с грустью говорил Толстой.

А на прогулках верхом Толстой любил мчаться во весь дух, чтобы ветви били в лицо, любил перескакивать рвы и ездить по неведомым дорогам.

От самых вершин своего творчества до повседневных мелочей – он был цельный, гениальный *русский* человек.

– – –

Когда Толстой был совсем маленький, он любил сидеть, зажав колени руками, – ему казалось, что если стиснуть колени изо всех сил, то можно *полететь по воздуху* и подняться на громадную высоту.

Эта детская мечта – это стремление к небесам – во всей полноте осуществилась только в последние дни перед его смертью.

Бегство из Ясной Поляны, астаповские дни, последние минуты перед смертью – все это засвидетельствовало перед миром, что дети иногда бывают мудрее взрослых: люди могут подыматься к небесам!

Правда, для этого мало стиснуть колени – надо прожить восемьдесят два года. Но и прожить восемьдесят два года недостаточно: надо сохранить до глубокой старости *детскую* веру.

И тогда детская мечта, над которой нельзя не улыбнуться, станет великой жизненной *правдой*, перед которой нельзя не преклониться.

Победа над миром[25]

Год тому назад, в ночь с 27 на 28 октября, совершилось великое событие: Лев Толстой тайно уехал из Ясной Поляны.

Уход этот принято называть "трагедией" – на самом деле это одна из величайших побед над миром.

Да, с точки зрения слишком человеческой, много трагического в "бегстве" Толстого от семьи, с которой жил почти пятьдесят лет, от условий жизни, которым подчинялся долгие годы. Видеть все счастье в семье, уже стариком пойти по новой дороге и остаться почти одиноким. В течение двадцати лет жить, мучаясь непониманием своих близких, жены и детей. И, наконец, убежать от них. А через несколько дней умереть – все это черты глубокой человеческой трагедии.

Но к Толстому неприменимы мерки житейские. Для того, чья жизнь была ежедневным, неустанным, неослабевающим исполнением воли Божией, – нужны другие оценки и другой язык.

Лев Толстой самую основную сущность своего поступка объяснил людям так: как истинный христианин под конец своей жизни я решил уйти от мира[26].

"Уйти от мира" – вот загадочные слова, которые время от времени, с большей или меньшей силой, повторяются в истории человечества.

И на жизни Льва Толстого с потрясающей силой подтверждается истина, которую до сих пор люди не могут понять во всей глубине:

всякий воистину уходящий от мира – побеждает мир[27].

Всякий уходящий от мира – возвращается в него победителем.

При жизни Толстого "в миру", несмотря на всю его "славу" и на все "уважение" к нему, – между ним и людьми стояла такая перегородка. Перегородка "недоверия", "сомнений", скрытого "осуждения", снисходительного "прощения" и пр., и пр., и пр. Он был в миру и принадлежал миру не как победитель, а как "подчиненный".

И вот, 28 октября, когда весть о бегстве его разнеслась по всей земле, – свершилось поистине чудо. Преграда рухнула. И весь мир, все живое в мире, все чувствующее, все страдающее болями совести, измученной грехами, – преклонилось перед Толстым, как перед праведником[28].

С идеями Толстого можно не соглашаться, – но нельзя не быть учеником праведника.

И Толстой стал учителем всего мира[29]. Ушедший от нас "тайно" – вернулся к нам в славе, – не житейской, суетной, "мирской", а непреходящей, божественной.

Венок на могилу Толстого[30]

Принято говорить: "Великого человека не стало – а жизнь идет по-прежнему".

Да, конечно: по-прежнему светит солнце, по-прежнему родятся и умирают люди, по-прежнему "кипит жизнь".

Но что жизнь "не изменилась" – это глубокая неправда, происходящая от нашей собственной духовной слепоты, лишающей нас возможности созерцать жизнь *во всем ее объеме*.

Внешними переменами Толстой дорожил меньше всего. Он требовал внутреннего перерождения. Вот почему сегодня, в день годовщины смерти одного из величайших учителей жизни, я хотел бы отметить внутреннее значение его жизни и его смерти.

Это ложь, что жизнь после Толстого пошла дальше, по прежней дороге, как ни в чем не бывало!

Уход его из Ясной Поляны, беспримерная сила его религиозной воли и огненная жажда подлинной жизни "по-Божьи" – все это осветило жизнь нашу темную и безумную таким ярким светом, что в сокровенной глубине нашей совести мы не могли не ужаснуться, "до чего дошли", – не могли хоть немного не начать жить по-новому"[31].

Призывы "опомниться" пронеслись над миром благодатным громом. И если по-прежнему идут войны, по-прежнему в жизни и кровь, и насилие, и разврат, – то это показывает лишь, что история мира – процесс мучительный и сложный и что "Царствие Божье" берется упорным трудом человечества[32].

Ведь когда на землю сошла сама Божественная Правда и люди, не приняв ее, распяли на кресте своего Бога, – разве жизнь *сразу* стала другой?

Но если жизнь и смерть Сына Божия не изменила *сразу* человеческую жизнь, то можно ли спрашивать этого от жизни одного из достойнейших служителей Божиих?

Но христианство постепенно перерождало мир.

И моральное учение Толстого медленно вольет в жизнь страдающего от грехов своих человечества много света, тепла и сил для борьбы.

Вот в годовщину смерти Толстого и хочется вспомнить с чувством глубокой любви и благоговения эту трудную работу Господню, которую он совершал как истинный апостол Божественной Правды[33].

Лев Толстой и Вл. Соловьев[34]

Лев Толстой не понимал и не любил Вл. Соловьева. Вл. Соловьев не понимал и не любил Толстого.

Толстой говорил: опять пришел Вл. Соловьев и, наверное, будет читать какую-нибудь философскую неразбериху; и зачем этот человек тратит свои громадные умственные силы на такой вздор?

Вл. Соловьев сравнивал христианство Толстого с сектой “дыромоляев”, которые всю религию свели к очень простой молитве: “Изба моя, дыра моя, спаси меня”[35].

Не понимали, не любили, сходились и расходились все резче и резче и, наконец, стали почти “врагами”.

Так и общество привыкло думать: Толстой и Вл. Соловьев — две непримиримые противоположности. “Толстовцы” и “соловьевцы” также считают себя двумя враждебными лагерями.

Года три назад я, в качестве “соловьевца”, прочел в Москве пять публичных лекций о Толстом. “Толстовец” Ив. Трегубов в ответ прочел “разбор” моих лекций. И мы жестоко поспорили[36].

Последние годы и особенно последние дни Толстого совершенно по-новому осветили его личность, и теперь “распря” двух величайших русских мыслителей представляется мне глубочайшим недоразумением, если хотите — трагедией современного религиозного сознания человечества.

Идея “вселенского христианства” слишком широка и всеобъемлюща, и многие служители *одной и той же идеи* считают себя *врагами* только потому, что с разных, иногда противоположных сторон видят одну и ту же истину.

Лев Толстой созерцал эту истину как *художник* даже в чисто философских своих произведениях.

Вл. Соловьев созерцал ее только как *философ* даже в своей поэзии.

Толстой всегда *изображает*. Его “учение” — это *описание* христианского отношения к жизни, к людям, к Богу. Вся сила Толстого в том, что он *показывает* христианскую психологию. О любви, о жизни во имя вечности, о проникновенном чувстве добра, о самоуглублении, о напряженном искании Царствия Божия в своем сердце — вот о чем говорил Лев Толстой.

Все его учение есть не что иное, как исповедь *христианского сердца*.

Когда Толстой начинал подыскивать этим переживаниям философские схемы, он сразу становился беспомощен и путался в противоречиях.

Вл. Соловьев — философ в настоящем смысле этого слова. Он наметил грандиозную, хотя и незаконченную и местами необработанную философскую систему. Он дал философское *оправдание* добра. Его произведение — это раскрытие христианского *сознания*.

Лев Толстой не мог простить Соловьеву, что он вместо религии занимается “философией”, не учит, а пишет головоломный “вздор”.

Вл. Соловьев не мог простить Толстому плохой философии.

Великое христианское сердце Толстого и великий христианский ум Вл. Соловьева не поняли и “не нашли” друг друга.

Замечательно, что главнейший пункт несогласия и идейной вражды — это учение о воскресении Христовом!

На это у нас мало обращали внимания в литературе. Когда-то в “Вопросах философии и психологии” был напечатан отрывок из письма Соловьева к Толстому — в этом письме он по пунктам и ребром ставит вопрос о воскресении[37]. Что ответил на письмо Толстой, неизвестно. Я лично спрашивал В. Г. Черткова об этой переписке, и он также об ответе Толстого ничего сказать не мог. Но и так ясно, что Толстой мог ответить одно: воскресение Христово — легенда.

Соловьев же доказывает, как видно из письма, теперь целиком изданного Радловым, что воскресение Христово — это победа смысла над безмыслицей.

Разница, как видите, так велика, что трудно говорить о сродстве двух мыслителей.

Но и здесь Толстой, отрицая “как философ” воскресение, любил живой образ Христа, относился к нему не как просто к “учителю”, а так же, как и Соловьев, и никогда бы он не согласился в душе отречься от имени христианина, хотя бы всеми учеными мира было доказано, что Христос учил совершенно тому же, что и Будда, и Моисей, и т. д.[38].

И Толстой, “отрицавший” воскресение Христово, и Вл. Соловьев, не проповедовавший то, что, по мнению Толстого, должен проповедовать каждый христианин, — были братьями по духу, разно мыслили, одно любили.

Оба они провозвестники вселенского христианства[39].

Правда любви[40]

Сестра Льва Николаевича Толстого, монахиня Мария Николаевна, перед смертью приняла "схиму"[41].

Окончательно ушла от жизни.

Лев Толстой перед смертью ночью уехал из Ясной Поляны:

Окончательно ушел от мира.

Церковь предала Толстого анафеме.

Толстая приняла высший монашеский чин "схимонахини".

Но *сущность, религиозная основа* веры и у Льва Толстого, и у Марии Толстой — *одна и та же*[42].

В одном из писем к Александре Андреевне Толстой Лев Николаевич писал:

"Ваше исповедание веры есть исповедание веры нашей церкви. Я его знаю и не разделяю. Но не имею ни одного слова сказать против тех, которые верят так. Особенно, когда вы прибавляете о том, что сущность учения в Нагорной проповеди. Не только не отрицаю этого учения, но, если бы мне сказали: что я хочу, чтобы дети мои были неверующими, каким я был, или *верили* бы тому, чему учит церковь? я бы, не задумываясь, выбрал бы веру по церкви. Я знаю, например, весь народ, который *верит* не только тому, чему учит церковь, но примешивает еще к тому бездну суеверий, и я себя (убежденный, что я верю истинно), не разделяю от бабы, верящей Пятнице, и утверждаю, что мы с этой бабой совершенно равно (ни больше, ни меньше) знаем истину. <...> Все это я говорю к тому, что бабу, верующую в Пятницу, я понимаю, и признаю в ней истинную веру, потому что знаю, что несообразность понятия Пятницы, как Бога, для нее не существует, и она смотрит во все свои глаза и больше видеть не может. Она смотрит туда, куда надо, ищет Бога, и Бог найдет ее. И между ею и мною нет пред Богом никакой разницы, потому что мое понятие о Боге, которое кажется мне таким высоким, в сравнении с истинным Богом так же мелко, уродливо, как и понятие бабы о Пятнице. <...> И как я чувствую себя в полном согласии с искренно верующими из народа, так точно я чувствую себя в согласии с верой по церкви и с вами, если вера искренна и вы смотрите на Бога во все глаза, не сквозь очки и не прищуриваясь"[43].

И "проклятый" Лев, и благословенная Мария — одинаково смотрели на Бога "во все глаза". И Бог, веруем, нашел их обоих. И то, что разделяли здесь, на земле, люди на "анафем" и "схимонахинь", — уже не сможет разделить их *там*[44].

Жестокий "смиренный оптинский старец" Иосиф запретил Марье Николаевне не только *молиться* об умершем "окаянном" Льве, но даже *думать* о нем[45].

Но он не мог запретить сердцу ее *любить* и душе "веровать", смотреть "во все глаза" на единого Бога — и эта вера, и эта любовь сильнее запретов оптинских старцев; любовь и вера соединит их, разъединенных здесь, на земле, людьми и церковью — для вечной жизни в Боге — в любви[46].

ПРИМЕЧАНИЯ

1 Печатается по: Новая Земля. 1910. № 9. С. 2—3. Подпись: Далекий Друг.

2 Указанное произведение входило в цикл "Письма одинокого человека" и было опубликовано в том же номере журнала (с. 8—10).

3 Бирюков Павел Иванович (1860—1931) — публицист; друг и биограф Л. Н. Толстого.

4 Свенцицкий имел основания для скепсиса, поскольку публично произнес: "Я не могу молчать" (зачин "Открытого обращения верующего к Православной Церкви") на 2,5 года раньше Л. Н. Толстого и делами доказал, что это была не фраза. За напечатанную в журнале "Полярная звезда" (1906. № 8. С. 561—564) статью, призывавшую прекратить братоубийство, обуздать месть властей предержащих и наложить епитимию на чиновников-руководителей совершаемых злодейств, Свенцицкий был обвинен по ст. 128 Уголовного уложения в "дерзостном неуважении к власти". В речи на суде 4 ноября 1906 года подтвердил

свою позицию, отстаивал право не повиноваться государственным законам, раз они идут вразрез с заветами Христа, умолял Церковь снять с солдат присягу, понуждающую их расстреливать даже родного отца, и был оправдан присяжными заседателями.

5 Печатается по: Новая Земля. 1910. № 10. С 8–11. Подпись: Далекий Друг.

6 Название и отдельные места написанной двумя годами позже статьи В. В Зеньковского "Проблема бессмертия Л. Н. Толстого" прямо указывают на первоисточник: "По силе его дерзновенного протеста против современной культуры он по праву должен быть назван гением, <...> величайшая заслуга Толстого <...> в его смелой, проникновенной, часто гениальной борьбе за религиозное миропонимание, за религиозное отношение к жизни. Религиозное творчество – вот то главное, в чем расцвел гений Толстого, оно ценнее, важнее, чем все остальное, что он дал культуре <...> Самое характерное в духовной личности Толстого то, что он был мистиком" (Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб, 2000. С. 500–501).

7 Ср.: "Эта смерть может явиться началом коренного духовного переворота в сознании общества. <...> Именно это новое чувство явится источником нашего духовною обновления. <...> Если смерть Толстого окажется не событием национальной жизни, началом новой ее эпохи, а лишь эпизодом, оживившим столбцы газет и залы собраний, то история скажет о нас, что мы не заслужили быть современниками Толстого и свидетелями его прекрасной смерти" (Франк С. Памяти Льва Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб, 2000. С. 555).

8 Ср. написанное 1 ноября 1910 г., еще до смерти Толстого: "Он вплотную подошел к Престолу Божию, и у него он услышит свой последний суд и едва ли – осуждение. Какие нам, русским людям, среди тяжких, кошмарных будней посылает Бог праздники!" (Нестеров М. Письма. Л., 1988. С. 241).

9 Печатается по: Новая Земля. 1910. № 10. С. 3–4. Подпись: В. Свенцицкий.

10 "Действительно ненужными суды и войско становятся только для духовно-возрожденных" (Тареев М. Цель и смысл жизни. Св.-Тр. Сергиева Лавра, 1903. Ч. 2. Гл. 4.V).

11 Ср.: Руфь 1, 6.

12 Цитировавший статью В. А. Анзимиров назвал эти строки "мягкими, благоухающими" (Московская газета-копейка. 1910. 22 ноября. № 174. С. 3).

13 Печатается по: Новая Земля. 1910. № 11. С. 4–8. Подпись: В. Свенцицкий.

14 Беневский Иван Аркадьевич (1880–1922) – основатель и руководитель земледельческой общины в Харьковской губ., участник созданного в 1905 г. Свенцицким и В. Ф. Эрном Христианского братства борьбы, многократный посетитель и корреспондент Л. Н. Толстого, который говорил о "его глубокой религиозности, милой доброте, особенности: придает значение крестному знамению" (Маковицкий Д. У Толстого. 1904–1910. М., 1979) и 25 июля 1905 г. отмечал: "Беневский писал <...> во-первых, что Иисус – Бог; второе – что рад, что я молюсь. Я ему ответил: "Если бы Иисус был Бог, то для меня разрушилось бы понятие о Боге. И что хотя я молюсь каждый день, но считаю, что это слабость" (Толстой Л. Полное собр. соч.: В 90 т. Т. 75). Беневский считал, что "обладание землей как собственностью несогласно с евангельским учением" (Новая Земля. 1912. № 13/14; Жизнь для всех. 1912. № 1. С. 349–351). В 1910 г. отказался от прав на полученное по наследству имение (ныне – Брянская обл., пос. Дубровка), передал землю второму Немерскому сельскому обществу и организовал на ней толстовскую сельскохозяйственную общину, где работали все члены семьи Беневских; с 1915 г. там действовала детская колония для детей-сирот.

15 Н. Л. Толстой в детстве объявил братьям, "что у него есть тайна, посредством которой, когда она откроется, все люди сделаются счастливыми <...> Эта тайна была <...> написана им на зеленой палочке, и палочка эта зарыта у дороги, на краю оврага старого Заказа, в том месте, в котором я <...> просил в память Николеньки закопать меня. <...> И как я тогда верил, что есть та зеленая палочка, на которой написано то, что должно уничтожить все зло в людях и дать им великое благо, так я верю и теперь, что есть эта истина и что будет она открыта людям и даст им то, что она обещает" (Толстой Л. ПСС. Т. 34. С. 386).

16 Ср. запись от 24 августа 1906 г.: "Иногда молюсь в неурочное время самым простым образом, говорю: "Господи, помилуй", крещусь рукой, молюсь не мыслью, а одним чувством сознания своей зависимости от Бога. Советовать никому не стану, но для меня это хорошо. Сейчас так вздохнул молитвенно" (Толстой Л. ПСС. Т. 55. С. 238).

17 Маковицкий Душан Петрович (1866–1921) – друг Л. Н. Толстого, врач его семьи с 1904 г.

18 Печатается по: Царицынская мысль. 1911. 28 октября № 237. Подпись: Друг.

19 Михайловский Николай Константинович (1842–1904) – публицист, литературный критик, социолог; теоретик народничества. Резко критиковал теорию Л. Н. Толстого о непротивлении злу насилием.

20 Шмидт Мария Александровна (1843–1911) – друг семьи Толстых.

21 Печатается по: Царицынская мысль. 1911. 6 ноября. № 245. Подпись: Друг.

22 Ср.: "Лев Толстой – великий символ русского народа во всем его многообразии, с его падениями, покаянием, гордыней и смирением, яростью и нежностью, мудрым величием гения, кои так непостижимо сплетаются в нашем народе" (Нестеров М. Письма. Л., 1988. С. 241).

23 1 Фес. 5. 16.

24 Страхов Федор Алексеевич (1861–1923) – музыкант, философ, автор работ "Дух и материя", "Искание истин"; приверженец учения Л. Н. Толстого (ср. его сохранившийся отзыв: "Вся эта моя известность – пуф!.. Вот деятельность Страхова... серьезна, а моя... – никому не нужна и исчезнет").

25 Печатается по: Московская газета-копейка. 1911. 29 октября № 249. Подпись: В. Свенцицкий.

26 Свенцицкий основывался на газетных сообщениях искажавших текст прощального письма. Ср.: "...я не могу более жить в тех условиях роскоши, в которых жил, и делаю то, что обыкновенно делают старики моею возраста: уходят из мирской жизни, чтобы жить в уединении и тиши последние дни своей жизни" (Толстой Л. ПСС. Т. 84. С. 404); и годом раньше: "Хочется уединения, удалиться от суеты мирской, как буддийские старики делают" (Маковицкий Д. У Толстого, 1904–1910. Кн. 4. М., 1979. С. 35).

27 1 Ин. 2, 15–16; 5, 4–5.

28 Ср.: "При вести о смерти Толстого вся Россия преклонилась перед ним как перед исповедником и мучеником христианства – и это несмотря на его собственное заявление, что вера в Христа как Сына Божьего есть не что иное как кощунство" (Степун Ф. Религиозная трагедия Льва Толстого // Л. Н. Толстой: pro et contra. СПб., 2000. С. 468).

29 Ср.: "Бегство Толстого из мира есть единственное реальное поучение его нам. Но куда из мира уйдешь, если нет катакомбы. Но нет: катакомба есть у каждого из нас: ее нужно только сознать, расширить, превратить в место встречи" (Белый А. Лев Толстой и культура // Там же. С. 599).

30 Печатается по: Трудовая копейка. 1911. 7 ноября. № 50. Подпись: В. Свенцицкий.

31 Ср.: "Своим влиянием он оказал и оказывает положительное влияние в смысле общего пробуждения религиозных запросов. Оно уподобляется в этом смысле влиянию тех мыслителей древности, которые были "детоводителями ко Христу" (Булгаков С. Л. Н. Толстой // Там же. С. 410).

32 Ср.: Мф. 11, 12.

33 Ср.: "...то, чем ослепительно сияет для нас его душа, есть прежде всего два основных ее свойства: безграничное правдолюбие и острота нравственной совести. Толстой – пророк, который не знает иных мерил, иных точек зрения и оценок, кроме правды праведности" (Франк С. Указ. соч. С. 546).

34 Печатается по: Московская газета-копейка. 1911. 7 мая. № 104. Подпись В. Свенцицкий.

35 См. предисловие В. С. Соловьева к "Трем разговорам..." (1900).

36 Подр. См.: *Свенцицкий В.* Собр. соч. Т. 2 М., 2010. С. 679–683. Трегубов Иван Михайлович (1858–1931) – последователь Л. Н. Толстого, издатель бесед И. А. Чурикова.

37 Имеется в виду письмо Л. Н Толстому от 28 июля 1894 г. (Вопросы философии и психологии. Кн. 79; Письма В. С. Соловьева / Под ред. Э. Л. Радлова Т. 3. СПб., 1911).

38 Ср.: "Хотя Толстой не верит в божество Христа, но Его словам он поверил так, как могут им верить те, кто видел во Христе Бога" (Зеньковский В., прот. История русской философии: В 2 т. Париж, 1989. Т. 1. С. 400); "В Толстом это подсознательное знание, что Христос был воистину Богом, было не так сильно, как в мистике Кириллове, но все же, думается, оно в нем было" (Степун Ф. Указ. соч. С. 468).

39 Ср.: "...объединяются они <...> *общей религиозной задачей,* которую каждый

из них решал по-своему: это — практическая жизненная задача *осуществления Царствия Божиего на земле* <...> Будучи полнейшими антиподами в других отношениях, <...> оба были убеждены, что Царствие Божие должно стать всем во всем человеческом обществе. <...> Оба они искали Царствия Божия и правды его; оба они поняли его как всеединство, в котором человек должен без остатка принадлежать Богу" (Трубецкой Е. Спор Толстого и Соловьева о государстве // Л. Н. Толстой: pro et contra/ СПб., 2000. С. 376, 398).

40 Печатается по: Новая Земля 1912. № 17/18. С. 7—8. Подпись: В. С.

41 Толстая Мария Николаевна (1830—1912) — монахиня Казанской женской пустыни в Шамордино с 1891 г., схиму приняла за несколько часов до смерти (см. о ней: Оболенская Е. Моя мать и Лев Николаевич // Л. Н. Толстой. М., 1938. С. 323).

42 Ср.: "Он, отрицавший в корне всякие обрядности, и она, строгая монахиня, — молились одному и тому же Богу, понимая и чувствуя Его одинаково" (Толстой И. Л. Некролог // Новое время 1912. 12 апреля № 12960). В октябре 1909 Л. Н. Толстой писал сестре, что надеется смерть "встретить с благодарностью Богу за данную мне жизнь и с полной уверенностью в то, что Бог есть любовь" (Новый мир. 1991. № 7. С. 8).

43 Письмо от февраля 1880 г. (Толстой Л. ПСС. Т. 63. С. 6—7).

44 Ср.: "Между Толстым и людьми Церкви одновременно существовало и сильнейшее отталкивание, доходившее до взаимной вражды, и вместе с тем безотчетное притяжение, какая-то близость <...> Беспристрастное сознание не может относиться к "еретику" Толстому как к "язычнику и мытарю", т. е. как к совершенно чужому для Церкви. Даже и отлученный, Толстой остается близок к Церкви, соединяясь с ней какими-то незримыми, подпочвенными связями. <...> И, думается мне, это чувство не приходит в противоречие с духом Церкви и любви церковной" (Булгаков С. Указ соч. С. 408, 410), "Было бы неправильно ставить границы для любви, и если враги духа Толстого все же любят его личность, то это — тем лучше" (Франк С. Указ. соч. С. 545—546).

45 Свенцицкий узнал о запрете ("не только молиться, но и думать не должна") из статьи "Кончина М. Н. Толстой" (Русское слово. 1912. 10 апреля. № 83). Ср.: "Очень тяжелое испытание перенесла тетя Маша, когда старец Иосиф, у которого она была на послушании, запретил ей молиться об умершем брате, отлученном от церкви. Ее непосредственная душа не могла помириться с суровой нетерпимостью церкви, и она одно время была искренно возмущена. <...> Марья Николаевна не смела ослушаться духовных отцов, и вместе с тем она чувствовала, что она не исполняет их запрета, потому что она все-таки молится, если не словами, то чувствами. Неизвестно, чем кончился бы у нее этот душевный разлад, если бы о. Иосиф [На самом деле это сделал после его смерти другой духовник. — **С.Ч.**], очевидно понявший ее нравственную пытку, не разрешил ей молиться о брате, но не иначе как келейно, в одиночестве" (Толстой И. Л. Мои воспоминания. М., 1969. С. 249—250).

46 22 апреля 1911 г. монахиня Мария писала: "Я надеюсь, за любовь его ко Христу и работу над собой, чтоб жить по Евангелию, — Он, милосердный, не оттолкнет его от Себя!" (там же. С. 247).

ДМИТРИЙ УРНОВ

НА ПРОТИВОПОЛОЖНОЙ ПРЯМОЙ, ИЛИ ПАМЯТИ ПРОФЕССОРА СИММОНСА

Из времен холодной войны

* * *

За океан впервые попал я не критиком, а – кучером, регулярных литературных контактов с американцами еще не было, во всяком случае, для меня они были недоступны. Зато доверили мне сесть на облучок и взяться за вожжи, чтобы доставить за океан нашу тройку. Был я связан не только с ИМЛИ, но и с ЦМИ – Центральным Московским Ипподромом, связан до того, что это сбивало с толку моих иностранных корреспондентов, и приходили из-за границы письма, адресованные на *ипподром им. Горького.*

Мой порыв иппический (hippiques, *франц.* – конный), как еще в университете определили Самарин с Виппером, мои наставники, у которых я отпрашивался с лекций на конюшню, был с их точки зрения рецидивом реакционного романтизма, они рассматривали мое стремление на ипподром как своего рода робинзонаду или очередной руссоизм, своего рода "бегство в пампасы", и, укоризненно качая головами, отпускали меня к лошадям. А я получил допуск на призовую конюшню, но, увы, оказалось, лишен я чувства лошади. Не имелось у меня ни чутья для посыла, ни понимания пэйса (расе, *англ.* – резвость). "Ни рук, ни головы у тебя нет, хотя язык привешен", – говорили наездники, однако за энтузиазм мастера прощали мне мою наездничью бездарность и доверяли как переводчику сопровождение иностранных экспертов, приезжавших отбирать четвероногих участников для больших международных

УРНОВ Дмитрий Михайлович родился в 1936 году, литературовед, в 1958—1988 гг. — сотрудник Института мировой литературы, в 1988—1992 гг. — главный редактор журнала "Вопросы литературы", в 1978—1991 гг. координировал проекты по литературоведению в Советско-Американской Комиссии гуманитарных наук, в 1992—2006 гг. преподавал в США, автор биографий и редактор русских изданий английских и американских писателей, а также работ по теории литературы. Со школьных лет занимался конным спортом, опубликовал книги "По словам лошади", "Железный посыл", "Приз Бородинского боя" и "Жизнь замечательных лошадей". Живет в США.

призов. Лишенный рук, способных эффективно орудовать поводьями или вожжами, находясь на низшем ранге как ездок, я, конник без головы, работая языком, поднялся выше некуда, очутившись среди крэков и кейтонов. Крэки – лошади экстра-класса, Вильям Кейтон – наездник-американец, некогда выступавший в России, считался "королем езды", имя его стало нарицательным. Если бы меня не знающий услышал, с какими лошадьми и какими людьми возле этих лошадей случалось мне иметь дело, то принял бы мои слова за хлестаковскую похвальбу.

Заокеанская поездка зимой шестьдесят восьмого года явилась щедрой наградой мне за службу, а тройка наших рысаков была символическим подарком товарновагонному магнату, скотоводу, директору железнодорожной компании, основателю Пагуошской научной конференции и лауреату Ленинской премии мира Сайрусу Итону. Спутником моим был ветеринарный врач, мастер своего дела, которого знали и признавали за авторитет во всем конном мире, почтительно называя его Dr. Shashirin. С учетом слов Гете "Жаль, лошадь лишена дара речи", наш доктор угадывал самочувствие всякого рысака. Различными видами наземного и водного транспорта доставляли нас с погрузочной на Беговой к берегам Великих озер. Только приехали, запрягли, лошади с настоя понесли, разбили экипаж, а меня волокли на вожжах по земле – на глазах у папы Сайруса, как называли Итона в его окружении. После парадного выезда, прошедшего более или менее благополучно, старик-хозяин ссадил меня с козел и отправил заниматься, как он выразился, настоящим моим делом – выступать на телевидении и читать лекции по школам.

За поездку я и познакомился с русской Америкой, она потянулась к нам, притягиваемая тройкой, как магнитом, и – поразила своим размахом, целая страна, хотя и разбросанная по свету. Было это еще до "третьей" (четвертой) волны, и я теперь понимаю, насколько наша эмиграция была по составу совсем другая, а главное, малозаметная. "Мост построил инженер из России", – сказал американец, который встретил нас с доктором в аэропорту в Нью-Йорке и вез на другой конец города через мост Вашингтона. Наш хозяин не помнил, я же тогда и не знал имени – Моисеев. В Америке бывший студент Балтийского Технологического института, построивший пять важнейших мостов на Восточном побережье и приглашенный консультировать на Западном строительство знаменитого моста у Золотых Ворот, был одним из немногих людей с образованием (пусть незаконченным), попавших за океан в составе первой, нередко забываемой, волны. Состояла первая волна главным образом из мелких торговцев и земледельцев; привезли они с собой богобоязненность, трудолюбие, высокоурожайную пшеницу и бублики, что со временем завоевали Америку, потеснив пончики, впрочем, и пончики, как и штаны из плотной парусиновой ткани, известные всему миру джинсы, оказались усовершенствованы смышлеными и работящими российскими эмигрантами первой волны. Вторая волна, отличаясь высокой образованностью, внесла в американскую науку и культуру вклад духовный, обширный настолько, что американские артисты, в особенности музыканты и танцоры, стали брать русские псевдонимы, чтобы иметь успех. От балета до бубликов, от мостостроения до математики, от авиации до арахнологии (пауковедение) влияние русской эмиграции сказалось едва ли не во всех сферах американской жизни, но даже называемое *русским* не связывается с Россией. Кто виноват? Неприязнь к нам есть, вне сомнения, но Советский Союз – единственная из стран, бесперебойно снабжавшая Америку человеческими ресурсами (какими ресурсами!), для которой соотечественники за пределами СССР не существовали. Италия, сплавляя за океан своих бедняков и теноров, получала прибыль, а русские, если взять их как имя собирательное, включающее, согласно иммиграционной политике США, людей всех национальностей из нашей страны, первые среди эмигрантов с высшим образованием и – наипоследние пасынки своей родины: очередное "неуважение себя", как говорил В. В. Розанов.

В шестидесятых годах символом нашей американской неприкаянности явился для меня в Нью-Йорке магазин русского издателя и книготорговца Н. Н. Мартьянова. Большой магазин на Пятьдесят пятой улице, в центре большого города, забитый до потолка книгами и совершенно пустой, не считая сидевшего, не шевелясь, за столом старичка-сотрудника, чей ветхий костюм говорил о крайней бедности. В магазине, шаря по полкам, пробыл я почти целый день. Ровно в час закрытия старичок, все так же безмолвно, поднялся

и, не прощаясь, ушел, а посетители так и не появились. В ту пору, судя по русской зарубежной прессе – Николай Николаевич снабдил меня газетами gratis, даром, – наши бывшие соотечественники, следуя правилу бития своих ради устрашения чужих, грызлись между собой и существенной роли в американской политике не играли. А "третья" волна, этнически однородная и сплоченная единством интересов, состояла из тех, кого зазывали в Америку; эта волна создавалась специально, как своего рода "пятая колонна" в холодной войне, и она вышла на политическую авансцену.

Вернувшись из Америки домой еще до того, как нахлынула "третья" волна, получил я в 1969 году письмо от невестки Сикорского, сестры Набокова. "Вы своим знакомым американцам скажите, какие они милые люди... Не забудьте сказать американцам, какие они милые", – в частном послании звучит как рефрен, очевидно, в расчете на любопытствующих почтмейстеров, существовавших не только на нашей стороне океана. Сикорская по мужу, урожденная Набокова, – тесть и муж, старший сын Сикорского, строили американские самолеты, брат уже был признан американским писателем, а все-таки ешь, но чувствуй! Снимавшийся в Голливуде и удостоившийся премий, английский актер русского происхождения, Питер Устинов однажды, пусть в шутку, изображал стоящего на задних лапах пса. У Михаила Чехова прошли школу американские актеры, ставшие звездами сцены и экрана, сам же Михаил Чехов получил возможность сниматься только благодаря поддержке Рахманинова, но даже занимавшему исключительное положение знаменитейшему музыканту протежирование соотечественнику (все-таки тоже с именем) стоило немалых усилий. Ученые-корифеи Вернадский, Карпович и Ростовцев вели курсы в первостепенных университетах, издавали капитальные труды, Питирим Сорокин создал свое направление в американской социологии, и тем не менее наши научные светила помнили, что они в США из милости. Крупные, принадлежавшие ко второй волне, ученые, покинувшие Россию или из России выдворенные, но в Америку не приглашенные, чувствовали себя в положении приживал, сидящих за общим американским столом где-то с краешку. А перед только что пересекшими границу авторами из "третьей" волны, которые еще ничем, собственно, не зарекомендовали себя, распахнулись двери лучших учебных заведений и крупнейших издательств. Чужие ступени не были им тяжелы, а чужой хлеб оказывался достаточно сладок. "Я въехал в Америку на белом коне", – рассказал мне далеко не самый видный из диссидентов. Американцы, случалось, под разными предлогами выживали с насиженных мест своих даже очень ученых соотечественников, делая это ради того, чтобы освободить место для не очень ученых эмигрантов "третьей" волны, а те на ходу меняли профессию, вдруг оказываясь специалистами по русской литературе, хотя согласно полученному на родине диплому ими не были.

В единый поток с "третьей" волной слилось движение наших внутренних "раскольников", диссидентов. "Ее книжку издает Нопф!", – услышал я от американского специалиста по советской литературе, и надо было видеть глаза говорившего: восхищение сочеталось с изумлением: подумать – Нопф! Виднейшее из американских издательств, выпускающее Библиотеку современной классики, печатает книжку члена Союза советских писателей. Публикация у Нопфа означала автоматическое зачисление туда же, в классику. Что ж, перечитайте книжку, которой выпала счастливая участь, чтобы удостовериться в ее классических достоинствах. Условием успеха была готовность внести вклад в доказательство того же тезиса о расхождении советской идеологии и русской литературы, и наш пишущий люд валом валил, чтобы стяжать славу бунтарей и талантов.

* * *

Все шло по Симмонсу, что стал руссистом в духе своего времени в самом начале двадцатого века – на излете того **помешательства на русских,** что началось на Западе еще в девятнадцатом столетии и захватило годы его молодости. *Русские* в терминах того времени – это наши классики: Тургенев, Толстой, Достоевский и Чехов. К этому короткому списку добавляли и другие имена, чаще всего это были Гоголь и Горький, но собственно *русскими* считались четверо, как, скажем, в изобразительном искусстве было трое *итал-*

янцев – Леонардо, Микеланджело и Рафаэль. За несколькими *французами* в периодической таблице литературных элементов числился образцовый стиль, *как надо писать*, за *русскими* – "руссан", роман, населенный множеством лиц, которые, по словам одной зарубежной читательницы, "вслух рассуждают о таких вещах, какие мы не доверяем даже себе", короче, философия с дидактикой в объеме *души*. "Чудесный мир, который дарили русские", – вспоминал Хемингуэй читательские впечатления своей молодости. Того же мнения держалось целое поколение западноевропейских и заокеанских писателей, и если Эрнест Хемингуэй поехал в Париж, чтобы читать *русских* (дома книги были слишком дороги), то и Эрнест Симмонс поехал туда же изучать наш язык и литературу.

Из Парижа, желая узнать на месте, в силу внутренней потребности, что же такое смирение, Симмонс аспирантом отправился в Россию. Посетив Ясную Поляну, повидал толстовскую усадьбу в состоянии еще прежнем, почти нетронутом, застал в живых Валерия Брюсова, был на единственном представлении булгаковского "Багрового острова", снятого со сцены сразу после прогона, словом, видел у нас нечто такое, чего нашим поколениям уже не довелось увидать. И – сидел в библиотеках, что оставило у него благоговейную память о наших библиографах. "Книжные черви", вроде Теодора Марковича Левита, чье имя Симмонс поминал словно в святцах, подняв очи горе, послужили для него живым примером той самой беззаветной жертвенности, о которой прежде он только читал. "Люди! Какие люди!" – с тех пор стало его постоянной присказкой. Молодой американский руссист лицезрел самоотдачу совершенно бескорыстную, нигде больше им не виданную. Он столкнулся лицом к лицу с людьми, не преследующими своего интереса.

Разграничивать деловые и душевные мотивы, руководившие Симмонсом, не берусь, но свидетельствую: кроме профессиональной заинтересованности была у него и привязанность. Чем занимался он всю жизнь, к тому отношение у него было душевное. Толстой, Достоевский и Чехов, чьи биографии он написал, значили для него больше любых писателей. Нашим врагом он был без неприязни к нам, свойственной многим позднейшим зарубежным специалистам по России, неприязни и даже ненависти, составлявшей стимул их деятельности. Те принялись изучать нас на уничтожение, а Симмонс и не стремился сражаться с нами до победного конца, понимая, что оборотной стороной торжества будет уничтожение самой области, служившей ему полем деятельности. "Люди! Какие люди!" – он тоже мог считаться настроенным просоветски и даже прорусски, на взгляд тех, для кого нас как бы не существовало или (без "как бы") не должно было существовать.

Значительная часть трудов Симмонса находилась у нас в спецхране, или попала, как тогда говорили, "под гайку" – была припечатана шестигранным знаком запрета. На мировой арене из того же крамольного источника каждая из противоборствующих сторон извлекала свою выгоду. Борьба с буржуазной идеологией, сделавшись у нас профессией, велась так, что чем больше велась, тем больше буржуазная идеология к нам проникала, а за рубеж, как натуральный газ, нефть или сплавной лес, во всю меру наших запретов бесперебойно шло "сырье" для процветавшей там советологии. Чем упорнее у себя дома мы сдерживали самоочевидную мысль, тем большую разрушительную, направленную против нас самих, силу она обретала, и тем проще было, поймав ветер времени в свои паруса, взлететь на запретительной волне.

"Вы же сами делаете из них мучеников!" – говорил мне Симмонс в тоне упрека. Не склонный завышать достоинств даже "Доктора Живаго", он как бы оправдывался за несоблюдение критической требовательности. Как прикажете поступать советологам? Запрещая, преследуя кого попало, мы приговаривали к бессмертию (как выразился писатель-ветеран Вениамин Каверин), а нашим противникам оставалось лишь подписываться под нашим приговором, разве что меняя минус на плюс и возводя запрещенных в гении, таланты или хотя бы просто в писатели. Работы – непочатый край (и все оплачивалось): переправлять за кордон, переводить, публиковать, обсуждать, наконец, изучать осужденные и отвергнутые нами шедевры, хотя и несовершенные, зато крайне опасные.

Между тем Агитпроп, Главлит или Спецхран не идут по эффективности ни в какое сравнение с тем самоконтролем, какому подвергают себя люди Запада, они выполняют роль цензоров по отношению к самим себе, закрывая свое

сознание наглухо и не дожидаясь, когда это сделает правительство. "Мы наших людей в ГУЛАГ отправляем, чтобы они кое-чего не знали и поменьше читали, а у вас свободой пользуются, только бы не знать и не читать", – так, находясь за рубежом, сказал один наш видный политический деятель и хотя не повторил того же, вернувшись домой, но справедливость его слов не уменьшилась. Действительно нам не разрешали, и мы стремились узнать то, что нам не разрешали, а там просто не хотят знать, если нечто способно испортить настроение. Мы разоблачали Запад зачастую лишь потому, что не имели возможности заняться саморазоблачением, а советологи бросались разоблачать нас, избегая проблем домашних, неразрешимых настолько, что лучше о них и не думать. Не страшась властей и цензуры, там опасаются сослуживцев и соседей. У нас книги закрывали сверху, по решению Главлита, у них инициатива идет снизу: изымают и запрещают по требованию публики. Занятие советологией не только давало выход желчи, которую они изливали на нас, не желая или не имея возможности излить на самих себя, но и гарантировало работу, оплачиваемую настолько хорошо, что прекрасное состояние духа поддерживалось само собой.

Многолетние усилия Симмонса принесли плоды, когда он уже собрался уходить на пенсию. Мы, видя в нем опаснейшего врага, борьбу с ним считали первоочередной задачей, а в Америке на него как источник исходной идеи не считали нужным ссылаться. "Какой Симмонс?" – не веря ушам своим, слышал я от бывших его аспирантов, которые сделались профессорами на какой-либо из четырехсот кафедр русской и советской литературы, открывшихся согласно идее Симмонса в американских университетах. Кто послал к нам Симмонса, о нем помнили, но в академической среде США заслуги его не находили признания. Даже научный центр, им основанный, стал Институтом Гарримана. У американцев способ обретения бессмертия: платишь – получаешь, а финансировала это учреждение вдова бывшего посла в СССР. Все-таки деньги пошли на осуществление идей основателя. Начальник нашей идеологии Яковлев стажировался в Институте при Колумбийском университете еще в Симмонсовы времена, а в ноябре 1991 года, наведавшись в Гарримановский институт и выступив там с лекцией, пропел отходную коммунизму.

Именно А. Н. Яковлев, по рекомендации директора ИМЛИ Ф. Ф. Кузнецова, назначил меня главным редактором "Вопросов литературы", и я не смел бы высказываться о нем, если бы не выступил в его присутствии на совещании. Совещание проходило в разгар перестройки и гласности, участие принимали представители всех идейно-культурно-научных сил – историки, философы, директора издательств, редакторы и писатели. "Вместо одной псевдоверсии марксистско-ленинских воззрений нам теперь предлагают другую псевдоверсию тех же воззрений", – был мой тезис. Как иллюстрацию я использовал только что поставленную политическую пьесу Михаила Шатрова "Дальше, дальше, дальше...". Среди присутствующих находился автор пьесы, он, если не ошибаюсь, сидел рядом с Р. М. Горбачевой, тут же находились и другие идеологи перестройки, составляя своеобразный кортеж нашей "первой дамы". Сразу после меня Шатров взял слово и сказал: "Все, что говорил предшествующий оратор, конечно, чепуха". Этим утверждением по моему адресу мой оппонент и ограничился, не утруждая себя ни доводами, ни доказательствами. А после совещания Кузнецов, сидевший в президиуме рядом с Яковлевым, мне сообщил, что и Александр Николаевич высказался на мой счет. "Мы, кажется, поторопились с его назначением", – проворчал он на ухо Кузнецову. Директивное неудовольствие дает мне моральное право на критику в адрес нашего главного идеолога.

"Благодаря пребыванию Яковлева в Колумбийском университете оказалось возможным сопоставить наши взгляды", – сказано о стажировке Александра Николаевича на страницах вышедшего в США сборника статей о "культурной дипломатии"[1]. Большего не сказано – и я большего не скажу, хотя с редактором сборника был знаком, и мы не раз беседовали, но не говорили о политике, сферой его интересов являлись басни Лафонтена. Однако если учесть, что сборник посвящен успехам американской культурной дипломатии, то поворот во взглядах совершился в нужную американцам сторону: рухнул

1 См. The Fulbright Difference, 1942–1992. Eds. Richard Arndt and David Lee Rubin. New Brunswick: Transaction, 1993, p. 130.

подпиленный Яковлевым сук, на котором во древе нашей системы он сам же сидел, но колумбийский "стажер", как известно, не упал и даже не ушибся.

До самого последнего момента Александр Николаевич только и делал, что держал нас и не пущал. Даже на закате режима, когда бывший стажер Колумбийского университета, наш партийный кардинал уже приближался к тому, чтобы сказать: коммунизму конец – туда и дорога, даже тогда он настойчиво просил нас не позорить Коммунистической партии и при обличении партийцев ограничиться словом "преступник" без указания на партийную принадлежность закононарушителя. Вызывая нас, редакторов, на Старую площадь, товарищ Яковлев с укоризной во взоре из-под пушистых бровей через толстые очки и нотами упрека в густом голосе вопрошал: "Зачем упоминать, что преступник коммунист? Зачем?" Это допытывался человек, который членство в КПСС назовет цинизмом; о крахе воззрений, которые он же "развивал и обогащал", скажет нечто такое, о чем обычно говорят: "Как только язык повернулся!". Обращаясь к радушно, как своего, встретившим его сотрудникам Гарримановского института, Яковлев сказал: "Сегодня мир прощается с коммунизмом, системой теоретических воззрений и практических действий, о которой было бы глупо жалеть"[1]. Если бы основатель Института мог услышать яковлевскую речь, то, ценя свой вклад в создание учреждения, созданного ради подрывного изучения СССР, он бы счел себя вознагражденным, пожалуй, все же сверх всякой меры. Едва ли со времен евангельского Савла мир видел еще одно столь же внезапное и радикальное обращение. Ведь за разработку, то есть искажение и оглупление, именно тех самых воззрений новоявленный могильщик коммунизма был в свое время назначен в академики и множество лет как недремлющий идеологический надсмотрщик осуществлял строжайший надзор за приложением к практике все тех же им искаженных воззрений, по которым он отслужил заупокойную.

* * *

В жаркую пору холодной войны, когда к нам приехал Симмонс, я только начинал работать в ИМЛИ. Находился я на самой низшей ступени научной иерархии, делая рефераты для сотрудников более опытных, однако не владевших иностранными языками – несчастие поколения, отгороженного железным занавесом от остального мира. Редкостное учреждение, Институт мировой литературы, называли мировым, что на жаргоне еще времен войны означало лучше некуда: царствовал мир, всем хватало места – ортодоксам и диссидентам, столпы режима и сотрясатели основ уживались в тех же стенах. Наученный опытом отца[2] и деда[3], чьи служебные карьеры были искалечены доносами товарищей по работе, я Ученого секретаря Ушакова как-то спросил, что же, среди сотрудников вовсе нет склочников, и получил ответ: "Как же, есть, но мы не даем им головы поднять".

Сотрудники Института пользовались нашими рефератами, а также получали от нас устную информацию. Мы выступали перед ними с обзорами зарубежной печати. Среди наших слушателей находились вошедшие в историю инакомыслящие. Адресовались мы к таким исследователям литературы, как дочь Сталина Светлана Аллилуева и первый из нелегальных авторов Андрей Синявский, он же Абрам Терц. Светлана Иосифовна однажды задала мне вопрос: есть ли надежда на будущее – а изъяснялись мы с ней эзоповым язы-

---

[1] Alexander Yakovlev. Social Alternatives in the Twentieth Century, The Harriman Institute, Columbia University, 1992, p. 12. The Third Annual A. Harriman Lecture.

[2] Михаил Васильевич Урнов (1909–1994) – из семьи сельского учителя, литературовед, переводчик, редактор, профессор литературы. В 1940-х годах был исключен из Компартии и снят с работы в Издательстве иностранной литературы "за потерю политической бдительности".

[3] Борис Никитич Воробьев (1882–1966) – из рабочих, инженер-авиатор, историк воздухоплаванья, работал на первом русском авиационном заводе, участвовал в строительстве самолета "Россия-А", редактировал ранние русские периодические издания, посвященные проблемам летания, тогда же печатал Циолковского, состоял с ним в переписке, поддержал молодого Королева, преподавал историю авиации в Московском авиационном институте. В 1940-х годах он был объявлен лжеученым-космополитом.

ком, и мой ответ был: “Ни малейшей”. Слегка подавшись вперед, как обычно он делал, глядя на нас не косившим глазом, Андрей Донатович внимал нашим рассказам о том, что появился за рубежом некто печатающийся под псевдонимом “Абрам Терц”. Мы же понятия не имели о том, что Синявский слушал о самом себе, равно как впоследствии не могли и подумать, что испытания, которые он принял на себя, были согласованы с властями, что в затворничестве нашему бывшему слушателю позволили написать книгу в полемике с нашим общим представлением о Пушкине.

Работая над рефератами, я изгрызал чрево идеологического монстра изнутри. Согласно Герцену, поддерживал порядок *отрицательно*. Наиболее критические по нашему адресу пассажи старался передать как можно выразительнее, чтобы тем, кто собирался использовать мои тексты как снаряды в идеологической войне, нельзя было увернуться от самоочевидности. “Ответьте, почему у нас нельзя некоторые вещи назвать своими именами!” – как бы задавал я вопрос тем, кто в полемике с антисоветской пропагандой будут цитировать мои рефераты. “Душу отводите?” – спрашивала меня моя начальница, универсально образованная Диляра Гиреевна Жантиева. Из семьи по-европейски утонченных обрусевших кавказцев, она должна была бы погибнуть от рук тех или других, если бы “высовывалась”. Но держась низкого мнения о себе, она была до того скромна, что о ее существовании вспоминали лишь тогда, когда требовалось взяться за сложную, неблагодарную работу, не выполнимую, однако, без больших знаний. Тут и говорили: “А где Диляра?” Так Жантиева была поставлена заведовать реферативным отделом, то есть отвечать, как тогда отвечали – головой, за надежность нашей продукции: переводы сложных текстов на английском, испанском, немецком и французском, со всевозможными именами, названиями и цитатами из произведений, мало известных нашей научной общественности. Но “Диляра”, как хорошо понимало начальство, фактических ошибок не пропустит – “читает на всех языках и прочитала все на свете – ха-ха!”. А подготовленные под ее неусыпным оком реферативные материалы использовались кому как требовалось, с полнейшей уверенностью в их научной надежности.

Однажды вызвали нас в отдел кадров и велели ознакомиться с запиской. Адресован этот человеческий документ был дирекции, но сочли нужным дать его прочесть некоторым сотрудникам, в первую очередь референтам. Едва только заглянув в слегка измятую страницу из ученической тетради (для личных целей наша начальница избегала пользоваться писчей бумагой, которую выдавали на реферативный отдел), я напал на знакомый слог: “Имея в виду вышеизложенные обстоятельства, я постараюсь привести в исполнение принятое мной решение, а именно – пойти навстречу смерти...”. Жантиева лишила себя жизни, как потом оказалось, из-за ошибочного диагноза ракового заболевания. Она была одновременно боязлива и бесстрашна. Понимая, что, составляя свои рефераты с подтекстом, молодой нонконформист отводит душу, она качала головой, опасаясь, как бы чего не вышло, и все-таки визировала те же рефераты для распространения. Боялась воды и выбрала самый ужасный для нее способ уйти из жизни –утопиться. Предусмотрительно надев для тяжести зимнее пальто, она бросилась с моста в Яузу. Как знать, возможно, у нее в тот момент было то же самое выражение в глазах, какое я видел у нее, когда, пугливо оглядываясь по сторонам, она спрашивала: “Душу отводите?” – и ставила на реферате свою визу.

Выступая на конференции о мировом значении русской литературы с докладом о русско-английских литературных отношениях, сослался я на жантиевскую работу: в числе первых Д. Г. занялась этой проблемой. А фотограф Иванов Владимир Александрович, из архива, составлявший изобразительную летопись ИМЛИ, подошел ко мне и со вздохом сказал: “Вот умерла Диляра и забыли ее совсем” (был он лично несчастен и чужие беды принимал близко к сердцу). При жизни о ней, знавшей историю, философию, и, само собой разумеется, литературу на разных языках, вспоминали только когда требовалось исправить кем-то допущенные неточности.

На том же заседании наш фотомастер сделал снимок во время моего выступления, о чем не стал бы я упоминать, если бы фотограф не щелкнул затвором, чтобы запечатлеть иронию истории. Он увидел у меня в руках брошюру, которую некогда, выступая с той же самой трибуны, цитировал Александр Фадеев, однако выводы из того же источника делал противоположные. Это бы-

ла книжка академика Шишмарева об академике Веселовском, который заложил у нас основы сравнительного изучения национальных литератур. Однако не мировое значение нашей классики, нет, принижение наших классиков извлек Фадеев из той же книжки. Великие русские писатели завоевали мир, усвоив западный опыт, таков был вывод из брошюры, но тогда на выводы компаративистики было решено взглянуть иначе, почему решено, это еще надо выяснять. Так или иначе вывод был сочтен порочным и подвергнут принципиальной критике: наши писатели иностранные влияния, видите ли, испытывали! "Все началось с этой книжицы", – говорил глава советской литературы, обличая "безродный космополитизм" и потрясая карманного формата буклетом. Тут фотограф Иванов и щелкнул затвором, а как узрел ту же книжицу, но в ином контексте, так опять щелкнул.

Выступление Фадеева (согласно рассказу фотографа) слушал сочинитель вредной книжицы, тогдашний директор института, Владимир Федорович Шишмарев, рядом с ним – его жена (они так и жили в институте). Сидя прямо напротив оратора, в первом ряду, академик слушал адресованную ему инвективу молча, а супруга поражалась: "Какой красивый молодой человек! До чего же красивый молодой человек! Откуда же в нем столько ненависти?". Время смахнуло агрессию, снимок, сделанный Ивановым, отразил красоту: кажется, красавец поет кому-то хвалу. Украсил бы я этим снимком свой текст, но фотографа Иванова на свете тоже нет, а коллекция его в смутное время исчезла, кто-то сбыл на сторону, вполне возможно, что за границу. А мне ничего нагляднее не попадалось, что отражало бы суть судьбы Фадеева – исковерканной и погибшей незаурядности.

* * *

— А как насчет "нового человека"? — садясь в такси, спросил я у водителя.
— Это еще кто такой? — удивился таксист.

Эрнест Дж. Симмонс ("Новый человек" советского нового образца" — в сб. "Советский Союз меняется", Изд-во Университета Сев. Каролины, 1966, стр. 19)

"Это разведшик, идеологичешкий разведшик", – определил, пришептывая и назначая меня в помощники Симмонсу, Родионыч, заместитель директора. Директора приходили и уходили, а Владимир Родионович Щербина, донской казак и балтийский моряк, исполняя директорские обязанности иногда по несколько лет, оставался все на том же вторичном посту. Всех он видел, кого только мог повидать на своем веку наш человек, начавший путь матросом, а в итоге поднявшийся на мостик государственного корабля. Сказал Родионыч то, что сказал, спокойно, как если бы напоминал, какой сегодня день недели и который час. Говорил ровно и негромко, без раздражения и даже без какого бы то ни было выражения, будто говорил он это самому себе. Наш Родионыч руководствовался житейской мудростью, первая заповедь которой учила жить с людьми по-людски. Подобно врачу, который не может вылечить, но старается по крайней мере не навредить, он руководил без ража, без крайностей. У меня на глазах один иностранец попробовал сказать ему: "Ви сажьяли лудей..." – "В жизни никого не погубил!" – раненым быком взревел Родионыч. Это было не только правдой, но и нуждалось в оценке по достоинству, ведь не в стороне от кровавой мясорубки находился этот человек.

Теперь, слышал я стороной, в Институте говорят, будто о нем и вспомнить нечего. Это потому, насколько я могу судить, что нынешние люди несклонны в самом деле представить себе, что это была за эпоха модальности, проще говоря, обязательности, диктующей: или – или. Велика ли доблесть не донести? А вы слетайте на машине времени в ту эпоху и, если сумеете никого не подвести под монастырь и сами под монастырь не попадете, то, коли повезет вам и уцелеете, вернувшись, расскажете, как же вам это удалось.

Иностранными языками не владея, Родионыч понимал без перевода, чего хотят приезжавшие к нам из-за рубежа. И он прежде всего для себя хотел

уяснить, что же означает начавшееся сближение с Западом, в первую очередь с Америкой. "Ставку они делают на молодежь вроде тебя", – сказал он тем же тоном, как бы безучастным, и не в упрек мне. То была дефиниция, вроде той, что дал он Симмонсу. Вот разведчик, а вот...

У меня же и мысли не возникало о том, что американский ученый может заниматься некоей побочной деятельностью. Ведь у нас о таких литературоведах говорили с иронией – *в штатском*. Таких у нас в самом деле презирали или по меньшей мере чурались, держась от них в стороне. А мне Симмонс рассказывал о том, как слушал в Гарварде лекции Карповича, как в Париже встретился с Бальмонтом, как видел "Багровый остров" (о котором мы даже не слыхали), когда мы с ним были в Ясной Поляне, расплакался, приговаривая: "Эти русские люди! Какие люди!", а выступая в музее Достоевского, так разнес фрейдистов, формалистов и прочее немарксистское литературоведение, что сам Ермилов, Владимир Владимирович, впиваясь в него взором и выискивая больное или слабое место для контрудара, нашел излишним выходить на ринг. "Хитер!" – сказал В. В. Наш американский гость-противник, вместо того чтобы оказаться битым, сам себя побил *квантум сатис* –- предостаточно.

В то время как власти подозревали в нем политического лазутчика, мне Симмонс поведал, что его заветная мечта – установить интимные подробности из жизни Чехова. "У вас же нет биографии ни одного вашего классика", – говорил американец. Имел он в виду жизнеописания, которые Джордж Бернард Шоу, ставший объектом такой инвентаризации при жизни, сравнил с телефонной книгой. Такую биографию, чтобы факт из жизни писателя найти, следует не страницу за страницей читать, а сразу заглянуть в конец – в предметно-именной указатель, где все перечислено в алфавитном порядке с указанием страницы, где об этом прочесть. А... алкоголизм... антисемитизм... Б... болезни. На "П" уточняется, что пил. И с кем спал – на "С". У нас же биографии не показывают писателя как человека, ибо всякий человек – это человеческие слабости. А у нас – великие, но как бы и не люди. Да, великий человек и слаб иначе. Но как – иначе?

На очевидной неполноте наших биографических сочинений мы с американским биографом сошлись. Почему воспоминания Лидии Авиловой, влюбленной в Чехова (не без взаимности) опубликованы с купюрами? Симмонс спросил меня об этом в ту пору, когда в ИМЛИ и не приступали к ответу на вопрос о том, почему Чехов, объехав чуть ли не полсвета и думая ехать еще дальше, вдруг повернул домой. Все это наши сотрудники, как только возьмутся за издание сочинений Чехова, со временем узнают, но ничего такого не пожелает даже слышать наш академик-секретарь, не разрешит доискиваться причин преждевременного возвращения и своей рукой вычеркнет ночь любви, проведенную Чеховым на берегу Индийского океана, а затем запечатленную со всей живостью чеховским пером. Члены редколлегии будут его молить, будут просить оставить снятый текст в томе чеховской переписки, однако останется неприступен глава советского литературоведения. А что сказал бы шеф наш, Михаил Борисович Храпченко, который сам излишествам не предавался, курева не выносил, хмельного не терпел, и раз в жизни, занимая пост Председателя Комитета по делам искусств, запьянел в присутствии Сталина по требованию Берии, после чего тут же отключился, потеряв сознание, а когда пришел в себя, его бережно поддерживал Ворошилов – что бы Михаил Борисович сказал, услыхав рассуждения нашего первейшего идеологического врага?

"Если бы удалось мне увидеть рукопись Авиловой, я бы включил какие-то новые сведения во второе издание моей чеховской биографии", – говорил Симмонс. Авиловская рукопись хранилась не в ЦГАЛИ, а в ЦГАОР, не в литературном – государственном архиве, что придавало ей таинственности. Зачем скрывать признания "чайки"? Что требовало особой секретности в исповеди "попрыгуньи" или "душечки"? Почему была писателем отвергнута еще одна дама, пусть без собачки, зато с детьми? Бумаги на официальных бланках, просьбы, заверенные всеми подписями, все было сделано, что требовалось, чтобы наконец, в порядке исключения, наш враг был допущен к нашим тайнам.

В ожидании Симмонса, пока изучал он засекреченную рукопись, я стоял на Пироговской против угрюмого здания с узкими продолговатыми оконцами,

ибо и самый свет должен был проникать в это капище лишь в строго ограниченных пределах. Сиял веселый солнечный день, и по контрасту с полуденной яркостью исследователь, когда он наконец появился в заветных дверях на выходе, выглядел особенно мрачным. "Ничего там нет", – буркнул Симмонс. И пошли мы с ним, солнцем палимы. Вдруг, вспомнив что-то, американец спросил: "Куда это вы все предлагали пойти? В жизни на бегах не бывал!".

* * *

Ездить на класснейших лошадях, возле которых и постоять рядом не каждому доводится, предоставили мне возможность полную и даже дали бумагу, где говорилось "В любое время дня и суток (sic!)", но условием круглосуточного доступа в святая святых, на призовую конюшню была непричастность к азартной игре. Однако ради гостя пришлось сделать исключение, и выдающийся наездник, обрусевший грузин Костя оказался недоволен лишь тем, что с просьбой пометить в программе, на кого ставить, мы явились к нему прямо перед началом бегов. "Прыбыл, панымаэшь, в паслэдну мынуту! Развэ так сэрьезные дэла дэлаут?" – ворчал мой старший друг, а я сослался на неискушенность, вынужденную, в делах азарта. "Дэнги твой амэриканэц принэсет?" – задал мастер решающий вопрос. Я поручился за Симмонса. Тогда великий конник, несколько смягчившись, сказал: "Став на мэна". У нас это верняк в отличие от западных нравов, где признавать поражений не принято, поэтому всегда говорится "Первым буду я", а чаще всего получается – последним (проверено на опыте).

Мы поспешили в трибуны. Симмонс сделал ставку. Раздался звонок на старт. Пошли! Костя, конечно, был первым. Симмонс получил в кассе выигрыш, и едва только я сказал ему, что надо поделиться с наездником, он воспринял это как само собой разумеющееся, спросил: "Какой процент?" Процент его не удивил и даже вполне устроил. "Как у нас", – сказал он.

Грянул "Марш победителей", Костя триумфатором явился перед трибунами, публика возликовала, а сверху на беговую дорожку из гостевой ложи пала тень уникального уса. Ни с каким другим усом спутать было нельзя. Стоило только поднять голову и взглянуть на гостевую ложу: "С неба полуденного жара – не подступи! Конная Буденного..." И тут же азартная игра, как при буржуях. Радости Симмонса не было границ. "Есть куда поехать? С цыганами?" – после нашей удачи спросил он, вероятно, полагая, что время пошло вспять и уже пора гнать туда, куда некогда гнали в сходных обстоятельствах: "Эй, ямщик, гони-ка...". Но прежде надо было отдать деньги. Костя опять заворчал: "Пачэму мало?"

Мы же сделали всего одну ставку! "Нэ надо приэзжат в паслэдную минуту", – с укоризной сказал мастер, который, приди мы заблаговременно, готов был одолжить нас доверием полным на все заезды.

Закат пылал, беговой круг остывал от кипевших на нем страстей, посреди высокой травы, на противоположной прямой, словно черти на болоте (так они на фоне горящего небосвода выглядели), Симмонс с Костей делили выручку.

Цыган мы не нашли, зато ресторанный оркестр рванул рок-н-ролл, и публика, вскочившая как по команде из-за столов, устроила такой шабаш, что у Симмонса из разжавшихся зубов чуть было не выпала дымящаяся трубка, – до того широко раскрылся у него от удивления рот. Если приехал он выяснить, хотят ли советские люди новейшего образца плясать под их музыку, то представить себе такой готовности он не мог.

Симмонс чувствовал себя окунувшимся в нашу жизнь. Какие бы разговоры он прежде ни вел без моего посредничества, оставался советолог на обочине. Запросы у него, конечно, были скромные. Интимные подробности! Новый человек! Сравнить ли со скандальной ситуацией перестроечных времен: не старомодный, благорасположенный к русским, занятый тайнами из частной жизни наших классиков и взглядами наших таксистов на человека коммунистической эры, некогда находившийся на подозрении у Маккарти, ныне всеми у себя уже забытый Симмонс, нет, движимый идеей уничтожения СССР ненавистник был допущен к политическим архивам, каких мы сами и не мечтали на своем веку увидеть.

Допустила ненавистника сотрудница, завархивом, которая обычно спрашивала у меня источники английских цитат. "Ах, брось свое лекарство собакам!" (из "Ромео и Джульетты"). На общем собрании стали ее прорабатывать, и со слезами в голосе она вымолвила: "Разве допустила бы я такого читателя по своей воле?". Чья была воля, мы так и не узнали, да и не спрашивали. Но как же так – велят и... и прорабатывают? Левая рука не знала, что делала правая? Очевидно, в ту пору левая и правая тянули решительно в разные стороны.

Один из тех, кого допускали, когда нас придерживали, не только издал наши архивы, но уже выпустил и свои воспоминания о том, как ему это удалось. Тот ли самый был читатель или другой, не знаю, но ситуация сходная. Мемуарист, глава американского проекта по изданию советских партийных документов, поет хвалу А. Н. Яковлеву как "истинному интеллектуалу", который своей властной поддержкой обеспечил успех проекта[1]. Пущать чужих и держать своих, – чтобы такие жандармско-либеральные директивы безнаказанно давать, требовался, безусловно, интеллект самого высокого уровня.

Прибегая к дырявым, как решето, запретительным мерам, создавали мы прославляемых на Западе мучеников, а Симмонс, наблюдая наш недальновидный самоподрыв, пожимал плечами. Но чтобы антикоммунистическая политика проводилась коммунистической властью, – ситуация поставила бы корифея советологии в тупик. Слышал же я, как директор Гуверовского института революций и гражданских войн ответил, когда на последнем конгрессе советологов стали его тоже "прорабатывать", допытывать, как проглядел он грядущий крах СССР, и глава учреждения, изучавшего социальные перевороты, воскликнул в свое оправдание тоном нашей без вины виноватой сотрудницы: "Кто же мог предвидеть, что во главе Коммунистической партии встанет человек, который пойдет против своей партии?!"

* * *

По дороге в гостиницу мы возобновили разговор о биографическом жанре. "Почему, ну почему если писатель, то непременно должен вести порочный образ жизни?" – возмущалась, слушая нас, жена Симмонса. А супруг-биограф пояснил: "Это нормально". И надо было видеть взгляд, брошенный на мужа-пушкиниста мало видевшей в жизни супругой. Очутившись у нас, госпожа Симмонс то и дело повторяла: "В жизни никогда такого не видала!".

Из Америки профессор Симмонс мне прислал свои книги. Биографии Пушкина, Толстого и Чехова я получил беспрепятственно. Некоторые его труды, вроде "Введения в русский реализм", уже не говоря о "Зеркале советской литературы", осели в спецхране. Однако сборник со статьей, где была запечатлена беседа с водителем такси, уже не Главлит, а Симмонс не счел нужным мне посылать. Ученый подверг себя своей собственной цензуре и сам себя "закрыл", словно мне и знать не полагалось, что американский биограф великих русских писателей печатает работы, написанные на основе разговоров с московскими таксистами. Когда же сборник со статьей Симмонса попал мне в руки, я убедился – то был один из первых сигналов, насколько мы, по мнению экспертов и, прежде всего, составителя и редактора сборника, созрели для компромисса с Западом.

Услышал я от американца моих лет и такую историю, на фоне которой всплыл в памяти Родионыч, пришептывающий "разведшик". Оказывается, Симмонс вызывал его, моего американского сверстника, тогда аспиранта, в Посольство США, вызывал на проработку. В круг интересов и обязанностей видного ученого-руссиста и советолога, видно, входила не только полевая работа среди нашего населения, но и надзор за американскими стажерами. Младший коллега получил от Симмонса выволочку, за что обычно дают выволочку: занимался не тем, чем нужно – Пушкиным, а не тематикой, какой в то время, выходит, занимался сам Симмонс, вступая в контакт с таксистами.

---

5 См. Jonathan Brent. Inside the Stalin Archives. Discovering the New Russia, Atlas & Co, 2009.

* * *

“Такое яркое явление, как Эрнест Дж. Симмонс...”

Альберт Парри (Америка изучает русский. История преподавания русского языка и русской литературы в Соединенных Штатах. Издание Университета Сиракуз в штате Нью-Йорк, 1967, стр. 111)

“Что же это получается? Выходит, все *там* работали?” Таким вопросом задаются рецензенты ныне выходящих книг о вовлеченности западной интеллигенции в разведывательную деятельность. Что ж, была работа, а за работу платили. В труде “Холодная война на культурном фронте. ЦРУ в мире искусства и литературы”[1] я насчитал десяток людей, с которыми имел дело на основе наших совместных проектов. Некоторые из них были склонны нас третировать как ставленников советского режима, партийных пешек и клевретов КГБ. Иных уже нет, а другие отрицают свою причастность к той деятельности, за которую они получали деньги. Допустим, получали, но понятия не имели, что это за деньги, откуда поступают! Положим, знали, ну, и что из этого? Разве им приказывали думать или говорить так, а не иначе? За те же деньги они выражали сугубо свои взгляды и убеждения! Свои не свои, приказывали или нет, но как-то так получалось, что их независимые взгляды совпадали с государственной политикой страны, оплатившей поездку свободно мыслящих писателей, критиков и литературоведов в нашу страну, где они свои взгляды высказывали. А мы? Мы были мучимы сознанием своей несвободы.

“По-вашему, все советологи работают на ЦРУ?” – слышал я от людей, старавшихся превратить мою точку зрения в удобную мишень для нападок. Нет, это не “по-моему”. Это говорили сами же американцы, говорили открыто, хотя не так грубо и глупо. Изучать литературу? Какую? Русскую? Советскую? А... зачем? Мы занимались американской литературой “из любви”, у них изучение нашей литературы мотивировалось практически. Они слабо изучали нас до начала холодной войны и почти перестали изучать сразу после ее окончания. Как только закончилась идеологическая конфронтация, так закрылись издательства, что процветали, выпуская книги на русском языке. Зато времена противостояния явились золотым веком советологии и руссистики: за годы холодной войны успели выпустить тридцать пять томов энциклопедии нашей литературы, а закончили издание на исходе двадцатого века, выпустив шестьдесят томов.

Что уж говорить об идеологической бомбе замедленного действия, вроде Достоевского, к которому мы сами долгое время опасались прикасаться! А ведь печаталась не какая-нибудь грубая пропаганда. О, нет, зачем же? По рекомендации американских ученых шли потоком наши стихи и проза, лед и пламень. Добился этого, понятно, не один Симмонс. Он входил в мозговой трест того поколения советологов, которое сумело кому надо объяснить, что такое литература в СССР –сила, советские писатели – властители дум: найдите к ним подход, и страна будет в ваших руках. Поэтому Рейган, как приехал в Москву, так первым делом пошел не в ЦК, а в ЦДЛ, где он, правда, во время встречи с писателями заснул: об их желании, чтобы их поменьше прорабатывали, он уже слышал семь раз.

Число я узнал из первоисточника. С автором “Истории русской культуры” Сюзанной Мейси мы принимали участие в одном и том же школьном мероприятии на Лонг-Айленде. Сюзанна рассказывала, как она пробилась к президенту, чтобы объяснить ему, какие у нас замечательные люди (ссылок Сюзанна не делала, но мой внутренний голос крикнул: “Симмонс!”). Люди замечательные, у них режим плохой, следует вбивать клин между ними и властями, делая это через культуру. Рейган был настолько поражен рассказом, что просил Сюзанну это повторить и даже советников своих приглашал, чтобы и они послушали, так – семь раз, а в Москве сразу отправился к писателям.

---

1 Frances Stonor Saunders. The Cultural Cold War. The CIA and the World of Arts and Letters. New York: The New Press, 1999.

До поры до времени на слух практичных американцев идея Симмонса о значении литературы звучала столь же дико, как на слух нашего руководства сообщения о том, что советско-американские литературные мероприятия курирует Пентагон с ЦРУ. Мнения самых авторитетных профессоров не убедили бы американцев заняться русским языком и литературой. Поверили они таким экспертам, как Симмонс, не сразу, а лишь после того, как поступил довод с нашей стороны. Полетел спутник и напугал их. Напугал не спутник сам по себе – напугали носители, поднявшие нашего пискливого малютку в космос. "Откуда же у русских ракеты мощнее наших?" – стала с тревогой спрашивать Америка. Тут и пришла очередь советологов торжествовать: "Мы говорили – образованность! Народ читателей, и несмотря на бардак, когда за ум берется, чудеса творит". И был принят Оборонный Акт по Образованию. Взгляните на сочетание "оборонный" и "образование", и станет ясно, что было так трудно объяснить в свое время без того, чтобы не оказаться обвиненным в примитивной политизации: хлынул золотой дождь на все, что только ни было связано с нашей страной, от производства ракет, которые нацеливались в нашу сторону, до русского языка и литературы, которые стали изучать с той же целью, с какой строились ракеты.

"Так вы хотите сказать, что наши литературные проекты и звездные войны взаимосвязаны?" – настороженно спросил меня Г. П. Бердников, четвертый на моем веку директор ИМЛИ. Он прочитал черновик отчета о нашей совместной командировке в США. Вот что в самом деле я хотел сказать и написал, пользуясь американскими печатными источниками.

Согласно постановлению, принятому Конгрессом еще в 1957 году, американцы совместно с нами изучают Толстого, то есть под изучение, допустим, переписки Толстого с американцами отпущены деньги, и согласно тому же постановлению средства идут на космические исследования. Пусть расходы на Толстого и Марка Твена, вместе взятых, не сопоставимы с затратами на изготовление баллистических ракет, но расходы идут по одной и той же статье, оборонной. Уж как распределяются средства, по каким каналам растекаются, не наше дело заглядывать в чужой карман, но целевое назначение любых затрат одно и то же, военно-стратегическое.

Связь между изучением русско-американских литературных отношений и военно-промышленным комплексом иногда очевидна. В программе конференции по славистике, на которую мы были приглашены, значится, что субсидировалась конференция военно-воздушными силами США. Во время заседания нашей секции по литературоведению американские участники просили нас завершить обсуждение взаимоотношений Тургенева с Генри Джеймсом поскорее, им нужно было успеть на поезд из Нью-Йорка в Вашингтон. Отправлялись они в столицу, на площадь Лафайет (вроде нашей Старой и Красной площади), чтобы объяснить там кому следует значение науки о литературе в свете общеполитических задач. Откуда это известно? Наши идеологические противники сами сказали: "Едем на закрытое совещание о целях изучения вашей страны".

Из оборонных источников во имя оборонных целей субсидируется множество на вид мирных изданий, скажем, англо-русский словарь идиом, великолепный словарь. Субсидируются переводы, на которые едва ли стоило тратить деньги, набоковские переводы русской классики. Если судить по титульным листам, деньги на издание переводов шли от частных компаний, но что это были за частные компании, что они выпускали? На перевод "Евгения Онегина" Набоков деньги получал от Боллингена. Чем, кроме субсидий на переводы русской классики, занимается эта фирма? Крупнейшее военно-химическое предприятие[1]. Холодная война на культурном фронте ведется против нас нашей классикой. Снабжаемые иностранными издательствами американские спецслужбы распространяют (и все – задаром) поэзию и прозу Серебряного века. Желающим раздают американо-русские издания Ахматовой с Цветаевой и Гумилева с Мандельштамом. Наш гость, ныне уже покойный, Симмонс был в числе членов-учредителей редколлегии "Русской библиоте-

[1] Набоков чурался жениного родственника, подозреваемого им в некоей побочной деятельности, однако его собственный кузен Ник, второе по значению лицо в Комитете по делам искусств при ЦРУ, занимался распределением финансов на культурно-пропагадистские нужды. Перепадало ли брату-писателю из тех же щедро отпускаемых государственных средств? Это дело биографов выяснить, чего делать они не торопятся, хотя изучают бабочек, которых он ловил.

ки", где выходило в точности все то, чего мы не печатали. Положим, Симмонс, когда приехал к нам (свидетельствую), не слыхал об Андрее Платонове, но как только мы стали нашего забыто-замалчиваемого писателя переиздавать, однако все же *не полностью*, выпуск всего, что у нас не издавалось, превратился на Западе в целую платоновскую промышленность. Мы и слышать не хотим о Константине Леонтьеве — в США выходит сборник его статей, а основной его критический опус "Анализ, стиль и веяние" печатается прямо по-русски с американским аппаратом. Что им Леонтьев, презиравший людей Запада как убогих мещан? Взятый им у Герцена тезис о "последнем слове" Европы, выродившейся до посредственности, они, понятно, разрабатывать не будут, как со своей стороны мы особенно не напирали на социализм, который, согласно тому же Герцену, "выродится до нелепости". Однако они будут печатать Леонтьева постольку, поскольку мы его не печатаем. Что им Розанов с его изворотливым антисемитизмом? А то, что он замалчивается у нас. Поэтому книги Розанова переводятся или же прямо на языке оригинала печатаются в США. Список изданий, выпускаемых за рубежом по разделу руссистики, свидетельствует, кого и когда там издают — того и тогда, кого и когда мы не считаем нужным издать. Едва мы умалчиваем, по нашим "белым пятнам" начинают бить прямой наводкой, работает промышленность, выпускающая валовую продукцию, как военно-промышленный комплекс, на те же средства.

"Знаешь что? — сказал Бердников, переходя на "ты", чтобы поделиться со мной чем-то задушевным. — Давай лучше вычеркнем все это". Участник боев подо Мгой, советник правительства, наш человек, смотревший в глаза смерти и знавший, что такое отвечать за каждое слово головой, ведущий советский участник холодной войны, принял решение не называть вещи своими именами. Литературный консультант нашего политического руководства велел мне вычеркнуть из нашего отчета самую политическую суть того, что мы видели своими глазами и слышали своими ушами. Он же отказался осматривать книжную выставку в Нью-Йорке, посвященную советологии. А там только на русском языке свою продукцию демонстрировали семнадцать иностранных издательств. Размещалась выставка в гостинице, которой теперь нет, между двумя уже не существующими башнями Центра мировой торговли. Вышли мы из залов, забитых книгами по нашей истории, экономике, политике, литературе, и глава исследовательского центра, в котором высококвалифицированные специалисты изучали предания всех времен и народов, угрюмо глядя на меня, спросил: "Кто-нибудь у нас имеет хоть какое-то представление обо всем этом?" Что на это скажешь? Да и не требовалось ответа. "Пошли отсюда", — дал мне приказ наш многоопытный директор, и пошли мы с книжной выставки. При этом участник Мировой войны выглядел так мрачно, будто на него смотрели пушечные жерла. Мощная международная книжная батарея была нацелена на ту щель, которую в нашем культурном пространстве некогда обнаружил профессор Симмонс — между литературой в СССР и советской идеологией. Щель была размером с пробоину в стене того сарая, откуда у Марка Твена был украден белый слон, но, как известно, слона увели, по мнению всевидящих сыщиков, не через пробоину, а сквозь какое-то другое отверстие, обнаружить которое так и не удалось. А мы не хотели замечать той же щели, будто ее и не было, либо прибегали к бьющим мимо цели дисциплинарно-полицейским мерам. Зато очень тщательно, под руководством специалистов от литературы, в нее всматривались из-за океана.

Верны ли были их наблюдения? Тонки ли суждения? Выдумывал бы я, а не вспоминал, если бы не признал, что многое у зарубежных литературоведов, а также историков, явилось для меня откровением. В свое оправдание спрошу: а сколько у нас замалчивалось и лишь под "гайкой" у советологов можно было найти хоть какой-то, а все-таки ответ? Шедшие от них сведения были-таки сведениями, и примеров тому нет числа. У нас чуть ли не треть всех книг находилась в спецхране. Закрыто и замолчано. Не было статей ни о Троцком, ни о Бухарине — в какой книге? В Энциклопедии Великой Октябрьской Социалистической революции, где я даже собственного деда-эсера обнаружил[1]. Многих советологов я знал — чуть ли не всю профессию. Не боги в

[1] Василий Ефимович Урнов (1883—1957) — из крестьян, окончил Народный университет им. Шанявского с дипломом по истории и экономике, в мае—октябре 1917 года был председателем Московского Совета солдатских депутатов, в 20-х годах как экономист-кооператор работал в Центросоюзе, подвергся чистке и стал лишенцем.

Америке наши горшки обжигали, это было очевидно. Попадались среди них неумные и нечестные люди (где таких нет?), но у всех у них имелось преимущество перед нами, которое мы им сами же и предоставили —занимались они тем, к чему мы сами не смели прикасаться или же прикасались так, что уж лучше не надо. Вышла американская история ЦРУ, из которой следует, что на протяжении холодной войны американское разведывательное ведомство тем только и занималось, что делало глупости. Очевидно, раз мы проиграли, мы делали еще больше глупостей. Источником американских глупостей, согласно автору, служила неосведомленность и просто-напросто невежество. А наша наибольшая глупость, насколько я могу судить в пределах своего служебного кругозора, заключалась в неиспользовании знаний. Что ни возьми, наши специалисты знали не только больше кого бы то ни было, они тоньше понимали любую из подобных проблем, но их осведомленность и понимание оставались втуне, на дискуссионную арену выходили они как бы поглупев. Советологи могли быть пристрастны и просто примитивны, но искали, находили, всматривались и видели у нас, что им было нужно усмотреть. Путем избирательного внимания к нашим писателям всматривались они в эту самую, замеченную Симмонсом щель, и как ломиком орудовала целая армия славистов, руссистов, советологов, постепенно эту щель увеличивая, пока наконец не рухнула вся постройка. Огромные силы были вовлечены в этот процесс. Оказались, как говорится, задействованы всевозможные организации и, конечно, гигантские деньги. Финансирование связывало и объединяло все эти силы. Безграничные средства отпускались на поддержку протеста, оппозиции, освободительных движений, свободы творчества и борьбы за права. Изучение этих операций только начинается, но именно потому, что все связано с деньгами, уже первые опыты показывают, что можно проследить чуть ли не по ведомостями — кто и сколько получал.

Открывшимися по ходу холодной войны финансово-практическими возможностями наши противники пользовались и охотно брали на себя исполнение миссии, литературоведам не свойственной. Щербина, языков не зная, пускал в ход грубые определения, как “разведчик” и даже “шпион”. Политический стратег — вот как назывались, чтобы они себя чувствовали комфортно, ученые, чьими консультациями пользовались разведывательные органы. Симмонс до этого звания не дослужился или же просто не дожил до времени, когда звания ввели. Зато друг его Исайя Берлин не только числился стратегом (согласно книге “Холодная война на культурном фронте”, стр. 12—273), он на практике подтвердил важнейшее открытие советологии о возможности использовать литературу в политических целях: стоит только обратить особое внимание на кого-то из советских писателей, и воспоследует обостренная реакция властей, что с началом холодной войны он и проделал, пойдя с В. Н. Орловым к Анне Ахматовой, о чем написал досье, из которого следует: пора браться за литературу.

А мои литературные начальники требовали от меня вычеркивать малейшее подобие того, что могло выглядеть не нашим делом. Бердников велел суть отчета вычеркнуть, чем и ограничился, а мотивы сокращений, прочитав черновик, открыл мне Родионыч. “Зачем вы толкаете нас в объятия КГБ?” — перейдя вдруг на обращение официальное, но, как всегда, спокойно и миролюбиво, упрекнул меня видавший виды заместитель всех директоров. Пока приходил я в себя после ошеломляющего упрека, Родионыч, пришептывая, продиктовал, что, вместо моего абзаца, следует написать, и звучит в памяти незабываемый голос времени: “Вооружшенные передовой маркшиштко-лениншкой методологией, советшкие литературоведы в ходе оштрой дискуссии ш нашими идеологичешкими противниками неуклонно проводили линию на укрепление мешшдународной разрядки во имя мирного сосушшествования между нашими штранами и торшшества коммуништичешких идей”.

Узнав, что славистика находится под крылом у военно-воздушных сил, ветераны Второй Мировой, мои начальники, — струсили? Страшила их необходимость сообщать куда следует, а там спасибо скажут, но из объятий своих не выпустят, и будешь ходить в штатском. Ладно, не будем бросаться в цепкие объятия Лубянки, но разве лишь на этой площади интересуются называнием вещей своими именами? А почему же на Старой площади этим не интересуются? Желая дать мне представление о том, что происходит на Старой площади, мой начальник, консультант правительства, придал своему лицу

выражение морды Молоха, сделав наглядным, как злое божество пожирает свои жертвы живьем.

Спустя некоторое время после того, как был вычеркнут из нашего черновика мой абзац, директор вдруг вызвал меня и велел: “Восстанови! Сотрудник у соседей арестован как шпион”. Соседями нашими, через дорогу за углом, был еще один исследовательский институт. Восстановить всего несколько строк было недолго, но — поздно. Тот же сотрудник, американист, сопровождавший Ельцина в США, успел стать героем дня и, давая телевизионное интервью, в ответ на вопрос, зачем еще только будущий глава нашего правительства уже успел съездить за океан на поклон в Белый Дом, ответил: “Соединенные Штаты координируют процесс демократизации в мире”.

ВАЛЕНТИН ГАВРИЛОВ

УГРОЗА ГИБЕЛИ “ЭКОЛОГИИ КУЛЬТУРЫ”
Проблемы музея-заповедника С. А. Есенина

В пятидесятые годы XX века в СССР было снято табу с поэзии С. А. Есенина и его имени. В 1965 году в селе Константиново, на родине поэта, создается музей, который разместился в родительской усадьбе поэта и включил в себя дом и все постройки. Для сестер Есениных рядом был построен новый дом.

В 1984 году музей был преобразован в Государственный музей-заповедник С. А. Есенина, в состав которого вошли территории Казанской церкви, земской школы, усадьбы И. Я. Смирнова, барской усадьбы и усадьбы Минакова и Дорожкиных, а также филиал музея в Спас-Клепиках. Были определены основные охранные зоны и зоны регулируемой застройки.

В 1976 году по рекомендации Министерства культуры РСФСР авторский коллектив архитекторов и художников из Ленинграда был приглашен первым директором музея В. И. Астаховым в Константиново для создания литературной экспозиции в барском доме, который тогда еще не был реставрирован. После предварительного изучения объекта стало ясно, какие большие разрушения претерпел к этому времени уникальный архитектурно-ландшафтный исторический и культурный комплекс. Воссоздание и развитие этого комплекса и создание экспозиционной структуры могло быть осуществлено только на основе разработки Генерального плана музеефикации и комплексного архитектурно-художественного решения территории, зданий, интерьеров и экспозиций.

Такой план, как единая программа комплексных поэтапных оптимальных работ по воссозданию ландшафта, реконструкции и реставрации зданий-памятников, предусматривал создание экспозиционной структуры в единстве с интерьерами и экстерьером, строительство необходимых новых зданий и благоустройство территорий, а также необходимые инженерные работы для обеспечения функции современного музейного комплекса в целостном архитектурном ансамбле.

Основой генерального плана музеефикации заповедника С. А. Есенина стал тщательный архитектурный анализ всего музейного комплекса, изучение традиций, истории и культуры данного региона. При этом были также изучены: проектные материалы по воссозданию барской усадьбы, территории Казанской церкви и филиала в Спас-Клепиках, разработанные в московском институте “Леспроект” под руководством замечательного специалиста

В. А. ГАВРИЛОВ — заслуженный архитектор Российской Федерации, член-корреспондент Академии архитектурного наследия. Ветеран Великой Отечественной войны.

В. А. Агальцовой; схема развития государственного музея-заповедника С. А. Есенина, созданная в Москве в институте "Спецпроектреставрация" под руководством известного архитектора В. Ю. Кеслера. Это позволило понять существующую здесь экологию культуры, характерную для этого уникального края России, и разработать оптимальную программу воссоздания и развития комплекса как современного литературно-мемориального и природного музея-заповедника С. А. Есенина.

* * *

Село Константиново расположено вдоль высокого правого берега реки Оки, обращенного на север и изрезанного безлесными оврагами, спускающимися к реке. С высокого правого берега открывается величественная панорама лежащей за рекой знаменитой Мещеры с заливными лугами, лесами, старицами и озерами.

Константиново всегда было неразрывно связано с Окой. Через каждые пять домов устраивались пожарные водоемы с проездами в сторону реки. За рекой на заливных лугах содержался скот, была паромная переправа через судоходную реку. Чуть ниже по течению у села Кузьминское в начале XX века построены плотина, шлюз и электростанция.

Главным архитектурным комплексом села являлась находящаяся в его центре, между улицей и рекой, барская усадьба с Казанской церковью, сооруженные владельцем, известным екатерининским вельможей – князем А. М. Голицыным в конце XVIII в. В начале XIX века домовая церковь стала приходской, затем к ней были пристроены трапезная и колокольня. Церковь построена по проекту великого русского архитектора И. Е. Старова – замечательный памятник архитектуры XVIII века. В 1911 году хозяйкой усадьбы стала Л. И. Кашина. В это время полностью сложился ансамбль с парком, хозяйственными постройками и окружающим ландшафтом.

В конце XIX века дед Есенина Никита Осипович мудро определил место для своего дома – построил его точно напротив колокольни замечательного храма. Далее располагалась усадьба И. Я. Смирнова, который оказал большое влияние на воспитание и судьбу С. А. Есенина.

Уже в начале XIX века в каждом селе рядом с церковью стояли дома священнослужителей: священника, дьякона, дьячка, псаломщика. Они представляли собой небольшой поселок, который так и называли – "Поповка". Таким образом, в конце XIX века в Константиново сложился замечательный сельский архитектурный ансамбль, который включал храм, часовню, земскую школу, усадьбу И. Я. Смирнова, входящую в структуру застройки "Поповка", и расположенную напротив храма усадьбу Есениных. При этом перспективу сельской площади органично завершало здание земской школы, – бревенчатое, с большими окнами классов, раскрытыми на восток и запад.

Из трех окон бревенчатого родительского дома раскрывался великолепный вид прямо на колокольню и дом священника. Находясь в родительском доме, можно представить, как маленький мальчик Сережа впервые подошел к окну и увидел в деревянной оправе оконной рамы красивейший храм и замечательную природу. Далее за храмом на краю оврага находилась часовня, откуда открывался вид на Оку и бесконечность Мещеры.

Княжеская усадьба создана в соответствии с принципами организации пейзажных английских парков, воспетыми знаменитым Жаком Делилем в книге "Сады", которая пользовалась огромной популярностью во властных элитах Европы и России в конце XVIII в. Чрезвычайно интересна хозяйственная зона усадьбы, где расположен каретный сарай, первый барский дом (возможно, это был гостевой дом, характерный для барских усадеб конца XVIII – начала XIX века), оранжерея и другие сооружения.

Таким образом, к началу XX века окончательно сформировался архитектурно-ландшафтный ансамбль села Константиново, который имел огромное влияние на формирование творчества и личности С. А. Есенина.

Именно этот уникальный ансамбль, созданный гением предков, был разрушен к 70-м годам XX века. Сначала были уничтожены колокольня и часовня, разрушены интерьеры и фасады Казанской церкви, снесено здание земской школы, практически уничтожена усадьба: посадки деревьев, пруды, хо-

зяйственные постройки, которые были в едином ландшафтно-архитектурном комплексе. Значительные разрушения и изменения претерпел барский дом.

В 1969 году, когда первым секретарем Рязанского обкома партии был Приезжев, при создании музея "случайные убийцы" экологии культуры отделили половину территории бывшего уникального ансамбля барской усадьбы и соорудили здесь 2-этажный типовой клуб, гостиницу, трансформаторную подстанцию и большую котельную с высокой кирпичной трубой перед барским домом. Рядом был построен ресторан в стиле "большая русская изба" и кафе, которые принадлежали райпотребсоюзу. Все эти сооружения перекрыли перспективу на реку и отгородили пространство усадьбы от реки, уничтожив весь замысел гениальных создателей экологии культуры прошлого.

Там, где в центре архитектурного ансамбля усадьбы XVIII–XIX веков находился перед домом яблоневый сад на склоне и родник, были устроены канализационные отстойники и слив потока воды с больших асфальтированных территорий и сельской площади. Поток до сих пор разрушает овраг перед барским домом, подвергая значительной опасности расположенные здесь здания. На сельской площади во въездной зоне были построены два типовых магазина и автобусная остановка.

Перспективу площади в сторону дома Есениных перекрыли поперек посадкой высоких деревьев, поэтому посетители шли сначала в клуб, а затем "окольными тропами" через разрушенную усадьбу, мимо "незатейливого" общественного туалета, пробирались к дому поэта.

В завершение этого разрушительного процесса, вне всякой связи с историческим ансамблем на территории усадьбы на фоне громадной трубы котельной был поставлен памятник поэту, который окончательно узаконил это безобразие. Убийцам экологии культуры казалось, что теперь осталось только в барском доме создать литературную экспозицию (фотографии этой экспозиции нами сохранены). От того села Константиново, в котором родился С. А. Есенин, практически ничего подлинного не осталось.

Дмитрий Сергеевич Лихачев в 1985 году в работе "Экология культуры" пишет: "...Кто же эти люди, убивающие живое прошлое, которое является и нашим настоящим, ибо культура не умирает? Иногда это сами архитекторы – из тех, которым хочется поставить свое "творение" в выигрышном месте. Иногда же это совсем случайные люди, а в этом случае виноваты мы все. Мы должны подумать о том, чтобы таких "случайных убийц" не было..." И далее – "...Даже сами реставраторы, руководствуясь своими собственными, недостаточно проверенными теориями или современными представлениями о красоте, становятся в большей мере разрушителями памятников прошлого, чем их охранителями. Уничтожают памятники и градостроители – особенно если они не имеют четких и полных исторических знаний..."

* * *

На основе тщательного архитектурного анализа Творческой архитектурной мастерской В. А. Гаврилова в Ленинграде в 1985 году был выполнен Генеральный план музеефикации и комплексного архитектурно-художественного решения территорий, зданий, интерьеров и экспозиций, которым была определена программа перспективной поэтапной реконструкции и развития мемориала в с. Константиново как современного музейно-культурного центра мирового класса.

Разработка "Генплана музеефикации" велась изначально в тесном творческом контакте с директором заповедника В. И. Астаховым и заместителем по науке К. П. Воронцовым. При создании структуры экспозиций заповедника и их воплощении активно участвовали ведущие специалисты Государственного Литературного музея Н. В. Шахалова, Е. Д. Михайлова, Н. В. Виноградова и сотрудники музея-заповедника С. А. Есенина.

Все проекты рассматривались в Министерстве культуры с участием ведущих специалистов по изучению жизни и творчества С. А. Есенина, в том числе Ю. Л. Прокушева.

В 1985 году к 90-летию поэта в Константиново в храме, который тогда принадлежал музею, была создана большая экспозиция – "Генеральный план музеефикации заповедника". В центре зала находился большой макет села Константиново, который показывал, каким оно было во времена С. А. Есенина. Эта

экспозиция была представлена широкой общественности и получила полное одобрение. К юбилею в 1985 году тот же творческий коллектив успешно выполнил большой объем работ по развитию музейного комплекса в Спас-Клепиках, где были воссозданы здания школы грамоты и церковно-учительской второклассной школы, в которой учился Сергей Есенин. Эта экспозиция была торжественно открыта в 1985 году и также получила одобрение общественности.

Одновременно в 1985 году была подготовлена программа перспективного развития музея-заповедника по определенным зонам до 2000 года, в которой было обосновано:

1) Создание Научно-культурного центра музея в здании клуба с его реконструкцией и организацией литературной экспозиции.

2) Восстановление границы барской усадьбы для воссоздания уникальной исторической планировочной структуры усадьбы.

3) Перенос памятника С. А. Есенина, поставленного в "случайном месте" барской усадьбы, в Рязань.

4) Реконструкция барского дома и создание экспозиции "Всю душу выплесну в слова". (Впоследствии название экспозиции – "Музей одной поэмы".)

5) Реконструкция административного здания.

6) Снос котельной.

7) Перенос трансформаторной.

8) Воссоздание каретного сарая. Организация этнографической экспозиции и экспозиции "Народные истоки творчества С. А. Есенина".

9) Воссоздание первого барского дома (гостевого дома). Создание в нем современного фондохранилища.

10) Воссоздание части хозяйственных построек.

11) Перенос очистных сооружений с территории барской усадьбы.

12) Воссоздание структуры барской усадьбы в соответствии с разработками института "Леспроект".

13) Воссоздание земской школы с размещением экспозиции.

14) Воссоздание усадьбы Смирнова, организация экспозиции.

15) Реконструкция дома Минаковых с созданием экспозиции.

16) Организация территорий, прилегающих к ресторану с северо-востока.

17) Реконструкция въездной торговой зоны с созданием Выставочно-торгового центра.

18) Определение границ межевания.

19) Создание проекта регламента застройки в охранных зонах музея-заповедника.

20) В филиале музея в Спас-Клепиках восстановление объемов здания церковно-учительской второклассной школы, завершение экспозиции и создание современного музейно-образовательного центра

По предложению архитектора Гаврилова В. А. и заместителя по науке музея Воронцова К. П. в начале 90-х годов председатель Рязанского облисполкома В. В. Калашников помог передать храм епархии. Музею было передано здание гостиницы и сельского клуба, где был организован Научно-культурный центр. В этом здании тем же авторским коллективом была создана литературная экспозиция.

Она определяла всю структуру последующих экспозиций, которые должны поэтапно создаваться в мемориальных зданиях – в земской школе после ее воссоздания, барском доме после реконструкции, в усадьбе Смирнова и Минакова, после их восстановления.

Изначально было определено, что литературная экспозиция будет корректироваться с течением времени по мере создания перечисленных экспозиций.

Были определены также принципы развития всех зон музея-заповедника и в том числе въездной зоны.

* * *

Решительный поворот в судьбе заповедника произошел в 1995 году, когда всенародно праздновалось 100-летие со дня рождения С. А. Есенина. Тогда Правительственная комиссия по подготовке и проведению празднования юбилея поэта и администрация Рязанской области во главе с губернатором

В. К. Меркуловым приняли решение выполнить в кратчайшие сроки (6 месяцев) большой объем работ по воссозданию и развитию музейного комплекса в селе Константиново в соответствии с генпланом музеефикации.

Были, в основном, восстановлены границы и структура барской усадьбы, реконструирован барский дом, демонтирована котельная, реконструировано здание клуба, фасады которого изменены и "нивелированы" в существующий ландшафт, созданы новые интерьеры для размещения научно-культурного центра. Частично проведено благоустройство территории барской усадьбы, улиц и сельской площади, где была воссоздана земская школа. При воссоздании исторической территории усадьбы был демонтирован памятник С. А. Есенину, стоявший ранее на фоне котельной. Этот памятник перенесен в Рязань и занял там достойное место. Благоустроена улица, идущая от сельского кладбища к храму, который еще до юбилея стал действующим. Кроме того, в кратчайшие сроки был создан Выставочно-торговый центр музея. Большой объем работ был выполнен творческой архитектурной мастерской без оплаты, как дар музею-заповеднику С. А. Есенина к 100-летию со дня рождения великого русского поэта.

Российский организационный комитет всецело поддержал наши предложения по основным направлениям перспективного развития музея-заповедника С. А. Есенина.

В документе было предложено решить 3 главные проблемы:

1. Реорганизовать государственный музей-заповедник С. А. Есенина в государственный литературно-мемориальный и природный музей-заповедник С. А. Есенина.

2. Рассмотреть график выполнения работ по генеральному плану музеефикации и комплексного архитектурно-художественного решения литературно-мемориального и природного музея – заповедника С. А. Есенина на 1996–2000 гг. Составители: руководитель персональной творческой архитектурной мастерской Санкт-Петербургской организации Союза архитекторов России В. А. Гаврилов и заместитель председателя комитета по вопросам культуры и искусства администрации Рязанской области – В. Н. Карцев.

3. Установить границы государственного литературно-мемориального и природного музея–заповедника С. А. Есенина (разработчики: институт "Спецпроектреставрация" Министерства культуры РФ, архитектурно-реставрационная мастерская №2, руководитель В. Ю. Кеслер, главный архитектор Н. Л. Заонегина).

Администрация Рязанской области совместно с Министерством культуры РФ подготовили проект правительственного постановления об утверждении границ территории Государственного литературно-мемориального и природного музея-заповедника С. А. Есенина. В границы территории, составляющей 37,7 тысячи гектара, должны войти, помимо собственно села Константиново, все памятники и памятные места, связанные с жизнью и творчеством С. А. Есенина на Рязанской земле – исторические села: Федякино, Кузьминское, Новоселки, Раменская роща, старые трассы дорог на станцию Дивово, в Богословский монастырь и Солотчу, объединенные неповторимым природным ландшафтом.

Кроме того, для дальнейшего развития музейно-экскурсионной деятельности заповеднику в бессрочное и безвозмездное пользование предполагалось передать 576 гектаров территории, непосредственно примыкающей к существующим музейным объектам в селе Константиново.

После проведения в 1995 г. мероприятий, посвященных празднованию 100-летия С. А. Есенина, в соответствии с утвержденным графиком выполнения работ по генеральному плану музеефикации, было составлено задание на проектирование – "Разработка комплексной архитектурно-художественной концепции реконструкции и развития хозяйственной зоны барской усадьбы, научно-культурного центра, усадьбы Минакова с прилегающими постройками, зоны ресторана и открытой эстрады".

* * *

После 1995 года жизнь в музее била ключом, посещаемость его значительно увеличилась. В музей стали приезжать известные бизнесмены, деятели культуры, руководители страны, иностранные гости. Увеличился бюджет

музея. Казалось, всё это позволит последовательно осуществить все этапы Генерального плана музеефикации.

Увы, вскоре всё пошло не так.

...С 1996-го по 2006 год в течение 10 лет музеем руководили директор З. М. Дикун и главный бухгалтер Н. С. Сидорова, которые сделали все, чтобы отстранить от дальнейших работ и авторского надзора в соответствии с генеральным планом музеефикации создателей этого проекта – ООО ТАМ Гаврилова В. А. и Государственный литературный музей, сотрудники которого также являются авторами созданной единой структуры экспозиции в Константиново и Спас-Клепиках.

Дирекции музея было выгодно разбазаривать деньги бюджета через "карманных" проектировщиков, реставраторов, строителей и дизайнеров. После 1995 года в течение 10 лет ни один проект этих "проектировщиков с большой дороги" не был согласован с авторами генерального плана музеефикации, так как они понимали, что эти безграмотные работы нами согласованы не будут.

Для того чтобы легализовать разбазаривание средств и всю деятельность по уничтожению "экологии культуры" заповедника, был создан огромный Ученый совет, который собирался в любом нужном для дирекции составе. В то же время в этот Ученый совет дирекции пришлось включить С. П. Есенину, племянницу С. А. Есенина, главного хранителя музея С. А. Есенина в Москве, замдиректора Государственного литературного музея Михайлову Е. Д. и меня как руководителя творческой архитектурной мастерской. Эти специалисты успешно выполняли работы для музея с 1976 по 1995 год. Но с 1996 года по 2006 год нас ни разу не приглашали на заседания Ученого совета, на которых решались принципиальные вопросы развития музея-заповедника.

За 10 лет бесконтрольной деятельности все архитектурно-строительные и художественные работы по благоустройству территории, реставрации, реконструкции, новому строительству и корректировке экспозиции в Константиново и Спас-Клепиках были сделаны *вопреки генеральному плану музеефикации заповедника* с нарушением авторских прав. Ни один из пунктов программы перспективного развития музея-заповедника, принятых в 1995 году, выполнен не был.

В итоге эта бесконтрольная деятельность администрации музея с 1996-го по 2006 г. привела к грубейшим нарушениям экологии культуры заповедника.

В 2001 году чрезвычайная ситуация возникла в связи со строительством новой дороги и организации въезда в село с южной стороны. Ввод новой оживленной трассы в село с западной стороны от сельского кладбища привел бы практически к уничтожению экологии культуры в центральной охранной зоне заповедника.

Авторам проекта музеефикации по своей инициативе с большим трудом удалось изменить в последний момент направление новой строящейся трассы при въезде в село и провести его с восточной стороны от сельского кладбища на незастроенную территорию, примыкающую к существующей издавна въездной зоне в центр села.

Во въездной зоне по проекту некой фирмы "Лантерна" было построено большое здание гаража, которое визуально перекрывает перспективу на храм, усадьбу Есениных и сельскую застройку в центральной охранной зоне заповедника. Строительство проведено вопреки генплану музеефикации.

Скоропалительно была сооружена "Опереточная часовня" с произвольными пропорциями "по воспоминаниям". Сейчас она никак не украшает подход к замечательному храму и усадьбе Есениных.

Вершиной безобразия является проект воссоздания "дома И. Я. Смирнова", построенного также по проекту фирмы "Лантерна". Этот дом теперь не имеет ничего общего с подлинником, что хорошо видно на старых фотографиях. Полностью нарушена планировка, размеры и характер фасадов здания. Сейчас "дом Смирнова" визуально убивает дом Есениных и весь ансамбль застройки в самой святой зоне заповедника.

Сегодня уже нет фирмы "Лантерна" и нет той администрации музея, которая согласовала вместе с Ученым советом музея этот проект. Но безобразия, уничтожающие "экологию культуры" заповедника, остаются, и никто за это не отвечает.

А вот еще один уродующий "новодел". Построена огромная ограда вокруг церкви, которая перекрыла фасад замечательного храма и полностью вид из

окон церкви на окружающий ландшафт. Объяснение "в духе времени": чем выше ограда, тем больше стоит "реставрация". Внутри за огромной оградой вокруг храма сейчас подсобные строения и "зеленый туалет" у главного входа. Раньше, в начале XX века подсобные строения церкви были расположены на усадьбе И. Я. Смирнова и в застройке "Поповки". Сейчас у главного входа в храм практически всегда стоят машины.

Все "новоделы" в этой зоне созданы по "воспоминаниям" точно так же, как и здание земской школы, которое принципиально отлично от оригинала, что ясно видно на старых фотографиях. Сколько же денег потрачено! И всё против логики, против ранее утвержденных планов!

Вопреки генплану музеефикации и программе развития с 1995 года не выкуплен для музея ни один из домов, непосредственно примыкающих к усадьбе Есениных. Наоборот, сегодня выкупают эти дома частники.

В зданиях барского дома, земской школе, "доме Смирнова" и здании в Клепиках вместо печей "реставраторы" соорудили только декоративные чугунные детали. Поэтому нет никакой вентиляции, что приводит к быстрому обветшанию здания. Именно поэтому через 10 лет после 1995 года стал необходим капремонт барского дома и здания в Клепиках.

Ничего не сделано по воссозданию хозяйственной зоны барской усадьбы. Нет каретного сарая, где должна была быть создана экспозиция "Народные истоки творчества С. А. Есенина". Нет проекта первого барского дома (Гостевого), где должны были разместить фондохранилище. Ничего не сделано на усадьбах Минакова и Дорожкиных. Не выкуплен дом Богомолкина, расположенный рядом на участке, необходимом музею для развития этой зоны.

В 2005 году "современными дизайнерами" экспозиция 1985 г., получившая полное одобрение специалистов и общественности, была изуродована надуманными "комнатами Гусева и кухней Хитрова", что противоречило концепции проекта, принятой Министерством культуры РСФСР. Категорические возражения Е. Д. Михайловой – и мои – против этих безобразий были проигнорированы дирекцией музея. Все дело в том, что огромное число "новых экспозиций" "карманные дизайнеры" обычно делают для зарабатывания денег. "Комнаты Гусева" и "кухня Хитрова" завалены безделушками, одеялами, подушками, салфеточками, занавесками, не имеющими никакого отношения к созданной в 1985 году основной экспозиции, рассказывающей о юношеских годах Сергея Есенина.

Именно в это время Сергей Александрович писал: "Жизнь есть искание и стремление – без них смерть и разложение". Вот это "разложение" безделушек в надуманных "комнатах Гусева" и "кухне Хитрова" и есть смерть экспозиции. При этом была изуродована занавесками и раскрашенными стенами основная экспозиция 1985 года. Кроме того, нельзя с приходом каждого нового директора переделывать литературно-бытовые экспозиции. Но дирекция музея С. А. Есенина тогда провела через Ученый совет программу, в соответствии с которой было предложено сделать "новые современные экспозиции" в барском доме, земской школе в Константиново и в филиале музея в Спас-Клепиках.

...Еще в 1980 году я направил обоснованное обращение в ЦК КПСС о разбазаривании огромных средств Минкультуры на подобные "новые экспозиции". Тогда это обращение принесло некоторую пользу бюджету Минкультуры РСФСР.

* * *

В 2006 году мы обратились к тогдашнему министру культуры А. С. Соколову, руководителю Федеральной службы по надзору за соблюдением законодательства в сфере массовых коммуникаций, связи и охране культурного наследия Б. А. Боярскову и губернатору Рязанской области Г. И. Шпаку с требованием остановить уничтожение экологии культуры Государственного музея-заповедника С. А. Есенина и прекратить разбазаривание средств бюджета, отпущенных на развитие заповедника. После того как рассмотрением этих вопросов занялась прокуратура Рязанской области, З. М. Дикун и Н. С. Сидорова были вынуждены уйти из музея "по собственному желанию". В 2006 году директором музея была назначена Е. Н. Астахова, которая до этого мно-

гие годы работала в музее, затем успешно руководила библиотекой села. При этом важно подчеркнуть, что Е. Н. Астахова коренная жительница села Константиново. Ее дед Н. И. Калинкин учился вместе с С. А. Есениным в сельской школе.

Именно Е. Н. Астахова и зам. по науке К. П. Воронцов приняли активное участие в разработке задания на проект "Корректировки генерального плана музеефикации и комплексного архитектурно-художественного решения территории, зданий, интерьеров и экспозиции музея-заповедника С. А. Есенина", который был создан ООО "ТАМ Гаврилова В. А." и затем был принят Ученым советом и согласован главным архитектором Рязанской области А. И. Тарабановым в 2007 году.

По нашему предложению Институтом урбанистики в Санкт-Петербурге при участии ООО "ТАМ Гаврилова В. А." был создан Генеральный план села Константиново Рыбновского района Рязанской области. Этот проект выполнен в соответствии с генеральным планом музеефикации музея-заповедника С. А. Есенина.

Руководством области было принято решение в первую очередь выполнить архитектурный рабочий проект планировки и застройки въездной зоны в соответствии с проектом "Корректировки Генерального плана музеефикации".

* * *

Казалось, что работа по воссозданию экологии культуры уникального музея-заповедника С. А. Есенина, посещаемость которого вышла на 2-е место среди музеев-заповедников РФ, будет продолжена.

Но в 2008 году избирается новый губернатор области О. И. Ковалев. Мы были убеждены, что работы по развитию заповедника будут успешно продолжены, тем более что губернатор, как мне сообщили, по профессии строитель.

Однако в декабре 2009 г., внезапно для нас, проводится не соответствующая закону "Котировка на проект планировки территории с эскизом застройки въездной зоны села Константиново Рыбновского района Рязанской области". Срок на исполнение проекта был спущен "с потолка" – **14 дней**, а начальная стоимость определена в сумме 450 тыс. рублей.

Такой проект въездной зоны в ансамбле с центральной зоной музея заповедника может быть выполнен не менее чем за шесть месяцев, а стоимость проекта, в котором, кроме планировки территории, необходимо сделать эскизные проекты современного музейного культурного комплекса, торгового центра, гостиницы на 90 мест, решение стоянок транспорта и благоустройства территории в ансамбле с центральной зоной музея и окружающим ландшафтом с учетом охранных зон, **не может быть менее трех миллионов рублей** – в соответствии с существующими нормами на проектирование.

Понятно, что целью этой незаконной "котировки" было обеспечение условий для получения инвестором драгоценных земель в охранной зоне уникального музея-заповедника практически за бесценок, так же, как это сделано в случае с "Речником", "Островом фантазии" в Москве и другими бесчисленными рейдерскими захватами территорий музеев-заповедников по всей стране. При этом инвесторам нужны "карманные зодчие".

Ясно, что будущее музеев, сохранение национального и духовного наследия не волнует современных инвесторов. Их интересует только прибыль. А как это выглядит в нашем случае?

Всю деятельность инвесторов по новой въездной зоне в село Константиново лоббирует Департамент культуры и туризма Рязанской области во главе с Е. Г. Царевой, Г. Н. Соколовой и М. В. Горожановой.

Пожалуй, за 45 лет работы такой безграмотности в вопросах архитектуры, реставрации, реконструкции и создания музейных комплексов интерьеров и экспозиций я еще не видел. При этом поражает высшая степень некорректности, которую позволяют себе эти чиновники по отношению к заслуженным людям – проектировщикам и работникам музея. Особенно безобразно отношение к директору Государственного музея-заповедника Е. Н. Астаховой.

При обсуждении нашего усовершенствованного проекта планировки территории заповедника проекта на расширенном заседании Ученого совета

Е. Г. Царева и Г. Н. Соколова делали все, чтобы проект не был принят, и вели себя крайне некорректно по отношению к авторам проекта и директору музея-заповедника, которая вела это заседание. Они неоднократно прерывали доклад и делали безграмотные замечания по архитектурно-строительным и художественным составляющим проекта. Главной их заботой было предоставить музею во въездной зоне как можно меньше площадей для строительства музейно-культурного центра.

При этом было ясно, что они отстаивают интересы инвестора – компании "Владинвесттур", представители которой были приглашены на совещание.

Ученый совет, тем не менее, принял наш проект! И тогда Е. Г. Царева уволила директора музея-заповедника. Это произошло несмотря на то, что Е. Н. Астахова, которая пользуется уважением коллектива и жителей села, последние два года работала в тяжелейших условиях, когда на выполнение работ в соответствии с принятым и утвержденным "Проектом корректировки генплана музеефикации" не было выделено никаких средств, в том числе на выкуп частных домов, необходимых для сохранения музея.

Кроме того, Е. Г. Царева требовала от директора музея передать часть территории усадьбы Минаковых некоему Сахавату Мамедовичу, которому сейчас принадлежит земля, где расположен его ресторан, принадлежавший изначально райпотребсоюзу. Эта территория находится в самом центре зоны памятника и должна по справедливости принадлежать музею. В 1995 году, например, по нашему предложению сгоревшие постройки бывшего здания магазина райпотребсоюза были переданы музею, и на их месте за месяц было построено по нашему проекту здание Выставочно-торгового центра музея. Добавлю к этому, что до сих пор не выполнен проект регламента застройки села в центральной зоне заповедника и охранных зонах. Нет и границ межевания в этих зонах.

* * *

В 2006 году соответствующими инстанциями Министерства экономического развития и торговли РФ (представительство по Рязанской области) и Управления федерального казначейства по Рязанской области было дано разрешение ООО "ТАМ Гаврилова В. А." на разработку "Проекта корректировки генерального плана музеефикации государственного музея-заповедника С. А. Есенина" в связи с тем, что это единственный подрядчик, обладающий исключительными правами, и отсутствует его равноценная замена.

При этом, нарушая авторские права ООО "ТАМ Гаврилова В. А.", департамент культуры и туризма Рязанской области устраивает котировки на корректировку проекта литературной экспозиции, автором и создателем который является ООО "ТАМ ГАВРИЛОВА В.А.". Те, кто готовят задания по этим котировкам, не имеют необходимого представления о порядке создания экспозиций, совмещенных с решением интерьера на основе сначала тематической структуры, которую разрабатывает музей, а затем тематико-экспозиционного плана, который должен разрабатываться совместно музеем и авторами архитектурно-художественного проекта. Исполнение в натуре экспозиции предоставляется авторам проекта в соответствии с единственными существующими в стране нормами на проектирование и создание экспозиций музея.

То же самое касается проектирования и создания экспозиций, совмещенных с решением интерьера в доме И. Я. Смирнова.

Печально, что эти нарушения действующего законодательства приводят к разбазариванию государственных средств, что уже происходило в музее с 1995-го по 2006 год.

Все вышеизложенное позволяет утверждать, что в настоящее время продолжается убийство экологии культуры уникального Государственного музея-заповедника при активном участии руководителей департамента культуры и туризма Рязанской области Е. Г. Царевой, Г. Н. Соколовой, М. В. Горожановой.

Нами были направлены два письма губернатору Рязанской области О. И. Ковалеву с просьбой рассмотреть проект "Корректировки генерального плана музеефикации" и остановить уничтожение экологии культуры музея-заповедника С. А. Есенина его чиновниками. На оба письма мы получили невразумительный ответ за подписью вице-губернатора В. В. Ионова, который со-

ставлен теми же чиновниками, которых мы требуем призвать к порядку и соблюдению законности. Министерством культуры РФ в июле было также направлено письмо в адрес губернатора Рязанской области. Но на это письмо ответа в министерство до сих пор нет.

Кроме того, в апреле Комитетом по культуре и туризму проведена очередная акция по музею-заповеднику – "конкурс на разработку проектной документации строительства подъездной дороги на территории Государственного музея-заповедника С. А. Есенина в с. Константиново Рыбновского района Рязанской области". Стоимость проекта определена ориентировочно в размере 3 080 000 рублей. На самом деле это не дорога, а одна из главных парковых аллей в центральной охранной зоне заповедника, где расположены усадьбы Минаковых и Дорожкиных, ресторан, открытая эстрада, туалет и кафе. Эта зона должна быть в архитектурном ансамбле с хозяйственной зоной барской усадьбы. Однако в данной зоне до сих пор нет даже четких границ межевания. Точно так же на основе безграмотного задания был в 2001 году сделан проект ввода дороги в село прямо на усадьбу Есениных и к храму. Тогда нам удалось остановить это чудовищное преступление. Сегодня пытаются навязать то же самое... Поневоле возникает догадка: а уж не для того ли упорствуют наши оппоненты, чтобы обеспечить удобный подъезд чиновников и "инвесторов" к служебному входу в ресторан? Именно так в соответствии с подобными безграмотными техническими заданиями уничтожается экология культуры музея-заповедника.

После этого музей объявил еще два безграмотных, не соответствующих требованиям закона заказа на оказание услуг для государственных нужд по разработке проекта по "Благоустройству музея и прилегающих к нему территории и проекта реконструкции домов Минаковых и Дорожкиных". Данные заказы объявлены без учета проекта "Корректировки генерального плана музеефикации" с нарушением авторских прав и другими грубыми нарушениями.

Для того чтобы прикрыть все эти безобразия, срочно был призван из Москвы Б. И. Иогансон, который и занял пост директора Государственного литературного музея-заповедника С. А. Есенина. До этого он работал в музее Востока в Москве, но в изучении творчества С. А. Есенина никаких известных высот не достиг, зато у Бориса Игоревича был знаменитый прадед – Борис Владимирович Иогансон, известный советский живописец, народный художник СССР, действительный член Академии художеств СССР, автор таких известных картин, как "Допрос коммунистов", "Ленин и Сталин – вожди Октября", "Выступление Ленина на 3-м съезде Комсомола" и др.

Руководители комитета по культуре и туризму решили, что можно очевидные безобразия в музее-заповеднике прикрыть именем известного художника России. Но при чем тут правнук художника – совершенно не понятно. Почему нужно из Москвы привозить нового директора в Константиново, а из Касимова – нового директора Научно-культурного центра? Неужели здесь, на родине С. А. Есенина, нет достойных людей, которые могли бы руководить заповедником?

Проект "Корректировки генерального плана музеефикации и комплексного архитектурно-художественного решения территории, зданий, интерьеров и экспозиции музея-заповедника С. А. Есенина" категорически не нужен сегодня чиновникам и "инвесторам", которым в первую очередь необходимы бесценные земли в охранных зонах музея, возможность бесконтрольно разбазаривать деньги бюджета с помощью "карманных" реставраторов, проектировщиков, строителей и дизайнеров. Именно поэтому с 1995 года – за пятнадцать лет – музею не предоставлен высокий статус литературно-мемориального и природного музея-заповедника, а сегодня делается все, чтобы губернатор области О. И. Ковалев никогда не встретился с авторами проекта "Корректировка генерального плана музеефикации и комплексного архитектурно-художественного решения территории, зданий, интерьеров и экспозиции музея-заповедника С. А. Есенина".

Еще в 2008 году упомянутый проект корректировки генерального плана планировалось рассмотреть на коллегии Министерства культуры РФ и принять программу перспективного развития музея-заповедника в соответствии с этим проектом. Но этого так и не было сделано.

Не позволим же убить "экологию культуры" посвященного Есенину заповедника! Не допустим, чтобы хваткие и равнодушные к русской культуре и ее светочам люди погубили, попрали светлую память о солнечном любимце России Сергее Есенине!

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ ШИШАЕВ

Умер Борис Шишаев, наш постоянный автор, замечательный прозаик, душевный человек. Его романы “Лесные братья” и “Время любви” были горячо приняты нашими читателями.

Борис Шишаев из тех провинциальных авторов, которые несли свет Русского Слова в российскую глубинку. Мы верим, что этот свет его произведений останется неиссякаемым.

Редакция журнала “Наш современник”

ЕВГЕНИЙ АНДРЕЕВИЧ НЕФЕДОВ

Внезапно перестало биться сердце нашего друга и соратника, известного русского советского поэта Евгения Нефедова.

Его знала и читала вся современная патриотическая Россия. На протяжении 20 лет он нес бессменную творческую вахту, печатая на восьмой полосе каждого номера газеты “День”, потом “Завтра” острые, как стрелы, политико-поэтические памфлеты и пародии, направленные против воцарившейся в России неправедной антирусской власти. В своих хлестких сатирах он неустанно клеймил сонмище “неких”, разграбивших и унизивших нашу великую страну.

Рожденный в СССР, в шахтерском городке Красный Лиман, что в Донбассе, поэт до конца дней своих славил великую советскую Русь и милую его сердцу неньку Украину, истово веря, что дружба и духовное единство их — святы и нерушимы.

А каким веселым и добрым, каким открытым и чутким он был! Мы радовались и горевали, негодовали и верили — вместе с ним.

Невосполнима утрата. Но смерть все равно бессильна оборвать духовную нить, связующую нас, живых, с ушедшими навсегда друзьями и единомышленниками.

Женя Нефедов так написал в предсмертном своем верлибре:

...Мы временем богаты,
мы все успеем, и не верьте слухам,
что все пройдет, исчезнет все бесследно.
Проходит жизнь.
Бессмертен человек.

Современниковцы

ВЯЧЕСЛАВ ВАЛЕНТИНОВИЧ МОРОЗОВ

Живой и жизнерадостный человек, в прошлом десантник, парашютист, альпинист, жадный не до денег, а до книг, сам талантливый литератор — таким запомнится всем и навсегда Слава Морозов.

В конце восьмидесятых он вывез семью из пылающего гражданской войной Таджикистана и, чтобы заработать на жилье, работал стрингером — брал на себя обязанности иностранных корреспондентов, которые опасались за свою шкуру, и вместо них ездил по всем “горячим точкам”. Рисковать жизнью было для него непременной составляющей жизни. Впечатления тех лет вошли в его повесть “Стрингер”, публиковавшуюся в нашем журнале.

Во второй половине девяностых, в самые тяжелые времена, Морозов работал в “Нашем современнике”, как все мы тогда — за весьма скромную зарплату. Он никогда не жаловался на жизнь, подобно герою его монографии “Генерал ФСБ” Герману Угрюмову, человеку, внесшему наиболее значительный вклад в установление мира в Чечне и самого себя спалившему огнем этой битвы. По следам Угрюмова, работая над книгой, Вячеслав Валентинович объездил всю Чечню. Главы из этой книги тоже публиковались в “Нашем современнике”.

В последний год он работал над книгой размышлений о жизни и смерти, о вечности — в продолжение мыслей святителя Луки (Войно-Ясенецкого).

Тяжелая болезнь в течение года уводила его от нас в могилу. Вячеслав отошел ко Господу, как подобает православному христианину — исповедовавшись и причастившись Святых Таин.

Сотрудники “Нашего современника”